

ГЕТЕ

ГЕТЕ
— —
ЗАПАДНО-
ВОСТОЧНЫЙ
ДИВАН
— —

ЗАПАДНО
ВОСТОЧНЫЙ
ДИВАН

ТЕТЕ ♦ ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

ТЕТЕ
—
ЗАПАДНО-
ВОСТОЧНЫЙ
ДИВАН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

JOHANN
WOLFGANG
VON GOETHE

WEST-
ÖSTLICHER
DIVAN

ИОГАНН
ВОЛЬФГАНГ
ГЕТЕ

ЗАПАДНО-
ВОСТОЧНЫЙ
ДИВАН

Издание подготовили

И. С. БРАГИНСКИЙ, А. В. МИХАЙЛОВ

МОСКВА «НАУКА» 1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
И. С. Брагинский, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин, Д. А. Ольдерогге,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь), Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И. С. БРАГИНСКИЙ

Г $\frac{4703000000-213}{042 (02)-88}$ Без объявления

© Издательство
«Наука», 1988 г.
Перевод, статьи,
примечания

ISBN 5—02—012704—3

Двенадцать книг

МОГАННИ-НАМЕ

Книга певца

*Двадцать лет, как вдох и выдох,
Годы счастья и блаженства.
Как при древних Бармекидах,
Каждый — образ совершенства.*

ХЕДЖРА

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальный
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
⁶ К новой жизни там воскресни.

Там, наставленный пророком,
Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с богом,
Обретал без мук, без боли
¹² Свет небес в земном глаголе.

В мир, где предкам уваженье,
Где чужое — в небреженье,
Где просторно вере правой,
Тесно мудрости лукавой,
И где слово вечно ново,
¹⁸ Ибо устным было слово.

Пастухом броди с отарой,
Освежайся под чинарой,
Караван води песками
С кофе, мускусом, шелками,
По безводью да по зною
24 Непроезжей стороною.

Где тропа тесней, отвесней,
Разгони тревогу песней,
Грянь с верблюда что есть мочи
Стих Хафиза в пропасть ночи,
Чтобы звезды задрожали,
30 Чтоб разбойники бежали.

На пиру и в бане снова
Ты Хафиза пой святого,
Угадав за покрывалом
Рот, алеющий кораллом,
И склоняя к неге страстной
36 Сердце гурии прекрасной.

Прочь, завистник, прочь, хулитель,
Ибо здесь певца обитель,
Ибо эта песнь живая
Возлетит к преддверьям рая,
Там тихонько постучится
42 И к бессмертью приобщится.

БЛАГОПОДАТЕЛИ

Сердоликовый талисман
Тем, кто верит, во благо дан.
Но касайся как святыни
Талисмана, что в рубине,

- ⁵ С ним ни хворь, ни сглаз, ни враг
Не разрушат твой очаг;
И когда в нем тайный знак,
Призывающий аллаха,
В жизнь иль в бой иди без страха.
¹⁰ Талисман такой, нет спора,
Женщин главная опора.

Амулет готовят маги,
Ставя знаки на бумаге,
И вольней сумбур их шальный,
¹⁵ Чем пространство грани малой.
Здесь начертит правоверный
Длинный стих, правдивый, верный,
И мужчины, веря в чары,
Носят их как скапуляры.

- ²⁰ Другое дело — надпись, друзья,
Она есть она — и откроет вам честно,
Что скрыто в ней и что известно.
Все рады хвастнуть: я сказал это! Я!

Лишь в абраксе — так ведется —
²⁵ Мрачных мыслей сумасбродство
И кривлянье до уродства
За величье выдается.
В чем ни лада нет, ни склада,
То считать абраксом надо.

- ³⁰ Трудись же! Скуй кольцо с печатью,
И высший смысл в нее вложи; хоть
перстень мал,
Ты заручился благодатью.
Ты Слово врезал в твердь
и властвовать им стал.

ДУМА О ВОЛЕ

Лишь в седле я что-нибудь да стою!
Лежебоки, где уж вам за мною!
Я промчусь по самым дальним странам,
4 Только звезды над моим тюрбаном.

Велел Он звездам, чтоб зажглись, —
Да светят нам в пути.
Смотри же неотрывно ввысь,
8 Чтоб радость обрести.

ТАЛИСМАНЫ

Богом создан был Восток,
Запад также создал бог.
Север, Юг и все широты
4 Славят рук его щедроты.

Справедливый и всезрящий,
Правый суд над всем творящий,
В сотнях ликов явлен нам он.
8 Пой ему во славу: «Amen!»

Сбил с пути меня лукавый,
Ты ж на путь наставил правый.
Дай мне правое упорство
12 На дела, на стихотворство.

Пусть я предан весь земному,
Это путь к великому, святому.
Дух — не пыль, он в прах не распадется.
16 Став собой самим, он к небу рвется.

В дыханье кроется благо двойное:
Одно — это вдох и выдох — другое.
И выдох стеснит, а вдох обновит.
20 Вся жизнь — это смесь, чудная на вид.
Спасибо Творцу, когда он тебя гнет,
Спасибо, когда он снимает свой гнет.

ЧЕТЫРЕ БЛАГА

Арабам подарил Аллах
Четыре высших блага,
Да не иссякнут в их сердцах
4 Веселье и отвага.

Тюрбан — для воина пустынь
Он всех корон дороже.
Шатер — в пути его раскинъ,
8 И всюду кров и ложе.

Булат, который тверже стен,
Прочней утесов горных,
И песню, что уводит в плен
12 Красавиц непокорных.

Умел я песнями цветы
Срывать с их пестрой шали,
И жены, строги и чисты,
16 Мне верность соблюдали.

Теперь — на стол и цвет и плод!
Для пира все готово,
И тем, кто поученья ждет,
20 Предстанет свежим Слово.

ПРИЗНАНИЕ

Что утаить нам трудно? Пламя.
Днем на земле выдает его дым,
Ночью — зарево под небесами.
Трудно тому, кто любовью томим:
5 В сердце от мира утаена,
Открыто в глазах засверкает она.
Но стих утаить — трудней всего;
Не запихнешь под спуд его.
Ведь песня, что от сердца спета,
10 Владеет всей душой поэта.
Стихи напишет гладко он,
Чтоб миром труд был оценен,
И, рад ли встречный иль зевает,
Он всем в восторге их читает.

СТИХИИ

Чем должна питаться песня,
В чем стихов должна быть сила,
Чтоб внимали им поэты
4 И толпа их затвердила?

Призовем любовь сначала,
Чтоб любовью песнь дышала,
Чтобы сладостно звучала,
8 Слух и сердце восхищала.

Дальше вспомним звон стаканов
И рубин вина багряный, —
Кто счастливей в целом мире,
12 Чем влюбленный или пьяный?

Дальше — так учили деды —
Вспомним трубный голос боя,
Ибо в зареве победы,
16 Словно бога, чтут героя.

Наконец, мы сердцем страстным,
Видя зло, вознегодуем,
Ибо дружим мы с прекрасным,
20 А с уродливым враждуем.

Слей четыре эти силы
В первобытной их природе —
И Хафизу ты подобен,
24 И бессмертен ты в народе.

СОТВОРЕНИЕ И ОДУХОТВОРЕНИЕ

Адама вылепил господь
Из глины, сделал чудо!
Была земля, а стала плоть —
4 Бездушная покуда.

Но вдули в ноздри Элохим
Ей дух — всему начало,
И чем-то стал чурбан живым:
8 Оно уже чихало.

Но и чурбан с душой пока
Был все ж получурбаном.
Тут Ной наставил простака:
12 Снабдил его стаканом.

Хлебнул облом — и хоть летай!
Пошло тепло по коже.

Вот так же всходит каравай,
16 Едва взыграли дрожжи.

И так же твой, Хафиз, полет,
Пример твой дерзновенный,
Под звон стаканов нас ведет
20 Во храм творца Вселенной.

ФЕНОМЕН

Чуть с дождевою стеной
Феб обручится,
Вдруг семицветной каймой
4 Мир окружится.

Так и в тумане вдруг
Волею Феба
Вспыхнет белесый круг —
8 Тоже вокруг неба.

Не унывай же, старик
Белоголовый,
Вспыхнешь в блаженный миг
12 Нежностью новой.

ЛЮБЕЗНОЕ СЕРДЦУ

Все слилось в узоре пестром —
Небо, скал окружных грани.
Стал незрячим бывший острым
4 Взор мой в утреннем тумане.

Иль везир для жен любимых
Склон горы покрыл шатрами?

Иль на свадьбе у султана
8 Шумный пир цветет коврами?

Красный, белый, попережку!
Звезды, брызги — так красиво!
Ну, Хафиз, на Север мрачный
12 Как пришло Шираза диво?

Это маки полюбовно
Расселились на поляне
И соседствуют бескровно,
16 К посрамленью бога брани.

Мудрый скрасит и в пустыне
Сушь песков цветами, дерном,
И блеснет ему, как ныне,
20 Солнца луч в пути неторном.

РАЗЛАД

Манит флейтой Эрот
В темные чаши.
В поле трубит поход
Арес грозящий.
5 Сердце бы в плен взяла
Нежная сила,
Если б труба не звала,
Смерть не трубила.
Флейта спорит с трубой,
10 Гром барабана!
Весь я в разладе с собой,
Это ли странно?
Флейта чарует, маня,

Трубы ярятся.
15 Бешенство душит меня.
Что ж удивляться?

В НАСТОЯЩЕМ — ПРОШЛОЕ

В блеске утра сад росистый,
Роз и лилий ароматы,
А подальше — старый, мшистый,
Тихо спит утес косматый.
Лес приветливый у склона,
Замок ветхий на вершине,
И вершина примиренно
8 Наклоняется к долине.

Пахнет так, как там, где юны
Были мы, где мы любили,
Где моей кифары струны
Зорь соперницами были.
Где под песню птицелова
Чаща тихо шелестела,
Где, свежо и бодро снова,
16 Сердце брало, что хотело.

Лес не старится с годами,
Но и вы не старьтесь тоже,
Дайте жизнью вслед за вами
Насладиться молодежи.
И никто вас бранным словом
«Себялюбец» не обидит.
В каждом возрасте дано вам
24 То, в чем мудрый счастье видит.

День угас, но с этой верой
Я несу Хафиза людям:
Радость жизни полной мерой
С жизнелюбом пить мы будем.

ПЕСНЬ И ИЗВАЯНЬЕ

Пусть из глины грек творит,
Движим озареньем,
И восторгами горит
4 Пред своим твореньем, —

Нам глядеть милей в Евфрат,
В водобег могучий,
И рукою поводить
8 В глубине текучей.

Если грудь огнем полна,
Будет песня спета;
Примет формы и волна
12 Под рукой поэта.

ДЕРЗОСТЬ

Как же выходит в конце концов,
Что человек исцелится?
Каждый звукам внимать готов,
4 Лишь бы им песнею литься.

Все отмети, что мешает в пути,
Коль не во тьму он, а к свету!
Прежде чем выйти и спеть и уйти,
8 Надо ведь жить поэту!

Пусть этой жизни медный звон
В сердце найдет отраженье!
Если чем-то поэт угнетен,
12 Сам сотворит утешенье.

ГРУБО, НО ДЕЛЬНО

Да, поэзия дерзка!
Что ж бранить меня?
Утоляйте жар, пока
4 Кровь полна огня.

Если б горек был и мне
Жизни каждый час,
Я бы скромным стал вдвойне,
8 Поскромнее вас.

Вот с девицей, это да,
Здесь уж не обидь!
Мил и скромнень будь всегда,
12 Грубых — как любить?

Скромно слушай мудреца,
Ибо знает он
От начала до конца
16 Тайны всех времен.

Да, поэзия дерзка,
Балуй с ней вдвоем,
А подружку иль дружка
20 После позовем.

Ты! монах без клобука!
Что ты все грозишь?

Кокнуть можешь старика,
24 Скромным сделать — шиш!

Ведь от вас, от пошлых фраз —
Все вы пошляки! —
Удирал я сотни раз,
28 Портя башмаки.

Если мелют жернова,
Мастер, выдай стих!
Кто поймет твои слова —
32 Не осудит их.

ЖИЗНЬ ВО ВСЕМ

Пыль — стихия, над которой
Торжествует стих Хафизов,
Ибо в песнях о любимой
4 Он бросает праху вызов.

Ибо пыль с ее порога
Лучше всех ковров оттуда,
Где коленями их чистят
8 Прихлебатели Махмуда.

Вкруг ее ограды ветер
Пыль взметает неуклюже,
Но, пожалуй, даже роза,
12 Даже мускус пахнет хуже.

Пыль на Севере была мне
Неприятна, скажем честно.
Но теперь, на жарком Юге
16 Понял я, что пыль прелестна.

Как я счастлив был, чуть скрипнут
Те заветные воротца!
Исцели, гроза, мне сердце,
20 Дай с невзгодой побороться!

Если грянет гром и небо
Опояшет блеск летучий,
Дождь прибьет, по крайней мере,
24 Пыль, клубящуюся тучей,

И проснется жизнь, и в недрах
Вспыхнет зиждущая сила,
Чтобы все цвело и пахло,
28 Что Земля в себе носила.

БЛАЖЕННОЕ ТОМЛЕНИЕ

Скрыть от всех! Подымут травлю!
Только мудрым тайну вверьте:
Все живое я прославлю,
4 Что стремится в пламень смерти.

В смутном сумраке любовном,
В час влечений, в час зачатья,
При свечи сиянье ровном
8 Стал разгадку различать я:

Ты — не пленник зла ночного!
И тебя томит желанье
Вознестись из мрака снова
12 К свету высшего слиянья.

Дух окрепнет, крылья прянут,
Путь нетруден, не далек,

И уже, огнем притянут,
16 Ты сгораешь, мотылек.

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
20 На земле суровой.

И тростник творит добро —
С ним весь мир прелестней.
Ты, тростник, мое перо,
Подари нас песней!

ХАФИЗ-НАМЕ

Книга Хафиза

Как невеста, Слово ждет,
Дух — его жених;
Брак их знает, кто поет,
О Хафиз, твой стих.

ПРОЗВИЩЕ

Поэт

Почему народ Ирана
Мохаммеду Шемсэддину
Имя дал — Хафиз?

Хафиз

Причину

Я открою. Текст Корана
5 Я, слуга его ревнивый,
Вверил памяти счастливой
И от слова и до слова
Помню и блюду сурово.
Хоть постыдно наше время,
10 Общий дух того не губит,
Кто, как я, пророка любит,
Чтит его завет и семя.
Оттого Хафизом всеми
Прозван я.

Поэт

И в том причина
15 Мне прослыть Хафизом тоже.
Там, где мнение всех едино, —

Все во всем друг с другом схожи.
И с тобой одно мы оба.
Взял и я из книг священных
20 Дивный лик, чтоб он до гроба
В недрах духа сокровенных
Жил, как светлый дух Владыки
Жив на плате Вероники,
Чтоб являл, мой дух покоя,
25 Средь неверья, средь разбоя
Образ веры многоликой.

ЖАЛОБА

Знаешь — в нашей вечной круговерти —
Где, кого подстерегают черти?
И какой для них момент пригодней,
Чтоб тащить нас в бездну преисподней?
5 Им по вкусу лжец, а то злодей.

Но поэт — зачем таких людей
Он не избегает, раб господний?

С кем он ходит, бродит — тот не тужит.
Кто, творя, с самим безумьем дружит
10 И кого все близкие, родные
Гонят в беспредельности пустые
На песке писать слова святые,
Чтобы стерт был ветром стих, —
Слов не понимает он своих,
15 Сделать, как сказал, не может.

Но сердца он песней жжет и гложет,
Хоть иное говорит Коран.

Так учите вы, народ ученый,
Благочестью, мудрости законной,
20 Долгу — правоверных мусульман.

От Хафиза может желчь разлиться,
От Мирзы к безверью дух стремится.
Как тут быть и чем оборониться?

ФЕТВА

Облик поэтический Хафиза
Восхищает полнотою правды,
Но порою в частностях выходит
Он из рамок строгого закона.
5 Чтоб идти уверенно, должны мы
Яд змеиный отличать от меда,
Благородным, чистым наслажденьям
Предаваясь радостно и смело,
Всех других, грозящих мукой вечной,
10 Избегать душою просветленной.
Вот, бесспорно, путь, ведущий к благу.
Так Эбусууд смиренный пишет, —
Бог прости бедняге прегрешенья!

НЕМЕЦ БЛАГОДАРИТ

Ты, святой Эбусууд, бил в точку!
Вот таких святых поэт и любит.
В мелочах как раз такого рода,
Выходящих из границ закона, —
5 То наследье, где пока свободно,
Дерзкий, даже в горестях веселый,
И дышать и двигаться он может.

Злейший яд и лучшее лекарство —
Для него почти одно и то же,
10 Этот не убьет, а тот не лечит.
Ибо к жизни подлинной причастен
Только тот, чьи действия безгрешны,
Кто себе лишь повредить способен.
И тогда у старого поэта
15 Есть надежда, что для райских гурий
Просветленным юношей он станет.
Ты, святой Эбусууд, бил в точку!

ФЕТВА

В творенья Мизри погруженный всецело,
Читал их муфти листы за листами
И каждый кидал безжалостно в пламя.
Красивая книга дотла сгорела.
5 «Вот так же, — воскликнул законов
блюститель, —
Любого, кто верит в Мизри, я сожгу.
Его одного я сжечь не могу
Затем, что поэта творит Вседержитель.
И если дар свой пустил тот прахом,
10 Пусть сам разбирает свой грех с Аллахом».

БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ

Не знаешь ты конца, и тем велик.
Как вечность, без начала ты возник.
Твой стих, как небо, в круговом
движенье.

Конец его — начала отраженье,
И что в начале и в конце дано,
6 То в середине вновь заключено.

Таинственно кипит, не остывая,
В тебе струя поэзии живая.
Для поцелуев создан рот,
Из чистой груди песня льется,
Вина всечасно горло ждет,
12 Для блага ближних сердце бьется.

И что мне целый мир? Судьбою
Тебе да уподоблюсь я!
Хафиз, мы будем как друзья!
Сквозь боль и радость бытия,
Любовь и хмель пройду с тобою,
18 И в этом счастье — жизнь моя.

Но будь неповторимо, Слово,
Ты старше нас, ты вечно ново!

ВТОРЕНИЕ

Пускай я весь — твое лишь отраженье,
В твой ритм и строй хочу всецело влиться,
Постигнуть суть и дать ей выраженье,
А звуки — ни один не повторится,
Иль суть иную даст их сопряженье,
6 Как у тебя, кем сам Аллах гордится.

И как сгорает в пламени столица,
Как искорка растет пожаром грозным,
И он, гудя, по улицам стремится,

Она ж потухла, мчась к орбитам звездным,
Так немцу свежесть сил первотворенья
12 Ты, Вечный, дал для вечного горенья.

Найденные ритмы обольщают,
И талант им радуйся, пиши!
Но назавтра всех нас отвращают
Эти полумаски без души.
Радости они не обещают,
18 Разве только новых форм творец
Мертвым формам сам кладет конец.

ОТКРЫТАЯ ТАЙНА

Они, Хафиз, называли
Мистическим твой язык.
Но где тот блюститель слова,
4 Что Слова ценность постиг?

Мистическим был ты для них,
Тебя по-дурацки читавших,
В великом имени свой
8 Нечистый хмель увидавших.

Мистически чистый весь,
Ты ими всего лишь не понят.
Не набожный, ты блаженствуешь
днесь,
12 И за это они твою славу хоронят.

НАМЕК

- Да, я их браню, и все ж они правы:
Ведь слово не просто, и это всегда вы
Обязаны помнить, вы с этим знакомы.
Слово — как веер! В его проемы
5 На вас красивые глазки глядят.
А веер — как флер, прикрывающий взгляд.
Я, правда, не вижу лица самого,
Но девушка не скрыла его.
В ней лучшее, — знает, поди, егоза, —
10 Глаза, — а они-то мне смотрят в глаза.

ХАФИЗУ

- Все ищут — ты нашел закон,
Постиг земной порядок:
В плену страстей и прах и трон,
4 Но плен жестокий сладок.

- И пут не рвут — всему черед:
И лечит он и ранит.
Тот шею невзначай свернет,
8 А тот нахалом станет.

- Не ставь, Учитель, мне на вид,
Коль не попадотвечу,
Когда замечу, что спешит
12 Мой кипарис навстречу

- И, к почве ластясь, башмачок,
Как корешок, крадетсЯ.
А взгляд, а речь! Тут сам Восток
16 Прозрачной вязью вьется!

Ты чувствуешь? Прижать лицо
К волне кудрей смелее,
Где ветер локонов кольцо
20 Развил у щек и шеи!

Как ясен лоб, как нежен рот,
И кто ж не умилится!
От песни радостной начнет
24 Сама душа молиться.

А губы так манят — нет сил;
Но что, скажи, нелепей:
Ты вдруг свободу получил,
28 Но получил и цепи!

Вдохнешь — и не вдохнуть назад,
Душа к душе стремится,
И счастья тонкий аромат
32 Незримо в грудь струится.

Ты весь в огне! Теперь вина!
Где мальчик? Я пирую!
И чару первую — до дна!
36 Скорей на стол вторую!

Он ждет, он внемлет, он притих:
Ты пьяный — совершенней.
Он понял высший смысл твоих
40 Глубоких поучений.

Он зрит, как мира строй высок,
Его душа — в зените.
Грудь крепнет, над губой пушок,
44 Он юноша — взгляните!

А ты — ты обнял все вокруг,
Что есть в душе и в мире,
Кивнув мыслителю, как друг,
48 Чья мысль и чувство шире.

Ты, чтоб везир иль шах от нас
Не утаили клада,
И перед троном в добрый час
52 Даешь совет что надо.

Рожденный все и знать и петь,
На свадьбе ли, на тризне,
Веди нас до могилы впредь
56 По горькой, сладкой жизни.

ЭШК-НАМЕ

Книга любви

«Открой,
Чем сердце томится мое!»

«Любовь — с тобой,
Береги ее!»

ОБРАЗЦЫ

- Шесть пар помяните
И в сердце храните.
Образ зажег, разжигает судьба, —
Это Рустам и Рудоба.
- ⁵ Хоть незнакомы — шаг до греха,
Это Юсуф и Зулейха.
Мука любви без любовных отрад, —
Это Ширин и Ферхад.
- ¹⁰ В мир друг для друга пришли, —
Это Меджнун и Лейли.
Старость идет, но любовь их верна, —
Это Джемиль и Ботейна.
- А любовь и ее забавы —
Царь Соломон и царица из Савы,
- ¹⁶ Если их помнишь через века,
Будет любовь вовеки крепка.

И ЕЩЕ ЧЕТА

Большая заслуга — любовь, и другой
Не будет награды такой дорогой.
Не стал ты силен, не стал ты богат,
А все же славнейшим героям ты брат.

- 5 Вамик и Азра! — по прихоти рока
Их знают все, как знают Пророка.
Сказать о них — что же? Судьба их темна.
Но помнят все их имена.
Забыты их дела и дни,
10 Но знают все, что любили они.
Все знают от мала до велика
О страсти Азры и Вамика.
-

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

- Книга книг — любовь, и в мире
Книги нет чудесней.
Я читал ее усердно.
Радости — две, три странички,
5 Много глав — разлука.
Снова встреча — лишь отрывок,
Маленькая главка.
Целые тома печали
С приложением объяснений
10 Долгих, скучных, бесполезных.
Низами! — Ты в заключенье
Все же верный ход нашел.
Кто решит неразрешимое?
Любящие — если снова
15 Вместе и навеки.
-

- Были губы, взор — она влекла
И целуя, и лаская.
Ножки стройны, грудь бела,
Были упоенья рая.
5 Были? — Да. — В каком краю?

В том! Вошла, околдовала,
Отдалась — и жизнь мою
К сновиденью приковала.

ПРЕДОСТЕРЕГАЯ

Был и я в плену волос,
Бредил ими смладу.
Как и ты, Хафиз, твой друг
4 Знал любви усладу.

Но сплетают косу те,
Кто длинноволосы.
В битвах юной красоте
8 Шлемом служат косы.

И, опомнясь, все бегут,
Зная козни эти.
Но бегут из тяжких пут
12 В ласковые сети.

ПОГРУЖАЯСЬ

В кудрях — как в нимбе. И когда в тиши
Любимую на сердце я покою,
Перебирая кудри ей рукою —
Я обновлен до глубины души.
5 Целую губы, щеку или бровь,
И вновь рожден, и ранен в сердце вновь.
А пятизубый гребень что ж без дела?
Ему бы в кудри погрузиться смело!
Ушко в игру вовлечено,
10 Так бестелесно, так бесплотнo,

Но к ласке клонится охотно.
Когда ж волос ее руно
Волнуешь, их перебирая —
Игра для вечности, для рая!
15 Хафиз, и ты играл не раз,
И мы играем в добрый час.

РИСКУЯ

Что ж, твоим смарагдам снова
И перстам хвалу начать?
Часто нужно молвить слово,
4 Чаще надо промолчать.

Коль скажу я, что для зренья
Лучший цвет — зеленый цвет,
Не пугай, что нет спасенья
8 От каких-то страшных бед.

Все ж тебе читать бы надо:
Чем могущественна ты?
«Ведь в тебе не меньше яда,
12 Чем в смарагде — доброты!»

Ах, голубка, в книге тесной
Песни пленницами стали,
Те, что в шири поднебесной
И парили, и летали.
5 Время губит все в подлунной,
Только им прожить века.
Как любовь, пребудет юной
Песни каждая строка.

ПЛОХОЕ УТЕШЕНЬЕ

В полночь рыдал и стонал я,
Что нет тебя со мною,
Но призраки ночи пришли,
И стало мне стыдно.
5 «Ночные призраки, — вскрикнул я, —
Смотрите, стенаю и плачу —
Я, тот, кого вы видали
Всегда спокойно спящим.
Великим дарам я не рад,
10 Но не считайте глупым
Того, кто считался мудрым».
Великий урон испытал я!
Но призраки ночные,
Немалое подивившись,
15 Проплыли мимо.
Глупец я или мудрец —
Было им так безразлично!

ДОВОЛЬСТВУЯСЬ МАЛЫМ

«Да что за связь — уразумей!
Любовь — и девица, что стала твоей.
Вот я бы не радовался нисколько:
4 Она тебе льстит умело — и только!»

Поэт

А мне и довольно — ведь я уже стар,
И мне извиненье — простой расчет:
Любовь, конечно, свободный дар,
8 А лссть от преклоненья идет.

ПРИВЕТ

- О, как я счастлив!
Брожу по стране,
Где и Хут-хута можно встретить.
Ищу на камнях отпечатки
5 Раковин древнего моря.
Здесь-то и бегал Хут-хут,
Распуская свой венчик,
Задорно красуясь,
Живой
10 Шутя о покойниках тонко.
«Хут-хут, — сказал я, — и вправду
Ты очень красивая птица.
Беги скорей, Удад,
Беги к моей любимой.
15 Скажи ей, что я
Принадлежу ей навеки.
Ведь бегал же ты когда-то,
Словно хороший сводник,
От Соломона к царице Савской
20 И от нее к Соломону».
-

СМИРЕНИЕ

«Ты весь истерзан и весел вновь,
Поешь, как пел искони».

Поэт

- И мне и песням враждебна любовь.
Мне в эти тяжелые дни
5 Так тяжки любовные речи.
Не так ли горящие свечи
И светят, и тают, — взгляни!

- Искала любовная боль забытье,
Хотела забыться в пустыне.
10 Нашла опустевшее сердце мое
И в нем угнездилась отныне.
-

НЕИЗБЕЖНОЕ

- Кто вольной пташке прикажет
Не петь, облетая поля?
И кто запретит трепыхаться
4 Овце под рукой стригалы?

Когда мне шерсть остригают,
Я разве бываю сердит?
8 Сержусь я лишь, если цирюльник
Испортит стрижкой мой вид.

И кто ж запретит мне песни
Лазурной петь вышине,
Лишь облакам доверяя,
12 Как больно ты сделала мне?
-

СОКРОВЕННОЕ

- О глазах моей любимой
Мир толкует и судачит.
Я один, я точно знаю,
4 Знаю все, что взгляд их значит.

Это значит: вот мой милый,
А совсем не тот, который.
Люди добрые, оставьте
8 Ваши сплетни, ваши споры!

Да, в необоримой силе
Глаз ее — одно желанье:
Чтоб любимый догадался,
12 Где, когда у них свиданье.

САМОЕ СОКРОВЕННОЕ

«Мы, любители клубнички,
Ищем, кто твоя зазноба,
Сколько дядей приобрел ты,
4 А верней сказать, вы оба?»

Ибо то, что ты влюбился,
Видно с первого же взгляда.
Но что ты любим — вот это
8 Нам еще проверить надо».

Люди добрые, ну что вы!
Вход ей вольный, не взыщите!
Нет ее — вы чтите призрак,
12 Есть она — вы все дрожите.

Но Шехабэддин недаром
Снял бурнус на Арафате,
И не глуп, кто так поступит,
16 Если это будет кстати.

Коль по имени кого-то
Пред его любимой кликнешь,
Или перед царским тронном,
20 То уж выше нет почета.

Был предсмертный крик Медждуна
Криком боли нестерпимой:
«Вы мое забудьте имя
24 Пред Лейли, моей любимой».

ТЕФКИР-НАМЕ

Книга Размышлений

Советов лиры не упусти,
Они одаренным приносят успех,
Но гения слово и то не в чести,
Когда тугоухий решает за всех.
«Что ж лира?» Ее наука проста:
В невесте не лучшее красота,
Но к нам приходи с пониманием ясным,
Что лучшее кроется только в прекрасном.

ПЯТЬ СВОЙСТВ

Пять свойств не ладят с другими пятью.
Внимательно заповедь слушай мою:
С Надменностью Дружба не может
сродниться,
От Грубости Вежество не родится,
Величия мы у Злодейства не ищем,
Скупец не подаст убогим и нищим,
Для Веры и Верности Ложь не опора,
Все это усвой — и храни от вора.

И ЕЩЕ ПЯТЬ

Что убыстрит мне время?
Забот бремя.
Отчего ж ему нет конца?

Завелась ленца.
5 Почему в карманах пусто?
Дел не густо.
Как в вынгрыше быть?
Трудиться, не ныть.
Как славу снискать?
10 Толкаться, не спать.

Сердцу мил зовущий взгляд подруги,
Мил еще не пьяный взгляд пьянчуги,
Взор владыки, милости сулящий, —
Луч осенний, из-за туч глядящий.
6 Но рука, что благородной дланью
Тянется и к малому даянью,
Тронет всех. О, жест красноречивый!
Влажный взор, признательно-счастливый!
Их увидя, в руку снова вложишь,
10 Не даря и жить уже не сможешь.

То, что «Пенд-наме» гласит,
В сердце, друг, прими без спора,
И того, кому даешь,
Как себя, полюбишь скоро.
6 Дай хоть малость, не жалей,
Не копи до смерти злато.
Настоящий день милей
Всех упущенных когда-то.

Скача мимо кузни на стыке дорог,
Не знаю, когда подкуют мне коня.
Не знаю, завидя вдали хуторок,

- Не зреет ли девушка там для меня.
5 Вот юный красавец идет. Кто кого?
Меня ль он осилит, я ли его?
Мы знаем только, что кисть винограда
Дает человеку то, что надо.
И вот ты на поприще вышел земное.
10 Охоты нет повторять остальное!
-

- Чти незнакомца дружеский привет
И радуйся, как встрече с верным другом!
Лишь краткая беседа — и прощай!
Ты на восток, а он, глядишь, на запад.
5 Лишь через много лет пути скрестятся.
Какая неожиданная радость,
И оба вы кричите: это я!
Как будто вы не странствовали столько
И столько раз не возвращалось солнце.
10 Меняйтесь же товарами и прибылью
Делите, новый заключив союз
И закрепляя старое доверье.
Привет наш первый стоит многих тысяч.
Всем отвечай на дружеский привет!
-

- Велики твои изъяны,
Люди говорят,
И их доводы пространны
И верны стократ.
5 О хорошем, да о добром
Пусть поговорят,
К достижению благого
Пусть нас поощрят,

Так, конечно, голос блага
10 Будет мною внят,
Есть ведь цель, куда отвага
С честностью глядят.
Ныне избран я тобою,
И печаль утрат
15 Нас в раскаянье порою
Учит, кто же свят.

Покупай! — зовет майдан.
Что же опыт — зря нам дан?
В мире тихом осмотрись,
Лишь любовь уносит ввысь.
5 Ты стремишься днем и ночью
Слышать, знать, узреть воочью,
Но, чтоб знать хоть в малой мере —
У другой послушай двери.
Если истины ты ждешь,
10 В боге истину найдешь.
Кто в любви и чист и строг,
Тех, любя, отметит бог.

Когда я честным был,
Всегда нуждался.
Страдал, удачи ждал
И не дождался.
5 Меня ценили в грош,
Вот вам беда-то!
Решил я: буду красть,
Но жить богато.
Нагоревался всласть
10 Без результата.

Так лучше честным быть,
И это точно.
Хоть горше, спору нет,
Зато уж прочно.

Не шуми ты, как, откуда
Очутился в божьем граде.
Проскочил — случилось чудо,
4 Так молчи себя же ради.

Взвесь, кого тут мудрым славят,
Кто верха и заправила,
Этот вмиг тебя наставит,
8 Те — твои направят силы.

Будешь стражем общих истин,
Верным долгу, нужным власти,
И не станешь ненавистен,
12 Будешь люб верховной касте.

Государь, довольный жаром,
К пользе дела скажет слово,
А тогда в привычном, старом
16 Насаждай и то, что ново.

Откуда я пришел сюда? Не знаю,
Свой путь земной едва ли вспомню я.
Я здесь! И ныне, в день веселый мая
Сошлись Любовь и Радость, как друзья.
5 О, счастлив, в ком они соединятся!
Один, кто может плакать, кто смеяться?

Одно приходит за другим,
А за другим — другое.
Иди же смел, неколебим,
Сквозь торжище людское.
⁵ Порой удержишься, сорвешь
Цветок во славу божью;
Но знай: далеко не пойдешь,
Коль соблазнишься ложью.

К женщине снисходителен будь!
Она, из кривого ребра возникая,
Не получилась у бога прямая:
Ломается, чуть начнешь ее гнуть.
⁵ Не тронешь — совсем искривится, и точка!
Да, братец Адам, дал нам бог ангелочка!
К женщине снисходителен будь:
Ребро не домай и не гни — в этом суть.

Жизнь — шутка, скверная притом,
Тем — ничего, тем — полный дом,
Тот — малый, тот — большой едок,
Тому везет, а тот не смог.
⁵ А коль беда, так уж тогда
Терпи — на это нет суда —
И вот наследникам отрада:
В гробу наш друг Давай-Ненадо!

Жизнь — это та ж игра в гусек!
Уже, вперед шагая,

Игрок от цели недалек,
4 Но цель-то, цель какая?!

Вот говорят, что глуп гусак,
Но их оклеветали.
Он обернулся — это знак,
8 Чтоб я ни шагу дале.

А в мире как? — Сквозь кучу дел
Всех так вперед и тянет,
Но оступился, полетел —
12 Никто ведь и не взглянет.

«Все, ты сказал мне, погасили годы:
Веселый опыт чувственной природы,
О милом память, о любимом вздоре,
О днях, когда в безбрежном просторе
5 Витал твой дух, — ни в чем, ни в ком
отрады:

Не радуют ни слава, ни награды,
Нет радости от собственного дела,
И жажда дерзновений оскудела,
Так что ж осталось, если все пропало?»

10 «Любовь и мысль! А разве это — мало?»

Встреча с тем всегда полезна,
В ком таится знаний бездна.
Ты в беде, тебе не сладко —
Вмиг он скажет, в чем нехватка,
5 И сочувствует, вникая,
Как стряслась беда такая

Кто щедр, тот будет обманут,
Кто алчен, с того и потянут,
Понятливый с толку собьется,
В разумном дурь заведется,
5 Кто зол — обойдут за милю,
Зацапают простофилю.
Но лжи поддаваться негоже:
Обманут — обманывай тоже.

Хвалит нас или ругает
Тот, кто правит нашим кругом,
Это все в конечном счете
4 Безразлично верным слугам.

Зря бранит — имей терпенье,
Зря похвалит — вторь владыке,
Будь в хорошем настроенье,
8 Будешь первым в ближней клике.

Так, вельможи, перед богом
Вы должны хранить смиренность,
И страдайте, если надо,
12 Но — в хорошем настроенье.

ШАХУ СЕДЖАНУ
И ЕМУ ПОДОБНЫМ

И радость во дворцах,
И гром музыки,
Тебе, наш мудрый шах,
Восторга клики.
5 С тобою чужд нам страх,

Живи во славе!
И жигь и цвєсть в веках
Твоей державе!

ВЕЛИЧАЙШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ

Молодой, неугомонный,
Господина я нашел,
А с годами, укрощенный,
Госпожу свою нашел.
5 Они верности искали
И во мне ее нашли,
Меня перлом называли,
Что негаданно нашли.
10 Под двойной господской властью
В жизни счастье я нашел,
В господах своих участие
Я к судьбе своей нашел.
Светят мне звезда и счастье,
Я искал их и нашел.

Фирдоуси

говорит:

О мир! Как ты бесстыден и зол!
Ты кормишь, растишь и убьешь, обделив.

Лишь тот, кто божью милость обрел,
И вскормлен и вспоен, богат и жив.

Но в чем же богатство? Коль солнца мы
ищем,

Так солнце и нищим дарует отраду.
И вы, богачи, подавляйте досаду:
На счастье дана независимость нищим!

Джелалэддин Руми

говорит:

Остановись — и мир летит как сон.
Скажи — твой путь судьбой определен.
Жара ли, холод — кто их заарканит?
Расцвел цветок? Скорей сорви — он вянет.

Зулейка

говорит:

Я в зеркале — красавица, а ты
Пугаешь: старость, мол, не за горой.
Но в боге вечны сущего черты,
Так в юной — бога ты во мне открой.

РЕНДЖ-НАМЕ

Книга Недовольства

«Где ты набрал все это?
Увидел? Слышал где-то?
Как сделал, всем на диво,
Из мелких дрязг огниво
И от житейских бредней
6 Раздул огонь последний?»

Нет, не об хлам дворовый
Огонь я высек новый.
Мой путь лежал сквозь дали,
Где звезды полыхали,
И я не заблудился,
12 Я только вновь родился.

В степи, где гурт овечий
Седой, широкоплечий
Старик-пастух обходит
И важно обиходит, —
Мне ум и сердце грело
18 Его простое дело.

В дороге беспокойной
Средь гор, в ночи разбойной,
Погонщики с красивой
Осанкою спесивой,
Истошный рев верблюжий —
24 Все ум вбирал досужий.

Так шло, как всюду в мире,
Все выше, дальше, шире,
В надежде утоленья,
Как наши все стремленья, —
К полоске моря синей,
30 К миражу над пустыней.

Где рифмач, не возомнивший,
Что второго нет такого,
Где скрипач, который мог бы
4 Предпочесть себе другого?

И ведь правы люди эти:
Славь других — себя уронишь,
Дашь другому жить на свете,
8 Так себя со света сгонишь.

И немало мне встречалось
Разных лиц, высоких чином,
Коим спутывать случалось
12 Кардамон с дерьмом мышиным.

Прежний для спасенья чести
Новую метлу порочит,
Новая метла из мести
16 Старой честь воздать не хочет.

И народы ссорит злоба
И взаимное презренье,
А того не видят оба,
20 Что одно у них стремленье.

Тот, кто в самолюбование
Обвинял других сурово,

Меньше всех был в состоянье
24 Пережить успех другого.

Кто весел и добр и чей виден полет,
Того соседи чураются.
Их мучает: трудится, дескать, живет!
Побить камнями стараются.
5 Но только умри, еще гроб не закрыт,
Объявят подлиску, и вскоре
Красивый памятник стоит —
Награда за все твое горе;
Тщеславье черни — ощутить,
10 Что власть ее — навеки;
А лучше было б им забыть
О добром человеке.

Власть — вы чувствуете сами —
Вечна в этом мире странном;
Я люблю и с мудрецами
4 Растабары — и с тираном.

В человеческой общей груди
Кто глупей — себя и славят,
Недоумки, полулюди
8 Нас везде и жмут и давят.

Стал я глупых слушать реже,
Стал от умников скрываться.
Эти — нуль вниманья, те же
12 Стали вои из кожи рваться.

«Мы в любви, да и в насилье,
Мол, сроднились бы с тобою...»

- Солнце чуть не загасили,
16 Приравняли холод к зною.
И Хафиз и Гуттен знали:
Враг заклятый ходит в рясе!
А мои враги — едва ли
20 И найдешь их в общей массе.
«Опиши врагов!» — Так с виду
Это те же христиане,
Но уже не раз обиду
24 Я терпел от этой дряни.
-

- Тем, кто нас к добру зовет, —
Наше доброхотство;
В тех, кто нам добро несет,
Славим благородство.
Ну, а ты свой дом и хлам
Окружил забором,
Мне же легче, я и сам
8 Не задурен вздором.

- Всем хорош двуногий род,
Но — беда на свете:
Если сделал что-то тот,
Тут же следом — эти!
Помни Слово, кто в пути,
Это слово чести:
Если к общему идти,
16 То идемте вместе!

Лесть и злоба встретят вас,
Зависть, лицемерье.
Но кому в любовный час
Нужен подмастерье?

Деньги, честь ли — этим всяк
Сам распорядится.
Лишь вино такой добряк,
24 Что начнешь двоиться.

Обо всем об этом пел
И Хафиз немало,
У него от глупых дел
Голова трещала.
Но бежать из мира прочь —
Верьте, что уж хуже?
Если впрямь тебе невмочь —
32 Выругайся, друже!

Разве именем хранимо
То, что зреет молчаливо?
Мной прекрасное любимо,
4 В божье созданное диво.

Надо ж нам любить кого-то!
Ненавидеть? Правый боже!
Если нужно — что за счеты! —
8 Ненавидеть рад я тоже.

Чтоб узнать им цену лично,
Взвесь, — что лживо, что правдиво;
Что в глазах людей отлично,
12 То обычно дурно, лживо.

Чтобы правдой жить на свете,
Соки брать из почвы надо,
Вертихвостом на паркете
16 Жизнь прошаркать — вот досада!

Критикан ли, злопыхатель —
Черт один при взгляде строгом!
Рядом с ними развлекатель
20 Лучше выглядит во многом.

Развлечений праздной жаждой
Лишь себя губить дано вам,
Обновляясь, должен каждый
24 Каждый день пленяться новым.

Пусть он «дойч», пусть «тойч» зовется,
Немец так живет и судит;
В старой песенке поется:
28 Это было, есть и будет.

Если брать значение слова,
Был Меджнун безумцем юным,
Не смотрите так сурово,
4 Если я зовусь Меджнуном.

Если честно, ваш ходатай,
Ополчусь на вражьи ковы,
Не кричите: «Бесноватый!»
8 Под замок его! В оковы!»

Там, где суд несправедливый
В цепи ввергнет Ум и Честность,
Жечь вас огненной крапивой
12 Будет ваша бессловесность.

Разве старого рубаку
Я учил держать секиру?

Направляя полезших в драку
4 Или путь искавших к миру?

Наставляя я рыболова
В обращении с лесой
Иль искусного портного
8 Обучал шитью да крою?

Так чего же вы со мною
В том тягаться захотели,
Что природою самою
12 Мне раскрыто с колыбели?

Напирайте без стеснения,
Если сила в вас клокочет.
Но, судя мои творенья,
16 Знайте: так художник хочет!

ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ СТРАНИКА

С подлостью не справиться,
Воздержись от жалоб;
Подлость не подавится,
4 Как ни клеветала б.

И с плохим задешево
Прибыль ей подвалит,
А зато хорошего
8 Так она и жалит.

Путник! Даже не сердясь,
Плюнь! Забудь о вздоре!
Все, как высохшую грязь,
12 Ветер сдует вскоре.

—
Не проси о том, что в мире
Мы, хоть ищем, не обрящем.
Мир и вкось и вкривь шагает,
Но не ровень с настоящим.
5 Ни желаньем, ни стараньем
Жизнь догнать, хромец, не может,
То, о чем мечтал ты юный,
Старцу он тебе предложит.

—
Хоть самохвальство — грех немалый,
Творя добро, кто не был грешен в том?
Да, он нескромен, он хвастун, пожалуй,
4 Но доброе останется добром.

Глупцы! не отравляйте радость
Того, кто мнит, что он мудрец.
Он глуп, как вы, но пусть узнает сладость
8 Пустой хвалы пустых сердец.

—
Мнишь ты, в ухо изо рта —
Самый правильный прием?
Пересказ — ты, простота! —
Тоже может стать враньем.
5 Будь в суждениях силен!
Цепи веры ведь не шутка,
Рвут их силою рассудка,
А тобой отвергнут он.

—
Тот французит, тот британит,
Итальянит иль немечит,

Но в одном все люди схожи:
4 Себялюбье всех калечит.

Ведь нельзя искать признанья
Будь то многих, одного ли,
Если в двух шагах не видно,
3 Чем мы ценны в нашей роли.

Пусть со временем хороший
Будет славен вдвое, втрое,
Но теперь, сейчас, сегодня
12 Надо выдвинуть плохое.

Кто, осмыслив ход столетий,
Не построил жизнь толково,
Тот живи себе в потемках,
16 Прожил день — и жди другого.

Когда-то, цитируя слово Корана,
Умели назвать и суру и стих,
Любой мусульманин, молясь неустанно,
Был совестью чист и чтим меж своих.
5 У новых дервишей — больше ли знаний?
О старом, о новом кричат вперевой.
А мы что ни день, то больше в тумане,
О, вечный Коран! О, блаженный покой!

Пророк

говорит:

Тот, кто зол, что волею Аллаха
Был пророк от бурь и бед укрыт,
К перекладине без страха

Пусть веревку прикрепит.
5 Час-другой над бездной повисев,
Он забудет неразумный гнев.

Тимур

говорит:

Как? Вы хулите сеющий страх
Вихорь гордыни? Облыжники бога!
Если б червем меня создал Аллах,
Был бы я червь у людского порога.

ХИКМЕТ-НАМЕ

Книга изречений

Если талисманы в книгу вплеел толково,
Равновесье дал ты ей.
Набожной иглою шей,
Отзовется ей благое слово.

От будущих дней, от грядущих ночей
Не жди ничего сверх того, что доньше
Уже получил ты от жизни своей.

Кто в худшие дни умудрился родиться,
Тот даже плохими и то насладится.

Легко ли было, скажет нам
Кто сам придумал и сделал сам.

Море в движенье всегда,
Земля не удержит его никогда.

Мой каждый час отравила тоска.
День долог, жизнь, увя! коротка.
А сердце рвется вдаль, в полет,
Но к небу ль? — Кто его поймет?
⁵ Лишь волю дай ему — оно

Бежало б от себя давно.
Зато, упав на грудь твою,
Оно там будет, как в раю,
И бытия водоворот
10 Его на землю не сорвет;
Для всех надежд, для всех потерь
Оно само — своя же дверь.

Рок, испытывая, знает почему:
Владей собою! Не перечь ему!

Покуда день, спеши, дерзай, твори,
Ночь свяжет руки и уста твои.

Что в мире творишь ты? Ведь он сотворен.
Всевышний творенью дал строй и закон.
Коль вытянул жребий, держись, человече,
Идешь, так иди, хоть до цели далече,
6 И пусть равновесье твое никогда
Не смогут нарушить беда и страда.

Если страждущий скорбит,
Крахом всех надежд убит,
Новых сил живой родник —
Слово друга в нужный миг.

«Вы были, сударь, невежливы малость,
Когда к вам Фортуна в дом постучалась!»
Но девица вовсе не обижалась —
Она еще несколько раз являлась.

Необозримое наследье мне дано.
Зовется временем — мой дом, мой сад оно.

Любовь к добру как добрых дел основа
Впитаться в кровь твою должна;
Если уж сына обделил родного,
Так внуков одаришь сполна.

Энвери говорит, из мудрецов мудрец,
Великая душа, знаток людских сердец:
Желанен всем местам и временам
Тот, кто уживчив, здрав умом и прям.

Ты оскорблен врагами?
Но как же могут быть друзьями
Те, для кого укор живой
Не только ты — весь облик твой.

На глупца не трать терпенья,
Весь он в этой ахинее:
«В дни великого свершенья
Мудрый должен быть скромнее».

Будь наш господь плохим соседом,
Как мы, как все, кого не счесть,
Почет нам был бы и неведом,
Любой бы жил, каков он есть.

Увы! Певцы восточных стран
Сильней, чем западный наш клан,
Но в чем мы с ними ровней будем,
Так это в ненависти к людям.

Повсюду каждый хочет первым быть,
Таков уж, видимо, закон.
Конечно, грубым каждый может быть,
Но только в том, в чем смыслит он.

Спаси нас и помилуй боже:
И у подонков голос тоже.

Вот-вот Зависть разорвется!
Пусть голодом своим нажрется.

Щетинься — и будешь в почете —
Этак всего верней.
На соколиной охоте
Бьют всё, кроме диких свиней.

Зачем же попы упрямо
Сбивают меня с пути? —
Что не достигну прямо,
Вкривую к тому не дойти.

Герою хвалу без зависти сложит,
Кто смело сам кидается в бой.
Но тот оценить человека не сможет,
Кто сам не прошел сквозь холод и зной.

Делай добро из любви, без расчета,
И что ж ты будешь иметь от того?
Если тебе и останется что-то,
Сын твой не сможет взять ничего.

Чтоб те, в ком нет стыда, тебя не обокрали,
Прячь золото, мысли и веру подале.

Как вышел Разум Глупости соседом,
Чтоб вместе мир внимал их голосам?
Внук повторяет сказанное дедом
И мнит, что он придумал это сам.

«Брось ты ввязываться в спор,
Чуть не так — прогиворечить!
Мудрый тоже мелет вздор,
Коль начнет глупцу перечить».

«Зачем как в глубь земных пород
2 Укрылась Правда в дальней дали?»

Кто ж Правду вовремя поймет!
А если б с ходу понимали,
К ней был бы всем открытый вход,
6 И легким доступ к ней считали.

Ты смотришь вглубь — куда теченье?
И доброта — зачем, куда?
Кинь в реку хлеб или печенье —
Кому их принесет вода?

Убив паука, я стал сомневаться
И оправдать свой поступок не мог,
Ведь жизнь, как и мне, подарил ему бог,
Чтоб мог он жизни предаваться.

—
«Ночь беспросветна, а свет лишь от бога».
Если бы того же и нам хоть немного!

—
Какие разные люди вокруг!
На божьем застолье — и враг и друг.

—
Я скуп, вы кричите, но дайте сначала
Мне то, что моя бы рука расточала.

—
Ты увидишь округ весь,
Но сперва на крышу влезь!

—
Молчащий горя не знает —
Он сам себя под языком скрывает.

—
При двух лакеях господин
Не будет ухожен, поверьте мне в том.
Когда две женщины, ты же один,
Не будет чисто прибран дом.

—
Кричи «Aytos epha» и при на рожон,
Держась за предков и правой и левой,
Но уж тогда мужей и жен
Изволь называть лишь Адамом и Евой.

—
Благодари, что хворь и знанье
Так мудро разделил Аллах.
Ведь если бы, как врач, свое недомоганье
Знал сам больной — его б замучил страх.

Глупо, что хочет каждый иметь
На каждый случай свое сужденье.
Ведь если *Ислам* — Аллаху служенье,
Нам жить в *Исламе* и в нем умереть.

Придя на свет, мы строим дом, потом
Уходим, всё оставив для другого.
Он начинает где-то строить снова,
И вечно недостроен дом.

Являясь в мой дом, ты можешь смеяться
Над всем, что любил я, чем мог
наслаждаться,
Но ты бы ко мне и не вздумал являться,
Когда бы я стал над тобою смеяться.

Этим маленьким домом
Будь доволен и так.
Большой можно построить,
Больше выжать — никак.

Итак, ты скрылся, и никто
Узнать не сможет, где ты, что ты.
С тобою песнь и хмель зато,
Два друга, чуждые заботы.

«Локман по прозвищу Урод
Был все-таки велик!»
Лишь сахар сладость нам дает,
А вовсе не тростник.

В Средиземный мир проник
Мир восточный без урона, —
Кто Хафиза не постиг,
Не поймет и Кальдерона.

«Зачем украшаешь ты руку пышной,
Чем левой твоей подобает?»
Но правая смысл придает и ей
Лишь тем, что ее украшает.

Если б хоть до самой Мекки
Дотрусил осел Христов,
Он ослом — весь мир таков —
Все ж остался бы навеки.

Раздавленный творог
2 Не крепок, хоть широк.

Но бей по нем, и вскоре он
И тверд, и формой надделен.
Такой же камень есть — не бьется,
6 В Европе он пизэ зовется.

Утешьгесь, люди: тот, кто без порока,
Кто безошибочен, в чужих ошибках — дока.
Лишь оступившийся, познавший меру зла,
Оценит ваши добрые дела.

Иным спасибо не сказав,
Дары их брал ты без зазренья,
«Я не жалею, пусть неправ:
Сияют в сердце их даренья».

Веленью чести будь покорен.
Плевелы отдели от зерен.
Кто к большему стремится — обречен.

«Как буря, страсть в безумстве яром,
Стремясь разрушить твердый брег»,
Лишь перл поэзии оставит там навек,
И вот, ты жил уже не даром.

Наперсник

Ты столько просьб исполнил за свой век,
Что выйти мог тебе же вред.
А много ль просит добрый человек?
4 От просьбы не бывает бед.

Везир

Просил такой добряк и не тужил,
А если бы ему я удружил,
Он, может, грохнулся б на месте.

Подчас — увы! — так создан белый свет,
Стремится Правда Заблужденью вслед.
Ей, очевидно, это нравится.
Что сделаешь, когда чудит красавица!
5 Но чуть Заблужденье за ней устремится,
Ах, как она дуется, как она злится!

Ты знаешь, очень я тем огорчен,
Что каждый пишет куплеты, сонеты.
Сказать ли, кто гонит Поэзию вон?

Поэты!

ТИМУР-НАМЕ

Книга Тимура

МОРОЗ И ТИМУР

Так в необоримом гневе
К нам пришел Мороз. Овеял
Все и вся дыханьем льдистым
И бушующие распрей
5 Ветры на людей погнал.
Повелел вершить насилье
Вихрю, колкому от стужи,
Ворвался в совет Тимура
И ему промолвил грозно:
10 «Усмирись, несчастный, стихни!
Прочь, неправедный владыка!
Долго ль будет жечь твой пламень,
Опалая сердца людские?
Или ты один из духов,
15 Богом проклятых? Я также!
Ты старик, и я, — и Землю
И людей мертвим мы оба.
Да, ты — Марс, а я — Сатурн,
В единенье — роковые
20 Вредоносные планеты.
Если ты — души убийца,
Если леденишь ты воздух,
Помни, мой покрепче холод!
Ты ордой своей жестокой
25 Истребляешь правоверных,
Но придет мой день — найду я,

Видит бог! — похуже пытку.
И тебя уж — бог свидетель! —
Не помилую. Бог слышит!
30 Ты, старик, ни жаром угля,
Никаким огнем декабрьским
Хлада смерти не избудешь»

ЗУЛЕЙКЕ

Чтоб игрою благовоний
Твой порадовать досуг,
Гибнут сотни роз в бутоне,
4 Проходя горнило мук.

За флакон благоуханий,
Что, как твой мизинец, мал,
Целый мир существований
8 Безымянной жертвой пал, —

Сотни жизней, что дышали
Полнотою бытия
И, волнуясь, предвкушали
12 Сладость песен соловья.

Но не плачь, из их печали
Мы веселье извлечем, —
Разве тысячи не пали
16 Под Тимуровым мечом!

ЗУЛЕЙКА-НАМЕ

Книга Зулейки

*Мне приснилось этой ночью,
Что луна по небу плывет.
Я проснулся — небо светилось,
Это солнечный был восход.*

ПРИГЛАШЕНИЕ

Не шагай быстрее, чем Время, —
Дня грядущего едва ли
Хуже день, что скрылся, минув.
Здесь, где радость мы познали,
5 Здесь, где я, весь мир отринув,
Мир обрел, порвав со всеми,
Будем оба как в пустыне.
Завтра — завтра, нынче — ныне,
То, что было, то, что будет,
10 Вдаль не гонит, вспять не нудит,
Мне ж тебя единой надо,
Ты — целенье, ты — отрада.

Что Зулейка в Юсуфа влюбилась,
Тут хитрости нет;
Он был юным, а юный приманчив расцвет,
Он красавец, твердила молва слово в слово,
5 А ее красота осчастливит любого.
Ты же, ты, долгожданная, смотришь
Юным взором, полным огня,
Нынче любишь, потом осчастливишь меня,

И песней тебя одарить я сумею,
10 Вечно зовись Зулейкой моею.

Если ты Зулейкой зовешься,
Значит, прозвище нужно и мне.
Если ты в любви мне клянешься,
Значит, Хатемом зваться мне.
5 Это не дерзость — меня тревожит
Лишь то, что имя нужно и мне.
Рыцарь святого Георга не может
Георгом стать — это ясно и мне.
Я не Хатем Таи — Вседающий, —
10 Как им стать неимущему, мне?
Хатем Зограи — богато живущий, —
Таким средь поэтов считаться бы мне.
Быть же и тем и другим, хоть отчасти, —
Это весьма подходило бы мне.
15 Жить с любимой в любви и согласье —
Рай, и другого не надобно ми

Хатем

Создает воров не случай,
Сам он вор, и вор — вдвойне:
Он украл доныне жгучий
4 След любви, что тлел во мне.

Все, чем дни мои богаты,
Отдал он тебе сполна.
Возврати хоть часть утраты,
8 Стал я нищ, и жизнь бедна.
Но уже алмазом взгляда
Приняла ты все мольбы,

И, твоим объятьям радо,
12 Сердце новой ждет судьбы.

Зулейка

Все мне дал ты нежным взором,
Мне ли случай осуждать!
Если вдруг он вышел воров,
16 Эта кража — благодать.

Но ведь сам, без всякой кражи,
Стал ты мсй, как я — твоя.
Мне приятней было б даже,
20 Если б воров вышла я.

Дар твой щедр и смел обычай,
Но и в выигрыше ты:
Все ты взял — покой девичий,
24 Жар душевной полноты.

Полюбил — и стал богатым.
Ты ли нищий? Не шути!
Если ты со мною, Хатем,
28 Счастья выше не найти.

Пускай кругом непроглядная мгла,
Кто любит, тому светло повсюду,
А если воскреснут Меджнун и Лейла,
Вожатым любви для воскресших я буду.

Я вместе с любимой — и это не ложно?
Я слышу, со мной беседует бог.
Но роза всегда и везде невозможна,
Никто соловья постигнуть не мог.

Зулейка

Плыл мой челн — и в глубь Евфрата
Соскользнуло с пальца вдруг
То кольцо, что мне когда-то
4 Подарил мой нежный друг.

Это снилось мне. Багряный
Пронизал листву рассвет.
Истолкуй мой сон туманный
8 Ты, Провидец, ты, Поэт!

Хатем

Так и быть, я истолкую.
Помнишь, был я рассказал,
Как кольцо в лазурь морскую
12 Дожд Венеции бросал.

А твое — тот сон чудесен! —
Пусть Евфрат хранит на дне.
Сколько тысяч дивных песен
16 Эта был навевает мне!

Я ходил путем песчаным
Из Дамаска в Индостан,
Чтобы с новым караваном
20 Добрести до новых стран.

Ты же дух мой обручила
С духом этих скал и струй,
Чтоб не смерть нас разлучила,
24 А последний поцелуй.

Знаю, как мужчины смотрят:
Каждый говорит, что любит,
Что сойдет с ума, страдает,
Да и разное другое,
5 Чем нас, девушек, прельщают.
Это все мне безразлично,
Это все меня не тронет,
Но как только взглянет Хатем,
День становится светлей!
10 Эту — говорит он взором —
Не сравню ни с кем на свете.
Вижу: лилии, фиалки,
Всех садов краса и гордость,
Поднялись украсить Землю,
15 И украшенной — как чуду —
Можно только изумляться.
В ней восторг, благословенье,
Исцеление, здоровье.
Но увидевший Зулейку
20 Исцеленьем сердца болен,
Исцелен его недугом
И глядит на мир с улыбкой,
Как вовек не улыбался.
А Зулейка в нежном взоре
25 Слышит вечное: «Такую
Не сравню ни с кем на свете».

GINGO BILOBA

Этот листик был с Востока
В сад мой скромный занесен.
И для видящего ока
4 Тайный смысл являет он.

Существо ли здесь живое
Разделилось пополам,
Иль напротив, сразу двое
8 Предстают в единстве нам?
И загадку и сомненья
Разрешит мой стих один:
Перечти мои творенья,
12 Сам я — двойственно един.

Зулейка

Но скажи, писал ты много,
И козявок пел и бога,
Ясен почерк, точен слог,
От строки до переплета
Всё — тончайшая работа,
Чудо каждый твой листок!
Ну, и в каждом для кого-то
8 Был любви твой залог?

Хатем

Да, от глаз, к любви манящих,
Алых губ, зубов блестящих,
От улыбки, как весна,
Стрел-ресниц, кудрей, как змеи,
Белой груди, гордой шеи
Сколько раз душа пьяна!
Но и в каждой новой фее
16 Снилась ты мне, ты одна.

Зулейка

Восходит солнце, — что за диво! —
И серп луны обвинил его.

Кто сочетал их так красиво?
4 Что значит это волшебство?

Хатем

Султан — он в далях тьмы безмерных
Слил тех, кто выше всех высот,
Храбрейших выделив средь верных
8 И дав избранникам полет.

Их счастье — то, чем мы богаты,
И мы с тобой — как плоть одна.
Коль друга Солнцем назвала ты,
12 Приди, обвей меня, Луна!

Любимая! Венчай меня тюрбаном!
Пусть будет он твоей рукой мне дан.
И шах Аббас, владеющий Ираном,
4 Не знал венца прекрасней, чем тюрбан.

Сам Александр, пройдя чужие страны,
Обвил чело цветистой полосой,
И всех, кто принял власть его, тюрбаны
8 Прельщали царственной красой.

Тюрбан владыки нашего короной
Зовут они. Но меркнет блеск имен.
Алмаз и жемчуг тешат глаз прельщенный,
12 Но наш муслин — их всех прекрасней он.

Смотри, он чист, с серебряным узором.
Укрась чело мне! О, блаженный миг!
Что вся их мощь? Ты смотришь нежным
взором,
16 И я сильней, я выше всех владык.

Немногого прошу я, вспомни —
Земное все ценю равно,
А то немногое давно мне
4 Землей услужливой дано.

Люблю и шум на дружном пире,
И тихий дом без суеты,
Но дух мой радостней и шире,
8 Когда с тобой мои мечты.

Тебе империи гигантской
Тимур бы власть и силу дал,
И груды бирюзы гирканской,
12 И гордый бадахшанский лал,

И, мед хранящие в избытке,
Сухие фрукты Бухары,
И песен Самарканда свитки
16 Ты принимала б как дары.

Я госпоже Ормузда новой
Писал бы с острова о том,
Как, весь в движенье, мир торговый
20 Расцвел, твой украшая дом.

В стране браминов неустанно
Трудился б рой и жен и дев,
В шелка и в бархат Индостана
24 Тебя роскошно разодев.

И землю, камни, щебень разный
Искусный жег бы ювелир,
Чтобы, создав венец алмазный,
28 Тебя украсить, как кумир.

Из моря б жемчуг доставали,
Ныряя. дерзкие ловцы,
Чтоб ты не ведала печали,
32 Диван сзывали б мудрецы.

И все коренья и куренья
Текли б из самых дальних стран,
Чтоб ты в восторге нетерпенья
36 Встречала каждый караван.

Но ты, пресытившись их видом,
Усталый отвела бы взгляд.
Кто любит, — я секрет наш выдам, —
40 Лишь другу неизменно рад.

Мне и в мысли не входило,
Самарканд ли, Бухару —
Не отдать, отдать ли милой
4 Этот вздор и мишуру.

А уж царь иль шах тем паче —
Разве дарит землю он?
Он мудрее, он богаче,
8 Но в любви не умудрен.

Щедрым быть — тут дело тонко,
Город дарят неспроста:
Тут нужна моя девчонка
12 И моя же нищета.

Красиво исписанным,
Золотообрезным
Дерзким моим листкам

- Ты улыбалась.
5 Простила, что хвастаю
Любовью твоей и моим
В одной тебе обретенным счастьем.
Простила милое самохвальство.
- 10 Да, самохвальство! Смердя завистникам,
Друзьям благоухает, тебе и мне!
- Пусть радость бытия сильна,
Радость бытия сильнее,
Когда Зулейка
Мне дарит безмерное счастье,
15 Бросая мне свою любовь,
Как мяч;
Его ловлю я
И ей бросаю в ответ
Себя, посвященного ей.
20 Вот то прекрасное мгновенье!
И вновь отрывает меня от тебя
То армянин, то франк.
- Но дни поглощает,
Но годы длится, пока я вновь создаю
25 Тысячкратно все то, что ты расточила,
И снова свиваю счастья пестрого жгут,
Который из тысячи нитей
Сплела ты, Зулейка.
- Здесь перлы поэзии,
30 Те, что мне выбросил
Страсти твоей могучий прибой
На берег жизни пустынный.
Искусными пальцами
Тонко подобранные,

- 35 Сплетенные с золотом
И самоцветами, —
Украшь ими шею и грудь!
Они — дождевые капли Аллаха,
Созревшие в скромной жемчужнице!
-

- Час желанный, час свиданья,
Слов журчанье, стук сердец,
Уверения, лобзанья,
Счастья нежного венец.
5 Но сумела ты заботу
В моих песнях услышать,
Грусти жалобную ноту:
Где мне чар Юсуфа взять —
Красоте твоей воздать?
-

Зулейка

- Раб, народ и угнетатель
Вечны в беге наших дней, —
Счастлив мира обитатель
4 Только личностью своей.
Жизнь расходуи как сумеешь,
Но иди своей тропой,
Всем псжертвуй, что имеешь,
8 Только будь самим собой.

Хатем

- Да, я слышал это мненье,
Но иначе я скажу:
Счастье, радость, утешенье —
12 Все в Зулейке нахожу.

Чуть она мне улыбнется,
Мне себя дороже нет,
Чуть, нахмурясь, отвернется —
16 Потерял себя и след.

Хатем кончился б на этом.
К счастью, он сообразил:
Надо срочно стать поэтом
20 Иль другим, кто все ж ей мил.

Не хочу быть только рабби,
В остальном — на твой совет:
Фирдоуси иль Мутанабби,
24 А царем — и спору нет.

Хатем

Как лампадки вокруг лавчонок
Ювелиров на базарах,
Вьется шустрый рой девчонок
4 Вкруг поэтов, даже старых.

Девушка

Ты опять Зулейку хвалишь!
Кто ж терпеть такую может?
Знай, не ты, твои слова лишь —
8 Из-за них нас зависть гложет.

Хоть была б она дурнушка,
Ты б хвалил благоговейно.
Мы читали, как Джемилю
12 Помутила ум Ботейна.

Но ведь мы красивы сами,
С нас портреты вышли б тоже.

Напиши нас по дешевке,
16 Мы заплатим подороже.

Хатем

Хорошо! Ко мне, брюнетка!
Косы, бусы, гребни эти
На хорошенькой головке —
20 Словно купол на мечети.

Ты ж, блондинка, ты изящна,
Ты мила лицом и станом,
А стройна — ну как не вспомнить
24 Минарет, что за майданом!

У тебя ж — у той, что сзади —
Сразу два различных взгляда,
Каждый глаз иначе смотрит,
28 От тебя спастись надо.

Чуть сощуренный прелестно,
Тот зрачок — звезда, что справа, —
Из-под век блестит лукаво,
32 Тот, что слева, смотрит честно.

Правый так и рыщет, ранит,
В левом — нежность, мир, отрада.
Кто не знал двойного взгляда,
36 Разве тот счастливым станет?

Всем хвала, мне все по нраву,
Всем открыты настежь двери.
Воздавая многим славу,
40 Я мою прославил пери.

Девушка

Быть рабом поэту нужно,
Чтобы властвовать всецело,
Но сильней, чем это, — нужно,
44 Чтоб сама подруга пела.

А она сильна ли в пенье?
Может вся, как мы, излиться?
Вызывает подозренье,
48 Что от всех она таится.

Хатем

Как же знать, чем стих навеян,
Чем в глубинах дышит он,
Чувством собственным взлелеян,
52 Даром собственным рожден.

Вас, певиц, хотя и хвалишь,
Вы ей даже не родня, —
Вы поете для себя лишь,
56 А Зулейка — для меня.

Девушка

Ну, влюблен, по всем приметам,
Ты в одну из гурий рая!
Что ж, для нас, для женщин, в этом
60 Честь, конечно, небольшая.

Хатем

Вами, кудри-чародеи,
Круг мой замкнут вокруг лица.
Вам, коричневые змеи,
4 Нет ответа у певца.

Но для сердца нет предела,
Снова юных сил полно,
Под снегами закипело
8 Этной огненной оно.

Ты зажгла лучом рассвета
Льды холодной крутизны,
И опять изведаль Хатем
12 Лета жар и мощь весны.

Кубок пуст! Еще налей-ка!
Ей во славу — пьем до дна!
И пускай вздохнет Зулейка,
16 Что меня сожгла она.

Зулейка

Как, тебя утратить, милый?
От любви любовь зажглась,
Так ее волшебной силой
20 Ты мне молодость укрась.

Я хочу, чтоб увенчала,
Мой поэт, тебя молва.
Жизнь берет в любви начало,
24 Но лишь духом жизнь жива.

Рубиновых уст коснуться позволь,
Не отвергай мои домоганья:
Что может искачь любовная боль,
Как не лекарство от страданья?

Если ты от любимой далек,
Как от Запада Восток,

Для сердца не нужно путей и дорог,
Оно само себе проводник:
Любовь до Багдада домчится вмиг.

Мир непрочен, но всюду найдется,
Чем восполнить разлад и распад,
Для меня это сердце бьется,
И глаза для меня блестят.

Как наши чувства нас же тяготят,
И в счастье мы гармонии не зрим.
Тебя увидев, я оглохнуть рад,
Тебя услышав — стать слепым.

Ты далеко, но ты со мной!
И вот приходит мука вновь.
Нежданно слышу голос твой,
Ты здесь, моя любовь!

Где радость взять, откуда?
Далек мой день и свет!
Писать бы сесть не худо,
4 А пить — охоты нет.

Без слов, как обольщенье,
Пришла. пленила вмиг,
Теперь перо в смущенье,
8 Как был смущен язык.

Неси ж на стол вино мне!
Лей, милый чашник, лей!

Когда скажу я: помни! —
12 Все знают, что о ней.

Если я с тобою
Сердцем и мечтою,
Мальчик молвит: «Пей!
Что ж умолк ты снова?
Саки жаждет слова
6 Мудрости твоей».

И мечтать мне проще
В кипарисной роще,
Там не видит он.
Мудрый сам собою,
Радуюсь покою,
12 Там я — Соломон.

КНИГА ЗУЛЕЙКИ

Мне б эту книжку всю переплели прекрасно,
Чтобы она к другим примкнула в свой черед,
Но сократить ее пытался б ты напрасно,
Безумием любви гонимый все вперед.

На ветви отягченной,
В росе, как в серебре,
Ты видишь плод зеленый
4 В колючей кожуре?

Уже он тверд, он зреет,
Не зная сам себя,
И ветвь его лелеет,
8 Баюкает, любя.

Конец приходит лету,
Темнея, крепнет он.
Скорее к солнцу, к свету,
12 Из темной кельи вон!

Ура! Трещит скорлупка,
Каштан летит, лови!
Лови, моя голубка,
16 Стихи моей любви.

Зулейка

Я была у родника,
Загляделась в водоем,
Вдруг я вижу, чертит в нем
Вензель мой твоя рука.
Глядя вглубь, я так смутилась,
6 Что навек в тебя влюбилась.

Здесь, в аллее, где арык
Вьется медленной волной,
Вижу снова: надо мной
Тонкий вензель мой возник.
Глядя в небо, я взмолилась,
12 Чтоб любовь твоя продлилась.

Хатем

Пусть вода, кипя, сверкает,
Кипарисам жизнь дает.
От Зулейки до Зулейки
16 Мой приход и мой уход.

Зулейка

Вот мы здесь, мы вместе снова,
Песнь и ласка — все готово,
Ты ж молчишь, ты чем-то занят.
4 Что теснит тебя и ранит?

Хатем

Ах, Зулейку дорогую
Я не славлю, — я ревную.
Ты ведь раньше то и дело
8 Мне мои же песни пела.

Но, хоть новые не хуже,
Ты — с другими, почему же?
Почему зубришь тетради
12 Низами, Джами, Саади?

Тех — отцов — я знаю много,
Вплоть до звука, вплоть до слога,
Но мои-то — все в них ново,
16 Все мое — и слог и слово.

Все вчера на свет рождалось.
Что ж? Кому ты обязалась?
И, дыша дыханьем чуждым,
20 Чьим ты служишь дерзким нуждам?

Кличет, сам в любви парящий,
Друг, тебя животворящий,
Вместе с ним предайся музе
24 В гармоническом союзе,

Зулейка

Мой Хатем ездил — все дела,
А я училась, как могла.
Ты говорил: пиши да пробуй!
28 И вот разлука стала пробой.
Но здесь чужого нет. Все это —
Твое, твоей Зулейкой спето.

Шах Бехрамгур открыл нам рифмы сладость,
Его душа язык в ней обрела.
И чувств ответных девственную радость
4 Его подруга в рифмах излила.

Подобно ей и ты мне, дорогая,
Открыла слов созвучных волшебство,
И, к Бехрамгуру зависти не зная,
8 Я стал владыкой царства моего.

Ты этих песен мне дала отраду;
Пропетым от сердечной полноты,
Как звуку — звук, как взгляду — другому
взгляду,
12 Им всю жизнь отвечала ты.

И вдаль, к тебе я шлю мои созданья —
Исчезнет звук, но слово долетит.
В них не умрет погасших звезд сиянье,
16 Из них любви вселенная глядит.

Голос, губы, пламень взгляда —
Нет, признаюсь, не тая:
В них последняя отрада,
4 Как и первая моя.

Та — вчера — была последней,
С ней погас огонь и свет,
Милых шуток, милых бредней
8 Стал мне дорог даже след.

И теперь, коль не пошлет
Нам Аллах свиданье вскоре,
Солнце, месяц, небосвод
12 Лишь мое растравят горе.

Зулейка

Что там? Что за ветер странный?
Не Восток ли шлет посланье,
Чтобы свежестью неожиданной
4 Исцелить мое страданье?

Вот играет над лужайкой,
Носит пыль, колышет ветки,
Насекомых легкой стайкой
8 Гонит к розовой беседке.

Дышит влагою прибрежий,
Холодит приятно щеки,
Виноград целует свежий
12 На холмистом солнцепеке.

Сотни ласковых названий
С ним прислал мой друг в печали,
На холмах лишь вечер ранний,
16 А меня уж заласкали.

Так ступай же, сердобольный,
Всех, кто ждет тебя, обрадуй!

Я пойду в наш город стольный,
20 Буду милому отрадой.

Все любви очарованье,
Обновленье, воскрешенье —
Это наших губ слиянье,
24 Наших помыслов смешенье.

ВЫСОКИЙ ОБРАЗ

Как Солнце — Гелиос Эллады —
Летит, Вселенной свет неся,
И мечет огненные взгляды,
4 Да покорится все и вся,

И, видя всю в слезах Ириду,
К ней направляет сноп лучей,
Чтоб снять с небесных глаз обиду, —
8 Но слезы льются горячей,

И бог мрачнее, и едва ли
Ему не горше в этот час, —
Лучом любви, гонцом печали,
12 Целуя, пьет он капли с глаз,

И, покоряясь мощи взора,
Она глядит на небосклон,
И капли уж не капли скоро,
16 Но в каждой — образ, в каждой — он.

И вот, в венке цветистой арки,
Светлеет горней девы лик,
Он к ней летит, могучий, яркий, —
20 Увы! он деву не настиг.

Не так ли жребий непреклонный
Твоей любви поставил срок,
И что мне в той квадриге тронной,
24 Хоть сам я стал бы Солнцебог!

ЭХО

Звучит прекрасно, коль в светила
Иль в короли поэт себя зачтет;
Зачем же ночью бродит он уныло,
4 Исполнен горестных забот?

Укрывшись в облака печали,
Оделся тьмой лазоревой зенит;
Как слезы сердца тусклы стали,
8 Как бледен цвет моих ланит!

Не дай мне стыть в ночи сердечной,
Мой месяц ласковый, мой свет,
Мой Фосфор, мой светильник вечный,
12 Ты, мое Солнце, мой поэт!

Зулейка

Ветер влажный, легкокрылый,
Я завидую невольно:
От тебя услышит милый,
4 Как в разлуке жить мне больно.

Веешь сказкой темной дали,
Будишь тихие томленья,
Вот слезами засверкали
8 Холм и лес, глаза, растенья.

Но из глаз и вздох твой слабый
Гонит тайное страданье,
Я от горя изошла бы
12 Без надежды на свиданье.

Так лети к родному краю,
Сердцу друга все поведай,
Только скрой, как я страдаю,
16 Не расстрой его беседой.

Молви скромно, без нажима,
Что иного мне не надо,
Тем живу, что им любима,
20 С ним любви и жизни рада.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Ты ли здесь, мое светило?
Стан ли твой, твоя ль рука?
О, разлука так постыла,
Так безжалостна тоска!
Ты — венец моих желаний,
Светлых радостей возврат!
Вспомню мрак былых страданий —
8 Встрече с солнцем я не рад.

Так коснел на груди отчей
Диких сил бесплодный рой,
И, ликуя, первый Зодчий
Дал ему закон и строй.
«Да свершится!» — было слово,
Вопль ответом был — и вмиг
Мир из хаоса немого
16 Ослепительно возник.

Робко скрылась тьма впервые,
Бурно свет рванулся ввысь,
И распались вдруг стихии
И, бунтуя, понеслись,
Будто вечно враждовали,
Смутных, темных грез полны,
В беспредельность мертвой дали,
24 Первозданной тишины.

Стало все немой пустыней,
Бог впервые одинок!
Тут создал он купол синий,
Расцвел зарей восток.
Утро скробных оживило,
Буйством красок все зажглось,
И любовь одушевила
32 Все стремившееся врозь..

И безудержно и смело
Двое стать одним спешат,
И для взора нет предела,
И для сердца нет преград.
Ждет ли горечь иль услада —
Лишь бы только слиться им,
И творцу творить не надо,
40 Ибо мы теперь творим.

Так меня в твои объятия
Кинул звонкий зов весны,
Ночи звездною печатью
Жизни наши скреплены.
И теперь не разлучиться
Нам ни в злой, ни в добрый час,
И второе: «Да свершится!» —
48 Разделить не сможет нас.

НОЧЬ В ПОЛНОЛУНЬЕ

Госпожа, ты шепчешь снова?
Что и ждать от алых губок?
Шевелятся! Экий вздор!
Так пригубливают кубок,
Иль плутовка знает слово
6 Для приманки губ-сестер?

«Поцелуев! Поцелуев!»

Видишь, сад подобен чуду,
Все мерцает, все сверкает,
Искры сыплются во тьму,
Зыбкий мрак благоухает,
Не цветы — алмазы всюду,
13 Только ты чужда всему.

Я сказала: «Поцелуев!»

Он навстречу испытаньям
Шел к тебе, своей колдунье,
В горе счастья он достиг.
Вы хотели полнолуние
Встретить мысленным свиданьем,
20 И настал блаженный миг.

Я сказала: «Поцелуев!»

ТАЙНОПИСЬ

Трудитесь, дипломаты,
Чтоб были в должный миг
Советы и трактаты
Готовы для владык.
Мир занят тайным шифром,
Пока он не прочтен

И к разным прочим цифрам
8 Иль буквам не причтен.

Мне тайнопись от милой
Слуга вчера принес,
Ее искусства силой
Я умилен до слез:
И страсть, и прелесть речи,
И чувства полнота —
16 Как все, что мы при встрече
Твердим уста в уста.

Не цветника ль узоры
Легли на все кругом?
Иль ангельские хоры
Заполонили дом?
И в небе — рой пернатых,
Как сказочный покров,
И полночь в ароматах
24 Над морем звонких стрóf.

Ты властному стремленью
Двойной язык дала,
Избравший жизнь мишенью,
Разящий, как стрела.
Что я сказал — не ново,
Исхожен этот путь.
Открыл его — ни слова!
32 Иди и счастлив будь!

ОТРАЖЕНЬЕ

Как в зеркало, с наслажденьем
Гляжусь я в него, словно там,
Удвоенный отраженьем,

Мой орден видится нам.
И я не от самохвальства
Себя же ищу здесь во всем,
Но песни люблю я сызмальства
8 И дружбу — а здесь мы вдвоем.

И в зеркало если гляжу я
В дому опустелом вдовца,
Я вижу ее как живую,
И рад бы глядеть без конца.
Но чуть обернулся — хоть тресни:
Исчезнет — и не видна!
Опять гляжу в мои песни:
16 Так вот она, вот же она!

А песни пишу все душевней,
Пишу по-своему их,
Для прибыли ежедневной
Моих критиканов лихих.
Те песни — ее приметы,
В них образ ее заключен,
Гирляндами роз одетый,
24 Написан по золоту он.

Зулейка

Что за ласковая сила
В стройном лепете твоём!
Песня, ты мне подтвердила,
4 Что себя нашла я в нём.

Что, меня не забывая,
Мне, живущей для него,
Шлет он из чужого края
8 Чувств и мыслей колдовство.

В чистейшем юном росте кипариса,
Вседивновзросшая, прозрю тебя;
Живой волной канала заструишься, —
8 Вселасковая, в ней прозрю тебя.

Фонтан ли ввысь возносится, красуясь, —
Всерезвая, и в нем я зрю тебя;
Меняет образ облак, образуясь, —
12 Всеразноликая, я зрю тебя.

Ковер лугов, и он тебе порукой,
Всепестрозвездная, в нем зрю тебя;
И если вьется плющ тысячерукий, —
16 О Всесвязующая, зрю тебя.

Лишь над горами утро загорится, —
Вседобрая, приветствую тебя;
Коль небо чисто надо мной круглится, —
20 Всесердцеширящая, пью тебя.

Весь опыт чувств, и внутренних и внешних,
О Всеучительная, — чрез тебя;
Аллаху дам ли сто имен нездешних,
24 Звучит за каждым имя — для тебя.

САКИ-НАМЕ

Книга Кравчего

Как все кругом, и я, бывало,
По кабакам шатался немало.
Тут ор и спор, там делишки, дела,
И слезы, и смех — что судьба принесла.
5 А я сижу — и душа весела.
Все милая в мыслях — ну как там она?
И любит ли? Вот о чем я тужил.
А я как любил! Душа-то одна,
Одной и полна. Я, как раб, ей служил.
10 Тогда бы мне в руки пергамент, стило...
Да, все это было, так все и шло.

Сижу один,
Сам себе господин.
Вина кувшин
Осушаю один.
Ничьих не слушаю мнений
И думаю о своем без стеснений.

Мулей — мошенник, а тверда рука:
У пьяного пряма строка.

О том, что Коран вечно был и есть, —
Тут и вопроса нет.

- Что книга книг он был и есть, —
Так сказал Магомет.
5 Что вечно вино и было и есть, —
Тоже сомненья нет.
Что оно от ангелов было и есть —
Не сочинил же поэт.
В лицо Аллаху — он был и есть —
10 Пьющий смотрит, не щурясь на свет.
-

Больше пейте, друзья, вина!
Юность — без вина пьяна,
А старикам омолодиться —
Надо немало потрудиться.
Жизнь заботой удручает,
Лоза печали разгоняет.

Не приставай — решен вопрос:
Вино запрещено всерьез.
А если пить уж суждено,
Пей только лучшее вино.
Ведь пьющий — дважды еретик,
Коль пить кислятину привык.

- Непьющим по душе
И то, что скверно,
И только захмелев
Мы судим верно.
Но пьяным все с руки
И в перепое.
Так в чем же суть, Хафиз,
8 Что здесь такое?
Вот я — я меру чту,
И это взвесьте:

Чураетесь вина —
Любить не лезьте.
А пьете, так для вас
Еще две строчки:
Чураетесь любви —
16 Не суйтесь к бочке.

Зулейка

Чего ты подчас начинаешь злиться?

Хатем

А знаешь, ведь наше тело — темница,
И душу обманом загнали во мрак,
Ей локти там не пристроить никак.
5 Метнется туда иль сюда, но оковы
И для самой темницы готовы.
Вот отчего — ведь опасность двойная —
Чудит душа, покоя не зная.

Ежели тело — тюрьма, так чего ж
Ради тюрьмы и не хочешь, а пьешь?
Как никак, а душе там вольготно.
Она бы хранила рассудок охотно,
Да вот попадется бутылка, другая,
А дальше и пьешь, уже не считая.
Но это душе невтерпеж, и с тоски
8 Бутыль она хватъ об косяк — и в куски.

Трактирщику

Ты что мне тычешь вино, грубиян,
Так, словно я тебе гадок?

Ты подноси дружелюбно стакан,
4 Иль будет мутный осадок.

Кравчему

Ты, милый мальчик, поди сюда.
Зачем стоишь так робко и грустно?
Будь моим кравчим, тогда уж всегда
8 Будет вино прозрачно и вкусно.

Кравчий

говорит:

Ну, проваливай, чернушка,
Ты торчишь тут слишком часто.
Коль поднес я господину,
4 В лоб целует он — и баста.

Ты же — об заклад побьюсь я —
Разве ты на том отстанешь?
Ты губами да грудями
8 Прямо в сердце друга ранишь.

А меня ты скромным видом
Не возьмешь, могу поклясться.
Лягу здесь вот на пороге,
12 И посмей тогда подкрасться!

Меня за то, что бываю пьян,
Ругают, но это не в счет.
Хоть так бранят меня, если я пьян,
Что мертвого тоже проймет.
5 Питух ведь пьет, когда он пьян,
Пока заря не взойдет,

- А я, когда бываю пьян,
Брожу всю ночь напролет.
Но я-то ведь чем — я любовью пьян,
10 Она мне спать не дает.
С утра до ночи, всю ночь до утра,
Как червь, мое сердце сосет.
А сердце, если любовью пьян,
В приливе песен растет.
15 Есть низменный хмель, но не этим я
пьян,
Ему заказан и вход.
Кто песней, вином и любовью пьян, —
Ночь, день ли, закат иль восход, —
Как я, тем хмелем божественным пьян,
20 Что муку и счастье нам шлет.
-

Ты, маленький плут!
Я в полном рассудке,
Тому во всем подтвержденье.
Вот мне и приятно
Твое присутствие,
Ты, самый любимый!
Хоть пьян я.

- В трактире нынче спозаранку
Такой был шум! Толпа, зеваки.
Хозяин с девкой — в перебранку,
Дозор пришел во время драки.
Визжала дудка. Барабан
Гремел над общей сварой
Любовью и мечтами пьян,
8 Я там сидел за чарой.

- Мне рад сказать любой щенок,
Что, дескать, грубой я природы.
Зато я мудро здесь далек
12 От споров школ и профессуры.
-

Кравчий

- Господин, ты в диком виде
Нынче дом покинул свой, —
То, что бидамаг для перса,
4 То для немца перепой.

Поэт

- Уходи, мой славный мальчик,
Все теперь мне здесь немило:
Соловьи с их пеньем глупым,
8 Запах розы — все постыло.

Кравчий

- Вот об этом и поспорим,
В этом я ведь смыслю что-то,
Ешь миндаль — простишься с горем,
12 И к вину придет охота.

- А потом на кровле, рядом,
Дух прохладой уврачуем, —
Лишь тебя коснусь я взглядом,
16 Ты ответишь поцелуем.

- Мир не ад: в нем есть и слезы,
Но и гнезда, и пичуги,
Есть и блеск, и запах розы,
20 И бюльбюль летит к подруге.
-

Эта девка распутная
И уродливая —
Она зовется жизнью —
Меня обманула,
5 Как и все остальные.
Отняла мою веру,
А с ней и надежду,
А потом она стала
И к любви подбираться, —
10 Тогда я бежал
И спас мое сокровище,
Чтоб навеки сохранить,
Разделив его мудро
Между Зулейкой и Саки.
15 И оба они
Соревнуются в том,
Чтобы взять проценты побольше.
Но я их богаче:
Ко мне возвратилась вера,
20 Уверенность в их любви.
Он подносит мне в чарке
Дивное чувство существованья,
Так что еще нужно надежде?

Кравчий

Нынче славно ел и пил ты,
Даже лучше пил, пожалуй,
Что ж оставил, что забыл ты
4 В чаше винной, в чарке шалой?

Съешь вдогонку лебеденка!
Гость, уйдя, прибавку ценит, —

8 Это съест мой гордый лебедь,
8 Что волну в заливе пенит.

Говорят, что, белокрылый,
Песнь поет он пред кончиной, —
Так уж ты не пой мне, милый,
12 Звонкой песни лебединой.

Кравчий

«Вот он, вот поэт великий!» —
Шепчут люди на майдане.
Ты поешь — мне любо слушать,
4 Ты молчишь — я весь вниманье.

А в ночи, в уединенье
По губам твоим тоскую, —
Тот, кто слову дал мгновенье,
8 Дал бессмертье поцелую.

Звонкой песни что прелестней?
Тихих дум очарованье.
Ты с людьми общайся в песне,
12 С виночерпием — в молчанье.

Поэт

Кравчий! Пить еще я буду!

Кравчий

Ограничься хоть стаканом!
Ты прослыл кутилой всюду.

Поэт

А видал меня ты пьяным?

Кравчий

⁵ Магомет велел...

Поэт

Дружище!

Кто же следует запрету?

Кравчий

Если ты шутить задумал,
У меня вопросов нету.

Поэт

¹⁰ Слушай! Трезвость и покорность
Предписал он мусульманам,
Чтоб один, в святом усердье,
Он пылал восторгом пьяным.

Саки

Опьяненный, ты недаром
Весь горишь, вещая нам.
Брызжет пламень, пышет жаром,
⁴ Что споешь — не знаешь сам.

По углам дрожат монахи, —
Весь ты настезь, весь открыт.
Вот хватил об стол — и в страхе
⁸ Клика черная бежит.

Видно, молодость шальная,
Хоть пороки липнут к ней,

Добродетели не зная,
12 Все же старости умней.

Мир земной необычайно —
Мир небесный ты постиг
И не прячешь то, что тайно
16 Грудь стеснило хоть на миг.

Хатем

Значит, кравчий наш прелестный,
Молод будь, но будь умен!
Стихотворство — дар небесный,
20 На земле подводит он.

Втайне выносишь, но свету
Все отдашь, на что горазд,
Глупо скрытничать поэту, —
24 Вмиг поэзия предаст.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Поэт

Солнце село, только запад
В тихом блеске золотится, —
Я хотел бы знать, как долго
4 Может свет вечерний длиться.

Кравчий

Хочешь, я останусь на ночь
Не в шатре, а здесь, на страже, —
Если к ночи свет не гаснет,
8 Разбужу тебя тотчас же.

Я-то знаю, ты ведь любишь
Беспредельность мерить взором —
Те огни, что в синей тверди
12 Возглашают славу хором.

И ярчайший словно молвит:
«Я сияю в темной дали, —
Будь вы все у бога вечны,
16 Вы бы все, как я, сияли».

Бог прекрасен, и прекрасно
Все кругом, что в боге длится;
И в больших и в малых гнездах
20 Сладко спит и грезит птица.

Иль на ветке кипарисной,
Ветром ласковым пригрета,
Дремлет в люльке темнолистной
24 Вплоть до влажного рассвета.

Так мой разум ты направил
Иль не так, но с этим сходно, —
То, чему ты сам наставил,
28 Мне теперь навеки сродно.

Для тебя совой глазастой
Ночь пробуду на балконе,
Сторожа звезды Полярной
32 Поворот на небосклоне.

Эта полночь — в эту пору
Вновь твоя блистает сила,
И восторг душе и взору —
36 Созерцать в ночи светила.

Поэт

В мрак душистый, в час полночный
Песня бьюльбюль так и льется, —
Но звезду и знак урочный
40 Слишком долго ждать придется.

В эту ночь владычит Флора —
Помнишь вольных греков сказки:
Как по-вдовьи ждет Аврора
44 Жгучей Гесперовой ласки.

Вот, смотри! Вошла в аллею,
Рощу светом захлестнула, —
Тут светло, а там светлее,
48 В общий вихрь и ночь втянула.

В красных туфельках несется
Вслед за солнечною свитой.
Он спешит, он не дается. . .
52 Слышишь дух любви несытой?

Мой красавец! Самый лучший!
В дом беги, запри запоры!
Иль как Геспер — темен случай! —
56 Станешь пленником Авроры.

Кравчий
(васыная):

Наконец от тебя добиться я смог:
Во всех стихиях присутствует бог.
С любовью, что знаешь, то даришь ты нам.
Всего же дороже — что любишь сам.

Хатем

- ⁵ Он сладко спит и вправе спать спокойно.
Хороший мальчик, ты мне подливал!
Ум взрослого без окриков, достойно
Учитель-друг в ребенке развивал.
И обновлен ты будешь в полной мере,
¹⁰ Души роскошной зрелостью дразня.
Я тихо пью, я тихо запер двери,
Чтоб ты не встал обрадовать меня.
-

МАСАЛЬ-НАМЕ

Книга Притчей

В пучину капля с вышины упала, —
Ходили волны, ветер выл,
Но бог, узрев смиренной веры пыл,
Дал капле твердость высшего закала.
Ее в себя ракушка приняла,
И вот в венце властителя державы,
Признаньем доблестей и славы,
8 Блестит жемчужина, прекрасна и светла.

Бюльбюль пела, сев на ветку,
Звук летел к Владыке света,
И в награду ей за это
Золотую дал он клетку.
Эта клетка — наше тело.
Не свободно в нем движенье,
Но, обдумав положенье,
8 Вновь душа поет, как пела.

ВЕРА В ЧУДО

Разбив красивейший бокал,
Не скрыл я безутешность,
Припомнил всех чертей и клял
Неловкость и поспешность.

Считал осколки, слезы лил,
Кричал — что хочешь делай!
Господь другой мне смастерил,
8 Такой же, только целый.

Покинув раковины мрак,
Весьма горда собою,
Жемчужина сказала так
Трудяге-златобою:
«Пропало все! Погиб мой мир!
Теперь на нити клейкой
Меня ты спаришь, ювелир,
8 С какой-нибудь плебейкой».

«Все дело в деньгах! Я жесток,
Поверь, лишь с этой целью.
Зато ты красоту, дружок,
12 Прибавишь ожерелью!»

Я был изумлен, друзья-мусульмане,
Увидев перо павлина в Коране:
Добро пожаловать в книге святой,
Созданье, блистающее красотой!
5 В тебе, точно в звездах, являет нам
зренье
Величие божье в малом творенье.
Он, мир вместивший в свой кругозор,
Остановил на тебе свой взор
И перьям дал небывалый узор.

- ¹⁰ Напрасно даже цари и царицы
Пытались заимствовать роскошь у птицы.
Не чванься славой, — следи за собой
И будешь достоин святыни любой.
-

- У шаха было два кассира,
Один для даянья, другой — для взиманья,
Один не считал и давал без вниманья,
Другой не знал, где добыть полтумана.
⁵ Даятель умер. Шах был не рад:
Найти такого — нелегкое дело!
А публика и моргнуть не успела,
Как стал взиматель безмерно богат.
Стоило выплате прекратиться,
¹⁰ Дворец от золота начал ломиться.
И только тогда до шаха дошло,
Откуда беда, где кроется зло.
Казалось бы — случай, а пользы немало:
Даятеля место потом пустовало.
-

- Котлу сказал, кичась, горшок:
«Где пузо ты измазал в саже?» —
«Не побывав на кухне даже,
Молчал бы, гладкий простачок!
⁵ Своей не в срок гордишься кастой!
Что ж — ручка у тебя чиста,
Но будут скрытые места:
Попробуй, задницей похвастай!»
-

Велик иль мелок человек,
Свой мир он ткет себе весь век
И с ножницами посредине
Сидит уютненько в той паутине.
5 Но щеткой туда саданут — и конец!
А он кричит: «Какой подлец
Разрушил мой несравненный дворец?»

Чтоб дать Евангелье векам,
Христос в наш мир с небес сошел
И стал внушать ученикам
Святой божественный глагол.
5 Потом вознесся ввысь опять,
Они ж, во славу божества,
Пошли писать и повторять,
Кто как запомнил, те слова.
И все различно, как обычно, —
10 Но и способны все различно!
И вот у христиан беда —
Терпи до Страшного суда!

ДОБРО ВАМ

Адам уснул. И твердь спала.
Лишь бог не спал, и Еву он
Слепил, дабы она легла
С Адамом, и послал ей сон.
Он в плоть облек две мысли смелых,
И, дав им жизнь в земных пределах,
«Добро!» — сказал с улыбкой бог
8 И долго отойти не мог.

Так чудо ли, что нам с тех пор
Дарит восторг ответный взор,
Как будто с ним мы, с тем, кто нас
Измыслил, создал в добрый час.
И позовет он — мы пойдем,
Но только вместе, но вдвоем!
И — божью мысль — тебя повсюду
¹⁶ В пределах рук хранить я буду.

ПАРСИ-НАМЕ

Книга Парса

ЗАВЕТ СТАРОПЕРСИДСКОЙ ВЕРЫ

Набожный бедняк на смертном ложе,
Что я завещаю молодежи —
Вам, о братья, столько мне отдавшим,
4 Старость одинокую питавшим?

Если едет окруженный свитой
Царь в одежде, золотом расшитой,
И вельможи в золото одеты,
8 И на всех, как звезды, самоцветы,

Разве зависть вас обуревает?
Разве не прекрасней выплывает,
Озаряя Дарнавенд и горы,
12 Солнце утром на крылах Авроры?

Кто, когда отвел глаза при этом?
Сотни раз был озарен рассветом
Мой восторг, и чувство мной владело,
16 Будто с солнцем празднично и смело

Воспарял я к трону Всеблагого,
Чтоб назвать творца всего живого
И вершить в лучах его сиянья
20 Вышних сил достойные деянья.

Но когда мне тьма глаза слепила,
Столь был светел полный круг светила —

Грудь бия, на землю, как на ложе,
24 Лбом вперед, я падал в смутной дрожи.

И теперь завет мой — без изъятия
Всем, кто хочет, всем, кто помнит, братья:
Каждодневно — трудное служенье!
28 В этом — веры высшей откровенье!

Чуть рожденный дернул ручкой, ножкой,
Дайте солнцу любоваться крошкой,
Чтоб оно огнем его омыло,
32 Чтоб, как милость, он встречал светило.

Мертвецов живые отпевайте,
Праху и животных предавайте,
В землю, в землю — с тем же чувством
истым —
36 Все, что вам покажется нечистым!

Чистое да будет вашей нивой,
Будет солнцу люб ваш труд счастливый.
Лес сажайте в правильном порядке —
40 Больше света при такой посадке.

Пусть вода, служа вам, как владыкам,
Чистой, свежей льется по арыкам.
Зендеруд, как чистым он родится,
44 Должен чистым в море с гор излиться.

А канавы надо рыть умело,
Чтоб вода в потоке не слабела,
Гадов разных, аир да осоку,
48 Эту нечисть — вон их! Что в них проку!

Там, где чисты и земля и воды,
Солнце лучше греет наши всходы,

Где построен труд умно и здраво,
52 Выходит жизнь, а жизни честь и слава!

Труд закончен — вновь за труд смиренный,
И очищен будет лик Вселенной.
А тогда вы, как жрецы, дерзните
56 Образ бога изваять в граните.

Где огонь, где радость, там улыбки,
Ночь светла, и члены тела гибки,
Над огнем вкушают в жарком токе
60 И животных и растений соки.

Собран хворост — ликованью время!
Каждый сук — земного солнца семя.
Собран хлопок — возликуйте вдвое:
64 То фитиль, и в нем — Оно, святое.

В каждой лампе вспыхнет та же сила
Отблеском верховного светила,
И судьба не возбранит вам, дети,
68 Чтить престол господень на рассвете.

Там живого бытия начало,
Духов чистых высшее зеркало,
Там орбита всех орбит, быть может,
72 Для всего, что божью славу множит.

Я покину берег Зендеруда,
Чтоб взлететь на Дарнавенд отсюда
И, встречая Солнце, в те мгновенья
76 Людям посылать благословенья.

Если люди, Солнцу рады,
Ценят землю, любят лозы,
Любят кисти винограда,
Чьи под нож струятся слезы, —
5 Ибо, став вином, любая
Гроздь, созревшая на зное,
Многое в нас пробуждая,
Губит многое другое, —
Знают все, что Солнце красно
10 Столь различных сил владыка,
Но один поет прекрасно,
А другой не вяжет лыка.

ХУЛД-НАМЕ

Книга Рая

ПРЕДВКУШЕНИЕ

Вам рай опишет мусульманин истый
Так, словно сам бродил по горным
странам,

И в том основа нашей веры чистой:
4 Уверуй в то, что сказано Кораном.

И хоть пророк, той книги составитель,
Изгонит грех, пришедший к райской двери,
Не вняв проклятьям, в горную обитель
8 Иной из нас несет сомненья в вере.

Тогда виденьем юности прекрасным
Из вечных сфер он шлет нам образ новый,
И снова юный, полный пылом страстным,
12 Я рад принять блаженные оковы.

Близ губ, у сердца, все забыв земное.
Держу я вновь небесное созданье,
И вот он — рай, и что мне остальное,
16 Когда я пью желанных уст дыханье!

ПРАВЕДНЫЕ МУЖИ

После битвы при Бедре,
под звездным небом

Магомет

говорит:

Пусть враги над мертвыми рыдают:
Прах зарыт — и павшим нет возврата.
Наши братья в небо возлетают,
4 Нам ли плакать над могилой брата!

Семь планет, усопшего встречая,
Распахнут небесные врата,
И душа восходит в кущи рая
8 От земного тления чиста.

И трепещет радостью священной,
Глядя в бездны, что раскрылись мне,
Когда я сквозь семь небес Вселенной
12 В рай летел на огненном коне.

Древо мудрых, все в плодах румяных,
Вознеслось превыше кедров там,
Древо жизни на лугах медвяных
16 Тень дарит неведомым цветам.

Дышит ветер сладостный Востоком,
Он приводит хор небесных дев, —
Их увидишь изумленным оком
20 И уже пылаешь, опьянев.

Девы смотрят — чем велик ты, воин:
Опытом иль буйством юных сил?
Если ты Эдема удостоен,
24 Ты герой, но что же ты свершил?

Каждая зачтется ими рана,
Ибо в ранах — слава и почет.
Стерла смерть различья рода, сана,
28 И лишь ран за веру не сотрет.

И тебя уведят в грот прохладный,
В многоцветный лабиринт колонн,
И кипеньем влаги виноградной
32 Вскоре ты согрет и обновлен.

В каждом вспыхнет молодости сила,
Каждый чист и праведен душой;
Та, что сердце одного пленила,
36 Станет всем подругой, госпожой.

Лишь к одной, достойнейшей на пире,
Ты влеком не чувственным соблазном;
С ней беседуй в радости и в мире
40 О высоком, о многообразном.

То одна из гурий, то другая
Кличет гостя к пиру своему;
Право, стоит умереть для рая —
44 Много жен и мир в твоём доме!

И скучать о прошлом ты не станешь,
И уйти отсюда не сумеешь, —
От подобных женщин не устанешь,
48 От подобных вин не опьянеешь.

Я поведал кратко о награде,
Ждущей тех, кто в битву шел без страха,
Так пируют в райском вертограде
52 Праведные воины Аллаха.

ИЗБРАННЫЕ ЖЕНЫ

Верным женам в горнем мире
Не познать ни в чем утраты;
Нам известны лишь четыре
4 Те, что в рай беспорно взяты.

То Зулейка, солнце верных,
Пред Юсуфом — вся влечение,
Царствует средь правоверных,
8 Их краса и в отречение.

Это мать пресвятая,
Та, чей сын — спаситель мира,
Та, что, всем нам сострадавая,
12 Пред распятым плачет сирот.

Третьей назову по праву
Магометову супругу,
Ибо с ней обрел он славу,
16 Счастье, бога и подругу.

И четвертая — Фатима,
Дочь, жена, кому Природа,
Душу дав от серафима,
20 Тело сделала из меда.

Их найдем мы в кущах рая,
И, хвалу воздавший женам,
Будет, с ними пребывая,
24 Вечно юным и влюбленным.

ВПУСК

Гурия

На пороге райских кущей
Я поставлена как страж:
Отвечай, сюда идущий,
4 Ты, мне кажется, не наш!

Вправду ль ты Корана воин
И пророка верный друг?
Вправду ль рая удостоен
8 По достоинству заслуг?

Если ты герой по праву,
Смело раны мне открой,
И твою признаю славу
12 И впущу тебя, герой.

Поэт

Распахни врата мне шире,
Не глумись над пришлецом, —
Человеком был я в мире.
16 Это значит — был борцом.

Посмотри на эти раны, —
Взором светлым в них прочтешь
И любовных снов обманы,
20 И вседневной жизни ложь.

Но я пел, что мир невечный
Вечно добр и справедлив,
Пел о верности сердечной,
24 Верой душу окрылив.

И хотя платил я кровью,
Был средь лучших до конца,

Чтоб зажглись ко мне любовью
28 Все прекрасные сердца.

Мне ль не место в райском чине!
Руку дай — и день за днем
По твоим перстам отныне
32 Счет бессмертью поведем.

ОТКЛИК

Гурия

Там, где годы назад
Я слово шепнула поэту,
Стражем у врат
Стою, согласно завету.
5 Мне вдруг показалось, я слышу пенье,
Слогов и звуков круженье, кипенье, —
Они рвались на простор;
Никто, однако, не появлялся,
От звука к звуку стихал этот хор,
10 И это на песни твои походило,
Я помню все, как было.

Поэт

Вечно любимая! Как тепло
Ты вспоминаешь о преданном друге!
То, что в земном ограниченном круге,
15 В воздухе дольнем звук обрело,
Рвется в пространство, ввысь.
Многие звуки внизу растеклись,
Многие ринулись в горний полет,
Летят, словно дух, словно конь пророка,

- 20 Взметнулись в небо, незримы для ока,
И завели игру у ворот.

Когда до подруг твоих песня дойдет,
Пусть примут ее благосклонно,
Пусть эхом с небосклона
25 Вниз долетит она снова,
И земнородным созданьям
Вновь зазвучавшее слово
Да будет благодеяньем.
Так воскрешенная лира
30 Обрадует оба мира.

А вам наградить его надо,
Так будьте добры к поэтам, —
Жить с вами в раю — их награда,
Достойные скромны и в этом.

- 35 Да, вместе быть суждено нам обоим,
Я окружу тебя вечным покоем.
Ты здесь на страже больше не стой,
Тут место твоей сестре холостой.

Поэт

Целуй же, люби меня, — о восторг!
Выспрашивать тайны твои я не стану, —
Но все же к земному смертному стану,
Скажи, ты встарь принадлежала?
Не раз мерещилось мне, бывало,
И я б доказал, я поклялся бы свято,
7 Что ты Зулейкой звалась когда-то.

- Он отпустил нас весьма не скоро,
Но дельного не было разговора.
Представь, чтобы достичь его цели,
Мы не на высоте задачи:
42 Думать должны мы, как вы, не иначе,
Вас мы должны ублажать в постели.
- Так самолюбие мы потеряли,
Девуцы просто затылок чесали, —
Но мы решили: ведь жить нам вечно,
46 Так будем всему предаваться беспечно.
- Каждому здесь персональный уход:
Что видел — то видит, как жил — так
живет.
- Мы здесь блондинки, мы здесь брюнетки,
Мы все капризуньи, мы все кокетки.
Увертки, плутни — нам все знакомо,
И каждому кажется, будто он дома.
А нам и забава — и ночью и днем
54 Пусть верят — как жили, мол, так и живем.
- Но ты, предрассудков лишенный вполне,
Ты только райское видишь во мне,
В любовных делах искушен ты весьма,
И пусть я не Зулейка сама,
Но если она красotka тоже,
60 Мы, значит, с нею до черточки схожи.

Поэт

Ты ослепляешь небесным светом;
Обман ли здесь, правда ли — что мне
в этом,
Когда ты кажешься столь совершенной?
Чтобы исполнить свой долг священный,

Чтобы гурия немца убоготорила,
66 Немецким стихом ты со мной говорила.

Гурия

Рифмуй и сам не уставая,
Твори от сердца, прям и смел!
Мы, обитательницы рая,
Мы верим смыслу чистых слов и дел.
Животных тоже ждет их часть благая —
Тех, что для вас несут покорно свой удел.
За крепкое слово сердиться
Не станет гурия — таков души язык,
И то, что свежий породил родник,
76 Должно потом в раю струиться.

Гурия

Ты снова палец мне загнул, поэт!
А сколько тысяч лет — тебе известно? —
С тобою жизнь ведем совместно?

Поэт

Нет, не хочу и слышать, нет!
5 Всегда в этом новое очарованье,
Всегда целомудренно наше касанье,
И каждый миг меня дрожью пронзает.
А сколько он длится — да кто это знает?

Гурия

Но вот, я замечала не раз,
10 Что ты отсутствуешь подчас.
Ты звезды облетел один,
Ты приобщился божьих глубин,

Побудь же с возлюбленной! Иль для поэта
Уже любовная песенка спета?
15 Что пелось снаружи у этих врат?
А здесь? — Но все! Я молчу, ни слова!
Пой песни Зулейке, хоть все подряд:
В раю ты ничего не сочинишь другого.

УДОСТОЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ

И четверем животным дан
Приют в блаженных кущах,
Где поселил святых Коран
4 И праведно живущих.

Осел допущен в райский сад,
И был он первым кстати, —
Ведь сам Христос в господень град
8 Поехал на осляти.

Робея, волк явился в рай,
Но внял он суре строгой:
«У богача овцу хватай,
12 У бедняка — не трогай».

Семь снов с хозяином проспав,
За ним к воротам рая
И верный, честный пес гав-гав
16 Пришел, хвостом виляя.

И тут же у хозяйских ног
Мурлычет кот и трется:
Когда погладил сам пророк,
20 И кот к святым причтется.

ВЫСШЕЕ И НАИВЫСШЕЕ

Пусть не възыщут, если будем
В дерзких мыслях мы повинны, —
Чтоб сказать о высшем людям,
4 Надо знать свои глубины.

Это всем — мужам и женам:
Человек, собой довольный,
Хочет быть везде спасенным —
8 В поднебесной, как в юдольной.

И уж так своим особам
Потрафлять хотят иные,
Что и в вечности, за гробом,
12 Дай им радости земные!

Снова юный, в кущах райских
Дух пришедший, тих и кроток,
Только роз да фруктов просит,
16 Рощ укромных и красоток.

Всех друзей он хочет видеть, —
Всем он верен — старым, новым,
Всем о райских впечатленьях
20 Сообщит немецким словом.

Только в ангельском собранье
Диалект — нам неизвестный,
Даже мак — иносказанье
24 По грамматике их местной.

Можно выразить и взглядом
Риторические штуки, —
Коль вознесся к тем усладам,
28 Ни к чему слова и звуки.

Звук, от слова отделенный,
Улетает в блеск и млечность,
Дабы верил просветленный,
32 Что и сам он — бесконечность.

Пять законных чувств излишни,
И в раю без отговорки
Мне, пришедшему, Всевышний
36 Даст одно вместо пятерки.

А среди вечных сфер дорога —
Как знакомый путь в отчизне,
Ибо все — лишь слово бога,
40 В коем мудрость чистой жизни.

Нет нигде меты конечной,
И, стремясь изведать бездну,
Осенен любовью вечной,
44 В ней истаю, в ней исчезну.

СЕМЕРО СПЯЩИХ

Шесть любимцев государя
От него бегут, спасаясь,
Хочет богом он считаться,
А ни в чем не сходен с богом.
5 Гордецу мешает муха
Пировать и веселиться,
И прогнать не могут слуги
Опахалами злодейку.
Муха вьется, муха жалит,
10 Портит царское застолье,
Будто с пакостным наказом
Бог послал ее мушиный.

- «Странно! — молвят мальчуганы, —
Бог, а так боится мухи!
15 Бог — а что ж и ест и спит он
Так, как люди? Тот, кто Солнце,
И Луну, и небо создал,
Тот единственный — не этот!
Мы бежим!» — Легко одетых
20 И обутых — всю шестерку
Приютил пастух, и с ними
Сам в пещере скрылся. Следом
Поплелась еще овчарка
С перебитой кем-то лапой,
25 И скулит, чтобы хозяин
Дал и ей в пещере место,
Там, где спят любимцы Сна.

- Но, взбешенный их поступком,
Мстить решил им царь — не вздернуть
30 И не сжечь, не обезглавить, —
Кирпичом решил, известкой
Вход замуровать в пещеру.

- Те же спят да почивают,
И, отчитываясь богу,
35 Молвил ангел, их хранитель:
«То направо, то налево
Поворачивал я спящих,
Чтоб таких красавцев юных
Смрад гниюнья не коснулся.
40 И в скале я щель прорезал,
Чтоб, ложась или вставая,
Солнце юные ланиты
Ежедневно освежало.
Так и спят, и спит их песик, —
45 Лапы все теперь здоровы».

- Год проходит — год уходит,
И проснулись мальчуганы,
А стена, глядишь, осела
И свалилась. Тут Ямблика,
50 Самый умный и красивый,
Говорит: «Рискну-ка жизнью
И монетой — принесу я
Нам съестного». Он заметил,
Что пастух трусливо медлит.
- 55 А Эфес уж лет полтыщи
Чтит пророка Иисуса
(Мир желающему блага!)
- И пошел, минуя башни,
Пост, и вахту, и ворота,
60 Он в ближайшую пекарню —
Торопливо просит хлеба.
«Ах ты, плут! — воскликнул пекарь, —
Клад нашел ты, парень, что ли?
Я ведь вижу по монете, —
65 Отдавай мне половину!»
- Вышел спор. Дошли, торгуясь,
До царя. А царь что пекарь —
И ему войти бы в долю.
- Сотней знамений различных
70 Стало чудо возвещаться.
Он доказывает право
Тем дворцом, что сам построил;
Столб подрыл — под ним открылись
В землю спрятанные деньги.
75 А тогда сошлись потомки,
Чтоб родство свое припомнить.

Среди них стоит Ямблика —
Пращур юный и цветущий,
Слышит — как о предках судят
80 О его сынах и внуках.
Тут же правнуки толпятся —
Смельчаки, мужи, которых
Он — высокочтимый предок.
И доказывает каждый,
85 Что родство их — вне сомненья;
Так Ямблика личность присных
И свою удостоверил.

Вот идет он вновь к пещере,
А за ним и царь с народом. . .
90 Но избранник не вернулся —
Ни к царю и ни к народу,
Ибо семеро сонливцев,
Отрешившихся от мира,
И восьмой сонливец — песик
95 Тайной властью Гавриила
И согласно воле божьей
Взяты в рай. А вход в пещеру,
Как и прежде, замурован.

ПРОЩАЙТЕ

В путь, стихи мои, к народу!
Гавриил под сенью рая,
Амброй гостя овевая,
Обновит мою природу,
5 Возродит мой дух усталый,
Чтоб, в ладу с киркой тяжелой,
Бодр и свеж, дробил я скалы,
Дружелюбный и веселый,

Чтоб от края и до края
10 Всех великих собирая,
Длил мой век в уладах рая
И прекрасным, вечно новым
Мир кругом преображая,
Всех питал бы мудрым словом, —
15 Пусть же и собачка, лая,
Поспешает за уловом.

СТАТЬИ
И ПРИМЕЧАНИЯ
К ЛУЧШЕМУ
УРАЗУМЕНИЮ
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО
ДИВАНА»

*Хочешь Слов узнать секреты,
В их краях ищи ответы, —
Хочешь ли понять поэта,
Так иди в его край свети.*

ВВЕДЕНИЕ

Всему свое время!.. Речение¹, смысл которого чем дольше живешь, тем лучше понимаешь; согласно ему время молчать, и время говорить, и на сей раз поэт решается — говорить. Ибо если молодости пристало действовать, творить, так позднейшим возрастам — размышлять и сообщать мысли.

Сочинения своих первых лет я отправляя в мир без предисловий, и малейших намеков не делая на то, как следует их разуметь; поступал я так, веря в нацию², — что она рано или поздно сумеет воспользоваться тем, что предложено ей. И так некоторым из моих работ удалось воздействовать незамедлительно, другим же, не столь легкопонятым и проникновенным, понадобилось немало лет, пока их не признали. Меж тем и эти годы успели пройти, и второе, третье поколение людей вдвойне, втройне возмещают мне обиды, какие пришлось сносить мне от прежних современников моих.

Теперь же мне хотелось, чтобы ничто не мешало доброму впечатлению от настоящей моей книжечки. Оттого решаюсь изъяснять, толковать, доказывать, причем с единственным намерением, чтобы проистекло из этого непосредственное разумение читателей, малознакомых или совсем не знакомых с Востоком. Напротив,

не нуждается в дополнении таком тот, кто ближе общался с историей и словесностью столь примечательной области мира. Он и сам легко пометит те источники и ручьи, живительную влагу которых отвел я на свои цветочные гряды.

Более всего хотел бы сочинитель вышеприведенных стихотворений, чтобы смотрели на него как на путешественника, какого похвалят, если удастся ему примениться, по внутренней склонности, к нравам чужой земли, усвоить себе тамошнее пользование словами, воспринять обычай, разделить убеждения. Его извинят, если успеет он в том лишь до известной степени, если все еще можно будет узнавать в нем чужака по особой интонации³, по непреодолимому упорству исконной, неподатливой породы пришлеца. В этом смысле да будет даровано книжке этой прощение! Знатоки простят со знанием дела, любители же, которым недочеты не столь мешают, пусть принимают предложенное не обинуясь.

А чтобы скорее понравилось соотечественникам привезенное нашим путешественником, он берет на себя роль купца, раскладывает свои товары покрасивее и всячески старается выставить их в приятном свете; так уж пусть не обижаются на него за выражения речи уведомительные, описательные и даже хвалительные.

Прежде же всего следует нашему поэту сказать, что первым долгом своим почитал он общепонятность, как в вещах нравственных, так и эстетических, а потому пользовался и языком наименее замысловатым, и размерами простейшими и наиболее доступными, из тех, что свой-

ственны его родной речи; лишь отдаленно намекает он на ту искусность, изощренность, посредством которых стремится понравиться человек восточный.

Разумению же препятствуют чужеземные слова, каких нельзя было избежать, ибо относятся они к определенным предметам, к мнениям, верованиям, обычаям, басням и нравам⁴. Объяснять таковые почитал поэт следующей своей заботой; учел он и пожелания, вытекавшие из вопросов и возражений немецких читателей и слушателей. Прибавленный к книге Указатель⁵ отмечает страницу, где встречается темное место и где оно поясняется. Объяснения же даются в известной последовательности, так чтобы не было отрывочных комментариев, а складывался самостоятельный текст, который, сколь бы ни был он краток и несвязен, дает все же читателю обзор и изъяснение целого.

Да будет же принято направление, к какому призваны мы на сей раз! Смеем надеяться: в эпоху, когда столь многие создания Востока бережно усваиваются нашему языку, быть может, покажется достойным, чтобы и мы привлекли внимание к той стороне, откуда, на протяжении тысячелетий, доставлялось к нам так много великого, прекрасного и доброго, откуда каждодневно можно ожидать еще большего.

ЕВРЕИ

Наивная поэзия — у всякой народности первая, она лежит в основании всего последующего; чем свежее, чем естественнее та первая поэзия,

тем счастливее протекает развитие в позднейшие эпохи.

Говоря о восточной поэзии, нельзя не вспомнить о древнейшем собрании, о Библии¹. Значительная часть Ветхого Завета написана в возвышенном умственном строе, с энтузиазмом и принадлежит полю поэзии.

Если живо представить себе времена, когда сам Гердер, когда сам Эйхгорн² давали нам разъяснения касательно Библии, — то будут воспоминания о высоких наслаждениях, подлинно лучезарный восход Солнца на Востоке. Что даровали нам эти мужи, что оставили они нам в наследство, о том можно сказать лишь кратко, и да простят нам поспешность, с которой проходим мы мимо таких сокровищ.

Помянем, ради примера, лишь Книгу Руфь³ — при высокой ее цели, именно доставить царю Израилеву пристойных и занятых предков, ее можно рассматривать и как прелестнейшее целое — в малом, излагаемое как эпически, так и идиллически.

Остановимся на мгновение и на Песни Песней⁴, самом неподражаемо нежном, что дошло до нас от запечатлений любви страстной и прелестной. Мы жалеем, правда, что состояние фрагментарных и перепутанных, перемешанных стихов⁵ не доставляет нам вполне чистого наслаждения, и, однако, нас приводит в восторг мысль, что мы можем проникать чувством в те жизненные условия, когда творили писавшие их. Повсюду веют кроткие ветерки приятнейшей из частей Ханаана; интимность сельских отношений, сады, виноградники, пряности, какая-то

ть городских ограничений, а затем, на заднем плане всего, роскошный, великолепный царский двор. А главное — пылкая склонность молодых сердец, — они ищут друг друга и находят, и отталкивают, и манят друг друга, в обстоятельствах жизни, отмеченных величайшей простотой.

Не раз думали мы над тем, чтобы извлечь что-то из этого столь прелестного беспорядка, выстроить в ряд, но как раз загадочная неразрешимость и придает этим немногим листкам их своеобразную привлекательность. Сколько раз уж бывало, что степенные и благонамеренные люди соблазнялись найти в них или вложить в них разумную взаимосвязь — нет! преемникам остается все та же работа.

И Книга Руфь, случалось, увлекала своей неодолимой прелестью не одного деловитого человека, так что он начинал предаваться иллюзии, будто событие, излагаемое великолепно-лаконически, только выиграет в пространной парафразе.

И так вполне возможно, что, рассматриваемая книга за книгой, Книга Книг явит нам⁶, зачем дана она нам — затем, чтобы приступали мы к ней, словно ко второму миру, чтобы мы на примере ее и заблуждались, и просвещались, и обретали внутренний лад.

АРАБЫ

Величайшие сокровища народа, живущего к Востоку отсюда, народа арабского, обретаются в Моаллакате¹ Это — хвалебные песнопения, те, что одержали победы на состязаниях поэтов;

стихотворения, возникшие прежде времен Магометовых, начертанные золотыми письменами, вывешенные на вратах мечети в Мекке. Они выдают народность кочевую, воинственную, богатство которой заключено в стадах, изнутри тревожимую племенной междоусобицей. Представлены нам: беззаветная преданность соплеменникам, честолюбие, храбрость, непримиримая жажда мести, смягчаемая любовной печалью, добрыми делами, самопожертвованием, и все это с размахом безмерным. Эти создания дают достаточное понятие о высокой культуре племени курайш, из которого вышел сам Магомет, — он набросил, однако, мрачные покровы религии на жизнь арабов и сумел скрыть от них всякую перспективу более чистого развития.

Ценность этих прекрасных стихотворений, числом семь, еще возвышается благодаря тому, что в них царит величайшее многообразие. Не можем отдать в том отчет более краткий и более достойный, нежели включив сюда характеристику этих произведений, какую дает процицательный Джонс²: «Стихотворение Амралкайса мягко, радостно, блестяще, изящно, многообразно, прелестно. Тарафа: смел, взволнован, пылок и вместе пронизан известным настроением беззаботной веселости. Стихотворение Зоheyра отчетливо, сурово, целомудренно, со множеством нравственных наставлений и весомых речений. Стихотворение Лебида легко, игриво, нежно, влюбчиво; оно напоминает вторую эклогу Вергилия, ибо поэт сетует на гордость и высокомерие возлюбленной и, пользуясь

случаем, исчисляет свои доблести, превознося до небес славу своего племени. Песнь Антары горделива, угрозлива, величава, роскошна, не без красоты в описаниях и образах. Амр — возвышен, хвастлив, непоседлив; за ним же Харес, полнящийся мудростью, достоинством, умом. Последние две песни к тому же предстают полемическими речами, политическими и поэтическими, произнесенными перед собранием арабов с тем, чтобы положить конец губительной ненависти двух колен».

Должно быть, этими немногими словами мы побудим наших читателей прочитать или перечитать те стихотворения; однако сейчас приведем другое³, уже из времен Магометовых, но выдержанное в духе прежних. Можно было бы охарактеризовать его как мрачное или даже угрюмое, пылающее жаждой мести и мстью пресыщенное.

1

Под скалой у дороги
Лежит он, убит,
В чью кровь
Роса не падет.

2

Бремя мне возложил,
Почив;
Право же, этот груз
Я снесу.

3

«Наследник мести моей,
Сын моей сестры,

Воинствен
И непримирим он.

4

Пенится ядом он
И, как змея, молчалив,
Гадюка, пышет он яд —
Яду заклятья нет».

5

Страшная весть на нас
Великого горя сошла;
Мощнейшего бы
Повергла.

6

Меня обрала судьба,
Раня радушного,
У которого гость
Урона не нес.

7

Жаром Солнца он был
В день прохладный,
А в пыл Сириуса
В тень обращался и хлад.

8

Бедрами сух,
Не сухопар,
Влажен руками,
Храбр и могуч.

9

Тверд и ясен,
Стремился к цели,
Пока не усоп;
Усопла и твердость глаз.

10

Был он тучным дождем,
Дары дарящий;
А налетал —
Яростный в гневе лев.

11

Велик пред народом,
Волосом черен, долгопол,
Летел на врага —
Тощий волк.

12

Два вкуса роздал он,
Мед и полынь,
Пищу из них одного
Пробовал всякий.

13

Страшен, ездил один,
Никто не бывал с ним,
Только меч Йемена,
Украшен щербой.

14

В полдень мы, юноши, шли
В кровавый набег,

Шли напролет всю ночь,
Без устали, как облака.

15

Каждый — словно меч,
Мечом препоясан,
Из ножен вырван
Молнии блеск.

16

Они вдыхали сонных духов,
Клонясь головой,
Мы их разили —
Они отходили.

17

Мы отмстили сполна;
Бежало из двух колен
Немного,
Малого меньше.

18

А ведь хузаилит⁴
Копье его поломал,
Ибо своим копьем
Хузаилитов ломал.

19

На жестком одре
Положили его,
На скалу, где верблюды
Ногти свои изломал.

20

Когда утро застало,
В черном месте, убитого,
Был он ограблен,
Добыча исчезла.

21

Теперь же, убиты мной,
Хузаилиты в глубоких ранах.
Меня беда не согнет,
Погнется беда о меня.

22

Жажду копья утолил
Первым глотком,
Не отказать и потом
В сладком ему питье.

23

Теперь и вино мне пить
Можно вновь,
Обильным трудом
Обрел дозволение.

24

На меч и копье
И на коня простру
Дозволение,
Общес — наше питье.

25

Кубок подай же мне,
О, Савад бен Амре:

Ибо тело мое вую ради
В рану обращено.

26

Кубок смертный
Мы подали хузаилитам,
Горе родит он,
Рабство и слепоту.

27

Смеялись гиены
Хузаилитам мрущим.
И ты узрел волков,
Блеск исходил от их лиц.

28

Коршуны, коршунов цвет,
От тела к телу свершали путь.
Попировав на славу,
Ввысь не могли подняться.

Много ли надо, чтобы разобраться в этом стихотворении. Величие характера, суровость, праведная жестокость поступков — все это составляет здесь самый мозг поэзии. Первые две строфы дают ясную экспозицию, в третьей и четвертой говорит мертвец, возлагающий на родичей своих бремя мести за него. Пятая и шестая по смыслу примыкают к первым двум, лирическим тоном перенесены они сюда; строфы с седьмой по тринадцатую превозносят убиенного, чтобы все почувствовали великость утраты. Строфы с четырнадцатой по семнад-

цатую описывают набег на врагов; восемнадцатая возвращает назад; девятнадцатая и двадцатая могли бы стоять после первых двух. Двадцать первая и двадцать вторая нашли бы место после семнадцатой; затем наступает пора веселья, ликования и пиршественных услад; завершает же все жуткая радость при виде убитых врагов, брошенных на съеденье гиенам и коршунам.

Весьма знаменательным кажется нам в этом стихотворении то, что чистая проза действия становится поэзией благодаря перестановке отдельных событий. Этим умножается суровость стихотворения — равно и тем, что почти лишено оно внешних красот, а потому всякий вчитывающийся в него постепенно, от начала к концу, выстраивает в воображении своем всю картину событий.

ПЕРЕХОД

Обращаясь теперь к народу мирному и нравному, к персам, мы, поскольку ведь их поэтические создания и послужили, собственно, поводом к созданию этой работы, должны вернуться во времена первоначальные — с тем чтобы времена позднейшие сделались нам разумительны. Для историка вечно знаменательно то, что, как бы ни завоевывали, как бы ни поработали и даже уничтожали землю враги, всегда сохраняет свой характер некое ядро народности, так что, не успеешь и оглянуться, как издревле ведомый феномен народа вновь выступает на сцену.

В этом смысле да будет угодно внимать вести о древнейших персах, чтобы тем более уверенным и стремительным шагом пройти расстояние, отделяющее их от настоящего дня.

БОЛЕЕ ДРЕВНИЕ ПЕРСЫ

На созерцании природы основывалось богопочитание древних парсов. Поклоняясь Творцу, они обращали взор в сторону восходящего Солнца, всем очевидного великолепнейшего из явлений. Там, верилось им, созерцали они воздвигнутый престол Господень, в окружении сверкающих искр — ангелов. Славу Божию в возвышающем душу служении ему мог каждодневно лицезреть каждый, и самый малый из малых. Из хижины выходит бедняк, воин — из шатра, и вот уже отправлена проникновеннейшая из функций. Новорожденных святили в огненной купели солнечных лучей, и весь день напролет и во всю свою жизнь видел парс, что неотступно сопутствует ему, во всех его деяниях и поступках, изначальное светило. Луна и звезды разгоняли мрак ночи, недостижимые, как и оно, достояние беспредельности. Огонь же всегда был рядом, он грел, освещал, по способности своей. Творить молитву в присутствии местоблюстителя сего, склоняться пред бесконечно прочувствованным — все это становится благовоспринятой обязанностью благочестия. Что может быть опрятнее светлого восшествия Солнца, и с той же опрятностью следовало разводить и сберегать огонь, дабы пребывал он священным, солнцеподобным.

Кажется, Зороастр¹ первым превратил драгоценную чистую религию Природы в обстоятельный ритуал. Умная молитва, что объемлет всякую религию и исключает каждую, лишь у немногих, осененных благодатью Божией людей пронизывает все житие их, — она у большинства прорывается языком пламени, переживанием мгновения, дарующим блаженство, — по прошествии мгновения, исчезнувшего, человек, возвращенный себе самому, неудовлетворенный и незанятый, немедленно впадает в неизбывную тоску бытия.

Заполнить пустоту тоскливого времяпрепровождения церемониями — освящением и очищением, приходами и уходами, поклонами простыми, поклонами земными — вот обязанность и право жреческого сословия, вот то, что в течение веков дробит их занятие на бесконечные мелочи действий. Кто хочет быстро обозреть путь, пройденный от поклонения, по-детски радостного, восходящему Солнцу до безумствования гебров², что поныне творится в Индии, тот пусть представит себе: там — свежую, только что проснувшуюся ото сна и впервые стремящуюся подняться навстречу Солнцу народность, здесь — племя омраченного духа, старающееся развеять тоску обыденную скукой набожной.

Важно, однако, отметить, что древние парсы отнюдь не почитали один только огонь; религия их покоится на достоинстве всех стихий — в той мере, в какой возвещают они бытие и величие господне. Отсюда священная боязнь загрязнить воду, воздух, землю. Почитание же

всего природного, что окружает человека, ведет к гражданским добродетелям, — пища и побуждение к тщанию, опрятности, осмотрительности. На том основывалось у них возделывание земли — во всем: они не загрязняли рек и, проводя каналы, содержали их в чистоте и старательно экономили воду, от циркуляции которой проистекало плодородие земли, какой в те времена возделывалось там в десять с лишним раз больше, нежели теперь. С величайшим тщанием совершалось все то, на что с улыбкой смотрело Солнце, и прежде всего возвращалась виноградная лоза, самое родное дитя Солнца.

Странный способ хоронить умерших³ происходит от того же преувеличенного старания не замутить чистоты стихий. И надзирая за порядком в городах, следовали тем же началам: чистота улиц была у них статьей религии; еще и теперь, когда гебры изгнаны, прокляты, презрены меж людьми, когда они могут поселяться лишь в предместьях, да и то лишь в пользующихся дурною славой кварталах, умирающий, если исповедует он эту веру, определяет в завещании известную сумму денег только на то, чтобы безотлагательно была вымыта и вычищена та или иная улица столицы. Благодаря столь жизненному, практическому богопочтанию стало возможно невысказанно густое народонаселение, о чем свидетельствует история.

Религия столь чуткая, возведенная на идею всеприсутствия Бога в его, принадлежащих чувственному миру, творениях, не может не оказывать особого влияния на нравы людей. Стоит лишь поразмыслить над главными их запове-

дями и запретами: не лги, не делай долгов, не будь неблагодарным! — полезность таких уроков без труда выведет для себя всякий моралист и аскет. Ибо, собственно говоря, первый запрет уже содержит в себе два вторых, да и все прочие, потому что все они своим возникновением обязаны лживости и обману, отчего и дьявола на Востоке поминают лишь намеком — как «вечного лгуна».

Но поскольку религия эта ведет к созерцательности, она могла бы легко соблазнить к изнеженности, — уже в длинных, широкополых одеяниях парсов заметно что-то женское. Однако в нравах и установлениях ощущалось и значительное действие противоположного. Они носили оружие, даже в мирные дни, даже среди своих, они всевозможными способами упражняли свои силы в пользовании им. Традиционным было их умение ездить на конях искусно и стремительно, игры их, например с мячом и лаптой, на больших ристалищах, тоже поддерживали в них крепость, силу, ловкость, а немилосердные конскрипции по первому же требованию царя всех поголовно обращали в героев.

Обратимся теперь вновь к их религиозному чувству. Поначалу общественные обряды ограничивались у них небольшим числом очагов огня и были тем почтеннее, затем, потихоньку-полегоньку, численность высокодостоинного жречества стала возрастать, отчего множилось и число очагов. Что духовная власть, столь солидарная в себе, станет время от времени возмущаться против властей светских, заключено в природе их извечного несогласия. И маги, ви-

дим мы, не раз наводили ужас на правителей земли, уж не говоря о том случае, когда лже-Смердис⁴, маг, которого возвысили и какое-то время поддерживали собратья по сословию, за получил в свои руки все царство.

Развеянные во все концы нашествием Александра, не пользовавшиеся покровительством парфянских царей — его преемников, вновь удостоенные чести и собранные воедино при Сасанидах⁵, парсы постоянно доказывали верность своим началам и оказывали сопротивление правителям, если те действовали наперекор им. Так воспрепятствовали они браку Хосрова с красавицей Ширин⁶, христианкой, на все лады досаждая обоим сторонам.

Наконец, арабы потеснили их на веки вечные и заставили переселиться в Индию; на всех тех, кто из единомышленников их по-прежнему проживал в Персии, обрушились брань и насмешки, их то терпели, то преследовали по капризу властителей, но все еще сохраняет религия эта первозданную свою чистоту, здесь, там, в самых жалких уголках, что и старался выразить поэт в «Завете старого парса»⁷

Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что за долгие века накопился значительный долг человечества этой религии, что заключалась в ней потенция более высокой культуры, распространявшейся в западной части восточного мира. Правда, крайне трудно составить себе представление о том, как, откуда исходила эта ширившаяся культура. Множествѣ городов словно пульсирующими точками жизни были рассеяны по множеству областей; но более

всего восхищает меня то, что индийское кумиропослужение при всей своей роковой географической близости к парсам не способно было оказать какое-либо воздействие на них. Вот что поражает: города Балха⁸ и Бамиана⁹ находились в непосредственной близости друг от друга, — тут можно было видеть, что люди поклоняются нелепейшим идолам¹⁰, изготовленным в гигантских размерах, меж тем как там поддерживались храмы чистого огня, возникали обширные монастыри этого вероисповедания и собирались неисчислимые толпы мобедов¹¹. Каким замечательным было устройство таких обителей, о том свидетельствуют имена выдающихся мужей, что вышли из них. Оттуда родом было семейство Бармекидов¹², блиставших в рядах влиятельных слуг государства, пока не постигла их та судьба, что в наше время один похожий на них род¹³, — они были истреблены и изгнаны из пределов страны.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Если философ построяет, согласно принципам, право природы, народов, государств, то любитель истории старательно исследует, как испокон века обстояли дела с подобными человеческими связями и отношениями. И вот мы находим на древнейшем Востоке: всякую власть можно вывести из права объявления войны. Право это, как и все иные, поначалу заключено в воле, в бурной страсти народа. Член сообщества терпит оскорбление, и тотчас же, не

Дождаясь приказаний, толпа приходит в волнение, готовая мстить обидчику. Но поскольку множество людей хотя и может действовать, но руководить само собою не способно, то ведение войны оно, по выбору, обычаю, привычке, передает отдельному человеку, то ли на время одного похода, то ли на время нескольких; даровитому человеку поручает она этот опасный пост до скончания жизни, впоследствии, пожалуй, и с передачей наследникам. Так один человек, получая право вести войну, приобретает и право войну объявлять.

Отсюда, помимо всего прочего, вытекает и привилегия призывать, вытребовать, принуждать к участию в войне любого гражданина государства, о ком, впрочем, и без того следует думать, что он всегда рад сразиться и сам всегда готов к бою. Призыв на войну, если только должно было ему быть справедливым и действенным, не мог не производиться, испокон века, с крайней жестокостью. *Первый из Дариев*¹ вооружается, чтобы идти войной на подозрительных соседей, несчетный народ подчиняется его желанию. Старик отправляет на войну² трех сыновей, он просит освободить от похода младшего, царь же посылает ему юношу разрубленным в куски. Итак, здесь уже явлено право распоряжаться жизнью и смертью. В самом сражении о том и не спрашивают: разве не бывает так, чтобы больша́я часть войска не приносилась в жертву совершенно напрасно, в результате произвольных и неумелых действий, и никто не требует отчета в том от военачальника?

У воинственных народностей то же условие сохраняется и в недолгие периоды мира. Вокруг царя вечно бушует война, и никто при дворе не может поручиться за свою жизнь. Точно так же продолжают во все времена собирать налоги, причиной которых была война. Поэтому и Дарий Кодоманн³ весьма предусмотрительно установил регулярные поборы вместо добровольных взносов. В согласии с таким принципом, с таким установлением, персидская монархия достигла величайшего могущества и процветания, хотя в конце концов и потерпела крах, встретившись с вдохновенным патриотизмом небольшой соседней, лишенной единства нации.

ИСТОРИЯ

Когда выдающиеся государи собрали воедино боевые силы персов, придав гибкость и подвижность толпам, персы явили себя опасными дальним, не то что соседним народам.

Все были покорены ими, одни греки, погрязшие в междоусобицах, объединились против полчищ неоднократно подступавшего к ним врага, развив в себе беспримерную жертвенность, доблесть первую и последнюю, в ней же содержатся все иные. Благодаря этому выиграли время, ибо по мере того как персидское могущество внутренне разлагалось, Филипп Македонский мог закладывать основы единства, собирать вокруг себя всех греков и готовить, ценою утраты внутренней свободы, победу над внешними утеснителями. Сын его¹ пошел войною на персов и завоевал империю.

Не только ужасны, но и ненавистны сделались персы греческой народности, ибо воевали равно с государством и с культом богов. Покорствуя религии, почитавшей богоподобными существами, на вольных просторах мира, огонь, стихии, созвездия небесные, персы находили достойными всяческого порицания то, что греки замыкали своих богов в домах, поклоняясь им под крышею. Стали сжигать и рушить храмы, поставив себе тем памятники вечной ненависти, ибо греки были столь мудры, что решили никогда не восстанавливать из руин эти храмы, но, для возбуждения чувства мести, оставить их лежащими в развалинах, в многозначительном предощущении грядущего. Это настроение отмщения за поругание культа богов греки принесли с собой на земли персов; не одна жестокость этим поясняется, некоторые склонны извинять этим пожар Персеполиса².

Был разрушаем богослужебный культ магов, которые, удалившись первобытной простоты, уже нуждались, впрочем, в храмах и монастырских зданиях, маги были изгоняемы и рассеиваемы, хотя достаточное множество их и собиралось тайком, чтобы хранить до лучших времен обряды и верования персов. Терпение их, впрочем, подвергалось суровому испытанию: ибо когда со смертью Александра прервалось недолгое единодержавие и царство распалось, этой частью земель, какая прежде всего интересует нас сейчас, завладели парфяне. Они усвоили язык, нравы, религию греков. И так пять столетий кряду священный огонь непрестанно тлел под пеплом древних храмов и капищ, так что

когда в начале третьего столетия нашего летоисчисления Сасаниды, исповедники древней религии, восстановили былое богопоклонничество, они обнаружили немало магов и мобедов, которые сохранили жизнь свою и убеждения, поселившись в Индии и близ ее рубежей. Вновь был извлечен на свет древнеперсидский язык, греческий — изжит, вновь было положено основание народности. Тут мы обнаруживаем, что на отрезке в четыреста лет в довольно степени сохранена мифологическая предыстория персидских событий, переживания ее в прозе и стихах. Блестящие сумерки их непрестанно занимают нас, а многообразие характеров и событий пробуждают в нас душевное участие.

Но если что удастся слышать нам о зодчестве, об изобразительном искусстве той эпохи, так тут все было направлено лишь на роскошь и великолепие, широту и громоздкость и бесформенность фигур; да и могло ли быть иначе — ведь искусство им пришлось позаимствовать на Западе, а оно уже находилось здесь в глубоком упадке. Поэт сам владеет перстнем с печаткой Сапора I³, ониксом, что резал, видно, западный художник той поры, может быть, пленник. Но разве резчику Сасанида-победителя положено быть более умелым, нежели резчику Валентиниана-побежденного?⁴ О том, как обстоят дела с монетами того времени, к сожалению, слишком хорошо нам ведомо. Поэтически-сказочная сторона тех сохранившихся памятников, благодаря усилиям знатоков, тоже свелась постепенно к исторической прозе. Так что мы хорошо понимаем на этом примере, что

народ может стоять на весьма высокой нравственно-религиозной ступени, может окружать себя пышной роскошью, но в отношении искусств по-прежнему числиться среди народов варварских.

Чтобы по достоинству ценить, а не переоценивать, к собственному своему неудовольствию и посрамлению, позднейшую восточную и прежде всего персидскую поэзию, нам следует хорошенько поразмыслить над тем, в чем собственно состояла истинно ценная поэзия тех времен.

С Запада, кажется, совсем немного проникло даже и в близлежащие страны Востока, все взоры были устремлены на Индию, а поскольку для почитателей огня и стихий была неприемлема тамошняя безрассудно-чудовищная религия, практических же людей вовсе не устраивала туманная философия, то заимствовали отсюда то, что всегда по душе людям, именно сочинения, имевшие касательство к жизненной мудрости, и, поскольку придавали величайшую ценность басням Бидпай⁵, то тем уже была в самом глубочайшем основании разрушена будущая поэзия. Одновременно заполучили из того же источника и шахматную игру, какой достаточно, чтобы в соединении с практической мудростью положить конец всякому поэтическому чувству. Если предпослать все сказанное, то мы будем вынуждены всячески восхвалять природные задатки позднейших поэтов Персии, на все лады восхищаясь ими, ибо, вызванные к жизни благоприятным стечением обстоятельств, они сумели побороть немало неблаго-

приятствований времени, избегали их воздействия, а то и преодолевали их в себе.

Близость Византии, войны с западными императорами и проистекавшие отсюда взаимоотношения привели в довершение всего к некоей чересполосице, когда и христианская религия тоже вьется узенькой лентой между ветхими парсами, не без сопротивления мобедов и хранителей древней веры. Ведь и многочисленные неприятности и даже само великое несчастье, постигшее превосходного государя Хосрова Парвиза, проистекали лишь от того, что Ширин, прекрасная и прелестная, твердо держалась христианской религии.

Все сказанное, пусть и при самом поверхностном рассмотрении, вынуждает нас признать, что преднамерения и политические шаги Сасанидов заслуживают величайших похвал; но только не были Сасаниды достаточно сильны, чтобы сохранить власть в плотном окружении врагов, притом в эпоху глубоких волнений. Хотя и оказали они решительное сопротивление, но были поработаны арабами, которые в те времена, благодаря Магомету, благодаря единству, достигли ужасающего могущества.

МАГОМЕТ

В нашем рассмотрении мы либо исходим из поэзии, либо к ней возвращаемся, так что будет весьма согласно с нашими целями, если, говоря об этом необыкновенном человеке, мы сначала расскажем о том, что он настойчиво утверждал и в чем заверял: он — не поэт, а про-

рок, и Коран — божественное законоуложение, а не писанная людьми книга, какую читают ради поучения или развлечения. Чтобы ближе указать различие между поэтом и пророком, скажем: оба волнуемы, оба вдохновляемы Богом, но только поэт дарования, какими наделен, растрчивает на наслаждения и на то, чтобы доставлять наслаждение, добиваться своими произведениями почестей и в любом случае жить в свое удовольствие. Иные цели он упускает из виду, стремится быть многообразным, показав, что умонастроениям его и манерам нет пределов. Пророк же смотрит в одну точку — это определенная ему цель; чтобы достичь ее, он пользуется простейшими средствами. Он провозглашает такое-то учение и намерен, словно вокруг знамени, собирать вокруг него народы. Для этого необходимо, чтобы мир уверовал; итак, приходится быть и оставаться монотонным, потому что многообразие — предмет не веры, но познания.

Все содержание Корана, — чтобы немногими словами сказать многое, — заключено в начале второй суры, что звучит так: «Эта книга не ведет сомнений. Это наставление благочестивых, полагающих истинными тайны веры, соблюдающих часы молебствий и подающих милостыню из того, что дано им нами; они веруют в откровение, какое было ниспослано пророкам до тебя, и владеют обетованиями грядущей жизни; ими руководит Господь, и они будут счастливы и блаженны. Что до неверных, тем безразлично, будешь ли ты усоветать их или не будешь; все равно они не уверуют. Бог запечатал сердца

их и уши. Мрак покрывает лицо их, тяжкая кара постигнет их».

И о том твердит Коран сура за сурой. Вера и неверие делят между собою верх и низ; небеса и ад уготованы исповедникам и отрицателям. Более подробное определение заповеданного и запретного, баснословие иудейской и христианской религии, притчи всяческого рода, тавтологии и повторы без конца и края — вот что составляет корпус этой священной книги, которая, сколь бы часто ни обращались мы к ней, поначалу отвращает нас от себя, потом привлекает к себе, вызывает удивление и, в конце концов, вынуждает отнестись к ней с почтением.

В чем сохранит она величайшую значительность для историка, о том скажем словами выдающегося ученого¹: «Главное намерение Корана заключалось, как представляется, в том, чтобы объединить сторонников трех различных господствовавших в тогдашней многолюдной Аравии религий, которые жили вперемежку, мало думали о будущем, блуждали без пастырей и руководителей, причем бóльшая часть состояла из идолопоклонников, а остальные из иудеев и христиан самого ложного еретического толка, — объединить их в познании и почитании единого, вечного, незримого Бога, всемогуществом коего сотворено все и может быть сотворено то, что не сотворено, величайшего властелина, судьи и господина над всеми господами, — при сохранении известных законов и внешних знаков обрядности, отчасти древних, отчасти вновь введенных, затверживаемых

в сознании посредством представления о временных и вечных воздаяниях и карах, — и повести всех к послушанию Магомету, пророку и посланцу Божьему, который, после неоднократных увещеваний, обетований и угроз былых времен, утвердит, наконец, и силою оружия распространит на земле истинную религию и будет признан первосвященником, епископом и папой в делах духовных, а также и величайшим государем в делах светских».

Если твердо придерживаться такого взгляда, то нельзя пенять мусульманину, что тот именует временами невежества времена домагометовы и искренне убежден, что вместе с Исламом в мир входит свет и ум. Стиль Корана, сообразно содержанию его и цели, суров, ужасен, величествен, местами подлинно возвышен, — клин клином вышибается, и потому никому не след дивиться производимому этой книгой действию. Отчего подлинными почитателями своими и признается книгой не рукотворной, но существующей от века, как сам Господь Бог. Невзирая на то, находились умники, признававшие, что бывал прежде и лучший стиль поэзии и письменности, утверждавшие даже, что коль скоро Богу не было бы угодно открыть людям свою волю и закон, арабы сами по себе, не сразу, а постепенно, возвысились бы и до этой ступени культуры, и достигли бы еще более высокой, и пришли бы к более чистым понятиям, говоря о них языком чистым.

Иные же были смелее и утверждали, что Магомет погубил язык их и словесность и что им не пережить последствий такого удара. А один

поэт, дерзновеннее всех и очень умный, смело заявил: все сказанное Магометом говорил и он сам, и еще гораздо лучше; этот поэт даже собрал вокруг себя таких же отщепенцев. Его поэтому прозвали в насмешку Мотанабби², под этим прозвищем он известен и нам, прозвище же это означает — человек, которому хочется разыгрывать из себя пророка.

Хотя мусульманская критика и сама находит в Коране сомнительное, — тут и цитаты из Корана, которые в прежние времена приводились оттуда и которых теперь нельзя найти в нем, тут и противоречия, когда одно место опровергается другим, тут и всякие прочие изъяны, каких невозможно избежать в памятниках письменности, — книга эта сохранит действительность на вечные времена, будучи практичной и составленной в полном соответствии с потребностями нации, которая славу свою основывает на древних преданиях и крепко держится установившихся обычаев и нравов.

В своей неприязни ко всякой поэзии Магомет весьма последовательно запрещает любые сказки. Эти игры легкомысленного воображения, вольно снующего между реальностью и невысказанным, излагающего невероятное словно истину и несомненность, в высшей степени отвечали восточной чувственности — изнеженному покою и уютному безделью. Легкие, колышущиеся воздушные создания, стоящие на неверной почве, числом своим достигли во времена Сасанидов бесконечности, — примером служат сказки «Тысячи и одной ночи»³, нанизанные на непрочную нить. Своеобразный характер их — в том, чтобы

не иметь какой-либо нравственной цели, а потому не обращать человека внутрь его души, но выносить в некие просторы безусловности и свободы. Магомет же стремился как раз к обратному. Смотрите, как обращает он в легенды все предания Ветхого Завета, события из жизни патриархов, хотя и эти последние все зиждутся на безусловной вере в Бога, на безусловном послушании, а, стало быть, на Исламе, — Магомет, с подробностью весьма разумной, стремится лучше выразить и лучше затвердить в памяти веру в Бога, доверие и послушание; при этом он позволяет себе и известную сказочность тона, служащую именно его целям. Но восхищаешься им, когда, следуя ему, рассматриваешь и разбираешь истории Ноя, Авраама, Иосифа.

ХАЛИФЫ

Но чтобы вернуться к нашему подлинному кругу, повторим, что Сасаниды правили примерно четыреста лет, в последнюю пору, может быть, и без прежней силы и блеска, но, наверное, они еще и дольше сохранили бы власть, если бы только могущество арабов не возросло настолько, что ни одна из прежних империй не могла противостоять им. Уже при Омаре, вскоре после Магомета, погибла та царская династия, которая хранила староперсидскую религию и способствовала распространению культуры, достигшей редкостной степени.

Арабы тотчас же ополчились на книги, ненужную и вредную, на их взгляд, писанину;

они уничтожали памятники литературы, так что и мельчайших отрывков почти не дошло до нас. Немедленно введенный в обиход арабский язык препятствовал восстановлению чего-либо национального. Но и тут мало-помалу культура побежденных начала брать верх над неотесанностью завоевателей, и победители-магометане стали упиваться роскошью, приятными нравами и уцелевшими остатками поэзии покоренных ими народов. Поэтому всем и известна поныне, как эпоха самая блестящая, та пора, когда Бармекиды¹ пользовались влиянием в Багдаде. Эти Бармекиды, выходцы из Балха, были не монахами, а патронами и покровителями больших монастырей и учебных заведений, сберегали в своей среде священный огонь поэтического и ораторского искусства, а благодаря практической мудрости и величию характера могли утверждать свое высокое положение также и в политической сфере. Оттого-то и вошло в поговорку выражение — «времена Бармекидов»; то была эпоха местного расцвета живой деятельности — из тех, о которых, когда они кончаются, можно только надеяться, что когда-нибудь, по прошествии немалого времени, в иных местах, при подобных же обстоятельствах, может быть, и вновь процветет нечто похожее.

Но и халифат просуществовал не долго; колоссальная империя едва продержалась четверста лет; наместники более отдаленных областей все более и более утверждали свою самостоятельность, охотно признавая за халифами духовную власть, что дарует титулы и безбедную жизнь.

ЗАМЕЧАНИЕ, ВЕДУЩЕЕ К ДАЛЬНЕЙШЕМУ

Воздействия физического климата на внешний облик человека с его строением и телесными свойствами не отрицает никто, но не всегда думают о том, что и форма правления производит определенный моральный климат, в котором иначе складываются человеческие характеры. Не о толпе говорим сейчас, но о значительных, выдающихся людях.

В республике образуются характеры значительные, гармоничные, преданные невозмутимой чистой деятельности; когда же республика перерастает в аристократию, то появляются мужи достойные, дельные, последовательные, поражающие своим умением приказывать и подчиняться. Если же государством овладевает анархия, тотчас же выступают дерзкие храбрецы, презирающие общепринятую мораль, действующие безрассудно самовольно, наводящие тем ужас, прочь изгоняющие какую-либо умеренность. Деспотизм же творит характеры могучие; спокойный и умный охват целого, целенаправленность, твердость, решительность — все это свойства, необходимые для того, чтобы служить деспотам, они развиваются в людях способных и доставляют им первые должности в государстве, на каких воспитывают они в себе таланты правителей. Такие люди вырастали при Александре Великом, — после его безвременной кончины они и предстали в роли царей. Халифы выносили на своих плечах громаду колоссальной империи, приходилось управлять

ею через наместников, власть и самостоятельность наместников множились, тогда как сила верховных правителей убывала. Таким дельным, даровитым человеком, сумевшим основать свое отдельное царство и получившим его по заслугам, был тот, о ком будем говорить сейчас, знакомясь с почвой новой персидской поэзии и ее значительными жизненными началами.

МАХМУД ИЗ ГАЗНИ

Махмуд, отец которого основал сильное царство в горах, граничащих с Индией, в то самое время, когда халифы впадали в ничтожество в долинах Евфрата, продолжил деятельность своего предшественника и прославился как Александр и как Фридрих¹. Он признает халифов за некоего рода духовные власти, которые, для собственной же пользы, отчего бы не признать; однако границы своего царства он расширяет, идет затем походом на Индию, с огромным войском и с особенным успехом. Ревностный магOMETанин, он неутомим и строг в распространении веры и искоренении кумиропочитания.

Вера в единого Бога всегда возвышает душу, отсылая человека к внутреннему миру его души. Ближе — всенародный пророк, требующий лишь приверженности вере, соблюдения формальных обрядов, — он велит распространять веру такую, какая, подобно любой иной, оставляет сектантам и фанатикам простор для домыслов и бесконечных толкований и при всем том, невзирая ни на что, не перестает быть сама собой.

Простота такого богопочитания, разумеется, обреталась в самом горестном противоречии с индийским идолослужением, вызывала сопротивление, вела к борьбе, к кровавым, беспощадным войнам, в которых рвение крушить и обращать еще множилось благодаря разведанным несчетным сокровищам. Чудовищных безобразных истуканов, полые туловища которых уж находили полными золота и драгоценностей, стали разбивать в куски и четвертованными отправлять домой устилать ими входы магометанских святилищ. И поныне индийские чудища ненавистны чистому чувству, с каким же отвращением, должно быть, взирали на них поборники безобразной религии!

Быть может, не совсем не к месту придется сейчас следующее замечание: об исконной ценности религии можно судить лишь по прошествии веков, по вызванным ею последствиям. Иудейская религия, наверное, всегда распространяет закоренелый упрямый нрав, но вместе с тем практическую сметливость и живую предприимчивость; вера магометанская держит своих приверженцев в некоей глухой, душной стесненности, потому что не требует от них тяжелых жертв, а за исполнение малого наделяет всем, чего только они ни пожелают, но вместе с тем эта вера, открывая грядущее, вселяет в их души храбрость и внушает им религиозно-патриотический дух.

Индийское вероучение² вовсе никуда не годилось с самого начала, да и теперь тысячи ин-

дийских богов, причем не то чтобы каких-то подчиненных божков, — нет, всякий среди них безусловно всемогущ, — только вносят смуту в жизнь с ее случайностями, только потворствуют любой нелепой страсти и только благоприятствуют извращенности пороков, этих будто бы наивысших ступеней святости и блаженства.

Но даже и очищенное многобожие, например, греческое и римское, должно было растерять, на ложных путях, своих сторонников, и, наконец, нельзя было не исчезнуть с лица земли и ему самому. Христианской же вере подобает величайшая хвала³, — незамутненное благородство ее истоков деятельно сказывается в том, что, в какие бы величайшие блуждания ни ввергал ее темный человек, — не успеешь оглянуться, как она уже снова и снова предстает перед нами в своей первозданной своеобразности, в виде благотворительного сообщества людей, в образе семейной и братской общины, призванной утолить нравственную жажду человечества.

Если мы одобряем иконоборческое рвение Махмуда, так и давайте же не пожалеем и бесчисленных сокровищ, что попали они к нему, и давайте же прежде всего почтим в его лице учредителя персидской поэзии и основоположника высшей персидской культуры. Сам-то он, родом перс⁴, не дал ввергнуть себя в арабские тесноты, он очень хорошо понимал, что самое лучшее основание и самая лучшая почва для религии — это народность; народность покоится на поэзии — на той поэзии, которая доносит до нас, в баснословных образах, наидревнейшую историю народа, шаг за шагом просвет-

ляется затем и, без всяких скачков, прямо подводит былое к самой современности.

За такими размышлениями оказываемся мы в X столетии нашего летосчисления. Мельком бросить взгляд на образованность высшего свойства, которая, невзирая на замкнутость религии, все время навязывалась Востоку. Здесь, весьма против воли необузданных и слабых правителей, накапливались пережитки греческих и римских заслуг, следы трудов многумных христиан, особые понятия которых были отвергнуты церковью, потому что церкви, как и Исламу, приходилось добиваться единоверия в борьбе.

Однако два существенные ответвления человеческого знания, человеческой деятельности завоевали себе бóльшую вольность!

Медицине надлежало целить пороки микрокосма⁵, звездочетству же толмачить все, чем льстит и грозит нам небо на будущие времена; первой пришлось присягнуть на верность природе, второй — математике, так что обе ветви зарекомендовали себя наилучшим образом и обе были поставлены на довольствие.

Делопроизводство в правление деспотов, при полной внимательности и аккуратности, все равно было сопряжено с значительным риском, и канцелярист, отправлявшийся в диван, должен был обладать мужеством воина, идущего в бой; первый не больше второго знал, увидит ли еще домашний свой очаг.

Купцы доставляли сюда все новые богатства, все новые знания, сама земля, простиравшаяся от Евфрата до Индии, представляла взору це-

лый мир предметов. Правители, изгнанники, гонители, многочисленные племена, враждующие между собой, — все это слишком часто являло взору картину внезапных перемен — побед, оборачивающихся рабством, верховной власти, сменяющейся унижительным услужением, — умные люди недаром предавались печальным размышлениям о бренности земного, исчезающего как сон.

Все это и еще многое другое — бесконечный распад, мгновенное восстановление целостности, притом в масштабах широчайших, — нужно иметь в виду, чтобы быть справедливым к поэтам, какие последуют у нас дальше, особенно к поэтам персидским; потому что всякий признает, что описанные условия мало напоминают стихию, в которой поэт может спокойно воспитываться, расти, процветать. По этой причине пусть позволят нам считать не несомненными даже и благородные достижения персидских поэтов самого первого периода. И их тоже не следует мерять мерой высочайших образцов, нужно, читая их, делать немалые допущения, нужно, прочитав их, многое им простить.

ЦАРИ ПОЭТОВ

Много поэтов собиралось при дворе Махмуда, называют число четырехсот поэтов¹, которые подвизались тут. А поскольку все на Востоке обязано покорствоваться, повинувшись высшим велениям, то государь и поставил над ними царя поэтов², обязанность которого состояла в том, чтобы поверять, оценивать всякого из

них, поощрять к трудам, сообразным дарованию каждого. На должность эту следует смотреть как на одну из главнейших при дворе: царь поэтов был министром всех ученых, историко-поэтических справ; через него изъявления высочайшего благоволения передавались его подчиненным, а когда сопровождает он двор, столь велика его свита, столь торжествен поезд, что никак нельзя было не принять его за самого везира.

ПРЕДАНИЯ

Чтобы человек оставлял грядущим поколениям сведения о событиях, его ближайшим образом касающихся, чтобы он вообще задумывался над этим, надо, чтобы испытывал он удовольствие от происходящего, чтобы проникнут был чувством высокой ценности современного. Итак, прежде всего он укрепляет в своей памяти все слышанное им о предках и это слышанное передает в облачениях баснословия, ибо устное предание не может не обретать сказочный облик. Но как только было изобретено письмо, народами, одним за другим, овладевает страсть писательства, — появляются хроники, сохраняющие поэтический ритм даже тогда, когда поэзия чувства и поэзия воображения давно уже покинули землю. Позднейшие времена тоже снабжают нас подробными мемуарами и автобиографиями самых различных видов.

И на Востоке находим весьма ранние документы значительного жизненного развития. Пусть наши священные книги и запечатлены в

письменах, побудительные мотивы их, т. е. предания, восходят к седой старине, и не можем мы не внимать им с величайшей благодарностью. А сколь многое возникало, должно быть, всякий миг на Среднем Востоке, как вправе называть мы Персию с прилежащими ей землями, сколь многое из возникшего сохранилось, несмотря на развал и запустение! Ибо если для развития обширных областей земли полезно, чтобы владел им не один государь, но чтобы разделены они были между несколькими, то такое же разъединенное состояние благоприятно и для сбережения свидетельств, потому что погибающее в одном месте может еще остаться в другом и изгоняемое из одного угла может находить прибежище в другом.

Примерно так могли сохраниться, несмотря на все разрушения и опустошения, списки, относящиеся к раннему времени, отчасти переписывавшиеся, отчасти обновлявшиеся в различные эпохи. Так обнаруживаем, что при Йездеширде, последнем из династии Сасанидов, составлена была история империи, по всей вероятности, на основании древних хроник — вроде тех, какие в бессонные ночи читали еще царю Агасферу из Книги Есфирь¹. Сохранялись копии «Бастан-наме», как именуют ту историю империи², потому что через четыре столетия после этого, при Мансуре I, Саманиде, была предпринята переработка ее, которая не была завершена, когда Газневиды поглотили царствующую династию. Однако же в Махмуде, втором царе названного рода, ожило то же влечение, он, разделив «Бастан-наме» на семь ча-

стей, роздал их семи придворным поэтам. Ансари³ посчастливилось более других понравиться своему властелину, он был провозглашен царем поэтов и ему поручили обработать целое. Он же, человек умный и ленивый, ухитрился затянуть исполнение порученного, должно быть, втихомолку озираясь по сторонам, — кому бы сбыть с рук все это дело.

ФИРДОУСИ

Умер в 1030 году

Теперь мы подходим к важнейшей эпохе персидской поэзии, подающей повод к следующему размышлению: великие мировые события совершаются при том лишь условии, что долгое время будут копошиться в своих глубинах, и расти, и возрастать, рассеянные, не связанные между собой различные наклонности, намерения, направления, пока, наконец, раньше или позже, не сложатся они в единое всеобщее взаимодействие, которое и окажется тогда на виду у всех. В этом смысле весьма показательно, что в то самое время, когда могущественный государь задумывался над необходимостью восстановить словесность своего племени и народа, сын садовника из Туса равным образом приобрел себе экземпляр «Бастан-наме» и весь свой прекрасный природный талант ревностно посвятил подобным литературным занятиям.

В намерении подать жалобу на тамошнего наместника, по случаю какого-то утеснения, отправляется он ко двору, долгое время безуспешно пытается проникнуть к Ансари, чтобы

добиться желаемого чрез его заступничество. Наконец, одной своей рифмованной строкой, весьма удачной, полной смысла, какую произнес он экспромтом, Фирдоуси становится известен царю поэтов, который, доверяя его дарованию, рекомендует его государю и доставляет ему заказ большого творения. Фирдоуси приступает к работе над «Шах-наме» при самых благоприятных обстоятельствах; поначалу труд его хорошо вознаграждают, однако по прошествии тридцати лет царский дар нимало не отвечает возлагавшимся на него ожиданиям. Обиженный, покидает он царский двор и умирает именно тогда, когда царь вновь милостиво вспоминает о нем. Не проходит года, как и сам Махмуд умирает, за каковой срок престарелый Эсседи, учитель Фирдоуси, успевает завершить поэму «Шах-наме»¹.

Творение это — важный, непреложный мифо-исторический фундамент народности; в нем хранится память племени, жития, подвигов древних героев. Содержанием его служит минувшее, времен ранних и последующих, отчего ближе к концу явственнее выступает собственно историческое, предшествующие же басни передают в сокровенной форме немало древнейшей, преемственной правды.

Фирдоуси оттого, кажется, призван был создать подобное творение, что страстно держался старины, подлинной народности и, что до языка, чистоты и дельности, стремился достичь былых ступеней их, вследствие чего изгонял из поэмы арабские речения и усердно пользовался древним пехлевийским наречием.

ЭНБЕРИ

Умирает в 1152 году

Он учится в Тусе, городе знаменитом своими учебными заведениями, городе, бывшем даже на подозрении ввиду чрезмерности ученых занятий; однажды, сидя у дверей своей коллегии, видит он могущественного знатного человека, проезжавшего мимо него в сопровождении великолепной, пышной свиты, и, к удивлению своему, узнает, что проехавший — придворный поэт; тогда решается он достичь столь же высокой ступени счастья. Сохранилось до наших дней написанное им за ночь стихотворение, которым завоевал он благорасположение государя.

Из этой и других его поэм глядит на нас светлый дух человека, наделенного безграничным кругозором, владеющего необозримым материалом, способного остро и счастливо схватывать самую суть вещей. Он живет настоящим, и, подобно тому как из школяра он сейчас же превращается в царедворца, так, по доброй воле, становится он энкомиастом и не думает, чтобы было на свете ремесло лучшее, нежели ублажать своими похвалами людей, живущих вместе и рядом с ним. Государей, везиров, благородных прекрасных дам, поэтов, музыкантов — всех украшает он своими словесиями¹, для всякого находит нечто изящное в том обширном множестве вещей, какие хранит в себе мироздание.

Поэтому несправедливо теперь, по прошествии стольких веков, ставить ему в вину усло-

вия, в которых он жил, и способ, каким употребил он свое дарование. Да что же будет с поэтом, если не станет на свете мужей благородных, могучих, умных, красивых, умелых, деятельных, достоинствами которых возвысит свою душу поэт! Словно лоза вокруг ствола ильма², словно плющ цепляясь за выступы в стене, поэт благодаря им поднимается все выше и выше, дабы утешить взор и дух свой. Заслужил ли упрека камнерез, всю свою жизнь проводящий за изготовлением великолепных украшений из драгоценных камней, сокровищ обеих Индий, на потребу людей превосходных? Может быть, потребовать, чтобы, оставив свое занятие, он взамен того предался несомненно полезному ремеслу камнетеса?

Поэт наш так сдружился с землею — но небеса его погубили. Не сбылось важнейшее пророчание, перекутившее весь люд: в такой-то день³, предрекал он, чудовищный ураган обрушится на землю, все сметая на своем пути; тут и сам шах не мог уберечь своего любимца от гнева возмущенных придворных и горожан. Пришлось ему бежать. И в отдаленной провинции лишь решительность наместника спасла ему жизнь.

Но только можно спасти честь астрологии, предположив, что столько-то планет, сошедшихся под одним знаком, предвещали походы Чингиз-хана⁴, который опустошил Персию почище любого урагана.

НИЗАМИ

Умирает в 1180 году

Чуткий и высокоодаренный ум, он, поскольку Фирдоуси исчерпал уже героические предания древности, избрал предметом своих поэм прекраснейшие отношения проникновенной любви. Меджнуна и Лейли, Хосрова и Ширин, любовные пары, являет он нам; предчувствия, судьба, натура, привычка, склонность, страсть — все назначает их друг для друга, взаимное расположение благоприятствует их союзу, но тут капризы, упрямство, принуждение, случайность, запрет их разделяют, вскоре, столь же неожиданно, они соединяются вновь, а в конце их все равно отрывают друг от друга, и они расстаются навек.

Сюжеты такие, изложение их возбуждают в душах идеальность томления. Никогда не бывает ему удовлетворения. Приятность велика, многообразие беспредельно.

Но и другие его поэмы, непосредственно посвященные моральным целям, дышат той же ясностью изящества и красоты. Что бы двусмысленное ни встречалось на пути человека, все поверяет Низами мерой практической потребности и наилучшим разрешением всех загадок почитает нравственность деятельности.

Во всем же остальном, сообразно с покойным занятием своим, ведет он покойную жизнь при сельджуках; похоронен Низами на родине, в Гяндже.

ДЖЕЛАЛАЭДДИН РУМИ

Умирает в 1262 году

Сопровождая отца, который, поссорившись с султаном, покидает Балх, он отправляется в путь дальний. По дороге в Мекку они встречают Аттара¹, который преподносит юноше книгу божественных таинств и пробуждает в нем пыл к священным предметам.

Об этом стоит сказать тут так: настоящий поэт призван вбирать в себя величие мира сего, а потому всегда предпочтет хвалить, но не хулить и не порицать. Откуда следует то, что он станет выбирать самое достойное похвалы и, перебрав все что ни есть, в конце концов употребит свой талант к прославлению и возвеличению Господа. Такая потребность восточному человеку понятнее всего, потому что неотступно стремится он к сверхсущему и полагает, что с наибольшей полной созерцает таковое, лицезрея божество, отчего и при исполнении его намерений никто не вправе упрекнуть его в превеличенности.

Уже так называемый розариум магометан, когда величат имя Аллаха, награждая его девяносто девятью предикатами, есть литания славы и хвалы. Свойства положительные, отрицательные свойства означают непостижимейшее из существ; молящийся дивится, предает себя воле господней, умиротворяет свою душу. Поэт Запада совершенствами, какие являются его умственному взору, наделяет превосходных лю-

дей, а преданный Богу скрывается в безличном существе, от века проникающем все и вся.

Вот почему скрылся от двора царей Аттар, посвятив себя созерцанию, вот почему Джелалэддин Руми, целомудренный юноша, удалился от лица государева, удалился из столицы, и тем легче было побудить его к углубленным занятиям.

Теперь, совершив паломничество, он вместе с своим отцом пересекает Малую Азию; они оседают в Икониуме. Тут они учат, тут их преследуют, отсюда изгоняют, сюда возвращают назад; тут похоронены они вместе с вернейшим своим соратником. Тем временем Чингиз-хан завоевал Персию, но не тронул их покойного местопребывания.

После вышеизложенного никто не посетует на этот великий ум, если повернулся он лицом к туманным сферам. Творения его выглядят несколько пестро, он прибегает к сказкам, притчам, легендам, примерам, анекдотам, проблемам, чтобы сделать вразумительным таинственное учение, в каковом и сам себе не может отдать вполне ясного отчета. Намерение его — наставлять, возвышать душу, в целом же он своим учением о единстве стремится если не исполнить цель всяческого томления, то, по крайней мере, разрешить томительность — указанием на то, что в конце концов всякий погружается и просветляется в глубинах божественного бытия.

СААДИ

Умирает в 1291 году 102 лет от роду

Родом из Шираза, он учится в Багдаде; несчастье в любви обрекает его страннической жизни дервиша. Он пятнадцать раз совершает паломничество в Мекку, достигает в своих скитаниях Индии и Малой Азии, а, захваченный в плен крестоносцами, и стран Запада. Ему пришлось пережить не одно занимательное приключение, в итоге же он обретает замечательное знание людей и стран. Через тридцать лет он уходит от людей, завершает свои произведения и публикует их. Он живет в широчайшем мире опыта, он — неисчерпаемый источник анекдотов, которые разукрашивает стихами и речениями. Исключительная его цель — наставление читателей, слушателей.

В Ширазе, в уединении, доживает он до 102 лет; там похоронен он. При наследниках Чингиза Иран стал отдельным государством, и жить там можно было покойно.

ХАФИЗ

Умирает в 1389 году

Кто помнит еще, что во вторую половину прошлого столетия среди немецких протестантов встречались лица духовного и даже светского звания, усвоившие Священное писание в такой степени, что, словно воплощенная конкорданция, могли незамедлительно давать справку о том, где, в какой связи приводится

в Библии то или иное изречение, выучившие наизусть все основные места и державшие их в голове, пока не приходил случай применить их к делу, — кто помнит об этом, тот и признаёт, что для таких людей Библия была источником большой культуры, потому что память их, вечно занятая достойными материями, сохраняла их для пользы и употребления незамутненным источником чувств, суждений. Называли таких людей *твердыми в Библии*, и эпитет этот придавал им особое достоинство, недвусмысленно их рекомендуя.

Проистекавшее у христиан из природной склонности доброй воли полагалось у магометан обязанностью: переписывать Коран самому, заказывать списки другим было величайшей заслугой правоверного, так не меньшей заслугой было и выучивать Коран наизусть, чтобы при всяком подобающем случае цитировать на память соответствующие места, чтобы способствовать укреплению душ, чтобы уметь восстанавливать мир среди спорящих. Людям таким давали почетное прозвище *Хафиз*, и именно это прозвание сохранилось в истории, как первое имя нашего поэта.

Коран же, вскоре после своего возникновения, сделался предметом бесконечных толкований, послужил поводом к изощреннейшим subtilностям, а поскольку он возбуждал чувства и мысли в каждом, то начали появляться разные, бесконечно отличавшиеся друг от друга мнения, разного рода безголовые комбинации, более того, люди стали упражняться в самых неразумных сопряжениях вещей, так что человеку

по-настоящему умному, рассудительному не оставалось ничего, кроме как из всех сил стараться пробиться к подлинному, неиспорченному, добротному тексту Корана. Вот почему оказывается, что в истории Ислама толкование, применение, употребление стояли на поразительной высоте.

Самый прекрасный поэтический дар воспитывали, развивали ради такого умения толковать Коран; весь Коран был усвоен поэтом, и здания веры, какие только ни возводили на его основании, не были загадкой для него. Хафиз сам говорит:

Истекает из Корана
Все, что мной совершено¹.

Дервиш, суфий, шейх², — Хафиз учил в своем родном городе Ширазе, им ограничил он свою деятельность, его любило и ценило семейство Мозаффер и весь круг их знакомств. Хафиз был занят богословскими, грамматическими трудами, вокруг него собиралось много учеников.

С серьезностью таких занятий, с его учительной деятельностью резко контрастируют его стихотворения, — разрешить противоречие можно, сказав так: не все, что говорит поэт, обязан думать, обязан пережить он сам, и менее всего обязан поэт в запутанных обстоятельствах поздней эпохи, — он так или иначе будет сближаться с искусством притворства, делания вида, он будет рассказывать то, что хочется услышать от него современникам. Так, видимо, все и было у Хафиза. Ведь и сказочник не верит в те

волшебные превращения, какие выдает за реально совершившиеся, он прибегает к ним, чтобы оживить и расцветить свою повесть, чтобы слушатели получали от этого удовольствие, и точно так же и лирический поэт не должен сам делать все то, чем развлекает, чем ублажает читателей и певцов — и малых, и великих, — в мире сем. Да, кажется, наш поэт и не придавал значения песням, легко слетавшим с его уст, — ученики Хафиза собрали их воедино уже после смерти учителя.

Скажем лишь немного об этих поэтических произведениях, — нужно ими наслаждаться, нужно слиться с ними в унисон. Беспрерывно бьет в них ключ живого, размеренного бытия. Довольствуясь малым, радостный, раздумчивый в тесных пределах своего существования, не упуская своей доли мирского изобилия, иной раз заглядывая, издали, в тайны божества, иной раз отвергая даже религиозные обряды и чувственные удовольствия... — и то есть, и другое; вообще этой поэзии, чему бы она ни учила, чему бы ни потворствовала, приходилось сохранять некую неугомонность скептицизма.

ДЖАМИ

Умирает в 1494 году в возрасте 82 лет

Джами собирает урожай веков и выводит итог всей религиозной, философской, научной, прозаико-поэтической культуры. Его преимущество — он родился через 23 года после смерти Хафиза и в юности перед ним опять прости-

ралось никем не занятое поле. Его свойства — величайшая ясность, безусловная рассудительность. Он принимается за все, во всем успешен, он одновременно чувствен и сверхчувствен; перед ним раскинулось великолепие мира действительного и мира поэтического, его место — между ними. Мистика не способна была увлечь его, но поскольку без мистики он не исчерпал бы весь круг интересов своей народности, он, в историческом порядке, отдает отчет во всех тех нелепостях, при помощи которых человек, погрязший в своем земном существе, думает непосредственно, прямо приблизиться к богу, сливаясь, наконец, с ним в полнейшем единстве; тогда в завершение всего непременно выступают образы жуткие, противные духу, противные природе. Ведь как поступает мистик? Он незаметно крадется мимо проблем или, если только это удастся, отодвигает их от себя.

ОБОЗРЕНИЕ

Из недурно упорядоченной последовательности семи первых римских царей иной раз пытались заключить¹, будто история их придумана, сочинена преднамеренно, — вопрос, который мы оставим в стороне; напротив, заметим, что как раз семь поэтов, которых перс признает за наипервейших, которые выступали друг за другом в течение пятисот лет, действительно находились в нравственно-поэтическом отношении друг к другу, — все это показалось бы нам вымыслом, если бы не свидетельствовали о под-

линном существовании этих поэтов оставленные ими творения.

Насколько то возможно, приглядимся из нашей дали к этому Семизвездью², — тогда увидим, что талант каждого из них, талант продуктивный, был способен со временем обновляться, благодаря чему они и возвысились как над большинством мужей выдающихся, так и над бесчисленным числом средних, обыденных талантов; при этом они всякий раз оказывались в особенную пору в особенном положении, когда могли первыми собирать огромный урожай, даже отнимая этим у талантливых последователей своих какое-либо самостоятельное воздействие на свое время, — требовалось всякий раз, чтобы наступила новая эпоха и чтобы природа рассыпала перед поэтом новые сокровища.

В этом смысле вновь пройдем всем рядом вышепредставленных и заметим, что

Фирдоуси сразу же взял в свои руки все великие, выдающиеся государственные события минувшего: баснословные и исторические, так что наследникам его осталось только ссылаться на него, комментировать его, но не обрабатывать и не излагать прежний сюжет заново.

Энвери твердо держался современности. Пышной, блестящей представлялась ему природа, радостным и щедрым двор шаха; приятной обязанностью было соединять один и другой мир самыми ласковыми словами. Никто в том не сравнился с ним.

Низами с его благолюбивой мощью подхватывал все любовные повести и полулегендарные чудеса, какие обретались в его живом кругу

деятельности. Ведь уже в Коране содержались намеки на то, как перерабатывать, развивать в своих собственных целях старинные лаконические предания, как радовать сердца известной пространностью изложения.

Джелалэддину Руми не по душе была сомнительно-зыбкая почва реальности, он стремится разрешить загадку внутренних и внешних явлений в духовном смысле, разрешить их острым умом, оттого творения его задают новые загадки, которые, в свою очередь, требуют разрешения и комментария. В конце он вынужден обратиться к учению о том, что все бытие — это Бог, вследствие чего выигрывает ровно столько, сколько теряет, так что в итоге остается нам равно утешительное и неутешительное зеро. На что же теперь направить речь поэтическую, речь прозаическую? К счастью, тут на широкие просторы мира выплывает непревзойденный

Саади, — он с избытком окружен эмпирическими подробностями бытия, и во всякой мелочи он способен почерпнуть нечто важное для себя. Он ощущает потребность в концентрации, убеждается в необходимости наставлять и поучать, именно поэтому он первым стал плодотворен³ и благодатен для нас, обитателей Запада.

Хафиз, большой, светлый дар, он довольствовался тем, что отвергал желательное для людей, отставлял в сторону все, без чего не хотелось им обходиться, а притом всегда представлялся шутом и весельчаком среди шутов и весельчаков. Правильно понять его можно лишь в кругу его эпохи и народности. Зато как только ты по-

стигаешь его, он становится приятным спутником всей твоей жизни. До сих пор продолжают распевать его стихи погонщики верблюдов и мулов, едва ли сознавая, что это стихи Хафиза, едва ли ради смысла стихов, с которым и сам поэт поступает капризно и произвольно, — нет, ради настроения бодрости и чистоты, которое непрестанно распространяет вокруг себя этот поэт. Однако, кому бы последовать за этим поэтом, коль скоро всем завладели уже поэты предшествующих эпох? Никому, но —

Джами, — он умел справляться со всем, что происходило до него, что происходило при нем; все это связывал он в снопы, всему подражал, все воспроизводил, все обновлял, все освежал, с неповторимой ясностью ума соединял он в себе пороки и добродетели своих предшественников, а потому последующим векам не осталось ничего — лишь быть, как он, только бы не уступить ему, не сделаться хуже; таким все и осталось на целых три столетия. Причем заметим еще, что если рано или поздно прорвалась бы тут на поверхность драма и выступил бы на сцену драматический поэт, все течение словесности приняло бы совсем иной оборот.

Если столь немногим посмели описать мы пять веков персидской поэзии и персидской риторики, то пусть, скажем вместе с Квинтилианом⁴, старинным нашим наставником, пусть примут все это друзья, как мирятся они с круглыми числами, — не ради точности пользуются ведь ими, но ради того, чтобы удобным манером, примерно, приблизительно, выразить нечто всеобщее.

ВСЕОБЩЕЕ

Плодовитость и многообразие персидских поэтов берет начало в необозримой шири внешнего мира, в его бесконечном изобилии. Жизнь, не стоящая на месте, вечно подвижная жизнь людей в мире, для которой все предметы — равно ценны, она вздымается и опускается перед нашей фантазией, отчего сравнения, какими пользуются персы, и кажутся нам слишком резкими, приходится нам не по нраву. Без тени сомнения сопрягают они образы самые благородные и образы самые низменные, — метод, к которому легко ли привыкнуть нам.

Но скажем прямо и откровенно: настоящий-то человек жизни, света, дышащий свободой практической деятельности, лишен эстетического чувства, лишен вкуса, ему довольно реальности дела, наслаждения, созерцания, — и достаточно того же самого в поэзии; когда же человек Востока ради занимательного странного эффекта сочетает несочетаемое, так немцу ли, с которым тоже такое случается, немцу ли косо смотреть на него.

Смятение, которое подобные создания производят в нашем воображении, можно сравнить с смятением человека, который забрел на восточный базар, а то и на европейскую ярмарку. Тут не всегда расставлены по своим местам драгоценности и подлый товар, все у нас на глазах перемешивается, часто тут же замечаем мы бочки, ящики, мешки, в которых привезено добро. Как на овощном рынке — тут не одни

только корни, травы, плоды, здесь же валяются отбросы, корки, корневища.

Кроме того, восточному поэту вовсе ничего не стоит вознести нас в облака, а оттуда сбросить на землю, и наоборот. Низами упоминает разлагающийся труп собаки, и он в состоянии извлечь из картины такое нравственное рассуждение, нас поражающее, нас ободряющее.

Исус в своем земном скитанье
Однажды на базар пришел;
Смердящий труп собачий кто-то
К воротам дома притащил,
Толпой зеваки собирались,
Как коршуны, вокруг добычи.
Один сказал: «Мой мозг горит,
От вони гадкой истлевая».
Другой сказал: «Что говорить, —
Нам падаль беды предвещает».
Так всякий пел на свой манер,
На пса проклятья насылая.
Когда ж черед Исусу вышел,
Он без обиды говорит,
Благой природы воплощенье:
«Как жемчуг, белы эти зубы».
От этих слов всех пот прошиб,
И жар пронял безмерно грубых¹.

Душа всякого затронута, когда Пророк, любвеобильный и пронизательно-мудрый, требует от людей того, что отвечает глубочайшему его существу, — снисхождения и милосердия. Каким могучим движением заставляет он толпу

посмотреть на себя самое, устыдиться проклятий и угроз и, быть может, даже с завистью в сердце признать достоинство, остававшееся незамеченным! Тут люди, обступившие падаль, вспоминают о собственных челюстях. Красивые зубы, дар Божий, всегда приятны, более же всего ценятся они на Востоке. И вот гниющий труп, благодаря тому совершенному, что остается от него, становится предметом изумления, предметом благочестивого поклонения.

Но не с той же ясностью проникает в наши души превосходное сравнение, каким заканчивается притча; потрудимся показать, в чем его наглядность.

В тех местностях, где недостает запасов извести, для приготовления столь необходимого строительного материала используются раковины, — уложив их слоями между сухим хвостом, прожигают их раздуваемым пламенем насквозь. Всякий, кто наблюдает за происходящим процессом, не может отделаться от чувства, что вот существа эти, что растут и питаются в море, только что наслаждались на свой лад всеобщей радостью жизни и что вот не то чтобы их сжигали, но их — прожигают насквозь, так что они вполне сохраняют свою форму и лишь все живое изгоняется изнутри их. Теперь предположим, что настала ночь, что эти органические останки представляются взору наблюдателя жгучими, пылающими, — так и не вообразить себе более великолепного образа тайных, скрытых от всех, душевных мучений. Если кто захочет увидеть это собственными глазами, то пусть попросит химика, чтобы тот

заставил фосфоресцировать раковины устриц, — тогда-то признаётся он, что ничуть не ужаснее бывает человеку выразить кипящее в душе чувство жгучего стыда, которое до глубины пронзает его душу, когда внезапно застает его справедливый укор, его, только что предававшегося гордой и столь привычной надменности.

Такие сравнения можно отыскивать сотнями, они предполагают самое непосредственное созерцание природы, реального мира, а вместе с тем пробуждают в душе высоконравственное чувство, вырастающее из самых глубин незамутненной, развитой души.

При такой безграничной широте высокоценна внимательность к подробностям, к деталям, острый, любовный взгляд, стремящийся извлечь самое своеобразное из всякого значительного предмета. Есть у персов поэтические натюрморты, которые можно поставить рядом с картинами лучших нидерландских мастеров, по нравственному же наполнению поставить и еще выше. Такая склонность, такая способность объясняет, почему они никак не могут отойти от некоторых особо излюбленных предметов; персидского поэта не утомляют бесконечные изображения горящих свечей, ламп, свет которых слепит. Отсюда и известная монотонность, которую ставят им в упрек; но если строго разобраться, то предметы природы служат для них суррогатом мифологии, Роза и Соловей занимают места Аполлона и Дафны. Если поразмыслишь над тем, что было у них отнято, — театр, изобразительное искусство, — и подумаешь о том, что поэтическая одаренность их

не уступала ничьей на целом свете, то, свыкаясь постепенно с их своеобразным внутренним миром, все больше и больше поражаешься и изумляешься им.

САМОЕ ОБЩЕЕ

Главная характерная черта восточной поэзии состоит в преобладании верховного руководящего начала, в том, что мы, немцы, называем *духом*; здесь объединены все прочие свойства, причем ни одно из них не выступает по отдельности, утверждая свои особенные права. Дух по преимуществу подобает старости, или стареющей мировой эпохе. Ясную картину мира, иронию, нескованное применение своих дарований — это мы находим у всех поэтов Востока. Мы сразу же получаем и результат, и предпосылку, а поэтому видим, какое большое значение придается импровизированному слову. Для восточного поэта все предметы одновременны, он с легкостью сопрягает самые далекие вещи, поэтому он и приближается к тому, что мы именуем остроумием; но только остроумие не стоит так высоко, остроумие самолюбиво, самодовольно, дух же вполне свободен от этих недостатков, почему его всегда и можно, и должно именовать одержимым.

Но не только поэт пользуется таким преимуществом; весь народ исполнен духа, что следует из многочисленных анекдотических рассказов. Умное, полное духа слово вызывает гнев государя, другое умное слово его укрощает. Склонность и страсть пребывают в той же стихии;

так, Бехрамгур и Диларам изобретают рифму, Джемиля и Ботейну до самых преклонных лет связывает страсть. История персидской поэзии полнится такими рассказами.

Вспомним, что Нуширван¹, один из последних Сасанидов, заплатив огромные деньги, вывез из Индии басни Бидпай и шахматы, — происходило это примерно во времена Магомета, — и это вполне выражает дух времени. Названные басни, если судить по сохранившемуся, стремятся превзойти самих себя в практической мудрости и независимом от всего земного взгляде на мир. Поэтому и спустя четыре века, даже и в самую лучшую пору персидской поэзии, уже не могло тут быть нетронутой наивности. Ждали от поэта широты кругозора, знания умножились, все это, да и жизнь при дворе, условия военных походов, все требовало от поэта большой рассудительности.

БОЛЕЕ НОВЫЕ, НОВЕЙШИЕ

Поэты последующих эпох все более смешивают поэзию и прозу, следуя примеру Джами и его времени; во всех видах словесности пользуются одним стилем. История, поэзия, философия, канцелярский, эпистолярный стиль — все излагается одинаково, и это продолжается уже три столетия. Мы, к счастью, имеем возможность представить образец наиновейшего стиля.

Когда персидский посол¹, мирза Абул Хасанхан, находился в Петербурге, его попросили начертать несколько строк² собственной рукою.

Он был так добр, что написал целую страницу, перевод которой мы и вставляем сюда.

«Я изъездил весь свет³, я общался с множеством людей, любой уголок приносил мне пользу, любой стебель дарил колос, и все же не видал я ни города, подобного этому городу, ни столь прекрасных гурий. Благословение господне да почиет на сем граде! . . .»

Как же верно говорил купец, захваченный в плен разбойниками, что направили стрелы свои в его грудь! Царь, угнетающий торговлю, закрывает врата Благодати пред лицом своих воинств. Кто разумный поедет в его страну, если идет о нем молва, что не праведен он? Стремись к доброй славе, так чти же купцов и посланников. Великие мира сего покровительствуют странствующим, дабы шла о них молва добрая. Где не пекутся о чужестранцах, та страна скоро погибнет. Будь другом чужеземцам, будь другом путешествующим, смотри на них как на средство укрепить свою добрую славу; принимай иноземцев радушно, цени тех, кто едет мимо тебя, остерегайся быть к ним несправедливым. Кто исполнит такой совет посланника, тот несомненно извлечет из него пользу.

Рассказывают, что Омар-эбн-абд-эль-Азис, царь могущественный, ночью в спальне, смиренный и покорный, обращал лицо свое к престолу Творца, говоря: «Господи! Великое доверил Ты руке слабого раба Твоего; ради славы

чистых и святых душ царства Твоего, удостой меня справедливости и честности, и храни меня перед злобой людской, боюсь, что сердце невинного будет опечалено мною, и проклятие утесненного последует за мной. Да, царь все непременно должен всегда помнить о величии и бытии высшего существа, о постоянной изменчивости земного, должен думать о том, что корона с чела достойного переходит к недостойному, а потому не должен дать увлечь себя гордыне. Ибо царь надменный, презирующий соседей и друзей, не долго пребудет во цвете на троне своем; слава недолгих дней не должна раздувать самомнение твое. Мир подобен костру, зажженному при дороге; кто возьмет от него малое, чтобы светило ему в пути, тот не потерпит зла, кто же возьмет большее, обожжется».

Платона спросили, как он жил, и он отвечал: «Пришел я сюда в муках, и жизнь моя была непрестанным изумлением, неохотно расстаюсь я с миром, и не научился я ничему, а только тому, что не знаю ничего». Удаляйся того, кто приступает к делам, не имея знания, удаляйся набожного, кто не ведает веры; оба они сравнимы с ослом, что вращает колесо мельницы, не зная, зачем. Сабля красива, но не приятны дела ее. Благочестивый муж сдружается с дальними, злой же чуждается ближних. Царь сказал одному, имя ему Бехлул: «Подай совет мне». Тот отвечал: «Не завидуй скупому, не завидуй судье неправедному, богатому небрежливому, щедрому расточительному, ученому безрассудному. Ведь приобретаешь в мире имя доброе или дур-

ное, и можно выбирать между ними, а коль скоро всяк умрет, добрый и дурной, счастлив, кто предпочел славу добродетельного».

Строки эти, по просьбе друга, написал в 1231 году хеджры, в день Демазсула Сани⁴, мая месяца числа... 1816 года по христианскому летосчислению, мирза Абул Хасан-хан из Шираза во время пребывания своего в Санкт-Петербурге в качестве чрезвычайного посланника Его Величества шаха персидского Фетх-Али-шах Катжара⁵. С надеждой, что, по доброте душевной, простят неведающему, взявшемуся писать.

Из приведенного ясно, что в течение трех уже веков сохраняется некая прозопоэзия и стиль деловой и эпистолярный, публичных посланий и частных писем, остается одним и тем же; так, узнаем мы и о том, что в самое новейшее время при персидском дворе все еще есть поэты⁶, которые излагают стихами хронику дня, все, что делает шах, все, что происходит за день, — изящно переписанные, сдают стихи эти особо поставленному на такую должность архивариусу. Откуда явствует, что со времен Ага-сфера⁷, заставлявшего читать себе подобные хроники бессонными ночами, не произошло на неподвижном Востоке никаких дальнейших перемен.

Заметим еще, что читают с известным выражением, с эмфазой, с повышением и понижением тона, по рассказам наподобие того, как декламируют французские трагедии. Тем легче

верится тому, что двойные стихи персидской поэзии создают контраст, подобный александрийскому стиху с его двумя половинами.

Подобная устойчивость, быть может, и служит причиной, почему персы все еще любят, ценят, почитают стихи, написанные восемьсот лет тому; мы и сами были свидетелями того, как один человек с Востока смотрел на хорошо сохранившуюся и красиво переплетенную рукопись Месневи, обращаясь с ней так почти-тельно, словно то был сам Коран.

СОМНЕНИЯ

Однако персидская поэзия, как и все ей подобное, никогда не будет воспринята с несмешанным наслаждением обитателями стран Запада; это мы обязаны знать твердо, дабы удовольствие наше не нарушалось непредвиденным образом.

Но не религия так разделяет нас с этой поэзией. Единый Бог, покорность воле его, пророк-посредник — все это более или менее согласуется с нашей верой, с нашими представлениями. Книги, священные для нас, лежат в основании их веры, пусть только как собрания легенд.

Нас давно уже ознакомили с сказками, баснями, притчами, анекдотами тамошних местностей, с их шутками и остротами. И мистика их тоже не должна быть чужда нам, по своей глубокой и серьезной основательности она заслуживала бы по крайней мере того, чтобы сопо-

ставить ее с мистикой нашей¹, которая в самые новейшие времена выражает по сути лишь некое бесхарактерное, бесталанное томление; о том же, что она уже перепевает сама себя, пусть свидетельствует следующий стих:

Мне пристала неизбывно
Жажда жажды².

ДЕСПОТИЗМ

Чего же никогда не сможет усвоить человек Запада, так это духовного и телесного пресмыкательства перед властями предержажими, что тянется еще с древнейших времен, когда цари заступили место богов. В Ветхом Завете мы без особо неприятного чувства читаем о том, что мужчина или женщина бросается на лице свое пред священником или героем, поклоняясь ему, ибо им привычно поступать так пред элохимами. Что, однако, первоначально совершалось по влечению естественно благочестивого чувства, то со временем обратилось в дотошный придворный церемониал. Отсюда обряд ку-тоу — три раза падают ниц, и такое повторяется троекратно. Для многих посольств с Запада церемония эта стала камнем преткновения, и надо сказать, что и вся персидская поэзия не будет принимаема у нас благожелательно, если с самого начала не иметь полнейшей ясности на сей счет.

Кому с Запада покажется сносным, что восточный человек мало того что девять раз кряду бьет челом оземь, но еще и рад расстаться с головой ради какой-то пустяшной цели.

Игра в шары на конях, где отводится большая роль мячам и битам, часто затевается на глазах властелина и толпы, нередко при прямом участии обеих сторон. Но когда поэт готов положить свою голову в желоб шаха, только чтобы тот его заметил и битой благосклонности препроводил к счастью, так тут отказывается следовать за поэтом и воображение, и чувство; ибо говорится:

Доколе будешь ты, как шар,
Летать мячом в руках Судьбы?
И через тысячу дорог
Ты биты все ж не убежишь.
Так в шахский желоб кинь главу, —
Заметят, может быть, тогда¹.

И еще пример:

Может только то лицо
Счастья зеркалом блистать,
В складки чьи втиралась пыль
От копыт его коня².

Но не только пред султаном, а и перед возлюбленными унижаются так же, да еще и почаще:

Я лежал лицом в пыли,
В пяди от лица проехал он.

Свидетель прах дорог, —
Шатер надежд! —
Что прах от стоп твоих
Мне слаще, чем вода.

Я шахом сделаю того,
Кто голову мою
Повергнет в пыль дорог, —
Когда б вернулся он.

Видно отсюда, что ни одно, ни другое не сто́ит поэту больших трудов; применявшееся поначалу по достойному поводу стало впоследствии предметом употребления частого и, наконец, злоупотребления. Так, Хафиз говорит совсем уж комично:

В пыли дорог глава —
Того, она чья.

Более глубокие изыскания подтвердят, наверное, что поэты ранней поры скромнее пользовались подобными выражениями и что только позднейшим, топтавшимся на месте и с одними и теми же словесами в голове, угодно было принять под конец и всяческие извращения, да и не столько с серьезными, сколько с пародийными намерениями, и, наконец, тропы отлетели так далеко от своих предметов, что нельзя стало ни мыслить, ни чувствовать разумное меж ними соотношение.

Так завершим все прелестными строками Энвери, который изящно и деликатно чтит достойного поэта своей поры:

Для разумных людей приманка стихи
Шедшааи³.

Сотни вроде меня стаяй слетаются к ним.

Так иди же, мой стих, целуй пред ним
  землю и молви:
Слава эпохи, ты — доблести славный зон⁴.

РЕПЛИКИ

Чтобы теперь сколько-нибудь прояснить себе суть отношений деспота и его рабов, есть ли тут вообще что-либо человеческое, и, быть может, несколько успокоить себя, что до раболепства поэтов, приведем сейчас одно место, и другое, из тех, что свидетельствуют нам о том, как судили знатоки истории и дел мирских. Один англичанин¹, осторожный на слова, высказывается следующим образом:

«Неограниченная власть смягчается в Европе привычками и кругозором цивилизованной эпохи, превращаясь в умеренные формы правления, у азиатских же народов всегда сохраняет единообразный характер и почти всякий раз проходит одни и те же стадии. Ибо малые различия, отмечающие достоинство человека и ценность его для государства, зависят исключительно от личного темперамента деспота и его могущества, чаще даже от первого, чем от второго. Потому что ведь не может процветать государство, ведущее беспрестанные войны, как это почти всегда, с самых ранних времен, бывало с более слабыми из восточных империй. Отсюда следует, что счастье людей, живущих в условиях неограниченной монархии, зависит исключительно от могущества и славы, доброй или дурной, монарха; равным образом и благополучие подданных существенным образом ос-

новывается на их чувстве гордости своим государем.

Поэтому лесть государю не должна заставлять нас сразу же думать о низости и продажности душ. Не чувствуя ценности свободы, не ведая иных форм правления, они довольны существованием, не лишенным ни своих приятностей, ни чувства уверенности в завтрашнем дне, поэтому они по доброй воле и даже с гордостью в душе унижаются перед великим, если только могущество его может служить им прибежищем в беде и может хранить их перед большим злом».

Равным образом и немецкий рецензент² высказывается, со знанием дела и глубоким умом, так: «Сочинитель, дивясь высокому полету панегиристов той эпохи, все же справедливо порицает чрезмерность похвал, на которые тратятся силы благородных душ, и сетует на унижение человеческого достоинства, какое обычно происходит отсюда как следствие. Следует, однако, заметить, что в художественном здании подлинно поэтического народа, возведенном с редким совершенством и богато украшенном, не может недоставать панегирической поэзии, как не может недоставать и поэзии сатирической, с которой первая образует контраст, разрешаемый либо моральной поэзией, каковая невозмутимо судит людей с их достоинствами и изъянами и ведет душу к внутреннему умиротворению, либо эпосом, каковой, возвышаясь над всеми сторонами, изображает самое благородство и превосходство человеческих личностей наряду с самой обыденностью, не судимой здесь строго, но

необходимой для целого, и, разрешая контраст, объединяет противоположности в незамутненном образе бытия. Ибо если человеческой природе естественно постигать благородство человеческих поступков и восторгаться высшему совершенству личности, если такое постижение служит даже знаком высшего происхождения человеческого рода, если созерцание совершенства способно как бы обновить всю внутреннюю жизнь человека, то и похвалы власти и могуществу, откровенным в государе, выступают как явление великолепное в области поэзии и лишь потому — с полным основанием — пользуются у нас презрением, что лица, усердствовавшие в похвалах, обыкновенно были не поэты — но лишь продажные льстецы. Однако, слыша, как, увлекаемый дерзновенным полетом фантазии, превозносит своего короля Кальдерон, кто станет думать о продажности и подлости? Кто замкнет свое сердце перед победными гимнами Пиндара? Деспотическая природа царского достоинства нашла в ту пору в Персии соответствие себе в виде подлого поклонения власти, какому предавалось большинство певших хвалу государю, однако, порождая в душах благородных идею идеального могущества, она вызывала к жизни поэтические создания, достойные пораженного внимания потомков. И если еще и сегодня заслуживают восхищения поэты, то заслуживают его и государи, признававшие человеческое достоинство и восторговавшиеся тем искусством, что славило память их. Энвери, Хакани, Загир Фарьяби и Ахестеги — вот поэты-панегиристы той эпохи,

творения которых до сих пор с восторгом читают на Востоке, а потому бессильна любая попытка очернить их. Доказательством того, как близки устремления панегириста к высшим требованиям, какие могут вообще быть поставлены перед человеком, служит внезапный переход одного из панегиристов, Санаджи, к религиозной поэзии: поэт, возвеличивавший государя, вдохновился богом, идеей вечного совершенства, — если раньше он довольствовался тем, что прослеживал идею возвышенного в жизни, то теперь он понял, что искать ее следует по ту сторону земного бытия».

ДОПОЛНЕНИЕ

Соображения этих двух серьезных, рассудительных мужей склонят к милосердию судящих о персидских поэтах и энкомиастах, а вместе подтвердят и наши прежние высказывания: именно, в пору нависшей опасности ничто так не важно в делах государственного управления, как то, чтобы государь не просто мог защитить своих подданных, но и лично повести их на врага. Истине этой, подтверждаемой и в самые последние времена, можно найти примеры в седой старине, мы и приведем основной закон государства, который был дарован Богом израильтянам, с единодушного одобрения всего народа, в тот момент, когда народ этот, вынь да положь, пожелал, чтобы поставили над ним царя. Помещаем дословный текст такой constitution, которая на наш сегодняшний взгляд не покажется ли несколько необычной.

«И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него царя, и сказал: вот какие будут права царя, который будет властвовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнухам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших возьмет, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете ему рабами»¹.

Когда же Самуил начинает увещевать народ, обличая всю сомнительность подобного договора и желая отсоветовать заключать его, народ восклицает как один: «Нет, пусть царь будет над нами; и мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши».

В этом смысле и перс говорит:

Советом и мечом хранит он всю страну,
Покорен, мудрый щит, лишь Богу одному².

Вообще, оценивая различные формы правления, недостаточно обращают внимание на то,

что во всех них, как бы они ни именовались, всегда наличествуют, как полюса, свобода и рабство. Власть принадлежит одному — толпа покорствуется, власть у толпы — индивид обделен, — и так далее через все ступени, пока не установится где-нибудь, но лишь ненадолго, равновесие. Для историка тут нет тайны, однако в волнующие мгновения жизни никак не обрести ясность в таком вопросе. Вот почему никогда не слышишь, чтобы столько говорили о свободе, как когда одна сторона желает поработить себе другую и когда все стремления сводятся лишь к тому, чтобы сила, влияние и имущество перешли из одних рук в другие. «Свобода» — это и произносимый шепотом пароль заговорщиков, и победный клич совершающих переворот в открытую, да и девиз самого деспотизма, когда поработенную им массу ведет он на врага, обещая ей на веки вечные избавление от чужеземного гнета.

ПРОТИВЛЕНИЕ

Но не предадимся столь занимательно-всеобщему рассуждению, а давайте вернемся назад на Восток и понаблюдаем, как противится природа человеческая — она же неодолима — давлению извне, и увидим повсеместно, что своемыслие и свободомыслие одинокого служит противовесом всесилию единого: рабы — но не покорны; дерзки — неслыханно. Приведем пример из древности, отправимся на вечернюю пидушку в шатер Александров и застанем царя

за спорами оживленными, бурными и даже неистовыми с своими военачальниками.

Клит, молочный брат Александра¹, товарищ игр, товарищ ратных дел, он теряет на войне двух братьев, спасает жизнь царю, являет себя выдающимся генералом, надежным наместником важных провинций. Божеских почестей, на какие притязает Александр, он не способен одобрить; он ведь видел, как поднимался Александр, видел его в нужде, ищущим помощи и услужения; быть может, ипохондрик, питает он и скрытую неприязнь к нему, быть может, слишком высоко ставит и свои заслуги.

Застольные беседы в шатре Александра несомненно были высокочинительными, приглашенные были без исключения мужами дельными, образованными, все рождены в пору величайшего блеска греческого ораторского искусства. Должно быть, обыкновенно они задавались существенными вопросами, толкуя их самым трезвым манером, и либо избирали таковые, либо случайно наталкивались на них, и каждый защищал свой взгляд весьма сознательно, пользуясь приемами ораторов-софистов. Но коль скоро всякий защищал свою сторону, какой был предан, и коль скоро вино и страсть взаимно подогревали друг друга, то, наконец, не обходилось и без бурных сцен насилия. Идя таким путем, набредаем на предположение, что в пожар Персеполиса залетела не искра от невоздержно-нелепого обжорства и пьянства, но что он воспылал пламенем вследствие такой застольной беседы, когда одна сторона утверждала, что нужно щадить персов коль скоро уж

они побеждены, другая же, представляя душам собравшихся всю беспощадность азиатов в разрушении греческих храмов, доведя безумие до буйной ярости, обратила в пепел и прах древние памятники деспотии. Еще вероятнее наше предположение оттого, что участвовали в этом женщины, всегда самые резкие, самые непримиримые враги врагов.

Но если можно еще кому-нибудь усомниться в сказанном, то тем вернее знание наше о том, что послужило причиною смертоносного раскола — история сохранила это нам. То был вечно возобновляющийся спор Старости и Юности. Старики, на стороне которых выставлял свои доводы Клит, могли сослаться на последовательный ряд подвигов, какие непрестанно свершали они, вооружившись мудростью и мощью, оставаясь верны царю, отечеству, однажды поставленной цели. Юность же, хотя и принимала за общеизвестное, что все это на деле свершилось, что много было положено трудов и что войско действительно стояло у самых рубежей Индии, однако указывала на то, сколько еще требовалось положить трудов, выражала готовность свершить подвиги равные и, обещая славное грядущее, старалась умалить славу содеянного. Естественно, Александр встал на сторону Юности, ибо что ему было до уже свершенного. Клит же, напротив, не утаил свое тайное недовольство и в присутствии государя повторил злые речи, что произносил он прежде у него за спиной, — они и раньше достигали уже царских ушей. Александр сдерживал себя на удивление, но только, увы! сдерживал себя

чрезмерно долго. Клит же изрыгал противные речи и не знал в том меры, пока царь не вскочил на ноги, а ближние не стали его крепко удерживать за руки, поспешно уводя Клита прочь. Но, безумствующий, тот возвращается назад с новыми проклятиями, и Александр, вырвав пику из рук стражника, разит его наповал.

Что происходило вслед за тем, сюда не принадлежит, только заметим себе, что горчайшая жалоба отчаявающегося государя заключает в себе такое размышление — впредь он будет одинок, словно зверь лесной, ибо никто не посмеет произнести в присутствии его свободное слово. Речь эта, все равно, царя она или историка, подтверждает то самое, что предположили мы выше.

Еще в прошлом столетии дозволено было нагло перечить шаху персидскому на пирах, только что в конце концов чересчур смелого гостя хватили за ноги и волокли по земле мимо государя, не помиует ли он его — и если нет, то тогда вон его и руби его в куски.

Как беспредельно твердокаменно и буйственно ставили себя фавориты супротив шаха, о том достоверные историографы доносят нам множество анекдотов. Монарх — словно сама судьба, неумолим, но все равно ему прекословят. Пылкие натуры впадают вследствие того даже в какое-то безумие, самых необычайных примеров чего можно было бы предложить немало.

Но покоряются высшей власти, от которой истекает все, и казнь и благо, натуры крепкие, твердые, умеренные — чтобы жить и творить на свой лад. У поэта первого есть причины, для того чтобы посвящать свою жизнь господину, чтящему его талант. При дворе, в общении с великими мира сего, ему открывается широкий взгляд на мир, в чем, ради изобилия всевозможного материала, испытывает он такую потребность. Не только извиняет это лесть, но и дает поэту право льстить, — право это подобает, например, панегиристу, который наиболее удачлив в своем ремесле тогда, когда, запасшись преизобильным материалом, расписывает, разукрашивает государей и везиров, девиц и отроков, пророков и святых, наконец, и самого бога — сверх меры изобильно, на человеческий лад.

И нашего западного поэта хвалим мы, что приберег он целый мир роскоши и красоты в прославление образа своей любимой.

ВСТАВНОЕ

Присутствие духа сообразуется у поэта, собственно говоря, с формой, материал-то мир дает ему крайне щедро, содержание же вольно истекает из богатств его души; одно с другим неосознанно соединяется, и в конце концов не знаешь, чему же обязано, собственно, это изобилие.

Форму же, пусть она и заключается по преимуществу в гении, нужно обдумывать, и тут-то требуется присутствие духа, чтобы форма,

материал и содержание подошли друг к другу, соединились друг с другом, чтобы они проникли друг друга.

Поэт стоит слишком высоко, чтобы выбирать ему сторону. Светлый взгляд и сознательность — прекрасные дары, какими обязан он Творцу: сознательность, дабы не испытывать страха пред ужасным, светлый взгляд, чтобы все уметь представить приемлемым образом.

Восточной поэзии ПЕРВОНАЧАЛА

В арабском языке найдется не много корневых слов и основ, которые если не прямо, то через посредство несущественного приспособления и преобразования не были бы связаны с верблюдом, овцою и конем. Наипервейшее выражение природного и жизненного мы не вправе назвать даже тропом. Потому что все, что человек выражает с вольной естественностью, — это его жизненные связи, араб же состоит с лошадью и верблюдом в том же тесном родстве, что тело с душою, ничего не может случиться с ним такого, что бы не затронуло тотчас же эти существа, что бы не соединило живыми узами образ жизни их с его жизнью. Если же прибавить к вышепоименованным других домашних и диких животных, которые часто попадают на глаза бедуину в его кочеваниях, то и этих встретишь решительно во всех жизненных связях. Если идти так и дальше и отмечать все, что вообще видимо, — горы, пусты-

ни, скалы и равнины, деревья, травы, цветы, реки и моря и звездное небо, то обнаружишь, что человеку Востока, стоит вспомнить ему об одном, сейчас же приходит на ум и все остальное, так что он, привыкнув сочетать прямой линией вещи наиотдаленнейшие, не останавливается перед тем, чтобы, едва заметно перемежая буквы и слоги, выводить одно из другого самые несообразные явления. Тут видишь, что язык уже сам по себе производителен, причем, когда он идет навстречу мысли, то риторически, когда же уступает воображению, то поэтически.

Поэтому тот, кто начал бы с самых первых, неизбежных, первоначальных тропов, потом бы стал отмечать более вольные и смелые, наконец перешел бы к самым произвольным и рискованным и закончил бы все даже неловкими, условными и безвкусными, — тот доставил бы себе ясный обзор основных моментов восточного искусства поэзии. Он легко бы убедился в том, что в той литературе вообще не может быть речи о вкусе, в том смысле, как разумеет его мы, о разделении подобающего и неподобающего. Их доблести неотделимы от их пороков, первые сопряжены с последними, одни берут начало в других — все надо нам принимать как данное, не торгуясь, не бранясь. Рейске¹ и Михаэлис² одних и тех же поэтов то превозносят до небес, то поступают с ними как с туповатыми школярами; что может быть противнее?

Притом замечаешь, и это весьма бросается в глаза, что наидревнейшим поэтам, — они ведь жили у природного источника впечатлений, они,

поэтически творя, слагали свой язык, — непременно были присущи великие достоинства, те же, что являются в сложившуюся эпоху и вступают в запутанные отношения жизни, — те хранят прежние устремления духа, но только постепенно теряют след истинного, достохвального. Потому что когда они охотятся за тропами далекими, все более отдаленными, получается сплошная бессмыслица; в лучшем случае не остается ничего, кроме всеобщего понятия, под которое, быть может, и удастся подвести разные предметы, не остается ничего, кроме понятия, которое кладет конец созерцанию, а, стало быть, и поэзии.

ПЕРЕХОД ОТ ТРОПОВ К СРАВНЕНИЯМ

Поскольку все прежде сказанное верно и о сравнениях, весьма родственных тропам, то утверждение наше следовало бы подкрепить примерами.

Видишь охотника, пробуждающегося в чистом поле, — он восходящее солнце сравнивает с соколом:

Вновь охвачен бодрым чувством дела,
На ноги вскочил я молодцом,
Ибо сокол златокрылым телом
Воспарил над розовым гнездом¹.

Или — еще пышнее — со львом:

Облака заметно посветлели,
На сердце слетела радость дня,
Меркнет ночь, тень трепетной газели,
Перед ликом утренного льва.

Как, верно, поражался таким сравнениям Марко Поло, видевший все это и многое другое!

Беспрестанно застаем мы поэта за тем, что играет он *локонами* волос.

Крючков не меньше полусотни
Скрывается в одной лишь пряди ², —

эти слова весьма мило обращены к красивым, кудрявым волосам; фантазия не возражает, когда кончики волос представляют себе загнутыми как крючки. Но когда поэт говорит, что он подвешен за волосы, то это нам не очень по вкусу. А уж когда о самом султানে говорится:

Так петлями твоих волос
Удушен враг коварный,

то это для фантазии либо противный образ, либо вообще не образ.

Что нас закалывают *ресницами*, еще полбеды, но что можно быть посаженным на ресницы, как на кол, не слишком нам нравится; когда же ресницы сравниваются с метлами и этими метлами смахивают звезды с небес, — это чересчур. *Лоб* красавицы — гладильный камень сердца; *сердце* возлюбленного ручьи слез уносят словно камешек, выглаживая его со всех сторон; смелость скорее остроумная, нежели прочувствованная, — она вызывает в нас благожелательную усмешку.

Но когда поэт выражает желание, чтобы с врагами шаха поступали как с *принадлежностями палатки*, то это весьма умно и находчиво.

Пусть их расщепят в щепу и пусть раздерут
их на тряпки,
Пусть как гвозди вобьют, кольями в землю
вонзят³.

Представляешь поэта в ставке главнокомандующего; пред душой его вечная картина — шатры разбивают, потом свертывают. . .

По этим немногим примерам, число которых можно было бы множить без конца, ясно становится, что нельзя провести границу между похвальным и порочным в нашем понимании: их добродетели — это, в самом точном смысле слова, цветы их заблуждений. Если хотим мы принимать участие в творениях великолепнейших умов, так нам надо уподобляться всему восточному, — сам Восток не придет к нам в гости. И хотя переводы достойны всяческих похвал, способны увлечь нас, послужить началом, но ведь из сказанного явствует, что в этой словесности язык — как язык — играет первейшую роль. Так кому не захочется познакомиться с такими сокровищами у самого истока их!

Поразмыслим теперь над тем, что поэтическая техника оказывает величайшее влияние на любую манеру поэтического творчества; так и здесь мы обнаруживаем, что попарно рифмуемые стихи ориентальных поэтов требуют от них параллелизма, но что такой параллелизм не концентрирует, а рассеивает у них смысл, потому что одна и та же рифма связывается с совершенно чужеродными предметами. Вследствие этого их стихи начинают напоминать кводлибет⁴ или стихотворения на заданные

рифмы, — такой поэтический вид, где лишь первейшему таланту под силу создать что-либо замечательное. Что во всех таких делах народ судил строго, видно по тому, что за пять столетий только семерых поэтов признал он наилучшими.

ОСТЕРЕЖЕНИЕ

На сказанное до сей поры можем ссылаться как на свидетельство доброй воли, проявленной к поэзии Востока. Потому, хотя есть мужи, каким дано лучшее и даже самое непосредственное знание тех местностей, отважимся выступить навстречу им с остережением, цель которого — отвратить ущерб от столь доброго дела — достаточно явна и несомнительна.

Сопоставления облегчают суждение всякому — но только и затрудняют: сравнения хромают, если чрезмерно подробны, так и суждение, построенное на сравнении, обнаруживает свою несообразность по мере того, как вдумываешься в него. Не будем заходить в дебри, а скажем в данном случае одно: когда превосходный Джонс сравнивает восточных поэтов с римлянами и греками, так у него есть на то причины — он вынуждаем к тому, будучи связан с Англией и с тамошними критиками старого поколения. Сам воспитанный в строгой школе классической филологии, он разглядел суть категорического предрассудка, мешавшего признавать что-либо, кроме унаследованного от древних Афин и Рима. Сам он знал, любил, ценил Восток, ему хотелось познакомить старую

Англию с его созданиями, хотелось любым способом, хоть контрабандой провезти их сюда, а для этого надо было снабдить их штемпелем классической древности. В настоящее время в том нет нужды, сейчас от этого только вред. Мы научились ценить поэтическую манеру Востока, признаем величайшие достоинства его поэтов, но только сравнивай же их с ними самими, чти их в положенном кругу, да и забудь пока, что были на свете римляне и греки.

Не станем сердиться, если при чтении Хафиза кому-нибудь придет на ум Гораций. На эту тему необычайно удачно высказался один знаток, так что параллель такая раз и навсегда выявлена и нечего больше о ней рассуждать. Знаток говорит ¹:

«Бросается в глаза сходство жизненных воззрений Хафиза и Горация, которое можно объяснить единственно сходством эпох, когда жили оба поэта, — прочность гражданского существования была решительно поколеблена, человек ограничен мимолетными наслаждениями, какие должен был как бы ловить на бегу».

Однако просим, настоятельно просим не сравнивать Фирдоуси с Гомером; в любом отношении он проиграет — в сюжете, форме, изложении. Кто хочет убедиться в этом сам, пусть сравнит чудовищную монотонность семи приключений Исфендиара с XXIII песнью «Илиады», где на тризне по Патроклу столь не схожие между собой герои добиваются самых разнообразных наград каждый раз в новом состязании. И мы, немцы, не нанесли ли огромного ущерба великолепным «Нибелунгам» тем же

самым сопоставлением? «Нибелунги» весьма замечательны², если по-настоящему вжиться в их круг, с доверительной благодарностью принимая все, что нам предлагают, но сколь же странны они, когда их меряют мерой, к ним неприложимой.

Сказанное верно ведь даже и в применении к творчеству одного автора, если он писал много, долго и в различных жанрах. Пусть сравнивает обыкновенная беспомощная толпа — пусть, сравнивая, выбирает, отвергает, хвалит. Учителя же народа обязаны занять такую позицию, где ясное обозрение целого идет на пользу чистому, прямому суждению.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

Мы только что отвергли возможность каких-либо сопоставлений в случае, когда речь идет об оценке писателей, а потому может показаться весьма удивительным, если непосредственно после этого заговорим о таком казусе, в котором сопоставление кажется нам допустимым. Мы надеемся, однако, что нам дозволено будет исключение из правила, ибо сама мысль принадлежит не нам, а третьему лицу.

Проникший высоты, широты и глубины Востока ученый муж полагает, что нет другого такого немецкого писателя, который в той мере приблизился бы к восточным поэтам и прочим сочинителям, как Жан-Поль Рихтер; суждение это показалось нам слишком значительным, чтобы не уделить ему должного внимания; к тому же тем легче сообщить нам свои замеча-

ния по сему поводу, что нам довольно. лишь сослаться на все пространно излагаемое выше.

Безусловно, создания поименованного коллеги, чтобы начать с личности писателя, свидетельствуют о рассудительном, осмотрительном, пронизательном, образованном, всесторонне осведомленном, притом благожелательном, благочестивом настроении ума его. Наделенный подобными дарованиями, дух бодро и смело осматривается в своем мире в прямом смысле слова на восточный манер, он завязывает наистраннейшие связи, сочетает несовместное, однако всегда так, что повсюду незаметно вьется скрытая этическая нить, благодаря чему целое приводится к известному единству.

Чуть выше мы указали и обозначили природные начала, из каких слагали свои творения самые древние и лучшие поэты Востока, так что теперь мы выразимся ясно, сказав: те поэты творили в сфере нетронутой, простой, наш же коллега, напротив того, живет и творит в мире развитом, переразвитом, свитом и перевитом, и именно поэтому вынужден справляться с самыми редкостными, диковинными стихиями. Чтобы наглядно представить, притом немногими чертами, всю противоположность окружения бедуина и окружения нашего автора, возьмем с нескольких страниц наиболее значимые из встречающихся там выражений:

Пограничный трактат. Чрезвычайные выпуски. Кардиналы. Дополнительная статья договора. Бильярд. Пивные кружки. Имперские скамьи. Кресла в заседании. Главный уголовно-моченный. Энтузиазм. Скипетр-кий. Погрудное

изображение. Клетка с белкой. Ажиотёр. Грязнуля. Инкогнито. Коллокви. Бильярдная луза канонического права. Гипсовый слепок. Служебная карьера. Кочегар. Признание прав гражданства. Статья к школьной программе Троицына дня. Мавританский. Пантомима, исполненная пальцами. Ампутированный. Сверхштатный. Лавка бижутерии. Субботний путь, и т. д.

Коль скоро все эти выражения либо известны образованному немецкому читателю, либо могут стать ему известны благодаря энциклопедическому словарю, — точно так, как восточному человеку внешний мир известен по странствиям его с караванами купцов и пилигримов, — то мы смело можем считать, что родственный Востоку ум вправе поступать тем же самым способом, пусть и на совершенно иной основе.

Итак, признаем же, что сколь ценимый, столь и плодовитый писатель, живущий в эпоху позднейшую, и не может, если только намерен остроумно комбинировать в такую пору, не намекать разнообразнейшими, разнороднейшими способами на бесконечно запутавшиеся, усложнившиеся благодаря искусству, науке, технике, политике, мирному и военному общению и разобщению, измельчившиеся условия жизни; если все это так, мы, надо думать, подтвердили приписанную ему ориентальность направления.

Подчеркнем только одно различие — различие метода поэтического и прозаического. Казалось бы, все воздвигает трудности на пути поэта — и такт, и параллелизмы, и рифма, и

каданс, но только все оборачивается пользой для него, сумеи он развязать заданный ему — другими или им же самим — таинственный узел; и самую смелую метафору простим мы ему за неожиданную рифму, радуясь присутствию духа, что поддерживает он в столь бедственном положении.

А прозаик, напротив того, ворочает локтями и никто его не удерживает — зато он ответствен за всякую дерзость, какую себе позволит; все, что может оскорбить вкус, ставится ему в счет. Поскольку, однако, как мы уже обстоятельно доказывали, при таком способе писания и сочинения невозможно отделить подобающее и неподобающее, то решительно все зависит от индивида, который берется показывать такой рискованный номер. Если это деятель, подобный Жан-Полю, т. е. дарование высокоценное и полный достоинства человек, он сразу увлекает читателя и тот сейчас же сближается с ним; тогда писателю все дозволено, тогда читателю все по душе. В обществе благомыслящего человека чувствуешь себя уютно, его настроения передаются нам всем. Он возбуждает нашу фантазию, льстит нашим слабостям и укрепляет в нас сильные стороны.

Упражняешь острый ум в себе, когда пытаешься сам разрешить без конца задаваемые тебе странные загадки, и радуешься тому, что в этом пестрящем путаном мире и под поверхностью его обретаешь, словно как в форме шарды, и рассеяние и побуждение, и даже то, что трогает, утешает душу.

Вот примерно все, что хотели мы изложить,

оправдывая наше сопоставление; сходное и различное мы старались выразить наивозможно кратко; сама же тема способна соблазнить толковать ее бесконечно.

ВОЗРАЖЕНИЕ

Если кто слова и выражения рассматривает как священные свидетельства и не просто пускает в ход на скорую руку, словно мелкую монету и ассигнации, ради спешной, сиюминутной выплаты, а стремится воспользоваться ими как истинными эквивалентами в духовном сношении и общении, тому не следует ставить в укор, когда привлекает он внимание к привычным выражениям, к которым никак уж не придраться, указывая, что и производят они дурное влияние, и застилают ясный взор, и искажают понятия, и дают неверное направление целым научным дисциплинам.

Такого свойства, должно быть, общепринятое употребление заглавия «Изящные риторические искусства» в качестве общей рубрики, под которую подводят как поэзию, так и прозу, излагая их по порядку, согласно с различными частями их.

Поэзия, если рассматривать ее в чистоте и подлинности, — не речь и не искусство; не *речь*, потому что для своей полноты она нуждается в такте, пении, мимике и телодвижениях; не *искусство*, потому что все основывается в ней на природном даре, который хотя и необходимо упорядочивать, но нельзя смущать узостью правил; помимо того поэзия навеки остается прав-

дивым выражением взволнованного вознесенного духа, без целей, без задач.

Риторическое же искусство, в собственном смысле слова, — это речь, это искусство; оно основывается на ясной, умеренно возбужденной речи, оно во всяком значении слова — искусство. Оно преследует свои цели, от начала и до конца оно — поза. Рубрика, какую мы критикуем, лишает поэзию достоинства, ставит поэзию на один уровень с риторикой, если только не подчиняет ее последней, заимствуя у нее само название и славу.

Такое наименование и разделение получило, правда, одобрение и укоренилось, поскольку выставлено напоказ в книгах, достойных самой высокой оценки; поэтому едва ли люди скоро отвыкнут от него. Однако так поступают потому, что, классифицируя искусства, не спрашивают совета у художника. А в руки знатока литературы поэтические творения приходят в виде печатных букв, они лежат перед ним в виде книг, которые поручено ему расставить в известном порядке, определенным образом расклассифицировать.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВИДЫ

Аллегория. Баллада. Басня. Героида. Дидактическая поэма. Драма. Идиллия. Кантата. Ода. Пародия. Послание. Рассказ. Роман. Романс. Сатира. Элегия. Эпиграмма. Эпопея.

Если же представленные выше поэтические виды, расположенные у нас в порядке алфавита, а также и прочие подобные им, пытаться

упорядочить методически, сталкиваешься с трудностями значительными, какие устранить нелегко. Пристальнее взглядевшись в перечисленные рубрики, находишь, что они наименованы то по внешним признакам, то по содержанию, а немногие по существу формы. Вскоре замечаешь, что одни равноправны, другие — соподчинены. Ради удовольствия и наслаждения, конечно, признаешь всякую по сущности и воздействию ее, но если бы, в целях дидактики или истории, потребовалось расположить их более рациональным способом, так, очевидно, стоит оглядеться в поисках такового. Посему представляем на суд нижеследующее.

ПРИРОДНЫЕ ФОРМЫ ПОЭЗИИ

Есть только три подлинно природные формы поэтического искусства — форма ясного повествования, форма энтузиастического волнения и форма личного действия — эпос, лирика, драма. Такие три поэтических способа творят либо совместно, либо обособленно. Нередко они совмещаются в самом небольшом стихотворении и именно благодаря такому соединению производят на малом пространстве наивеликолепнейшее создание, что ясно замечаем на примере самых достойных баллад всех народов. В наиболее древней греческой трагедии, как видим, все они три тоже взаимосвязаны и лишь по прошествии времени обособляются. Пока хор играет главную роль, лирика главенствует; когда хор превращается больше в зрителя, вперед выступают другие формы, и наконец, когда дей-

стве стягивается в некий домашний и личный круг, хор начинают считать обременительным и неуместным. Во французской трагедии экспозиция — эпична, середина — драматична, а пятый акт, завершающийся возбужденно-энтузиастически, можно называть лирическим.

Гомеровская героическая поэма — чистый эпос; рапсод все устроит, обо всем, что совершается, рассказывает он, никто не смеет открывать рта, кому не дал он слова, о чьих речах и ответах он прежде того не возвестил. Недопустим обмен отрывочными речами, прекраснейшее украшение драмы.

А теперь давайте послушаем современного импровизатора¹ на публичном торжище; пусть разрабатывает он историческую тему, — так, чтобы быть верно понятым, он поначалу расскажет, потом, чтобы возбудить интерес, заговорит как действующее лицо, напоследок, восплавав энтузиазмом, увлечет за собою души. Элементы можно сплести между собой самым неожиданным образом, и поэтические виды многообразны до бесконечности; а потому так трудно найти порядок, согласно которому их можно было бы расположить в ряд или соподчиненно. Но до какой-то степени можно выйти из положения, разместив три основных элемента по кругу, друг напротив друга, а затем отыскивая такие образцы, где правит лишь один из элементов. Потом собирай примеры, где преимущество оказывается на стороне того или другого, где, наконец, завершено объединение всех трех элементов, а тогда, стало быть, весь круг замкнут в себе.

На таком пути открываешь прекрасные перспективы и на поэтические виды, и на характер наций с вкусом, присущим каждой из них, все в исторической последовательности. И хотя такой прием скорее пригоден для собственных занятий, в урок и в правило себе самому, чем для преподавания другим, все же, наверное, возможно составить и схему, которая в легко обозримом порядке представляла бы как внешние, случайные формы, так и внутренние, необходимые первоначала. Но попытка такая будет столь же трудна, как в естествознании стремление к отысканию связи между внешними признаками минералов, растений и их внутренними составными частями — ради того чтобы явить духу сообразный с природой порядок.

ДОПОЛНЕНИЕ

Весьма знаменательно то, что персидская поэзия не знает драмы. Если бы в свое время восстал среди них драматический поэт, то и вся литература обрела бы иной вес. Нация эта склонна к покою, им приятно, когда им что-нибудь рассказывают, — отсюда невероятное множество сказок, бесконечные их поэмы. И сама восточная жизнь не богата разговорами; деспотизм не способствует обмену речами, и, как мы видим, перечить воле и приказу властелина можно лишь цитируя Коран или известные места из поэтов, что, впрочем, конечно же, предполагает высокий уровень умственности, широту, глубину и последовательность культуры. Но и восточный человек, как любой другой,

не может обходиться без формы диалога, что видно по тому, как высоко ценятся басни Бидпаи, произведения, подражания, продолжения таковых. «Разговоры птиц»¹ Феридеддина Аттара равным образом прекраснейший тому пример.

ОРАКУЛЫ ИЗ КНИГ

Человек, полоненный мрачностью дня, озирающийся вокруг в поисках лучей более светлого будущего, рад ухватиться за любую случайность, дабы уловить прорицающий намек. Нерешительному спасение та решимость, с которой подчиняется он приговору жребия. Такого свойства повсеместно распространенный обычай обращаться за оракулом к какой-либо значительной книге, между листами которой сначала просовывают иголку, а потом благоговейно внимают отмеченному ею месту. Мы в прежние времена близко знавали людей, которые, пользуясь этим способом, испрашивали совета у Библии, у «Шкатулки»¹ и других душе-спасительных сочинений, которыми в самую тяжкую минуту жизни суждено было им утешаться и укреплять свою душу.

И на Востоке, оказывается, был в употреблении этот обычай; его именуют фал, и Хафиз удостоился подобной чести непосредственно после смерти. Ибо когда строго верующие не желали хоронить его с обрядами, то спросили его стихотворения, а поскольку в означенном месте говорилось о могиле поэта, которую будут

почитать странники, то заключили — должно похоронить его со всеми почестями. И поэт Запада равно намекает² на этот обычай и желает, чтобы и его книжечка была удостоена той же чести.

ОБМЕН ЦВЕТАМИ И ЗНАКАМИ

Нужно поучиться у знатоков, чтобы о так называемом языке цветов не быть слишком хорошего мнения и, например, не ждать от него нежных чувствований. Тут не то чтобы отдельным цветам прилагалось значение, а потом целый букет вручался в качестве тайного послания, да и не одни только цветы служили в такой немой беседе словами и буквами, а вообще все зримые вещи, если их только можно переносить с места на место.

Однако что тут нужно сделать, чтобы получилось сообщение и происходил обмен чувствами и мыслями, — это представить можно лишь наглядно — вообразив себе основные свойства ориентальной поэзии: ей свойствен широкий обзор, охват вещей и предметов мира, тут без труда рифмуют, а к тому же все это племя весьма любит загадывать загадки, что одновременно воспитывает и способность их разгадывать, — это ясно всем, чей талант склонен к занятиям шарадами, логгрифами и всем тому подобным.

Нужно заметить: когда любящее существо посылает любимому какой-то предмет, так по-

лучатель обязан произнести соответствующее слово и затем смотреть, что с ним рифмуется, изыскивая то слово, которое среди множества рифмующихся подойдет к ситуации настоящего. При этом всецело царит наитие, направляемое страстью, — иного быть не может, это сразу же бросается в глаза. Пример пояснит суть дела, а потому изложим маленький роман, заключающийся в такого рода корреспонденции.

Все стражники склонились ¹
Пред подвигом любовным;
О том, как мы сносились,
Не буду многословным;
Нам горе радость принесло,
Уловки всем полезны,
Так осветим, куда ни шло,
Ночной мрак тайной бездны.
Кому из милых по плечу
Вострить потоньше уши,
Им всем созвучье рифмы, чу!
Сейчас проникнет в души.
Я слал тебе, ты мне слала —
И все было понятно.

Лал ²	Я воспылал.
Лазурит	Кто горит?
Ветка лавра	Витязь храбрый.
Пух газели	Где б мы сидели?
Клок волос	Средь ранних рос.
Мел	Будь смел.
Солома	Сегодня — дома.
Гроздь винограда	Я и сама рада.
Кораллы	Меня звала ли?
Миндальные орехи	Совсем не к спеху.

Репа	Не будь свирепа.
Морковь	Не прекословь.
Перо воронье	В твоём быть лоне.
Перо попугая	Сама не знаю.
Пырей	Так будь смелей.
Букет гвоздик	Но не будь дик.
Каштаны	В чужие страны.
Свинец	Хоть под венец.
Горошина	Я огорошена.
Шелк	Я умолк.
Майоран	Из дальних стран.
Голубой цвет	Радостный привет.
Виноградина	О, ненаглядная.
Золото	Мы оба молоды.
Кожа	Будь настороже.
Ночные фиалки	Тебя мне жалко.
Ветка	Пишешь редко.
Букет	Жду много лет.
Вьюнок	У твоих ног.
Медвежьи ушки	*** на подушке.
Кипарис	Со мной простись.
Известь	Кого известь?
Кусок торта	Иди ты к ***.

Когда б Джемиля Ботейна ³
Не понимала верно,
Как случилось бы, что имена
Их славны беспримерно?

Представленный неслыханный способ взаимобращения вполне может быть в ходу между особами, наделенными пылким чувством и расположенными друг к другу. Как только дух идет в подобном направлении, он начинает творить чу-

деса. В доказательство лишь один из множества таких рассказов.

Две влюбленные пары совершают увеселительную поездку за несколько миль, проводят вместе целый день; на обратном пути они развлекаются игрой в шарады⁴. В конце концов они не только немедленно разгадывают любую, стоит только словам сорваться с уст, но даже отгадывают слово, которое человек только задумал, собираясь загадать, и все благодаря самому непосредственному, прямому наитию, ясновидению⁵.

Подобные вещи рассказывают в наши дни, клятвенно заверяя нас в их правдивости, и тут не надо бояться, что тебя осмеют, потому что такого рода психические феномены и отдаленно не достигают всего того, что сделалось явью благодаря органическому магнетизму⁶.

ШИФР

И другой способ переговариваться друг с другом, изобретательный, сердечный! В прежнем участвовали ухо и острый ум, а теперь участвует нежное, любящее, эстетическое чувство, и оно встает на один уровень с великой поэзией.

На Востоке выучивали на память Коран, а потому тем, кто уже поупражнялся в этом, не трудно было добиваться взаимопонимания самими легкими намеками на суру и стих. Это самое знавали мы в Германии: лет пятьдесят тому все воспитание было направлено на то, чтобы люди вырастали твердыми в Библии; не

только учили тогда наизусть самые значительные изречения, но и во всем прочем приобретали достаточные познания. Бывали люди, ловко применявшие ко всякому пустяку библейские речения, они Священное писание употребляли на болтовню. Нельзя только отрицать, что в результате составились самые остроумные и занятные реплики, так что и до сих пор в разговоре слышишь известные библейские места — те, что приложимы решительно ко всему.

Равным образом пользуемся мы классическими цитатами, которыми отмечаем и выражаем вечно повторяющиеся события и чувства.

Да и мы, пятьдесят лет тому¹, юношами, почитали наших отечественных поэтов, бодрили свою память заучиванием их сочинений и высказывали им свою признательность, самую лестную, тем, что выражали свои мысли их словами, изящными, изысканными, признавая тем самым, что они лучше нас раскрывали глубины наших душ.

А сейчас, чтобы вернуться к прямой нашей цели, вспомним о способе всем известном, но все равно таинственном, о способе сообщаться посредством шифра²: два человека договариваются о том, какую взять книгу, а потом составляют письма из цифр страниц и строк, в уверенности, что получатель такого письма без особого труда восстановит смысл.

Песня, обозначенная у нас рубрикой «Шифр», подразумевает такую договоренность. Любящие сговариваются воспользоваться стихотворениями Хафиза как средством обмениваться своими чувствами; они отмечают стра-

ницу и строку, выражающие их состояние в настоящую минуту, а в итоге возникают выразительнейшие, сложенные из разных мест книги, песни; превосходные, но рассеянные по всей книге стихи бесценного поэта сочленены чувством, страстью; склонность, выбор придают целому особую внутреннюю жизнь, и разделенные расстоянием находят в том утешение, покорствуя судьбе, — свою печаль они украсили жемчугом его слов.

Тебе открыться
Велит мне сердце;
Тебя услышать
Желает сердце;
Как мрачно смотрит
Мир на меня.

В души светлице
Другу не тесно,
Других не пустят,
Врагу нет места.
Одна затея
Меня утешит!

От сей минуты
Всю жизнь до гроба
Я посвящаю
Любви прекрасной,
Но вспоминаю —
И в сердце боль.

Нет силы боле —
Его люблю лишь,
Но тайно, молча.

Так что же будет?
Его обнять бы —
И не могу.

БУДУЩИЙ «ДИВАН»

В Германии одно время было принято дарить печатные сочинения, изданные на правах *рукописи для друзей*. Если и покажется это кому-либо странным, так надо вспомнить, что в конечном счете всякая книга пишется для друзей автора, для тех, кто его любит и принимает в нем участие. Прежде всего я хотел бы назвать такой книгой свой «Диван», настоящее издание которого можно лишь считать несовершенным. Будь я моложе, я дольше держал бы его в письменном столе, но теперь предпочитаю определить его состав самому, чем, по примеру Хафиза, поручать это наследникам. Ибо как раз в том виде, в каком мог я сообщить эту книжечку сейчас, она пробуждает во мне желание придать ей со временем должную полноту. Чего же можно здесь ожидать, укажу, перебрав книгу за книгой весь «Диван».

---

*Книга Поэта*¹. В своем настоящем виде она восторженно выражает живые, чувственные и душевные, впечатления от предметов и явлений; тут же в общих чертах указаны и связи поэта с Востоком. Если продолжать дальше, можно весьма изящно разукрасить этот светлый сад, но можно и превосходно расширить его, если поэт будет говорить не только о себе и о своем, но и выразит благодарность своим друзьям и

покровителям, чтя дружеским словом живущих, вспоминая с похвалою усопших.

При этом нужно только подумать о том, что восточные воспарения, жанр обильных и чрезмерных похвал не слишком отвечают чувству европейца. Мы возносимся ввысь, парим, но не прибегаем к гиперболам, потому что действительно, лишь незамутненная, благопрочувствованная поэзия способна выразить подлинное достоинство замечательных мужей, совершенства которых по-настоящему понимаешь лишь тогда, когда они уходят из жизни, когда чудачества их нас больше не коробят, тогда как глубокие последствия их деятельности денно и нощно стоят перед нашим взором. Недавно поэт был столь счастлив отдать, искренне и душевно, как то пристало ему, часть своего долга — во время великолепного празднества², происходившего в присутствии высочайших особ.

Книга Хафиза. Если верно, что люди, пользующиеся арабским и другими родственными языками, уже рождаются поэтами, уже воспитываются как поэты, можно себе представить, что среди такой народности выдающиеся умы растут без числа и счета. Однако за пятьсот лет народ лишь за семью поэтами признал наивысшее достоинство³, так что подобный приговор мы хотя и принимаем с благоговением, однако вправе исследовать, на чем основываются особые преимущества этой семерицы.

Такую задачу, если вообще она разрешима, тоже придется оставить до будущего «Дивана». Ибо, если говорить только о Хафизе, то чем

лучше узнаёшь его, тем больше любишь его и дивишься на него. Натура счастливейшая, значительная образованность, вольное пользование всеми способностями и несомненное убеждение в том, что нравишься людям только тогда, когда поешь им вещи приятные, которым внимают они охотно и без труда, причем между всем таким легким и удобным можно иной раз поместить и что-нибудь трудное, тяжелое и неприятное для них. Если нижеследующая песнь в чем-то напомнит Хафиза знатокам, тем приятнее будет такой опыт для обитателя Запада.

ХАФИЗУ

Все ищут — ты нашел закон,
Постиг земной порядок:
В плену страстей и прах и трон,
Но плен жестокий сладок.

И пут не рвут — всему черед:
И лечит он и ранит.
Тот шею невзначай свернет,
А тот нахалом станет.

Не ставь, Учитель, мне на вид,
Коль не попад ответу,
Когда замечу, что спешит
Мой Кипарис навстречу.

И, к почве ластясь, башмачок,
Как корешок, крадется.
А взгляд, а речь! Тут сам Восток
Прозрачной вязью вьется!

Ты чувствуешь? Прижать лицо
К волне кудрей смелее,
Где ветер локонов кольцо
Развил у щек и шеи!

Как ясен лоб, как нежен рот,
И кто ж не умилится!
От песни радостной начнет
Сама душа молиться.

А губы так манят — нет сил!
Но что, скажи, нелепей:
Ты вдруг свободу получил,
Но получил и цепи!

Вдохнешь — и не вдохнуть назад,
Душа к душе стремится,
И счастья тонкий аромат
Незримо в грудь струится.

Ты весь в огне! Теперь вина!
Где мальчик? Я пирую!
И чару первую — до дна!
Скорей на стол вторую!

Он ждет, он внемлет, он притих:
Ты пьяный — совершенней.
Он понял высший смысл твоих
Глубоких поучений.

Он зрит, как мира строй высок,
Его душа — в зените.
Грудь крепнет, над губой пушок,
Он юноша — взгляните!

А ты — ты обнял все вокруг,
Что есть в душе и в мире,
Кивнув мыслителю, как друг,
Чья мысль и чувство шире.

Ты, чтоб везир иль шах от нас
Не утаили клада,
И перед троном в добрый час
Даешь совет что надо.

Рожденный все и знать и петь,
На свадьбе ли, на тризне,
Веди нас до могилы впредь
По горькой, сладкой жизни⁴.

Книга Любви значительно разрослась бы, если шесть пар любящих яснее предстали бы перед нами с радостями своими и печальями, а рядом с ними более или менее отчетливо выступили из туманов былого и другие лица. Вот, например, Вамика и Азру⁵, о которых кроме имен нет никаких сведений, можно было бы представить читателю так:

Большая заслуга — любовь, и другой
Не будет награды такой дорогой.
Не стал ты силен, не стал ты богат,
А все же славнейшим героям ты брат.
Вамик и Азра! — по прихоти рока
Их знают все, как знают пророка.
Сказать о них — что же? Судьба их
темна.

Но помнят все их имена.
Забыты их дела и дни,
Но знают все, что любили они.

Все знают от мала до велика
О страсти Азры и Вамика⁶.

Не менее удобна эта книга для символических отступлений, от каких трудно удержаться, если ты находишься на полях Востока. Проницательный человек, не довольствуясь тем, что представляют ему, все являющееся чувствам рассматривает как маскарад, где прячется от него, шаловливо и своенравно, высшая, духовная жизнь, — маня к себе, увлекая в высшие, благороднейшие сферы. Если поэт поступает с сознанием и умеренностью, можно согласиться со всем этим, радоваться всему этому и, готовясь к более решительному воспарению ввысь, пробовать свои крылья.

Книга Размышлений того, кто поселился на Востоке, растет с каждым днем; там все — размышление, оно колеблется между чувственным и сверхчувственным, но не делает выбора в пользу одного. К совсем особому раздумию приглашают тебя здесь; оно обращено не просто на житейскую мудрость, хотя эта последняя и требует здесь весьма многого, — нет, оно одновременно подводится к тем моментам, где со всей внезапностью и неумолимостью вырастают перел нами страннейшие проблемы земного бытия, вынуждающие нас склонить колена перед Случаем, Провидением и неисповедимыми Путями их, вынуждающие нас провозгласить безусловную покорность — величайший нравственно-политико-религиозный закон.

Книга Недовольства Другие книги растут — так допустят расти и эту. Пусть поначалу соберутся приятные добавки, с любовью и рассуждением, тогда легче снести взрывы недовольства. Общечеловеческая благожелательность и чувство поддержки и снисхождения — они связывают небо и землю и готовят Рай для людей, в каком не отказано нам. Недовольство же — вечный эгоист, оно настойчиво требует того, чего его не удостаивают, оно противно и заносчиво и едва ли радуется даже тех, кто объят теми же чувствами. Тем не менее человеку не всегда удается избегать взрывов, да и не худо давать выход своему недовольству, особенно если тебе мешают, препятствуют в делах, в деятельности. Уже теперь эта книга должна была стать куда толще и разнообразнее, но только мы многое отложили в сторону, чтобы никого не сердить. Заметим по этому случаю, что приберегаем для позднейших времен, для рубрики «Паралипомена» такие высказывания, какие сейчас покажутся сомнительными, впоследствии же будут всеми приняты с улыбкой и благожелательно, как вполне простодушные.

Однако воспользуемся предлогом и поговорим о заносчивых притязаниях, в первую очередь о том, как они проявляются на Востоке. Первый из заносчивых — это сам государь, который как бы исключает само существование других людей. Ему все служат, он же повелевает сам себе, и никто — ему, и волею своею он творит остальной мир, так что можно ему сравниваться и с Солнцем, и с мирозданием. Но только бросается в глаза, что именно вслед-

ствие этого он принужден избирать себе сопровитателя, который поддерживал бы его на бескрайнем поле деятельности, а, говоря попросту, помогал бы ему удерживаться на престоле миров. Сопровитатель такой — поэт: он, трудясь бок-о-бок с ним, возвышает его над всеми смертными. Если же много таких дарований собирается при дворе шаха, то он ставит над ними царя поэтов, являя тем, что признает себе подобным дарование наивеличайшее. Однако в том соблазн для поэта, от которого как бы требуется ставить себя высоко, словно государя, и чувствовать себя сообладателем величайших доблестей и блаженств. Его укрепляют в таком чувстве безмерные дары, какие ему приносят, богатства, какие он копит, и воздействие на других людей. И подобный образ мысли столь укрепляется в нем, что не оправдавшиеся в чем-то надежды способны доводить его до безумия. Фирдоуси, помня слова государя, ждет, что ему заплатят за «Шах-наме» 60 000 золотых, а получает только 60 000 сребреников и, находясь в ту самую минуту в бане, немедленно делит эту сумму на три части, одну из которых отдает посланцу, другую — банщику, третью — подносчику шербета, — немногими оскорбительными стихами он уничтожает при этом все похвалы, какие долгие годы воздавал шаху. Он бежит, скрывается, не желает отречься от своих слов, — более того, он заповедует свою ненависть родным, так что и его сестра с презрением отвергает значительный дар примиренного султана, увы! прибывший лишь после кончины брата.

Если же развивать эту тему далее, то пришлось бы сказать, что все полны притязаний, на всех ступеньках, начиная от самого трона и кончая дервишем на перекрестке, все полны духовного и светского высокомерия, что заявляет о себе по самому пустячному поводу.

С этим нравственным пороком, если только это порок, весьма занчительно обстоит дела на Западе. Скромность — это ведь, собственно, добродетель компанейская, указание на большую внутреннюю культуру, это — не что иное, как самоотречение в плане внешнем, — ее считают наилучшим качеством человека, потому что она зиждется на огромной внутренней ценности человеческой души. Вот мы и слышим, что толпа прежде всего хвалит скромность в самых замечательных людях, но не очень-то заботится о прочих чертах их характера. Между тем скромность всегда соединяется с притворством, — это своего рода лесть, причем лесть тем более действенная, что она без всякой навязчивости ублажает другого человека, ничуть не мешая ему предаваться приятному уюту сомнения. Однако то, что именуют хорошим обществом, заключается в непрестанно возрастающем самоотрицании единицы, так что общество в целом превращается в итоге — в нуль, разве что развивать в себе дар удовлетворять свое тщеславие, лстя при этом тщеславию иных.

Однако с притязаниями нашего западного поэта⁷ нам хотелось бы примирить своих земляков. «Дивану» никак бы не обойтись без известной похвальбы, потому что было ведь необходимо передать характер Востока.

Высокомерно противопоставлять себя высшим сословиям — такому неутешительному занятию не мог предаваться наш поэт. Счастливая судьба избавила его от борьбы с деспотизмом. Да ведь и весь мир присоединяется к похвалам, какими мог бы награждать он своих царственных повелителей⁸. Тех высоких лиц, с которыми он был связан в своей жизни, люди славил и славят до сих пор. И можно даже упрекнуть поэта в том, что энкомиастическая часть его «Дивана» недостаточно обширна.

Что же до «Книги Недовольства», то тут, верно, найдут, что порицать. Недовольный всегда слишком ясно заявляет, что его надежды не оправдались, заслуги — не признаны. Так и он! Сверху-то он ничем не стеснен, зато много терпит снизу и с боков. Толпа назойливая, то пошлая, то коварная, вместе с своими хорегами⁹, пресекает любую деятельность; сначала вооружишься гордыней и неприязнью, когда же слишком сильно раздражат и сдавят тебя со всех сторон, чувствуешь в себе силы пробиться сквозь толпу.

Засим же признаем, что немало притязаний своих поэт смягчает, перенося их, искусно и с чувством, на свою возлюбленную и унижаясь, даже уничтожаясь пред нею. Сердце и ум читателей запишут это на его счет.

Книга Речений — ей бы пухнуть скорее других; она весьма близка «Книге Размышлений» и «Книге Недовольства». Но восточные речения сохраняют характер, присущий всей поэзии вообще, а именно нередко соотнобразуются с чув-

ственными, зримыми предметами; среди речений немало таких, которые по праву можно было бы назвать притчами в лаконическом виде. Такой жанр наиболее труден для человека с Запада, потому что окружающее представляется нам слишком сухим, педантичным, прозаическим. Однако могут послужить нам образцом и старонемецкие пословицы, в которых смысл преобразуется в притчу.

Книга Тимура. Ей, собственно говоря, только еще предстоит положить начало, и, может быть, пройдет несколько лет, пока созерцанию колоссальных событий мира¹⁰ во всей их монументальности не перестанет препятствовать слишком очевидным кажущееся их истолкование¹¹. А можно и украсить трагедию веселостью, если только решиться вывести фигуру Насреддина Ходжи¹², сопровождавшего в походах чудовищного опустошителя земель и делившего с ним шатер. Ясный взгляд, счастливые часы будут наилучшим образом споспешествовать задуманному. Прибавим образчик дошедших до нас больших рассказов.

Тимур был безобразен — слеп на один глаз, хром. Однажды Ходжа был рядом, а Тимур чесал себе в голове, потому что подошло время брить голову, и он велел позвать цирюльника. Тот выстриг голову и, как всегда, дал в руки Тимуру зеркало. Тимур посмотрел в зеркало и увидел, что очень уж безобразен. Тогда он заплакал, и Ходжа стал плакать, и так они проплакали несколько часов кряду. После чего раз-

ные собеседники утешили Тимура, позабавив занимательными рассказами, чтоб он все на свете позабыл. Тимур перестал плакать, а Ходжа не перестал и только пуще рыдал. Наконец, Тимур сказал ему: «Слушай! Я посмотрел в зеркало и увидел, что очень безобразен, это так меня огорчило, потому что мало что я хан, но я и богат и много у меня наложниц, а я так безобразен, вот почему я заплакал. А ты почему рыдаешь и никак не остановишься?» Ходжа отвечал: «Ты взглянул в зеркало и, увидев себя единожды, не мог вынести своего вида и расплакался, а что же делать нам, вынужденным видеть твое лицо день и ночь? Если не нам, кому ж и плакать? Вот я и заплакал». — Тимур от хохота сделался сам не свой.

Книга Зулейки. Она больше других в собрании, и, видимо, следует считать ее законченной. Дух, веяние страсти, что ощутимы во всей книге, так легко не возвратишь, во всяком случае должно ждать возвращения с надеждой и смирением, как ждут благоприятных для виноделия лет.

Еще порассуждаем о том, как ставит себя в этой книге западный поэт. Он следует примеру многих своих предшественников с Востока и держится подальше от султана. Дервиш, он доволен малым, а потому смеет сравнивать себя с государем, ибо нищий с пустыми руками — чем не король. От бедности и дерзость. Поэт решается не признавать земных благ и ценностей, не требовать ничего или почти ничего, а это путь к беззаботно-довольному существо-

ванию. Не приобретает он и не дрожит над собственностью, а в мыслях своих раздаривает земли и сокровища, смеясь над теми, у кого все это было в самом деле и кто все это растерял. Но, по правде говоря, наш поэт избрал добровольную бедность, чтобы тем горделивее выступить — есть ведь девушка, которая благоволит к нему за это и дарит ему свою благосклонность.

Но и другим недостатком хвалится он, побольше прежнего: юность прошла, и старость свою, седины свои украшает он любовию Зулейки, не навязчивый, как фат, — нет! уверенный в ответной любви ее. Она же, исполненная духа, ценит дух — тот, что дарует юности зрелость, старости — молодость.

Книга Кравчегю. Ни неумеренная склонность к вину, плоду полузапретному, ни нежное восхищение красотой подрастающего мальчика никак не могли быть опущены в «Диване»; однако последнее должно было представить, сообразно с нашими нравами, со всей целомудренностью.

Взаимная склонность возрастов раннего и преклонного подразумевает, строго говоря, отношение подлинно педагогическое. Страстная привязанность ребенка к старику — явление не редкое, только редко умеют обратить ее на пользу делу. Смотрите, какие тесные узы соединяют внука и деда, какая близость устанавливается между поздно появившимся на свет наследником рода и нежно любящим отцом, которого осчастливило неожиданное рождение сына. Их отношения по-настоящему развивают

ум и смекалку детей; дети замечают, какой властью пользуется старик, каким достоинством наделен, каким опытом обладает; души, чистые по природе, испытывают при этом потребность в том, чтобы благоговейно склониться перед старостью; старик, волнуемый этим, крепко привязывается к ребенку. Если же молодость и чувствует свое преимущество и пользуется им ради ребяческих целей, то и тут прелесть детства примиряет нас с столь ранним лукавством. А сколь трогательно соревнующее зрелости чувство отрока, который, возбужден возвышенным духом зрелости, сам себе на удивление слышит внутренний голос, прорицающий ему, что и он может развить в себе подобные же дарования. Мы и пытались наметить в «Книге Кравчег» столь прекрасные отношения, сейчас же подробнее изъяснить их. А Саади приберег для нас несколько примеров, тонкий смысл которых будет оценен всеми и откроет путь к совершенному разумению их существа.

Вот что рассказывает Саади¹³ в своем «Саде Роз»: «Когда Махмуд, государь Хорезма, заключил мир с государем Хаттаи, я зашел в Кажкере (город узбекский или татарский) в мечеть, где ведь, как вы знаете, устраивают и школу, и увидел тут отрока, прекрасного лицом и телом. У него в руках была грамматика, по которой он учил правильный, чистый язык; он читал вслух — то был пример на одно правило: «Сараба Сейдон Амран». Сейдон разбил — или разгромил — Амрана. Амран — винительный падеж. (Эти имена означают тут вообще врагов, так и немцы говорят: Хинц,

Кунц.) Когда он несколько раз повторил эти слова, чтобы они запечатлелись в памяти, я сказал ему: «Теперь даже Хорезм и Хаттаи пришли, наконец, к миру, что же — Сейдон и Амран так и будут вечно враждовать?» Отрок улыбнулся мне прелестной улыбкой и спросил, откуда я родом, а когда я ответил — из Ши-раза, он спросил меня, не помню ли я наизусть что-нибудь из сочинений Саади, потому что персидский язык очень ему нравится.

Я отвечал: «Подобно тому как душа твоя всецело предана грамматике от любви к чистоте языка, так сердце мое всецело предано любви к тебе, а образ твоего существа похищает образ моего рассудка». Тут он внимательно посмотрел на меня, словно раздумывая, что я такое сказал — то ли это слово поэта, то ли мои собственные чувства; я же продолжал: «Ты уловил в свои сети сердце любящего — как Сейдон. Мы с радостью дружили бы с тобой, но ты отворачиваешь от нас лик свой и враждуешь с нами, как Сейдон с Амраном». Он, скромно и смущенно, отвечал мне несколькими строками из моих же стихотворений, а я, с выгодой для себя, мог, воспользовавшись тем же самым приемом, высказать ему все самое приятное, и так несколько дней мы провели в прелестных беседах. Но тут двор стал собираться к отъезду, который должен был состояться ранним утром на другой день, и один из наших спутников сказал мальчику: «Это Саади и есть, о котором ты спрашивал».

Отрок прибежал, запыхавшись, почтительно приблизился ко мне и, сожалея, что не узнал

меня раньше, сказал: «Отчего не пожелал ты открыться мне в эти дни, отчего не признался мне: Я — Саади, дабы оказывал я почести тебе по малым способностям моим и смиренно служил у ног твоих?» Я отвечал ему: «Увидев тебя, я не мог уже произнести слов «Это — я», ибо раскрывалось сердце мое пред тобою, словно расцветающая роза». Он сказал мне, не останусь ли я здесь на несколько дней, чтобы поучиться ему от меня наукам и искусствам; я отвечал: «Это невозможно; здесь, вижу я, много замечательных людей живет между высокими горами, мне же по нраву владеть в мире лишь пещерой, пребывая в ней уединенно». Видя его опечаленным, я сказал: отчего не едет он в город, чтобы снять с сердца узы печали и жить веселее. Он отвечал: «Много в городе прекрасного и прелестного, но так грязно и склизко в городах, что и слон поскользнется на нечистотах, не удержусь и я на ногах, наблюдая дурные образцы». Так мы поговорили, а потом расцеловали друг друга в голову и лицо, и на том простились. Исполнилось реченное поэтом: Любящие, расставаясь, подобны красивому яблоку; щека, жмущаяся к щеке, краснеет от радости и силы, другая же бледна — как печаль и немочь».

В другом месте тот же поэт рассказывает: «В юности я завязал дружбу, искреннюю и верную, с одним юношей, равным мне по званию. Лицо его в моих глазах было той стороною неба, куда обращаемся мы, словно притягиваемые магнитом, когда творим молитвы. Ни одно знакомство не принесло мне столько

пользы, сколько его общество. Я считаю, что не было на свете человека (об ангелах не говорю), который сравнился бы с ним своею стройностью, прямою, честью. Наслаждаясь его дружбой, я зарекся навеки и считал дурным обратить свою любовь к другому после смерти его. Но запуталась стопа его в петле рока, и быстро сошел он в могилу. Я долго сидел, как страж, и лежал на его могиле, много песен печали спел о кончине его и нашем расставании, еще и теперь трогают они мое сердце и души других».

Книга Притч. Западные нации многое усвоили себе от богатств Востока, но и несжатого осталось немало, для яснейшего обозначения чего поведем нижеследующее.

Притчи, как и иные поэтические виды Востока, сообразующиеся с нравственным смыслом, весьма ладно разделяются между тремя различными рубриками — притчи этические, моральные и аскетические. Первые содержат события или намеки, соотнесенные с человеком вообще и разными его состояниями, причем тут не говорится, что хорошо и что дурно. Это же последнее замечательно выявляется в притчах второго вида, которые читателю подсказывают разумный выбор. Третий же вид добавляет решительное принуждение — нравственное побуждение становится заповедью, законом. К третьему можно присоединить еще и четвертый вид; тут изображаются удивительные, чудесные случаи, выступающие следствием божественного руководства и вытекающие из непостижи-

мости и неисповедимости путей господних; они учат и доказывают, что́ есть Ислам¹⁴ в подлинном смысле слова — безусловная покорность воле божией, убеждение, что никому нельзя избежать своего жребия. Не прибавить ли еще и пятый вид, который придется наименовать тогда мистическим: тут человека изгоняют из предварительного бытия, вечно тягостного и страшного, призывая его уже на этой земле к единению с Богом и к скорейшему отречению от всех тех благ, утрата которых не может не причинять нам боли. Если различать цели образного изложения, каким пользуются на Востоке, то уже от этого будет у нас большой выигрыш, потому что в противном случае, когда цели смешиваются, постоянно чувствуешь для себя препону, — то ищешь морального урока, где ему нет места, то не замечаешь более глубокого значения. «Книга Притч» стала бы интересной, поучительной, если бы содержала яркие примеры всех видов. Предоставим проницательным читателям судить о том, к каким видам отнести предлагаемые на сей раз.

Книга Парса. Лишь будучи отвлекаем, не смог поэт во всей полноте поэтически изобразить служение Солнцу и огню — кажущееся столь абстрактным, но столь глубоко проникающее в практическую жизнь людей; превосходный материал дожидается своей обработки. Да будет дано поэту счастливо восполнить упущенное.

Книга Рая. И в этом краю магометанской веры есть еще много удивительно прекрасных мест, райских уголков в самом раю, так что не худо бы там поселиться и вести свои дни. Шутливое, серьезное мило сплетаются, и обычная жизнь, идеально преображаемая, придает нам крылья, чтоб лететь нам ввысь, достигая Наивысшего. Так что ж не оседлать поэту чудесного коня Магометова и не летать на нем по небесным сферам? Что ж не праздновать, с благоговением в сердце, ту святую ночь, когда Коран, в виде совершенно полного текста, был доставлен Пророку с небес? Тут еще многим можно обогатиться.

ВЕТХОЗАВЕТНОЕ

Сначала я льстил себя сладкой надеждою, что с течением времени сумею еще исполнить некоторое и для «Дивана» и для пояснений, к нему прилагаемых, но теперь перебираю приготовительные материалы, неиспользованные, неразработанные, лежащие предо мною кипами листов, — и среди них нахожу статью, написанную двадцать пять лет тому назад и восходящую к еще более старым бумагам и занятиям.

Друзья, читавшие мои биографические опыты, вспомнят, вероятно, что я уделил немало времени и внимания Первой книге Моисеевой и не один день юности провел, разгуливая по райским кушам Востока. Но и последующим историческим книгам были уделены склонность и усердие. Четыре последние книги Моисеевы побуждали к скрупулезным изысканиям, и ниже

следующая статья содержит любопытные итоги таковых. Да будет и ей отведено место. Ибо как всем странствованиям нашим по Востоку был подан повод священными писаниями, так мы всё возвращаемся и возвращаемся к ним как к источникам живительнейшей, лишь иногда чуть замутненной, в земле сокрытой, из нее излитой чистой и прозрачной родниковой воды.

ИЗРАИЛЬ В ПУСТЫНЕ

«И восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа»¹. И в господине и в народе исчезла память благодетеля, самим израильтянам имена праотцев звучат словно издревле привычные дальние отголоски. За четыре столетия малый род несказанно умножился. Исполнилось обетование² господу великому пращуру их, возвещенное при обстоятельствах самых невероятных, — да только какой же прок им от того! Именно многочисленность рода навлекает на них подозрения исконных обитателей земли. Их терзают, пугают, изнуряют, истребляют как могут, и, как ни противится упорная природа их всем испытаниям, верно, предвидят они окончательную гибель свою, когда вынуждают их, народ некогда вольный, пастушеский, строить собственными руками крепкие города по границам страны, — явно же предназначены укрепления эти служить им каторгой и узилищем.

На этом месте спросим, — прежде чем двинуться дальше, с трудом пробираясь через странно, а то и неудачно отредактированные

книги: что же за основа, что за первовещество останется нам от четырех последних книг Моисея, коль скоро есть у нас и против чего возразить в них, есть и что по необходимости отсюда исключить?

Собственной, единственной и глубочайшей темой истории мира и всего человечества, которой все прочие подчинены, остается конфликт веры и неверия. Все те эпохи, когда царит вера, под каким бы видом она ни представала, — блестящи, они возвышают душу, они плодотворны для своего времени и для последующих эпох. Напротив того, все те эпохи, когда торжествует свои жалкие победы неверие, под каким бы видом то ни было, пусть даже на мгновения слепит оно ложным блеском своим, исчезают в глазах потомков, ибо никому не по нраву заниматься познанием бесплодного.

Если Первая книга Моисеева представила нам торжество веры, то темой четырех последних становится неверие — неверие мелочное, которое не то чтобы оспаривало и поборало веру, тоже, правда, являющуюся не во всей полноте своей, но которое на каждом шагу становится ей поперек дороги и которое не исцелить, не искоренить ни благодеяниями, ни порою даже и ужасными карами, а можно лишь на время, ненадолго, ублажить, убоготворить, — это неверие все равно коварно ползет себе вперед, так что дело великое, благородное, зиждущееся на обетованиях веродостойного бога, уже в самом начале грозит рухнуть совершенно и так, до самого конца, и не исполняется во всем своем объеме.

Уже безотрадность содержания и запутанность, по крайней мере для первого взгляда, основной нити, проходящей через все целое, досаждают нам и отравляют нам чтение, редакция же текста, самая убогая и невразумительная, делает его совершенно неудобочитаемым. Ход повествования непрерывно перебивается бесчисленными законоположениями, настоящего повода и намерения каких-либо обыкновенно нельзя усмотреть, так что по меньшей мере не ясно либо то, отчего они даются именно в этот момент, либо, если законы эти позднейшего происхождения, то почему они приведены в таком-то месте и вставлены именно сюда. Никак не видишь, отчего, совершая переход столь колоссальный, люди, с явной намеренностью и мелочностью, занимаются умножением багажа религиозных церемоний — поклажа такая не может не усложнять, не усложнять бесконечно, любое предвижение вперед. Не понимаешь, отчего изрекаются законоположения, относящиеся к отдаленному, туманному будущему, когда всякому часу, всякому дню недостает рук и голов, когда сам военачальник, которому бы твердо стоять на ногах, то и дело бросается на лице свое, испрашивая небесных кар и благодати, как-ковые отмериваются по особому длинному счету, так что вместе с блуждающим родом совершенно теряешь из виду главную цель.

Чтобы отыскать путь в этом лабиринте, я положил себе тщательно отделить все, что не есть повествование в собственном смысле слова, — будь то история, басня, то и другое вместе, будь то поэзия. Я все это отделил от настав-

ления и установления. Под первым разумею сейчас относящееся до всех стран и всех культурных людей, под вторым же — то, что особенно касается Израиля и особенно обязывает этот народ. Насколько удалось мне это, едва смею судить сам, потому что в настоящее время не в состоянии вновь приступить к этим занятиям, а все то, что собираюсь представить теперь, извлекаю из бумаг, писанных ранее, писанных позднее, как разрешит мгновение. Мне хотелось бы привлечь внимание читателей к двум обстоятельствам. Первое: все это событие, весь этот небывалый поход вытекает из характера человека, предводительствовавшего ему, из характера, поначалу выступающего не в очень-то благоприятном свете; второе — предположение, что переход длился не сорок, а разве что два года — что, в свою очередь, оправдывает того самого предводителя, кого вынуждены мы были поначалу порицать, возвращает ему честь и славу, а равномерно и бога той народности спасает от позорного попрека в жестокости, еще более отвратительной, нежели жестокость народа, и почти что восстанавливает прежнюю, раннюю чистоту его.

Вспомним же теперь прежде всего о народе израильском в Египте, к утесненному положению которого и самые поздние времена призываются проявить участие. Среди этого рода человеческого, из самовольного племени Левиина, восстает муж самовластный; живым чувством справедливого и несправедливого отмечен он. Достойным угрюмых праотцев своих выступает он, о которых патриарх восклицает: «Симеон и

Левий братья, орудия жестокости мечи их. В совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя. Ибо они во гневе своем убили мужа, и по прихоти своей перерезали жилы тельца. Проклят гнев их, ибо жесток; и ярость их, ибо свирепа; разделю их в Иакове, и рассею их в Израиле»³.

Таким-то и возвещает о себе Моисей. Египтянина, избивающего израилита, убивает он тайно⁴. Убийство, совершенное из патриотических побуждений, делается явным, и он вынужден бежать. Коль скоро, совершая подобный поступок, человек являет себя попросту естественным человеком, у нас нет причины спрашивать, как он воспитывался. Пусть дочь фараона благоволила к отроку, пусть воспитывался он при дворе, ничто не оказало своего действия на него; он стал сильным, крепким, недурным человеком, но в любых обстоятельствах первоначально грубым. Вот таким предстает он перед нами и в изгнании — могучим, нераздумчивым, замкнутым, неречистым. Благодаря смелому поступку он завоевывает благорасположение мадиамского государя-жреца⁵, который сразу же соединяет его с своим родом. Теперь Моисей узнает пустыню, в которой предстоит ему в дальнейшем исполнять обременительную должность предводителя войска.

А теперь давайте бросим взгляд на маднантиян, среди которых живет теперь Моисей. В них мы обязаны видеть племя многочисленное, которое, как и все племена кочевников и торговцев, кажется еще многочисленнее благодаря

многообразию занятий своих колен, благодаря непоседливости и разбросанности. Мы находим мадианитян у горы Хорив, на западном берегу маленького морского залива и затем в стороне Моава и Арнона. А в свое время мы уже встречали их — купцов, чьи караваны движутся через Ханаан в Египет.

Среди этого благонравного народа живет ныне Моисей, но как пастух, разделенный со всеми, замкнутый в себе. В состоянии самом плачевном, в каком только может находиться неплохой человек, рожденный не мыслить и рассуждать, но лишь стремящийся действовать; таким застаем его в пустыне, — он одинок, в глубине души вечно озабочен судьбами своего народа, вечно обращен к богу праотцев, с болью в сердце переживает свое изгнание из страны, которая, не будучи землею отцов, все же пока остается отечеством для его народа; слишком слаб он, чтобы своею рукой споспешествовать исполнению великого замысла, он не способен к составлению планов, а, если бы и составил их, — так к постепенному действию, не способен и к устному, связному изложению мыслей, благоприятно влияющему на личность. Чудо ли, если бы, пребывая в таком положении, сильная натура истомилась и сгорела сама собою.

Некое утешение доставляет ему связь с родичами через караваны, которые все тянутся и потом возвращаются назад. Он сомневается и колеблется, но затем все же решается вернуться и сделаться спасителем своего народа. Аарон, брат его, выходит ему навстречу, и теперь он узнает, что брожение в народе достигло высшей

точки. Оба брата могут теперь смело, как представители своего народа, явиться пред царя. Но этот последний вовсе не намерен отпускать от себя, на прежнюю свободу, столь большую толпу людей, которая, прожив долгие века в его стране, перестала быть пастушеским племенем и обучилась земледелию, художествам и ремеслам, смешалась с его подданными, — это неотесанное множество людей вполне пригодно для принудительного труда при возведении колоссальных памятников, при строительстве новых городов и крепостей.

Итак, прошение отклонено, а, излагаемое все более настойчиво при наступлении казней египетских, отвергается со все большим упорством. Однако еврейский народ, пришедший в возбуждение, не желает признавать дальнейших обязательств в ожидании земли, обещанной ему древнейшим преданием, и в надежде на независимость и самоуправление. Под предлогом праздника выпрашивают у соседей золотую и серебряную утварь, и пока египтянин думает, что израильтянин занят невинным пиром, учиняется Сицилийская вечерня наоборот⁶: чужеземец умерщвляет туземца, гость — хозяина, причем, руководствуясь жестокосердой политикой, убивают лишь первенцев, и это в стране, где у первенцев так много прав и преимуществ — убивают, дабы, возбудив эгоистические интересы младших братьев, избежать незамедлительной мести и успеть скрыться. Хитроумный замысел удастся, — вместо того чтобы покарать убийц, их изгоняют. Лишь с опозданием царь собирает войска, но всадники и боевые

колесницы его, наводящие ужас на пеших воинов, вступают на заболоченной почве в неравный бой с летучим, легковооруженным арьергардом, — должно быть, с той самой кучкой дерзновенно-мужественных людей, которые к тому времени уже понаторели в смертоубийстве, исполняя рискованный замысел поголовной резни; впоследствии мы узнаем ее по жестоким делам ее и не забудем о том упомянуть.

Такое полчище и воинство, хорошо вооруженное для защиты и нападения, могло избрать не один только путь в землю обетованную; первый, по берегу моря, через Газу, не был караванным путем и ввиду обитателей хорошо вооруженных и бранелюбивых нес с собою опасности; второй, пусть и более длинный, доставлял, казалось, большую надежность и большие преимущества. Он пролегал по берегу Чермного моря до Синая, от Синая же вновь был выбор двух путей. Первый, ближайший к цели, вел берегом маленького залива, через страну мадианитян и моавитян к Иордану, другой же — через пустыню в Кадес; в первом случае страна Едом оставалась по левую, во втором — по правую руку. Моисей, по всей вероятности, намеревался идти первым путем, однако хитрые мадианитяне уговорили его свернуть на второй, — вероятность чего постараемся представить, сказав прежде того о мрачном настроении, в какое повергает нас изложение сопровождавших весь поход внешних обстоятельств.

Ясное небо ночи⁷ с горящими на нем бесчисленными звездами, на какое показал Аврааму бог его, уж не раскидывает над нами златой

скинии своей; уж не подобаясь ясным светилам небесным, плетется по мрачной пустыне неисчислимый народ. Радующие душу феномены пропали, лишь языки пламени являются⁸ со всех концов, во всех углах. Господь, призвавший Моисея из неопалимой купины, движется ныне впереди народа в туманном и жарком чаде, который днем можно принять за столп облачный, ночью же за огненный метеор. Погруженная в тучу вершина Синая наводит ужас громами и молниями, и при малейшем проступке языки пламени вырываются из земли, пожирая края стана. Пищи и воды недоставало каждодневно, и недовольный ропот с требованием возвращаться назад звучит в народе все отчаяннее и тоскливее — чем менее вождь народа способен найти спасительный выход из положения.

Уже довольно рано, прежде еще чем воинство достигло Синая, Иофор вышел навстречу своему зятю, он приводит к нему дочь и внуков, скрывавшихся в дни бедствия в отцовских шатрах, и являет себя человеком мудрым в житейских делах. Народ, подобный мадианитянам, вольно исполняющий свое предназначение и имеющий случай упражнять свои силы, непременно культурнее того, что живет под игом чужеземцев, в вечном несогласии с самим собою и обстоятельствами; и сколь же более высокими воззрениями должен был отличаться предводитель такого племени в сравнении с человеком справедливым, но замкнутым и погруженным в себя, чувствующим в себе призвание действовать и властвовать, но от природы лишенным орудий столь опасного ремесла.

Моисей не в состоянии был возвыситься до понимания того, что властителю нет нужды присутствовать всюду, что ему не надо делать все самому; напротив, личное его участие решительно во всем превращало исправление его должности в дело крайне тяжкое и обременительное. Иофор первый просвещает его на сей счет, помогает ему организовать народ и поставить младших начальников, — все мысли, до которых и самому бы Моисею дойти.

Но, должно быть, не только о благополучии зятя и благе израильтян думал Иофор, но и о своем собственном благополучии и о благе мадианитян. Ему навстречу идет Моисей, которого, беглеца, еще недавно числил он меж своими слугами, меж своими рабами, и вот теперь этот Моисей грядет во главе полчища людей, оставивших прежнее местожительство, ищущих новых земель для поселения и повсюду, куда ни повернет, распространяющего ужас и страх.

Конечно же, от проникательного человека не укрылось, что наикратчайший путь сынов Израилевых ведет через владения мадианитян, что повсюду на пути будут попадаться им стада мадианитян, что они пройдут мимо его селений и через его благоустроенные уже города. Принципы же, каким следует подобный народ, исходящий из чужой страны, — ни для кого не тайна, они основаны на праве завоевания. Такой народ движется вперед и встречает сопротивление, а в сопротивлении усматривает несправедливость; всякий, кто защищает от него свое имение, — враг, а врага можно истреблять беспощадно.

Не требовалось особой прозорливости, чтобы понять, какая судьба ожидает народности, на которые опустится эта туча саранчи. Из чего прежде всего и исходит предположение, что Иофор отбил у Моисея вкус к этому прямому пути и, напротив, уговорил его идти через пустыню — взгляд, находящий дополнительное подтверждение еще и в том, что Ховав не отстает от своего зятя, пока не убеждается в том, что тот действительно пошел по пути, какой он ему присоветовал, и сопровождает его еще и в дальнейшем, чтобы с тем большим успехом уводить его в сторону от селений мадианитян.

Считая со времени исхода из Египта, тот путь, о каком говорим мы теперь, начался в четырнадцатом месяце. Одно из мест на своем пути народ назвал Гробами прихоти⁹, ибо по причине своей прихотливости претерпел он здесь великий мор, оттуда направились они в Асироф и в дальнейшем раскидывали свой стан в пустыне Фаран. Этот пройденный путь не вызывает сомнений. Теперь они были уже близки к цели странствования, перед ними находились лишь горы, отделявшие Ханаан от пустыни. Решили отправить соглядатаев, а тем временем продвинулись вперед до Кадеса¹⁰. Сюда вернулись посланные, принеся весть о прекрасной земле, но, увы, также и о силе людей, населявших ее. Опять возник пренеприятный раскол, и вновь начался спор веры и неверия.

К несчастью, талантами полководца Моисей был обделен еще более, нежели талантами правителя. Уже во время стычки с амаликитянами Моисей отправился на гору, чтобы молиться,

тогда как Иисус в ту пору, встав во главе войска, сражался, и взял наконец верх в борьбе, шансы в которой бесконечно колебались. Теперь же, в Кадесе, вновь сложилось двусмысленное положение. Иисус и Халев, самые важные среди двенадцати лазутчиков, советуют напасть на противника, призывают выступить, уверенные в том, что завоюют эту землю. Между тем преувеличенные описания высокогорной породы вооруженных людей возбудили повсюду страх и ужас; войско, оробев, отказывается подняться на гору. Моисей и здесь проявляет нерешительность, сначала он призывает войско к выступлению, потом и ему нападать с этой стороны начинает казаться делом рискованным. Он предлагает идти на восток. Но, должно быть, честным воинам слишком уж недостойным показалось расстаться со столь серьезными планами, выполнение которых стоило стольких мучительных трудов, — притом в миг, которого так чаяли. Сговорившись, они дерзнули подняться на гору. Но Моисей остается внизу, ковчег завета не трогается с места, а потому ни Иисусу, ни Халеву не пристало вставать во главе дерзнувших. Довольно! Никем не поддержанный, самозванный передовой отряд разбит, нетерпение возрастает. Уже не раз прорывавшееся недовольство народа прорывается на сей раз еще более бурно, начинаются восстания, к которым причастны даже Аарон и Мариамь, — новое свидетельство того, как мало отвечал Моисей своему призванию. И вообще-то не подлежит сомнению, но свидетельством Халева подтверждается со всей категоричностью,

что в этом месте возможно и даже непременно нужно было вторгнуться в землю Ханаан, захватить Хеврон, дубраву Мамре, завоевать священную могилу Авраама и тем самым создать точку центра, опоры, цели всего начинания. А какой же ущерб понес злополучный народ, когда неожиданно было принято кощунственное решение — отказаться от исполнения плана, который Иофором предлагался если и не совсем бескорыстно, то все же и не из предательских побуждений, плана, которому до тех пор неукоснительно следовали!

Двух лет не исполнилось еще со времени исхода, и еще до истечения этого срока, пусть и поздно, можно было овладеть прекраснейшей частью столь желанной страны, но теперь обитатели ее, само внимание, задвинули засов, — куда ж теперь? На Север продвинулись уж довольно далеко, пора было вновь обратиться к Востоку и, наконец, пойти по тому пути, который с самого начала следовало выбрать. Но как раз тут, на Востоке, лежала окруженная горами земля Едом; испрашивали позволения¹¹ пройти этой землею, однако едомитяне, люди неглупые, решительно в том отказали. Прологать себе путь мечом не было разумно, и так пришлось смириться с обходным путем, оставлявшим горы Едома по левую руку, и тогда странствование продолжалось без особых трудностей, ибо потребовалось немного остановок — Овоф, Ийе-Аварим, — чтобы они достигли долины Зареда, первого, какой струит свои воды в Мертвое море, а затем и Арнона. Меж тем Мариамь скончалась¹², и Аарон исчез из глаз¹³,

вскоре после того как возроптали они против Моисея.

От Арнона же странствование протекало еще успешнее. Народ вновь увидел, что близок к цели своих желаний, в стране, где почти ничто не препятствовало продвижению вперед; здесь можно было продвигаться широким фронтом, одолевая, прогоняя, губя народы, мешавшие прохождению их землями. Неукоснительно шли вперед; на мадианигян, моавитян, аморреев нападали в прекраснейших их владениях, первых, что с такою осторожностью пытался отвлечь Иофор, даже истребили совершенно, взяли левый берег Иордана и некоторым нетерпеливым коленам дозволили селиться там, а между тем, пока все это происходило, привычным уже образом устанавливались законы, отдавались распоряжения, — медлили переходить Иордан. Пока суд да дело, Моисей исчез из глаз¹⁴ подобно Аарону, и, право же, мы крепко ошибаемся, если Иисус с Халевом не сочли за благо, — дабы положить конец правлению недалекого человека и решительно приступить к овладению всем правым берегом Иордана и землями, лежащими на той стороне, — отправить его вослед тому множеству несчастных, кого спровадил он в мир иной.

Наверное, все согласятся с тем, что наше изложение, как дано оно здесь, наглядно и последовательно представляет весь ход столь важного предприятия, но только не все сразу поверят такой картине и не все сразу одобряют ее, поскольку согласно нашему изложению все исшествие, которому буква Священного писания

твердо отводит очень много лет, совершается в короткое время. Поэтому нам должно предъяснить наши основания, те самые, что дают нам право столь существенно отклоняться от буквы Писания, и не может произойти это лучшим образом, как если мы приступим к рассуждениям о земной поверхности, по которой должны были проследовать полчища людские, и о времени, какое потребно было всякому каравану для такого перехода, а равномерно сопоставим все, что сообщает нам, по этому особому случаю, предание, и поразмыслим обо всем рассказанном.

Опустим переход от Чермного моря и до Синая, не будем касаться всего того, что происходило у этой горы, и только заметим себе, что вся огромная людская масса отправилась от подножия горы Синай¹⁵ в двадцатый день второго месяца, во второй год исшествия из Египта. Отсюда до пустыни Фаран не было и сорока миль — расстояние, которое нагруженный караван без труда преодолевает за пять дней. Дадим колоннам время подтянуться, дадим им сколько-то дней отдыха, допустим еще лишние задержки — и, довольно! ясно, что к цели своего перехода они могли прибыть за двенадцать дней, что согласуется и с Библией, и с обычным взглядом на вещи. Тут посылают соглядатаев, вся людская масса продвигается тем временем чуть вперед, до Кадеса, куда, спустя сорок дней, возвращаются разосланные во все стороны лазутчики, после чего незамедлительно, как только неуспешно завершилась попытка вести войну, приступают к переговорам

с жителями Едома. Пусть они торгуются между собой сколь угодно долго, но ведь не будут же переговоры продолжаться долее тридцати дней. Обитатели Едома недвусмысленно отказывают в проходе своими землями, а Израилю неразумно было долее оставаться в столь опасном положении, ибо, сговорись только хананеи с обитателями Едома и спустись они с своих гор, — одни с севера, другие с юга, — худо пришлось бы Израилю.

Историческое повествование и здесь не полагает цезуры, — напротив, сразу же принимают решение обойти вокруг гор Едома. Путь же вокруг гор Едома с направлением сначала на юг, затем на север, до долины Арнона, и на этот раз не составляет сорока миль, стало быть расстояния, какое можно преодолеть за пять дней. Прибавим к ним еще те сорок, в течение которых оплакивают они Аарона, так все равно от второго года остается еще полных шесть месяцев — и на всякие задержки, и на всякие колебания, и на те переходы, которыми сыны Израилевы должны счастливо достигнуть берегов Иордана. А куда же отнести тогда прочие 38 лет?

Эти лета доставили немало мучений толкователям, — равно как причинили немало горя географам те остановки, общим числом 41, из которых пятнадцать вообще не упоминаются в повествовании, но включены в особый перечень остановок. Правда, между вставленными остановками и сверхурочными годами — счастливая гармония баснословия: ведь шестнадцать местечек, о которых ничего не знаешь, и 38 лет, о ко-

торых ничего не слышишь, — они предоставляют превосходный случай заблудиться в пустыне вместе с сынами Израилевыми.

Сопоставим остановки, известные из повествования и замечательные какими-либо событиями, с называемыми в перечне, — тут хорошо будет видно отличие пустых наименований от тех, каким присущ исторический смысл.

Остановки сынов Израилевых в пустыне

Историческое повествование по 2, 3, 4, 5 книгам Моисеевым

Перечень остановок по 4 книге Моисеевой, гл. 33

	Раамсес
	Сокхоф
	Ефам
Пи-Гахироф	Пи-Гахироф
	Мигдол
	<i>переход через море</i>
Мерра, пустыня Сур	Мерра, пустыня Ефам
Елим	Елим, 12 родников
	Близ моря
Пустыня Син	Пустыня Син
	Дофка
	Алуш
Рефидим	Рефидим
Пустыня Синайская	Пустыня Синайская
Гробы прихоти	Гробы прихоти
Асироф	Асироф
	Рифма
Кадес в Фаране	Римнон Фарец
	Ливна
	Рисса
	Кегелафа

	Гора Шафер
	Харада
	Макелоф
	Тахаф
	Тарах
	Мифка
	Хашмона
	Мосероф
	Бене-Яакен
	Хор-Агидгад
	Иотваф
	Аврон
	Ецион-Гавер
Кадес, пустыня Син	Кадес, пустыня Син
Гора Ор, рубеж Едома	Гора Ор, рубеж Едома
	Салмон
	Пунон
Овоф	Овоф
	Ийм-Аварим
	Дивон-Гад
	Алмон-Дивлафаим
	Горы Аваримские, Нево
Горы Аваримские	
Долина Заред	
Арнон по сю сторону	
Матанна	
Нагалиил	
Вамоф	
Гора Фасга	
Иааца	
Есевон	
Сигон	
Васан	
Равнины моавитян у Иордана	Равнины моавитян у Иордана

Прежде всего нам следует обратить внимание на то, что из Асирофа повествование ведет нас прямо в Кадес, перечень же опускает Кадес после Асирофа и помещает его лишь после целого ряда вставленных наименований, за Ецион-Гавером, благодаря чему пустыня Син приводится в связь с небольшим рукавом Аравийского моря. Это сбило с толку комментаторов, причем из них одни принимают существование двух различных Кадесов, другие же, таких большинство, лишь одного, какое мнение, пожалуй, и не допускает сомнений.

Историческое повествование, если тщательно отделить его от всяческих вставок, упоминает сначала Кадес в пустыне Фаран, а вслед за тем Кадес в пустыне Син; из первого Кадеса высылают соглядатаев, из второго же выступает в поход все людское множество — после того как обитатели Едома отказывают в проходе своими землями. Отсюда следует само собою, что это одно и то же место, потому что предполагавшийся переход через страну Едом был следствием безуспешной попытки вторгнуться в Ханаан с этой стороны, да и по другим местам текста становится ясно, что обе не раз упоминаемые пустыни прямо примыкают друг к другу, Син — с Севера, Фаран — с Юга, а Кадес располагался в оазисе между двумя пустынями и служит местом отдохновения для движущихся караванов.

Никому бы и в голову не пришло принимать существование двух Кадесов, если бы не та сложность, что надо долго водить по пустыне сынов Израилевых. Однако те, кто принимают

существование лишь одного Кадеса, а притом стремятся отдать себе точный отчет в сорокалетнем странствовании и во вставленных остановках, оказываются лишь в худшем положении, особенно приходится им не знаю как изощряться, когда они пытаются представить все странствование на карте, наглядно изображая немыслимость. Ибо безусловно глаз — лучший судья неподобающего, нежели внутреннее чувство. Сансон¹⁶ вмещает четырнадцать подложных остановок в пространство между Синаем и Кадесом. Каких только зигзагов не вычерчивает он на своей карте, а между тем расстояние между остановками не превышает двух миль — этого мало даже для того, чтобы пришло в движение все растянувшееся кишкою ополчение.

И что же за густонаселенная и возделанная пустыня, когда каждые две мили встречаешь на ней если не города и селения, так уж места отдохновения, каждое со своим особым названием! Какое благо для вождя и его воинства! Однако это изобилие внутренней пустыни вскоре оборачивается бедою для географа. У него от Кадеса до Ецион-Гавера только пять остановок, а на обратном пути в Кадес, куда ведь надо вновь доставить все воинство, — вообще ни одной; поэтому приходится ему положить на пути нашего странствующего люда несколько странных городов, не называемых даже и в перечне, — так в прежние времена прикрывали пустоты на картах изображениями слонов. Кальме¹⁷ пытается выпутаться из беды с помощью замысловатых крестовидных движений, он часть лишних местечек помещает в сторону

Средиземного моря, превращает Асироф и Мосероф в одно место и после крайне забавных скачков в стороны приводит, наконец, свой люд к Арнону. Уэлл¹⁸, который принимает существование двух различных Кадесов, чрезмерно искажает географическое положение местности. У Нолена¹⁹ караван выплясывает польский, вследствие чего вновь оказывается у Чермного моря и оставляет гору Синайскую у себя за спиной, в северной стороне. Меньше воображения, ясности видения, точности, рассудительности, чем эти мужи, благочестивые и благонамеренные, никак не проявить.

Но если точнее образом рассмотреть самую суть дела, то становится весьма вероятно, что список лишних остановок вставлен в текст лишь ради того, чтобы сохранить сомнительный срок в сорок лет. Ибо в тексте, которому мы точно следуем в своем изложении, сказано, что народ обходил на пути к Чермному морю, в направлении Ецион-Гавера, вокруг страны Едом — после того как разбит хананеями, а в переходе через землю Едом ему было отказано. Отсюда произошла ошибка, будто бы они действительно дошли до Чермного моря и Ецион-Гавера, какого в те времена вероятно вообще еще не существовало, тогда как в тексте говорится лишь о том, что они ходили вокруг горы Сеира по этой дороге, подобно тому как говорят, — «извозчик едет по Лейпцигскому тракту», — откуда вовсе не следует, что он непременно едет в Лейпциг. Мы устранили теперь лишние остановки, так, должно быть, удастся нам упразднить и сверхурочные годы. Мы

знаем, что ветхозаветная хронология — продукт искусства, что все летосчисление делится на циклы в 49 лет каждый и что ради получения таких мистических отрезков времени искажено было не одно число. А куда было удобнее вставить, скажем, 36—38 лет, недостававших циклу, как не в эпоху, погруженную во мрак и проведенную, по преданию, в местности безлюдной и неведомой.

Поэтому и не затрагивая даже хронологии, сложнейшего из всех предметов ученых занятий, рассмотрим сейчас кратко, в пользу нашей гипотезы, лишь долю, принадлежащую в ней поэзии.

Не одно число, какое следует именовать круглым, священным, символическим, поэтическим, встречается как в Библии, так и в других сочинениях древности. Число 7, как представляется, посвящено делу, труду, творчеству, число же 40, напротив того, созерцанию, ожиданию, особливо же уединению. Сорок дней прибывает вода, отделяющая Ноя с семейством от всего прочего мира; потом, постояв довольно времени, воды убывают сорок дней, и все это время Ной держит закрытым отверстие ковчега. Моисей проводит дважды столько же дней на горе Синайской, отдельно от всего народа; столько же дней остаются соглядатаи в Ханаане и столько же тяжких лет должен этот народ провести в обособлении от всех остальных народов, подтвердив и освятив тем этот срок. И в Новый Завет переходит это число, вполне сохраняя свое значение; Христос сорок дней пребывает в пустыне, дожидаясь искушителя.

Если бы удалось нам завершить странствование сынов Израилевых от Синая и до Иордана за более краткий срок, чем сорок лет, — пусть и слишком считались мы с неопределенными и маловероятными задержками в пути, — если бы мы сумели избавиться от стольких бесплодных лет, от стольких безрезультатных остановок, то тотчас бы и выступил во всей своей значительности выдающийся вождь народа — вопреки всему тому, в чем мы могли упрекнуть его прежде. Да и не столь гнетущим было бы для нас явление бога в этих книгах, исключительно страшное, вселяющее в душу ужас; ибо ведь уже в Книге Исуса Навина, в Книге Судей вновь выступает более чистый, патриархальный дух и бог Авраама являет своему народу лик дружелюбный, тогда как бог Моисея какое-то время наполнял душу ужасом и отвращением. Чтобы прояснить себе это, скажем так: Каков человек, таков и бог²⁰ И потому в заключение еще несколько слов о характере Моисея!

Вы в своем изложении с дерзостью чрезмерной, — так могли бы возражать нам, — отняли у выдающегося, необыкновенного человека те самые качества, которыми все так восхищались в нем донныне, качества правителя и военачальника. Однако чем же он так отличен? Чем оправдывает столь великое свое призвание? Что дает ему право смело и невзирая ни на какие неблагоприятные обстоятельства, внутренние и внешние, браться за дело, если для исполнения его недостает ему самого главного, самых необходимых талантов, какие, с неслыханной наглостью, отрицаете вы в нем? На это отвечаем:

не таланты, собственно, не умение, то или иное, составляют человека дела, но личность — от нее в таких случаях зависит все. Характер основывается на личности, не на талантах. Дарования могут соединяться с характером, характер с ними не соединяется, — для характера все лишнее, ему ничего не нужно, кроме него самого. А потому мы охотно признаем, что личность Моисея, начиная с первого совершенного им убийства, включая все его жестокие деяния и кончая исчезновением его из глаз, составляет образ весьма значительный и достойный — образ человека, природа которого влечет его к наивеличайшему. Но безусловно образ такой искажается до неузнаваемости, как только представим себе, что этот мощный, решительный и скорый на дело человек в течение сорока лет, предводительствуя колоссальным людским воинством, скитается без нужды, без толку на столь малом пространстве земли в непосредственной близости от великой цели. А стоит только сократить путь и время, потраченное на него, и все дурное, что посмели мы сказать о нем, уравнивается добрым, и сам он воздвигнут на положенное ему место.

А тогда нам не остается ничего, кроме как повторить сказанное в самом начале наших рассуждений. Нет оттого ущерба ни священным книгам, ни иным преданиям, если мы читаем их критически, если вскрываем, в чем противоречат они себе и в чем, как это нередко случается, истинное и лучшее скрыто и даже искажено добавлениями, вставками и приспособлениями. Внутренняя, подлинная ценность, изна-

чальная и основополагающая, выступает тогда лишь с большей живостью и чистотой, а ведь именно на эту ценность, сознательно или неосознанно, взирает всякий, всякий к ней устремляется, возвышаясь благодаря ей душою, — все же прочее если и не отбрасывает, то не принимает к сведению и забывает.

Повторный итог

Второй год странствования

	Месяцев	1	дней	20
Остаются близ горы Синайской				
Путь до Кадеса	"	—	"	5
Отдыхают	"	—	"	5
Задержка из-за болезни Мариами	"	—	"	7
Ожидание соглядатаев	"	—	"	40
Переговоры с обитателями Едома	"	—	"	30
Путь до Арнона	"	—	"	5
Отдыхают	"	—	"	5
Скорбят об Аароне	"	—	"	40

дней 157

Итого шесть месяцев. Откуда явствует, что все воинство, как ни считайся с задержками и колебаниями, сопротивлением, все же вполне могло достичь Иордана до истечения второго года странствования.

БЛИЖАЙШИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

Если священные книги наглядно представляют нам истинное состояние и постепенное развитие той или иной народности, а такие ученые мужи, как Михаэлис, Эйхгорн, Паулус¹, Геерен², раскрывают природность и непосред-

ственность этих преданий, делая это лучше нас, то, что касается времен новых и наиновейших, наибольшую пользу извлекаем из описаний путешествий и иных подобных документов, какие привезли с собой на родину и, к вящему поучению нашему, сообщили нам жители западных стран, не без трудов, не без опасностей пробиравшиеся на Восток. Из числа их коснемся лишь немногих, чьими глазами мы уже долгие годы стараемся смотреть на все те столь далекие нам, столь необычные для нас, предметы.

ПАЛОМНИЧЕСТВА И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Бесчисленные описания таковых хотя в своем роде поучительны, но, что до подлинных условий Востока, не столько помогают нам, сколько сбивают с толку наше воображение. Односторонность же враждебно-христианского взгляда на вещи стесняет нас своею теснотой, и лишь в самое последнее время взгляд стал чуть шире благодаря тому, что мы постепенно знакомимся с упомянутыми военными событиями по сочинениям восточных писателей. Однако мы по-прежнему благодарны всем тем снявшимся с насиженных мест паломникам и крестоносцам, ибо именно их религиозному вдохновению, их неутомимому, мощному сопротивлению натиску с Востока и обязаны мы спасением и сохранением европейских культурных условий.

МАРКО ПОЛО

Этот превосходный человек, конечно же, стоит первым среди всех. Путешествие его относится ко второй половине XIII столетия; он достигает самого дальнего Востока, знакомит нас с самыми непривычными условиями существования, читая о которых мы бываем удивлены, бываем поражены словно сказкой. И если мы не сразу обретаем ясность относительно всякого отдельного пункта, то все же сжатый рассказ странника, объявшего широту мира, весьма способен пробуждать в нас чувство бесконечности, колоссальности. Вот мы при дворе Кублаи-хана, который, наследуя Чингизу, царит над бескрайними просторами земель. Ведь что сказать об империи и протяженности ее, если между делом сообщается о ней: «Персия — большая провинция, состоящая из девяти царств»; таким масштабом измеряется и все прочее. Вот и местопребывание хана, на севере Китая, — необозримое поселение; дворец хана — город в городе; в нем накопленные сокровища, оружие; чиновники, солдаты и царедворцы — им нет числа; на пиршества, какие устраиваются беспрерывно, каждый приглашен с супругой. Таковы же и загородные резиденции. Все предусмотрено для любых развлечений, целые полчища егерей, бескрайние охотничьи просторы. Прирученные леопарды, ученые соколы, охотящиеся и помощники их, которые трудятся не покладая рук, добыча безмерно велика. При этом круглый год раздаются подарки и принимаются ответные дары. Золото и серебро; жем-

чуг, драгоценности, любая роскошь во владении государя и его приближенных; между тем остальные миллионы подданных довольствуются видимостью монеты.

Если, покидая столицу, мы отправляемся в путешествие, так из-за бесчисленных предметов не знаешь, где же кончается город. Жилища лепятся к жилищам, селения к селениям, и по берегам красивейшей реки, одна за другой, стоят загородные виллы. Расстояние измеряется днями пути, и таковых всякий раз выходит немало.

Вот наш путешественник отправляется в иные области с поручением хана; он ведет нас по необозримым пустыням, потом по лугам, усеянным стадами, через горные хребты, к людям с необыкновенным телосложением и неслыханными обычаями; в конце он приоткрывает нам вид, поверх льдов и снегов, на вечную полярную ночь. А вслед за тем, словно на волшебном плаще-самолете, переносит нас вниз через весь индийский полуостров. Мы видим тогда под собой Цейлон, Мадагаскар, Яву; наш взор скользит по островам с курьезными наименованиями, но всегда, говорит ли он о человеческой фигуре, о правах, о пейзажах, деревьях, растениях и животных, всегда распознаешь у него нечто конкретное, что служит нам поручительством истинности его наблюдений, пусть даже многое и рисуется сказочным. Лишь хорошо осведомленный географ мог бы привести все это в порядок и подтвердить. Мы ограничиваемся общим впечатлением; ведь мы при первом чтении обходились без помощи примечаний и комментариев.

ИОАНН ИЗ МОНТЕВИЛЛЫ

Его путешествие начинается в 1320 году; описание дошло до нас в виде народной книги, к сожалению, сильно переработанным. Допускаешь, что автор много путешествовал, немало повидал, наблюдал пристально и описывал верно. Однако ему угодно рядиться в чужие перья и, мало этого, вставлять в свой рассказ старые и новые побасенки, вследствие чего сама правда утрачивает достоверность. Переведенная с латинского подлинника сначала на нижненемецкий, потом на южнонемецкий, книжечка эта перевирает имена и названия. И переводчик тоже позволяет себе одно вводить, другое изымать, как показывает наш Геррес¹ в своем достойном сочинении о немецких народных книгах, и все это снижает полезность выдающегося труда и мешает наслаждаться им.

ПЬЕТРО ДЕЛЛА ВАЛЛЕ

Из старинного рода, возводившего свое древо к благородным фамилиям римской республики, происходил Пьетро делла Валле, родившийся в 1586 году, в пору, когда все государства Европы наслаждались высокой духовной культурой. Еще жив был в Италии Тассо, хотя и влачил он жалкое существование; поэмы его воздействовали, однако, на лучшие умы. Искусство версификации распространилось настолько, что уж начали выступать импровизаторы, и ни один молодой человек независимого умонастроения не мог обходиться без умения изъясняться риф-

мованными стихами. Основательно штудировали язык, грамматику, риторическое искусство, стиль, — наделенный всеми преимуществами своей эпохи, тщательное образование получал и наш юноша.

Умение обращаться с оружием стоя и на коне, благородные искусства фехтования и вольтижировки — все это служило каждодневному развитию телесных сил и тесно зависящей от них силы характера. Бестолковщина былых крестовых походов сложилась теперь в военное искусство, рыцарский дух вобрал в себя и галантность нравов. Мы наблюдаем за тем, как юноша наш ухаживает за прекрасными девицами, особливо в стихах, как несчастен он, когда одна из них, которую намеревался он назвать своею, навсегда связав с ней свою судьбу, им пренебрегает, отдаваясь человеку недостойному. Сердечная боль его не знает пределов, и, чтобы найти хоть какую-нибудь отдушину, он решается совершить, в одеждах пилигрима, паломничество в святые земли.

В году 1614 он достигает Константинополя, где встречает наилучший прием, ибо располагает к себе благородство его природы. По образцу прежних своих занятий он незамедлительно приступает к изучению восточных языков, составляет себе общее представление о турецкой словесности, о нравах и обычаях турок, а затем, печалю тем новых друзей, каких нашел здесь, отправляется в Египет. Пребывание свое в Египте он тоже использует для серьезнейших изысканий в области древности, занимаясь прослеживанием пережитков древнего в новейшем

мире; из Каира отправляется на гору Синай, дабы преклонить колена пред могилой святой Екатерины, и вновь, словно после увеселительной поездки, возвращается в столицу, уезжает отсюда вторично и через 16 дней прибывает в Иерусалим — срок, ясно подсказывающий нашему воображению подлинное расстояние между городами. В Иерусалиме, склоняясь перед священной могилою, он молит Спасителя избавить его от страсти, — как молил он уже и святую Екатерину; и — словно пелена спадает вдруг с его очей, он вдруг понимает, что был глупцом, что свою избранницу почитал единственно заслуживавшей поклонения, вдруг пропала его неприязнь к женскому полу, он осматривается окрест в поисках супруги и друзьям своим, к которым намерен вскорости вернуться, пишет, прося подыскать ему достойную спутницу жизни.

Посетив все святые места и всюду помолвившись, — очень помогли ему рекомендации константинопольских друзей, а прежде всего всюду сопровождавший его капиги¹, — он, составив себе самую полную картину тамошних обстоятельств, пускается в дальнейшее странствие, добирается до Дамаска, потом до Алеппо, здесь надевает на себя сирийские одежды и не бреет больше бороды. Странная приключается здесь с ним история — событие значительное, определившее всю его дальнейшую судьбу. Некто путешествующий присоединяется к нему в пути, и этот путешествующий на все лады расхваливает ему прелесть и красоту молодой грузинки, христианки, вместе с своими родичами живущей в

Багдаде, — Валле, совсем по-восточному, влюбляется в словесный образ и жадно стремится достичь его. Вид ее множит в его душе склонность, страсть, ему удается добиться расположения матери, уговорить отца, но оба лишь с большим трудом соглашаются уступить бурному его желанию, ибо расстаться с милой и любимой дочерью представляется им слишком значительной жертвой. Наконец, она становится его супругой, и так обретает он величайшее сокровище — на всю жизнь, на все странствия свои. Ибо хотя и пустился он в путь в обладании знаниями аристократа и всякими самыми разнообразными сведениями, хотя был он и внимателен и успешен в наблюдении всего того, что непосредственно относится к человеку и его жизни, хотя манера его поведения во всех случаях безупречна, причем в отношении любого человека, все же недоставало ему знания природы, ибо естественная наука не вышла еще в те времена из узкого круга серьезных, рассудительных исследователей ее. Поэтому он не способен был вполне удовлетворительно исполнить поручения друзей, требовавших от него сведений о травах и деревьях, пряностях и снадобьях, а красавица Маани, прелестнейший домашний врачеватель, знает все о корнях, травах, цветах, растущих в этих местностях, о маслах, бальзамах, смолах, семенах и волокнах, доставляемых купцами, в состоянии давать весьма достаточный отчет во всем этом, обогащая тем, на туземный лад, наблюдения своего супруга.

Но еще важнее союз этот для всей жизни и деятельности путешественника. Столь женственная Маани проявляет вместе с тем характер решительный, способна справиться с любой ситуацией; она не боится опасностей, скорее любит рисковать, она всегда благородна и покойна душою; она по-мужски садится на коня, умеет взнуздать лошадь и управлять ею, она всегда бодра, весела, спутница занимательная. Но так же важно, что в пути она легко сходится с женщинами, так что супруга ее хорошо принимают, угощают, развлекают своей беседой мужчины, она же тем временем крутится с их женами и занята с ними женскими делами.

Еще же молодоженам выпадает на долю такое счастье, какого они не ведали, пока странствовали по империи турок. Они вступают на землю персов на тридцатом году правления Аббаса II², шаха, который; подобно Петру, подобно Фридриху, удостоился имени Великого. Проведя юность среди страхов и опасностей, он вступил на престол и сразу же ясно увидел, что сохранить империю можно лишь расширив ее рубежи, замечает он и то, какими средствами должно ему пользоваться, дабы сохранить власть над страной; в то же время он всячески стремится восстановить население обезлюдившего царства, призывая сюда чужестранцев, стремится облегчить, оживить торговые сношения устройством при дорогах станций и гостиниц. Доходы от торговли, от продажи привилегий, а они необычайно велики, он использует на строительство, которое ведется с необычайным размахом. Исфаган удостоивается звания

столицы, он сплошь усеян дворцами и садами, караван-сараями, домами, предназначенными для государевых гостей; построено предместье для армян, которые, дабы не остаться неблагодарными, бойко торгуют на свой и на шахский счет и непрестанно пользуются удобным случаем платить шаху сразу и прибыль, и дань. Строится предместье для грузин, другое — для потомков огнепоклонников, город еще расширяется и, наконец, становится вовсе бескрайним — вроде наших теперешних столиц. Римско-католических клириков, особенно кармелитов, принимают хорошо, и они пользуются покровительством шаха; не в той же мере благоприятствуют греческой религии, поскольку персам кажется, что раз ей покровительствуют турки, то она и принадлежит этому заклятому врагу Европы и Азии.

Больше года оставался дела Валле в Исфгане, все время свое используя на то, чтобы деятельнейшим образом собирать сведения обо всех существующих здесь условиях и отношениях. Как живы его описания! Как точны его известия! Наконец, все уже испробовал он собственлично, одно осталось — вершина всего, личное знакомство с шахом, которым так он восхищался, да осталось еще разузнать, как принято вести себя при дворе, в походе, в сражении.

В земле Мазендеран, на южном побережье Каспийского моря, в местности, надо сказать, болотистой, нездоровой, вечно деятельный, неуемный, не знающий покоя государь заложил новый большой город, названный им Ферхабад,

и заселил его направленными сюда по приказу жителями; поблизости от города, на вершинах гор, окружающих город амфитеатром, шах строит не один замок — на небольшом удалении от своих неприятелей, русских и турок; замки эти защищены горными хребтами. Там он, по обыкновению своему, и живет, и там навещает его делла Валле. Он прибывает вместе с Маани, его принимают хорошо, после некоторых колебаний, выдающих восточную осторожность, рассудительность, представляют государю, и он завоевывает благорасположение шаха, допускается к столу и на пиры, на которых прежде всего обязан докладывать сведущему, любознательному монарху о том, как устроены европейские государства, каким обычаям в них следуют, какой вере привержены.

Вообще на Востоке, особенно же в Персии, встречается некая невинность, бесхитрость поведения — во всех сословиях, даже и близ трона. Правда, на самой верхней ступени заметна ярко выраженная церемонность — так на аудиенциях, обедах и т. п.; но очень скоро в окружении шаха складывается атмосфера карнавальная вольности, производящей весьма комическое впечатление. Если государь предается развлечениям в садах и павильонах, никто не смеет ступить туфлями на ковры, на которых расположился двор. Является татарский князь, с него стаскивают сапоги, он же, без привычки стоять на одной ноге, чуть не валится, тогда подходит к нему сам шах и поддерживает его, пока трудная операция не закончена. Ближе к вечеру шах окружен царедворцами, меж ними

кружат золотые чаши, полные вина, некоторые довольно легкие, другие же с утолщенным дном и настолько тяжелые, что человек непосвященный разливает вино, если только не роняет на пол саму чашу, чем безмерно веселит и шаха, и всех посвященных. Так они и пьют, передавая чаши из рук в руки, пока не уведут одного, другого, кто уж не может держаться на ногах или пока кто-нибудь сам не догадывается незаметно скрыться вовремя. Прощаясь, никто не оказывает никаких почестей государю, напротив, уходят потихоньку, один за другим, и наконец властелин остается в одиночестве, прислушивается к меланхолическим звукам музыки и потом сам отправляется на покой. Еще более странные вести приходят из гарема — жены щекочут своего господина, затевают возню, стремятся повалить его на ковры, так что, под всеобщий хохот, он только отругивается, да пытается отвечать тем же.

Получая столь веселые вести о тайных забавах шахского гарема, мы не должны думать, будто государь и его диван — праздны и небрежны в своей деятельности. Не один беспокойный дух побудил Аббаса Великого возводить вторую столицу близ берегов Каспийского моря; правда, положение Ферхабада весьма благоприятствовало охоте и развлечениям, однако он под защитой горных хребтов располагался достаточно близко к границе, чтобы шах мог своевременно узнавать о каждом движении русских и турок, своих заклятых врагов, и во всяком случае успеть принять ответные меры. Русских пока бояться было нечего, потому что

царство, потрясаемое захватчиками и самозванными государями, не могло справиться и с своими внутренними неурядицами; над турками же шах двенадцать лет тому одержал такую победу в счастливом сражении на равнине, что ему нечего было опасаться с их стороны и он мог отвоевать у них значительные территории. Но подлинный мир никак не мог утвердиться между такими соседями; вызывающие действия, открытая демонстрация силы — все это вынуждало обе стороны бдительно следить за делами, смыкая глаз.

В настоящее же время Аббас видит необходимость серьезнейших приготовлений к войне. В самом первоначально-древнем стиле созывает он свое войско в долины Адербиджана, и стекается сюда войско со всеми своими отрядами, конными, пешими, с самым разнообразным вооружением; в сопровождении бескрайнего обоза, потому что всякий, словно предстоит переселение народов, тащит за собой жен, детей, тюки. И делла Валле следует за войском и двором вместе с красавицей Маани и ее женщинами, на конях и с паланкинами; шах хвалит его за это, потому что таким поступком доказал он знатность свою.

Когда такая народность вся сразу пускается в движение, то не должна она испытывать недостатка ни в чем, что могло бы, скажем, потребоваться дома; поэтому пускаются в путь купцы, торговцы разным товаром, всюду, на ходу, разбивают они свой базар, в расчете на скорый сбыт своего добра. Поэтому стан восточного государя всегда сравнивают с городом, в котором царят порядок, благонравие, так что

под страхом жестокой кары никто не смеет чинить поборы, фуражировать, не говоря уж о грабежах, — все, великие и малые, все всё должны оплачивать наличными, вследствие чего и расположенные на пути войска города запасаются провизией, а из ближних и дальних провинций неиссякаемым потоком движется всякий провиант.

Однако каких стратегических, каких тактических операций можно ожидать от такого организованного беспорядка? Тем более, когда узнаешь, что все отряды по языку, племени, по родам войск в сражении перемешиваются между собой, знать не знают ни о направляющих, ни о фланговых, ни о замыкающих и сражаются в куче, как случай пошлет, — отчего нередко и происходит, что одержанная победа легко оборачивается своею противоположностью, а одна проигранная битва на долгие годы решает судьбу огромного царства.

На сей раз дело не доходит, однако, до столь ужасного столкновения, до скрещения сабель и рукопашных схваток. Правда, преодолевая немислимые препятствия, войско переходит через горы, но тут начинают колебаться, отступают, готовы даже разрушить собственные города, чтобы враг околевал на опустошенных землях. Панические сообщения, беспочвенные вести о победах — все спутывается; сначала условия мира гордо не принимают и кощунственно отвергают, изображая неистовое желание сразиться, и хитро и коварно медлят — все это поначалу затягивает заключение мира, но в конце концов его же приближает. А тогда каждый по прика-

зу шаха и под страхом наказания незамедлительно отправляется домой, не испытав нужды и опасности более горькой, нежели те, что со всяким само собою стряслись на пути следования с его тяготами.

И делла Валле находим в Касбине вблизи шахского двора, — он недоволен, что поход на турок закончился так скоро. Потому что нам следует смотреть на него не как на любопытного путешественника или искателя приключений, которого случай заманит сегодня сюда, завтра — туда; нет, он преследует свои цели, преследует их неотступно. Персия тогда была подлинным пристанищем чужеземцев; Аббасова давняя терпимость не один живой ум привлекла в страну; тогда еще не наступило время посольств, составляемых по формальным правилам, так что всякий смелый и ловкий путешественник мог проявить себя. Так, Шерли³, англичанин, еще ранее уполномочил сам себя на то, чтобы служить посредником между Востоком и Западом; точно так же и делла Валле, человек независимый, обеспеченный, знатный, образованный, с рекомендациями в кармане, находит доступ ко двору и пытается возбудить его против турок. Им движет то самое христианское сострадание, какое вдохновляло первых крестоносцев; он сам наблюдал дурное обращение с благочестивыми паломниками у гроба господня, отчасти сам терпел такое обращение, а для всех западных наций было крайне важно, чтобы Восток не оставлял в покое Константинополь; однако Аббас не доверяет христианам, которые, думая лишь о своей выгоде, никогда

не приходили ему на помощь в нужный момент. Теперь он договорился с турками; однако дела Валле не отступает и пытается завязать сношения между Персией и казаками, проживавшими у Черного моря. Теперь он возвращается в Исфаган с намерением поселиться тут и всячески содействовать римско-католической религии. Сначала он вызывает к себе родственников жены, потом приближает к себе еще больше грузинских христиан, удочеряет девочку-сироту из грузинской семьи, он делает общее дело с кармелитами и задумывает не больше, не меньше, как получить от шаха часть земли, чтобы основать на ней новый Рим.

Тут шах собственной персоной прибывает в Исфаган, послы со всех концов земли стекаются сюда. Государь на коне, среди огромной площади, в присутствии солдат, самых знатных из своих слуг, богатых чужестранцев, из которых самые важные примкнули к его свите, сидя на конях, — тут он многих удостаивает на ходу мимолетных аудиенций; доставляются дары, они раздаются пышно и щедро, — однако одни отвергают их с надменностью, о других торгуются на жидовский манер, так что царское величие раздирается между возвышенным и низким. Потом шах неутомимо деятелен, деятелен своеобразно, своенравно, — он то запирается в гареме и действует тайно, то действует на глазах у всех, вмешивается во все общественные дела.

Никак нельзя не заметить особой свободы во взгляде на религию. Только не обращать магометанина в христианство; обращения же

в Ислам, которым шах в прежние времена благоприятствовал, не доставляют ему теперь радости. В остальном же веруй, во что хочешь, задумывай, что хочешь. Вот, например, армяне празднуют крещение, торжественнейше совершая обряды в своем богатом предместье, через который протекает река Зендеруд. И шаху хочется не просто присутствовать на этом празднике вместе с своей обширной свитой, но и тут не может он отказаться от того, чтобы не распоряжаться и не приказывать. Сначала обсуждает он все дело с попами, чтобы выяснить, что именно они затевают, потом он мчится на коне в одну сторону, мчится в другую, едет туда, сюда, наводит порядок, велит всей процессии соблюдать тишину — все с той же аккуратностью, словно здесь его солдаты. Когда праздник окончен, он собирает священников и других важных людей и обсуждает вместе с ними различные религиозные мнения, спорит об обрядах. И это не просто свобода совести, присущая лично шаху, — она вообще свойственна шиитам. На этих последних можно в известном смысле смотреть как на подавляемую религиозную партию магометан, — все они сторонники Али, сначала не допускаявшегося до халифата, а впоследствии, когда он стал халифом, убитого; ненависть их направлена прежде всего против суннитов, которые ведут счет халифам, затесавшимся между Магометом и Али, и почитают тех. Турки следуют этому последнему толку, так что оба народа разделены и политическими, и религиозными разногласиями; шииты же с величайшей ненавистью относятся

к инакомыслящим сторонникам той же веры, зато совершенно равнодушны к иным вероисповеданиям и скорее склонны мириться с ними, нежели с своими доподлинными врагами.

Но, как это ни печально, терпимость шаха терпит ущерб от приступов его, шахского, произвола! Ведь воле деспота все одно — населять ли царство, истреблять ли его население. Аббас бродит по стране переодетый и неузнанный, нечаянно слышит он злые речи армянок и так оскорбляется ими, что жесточайшие кары обрушивает на все мужское население армянской деревни. Ужас и скорбь распространяются по берегам Зендеруда, и предместье Халфа, сначала осчастливленное шахом, принявшим участие в его торжествах, теперь погружается в глубочайшую печаль.

А потому мы всегда разделяем чувства великих народов, которых деспотизм попеременно возвышал и унижал. Конечно, мы восхищаемся тем, до какой степени мирного благосостояния поднял свое государство Аббас, самодержавный, единодержавный царь, какую прочность придал он своей империи, — потребовалось целых 90 лет⁴, чтобы слабость, глупость и беспринципность его преемников привела империю на грань катастрофы; однако, восхищаясь, мы не забываем повернуть обратной стороной этот столь впечатляющий образ.

Коль скоро единовластие отвергает любое влияние, — личность правителя не должна быть смущаема ничем, — отсюда следует, что деспот обязан повсюду подозревать предательство, всюду чувствовать опасность, остерегаться на-

сила с любой стороны, — ведь он же сам утверждает насилем свой возвышенный сан. Поэтому он ревниво смотрит на всех, кто, помимо его, пользуется авторитетом и доверием, проявляет блестящие способности, копит богатства и деятельностью своею словно соревнует шаху. Но прежде всего вызывает недоверие к себе наследник. Если царь смотрит на сына без зависти, одно это уже свидетельствует о его великом, царственном уме, — ведь пройдет не так уж много времени, и сама природа непременно передаст сыну все им накопленное, все им добытое, не заручившись на то согласием могущественного царя. С другой стороны, от сына тут ждут, что он, будучи благороден душою, образован, наделен вкусом, станет всячески умерять свои надежды, будет скрывать желанья и даже по видимости не будет торопить судьбу отца. И все же! Бывает ли человеческая натура столь незапятнанной, столь великодушной, столь терпеливой во всей безмятежности покоя, столь радостно деятельной в условиях стесненных, чтобы, находясь в подобном положении, отец не жаловался на сына, сын — на отца? И будь они чисты как ангелы, найдутся наушники, которые встрянут между ними, — тогда неосторожность обратится в преступление, видимость — в доказательство. Сколько примеров являет нам история! Вспомним хотя бы злополучный семейный лабиринт, в каком очутился царь Ирод. Мало того, что над ним по вине его родичей нависла опасность, его глубоко тревожит некое дитя, о котором твердят пророче-

ства, — отсюда жестокость его ко всем, какую проявляет он перед самой своей смертью.

Так было и с Аббасом Великим; люди старались бросить тень подозрения на его сыновей и внуков — и получалось так, что они были весьма подозрительны; одного, невинного, умертвили, другого, наполовину виновного, ослепили. Этот последний сказал тогда: «Не у меня отнял ты свет очей, а у царства».

К таким злосчастным порокам деспотизма неизбежно присоединяются иные, когда с еще большей случайностью и с еще большей непредсказуемостью творится преступление и насилие. Каждый — раб своих привычек, однако тот, кого сдерживают извне, будет вести себя умеренно, и умеренность войдет у него в привычку. Обратное испытывает деспот; желания, ничем не сдерживаемые, лишь возрастают, так что, если не предостерегать его извне, он позабудет о всяких пределах. Вот разгадка тайны, почему из славного молодого человека, первые годы правления которого готов благословить всякий, постепенно вырастает тиран, несущий проклятие человечеству и гибель своему роду; роду-то порой и приходится задумываться над тем, как средствами насильственными положить конец бедствиям и исцелить порчу.

К несчастью, прирожденное человеку стремление к безотносительности своих проявлений — оно-то и способствует расцвету всех доблестей, добродетелей, — обращается в нечто ужасное, когда начинают действовать физические возбудители. Отсюда — величайшее напряжение воли, которое, к счастью, тут же переходит в со-

стояние полнейшей тупости. Мы разумеем чрезмерное потребление вина, совершенно стирающее границы рассудительной справедливости и добропорядочности, какие не смеет отрицать до конца даже тиран как человек, — вот тут-то начинается беспредельный ужас. Примени сказанное к Аббасу Великому, который за пятьдесят лет своего правления возвысил себя до человека единственного, который на бескрайних просторах своей густонаселенной империи смеет желать, смеет стремиться к безусловности, безотносительности желаний, представь его себе натурой терпимой, компанейской, склонной к веселью, а потом подозрениями, огорчениями и, что хуже всего, дурно понятым чувством справедливости введенной в совершеннейшее заблуждение, возбужденной неумеренным потреблением вина, мучимой, чтобы сказать о самом последнем, доводимой до иступления неисцелимым телесным недугом, — представь себе все это, и признаешь, что заслужили прощения, если не похвалы, те, что положили конец земному существованию столь страшного существа. Блаженны культурные народы, чьи монархи правят в согласии с благородным нравственным сознанием; счастливы умеренные правительства, у которых отнята безотносительность действий, — сами правители должны не без основания любить и прощать такой способ правления, ибо снимает он с них немалую ответственность и избавляет от позднего раскаяния.

Но не один лишь государь, а и всякий причастный к высшей власти, по доверию ли, по творству или собственным притязаниям, риску-

ет перейти круг, предначертанный законом и нравственностью, человеческим чувством, совестью, религией и традицией ради счастья и покоя человеческого рода. Так что, министры и фавориты, народные представители и народ, все вы бдите, да, вовлеченные в водоворот безусловных желаний, не ввергнете в гибель себя и других.

Вернемся к нашему путешествующему, — он теперь в самом неблагоприятном положении. Как бы ни любил делла Валле Восток, теперь он чувствует, что живет в стране, где немыслима какая-либо последовательность действий, где и при самой чистоте желаний, при величайшей предприимчивости не построишь новый Рим. Родственников жены не привязать к себе и семейными узами: пожив сколько-то времени в Исфагане, в тесном семейном кругу, они считают более разумным вернуться на берега Евфрата, чтобы продолжить там привычный образ жизни. Другие грузины не проявляют рвения, и даже кармелиты, которых великое начинание должно было волновать первыми, не могут добиться от Рима ни сочувствия, ни поддержки.

Рвение делла Валле иссякает, и он решает вернуться в Европу, но, увы! в самое неблагоприятное для этого время. Нестерпима для него мысль двигаться по пустыне, он решается идти через Индию, но именно в этот момент португальцы, испанцы и англичане вступают в спор из-за Ормузда, значительнейшей торговой гавани, и Аббас считает для себя выгодным принять участие в военных действиях. Шах

решает напасть на своих соседей — прогнать прочь обременительных для него португальцев, а затем, обманом и проволочками, отнять у англичан, помогавших ему, плоды их намерений, присвоив себе одному всю выгоду.

В такие нелегкие времена нашим путешественником овладевает необычное, ранее не испытанное им чувство, чувство особенное, производящее в душе человека раскол, — ему не по себе на чужбине, он чувствует, сколь далека от него родина, и это в момент, когда ему так хочется вернуться домой, так хочется каким-то чудом сразу же очутиться там. В такие минуты как сдержать нетерпение; оно охватывает и нашего друга-путешественника, его характер — живой, деятельный, он во всем полагается на себя, а потому ему начинает казаться, что все трудности пути остались позади. Его смелому нраву, склонному к дерзким предприятиям, удавалось преодолеть любые трудности, проводить в жизнь любые замыслы, он льстит себя надеждой, что и впредь все будет именно так, а потому, коль скоро возвращение через пустыню кажется ему невыносимым, он и решается идти через Индию, в обществе прекрасной Маани и ее приемной дочери Мариуччи.

Немало неприятностей творится, предвестников грядущих опасностей; и все же он идет через Персеполис и Шираз, как всегда внимательно наблюдая все, точно отмечая, записывая все о предметах, нравах, обычаях людей. Он доходит до Персидского залива, однако тут, как и надо было предполагать, все гавани заперты, все суда задержаны по обычаю войны. Тут на

берегу встречает он расположившихся табором англичан, караван которых равным образом задержан и ждет только благоприятного к отплытию момента. Его дружески принимают, он примыкает к ним, разбивает свои шатры рядом и строит, ради большего удобства, хижину из пальмовых ветвей и листьев. Тут светит ему дружественная звезда! До сих пор брак оставался бездетным, а теперь, к великой радости супругов, Маани чувствует себя беременной; он же заболевает, скверная пища и нездоровый воздух оказывают на него самое дурное влияние — увы! и на Маани тоже, она слишком рано разрешается от бремени, лихорадка бьет ее. Она стойка, вынослива, поэтому и без врачебной помощи держится какое-то время, но потом чувствует, что конец ее близок, с благочестивым спокойствием препоручает свою душу богу, просит, чтобы из хижины перенесли ее в шатер, тут Мариучча держит над ней освященную свечу, делла Валле читает положенные молитвы, и она умирает у него на руках. Жития ее было 23 года.

Уступая чудовищности утраты, он решает, твердо и бесповоротно, везти бездыханное тело в Рим, чтобы похоронить его в родовой усыпальнице. Смолами, бальзамами, драгоценными снадобьями он не располагает, к счастью обнаруживается груз наилучшей камфоры, — искусно приготовленная сведущими людьми, она должна сохранить тело во все время странствия.

Но этим своим решением он принимает на себя величайшую тяготу, потому что впредь вы-

нужден уговаривать и подкупать суеверных погонщиков верблюдов, дотошных таможенников, алчных чиновников, что погрязли в предрассудках.

Сопроводим его в Лар, столицу Ларистана, где нашел он и здоровый воздух и хороший прием, — тут он дожидается завоевания Ормузда персами. Однако и триумфы персов не приносят ему облегчения. Он вынужден вернуться в Шираз, а уж оттуда плыть на английском корабле в Индию. Он и здесь постоянен — мужество, стойкость, знания, душевное благородство повсюду обеспечивают ему хороший прием, почетные условия проживания, но все равно ему приходится вернуться к Персидскому заливу и отсюда держать путь через пустыню.

Все неприятности, каких он страшился, вынужден он испытать. Племенные вожди отнимают у него часть имущества, таможенники взимают с него пошлину, арабы его грабят, и даже в христианском мире повсюду его шельмуют и чинят ему препятствия; тем не менее он привозит с собой немало редкостей и драгоценностей, самое же драгоценное и невиданное — это тело его возлюбленной Маани. Там, на Ара Цели⁵, правит он великолепную тризну, а когда спускается в гробницу, чтобы оказать ей последние почести, две девушки стоят пообок его, — Сильвия, дочь, выросшая в красавицу за то время, пока он отсутствовал, и Тинатин ди Цибя, которую мы до сих пор знали под именем Мариуччи, — обоим лет по пятнадцати. Теперь он решается, — против воли родных и даже папы, — они желают ему невесты более

благородной и богатой, — жениться на второй из них, на той, что после смерти супруги была ему верной спутницей и единственной утехой в жизни. После этого еще много лет проявляет он, живя в блеске, свой характер дерзновенно-мужественный и бурный, не обходится без ссор, риска и досадных обид и, умирая на шестьдесят шестом году жизни, оставляет после себя многочисленное потомство.

ИЗВИНЕНИЯ

Можно заметить, что любой человек отдает предпочтение, перед всеми иными, тому пути, на каком сам он достиг тех или иных знаний и умений, так что он и своих последователей охотно поведет тем путем, каким шел сам, и именно на этом пути посвятит их в свои тайны. Вот почему так обстоятельно рассказал я о Пьетро делла Валле, — этот-то путешествующий первым, да и яснее всего, раскрыл предо мною своеобразие Востока, а потому мне, при моей склонности к нему, и кажется, что только этим своим изложением я добыл необходимую для «Дивана» особенную почву и основу. Пусть во времена, изобилующие листками и тетрадками, поощрит это и других к чтению целого фолианта, какой решительно введет их в мир многозначительный, — может быть, если судить по новейшим землеописаниям, чуть изменившийся с тех пор на поверхности, но по сути остающийся прежним, каким являлся он в свое время выдающемуся человеку.

Хочешь Слов узнать секреты,
В их краях ищи ответа, —
Хочешь ли понять поэта,
Так иди в его край света.

ОЛЕАРИЙ

Число листов наших статей, что уже отпечатаны до этого места, напоминает нам о необходимости поступать осторожнее и писать не столь пространно. Поэтому лишь на ходу скажем о поименованном замечательном человеке. Весьма занятно наблюдать, как путешествуют разные народы. Вот англичане, из числа которых с сожалением проходим мимо Шерли и Герберта¹; вот итальянцы; наконец, французы. А теперь пусть выступит на сцену немец, энергично и достойно. К несчастью, на своем пути ко двору персидских шахов он зависел от человека, больше напоминавшего авантюриста², нежели посла, — в любом случае тот вел себя своевольно, неумело, даже нелепо. Нашего прямодушного Олеария всем этим не собьешь с толку; его описания полезны и поучительны, и тем они ценнее, что прибыл он в Персию спустя всего несколько лет после дела Валле и вскоре после кончины Аббаса Великого, а по возвращении своем на родину одарил немцев дельным и полезным переводом великолепного Саади. Против собственного желания прервемся на этом месте, — ведь и этому мужу хотели мы отплатить благодарностью за все то доброе, чем

обязаны ему. Таково отношение наше и к двум следующим путешественникам, заслуг которых мы можем коснуться лишь поверхностно.

ТАВЕРНЬЕ И ШАРДЕН

Первый из них, ювелир и торговец драгоценностями, повсюду, дабы рекомендовать себя, представляющий образцы своих бесценно-искусных товаров, проникает ко двору восточных государей, со всеми трудностями справляется, из каждого положения находит выход. Он добирается до алмазных копей Индии, а когда опасными путями возвращается на родину, то принимаем здесь не лучшим образом. Оставленные им сочинения в высшей степени поучительны, и однако его соотечественник Шарден, преемник и соперник его, не столько препятствует его карьере, сколько затмевает его в общем мнении. Этот последний с самого начала вынужден преодолеть трудности величайшие, а потому хорошо использует в своих интересах умонастроения восточных правителей и богачей, раздираемых в душе между великодушием и стремлением к наживе, убажает их неутолимую — сколькими сокровищами ни обладай — жажду все новых украшений и чужеземных ювелирных изделий, — причина, почему и домой он возвращается не без выгоды и удачи.

Вот два человека, в которых не перестаешь удивляться разумности, ловкости, постоянству и уравновешенности, стойкости и приятным манерам, — любой светский человек, совершающий свой жизненный путь, может почитать в

них совершенные образцы. Однако обладали они двумя преимуществами, какие есть не у всякого: они были протестантами и французами — качества, которые в своем соединении способны производить весьма даровитых индивидов.

НОВЫЕ, НОВЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Сейчас мы не можем касаться того, чем обязаны XVIII, даже уже и XIX столетию. В последнее время англичане просветили нас на предмет самых неведомых областей земли. Королевство Кабул¹, древняя Гедрозия², Карамания³ — все стало доступно нам. Кто поставит предел взгляду своему, чтобы не забегал он за Инд, чтобы не узнавал он великой деятельности, ширящейся там с каждым днем, — и на Западе неизбежно будет множиться под влиянием доброго примера желание дальнейшего, более глубокого изучения языков. Поразумим только, какие шаги должны были, идя рука об руку, предпринять человеческие ум и тщание, чтобы вырваться из ограниченного еврейско-раввинского круга и достичь глубины и широты санскрита; радуешься, будучи с давних лет свидетелем подобного прогресса. Даже войны, разрушительные и многому препятствующие, доставили немало выгод основательности воззрений. Земли по обе стороны Инда, начиная с Гималаев, — до недавней поры оставались они странами сказочными, — прояснились для нас, явились во взаимосвязи с остальным миром.

Стоит только захотеть, и мы можем — насколько позволяют силы и обстоятельства — распространить наш обзор на самый Полуостров, на юг вплоть до Явы, разузнавая притом наиболее подробнейшие сведения, — так перед молодыми любителями Востока открываются в наши дни, одни за другими, врата, ведущие к тайнам первоизданного мира с изъянами странного его строя и несчастной веры, но равным образом со всем великолепием его поэзии, — в поэзии ведь находит прибежище чистая человечность, благородный обычай, светлый и любовный взгляд на мир; ими утешаемся, забывая о кастовой розни, фантастических чудовищах религии и туманном мистицизме, убеждаясь, что именно в поэзии с ее великолепием заключено спасение человечества.

УЧИТЕЛЯ,

почившие, ныне здравствующие

Отдать себе самому ясный отчет в том, у кого чему научился в течение жизни и за учеными делами, — задача не легкая, едва ли вообще разрешимая, ведь не одни друзья и сотоварищи, но и противники, враги бывали полезны тебе. Между тем чувствуешь в себе потребность назвать имена некоторых, кому обязан особой благодарностью.

Джонс¹. Заслуги этого мужа известны всему свету и почтены с обстоятельностью не в одном месте, так что мне остается лишь признать, что с давних пор я стремился извлечь всю пользу из штудий его; однако отмечу ту сторону, бла-

годаря которой он особенно замечателен стал мне.

Образован по-английски, по-настоящему, т. е. столь тверд в греческой и латинской словесности, чтобы не просто оценивать по достоинству создания древних, но и самому работать на этих языках, осведомлен и в литературах европейских, начитан в восточных, он пользуется двойным благом — он и ценит всякую нацию по заслугам, ей только присущим, он и повсюду открывает прекрасное и доброе, в чем всякий народ по необходимости сходится с другим.

Когда же нужно ему сообщить свои выводы, то тут испытывает он немалые затруднения, главным образом встает преградой на его пути преимущественная склонность его нации к старой классической литературе, и если присмотреться, начинаешь замечать, что он, как человек рассудительный, стремится приспособить незнакомое к знакомому, а заслуживающее высокой оценки — к высокоценному; он пытается утаить свое пристрастие к поэтическому искусству Азии и обыкновенно скромно и хитро приводит примеры, вполне сопоставимые с высокочтимыми образцами греков и латинян; он пользуется ритмическими формами античности, чтобы и для классицистов стали приемлемы приятные деликатесы Востока. Но, должно быть, не только со стороны классицистов, а и со стороны патриотов испытал он немало горьких обид, в нем болью отзывалось принижение восточной поэзии; последнее явствует из резко ироничной статьи² его «Arabs, sive de Poësi Anglorum Dialogus» всего на двух листках,

приложенной к сочинению его об азиатской поэзии. Тут он с видимой горечью представляет нам, сколь нелепы были бы Мильтон и Поп в восточном наряде, откуда и следует, что неустанно повторяем и мы, — к каждому поэту должно наведываться домой, каждого познавать и ценить в его языке, в своеобразном кругу времени и нравов.

---

*Эйхгорн*³. С удовольствием и признательностью замечу, что и для настоящих работ продолжаю пользоваться тем экземпляром Джонса, каким, 42 года тому, одарил меня муж высокодостоинный, его издавший, — тогда он еще пребывал среди нас, из уст его случилось нам выслушивать немало целительных, здравых наставлений. И все это время я тихо, без шума, следовал его преподанному нам курсу, и в последние дни особенно радовался получению нового, в высшей степени важного труда⁴, вышедшего из-под его пера, труда, изъясняющего нам *пророков* и обстоятельства их жизни. Ибо есть ли картина более радостная, как для человека спокойно-рассудительного, так и для поэта, волнуемого в своем сердце, нежели видеть, как боговдохновенные мужи, осененные высоким духом, созерцают беспокойное окружение свое и, неустанно карая, остерегая, утешая, возвышая душу, указуют на все то чудесно-настораживающее, что совершается вокруг них.

---

*Лорсбах*⁵. Обязаны мы помянуть на этом месте и дельного Лорсбаха. Когда, в преклонных летах, явился он в наш круг, ни в чем не нашел

он для себя приятности и удобств; однако на все мои вопросы отвечал он любезно и точно, если только предмет их располагался в пределах его знаний, очерчиваемых им с излишней, чрезмерной строгостью.

Удивляло меня поначалу, что он не слишком благоволит к восточной поэзии; и ведь так бывает со всяким, кто тратит на свое дело время и силы, страсть и восторг, а потом оказывается, что урожай не отвечает ожиданиям. И потом старость — это ведь возраст, когда ничто не приносит радостей, а между тем заслуживаешь радостей больше кого-либо. Его честный ум всегда был светел, и я с удовольствием вспоминаю проведенные с ним часы.

ФОН ДИЦ

Значительное влияние на мои занятия, о чем говорю с благодарной признательностью, оказал прелат фон Диц. В то самое время, когда я особо пекся о восточной литературе, в руки мои попала «Книга Кабуса», показавшаяся мне столь значительной, что я не одного из своих друзей подвиг размышлять над нею. Через одного путешествующего я передал привет достойному мужу, кому обязан был столькими наставлениями. В ответ он дружески прислал свою книжечку о тюльпанах. Тогда я велел украсить пышным золотым орнаментом из цветочных гирлянд листок шелковистой бумаги и на небольшом пространстве вписал в эту рамку следующее стихотворение:

Пока чредой проходят дни за днями,
Как жить мудрей, довольней, точно встарь,
Как торговать людьми, а как — конями,
Во всем том наставляет сына царь.
Теперь и мы, одарены тобою,
Пославшим сверх того тюльпанов цвет,
Узнали все — так лишь каймой златою
Себя уйму, благодаря в ответ!

Так началась наша переписка, которую достойный этот муж продолжал, в болях и страданиях, почти неразборчивым почерком, до конца дней своих.

Поскольку же я был лишь в самых общих чертах знаком с нравами и историей Востока, языка же не знал совершенно, столь дружеское расположение было крайне значительным для меня. Потому что при предположенной наперед методе работы мне было важно получать разъяснения мгновенно, а не искать ответов в книгах, что пожирало бы уйму времени и сил, поэтому я в случаях сомнений обращался к нему и всякий раз получал от него достаточные ответы, сдвигавшие дело с мертвой точки. Письма его ввиду содержательности своей заслуживают издания, какое послужило бы памятником его знаний и благорасположенности. Зная своеобразность его крутого нрава, я остерегался затрагивать известные стороны в переписке с ним; однако он был столь добр, что когда я заинтересовался характером Насреддина Ходжи, веселого спутника Тимура, делившего шатер с завоевателем миров, он, совершенно вопреки заведенным у него обычаям, прислал мне

несколько анекдотов о нем в своем переводе. Из каковых в очередной раз вытекает, что немало игривых побасенок, которые обитатель Запада пересказывает на свой лад, берут начало на Востоке, но только, переиначиваясь, утрачивают свои настоящие цвета, свой подлинный, сообразный тон.

Поскольку рукопись той книги находится теперь в Берлине, в Королевской библиотеке, то весьма желательно, чтобы мастер своего дела дал нам перевод ее. Может быть, целесообразнее всего было бы перевести ее на латинский язык, чтобы ученые узнали ее в полном объеме. А затем можно было бы издать извлечения в переводе, приличном для немецкой публики.

Я проявил участие и к иным сочинениям друга, например, к «Достопамятностям Востока» и другим, доказательства чего содержат и настоящие листы; сомнительнее сознаваться в том, что и его полемичность, жажда ссоры, чего всякий раз не одобришь, тоже принесла мне немало пользы. Вспоминаешь университетские годы, когда, стоило только захотеть мастерам своего дела или студентам повзрослее померяться между собой в силе и ловкости, как все, забыв сомнения, тотчас же поспешали за ними в фехтовальный зал, а потому никто не станет отрицать, что такой повод давал каждому случай узнать свои сильные и слабые стороны, которые иначе, быть может, навсегда были бы скрыты от соперника.

Сочинитель «Книги Кабуса», Кекьявус, царь дилемитов в горной стране Гилан, примыкавшей с юга к Понту Евксинскому, вдвойне по-

нравится нам при ближайшем знакомстве с ним. Будучи наследным принцем, он получил тщательное воспитание, назначавшее его к жизни деятельной и независимой, потом он оставил страну, отправившись в путешествие на Восток, дабы образовать себя и испробовать свои умения.

Вскоре после смерти Махмуда, о котором мы сообщили так много достославного, прибыл он в Газни, был дружелюбно принят сыном покойного Мессудом и, оказав тому немало услуг на войне и в мирное время, обручился с сестрою султана. При дворе, где еще совсем недавно Фирдоуси трудился над «Шах-наме», где не успел вымереть огромный съезд поэтов и даровитых людей, где новый властитель, дерзкий, воинственный, наподобие своего отца, ценил общество умных людей, Кекьявус мог обрести драгоценнейшие просторы для дальнейшего своего образования.

Но сначала надо сказать о его воспитании. Отец, дабы развить в нем, до возможного предела, телесные силы, отдал его под начало замечательного педагога. Тот вернул ему сына уже обученным всем рыцарским умениям: сын и стрелял, и ездил на коне, и стрелял с коня, и метал копье, и умел обращаться с битой, которой надо очень ловко отбивать мяч. Все это удалось на славу, был доволен и царь, который расхвалил наставника, прибавив: «Одно хочу сказать. Ты обучил сына всему, где нужны орудия, потому что без коня он не может скакать, без лука — стрелять, и что его рука без копья, и что за игра — без биты и мяча.

Одному ты его не научил — где ничего ему не нужно, кроме себя самого, а это как раз самое необходимое и другой тут не помощник». Учитель стоял пристыженный и тут услышал, в чем дело, — принц не умеет плавать. Наследник, как ни претило ему такое занятие, обучился и плаванию, и это спасло ему жизнь, когда во время паломничества в Мекку он перевернулся, плывя по Евфрату, вместе с огромной толпою странников, из которых, не считая его, спаслись совсем немногие.

Что дух его был развит в равно высокой степени, доказывает добрый прием, какого он был удостоен в Газни, где его объявили товарищем государя, а это значило тогда немало — он должен был уметь давать ясный, рассудительный и изящный отчет во всем происходящем.

Права престолонаследия в Гилане были неясны, не ясно было даже, удастся ли сохранить самое царство — в окружении могущественных соседей-завоевателей. Наконец, по смерти отца, которого свергали, потом снова сажали на трон, он взошел на престол, будучи исполнен мудрости и готовности покорствовать любым поворотам событий; в старости, в предвидении того, что сыну его Гилан-шаху придется ту же, нежели ему самому, он и пишет свою замечательную книгу, в которой обращается к сыну с такими словами: он знакомит его с науками и искусствами по двум причинам — чтобы либо тот умел добывать себе средства к существованию посредством какого-либо занятия, если судьбой будет принужден к тому, либо же, хотя не будет такой необходимости добывать себе пропита-

ние ремеслом, так он по крайней мере будет знаком с начатками всего, если и сохранит власть.

В наши дни, когда высокородные эмигранты, бывало, являли образцовую покорность судьбе, кормясь от трудов рук своих, случись в руках их такая книжица, каким утешением была бы она им.

Что столь превосходная, более того, бесценная книга не сделалась известна шире, лучше, тому главной причиной — что издал ее автор на свой кошт, а фирма Николаи лишь приняла на комиссию, — в таких случаях сбыт издания обыкновенно резко замедляется. Но чтобы отечество знало, какие сокровища уготованы здесь ему, помещаем сюда оглавление книги, а достойнейшие повременные издания, как-то «Morgenblatt»¹ и «Gesellschafter»², просим для начала ознакомить читателей с анекдотами и рассказами, утешительными и восхитительными, содержащимися в книге, равно как с великими несравненными принципами, в ней высказываемыми.

Содержание Книги Кабуса по главам

- 1) Познание бога.
- 2) Похвала пророкам.
- 3) Славится бог.
- 4) Пышность богослужения необходима и полезна.
- 5) Долг перед отцом и матерью.
- 6) Как возвысить род свой добродетелью.
- 7) Согласно каким правилам говорить.
- 8) Последние правила Нуширвана.
- 9) Зрелость и юность.

- 10) Благопристойность и правила еды.
- 11) Поведение при винопитии.
- 12) Как приглашать и угощать гостей.
- 13) Как следует шутить, как играть в шашки и шахматы.
- 14) Природа любящих.
- 15) Польза и вред соития.
- 16) О том, как мыться и купаться.
- 17) О состоянии сна и покоя.
- 18) Распорядок охоты.
- 19) О том, как играть в мяч.
- 20) О том, как должно выступать против врага.
- 21) Способы множить свое имя.
- 22) Как беречь и возвращать доверенное на сохранение.
- 23) Покупка рабов и рабынь.
- 24) Где прикупать владения.
- 25) Покупка лошадей и приметы наилучших.
- 26) Как выбирать себе жену.
- 27) Порядок воспитания детей.
- 28) Преимущества иметь друзей и выбирать их.
- 29) Не быть беззаботным ввиду замыслов и интриг неприятеля.
- 30) Прощать — доброе дело.
- 31) Как искать знаний.
- 32) Торговля.
- 33) Правила врачей и о том, какой образ жизни вести.
- 34) Правила звездочетов.
- 35) Свойства поэтов и поэзии.
- 36) Правила музыкантов.
- 37) Как служить султанам.
- 38) Должности доверенных лиц и товарищей султана.

- 39) Правила канцелярских чинов.
  - 40) Порядок везирата.
  - 41) Правила военачальников.
  - 42) Правила султанов.
  - 43) Правила земледелия и скотоводства.
  - 44) Преимущества доблести.
-

От книги с подобным содержанием можно несомненно ждать для себя широкого познания условий восточной жизни, и точно так же можно быть уверенным, что найдешь в ней немало поучительных аналогий для того, чтобы верно судить о своей жизни в условиях Европы.

В заключение малая рекапитуляция хронологии. Царь Кекьявус принял бразды правления в 450 год хеджры (1058), правил еще в 475 год хеджры (1080), он был женат на дочери султана Махмуда Газневи. У сына его Гилан-шаха, для которого он писал свой труд, земли отняли. О жизни его известно мало, о смерти не известно ничего. См. перевод Дица, Берлин, 1811.

Книгоиздательство³, которое купит или примет на комиссию вышеозначенный труд, просят сообщить о том. Справедливая цена облегчит столь желанное распространение книги.

ФОН ХАММЕР

Чем обязан я этому достойному деятелю, книжечка моя доказывает всеми ее разделами. Я давным-давно обратил уж внимание на Хафиза и его стихотворения, но все, что ни по-

падалось мне на глаза — в литературе, землеописаниях, журналах, не давало мне ясного понятия, наглядного представления о ценности, о заслугах выдающегося мужа. Когда же весной 1813 года я получил полный перевод всех его произведений, меня глубоко захватило его внутреннее существо, наполнило особой симпатией к нему, и я попытался вступить в контакт с ним через посредство собственного творчества. Такое человеколюбивое занятие помогло мне пережить нелегкие времена, и, наконец, я смог приятнейшим образом насладиться плодами завоеванного мира.

Уже несколько лет знал я, в общих чертах, о разработке «Сокровищниц», производившейся с подъемом, но теперь наступила пора, когда я мог воспользоваться ими с прибытком для себя. Многообразно толковал предпринятый труд этот потребности времени, возбуждал и вместе удовлетворял их; вновь оправдывалось в моих глазах не раз изведенное: наши современники замечательно поддерживают нас во всех начинаниях, в любых дисциплинах, как только мы обращаемся к ним, дружески и с благодарностью пользуясь сильными сторонами их. Сведущие мужи изъясняют нам прошлое, указывают позиции, на каких строится деятельность в настоящем, указывают ближайшие пути, по каким предстоит идти нам в будущем. К счастью, названный великолепный труд продолжают еще и теперь с прежним рвением, и если даже исследования твои в этой области ретроспективны, то все равно снова и снова, множа свое участие, возвращаешься к тому полезному

и дельному, что предлагают тебе здесь со всех сторон.

Чтобы не забыть сказать и еще об одном, должен признаться, что еще и быстрее продвинуло бы меня вперед это важное собрание, если бы только издатели его, — впрочем, собирающие урожай и трудящиеся лишь для совершенных знатоков, — учли также пожелания любителей, непосвященных, и, пусть не всем, но многим разделам предпосылали краткое вступление с изложением обстоятельств минувшей эпохи, личностей, местности, — это жаждущему поучения сберегло бы время мучительных разысканий рассеянных по разным источникам сведений.

Однако все, чего еще можно было себе пожелать, щедрой мерой отмерено нам ныне благодаря бесценному труду, излагающему историю персидской поэзии. Охотно признаю, что уже в 1814 году, когда «Геттингенские известия»¹ впервые, в предварительном порядке, ознакомили нас с содержанием этого труда², я сейчас же расположил и упорядочил наработанное мною по указанным там рубрикам, что уже обернулось существенной пользой для меня. Теперь же вышло в свет и целое, ожидавшееся с нетерпением, и мы вдруг очутились словно среди знакомого нам мира, все отношения которого можно было ясно распознавать теперь в деталях, тогда как раньше виделись они лишь в самых общих очертаниях, сквозь слои несущихся облаков.

Пусть хоть сколько-нибудь удовлетворит читателей то, как я воспользовался этим трудом, и

да распознают они намерение мое — привлечь, приманить тех, кто на своем жизненном пути, быть может, оставил далеко в стороне эти накопленные сокровища.

Конечно, у нас теперь есть фундамент, на котором можно возводить великолепное, ясно обозримое здание персидской литературы, — образец, по которому можно с пользой строить прочные здания иных литератур. В высшей степени желательно при этом, чтобы хронологический порядок последовательно выдерживался, чтобы, скажем, не делалось попыток систематического расположения материала, например по поэтическим видам. У поэтов ориентальных все это слишком смешано, чтобы можно было вычленять отдельное; характер времени и поэта в его времени — вот что единственно поучительно, вот что единственно живительно действует на всякого; как обработан материал здесь, пусть так и обрабатывается впредь.

Да будут всеми признаны достоинства блистательной Ширин и сурово-мило учащего «Трилистника»³, что осчастлививляет нас под конец нашей работы.

ПЕРЕВОДЫ

Поскольку теперь и немец благодаря переводам все ближе и ближе подвигается к Востоку, так в этом для нас повод поместить здесь нечто весьма известное, но только такое, что повторить лишний раз не худо.

Существует три вида переводов. Первый ознакомляет нас с заграницей в согласии с нашим

собственным разумением; простой прозаический перевод тут — наилучшее. Ибо проза полностью снимает любое поэтическое своеобразие и даже поэтический энтузиазм снижает до обыкновенного уровня моря, а потому поначалу оказывает нам услугу величайшую, ибо чужими красотами поражает нас в самом нашем домашнем кругу, в самой обыденной жизни, так что мы, и сами, не ведая отчего, обретаемся в приподнятом настроении и с возвышенной душой. Такое действие всегда произведет Лютеров перевод Библии.

Если бы «Нибелунгов» сразу перевели в крепкую прозу, придав им облик народной книги, в итоге выиграли бы немало: страшный, суровый, мрачный, жутковатый рыцарский дух действовал бы на нас всей своею силой. Уместно ли это еще и теперь, не поздно ли, о том лучше судить целенаправленнее посвятившим себя старине.

Вторая эпоха наступает, — тут, правда, пытаются перенестись за границу, но, впрочем, лишь для того, чтобы, усвоив себе чужое разумение, воссоздать его согласно разумению собственному. Таковую эпоху в самом точном смысле слова можно назвать эпохой *пародирования*¹. По большей части к такому переводу чувствуют себя призванными люди остроумные. Французы, переводя, всегда прибегают к такому способу; сотни примеров — среди переводов Делиля². Подобно тому как француз приспособляет к своему выговору чужие слова, когда ему надо их произнести, так поступает он и с чувствами, мыслями, даже с предметами, вместо плодов

чужины он требует суррогатов и чтобы те непременно произрастали на его родной земле и почве.

К такому виду относятся переводы Виланда; ему был присущ своеобразный рассудок и вкус, так что к древности, к чужеземью он приближался лишь постольку, поскольку мог соблюсти свой тон. Но на этого выдающегося человека следует смотреть как на представителя своей эпохи: воздействие его было чрезвычайно сильно, ибо все, что приходилось по вкусу ему, все, как усваивал он это себе и как передавал другим, все это представлялось приятным на вкус и его современникам.

Поскольку, однако, не застрянешь надолго ни на совершенном, ни на несовершенном, а не заставит долго ждать себя и новое преобразование, то пережили мы и третью эпоху, — можно назвать ее высшей и последней, — тут стремятся к тому, чтобы перевод был тождествен подлиннику и принимался не как замена оригинала, но значился подлинником же.

Долго противились такому виду перевода, — потому что переводчик, неотступно следуя оригиналу, вынужден в той или иной степени расстаться с оригинальностью своей собственной народности, — возникает нечто третье, до чего вкусам толпы еще надо подняться.

Фосс, которого невозможно переоценить, сначала не мог удовлетворить публику, пока люди потихоньку-полегоньку не вслушались в его новизну и не свыклись с нею. А теперь, когда видишь все, что совершенно с той поры, какая гибкость приобретена немцами, какие риториче-

ские, ритмические, метрические выгоды — в распоряжении каждого виртуозно одаренного юноши, когда видишь, что Ариосто и Тассо, Сервантеса и Кальдерона представляют тебе и дважды и трижды — онемеченными чужеземцами, так смеешь надеяться, что в истории литературы будет сказано без обиняков, кто первым пошел по этому пути среди множества препятствий и затруднений.

Работы фон Хаммера по большей части тоже предполагают подобную обработку восточных шедевров, — следует особенно рекомендовать приближаться к внешней форме их. Сколь бесконечно выигрывает Фирдоуси в переводе мест, выполненных названным нашим другом, в сравнении с той переделкой³, образцы которой можно видеть в «Сокровищницах». Последняя манера прелагать поэта по-своему представляется самой печальной неудачей, какая только может постигнуть переводчика старательного и, кстати говоря, вполне удовлетворяющего всем требованиям дела.

Поскольку, однако, во всякой литературе названные три эпохи повторяются и возвращаются в ином порядке, так что различные способы обращения с подлинником могут существовать одновременно, то и сейчас был бы весьма уместен прозаический перевод «Шах-наме»⁴ и творений Низами. Им пользовались бы ради более скорого усвоения основного смысла, наслаждались бы исторической, сюжетной, этической сторонами в целом и все более проникали бы в умонастроения, способы мышления, так

что в конце концов мы и совсем породнились бы с ними.

Вспомните, с каким очевидным одобрением встречен был у нас, немцев, подобный перевод «Сакунталы»⁵, — успех этого перевода вполне можно отнести за счет той общей прозы, в какую были распущены стихи поэмы. Однако теперь самая пора дать нам новый перевод этой вещи — перевод третьего рода, с соблюдением различных диалектов, ритмических, метрических и прозаических манер оригинала, так, чтобы поэма эта, выступая во всем своем своеобразии, вновь доставила нам наслаждение и привилась у нас. В Париже находится ныне рукопись этого бессмертного творения, так что кто-либо из живущих там немцев обрел бы непреходящие заслуги, выполнив такой труд.

Английский переводчик «Облака-посланца»⁶, «Мегха Дуты», тоже заслуживает всяческих похвал, поскольку первое знакомство с подобным творением всегда составляет целую эпоху в нашей жизни. Но только перевод его, скорее, принадлежит второй эпохе, он парафрастичен и супплеторен⁷, он пятистопным ямбом льстит нашему северо-восточному смыслу и слуху. Зато я обязан нашему Козегартену⁸ несколькими стихами, переведенными прямо с языка оригинала, — они и дают совершенно иную картину. Помимо прочего, англичанин позволил себе еще и перестановки мотивов, что опытный эстетический взгляд отмечает сейчас же и с неодобрением.

Еще объясним немногими словами, отчего называем мы третью эпоху — последней. По мере

того как перевод стремится отождествиться с подлинником, он все более сближается с подстрочником и крайне облегчает понимание оригинала, так что подводит нас к основному тексту, можно даже сказать — подгоняет нас к нему, и этим замкнут весь круг, круг, в каком движутся и сближаются между собой чужое и родное, знакомое и незнакомое.

НАКОНЕЦ, ЗАВЕРШЕНИЕ ВСЕГО!

Насколько удалось нам с самым новейшим и цветущим связать древнейший Восток минувшего, о том будут судить, судить снисходительно, друзья и знатоки. У нас же в руках вновь нечто принадлежащее истории текущих дней — что может послужить к живому и приятному заключению целого.

Тому года четыре, когда направлявшийся в Петербург персидский посол принимал поручаемое ему государем его, не пожелала упустить благоприятный случай августейшая супруга монарха и со своей стороны послала ценные дары Ее Величеству императрице-матери, сопроводив приношения свои письмом, перевод которого мы счастливы сообщить ниже¹.

ПОСЛАНИЕ

супруги персидского шаха
Ее Величеству Императрице-
матери всех россов

Доколе длятся стихии, из каких мир составлен, дотоле да пребудет в счастии, хранима от всех бед, августейшая супруга храмины величия, шкатулка жемчужины царства, схождение созвездий, владычество предрекающих, в чреве своем носившая яркое Солнце великой империи, окружность круга высшей власти, пальму плода всемогущества.

После изложения этих искренних моих пожеланий имею честь заявить, что, коль скоро в наши счастливые дни вновь, по величайшему милосердию всемогущего существа, распустились розы в садах высоких двух держав и искреннейшим единением и дружбою устранено все, что коварно разделяло великолепные дворы, то, в признании столь великого благодеяния, не преминут поддерживать дружественные отношения и переписку между собою все, кто связаны с одним из этих дворов.

А потому в тот момент, когда его сиятельство мирза Абул Хасан-хан, посланник к великому российскому двору, отъезжает в столицу последнего, я сочла нужным открыть врата дружбы ключом этого откровенного письма. И, поскольку древний, сообразный с началами дружбы и сердечности, обычай требует, чтобы друзья приносили дары друг другу, прошу Вас милостиво принять подносимые Вам изящней-

шие украшения нашей земли. Надеюсь, что в ответ Вы оросите каплями дружеских писем вертоград любящего Вас сердца. Отчего и испрашиваю у Вас поручений, старательнейшее исполнение которых будет для меня радостью.

Бог да хранит Ваши дни в чистоте, счастье и славе.

Дары

Нитка жемчуга весом в 498 карат.

Пять индийских шалей.

Шкатулка из папье-маше, исфаганской работы.

Маленькая коробочка для перьев.

Футляр с необходимыми в употреблении приборами.

Парчи штук — пять.

То, как далее мудро и смиренно высказывался об отношениях обеих наций пребывающий в Петербурге посол, мы уж могли представить нашим согражданам выше, когда говорили об истории персидской литературы и поэзии.

Теперь же мы застаем этого словно *прирожденного посланца* на пути в Англию, когда поспевают за ним в Вену знаки государевой милости, которым сам властелин еще намерен придать весь блеск и все значение средствами поэтического выражения. И эти стихотворения мы тоже присовокупим — в качестве замкового камня нашего хотя и заполненного разнородными материалами, но, Бог даст! прочно возведенного храмового свода.

در درفش

فتحعلی شاه ترک جمشید کیتی افروز
کشور خدای ایران خورشید عالم ارا
چترش بصحن کیهان افکنده ظل اعظم
کردش بمغز کیوان - افکنده مشک سارا
ایران کنام شیران خورشید شاه ایران
دانست شیر و خورشید نقش درفش دارا
فرق سفیر دانا یعنی ابو الحسن خان
بر اطللس فلک شود از این درفش خارا
از مهر سوی لندن اورا سفیر فرمود
زان داد نر و نصرت بر خسرو نصارا

НА ЗНАМЯ

Фетх-Али-шах Джемшиду¹ равен, тюрк,
Свет мира, царь Ирана, Солнце землям.
Зонтик его юдоли осеняет,
А пояс муск струит в главу Сатурна.

- ⁵ Иран — ущелье Льва, шах — Солнце мира;
И с Солнцем Лев стоят на стяге Дары.
Глава посольства Абул Хасан-хан
К небесным сводам стяг тот возвышает.
Любовью в Лондон он послом отправлен,
¹⁰ Он мир принес владыке христиан.
-

در پرده
با صورت شاه و افتاب

ببارك الله زاین پرده همایون فر
 که افتاب بر پردکش پرده در
 بلی طرازش از کلك مانى ثانی
 نكار فتاحعلى شاه افتاب انسر
 مهین سفیر شهنشاه اسمان درگاه
 ابو الحسن خان ان هوشمند دانشور
 زپای تا سر او غرق کوهر از خسرو
 سپرد چون به خدمت بحای پا از سر
 چو خواست بار کد تا کشر - یر. با مهر
 قرانش داد بدین مهر اسمان چاکر
 درین حاجسته بشارت اشارتست بزرگ
 بر ان سفیر نکو سیرت ستوده سیر
 که هست عهدش عهد جهانکشا دارا
 که هست قولش قول سپهر فر دارا

НА ОРДЕНСКУЮ ЛЕНТУ

с изображением Солнца и Шаха

Господь благослови сиянье ленты;
Пред нею Солнце блеск свой очищает.
Рисованный второго Мани кистью,
Фетх-Али-шаха образ в лучах Солнца.

⁵ Посол царя с небесным ореолом,
Велик Абул Хасан-хан велемудрый,
Весь жемчугом с главы до пят покрытый.
Служебный путь прошел он до конца.
Его главу вознестъ желая к Солнцу,

¹⁰ Ему в пособники светило дали.
Весть радости полна значенья
Для славного, ценимого посла;
Мир с ним — союз с владыкой Дары,
Слова его — царя в блеске небес.

Храня видимость ребяческой наивности, восточные дворы соблюдают особо мудрую и хитрую манеру поведения; приведенные стихи служат тому примером.

Самое последнее посольство русских в Персию¹ обнаружило, что мирза Абул Хасан-хан находится при дворе, но не в такой уж однако великой милости, он держится скромно и оказывает немалые услуги, за которые посольство благодарно ему. Спустя несколько лет этого же человека отправляют в Англию² с пышной свитой, и, чтобы возвысить его, пользуются особым средством. При отъезде его не наделяют всеми знаками достоинства, какие задумали для него, а он просто отправляется в путь с верительными грамотами и всем необходимым. Но

едва он прибывает в Вену, вдогонку несутся знаки почестей, блестяще подтверждающие его достоинство, ярко свидетельствующие о том, сколь значителен этот человек. Знамя с имперскими инсигниями посылается ему, орденская лента с изображением подобия Солнца, даже с изображением самого же шаха, — всем этим он возвеличен, представлен местоблюстителем самого шаха. Но и этого мало, прибавлены стихи, в которых на восточный лад, с блестящими метафорами и гиперболами, превознесены знамя, Солнце и шахское подобие.

Прибавим еще замечания к лучшему уразумению частностей. Шах именует себя тюрком, потому что принадлежит к племени катжаров, относящемуся к тюркской ветви. Именно, все главные племена Персии, из которых составляется войско, делятся по языку и происхождению на племена тюркского, курдского, лурского и арабского языка.

Он сравнивает себя с *Джемшидом*, как и вообще персы сравнивают³ своих могущественных повелителей с древними царями — по тому или иному признаку: *Феридун*⁴ по достоинству, *Джемшид* по блеску, *Александр* по величию, *Дарий* по заступничеству. *Зонтик* — это сам шах, тень божия на земле, правда, в жаркий летний полдень он сам ищет защиты от солнца, однако этот зонтик осеняет не его одного, а целый мир. *Запах мускуса*, самый тонкий, стойкий из запахов, делящийся на мельчайшие частицы, — он от пояса государя возносится ко главе Сатурна. Сатурн для них остается высшей из планет, его круг замыкает нижний мир,

здесь — голова, мозг целого, где мозг, там и чувства, так что Сатурн вполне восприимчив к запаху мускуса, который возносится к нему от пояса государя. *Дара* значит имя «Дарий» и означает «властелин»; персы никак не могут оставить в покое своих предков. Иран именуется *ущельем Льва*, и это знаменательно, потому что двор обычно пребывает в гористой части Персии, так что вполне можно представлять себе империю ущельем, населенным воинами и львами. *Шелковый стяг* возвеличивает посла, насколько это вообще возможно, и дружеское, любовное расположение к Англии выражено в самом конце.

Второму стихотворению мы можем предпослать общее соображение: персидской поэзии придают приятную внутреннюю жизнь смысловые соотношения слов — они часто радуют нас чувственным созвучием.

Так, словом «лента» обозначается, собственно говоря, любое огражденное пространство с входом, где поэтому нужен и привратник, как сказано в подлиннике: «чью занавесь (дверь) распахивает (открывает) Солнце», ибо дверь в восточных комнатах нередко служит занавесь; тот, кто держит занавесь, кто поднимает ее, — привратник. Мани⁵ — это сам учредитель секты манихеев; он, по рассказам, был умелым художником и свое занятное лжеучение распространял всего более посредством картин. Здесь имя его употреблено в том смысле, в каком мы обычно говорим — «Апеллес», «Рафаэль». Слова «жемчуг государя» занимают наше воображение своей странностью. «Жемчужина» —

это и капля, так что можно представить себе целое море жемчуга, и в это море милостивое царское величество окунает с головой своего фаворита. Окунувши же, извлекает наружу, — он весь в каплях, так что изящно украшен с головы до пят. У *служебного пути* тоже есть голова и пяты, начало и конец, исходная точка и цель; слуга прошел весь этот путь, а потому его хвалят и награждают. Последующие строки вновь подразумевают намерение сверх всякой меры возвысить посланного, чтобы обеспечить ему наивозможное доверие двора, куда он послан, — так, как если бы шах собственноручно прибыл на место. Откуда заключаем, что посольство в Англию было делом величайшей важности.

О персидской поэзии верно говорили, что она погружена в вечную диастолу и систолу⁶; приведенные стихотворения оправдывают такой взгляд. Тут все время устремляются в бескрайность, но и тут же вновь в границы определенного. Властелин — свет мира и одновременно государь своей империи, его зонтик защищает от солнца его самого, но бросает тень на всю юдоль мира, благоухания его пояса ощущает сам Сатурн, и так далее, и так далее, движение вонне и назад, к своему, и так от баснословных времен до сиюминутности дворцовой жизни. Это вновь учит нас тому, что тропы, метафоры, гиперболы их поэзии не следует воспринимать по отдельности, но лишь во взаимосвязи целого, его смысла.

ПЕРЕСМОТР ЦЕЛОГО

Если поразмыслить над тем, каким участием пользовалось с времён наидревнейших и вплоть до новейших письменное предание, то, как оказывается, участие такое возбуждается по большей части тем, что в старых пергаментях и листах бумаги всегда есть что переменить и что поправить. Будь то возможно, чтобы в руках наших обрелся совершенно безукоризненный в глазах всех список сочинений древнего автора, так, наверное, автор этот очень скоро отложен был бы в сторону.

Нельзя отрицать и того, что мы лично прощаем не одну опечатку в книге, потому что нам льстит, если мы их нашли сами. И нашей книге пошла бы на благо такая человеческая черта, — ибо в будущем предстоит, нам или другим, исправлять в ней ошибки, устранять всяческие изъяны; наша малая лепта да не будет отвергнута недружелюбно.

Итак, сначала пусть речь пойдёт о правописании восточных имен, в чем едва ли можно добиться повсеместного равенства написаний. Потому что при больших отличиях между восточными и западными языками трудно находить точные эквиваленты для алфавитов тех первых. Поскольку же, далее, сами европейские языки, по причине своего различного происхождения и особого выговора, придают разные значения своим алфавитам, то полное соответствие тем затруднительнее.

Мы в тамошние области вступали, ведомые по преимуществу французами. Словарь Эрбело¹

спешил исполнять наши желания. Но французский ученый приспособлял восточные слова и наименования к своему национальному выговору, делал их приятными для слуха, и так они вскоре перешли в немецкую культуру. Мы до сих пор предпочитаем говорить «хегира», а не «хиджра»², поскольку первое звучит благозвучно и издавна привычно.

А сколь многого добились со своей стороны англичане! Хотя не согласные между собой в том, как произносить слова своего собственного языка, они все же, что и справедливо, пользовались правом писать и произносить восточные имена на свой лад и манер, вследствие чего мы вновь оказались в положении шатком и сомнительном.

Немцам легче других писать, как говоришь, они с большей охотой приноравливаются к чужим звучаниям, ударению, количеству звука; немцы подошли к проблеме основательно. Но поскольку они стремились все более приспособиться к иноземному, чужому, то между старыми и новыми работами обнаруживаются значительные расхождения, так что не находишь верного авторитета, которому можно было бы с полной уверенностью подчиниться.

Но от этой печали избавил меня друг и сведущий и обязательный, Й. Г. Л. Козегартен, кому обязан я и переводами двух государевых стихотворений, — он сообщил мне поправки, содержащиеся в Указателе, где отмечены и некоторые опечатки. Да будет надежный муж сей благосклонно спешествовать приуготовлениям к будущему «Дивану».

УКАЗАТЕЛЬ

А

Аарон 259
Аббас 74, 290
Абраккас 7
Абул Хасан-хан 332
Азра 30
Аллах 88
Амралкайс 144
Амр 145
Ансари 178
Ангара 145
Арафат 36
Арес 13
Аттар 183
Ахестеги 209

Б

Бадахшан 75
Базар 79
Балх 157, 169
Бамнан 157
Бармекиды 5, 157, 169
«Бастан-наме» 177
Бехрамгур 87, 198

Бидамаг буден 103
Бидпаи 162, 198
Ботейна 29, 79, 198
Брамины 75
Бухара 76
Бюльбюль 111

В

Валле (Пьетро делла) 286
Вамик 30
Везир 12, 65

Г

Газневиды 177
Гебры 153
Гилан-шах 318
Гинго-билоба 72
Гурия 6, 127
Гяндж 182

Д

Дарнавенд 116
Дервиш 185, 187
Джами 86, 188, 192

Джелалэддин Руми 46,
183, 191

Джемиль 29, 79, 198

Джемшид 335

Джонс 311

Дитц (фон) 314

З

Зендеруд 118

Зороастр 153

Зулейка 29, 46, 68, 250

Зухейр 144

И

Израиль 258

Икониум 184

Иран 74, 185

Ислам 256

Исфендиар 222

Й

Йездедширд 177

Йемен 147

К

Кажкер 252

Катжар 201

Кекьявус 317

Клит 213

Козегартен 328, 339

Кублай-хан 284

Л

Лебид 144

Лейли 29, 36

Локман 63

Лорсбах 313

М

Маани 289

Маднанитяне 262

Мансур I 177

Марко Поло см. Поло

Махмуд из Газни 171

«Мегха Дута» 328

Меджнун 29, 36, 52

«Месневи» 202

Мессуд 317

Мизри 23

Мирза 22

Мирза Абул Хасан-хан
198

Моаллакат 143

Мобеды 157, 161

Мозаффар 187

Моисей 258

Монтевила (И.) 286

Мотанабби 167

Мулей 98

Н

Насреддин Ходжа 249

Низами 30, 86, 182, 190,
194

Нуширван 198

О

Олеарий 308

Омар 168

- Омар-эбн-абд-эль-Азис
199
Ормузд 75
- П
- Парс 116
Пехлеви 179
Поло (Марко) 219, 284
- Р
- Рудоба 29
Рустем 29
- С
- Саади 86, 185, 191, 252
Савад бен Амре 149
Сагир Фарьяби 208
Саки 104, 106
«Сакунтала» 328
Саманиды 177
Самарканд 76
Санаджи 209
Сапор I 161
Сасаниды 161
Саси (Сильвестр де) 344
Сельджуки 182
Сильвия 306
Смердис 156
Сунниты 298
Сура 164
Суфий 187
- Т
- Тавернье 309
Тарафа 144
- Тимур 56, 66
Тинатин ди Цяба 306
Тус 178, 180
Тюрбан 74
- У
- Узбеки 253
- Ф
- Фал 232
Фатима 123
Феридэддин Аттар 232
Ферхад 29
Фетва 30
Фетх Али-шах 201
Фирдоуси 45, 79, 178,
190, 246
- Х
- Халиф и халифат 168
Хаммер (фон) 321
Харес 145
Хатем 69, 78
Хатем Зограи 69
Хатем Таи 69
Хаттан 252
Хафиз 6, 20, 185, 191,
222, 241
Хеджра 5
Хлопок 118
Хорезм 252
Хосров Парвиз 156, 163
Хузаилиты 148
Хут-хут 34

Указатель

Ч

Чингиз-хан 181, 185

Ш

Шарден 309

«Шах-наме» 179

Шах Седжан 44

Шедшаан 205

Шейх 187

Шехабэддин 36

Шиты 298

Шираз 13, 185, 187

Ширин 29, 156

Э

Эбусууд 22

Эйхгорн 313

Элохим 11

Энвери 59, 180, 190

Энвери Хакани 208

Энкомиаст 180

Эсседи 179

Ю

Юсуф 29, 68

Я

Ямблика 134

СИЛЬВЕСТРУ ДЕ САСИ

К Мастеру спеши на чтение,
Книжка, радостно-светло;
Здесь — начало, заключение,
Восток, Запад, А и Ω.

سيلويستر دسلسى

يا ايها الكتاب سر الى سيدنا الاعز
فسلم عليه بهذه الورقة
التي هي اول الكتاب واخره
يعنى اوله في المشرق واخره في المغرب

ما نصیحت بجای خود کردیم
روزگاری درین بسر بردیم
که نیاید بکوش رغبت کس
بر سرلان پیام باشد و بس

Теперь совет свой добрый мы подали,
Немало дней на труд свой положив;
Нескладно он звучит в ушах людей,
Так долг посла — сказать. Сказать и только¹.

Дополнения

I

СТИХОТВОРЕНИЯ КРУГА «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»

- Нет, Хафиз, с тобой сравниться —
Где уж нам!
Вьется парус, точно птица,
Мчится по волнам.
- ⁵ Быстрый, легкий, он стремится
Ровно, в лад рулю.
Если ж буря разразится —
Горе кораблю!
- Огнекрылою орлицей
¹⁰ Взмыла песнь твоя.
Море в пламень обратится!
Не сгорю ли я?
- Ну, а вдруг да расхрабриться?
Дай-ка стану смел!
- ¹⁵ Сам я в солнечной столице
Жил, любил и пел.
-

О Хафиз, хваля поэтов,
Ты поешь, и ты услышан,
Видишь сам — чредой приветов,
Благодарный, ты возвышен!

На наречье алеманнском
Превзойти стихами перса.

Через Эрфурт проезжая
После долгих лет отлучки,
Вижу — здесь нас уважают:
4 Братья, сестры, бабки, внучки.

Меня, старого, старушки
Из окошек привечают,
Те же ветхие домушки
8 Юность мне напоминают.

Знал я булочника дочку
И сапожницу в соседстве.
Нет, не совы — голубочки,
12 Не замешаны в зловерстве.

Так с самим Хафизом впору
В спор вступить нам необычный —
Как прошедшим наслаждаться,
16 Делом славя мир наличный

К душам ведающий нить
Уж знаком с уроком:
Вовсе не разъединить
4 Запада с Востоком.

Меж различными мирами
Связь держать не прочь мы сами,
Мысли мудрой быстрым током
8 Свяжем Запад мы с Востоком.

Запад ли, Восток, — все равно
Пищей чистой кормят славно;
Брось капризы, брось сатиру,

Присоединяйся к пиру:
Пробираясь среди люда,
Вкусного отведай блюда.

ДИЦУ

Словно сам Кабус, меня учил,
И, Огуз, мне мудрость ты явил,
Ходжой теперь мне тонко намекаешь,
Как быть, когда царей сопровождаешь.

Выгляну ль в оконце
Кому-нибудь вослед,
Он думает — вдогонку
Я шлю ему привет.
И, верно, так.

Лет пятьдесят и гнут, и мнут упорно —
Всё тщатся мне придать свой облик нудный;
Так жребий свой в отчизне многотрудный
На память знать, пожалуй, незазорно:
5 Сначала шумно, гениально-взорно,
Ярился ты с юнцами, безрассудный,
Потом тебя увлек на путь нелюдный
Дух мудрецов, дух правды благотворной.

Нашей жизни след постылый, —
Зайскрилась и затухла;
Честь сама, как дух голодный, —
4 И пропахла и протухла.

Но не будет тронут тленом
Тот, кто жадно хлещет водку,
Споря с этим миром бранным,
8 А потом щекочет глотку.

Бесов изгонять не рано,
Не щадя проклятий перца,
Коль немецкие тираны
Жадно гложут наше сердце?

Мерзавцы, думаете с вами
Скривлю в улыбку рот?
Собака знает свои камни,
На камни же и с...

В дружбе сердечной
Недостатка нет,
Вражды кромешной
Соратник — привет.
5 Но чем они кротчае
На протяжении лет,
Тем более я отчаян
И рад наносить им вред.
Так пусть же не скучают, —
10 Своим одаряю весь свет, —
Но пусть и не ожидают,
Что буду ими задет.
Частенько они забредают
За новеньким на обед,
15 Пусть их не отучают —
Всякому дорог совет.

Меня-то все величают,
А ненавидит — весь свет.

В войну печали не стихают —
Мужи друг друга побивают.
В дни мира невезенье с нами —
Тут жены режут языками.

Кого любят все на свете,
Тому сердца не дари

...
Расставанье на примете.

Не доверься хитрой пьяни —
Украдет твои он мысли.

Не доверься умной пьяни —
Он похитит твою тайну.

Брось лжецов, ханжей неверных:
Льстить тебе начнут притворно —
Ждут они похвал безмерных.

Столь толстый том аристократов,
Но среди них нет Меценатов.

Желаешь перлов?
Ныряй на дно морское!

Где б мы жемчуг добывали,
Если б небо слез не лило.

Вот багдадский териак,
А больной давно скончался

Коль дерево бесплодно,
В него не бросят камня.

Пылает сухостой —
Не устоит лес молодой.

С привычкою не совладать,
И легче рай нам потерять.

ГИБЕЛЬ ДИНАСТИИ ЗУНД

Ули-хан — он на балконе
Слушает гонцов доносы,
Что уже к Мазендерану
Близко вражеское войско.
5 Весть за вестью прибывает.

Ули-хан с войной покончить
Отправляется в Керман.
Ибрагим, забыл ты вправду —
Называл тебя отцом я?
10 Весть за вестью прибывает.

Ули-хан достопочтенный
Чад своих, жену оставил,
Он их в Тутус посылает

Предрекает бурю
Осторожность
Бури не было

Засуха
Звездочеты осмеяны
Нашествие Тимура

- Тогда все смеются, от смеха краснея,
И очень довольны враги звездочей,
Которых немало при всяком дворе,
Хохочут и [   ]
- ⁵ И гнев на него обратил государь.
Несчастный, куда он в тоске ни спешит,
Повсюду ославлен, осмеян, избит.
Уж ярость грозитя камнями [   ]
Один благородный, цenia дарованье,
- ¹⁰ И в этот миг тяжкий приложит старанье
Любимца спасти от неистовых толп,
Надежно укроет его, но с Востока
Гонец за гонцом поспешают [   ]
-

- Лежит яйцо, — нет, это не яйцо!
Где верх, где низ, одно уродство,
Нет формы, это просто куча.
Кучу, отрок, ударь! Бей ее, отрок!
- ⁵ И мальчик бьет, а куча пухнет,
Бьет и другой, — все пухнет, тужась,
Пугает куча героев-беков.
Шах Дудан — он прочь [   ]
Он с коня нетерпеливо, бьет,
- ¹⁰ Шпорой в точку попадая,
Вдруг куча лопнула — дитя растет,
Его тела члены мощны [   ]
-

Лежит яйцо, — нет, это не яйцо, нет!
Где верх, где низ, одно уродство,

Нет формы, — то мешок волшебный,
И в нем движенье, жизнь таится,
5 Так бейте ж, отроки, разбейте!
Бьет отрок — куча, тужась, пухнет,
Тогда другой — все разбухает.
Никто к ней подойти не смеет.
Али-Кашан с коня на землю
10 И смело шпорой прямо в кучу:
Хлопок — дитя на свет выходит,
Растет [   ]

ХАТЕМ И ЗУЛЕЙКА

Хут-хут рек: Единым взором
Мне доверила она,
Что блаженством, а не спором
Вся ее душа полна.
5 Так любите ж! В ночь разлуки
Явит всякая звезда,
Что любовь, отринув муки,
Будет нам светить всегда.

Он пишет нески,
И все понятно,
Он пишет талик,
Все так приятно,
Что так, что этак —
Слова любви.

Скажи мне, под какой звездой
Лежит день,
Где сердце, гонимое судьбою злою,

Найдет себе сень?
5 Куда тропюю неземною
Не лететь день?
На перине мягкой с одной тобою
Покоюсь ночь-день?

О, дитя! Какая сладость
Любоваться милой в счастье!
Нити жемчуга — нам в радость,
4 Фитили любовной страсти.

Ты ж идешь, и горьким знаком
Ты украсилась нежданно,
Он же чародеям лаком,
8 Мне противен несказанно.

Как — в Шираз везти смиренно
Все, что выдумает мода?
Мне ль коленопреклоненно
12 Жалкого воспеть урода?

В Авраамов род несметный
Он вошел побегом чинным;
Моисей — во тьме приметный —
16 Богом был велик *Единым*.

Царь Давид, прельщен пороком,
В преступленьях погрязая,
Оправдался пред пророком,
20 Богу правды угождая.

Иисус, столь чист душою,
О *Едином* только мыслил;

С волей не знаком святою,
24 Кто его к богам причислил.

Так ошибочны едва ли
Магометовы уставы —
Мир они завоевали,
28 Пред *Единым* вечно правы.

Если ж ты желаешь чести
Идолу на амулете,
Я скажу, чуждаясь лести:
32 Не одна ты в целом свете.

Нет, одна! Коль многоженство
Погубило Соломона
И на идолопоклонство
36 Обрекло во время оно,

Так Анубис со Изидой
Были страшны властелину!
Нам не будет ли обидой
40 Чтить убогую личину?

Лучшим ли других казаться?
Ведь у всех одна дорога:
Соломону — отречься,
44 Мне — предать родного бога.

Пусть же совесть ренегата
Мир обрящет в поцелуе;
Вицлипуцли-супостата
48 Что носить на сердце всеу?

Дай мне слезы лить — в округе ночи
Среди бескрайней пустыни!

Отдыхают верблюды, погонщиков не слышно.
Не спит в тишине армянин, счет ведет
доходам.

⁵ Я тоже не сплю, мили считаю,
Что меня разделяют с Зулейкой, следую в
мыслях

Досадным изгибам дороги, удлиняющим
путь.

Дай мне слезы лить! Не постыдно то.
Лишь добрый мужчина умеет плакать.

¹⁰ И Ахилл плакал о Бризеиде!
Ксеркс оплакивал непобежденное войско,
Александр рыдал над любимцем,
Им же убитым.

Дай слезы лить — слезы прах оживляют.

¹⁵ Точатся.

Так почему же
Мой сотник милый
Так редко шлет мне
Своих посланцев?
Коней в достатке,
⁶ Писать умеет.

Он талик знает
И даже нески,
Красивый почерк
Его изящный
На шелке тонком
¹² Меня б утешил.

Не исцеленья
От муки сладкой,
От пытки нежной

Она желает...
Лишь весть от друга
18 Ее излечит.

- Строк симметричных
Мне не писать на гладком шелке;
Не обрамлять их
Каймой золотой.
- 5 Заносит их ветер, зыбучего праха союзник,
Но неизбывна сила,
В почву проникшая
До сердцевины земли.
Путник влюбленный
- 10 Придет сюда,
Жарким ознобом вдруг
Будет охвачен он.
«Здесь до меня любил такой же, как я,
влюбленный.
Был то Меджнун, кроткий духом?»
- 15 Ферхад-богатырь? Или верный Джемиль?
Иль, может, один из тысяч
Тех счастливых-несчастливых... один из
тысяч?
- Он любил! Я тоже, как он, люблю,
Его близ себя ощущаю!»
- 20 А ты, Зулейка,
На мягком ложе,
Что я тебе приготовил и для тебя украсил,
Охвачена жарким ознобом, будящим тело.
«Это он зовет меня, он, Хатем!
- 25 Я слышу тебя, о Хатем! Хатем!»
-

— Скажи же, как носить тюрбан мне верно?
— Но в каждом званье свой особый лад...

— Мне любо к темени руки твоей
Касание, любить — мое призванье
И быть раба верней.

Мне — рубины Бадахшана:
Вино и алые уста!

Каким напитком
Сражен был македонский царь?
Клянусь, вина не знали встарь,
Каким пою тебя с избытком.

Как вам знать, кого люблю
И что за вино хвалю?

. . . . .
Вот вино из Исфагана
. . . . .
. . . . .

Но с вином вам плохи шутки —
И врачом разрешено ли? —
Много ль надо? Резь в желудке,
8 В головах начнутся боли.

[пробел — два четверостишия]

Промышляют перекупом
Авраамовы потомки,

Платят мало, платят скупю
12 И старья полны котомки.

Везде, где есть мне доброхот, —
Бутыль с четырехлетним.
Рейн, Некар, Майн, — от всех почет
Вином четырехлетним.
5 Угнаться ль в почестях мужам
За ним, четырехлетним?
Великий не сравнится сам
С моим четырехлетним.
И за успех их славных дней
10 Я пью четырехлетним,
Шепчу тихонько имена,
Сам-друг с четырехлетним:
Об этом знает лишь она
Да я с четырехлетним.
15 Мои напевы чтят они
Равно с четырехлетним,
Венком венчать спешат они
Меня с четырехлетним.
О, поделиться я вином
20 Готов четырехлетним.
Спешу поэтому в Эдем,
Где — ах! — четырехлетним
Не угощают — чем ни чем,
Но не четырехлетним.
25 Спеши, Хафиз! Вот для тебя
Бокал с четырехлетним!

Стоит умникам собраться,
Куда тут мудрости деваться:

Царица Савы, Соломон —
4 И мудрый смысл произведен.

Царю, средь прочего богатства,
Златая ваза — не придраться —
Преподнесена в подарок:
Средь узоров, среди арок
Рыбы, птицы. . . — в самый раз
10 И два столпа — Иахин, Воаз!

Глупый раб, ворон считает,
Вмятину ей причиняет;
Поправимо, но вестимо,
Что на глаз ученый зримо —
15 Как тут сидеть невозмутимо?

Соломон рек: «То ли странно —
Бестолочь наносит рану
Высшему столь невозбранно?
Нет, не терпят духи ада
20 Совершеннейшего лада»

Есть условие, и строго
Есть блюсти его причина —
Не болтать о том, как много
4 Ран на теле господина.

А что их избил, измучил
Мерзопакостный подонок,
Говорят: Нет, не случилось.
8 Нрав их деликатен, тонок.

Есть условие, и строго
Есть блюсти его причина —

Не болтать о том, как много
12 Ран на теле господина.

А что им тычков досталось,
Зад их истерзал подонок,
Говорят: Нет, не случилось.
16 Сколь же нрав их нежен, тонок.

Голова в сиянье светлом [?]

. . . . .
Потому в раю небесном
20 Мало быть весьма гуманным.

Попадая на пирушку
В занебесные пределы,
Мы хватаемся за кружку,
Здесь мы дома, здесь мы смелы.

[пробел — два четверостишия]

Иисус учить возьмется
Преблаженные общины;
Коль апостолам неймется,
4 Так молчать им нет причины.

Что богини с фаса, сзади,
Бродят райской муравою
Те, что к ночи будут б . . . ,
8 Девы — с утренней порою.

Матерь божья обретется,
Уж родившая нам чадо,

Сатана хоть и смеется,
12 В $x+y$ все, как надо.

И небесная царица
Уж родившая нам чадо,
16 В девах преблагословенна.

Неземное благовеств(ование) Иисуса
Записанное еванг(елие)
Божественная идея
Воплощена в девах
Любовь земная
Влечет ввысь
Туда
Но оба вместе

Что ж не высказать мне в притче
Что на ум взбредет,
Если символ целой жизни
В мухе бог дает?

Что ж не высказать мне в притче
Что на ум взбредет,
Если бог в глазах любимой
Символ свой дает?

Где ты, мускус? Где ты был,
Дух твой пряный не простыл.

—
Ты прекрасен, словно мускус;
Где ты был, тебя там слышно.

—
Чтоб блеск дома умножался,
За столетия нажит,
Чтобы чести сын держался,
Славой, как отец, покрыт

—
Узами такими тот гордится,
Кто себя свободным может мнить,
Тот, кому игра — в абсурдном жить,
Вот тому абсурдное сгодится.

—
Чудотворить не могу, сказал пророк.
Я сам — величайшее чудо.

—
Черная тень над прахом дорог — спутник
любимой.
Я обратился в прах, но тень прошла надо
мною.

—
Что ни слово — обещанье,
Что ни взгляд — само блаженство.

—
Такова и судьба Хафиза,
Одаренного средь прочих.

ВИДЕНИЕ

Вот изящный домик мой, —
Тесно, но здорово, —
Мне и летом и зимой
4 Гнездышко готово.

Шторки, ручки, — только знай
Нажимай — не буду;
С милой в нем — так просто рай,
8 Одному — не худо, —

Ибо, чудо! вдруг леса
Все придут в движенье,
И все ближе полоса —
12 Дальнее селенье.

Скачут резво под окном
Горы и горушки,
Но притих веселый гном,
16 Навостривши ушки.

Так все мчится в тишине
И мелькает рядом —
Обращается ко мне
20 Передом и задом.

Присмотрись, так этот вид
Неопровержимо
Говорит мне: все стоит,
24 Сам ты — едешь мимо.

Когда ты в зеркало глядишь,
Глаза твои целую,
Приму судьбину злую,
Коль ты меня бежишь.
5 Ведь я живу в твоих глазах,
И я навеки бы зачах,
Когда б в очах не отражался
И, видя, вновь не возрождался.

—
Куда как страшная беда:
В раю — один! В раю — одна!

— Мне нынче счастья не видать...
— В седло, да чтобы не зевать!

—
Где польза деду, внуку прок,
О том мечтаньям нет предела,
И, задавая свой урок,
Забыл учитель суть лишь дела.

—
Не стой на месте, сам себе стань сном,
Благодари во странствии земном
Все — жарко ль, сухо или сыро, —
Не стар наш мир, сам не ветшай для мира.

—
Друзья

От стонов мы устали, —
А после дней печали
Придут счастливые года!

Иов

К чему насмешливые нотки!
Карась на сковородке, —
Что́ ему чистая вода?

—
Каков ты сам, таков твой бог:
Вот оттого-то бог и плох.

—
Тебе не нравится у нас?
Так отправляйся в свой Шираз!

Вино блеск придает нашим умам,
А без огня не слышен фимиам.

Чтобы курился фимиам,
Горячим надо быть углям.

Так близко к сердцу бог прямое принял,
Что на прямом пути еще никто не сгинул.

Огню ты поклоняйся хоть весь век:
Свались в огонь — пропал ты, человек!

Вот Саади — обók меня;
За сто шестнадцать лет
Он больше вытерпел, чем я.
Но с ним у нас один обет.

Вот деньги нá стол —
И соблазняю,
В стране Рассвета,
В стране Захода...
Вот деньги нá стол —
Их потеряю!?
О несусветно
Злые расходы.

Вдруг с Александром распрощался
Калан, шагнул в костер... Проблему
Всем задал! «Что, явить собрался
4 Нам новую философему?»

— Нет, доказать вам теорему:
Перед царем, перед полками

И перед звонкими клинками
8 Пристало мудрецу быть нему.

Весь мир объездив, не стеснен,
Я видел множество племен
И дальних уголков не упустил,
И каждый колос зерна мне дарил.
Прекраснейшая из столиц:
Нет лучше гурий, нет красивей лиц!

Хут-хут на пальмовой тросточке
В уголочке
Гнездышко свил, как прелестно!
И проворен он уместно.

ХУТ-ХУТ ОБЪЯСНЯЕТ ЗАГАДОЧНОЕ МЕСТО

Художник дерзок, — образ бога
Он написал, он изваял,
Но чтоб пред милым милой встал
Похожий лик — крута дорога!
5 Да будет смел! Мечта стремится,
И тень в подобье воплотится.

ХУТ-ХУТ, ПОСЛАННЫЙ С ПРИЗЫВОМ

Сладок был для тебя мой тон,
Так пусть он вдаль к тебе стремится.
Пою, пока не свалит сон,
И все довольны: что за птица!
А если в день иной листок

С моим стихом к вам занесется —
Так ли уж Багдад далек? —
Прислушайтесь! И снова песнь польется.

ХУТ-ХУТ ВЫПРАШИВАЕТ СЕБЕ ПОДАРОК
НА НОВЫЙ ГОД, ИЗЪЯСНЯЯСЬ ЗАГАДОЧНО

Предмет для всех необходимый,
Не для мужчин, для женщин добродей
И в их делах слуга незаменимый,
Колоч и редок, скор не без затей
^б И строг; на многое не притязаем:
Снаружи — гладко, так в душе страдаем,
Все же аккуратность нас прельщает
И самый инструмент благословляет.

Дар прекрасный и бесценный,
И разгадано томленье,
Но дано ль благословенье,
⁴ Долго не узнать в глуши.
Но нельзя ль беду поправить —
То, что не похитил тать,
Добровольно нам отдать?
⁸ Хут-хут, в путь, да поспеши.

Мне — молчать. Хотя все знают:
Радость дарит откровенность!
Мои песни отвечают,
Сердце отвечает, верность.

II

ИЗ ВОСТОЧНЫХ БУМАГ ГЕТЕ

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ. ПОЭЗИЯ И ПРАВДА

1

Стараясь усвоить себе жидовско-немецкий жаргон¹ и научиться писать на нем не хуже, чем читал, я скоро обнаружил, что мне недостает знания еврейского языка, из которого единственно можно выводить современный извращенный, карикатурный диалект и тогда пользоваться им сколько-нибудь уверенно. Поэтому я открыл отцу необходимость изучения еврейского языка, усердно домогаясь его соизволения, — ведь у меня была и иная, высшая цель. Я слышал, что для понимания Ветхого Завета, как и Нового, необходимо знание языков оригинала. Новый Завет я читал без всякого труда, потому что по воскресеньям после службы, — чтобы и в этот день упражнялась голова, — декламировались, переводились и до какой-то степени толковались так называемые Евангелия и Послания. Так предполагал я приступить к делу и с Ветхим Заветом, который по своим особенностям с давних пор очень нравился мне.

Отец мой ничего не любил делать наполовину, а потому решил обратиться к ректору нашей гимназии д-ру Альбрехту² с просьбой давать мне ежедневные частные уроки, пока я

не постигну начал столь простого языка, — отец надеялся, что если язык у меня пойдет и не так быстро, как английский, то все же с ним можно будет покончить за время вдвое большее.

Ректор Альбрехт был одним из самых больших оригиналов на свете — маленький, не толстый, а бесформенно-широкий, хотя и не уродливый, короче говоря, Эзоп в сутане проповедника и с париком на голове. Лицо человека постарше семидесяти скривилось в саркастической усмешке, причем глаза, всегда открытые широко, были красны, однако светились умом. Он жил в старинном монастыре миноритов, где располагалась гимназия <...>

<...>

Начав брать у него уроки, я увидел, что этот чудак — человек добрый и кроткий. Каждый вечер в шесть часов я отправлялся к нему и чувствовал тайное блаженство в душе всякий раз, когда дверь закрывалась за мной со звоном и мне предстояло пройти к нему сумрачным монастырским коридором. Мы усаживались в его библиотеке за столом, обитым провощенной тканью; весьма зачитанный Лукиан никогда не покидал своего места на нем.

Все же, несмотря на такую благожелательность, я достиг своей цели не без сопротивления: мой учитель не в силах был подавить в себе насмешливые замечания вроде того, что зачем это дался мне еврейский язык и какой мне в нем прок. Я умалчивал о своих намерениях касательно идиша, а говорил лишь о лучшем уразумении подлинника. В ответ он усме-

хался, говоря, что мне надо быть довольным, если я научусь хотя бы читать по слогам. Это меня раззадорило, и, когда дело дошло до изучения букв, я сосредоточил на них все свое внимание. Передо мною был алфавит, во многом сопоставимый с греческим, — начертания букв были ясны, их наименования по большей части мне знакомы. Все это я очень скоро постиг и запомнил, полагая, что теперь-то мы перейдем к чтению. Что читают справа налево, я хорошо знал. Но тут совершенно неожиданно выступило новое воинство, состоявшее из буквочек и значочков³, точек и всевозможных черточек, представлявших собою, собственно говоря, гласные, что тем более удивило меня, что ведь в том первом, более крупном алфавите, очевидно, тоже имелись гласные, а недостающие только прятались под незнакомыми наименованиями. Учитель поведал мне, что иудейская нация, пока она цвела, действительно довольствовалась теми первыми знаками и не ведала иного способа писать и читать. Я-то с большим удовольствием пошел бы по тому древнему и, как мне казалось, более удобному пути, но старик мой твердо заявил, что должно следовать грамматике, какой уж была она написана и сочинена. Читать без точек и черточек — задача очень трудная, под силу лишь ученым да напрактиковавшимся в чтении людям. Итак, пришлось смириться и выучить все эти пометы, однако самая суть дела от этого только спутывалась. Выяснилось, что некоторые из крупных значков, стоя на своих местах, вовсе ничего не означают — все ради того, чтобы не пропадала зря мелкая

их поросль. Потом же они стали означать то еле слышное придыхание, то довольно-таки резкий гортанный звук, то служить в качестве простой подпорки и контрфорса. Наконец же, когда, казалось бы, решительно все уже было запечатлено в памяти, некоторые из крупных и мелких персонажей были совершенно отставлены от дел — итак, глаза неустанно трудились, а губы шевелились вяло.

Обязанный все еще и прежде известное мне по содержанию произносить теперь на чужом тарабарском наречии, — весьма рекомендовались мне в качестве недосягаемого образца известные носовые и гортанные звуки, — я все больше отходил от самого дела и ребячески забавлялся странными наименованиями собиравшихся кучками значков. Тут были императоры, короли и герцоги, — доминируя над всем в качестве акцентов, они немало меня развлекали. Но и эти пустые забавы утратили вскоре всю свою привлекательность для меня. Однако я был вознагражден тем, что содержание книги рисовалось мне все более живо при чтении, переводе, повторении и выучивании наизусть, а ведь именно разъяснения содержания я и ждал от своего старика-учителя. Потому что еще раньше мне бросались в глаза противоречия между преданием и всем реальным и возможным, и я сильно допекал своих домашних учителей Солнцем, стоявшим над Гаваоном, и Луной, стоявшей над долиной Аиалонской⁴, не говоря уж обо всем прочем невероятном и несообразном. Все это теперь возобновилось, поскольку, желая овладеть еврейским, я занимался исклю-

чительно Ветхим Заветом, штудировав его уже не в немецком переводе Лютера, но в припечатанном к подлиннику буквальном переводе Себастьяна Шмида⁵, который был немедленно приобретен для меня отцом. Тут, к сожалению, уроки наши, что касается упражнений в языке, начали испытывать известные перебои. Чтение, объяснение, грамматика, записывание и произнесение вокабул — все это редко длилось теперь более получаса, потому что я сразу же начинал требовать смысла по существу и — хотя мы не дочитали до конца и первой книги Моисеевой — заговаривал о многом из того, что помнил из последующих книг. Поначалу добрый старик пытался пресекать подобные отступления, но наконец все это стало забавлять и его самого. Он, на свой манер, не переставал кашлять и смеяться, и, хотя он очень остерегался дать мне компрометирующий его самого ответ, настойчивость моя не ослабевала, а поскольку мне не так важно было получить разрешение загадки, как изложить свои сомнения, то я становился все более дерзким и задиристым, к чему, казалось, давало повод его собственное поведение. Впрочем, мне не удалось ничего от него добиться, кроме того что он, смеясь и сотрясаясь всем телом, то и дело восклицал: «Что за нелепый мальчишка! Что за нелепый мальчишка!»

Между тем ребяческая живость, с которой я крейсировал по Библии вдоль и поперек, все же представлялась ему весьма серьезной, заслуживавшей в его глазах известной поддержки. Поэтому спустя некоторое время он стал отсы-

лать меня к большому английскому комментарию на Библию⁶, что находился в его библиотеке, — там сложные и сомнительные места толковались и умно, и общедоступно. Перевод благодаря усилиям немецких богословов приобрел еще преимущества в сравнении с оригиналом. Тут приводились различные мнения и содержалась попытка достичь известного компромисса между достоинством книги, основанием религии и здравым смыслом — чтобы все это могло существовать как бы рядом. Как только я к концу урока выползал с своими сомнениями и вопросами, он кивал мне на книжный шкаф, — я доставал том, он показывал мне, где читать, сам же тем временем листал своего Луккиана и если я высказывал вслух свои соображения о прочитанном, то отвечал мне привычным смехом, и это было все, чего удостаивалась моя проницательность. В длинные летние дни он, пока я читал, иной раз оставлял меня одного; прошло еще немало времени, пока он не разрешил мне забирать том за томом домой.

Вот человек: как ты ни изворачивайся, чего ни предпринимай, все равно вернешься на путь, какой изначально предписала тебе природа. Так было и со мной в этом случае. Я стремился усвоить язык, содержание священных книг, а кончилось все тем, что в моем воображении возникло более ясное и наглядное представление прекрасной, достохвальной земли, окружения и соседей ее, равно как народов и событий, какие возвеличивали эту полосу земли на протяжении столетий.

Это небольшое пространство — ему суждено

было видеть исток и рост человеческого рода; оттуда дошли до нас первые — единственные вести об изначальной истории, и эта местность лежала перед нами и совсем простой, обозримой, и многообразной, подходящей для самых удивительных странствий и поселений. Здесь, между четырьмя известными по названиям реками, было из всей предназначенной к расселению людей земли выделено для юного человека совсем небольшое и очень приятное пространство. Здесь должны были развиваться первые его способности, и здесь же постиг его общий удел всего его потомства — утратить покой в стремлении к познанию. Рай был утерян, люди множились и портились; у элохимов, не привыкших к бесчинствам человеческого рода, лопнуло терпение и они стерли с лица земли весь этот род. Лишь немногие спаслись от всеобщего затопления, и едва волны потопа схлынули, как перед глазами благодарных спасенных вновь простиралась знакомая им родная земля. Две реки из четырех, Евфрат и Тигр, продолжали течь по своему руслу. Имя первого сохранилось, второму, наверное, дало имя направление его течения. Более ясных следов Рая не станешь искать после столь великой катастрофы. Обновленный человеческий род вторично изошел из этого места; он кормился всеми возможными средствами, занимал себя разными делами, обычно, собирая большие стада прирученных животных, кочевал с ними повсюду.

Такой образ жизни, да и умножение племен вскоре вынудило народы удаляться друг от

друга. Они не вдруг решились расстаться с своими родственниками и друзьями; сперва им пришла в голову мысль построить высокую башню, которая издали указывала бы им путь назад. Однако попытка построить ее была безуспешной, как и первое желание. Им не суждено было быть в одно и то же время счастливыми и расчетливыми, многочисленными и единичными. Элохимы смешали языки⁷, строительство остановилось, люди рассеялись; мир был населен — единства не было.

А наш взор, наша участливость все не покидают этих местностей. Наконец вновь исходит из этих самых мест родоначальник племени, сумевший придать определенный характер своим потомкам, объединив их на веки вечные в одну единую большую нацию, которая держится вместе при всех переменах счастья и местопребывания.

С берегов Евфрата Авраам, не без божественного указания, отправляется на запад. Пустыня не служит серьезным препятствием для продвижения вперед; он доходит до Иордана, переправляется через реку и населяет прекрасные южные области Палестины. Этой землей народы владели еще раньше, и она была довольно населена. Долины, обводненные и благоприятные для земледелия, пролегали между гор, не слишком высоких, но голых и бесплодных. В равнинах, по склонам большой долины, воды которой собираются в Иордан, были рассеяны города, деревни, отдельные поселения. Итак, земля эта была населена и обработана, но люди еще не были до такой степени дея-

тельные, тщательны и не испытывали еще таких больших потребностей, чтобы овладеть всем своим окружением. Между их владениями простирались значительные территории, на которых могли кочевать племена с их стадами. В таких местах и пребывает Авраам, и брат его Лот с ним; но они не могут остаться тут надолго. Сама эта местность такова, что население ее то прибывает, то убывает, и произведенное землей никогда не находится в равновесии с потребностью, — неожиданно начинается голод, прибывший издалека терпит вместе с коренным жителем, у которого отнимает пропитание своим случайным присутствием. Оба брата халдея пускаются в путь в Египет, и этим предначертана сцена, на которой в течение нескольких тысяч лет суждено было происходить самым значительным событиям мира. От Тигра до Евфрата и от Евфрата до Нила, мы видим, земля населена, и на этом пространстве кочует с стадами и всем своим добром, в наикратчайшее время множа их, известный нам, любимый богами и уже ставший дорогим нам человек. Братья возвращаются назад; однако, претерпев нужду, они многому научились и принимают решение отделиться. Правда, оба остаются в южном Ханаане, но только Авраам в Хевроне близ дубравы Мамре, а Лот переселяется в долину Сиддим, которая — если только наше воображение достаточно смело, чтобы предположить подземное устье Иордана и сухую почву на месте нынешнего асфальтового озера, — и может, и должна предстать перед нами вторым Раем, тем более что обитатели здешних

мест и их соседи, пользующиеся славой распутных и дурных людей, позволяют нам заключить, что они живут в свое удовольствие. Лот живет среди них, только отдельно.

Хеврон же и дубрава Мамре предстают перед нами важнейшими местами — тут господь беседует с Авраамом, обещая ему всю землю, насколько простирается на четыре стороны света его взгляд. Из этих тихих округов, от этих пастушеских народов, которые могут общаться с небожителями, принимать их, угощать у себя и вести с ними разговоры, мы вынуждены вновь обратить теперь свои взоры на восток и подумать о том, как устроен этот соседний мир, в целом, вероятно, подобный Ханаану и его устройству.

Разные семейства держатся вместе; они соединяются, и образ жизни целых племен определяется местностью, какую они присваивают или уже присвоили себе. На горах, что посылают свои воды в Тигр, мы застаем воинственные племена, — они с ранней поры уже намекают нам на будущих завоевателей и властителей мира, их военные походы, колоссальные для тех времен предприятия, служат прелюдией будущих великих подвигов. Кедорлаомер, царь Еламский, уже оказывает мощное воздействие на своих союзников. Он царит над ними долго — еще за двенадцать лет до прибытия Авраама в Ханаан все народы до самого Иордана платят ему дань. Наконец, они отпали, и союзники вооружаются, чтобы начать войну. Неожиданно они оказываются на том самом пути, по которому и Авраам прибудет в Ханаан. Они

покоряют народы по левую и нижнюю сторону Иордана. Кедорлаомер направляет свое войско на юг, к жителям пустыни, потом, повернув на север, побивает амаликитян, а победив аморреев, достигает Ханаана, нападает на царей в долине Сиддим, разбивает и рассеивает их и с большой добычей движется вверх по течению Иордана, чтобы продолжить свое победное шествие до самого Ливана.

Среди плененных, ограбленных им, похищенных вместе со всем их добром находится и Лот, разделивший судьбу земли, в которой был пришлецом. Авраам слышит о том, и тут мы сразу видим патриарха в роли воителя и героя. Он созывает своих слуг, делит их на отряды, нападает на тяжелогруженный обоз, приводит в замешательство победителей, которые не подозревают о том, чтобы за спиной у них был еще враг, и освобождает брата, вместе с его добром и имуществом многих из покоренных царей. Благодаря этому короткому военному походу Авраам как бы овладевает всей землей. Для ее обитателей он — хранитель, спаситель, благодаря своему бескорыстию — царь. Цари долины встречают его благодарностью, Мелхиседек, царь и жрец, благословляет его.

Теперь возобновляются прорицания бесчисленного потомства, более того — они становятся все безмернее. От вод Евфрата и до реки Египта все земли обещаны ему; но Авраам видит, что с его прямым наследником дело все еще обстоит неважно. Ему восемьдесят лет, а сына у него все нет. Сарра не так полагается на богов, как он, и терлет терпение; по восточному обы-

чаю она намерена иметь наследника от служанки. Но едва хозяин дома вошел к Агари, едва появилась надежда на сына, как в доме начинаются свары. Хозяйка весьма дурно обходится со своей подопечной, и Агарь бежит из дому в надежде найти лучшую участь у других кочевых орд. Не без высшего повеления она возвращается и рождает Исмаила.

Аврааму же теперь 99 лет, а обетования многочисленного потомства все повторяются, так что теперь оба супруга находят их смехотворными. Все же в конце концов Сарра забеременела и приносит сына, который получает имя Исаак.

На законном продолжении рода основывается, по большей части, эта история. Следя самые значительные события, какие только происходили в мире, всякий вынужден проникать в сокровенные тайны семейств; так и браки, какие заключались патриархами, дают нам повод к особым размышлениям. Складывается впечатление, будто божества, которым было угодно направлять судьбы людей, вознамерились явить, в качестве некоего прообраза, все события, какие только могут случаться в супружеской жизни. Авраам долгие годы жил с красавицей, к которой сватались многие, и брак их был бездетен, на сотом же году жизни он видит себя мужем двух женщин, отцом двух сыновей, но в это самое мгновение мир покинул его дом. Две женщины, да еще два сына двух матерей с их соперничеством, — конечно же, тут немислимо спокойное сожитительство. Вынуждена отступить та сторона, которой закон, обычай

и мнение людей менее благоприятствуют. Авраам должен пожертвовать склонностью своею к Агари, к Исмаилу, — обоих отпускают, и теперь Агарь против собственной воли вынуждена ступить на путь, каким в свое время бежала добровольно, и путь этот, как кажется поначалу, неминуемо приведет и сына и ее самое к гибели; однако ангел господень, который раньше встал на ее пути, теперь спасает ее, с тем чтобы Исмаил тоже стал великим народом и исполнилось, даже сверх всякой меры, самое невероятное из всех обетований.

Родители в годах и их единственный сын-последыш — вот бы и наступить покою и земному счастью! Не тут-то было. Небесные силы готовят патриарху самое тяжкое испытание. Но о нем мы не можем начать разговор, не порассуждав прежде того о других предметах.

Чтобы возникала естественная, всеобщая религия, а из нее развивалась особенная, откровенная⁸, не было более подходящих мест, нежели те самые страны, — с их образом жизни, с их человеческой породой, — в каких пребывает теперь наше воображение; по крайней мере, мы в целом свете не замечаем, чтобы где-либо выдвинулось нечто столь же благоприятное и светло-бодрое. Ведь уже и для естественной религии, если считать, что она возникла в человеческой душе раньше, необходима особенная тонкость умонастроения, потому что она опирается на убеждение, что все мироздание направляется одним всеобщим Провидением. Особенная же, откровенная тому или иному народу религия влечет за собой веру в особое Прови-

дение, каковое допускается божественным существом для отдельных людей, отдельных семейств, племен и народов, каким оно особенно благоприятствует. Такая религия, как представляется, с большой натугой развивается в душе человека. Ей потребны предание, преемственность, свидетельства изначальных времен.

Поэтому весьма прекрасно то, что предание израильтян выставляет героями веры самых же первых мужей, доверившихся особому Провидению, — они как слепо следуют всем заповедям высшего существа, зависимость от которого сознают, так и без тени сомнения дожидаются позднего исполнения его обетований.

Особенная, откровенная религия полагает своим основанием понятие о том, что боги такому-то человеку могут благоприятствовать более, нежели иному, и точно так же она проистекает из обособления различных жизненных состояний. Первые люди казались друг другу близкими родственниками, однако занятия скоро разделили их. Охотник был самым вольным из всех, от него пошли воин и вождь. А тот, кто обрабатывал землю и весь предался земле, возводил жилища и амбары, чтобы хранить добытое, мог уже представляться себе чем-то особенным — потому что его состояние обещало прочность и долговечность. Пастуху же в свою очередь достались в удел житие без меры и владение без края. Стада умножались до бесконечности, а просторы, на каких должны были они кормиться, ширились во все стороны света. Вот эти три звания, кажется, с самого начала глядели друг на друга с неудовольствием и пре-

зрением, и если пастух был мерзок в глазах горожанина, то он и поспешил обособиться от него. Охотники теряются с нашего горизонта, уходя в горы, и появляются вновь лишь в качестве захватчиков.

Патриархи принадлежали к пастушескому словию. Жизнь их на волнуемом море пустынь и пастбищ придала широту и вольность их умам, небесный свод, под каким они жили, звезды ночные — возвышенность их чувствам, и не так, как деятельный и ловкий охотник, не так, как уверенный в себе и неутомимый в тщании земледелец-домосед, но больше, нежели те, нуждались они в непоколебимой вере в бога, который шел бы рядом с ними, и посещал их, и ко всему проявлял свое участие, который бы вел их и спасал их.

И еще об одном обязаны мы рассудить, прежде чем перейти к исторической последовательности событий. Сколь бы человечной, и прекрасной, и светлой ни была религия патриархов, все же черты необузданности и жестокости прорезывают ее, черты, от которых человек может отступаться — а может и вновь погрязать в них.

Ненависть усмиряется кровью или смертью побежденного, — это естественно; что заключали мир на поле битвы, стоя между рядами павших, — это можно себе представить; что надеялись укрепить союз, принося в жертву животных, — это вытекает из сказанного; и что можно, принося в жертву животных, вызывать и умиротворять и привлекать на свою сторону богов, — их ведь всегда рассматривали как за-

интересованную сторону, либо как своих противников, либо как своих союзников, — такому представлению тоже нечего удивляться. Но если остановиться на их жертвоприношениях, на том именно, как они приносились в те изначальные времена, то мы обнаружим странный и противный нам обычай, — вот он: приносимых в жертву животных всякого вида, и сколь бы много их ни посвящалось богу, должно было рассекать пополам⁹ и класть одну часть против другой, а посредине, в проходе между ними, находились те, кто собирался заключить союз с божеством.

И еще одна удивительная и многозначительная черта проходит через весь тот прекрасный мир: всему, что посвящено, что назначено по обету богу, должно было умереть, — по всей вероятности, тут обычай войны перенесен в мирные времена. Если жители города сопротивляются, им грозят таким обетом, — город берут приступом или еще как, и тогда никого в городе не оставляют в живых, мужчин не щадят в любом случае, а нередко и женщины, дети, даже домашние животные разделяют их участь. То ли поспешно, то ли суеверно обещают богам подобные жертвы, и получается, что и те, кого хотелось бы уберечь, даже близкие родственники, собственные дети, попадают в такое положение, когда должны пролить свою кровь как искупительные жертвы безумия.

Истоком столь варварского богопочитания не мог послужить кроткий и подлинно праотеческий характер Авраама, но только боги, которые склонны, дабы испытать нас, выпячивать

те самые свойства, какие любит приписывать им человек, — боги повелевают ему свершить чудовищное. Он должен принести в жертву сына, чтобы тот послужил залогом союза, и, коль скоро все совершается по обычаю, должен не просто зарезать его и сжечь, но рассечь пополам и между дымящимися его внутренностями ждать от милостивых богов нового обетования. Без колебаний, слепо, готовится Авраам исполнить повеление — богам же достаточно доброй воли. Испытания Авраама подошли к концу — потому можно ли было еще усиливать их. Но Сарра умирает, и это дает ему повод образцово завладеть землей Ханаанской. Аврааму потребно место для захоронения, и тут он впервые в жизни осматривается в поисках собственности на этой земле. Двойную пещеру¹⁰ против дубравы Мамре он, верно, приискал себе еще прежде. Ее он и покупает с прилегающим к ней полем, а правовая форма, какую он наблюдает при этом, показывает, сколь важно для него это владение. Важно оно и было, — должно быть, важнее, чем сам он мог себе помыслить, потому что и ему, и его сыновьям, и его внукам суждено было покоиться в этой земле, на этом основывались притязания их на всю эту землю, равно как постоянная склонность его потомков собираться вместе именно здесь.

Начиная с этого времени, происходят самые разнообразные семейные сцены. Авраам по-прежнему держится обособленно, не смешиваясь с обывателями местности, и если Исмаил, сын египтянки, берет в жены дочь той земли,

то Исаак тоже должен сочетаться браком с близкой себе по крови и равной себе родом.

Авраам отправляет слугу своего в Месопотамию к оставшимся там родственникам. Умный раб Элеазар прибывает туда неузнанным и, чтобы выбрать невесту по нраву, смотрит у источника, сколь расторопны девицы. Он просит дать ему испить воды, и Ревекка черпает воду и для верблюдов, о чем он не просил. Он одаряет ее, сватается к ней, и ему не отказывают. И он вводит ее в дом своего господина, и ее выдают за Исаака. И тут тоже долго приходится ждать потомства. Проходит сперва несколько лет испытаний, лишь потом Ревекка понесла, и та свара, которая при Авраамовом двоеженстве брала начало от двух матерей, пошла здесь от одной. Два мальчика противоположного нрава — они не ладят друг с другом еще во чреве матери. Вышли на свет — старший подвижный и крепкий, младший нежный и умный; первый становится любимцем отца, второй — матери. Спор за первенство начался с рождения, он нескончаем. Исав безмятежен и пренебрегает первородством, каким наделила его судьба; Иаков не забывает, что брат оттеснил его назад при рождении. Дожидаюсь случая добиться столь желанного преимущества, он покупает у брата право первородства и обманом лишает его отцовского благословения. Исав приходит в ярость и клянется убить брата, Иаков бежит из дому, чтобы попытать счастья на земле своих предков.

Что ж, — впервые в столь благородном семействе является лицо, не останавливающееся

перед тем, чтобы хитроумными уловками завладеть преимуществами, в каких отказали ему природа и обстоятельства. Уж не раз было замечено и сказано, что священные книги отнюдь не выставляют образцами добродетели патриархов и иных мужей, которым благоприятствует бог. И они тоже люди с самыми различными характерами, со многими недостатками и пороками, но одно главное свойство должно непременно наличествовать у них, как того пожелал бог, — они должны твердо веровать в то, что бог совершенно особенно принимает участие в их судьбе и судьбе всех их сородичей.

Всеобщая, естественная религия, собственно говоря, не испытывает нужды ни в какой вере, — потому что то убеждение, что великое, все производящее, упорядочивающее и направляющее существо как бы скрывается за природой, чтобы быть понятным и доступным нам, — такое убеждение напрашивается само собой, и если даже нечаянно отпустить нить, ведущую челооека по жизни, так столь же легко вновь подхватить ее. Совсем иначе обстоит дело с религией, возвещающей нам, что то великое существо решительно и по преимуществу принимает к сердцу судьбу всего отдельного — племени, народа, местности. Такая религия покоится на вере, и вера такая должна быть совершенно непоколебимой, иначе она будет разрушена до основания. Любое сомнение смертельно для подобной религии. Можно вернуться к прежнему убеждению, но не к вере. Отсюда бесконечные испытания, отсюда колебания в исполнении многократно повторенных обетова-

ний, — благодаря этому во всем блеске предстает присущая прародителям сила веры.

С такой верой Иаков и пускается в странствие, и если хитростью и обманом он не снискал наших симпатий, так обрел их своей постоянной и верной любовью к Рахили, — он сватается к ней экспромтом, как Элеазар от имени его отца к Ревекке. В нем и суждено было исполниться обетованию о бесчисленном роде, потому что он видел многих сынов, но и вынес немало горя из-за них и их матерей.

Иаков семь лет служил за свою возлюбленную, без нетерпения и без колебаний. Его тесть, равный ему в хитроумии, того же нрава, что и он, обманывает его и тем отмщает содеянное брату, — Иаков обнаруживает в своих объятьях нелюбимую супругу. Правда, чтобы смягчить его, Лаван спустя короткое время дает ему и любимую, однако на условии нового семилетнего служения, — печаль за печалью. Нелюбимая жена плодна, а любимая не приносит детей; она готова стать матерью через служанку свою, как Сарра, но первая и тут не дает ей обойти себя, потому что тоже дает ему свою служанку, и вот наш патриарх — разнесчастнейший на целом свете человек — четыре жены, дети от троих, и ни одного сына от любимой! Наконец, и последняя осчастливлена, и является на свет Иосиф, последыш страстной любви. Четырнадцать лет служения подошли к концу, однако Лавану не по душе лишиться в Иакове своего первого и самого верного слуги. Они заключают новые условия между собой и делят стада. Лаван оставляет за собой большую

часть — скот белой масти, а Иаков довольствуется тем, что с крапинами и пятнами, как бы одним отсевом. Однако Иаков и тут ухитряется соблюсти свою выгоду, и, подобно тому как купил себе первородство незамысловатым блюдом, а отеческое благословение приобрел переодеванием, так и тут он придумал, как искусством и симпатическими средствами присвоить себе лучшую и большую часть стада, и с этой стороны тоже стал поистине достойным родоначальником народа Израилева и образцом для своего потомства. Лаван со сродниками если и не понимают, в чем тут фокус, так видят успех дела. Это вызывает неудовольствие, Иаков бежит, захватив всех своих, все имущество, и от Лавана, преследующего его по пятам, ускользает отчасти благодаря везению, отчасти благодаря хитроумным уловкам. Теперь Рахиль готовится принести ему еще одного сына, но умирает в родах, а рожденный ею в муках сын Вениамин живет, однако боль еще более сильную испытает праотец при вести о мнимой утрате сына своего Иосифа.

Может быть, кто-нибудь и спросит, для какой надобности рассказываю я столь обстоятельно всем известные, многожды повторенные и изъясненные истории. Ответом может послужить следующее — иначе я никак бы не сумел представить, каким же образом я, при моем рассеянном образе жизни, при моем отрывочном учении, собирал все же чувства мои в одну точку, дабы воздействие было неторопливым и постоянным; иначе я никак бы не смог изобразить тот покой, который окружал меня при

всем буйном мельтешении вокруг. Вечно деятельная сила воображения вела меня сюда, вела туда, — моя сказка свидетельствует о том, — а мешанина из басен и истории, мифологии и религии почти уж сбивала меня с толку, и тогда я спасался бегством в те самые ближневосточные области, уходил с головой в первые книги Моисеевы и тогда, среди пастушеских племен, занявших широко раскинувшиеся просторы, оказывался одновременно и в величайшем одиночестве и в самом многочисленном обществе.

Семейные сцены перед тем, как разойтись и потеряться в истории народа Израилева, являются нам под конец еще одно лицо, при виде которого особенно юность может льстить себе всяческими надеждами и сценами, — это Иосиф, дитя самой страстной супружеской любви. Покоен и ясен предстает он перед нами, и сам себе пророчит достоинства, какие вознесут его над всем его семейством. Ввергнутый в несчастье своими братьями, он стоек и праведен в рабстве, борется с самыми опасными искушениями, спасается от беды благодаря дару прорицания и по заслугам удостоивается высоких почестей. Сначала он полезен великому царству, потом своим родным. Покой и величественность уподобляют его прадеду Аврааму, безмятежность и покорность судьбе — деду Исааку. Коммерческим талантом, перешедшим к нему по наследству от отца, он пользуется в больших масштабах, — тут уж не стада добывают то ли для тестя, то ли для себя самого, но приобретают целые народы со всеми их

владениями — для царя. Сколь прелестен безыскусный рассказ, только кажется он чрезмерно кратким, так что чувствуешь себя призванным расписать все до мельчайших деталей.

Такое прописывание контурно намеченных характеров и событий не было уже чуждо немцам. Лица Ветхого и Нового Завета приобрели нежность и чувствительность благодаря Клопштоку¹¹, — все это очень нравилось мальчику, как многим из его современников. Из подобных же трудов Бодмера¹² до него доходило мало что или не дошло вообще ничего, однако «Даниил во рву» Мозера¹³ произвел огромное впечатление на юный ум. Тут же благомысленный предприниматель и царедворец, пережив немало печалей, удостаивается великих почестей, а его благочестие, которым враги намеревались воспользоваться, дабы погубить его, всегда, и в начале и в конце, служит ему верным щитом и оружием. Разработать историю Иосифа издавна представлялось мне желанным делом¹⁴; только я никак не мог решить вопрос о форме работы, да и не владел размером, который подошел бы к ней. Прозаическая обработка показалась мне, однако, весьма уместной, и я усердно налег на это занятие. Я старался различить и зарисовать характеры, а, включив в простую историю древности происшествия и эпизоды, превратить ее в новый, самостоятельный труд. И я не подумал только о том, — да юности и немислимо думать об этом, — что тут нужно содержание и что такое содержание возникает лишь опытным путем, через наблюдение. Довольно, я представлял все события

наглядно, до мельчайших деталей, и точнейшим образом докладывал их себе в той последовательности, в какой шли они друг за другом.

Мне сильно облегчало работу одно обстоятельство, из-за которого этот мой труд, да и вообще все мои сочинения грозили сделаться крайне объемистыми. Молодой человек, надежный немалыми способностями¹⁵, но от чрезмерного усердия и самомнения впавший в слабоумие, проживал под опекой в доме моего отца, мирно уживался с всей семьей, был тих, углублен в себя и если никто не мешал ему поступать как знает, то вел себя смирно и предупредительно. Его университетские тетради были написаны весьма аккуратно, и почерк его стал скор и разборчив. Он больше всего любил писать и бывал доволен, если ему давали переписывать разные бумаги, но еще больше он любил, чтобы ему диктовали, потому что тогда он переносился душой в счастливые университетские годы. Моему отцу, который писал не ловко и у которого немецкие буквы получались мелкими и все дрожали, это пришлось как нельзя кстати, а потому, занимаясь своими и чужими делами, он обыкновенно диктовал этому юноше по несколько часов в день. И я сам счел не менее удобным, чтобы все, что проносилось в моей голове, запечатлевалось на бумаге рукой другого человека, и мой дар фантазии и подражания возрастал по мере того, как легче становилось записывать все это на бумаге.

За такой большой труд, как эта моя эпическая поэма в прозе, я никогда еще не прини-

мался. Было спокойное время, не происходило ничего, что бы помешало моему воображению оставаться в Египте и в Палестине. Так рукопись моя с каждым днем разбухала, тем более что поэма, которую я, так сказать, проговаривал в воздух, тут же перелетала на бумагу и лишь некоторые листы время от времени приходилось переписывать.

Когда работа была завершена, а, к моему собственному изумлению, она действительно достигла самого конца, я сообразил, что от прошлых лет сохранились стихотворения, которые еще и теперь не казались мне бросовыми и которые, если переписать их на листы того же формата, что и «Иосиф», составят довольно пухлый квартал. Целое можно было назвать «Разными поэмами», и эта мысль очень понравилась мне, потому что то был случай подражать известным и знаменитым авторам. Я в свое время написал довольно много так называемых анакреонтических стихотворений, которые благодаря удобству размера и легковесности содержания одно за другим так и выходили у меня из-под пера. Но только их мне нельзя было включать в сборник, потому что они не были зарифмованы, а мне ведь хотелось прежде всего доставить приятное отцу. Зато казались мне весьма уместными духовные оды, в которых я ревностно упражнялся в подражании «Страшному суду» Элиаса Шлегеля¹⁶. Ода, славившая сошествие во ад¹⁷, удостоилась немалых похвал родителей и друзей и была столь удачлива, что даже мне самому нравилась в течение нескольких лет. Я усердно штудировал так называемые

тексты воскресной церковной музыки, которые каждый раз печатались и продавались. Правда, они были очень слабыми, и я по праву считал, что мои собственные тексты, сочиненные в соответствии с предписанными правилами, не менее других заслуживали того, чтобы их положили на музыку и исполнили в утешение религиозной общины. Эти мои тексты и множество им подобных были собственноручно переписаны мною год и более тому, — такие домашние экзерсисы освобождали меня от прописей учителя каллиграфии. Теперь все это было отредактировано, расположено в должном порядке, и мне не надо было долго уговаривать нашего молодого человека, любителя писать, чтобы он аккуратно переписал их. Я поспешил к переплетчику, а когда спустя небольшое время вручил красивый том отцу, тот с особой благожелательностью поощрил меня собирать по такому тому ежегодно, — с тем большей убежденностью пожелал он мне этого, что все было сделано в так называемые свободные от занятий часы.

И еще одно обстоятельство умножало склонность к теологическим или, лучше сказать, библейским штудиям. Старшина духовенства, Иоганн Филипп Фрезениус¹⁸, кроткий человек приятной наружности, почитавшийся в приходе и даже целом городе как образцовый пастор и хороший проповедник, только что не пользовавшийся доброй славой у гернгутеров, потому что выступал против этих набожных сектантов, но прославленный и как бы канонизированный толпой за обращение в христианство смертель-

но раненного генерала-вольнодумца, — этот пастор умер, а его преемник, высокий, красивый, достойный человек по имени Плитт¹⁹, со своей университетской кафедры (он прежде был профессором в Марбурге) перенесший в церковь скорее дар наставлять, нежели утешать души, тотчас же возвестил нечто вроде курса закона божия, которому и намеревался посвятить свои проповеди, выстроенные в определенной методической последовательности. Еще и раньше, коль скоро уж я был принужден ходить в церковь, я примечал себе диспозицию проповеди и благодаря этому мог пофанфаронить дома, декламируя проповедь в довольно-таки полном виде. Теперь же, поскольку в приходе высказывались и в пользу нового старшего пастора, и против него и многие не очень-то верили в успех объявленных им дидактических проповедей, я и вознамерился более старательно записывать их, и это мне удалось — тем более что я еще и раньше попытал счастья в том, сидя на очень удобном для слушания, но скрытом от глаз других месте. Я слушал крайне внимательно и записывал быстро: в тот самый момент, когда пастор произнес: «Аминь», я устремился вон из церкви и затратил несколько часов на то, чтобы быстренько продиктовать все то, что успел записать на бумаге и запечатлеть в памяти, — так что перед обедом я уже мог вручить проповедь в письменном виде. Отец мой сиял, гордый успехом моего начинания, и один добрейший друг семейства, пришедший отобедать с нами, обязан был разделить его радость. А он и без того весьма благоволил мне,

потому что я настолько хорошо усвоил любимого его «Мессию», что, навещая его, — я частенько заходил к нему за отпечатками гербов для своей коллекции, — мог подолгу декламировать поэму, так что у него наворачивались слезы на глазах.

В следующее воскресенье я продолжил работу с тем же усердием, а поскольку механическая сторона дела увлекла меня, то я не задумывался над тем, что пишу и запоминаю. В первый квартал года мое рвение, должно быть, оставалось неизменным, но поскольку потом самоуверенность подсказала мне, что эти проповеди не доставляют ни особых знаний Библии, ни более свободного взгляда на догматы верования, то мне представилось, что удовлетворение мелкого тщеславия покупается слишком дорогой ценой, чтобы можно было продолжать начатое с прежним усердием. Церковные речи, поначалу изобиловавшие листами, начали худеть, и я, наконец, вовсе бросил бы это занятие, если бы не мой отец, — сторонник полноты во всем, он добрыми словами и обещаниями уговорил меня продолжать до последнего воскресенья после Троицы, хотя в последнее время разве что записывались на маленьких листочках самый евангельский текст, тема и диспозиция проповеди.

2

Хотя — отчасти по внутренней склонности, отчасти же для поэтических и иных надобностей — я любил заниматься отечественными древностями, стараясь представить их себе во

всей наглядности, все же библейские штудии и религиозные струны время от времени вновь отвлекали меня от них, а жизнь и деяния Лютера, блеск которых в XVI столетии столь великолепен, не могли не возвращать меня вновь и вновь к священным книгам и рассуждениям о религиозных чувствах и мнениях. Смотреть на Библию как на труд, составленный из разных частей, возникавший постепенно, в различные эпохи подвергавшийся переработке, — это льстило моему самомнению, поскольку такой взгляд тогда еще отнюдь не восторжествовал и тем менее был усвоен кругом, в каком жил я. Что касается смысла слов, то я придерживался выражений Лютера, в отдельных случаях прибегал к буквальному переводу Шмида и стремился, насколько возможно, воспользоваться тем немногим, что знал из еврейского языка. В Библии встречаются противоречия, и этого никто не станет отрицать в наши дни. Пытались преодолевать их — брать за основу наиболее ясное место, а противоречащие ему и не столь ясные уподоблять ему. Я же, напротив, стремился установить путем проверки, какое место наилучшим образом выражает самую суть дела, и такого места держался, отвергая все прочие как позднейшие вставки.

Ибо уже тогда во мне укрепилось одно убеждение — не знаю только, было ли оно внушено мне со стороны, пробуждено во мне или же сложилось в результате собственных размышлений. Вот оно: во всяком предании, по преимуществу же в письменном, все дело — в основании, во внутреннем, в смысле, в общем на-

правлении, вот где истонное, божественное, действительное, неприкосновенное, неисчерпаемое, — ни время, ни внешние воздействия и условия не могут нанести ущерб этой внутренней первосущности, а если могут, то не больший, нежели тот, какой болезнь тела наносит благообразной душе. Вот и посмотрим на язык, наречие, своеобразие, стиль, наконец на письмо как на тело духовного творения, — это тело, хотя и сродственно с внутренним, будет подвержено порче, и вообще ведь никакое предание по самой своей природе не может быть дано в чистом виде и в последующие времена быть всецело доступно разумению, — одно ввиду несовершенства органов, через какие доставляется, другое ввиду различия времен, мест, в особенности же ввиду различия человеческих способностей и способов мыслить себе вещи; вот почему и толкователи никогда не могут согласиться между собой.

Потому пусть всякий занимается исследованием внутренней, собственной стороны той книги, которая особенно отвечает нашим интересам, а при этом необходимо прежде всего взвесить, как именно соотносится она с нашим внутренним миром, в какой мере приводится в волнение и оплодотворяется ее жизненной энергией наша жизненная сила, — все же внешнее, что либо никак не действует на нас, либо же подвержено всяческому сомнению, следует, напротив, предоставлять критике, которая пусть даже и способна разбить в куски и расколоть целое, тем не менее никогда не сможет дойти до того, чтобы отнять у нас само твердое основание, ко-

того мы крепко придерживаемся, — она не сможет и на мгновение поколебать нашу уверенность и надежду, коль скоро мы их разделяем.

Такое убеждение, выросшее из веры и видения, — оно применимо и укрепляет душу во всех случаях, какие мы считаем наиболее важными, оно же лежит в основе и моего нравственного, и моего литературного жизнестроения; на него можно смотреть как на хорошо помещенный и приносящий значительные интересы капитал, хотя в отдельных случаях нас и можно подбить на неверное его помещение. Благодаря такому пониманию и Библия впервые стала доступна мне. Как это всегда и происходит при религиозном обучении протестантов, я много раз читал ее целиком, а кроме того осваивался в ней, переходя с пятого на десятое, читая и спереди назад и в обратной последовательности. Здоровая чувственность Ветхого и кроткая наивность Нового Завета привлекали меня в отдельных частях, но никак не складывались в целое перед моим взором, однако меня уже не сбивали с толку различия в характере различных книг, — я был способен представлять себе значение каждой в их последовательности и вообще вложил в эту книгу слишком много души, чтобы когда-либо обходиться без нее. Вот эта-то душевная сторона делала меня невосприимчивым к любым насмешкам, потому что я сразу же замечал их непорядочность. Я не просто презирал их, но мог приходиться из-за них в ярость и ясно вспоминаю, что, попадись тогда в мои руки Вольтер, я с своим ребяческим фанатизмом, на-

верное, задушил бы его за «Саула»²⁰. А любое честное исследование, напротив, в высшей степени устраивало меня, я с радостью принимал распространявшие свет разъяснения, касающиеся восточных нравов и одежд, а между тем продолжал оттачивать свою проницательность на столь драгоценном материале предания.

Читатели знают, что я еще раньше стремился проникнуть в то состояние первоизданного мира, какое описывает нам первая книга Моисеева. Поскольку я намеревался следовать по порядку, шаг за шагом, то после длительного перерыва приступил ко второй книге. Но какая же разница! Подобно тому как полнота детства исчезла из моего бытия, так и здесь вторая книга отделена от первой целой пропастью. Прошлое забыто начисто, и об этом довольно свидетельствуют немногие многозначительные слова: «И восстал в Египте царь, который не знал Иосифа»²¹. Но и сам народ, умножившись, как звезды небесные²², почти забыл праотца, которому Иегова и дал то самое, ныне исполнившееся обетование под звездным небом. С несказанным трудом, с недостаточными пособиями и слабыми силами пробирався я сквозь Пятикнижие, и попутно мне на ум приходили самые занятные мысли. Я полагал, будто установил, что на скрижалях были начертаны вовсе не наши всем известные десять заповедей²³, что израильтяне странствовали по пустыне не сорок лет, а лишь короткое время, и точно так же я вообразил себе, что могу совсем по-новому раскрыть характер Моисея.

Новый Завет тоже не был защищен от моих исследований; я не пощадил и его, всегда готовый расчленивать, однако по любви и склонности всегда соглашался с целительными словами о том, что евангелия могут противоречить друг другу, лишь бы Евангелие не противоречило себе²⁴. . . И в этой области я тоже полагал, что сделал разного рода открытия. Дар языков²⁵, явленный во всем блеске и ясности в Духов день, я истолковал несколько туманно — не так, чтобы можно было рассчитывать на большое число единомышленников.

Я пытался приспособиться к одному из основных учений лютеранства, еще устроженному братской общиной²⁶, — о преобладании греховного начала в человеческом естестве, — но не возымел в том успеха. Однако я неплохо усвоил терминологию этого учения и воспользовался ею в письме, которое удосужился опубликовать под видом письма сельского пастора²⁷ своему новому коллеге. Однако главной темой послания был клич всей той эпохи — веротерпимость; то был пароль лучших умов того времени.

Такие вещицы, возникавшие одна за другой с течением времени, я, дабы попытать счастья в публике, издал на следующий год за свой счет, и либо раздаривал их, либо передавал Эйхенберговской книготорговле, чтобы та перепродавала их как умеет, без всякой выгоды для меня самого. В разных рецензиях эти статьи упоминали — то благожелательно, то критически, но все равно их забыли. И если бы отец ни сохранял их со всею тщательностью в своем

архиве, у меня не было бы теперь ни одного их экземпляра. Как некоторые другие, ненапечатанные, работы, ныне вновь нашедшиеся, я включу их в новое издание моих сочинений.

Писать стилем Сивиллиных пророчеств²⁸ и издавать подобные страницы — на все это подбил меня пример Гаманна.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА ДВА

важных доныне не обсуждавшихся

ВОПРОСА ИЗ БИБЛИИ

Сельского пастора из Швабин

Линдау на Боденском озере

1773

М., 6 февраля 1773 года

Печально просиживать в одиночестве долгие зимние вечера. Сын мой, магистр, в городе; я не обижаюсь, — для его учености у меня мало развлечений, для моего чувства мало в нем душевного тепла; коллеги по соседству по-прежнему остаются единственной моей компанией. Кто после краткого «Benedicite»¹ из моральных вопросов и прочих мелочей пасторского обихода не желает садиться за стол ради разнузданной игры и питья и в полночь не захочет интонировать «Gratias»², мешая его с похабщиной, тому нечего делать в такой компании, — это вы знаете, господин мой собрат.

Наша последняя важная беседа, когда я имел удовольствие пребывать у вас в столь замечательном обществе, навела меня на размышления, и, наконец, я даже решился послать вам прилагаемое.

У меня было тогда много что сказать, но разговор вдруг сделался слишком ученым, а поскольку я никогда не был любителем книг, особенно экзегетических³, то больше молчу, когда мои коллеги рискуют забраться в такую чащу.

Правда, есть ли у пастора дело более настоятельное, нежели толкование того собрания книг, от которого вдвойне зависит вся его жизнь⁴; и тем не менее я все же не могу перестать удивляться людям, которые присаживаются к столу и готовы немедленно растолковать вам целую библейскую книгу, даже сразу много книг, словно нанизывая их на одну нить, — а я-то, когда мне приходит на ум хоть одно полезное изречение, уже благодарю бога, да ведь, право же, — большего нам и не надо.

Магистр (сын мой), вернувшись полтора года тому из университетов, — тот уразумел насквозь некоторые книги Ветхого и Нового Завета, о которых прослушал целые курсы лекций, а к остальным у него, так он сказал, есть ключ, который при случае не подведет.

Во мне проснулась любознательность, и я попросил его взять меня в обучение. Это было ему по сердцу, потому что он страшно важничает, будто профессор, — он заглянул в свои тетрадки и начал с величественным видом поучать. А я очень скоро заметил, что все искусство заключается в том, чтобы с холодным умом и сердцем сводить, сужать⁵; это меня огорчило, и мне захотелось убедить его в том, что самую суть книг можно понять только в самой жизни, в самом пасторском служении, —

ученые проповедники как раз не самые лучшие, потому что они никогда не спрашивают, что нужно моим слушателям, а только думают: что бы еще поведать им из моей великой премудрости, но только не во вред тайной копилке, которую любой из них хоронит на стороне. И еще я сказал ему: чтобы был от религии прок, она должна быть простой и душевной, а о том, какая религия единственно истинна, не наше дело рассуждать, потому что кто же определит подлинное отношение души к богу, как не сам бог.

Тут он сделал кислую мину, и я хорошо приметил, что он не лучшим образом подумал о моей способности суждения. Пусть его! Сначала самому надо поумнеть. Познание восходит в человеке по ступенькам, и учитель не должен, да и не может забегать вперед, — самый лучший садовник, думаю, тот, который знает, как ухаживать за растением в каждый из периодов его роста.

Ну да не об этом собирался я вести речь. Приложенные толкования нуждаются в пред-уведомлении.

Когда учился я сам, Библию изъясняли слишком универсально, — к каждому изречению должен был быть причастен весь мир. Я всегда был врагом такого мнения, потому что от него возникало множество несообразностей и камней преткновения на пути. А когда вернулся домой мой магистр, я поразился тому, насколько же свободен он от этих пагубных предубеждений, я прямо повеселел душой, видя, что могу прямо говорить с ним и он своими учеными доказа-

тельствами подтверждает то, что я только предчувствовал. Но не долго я радовался — скоро я увидел, что он заражен противоположного свойства дуростью, — все темные места, все, что противоречило его системе, он быстренько обращал в мелочи частного значения. Тут мы снова разошлись с ним.

Думаю, что я нашел средний путь. И ставлю свою геху.

Я смотрю на иудейский народ как на неплодный дичок, окруженный дикими неплодными деревьями, к нему извечный садовник и привил благородный побег — Иисуса Христа, чтобы тот, пустив корни, облагородил природу растения и чтобы оттуда можно было брать черенки и все прочие деревья тоже обращать в плодоносящие.

Конечно же, история и учение этого народа от первой почки и до привития — нечто безусловно частное, а то немногое универсальное, что, может быть, и происходило в нем с расчетом на будущее великое действие, нелегко будет отыскать в нем, да, наверное, и не нужно этим заниматься.

А когда побег привит, все совершенно переиначивается. Учение и история становятся универсальными. И хотя у каждого дерева, которое было облагорожено с той поры, есть своя особая история и, в зависимости от обстоятельств, свое особое вероучение, мое мнение все же состоит в том, что тут нельзя предполагать частное и толковать все как частное — точно так же, как там, в первом случае, нельзя было предполагать универсальное.

Два прилагаемых объяснения давно уже указаны мне благим духом; чем долее созерцаю их, тем более истинными нахожу, — они открывают вам глубины познания и чувства.

Вопрос первый:

Что было начертано на скрижалях завета?

Ответ:

Не десять заповедей, не то, с чего начинается катехизис!

Пусть скажет нам это сам Моисей. Вот извлечения из его второй книги.

Бог дает закон — начало торжественно и полно ужаса; поначалу господь вещает с Синаия по преимуществу об истинах всеобщих, которые он как бы предполагает у них и у других народов (2 Кн. Моисея, 20, 1—17); народ в страхе велит Моисею самому выслушать в дальнейшем волю господню, и тогда бог (с 22 стиха 20 главы до конца главы 23) продолжает излагать ему законы. Моисей возвращается к народу (24, 3 и дальше), ни слова не говорится о скрижалях, Моисей записывает все слова господни в книгу, именуемую книгой завета, и читает ее вслух народу⁶. И только потом господь говорит Моисею (24, 12): «Взойди ко мне на гору, и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые я написал». Моисей поднимается на гору, ему разъясняется устройство священной скинии (гл. 25—31) и лишь в самом конце (31, 18) сообщается: «И когда Бог перестал говорить... дал ему две скрижали». Что было начертано на них,

о том речи нет. Начинаются безобразия вокруг тельца, и Моисей разбивает скрижали, прежде чем мы успели хотя бы предположить их содержание (32, 19).

После очищения кающегося народа господь говорит пророку (34, 1): «Вытеши себе две скрижали каменные, подобные прежним, и Я напишу на сих скрижалях слова, какие были на прежних скрижалях, которые ты разбил».

Моисей послушен ему, он подходит к господу, славит его милосердие и взывает к нему. Господь говорит (34, 10 сл.): «Вот, Я заключаю завет пред всем народом твоим.

Сохрани то, что повелеваю тебе ныне⁷.

1

Ты не должен поклоняться богу иному, кроме господа.

И берегись — не вступай в союз с жителями той земли, и не бери из дочерей их жен сынам своим, дабы они не обратили тебя к ложным богам. И ты не должен иметь ничего общего с какими бы то ни было кумирами.

2

Праздник опресноков соблюдай.

Семь дней ешь пресный хлеб, в назначенное время месяца Авива, ибо в месяце Авиве вышел ты из Египта.

3

Все разверзающее ложесна — Мне, как и весь скот твой мужеского пола, из волов и овец.

Но первородное из ослов заменяй агнцем

и т. д. Всех первенцев из сынов твоих выкупай и пусть не являются пред лице Мое с пустыми руками.

4

Шесть дней работай, а в седьмый день покойся; покойся и во время посева и жатвы.

5

И праздник седмиц совершай, праздник начатков жатвы пшеницы и праздник собирания плодов в конце года.

6

Три раза в году должен являться весь мужеский пол твой пред лице Владыки.

И никто не пожелает земли твоей, пока ты исполняешь эту заповедь.

7

Не изливай крови жертвы Моей на квасное.

8

Жертва праздника Пасхи не должна переночевать до утра.

9

Самые первые плоды земли твоей приноси в дом Господа.

10

Не вари козленка в молоке матери его».

И сказал Господь Моисею: «Напиши себе слова сии, ибо в сих словах Я заключаю завет с тобою и с Израилем». И пробыл там Моисей у Господа сорок дней и сорок ночей, хлеба не

ел и воды не пил. И написал на скрижалях слова завета, десятисловие».

Самыми ясными словами завет и записан здесь, и друг человечества радуется, видя это. Скрижали были свидетельством завета, союза, в котором бог принял на себя совершенно особые обязательства перед Израилем. Итак, как то и должно, мы читаем на скрижалях законы, которые отличают их от всех народов, предписания, в согласии с которыми они либо празднуют эпохи своей истории, либо почитают основные, священные законы своего жизнеустройства. Как же охотно отбрасываешь бремя прежних заблуждений! Как будто самый частный союз, какой когда-либо был заключен, мог основываться на универсальных обязательствах (а ведь большинство среди так называемых десяти заповедей именно таковы)!

Короче говоря: предисловие к законодательству содержит — как я уже сказал выше, хотя не столь определенно — такие учения, какие бог предполагает в своем народе — как в людях вообще и как в израильтянах. Как в людях — сюда относятся всеобщие моральные учения; как в израильтянах — сюда относится признание единого бога и празднование субботы.

Но если это столь очевидно, отчего же церковь столько веков придерживалась противоположного мнения?

Всякий, кто мало-мальски знает историю церкви, не удивится тому.

Первым епал в ошибку автор пятой книги Моисея. Вероятно, — я где-то читал об этом, — пятая книга была составлена в вавилонском

пленении, составлена из кусков, на основании устной традиции. Хаотичность этой книги такова, что можно уверенно говорить об этом так. А при подобных обстоятельствах естественно совершить ошибку вроде настоящей. Скрижали были утрачены вместе с кивотом завета, подлинные списки священных книг оставались в руках немногих, десять заповедей погрузились в дремоту и были забыты, жизненные правила всякий заключил в свое сердце, по меньшей мере — в память. И кто знает, какие еще существовали поводы для столь неумелого комбинирования.

Многое остается еще сказать, но это я предоставляю ученым и прибавлю лишь одно. Не знаю, открыл ли, проповедовал ли кто эту истину до меня, но могу сказать, что церковь почитала свое заблуждение касательно этого места священным и вывела из него множество роковых следствий.

Вопрос второй:

Что значит «говорить на языках»⁸ (glossais lalein)?

Будучи исполненным духа, на языке духа, возвещать тайны духа.

To gar entheadzein, kata glōssan hyparchein, sibyllainein.
Diodorus quidam^{1*}.

Кто имеет уши слышать, да слышит¹¹.

---

^{1*} Не знаю толком, кто такой Диодор⁹. Вы найдете это место и несколько простых учебных примечаний к нему в «Греческой библиотеке» Фабрициуса¹⁰.

Спросите вы: что такое дух? Так я скажу вам: Дух дышит¹², где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит. Что говоришь нам о языке духа: коли не знаешь духа, дано ли тебе говорить языками? На это отвечу: У вас есть Моисей¹³ и пророки! А я только покажу, где написано о таком языке.

Обетованный дух¹⁴ преисполняет учеников, собравшихся вместе, силой своей мудрости (Деяния апостолов, 2, 1). Самое божественное чувство истекает из души на язык, и, воспламеняясь, язык возвещает великие деяния господни на иных языках (*heterais glossais*) и то был язык духа (*kathōs to pneuma edidou aytois arophtheggesthai*¹⁵).

То и был простой, всеобщий язык¹⁶, над отысканием какого тщетно бился не один великий ум. Наше человеческое существо ограничено, мы можем уловить разве что отдаленное предчувствие такого языка.

Здесь же звучит он во всем своем великолепии! Парфяне, мидяне и еламтяне изумляются — каждый думает, что слышит свой язык, каждый понимает этих чудотворцев, каждый слышит, что возвещаются ими великие деяния господина, и не разумеет, как это происходит.

Но не всякий, кто имел уши слышать, слышал, — лишь чувствительные души (*andres eulabeis*) причащались этого блаженства; дурные люди, с холодными сердцами, стояли тут и, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина¹⁷.

Впоследствии, стоило духу низойти на душу, и первым движением сердца, на каком почил

такая благодать, было выдохнуть из себя его полноту (Деяния апостолов, 19, 6). Сердце изливало духом, который — прост, как свет, и всеобщ, как свет, и лишь когда успокаивались бурные волны, начинал течь из этого моря кроткий поток назиданий (to prophetein), пробуждавший и исправлявший людей.

Но как всякий ключ, разными ходами текущий от своего чистого истока, хотя и хранит, смешиваясь с частями земли, свою собственную внутреннюю чистоту, однако взору является более мутным и под конец, может быть, даже теряется в болоте. Так было и тут.

Уже во времена Павла этим даром в общине злоупотребляли.

Напор изобильного — самого священного, самого глубокого чувства на миг обращал человека в неземное существо, он глаголил языком духов, язык воспламенялся жизнью и светом из глубин божества. Но на такой высоте жизнеощущения не удержится ни один смертный. И все же воспоминание о миге блаженства, должно быть, всю жизнь отзывалось дрожью в сердцах учеников. Кто не чувствует в душе своей, что непрестанно томился бы по этому мгновению? Так и они. Они замкнулись в себе, задержали чистое истечение назидания (to prophetein), чтобы, запрудив поток, дать ему подняться до былой высоты, — а потом их собственный дух носился над темною водою, волнуя ее глуби. Тщетно! Собранная в кулак, сила не производила ничего, кроме неясных предчувствий, лепета их никто не разумел, и так они отнимали время у собраний.

Против этого и восстает сурово Павел в 14 главе 1 послания к коринфской общине.

Теперь-то я мог бы и отойти в сторонку, а каждый сам бы толковал себе эту главу, почувствовав, что иного толкования она и не терпит. Однако брошу на нее лишь несколько взглядов!

Большим, нежели пантомима, однако нечленораздельным не мог не быть этот язык¹⁸. Павел душу, взволнованную до восприятия духа (рнеума), противопоставляет спокойному уму (поус), — нет, скорее, он ставит их рядом, одно за другим! Как угодно, — тут отец и сын, зародыш и растение. Рнеума! Рнеума! чем был бы поус без тебя!

Довольно! Как же охотно, без мучительных парафраз отдают речения свой смысл!

Кто говорит на языке духа, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом¹⁹. Когда я молюсь на языке глубины, то, хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода²⁰. Такая речь есть лишь знамение для неверующих²¹, бросающееся в глаза и привлекающее к себе внимание, но не назидание для них, не собеседование в обществе верующих.

Буде вы станете искать этот ручей, то не найдете его, он затерялся в болоте, люди в чистом платье его избегают. Но втайне он еще орошает свежей водой не один луг, — в тишине возблагодарим за это господа. Ибо камералисты от богословия придерживаются следующего принципа: необходимо осушать такие места, проводить мимо них шоссейные дороги и устранивать на них гулянья! Пусть так и поступают!

Им дана власть! Нам же, домостроительствующим в сокровенном²², остается истинное утешение: Возводите плотины! Напирайте! Вы лишь копите силу воды, дабы, собравшись, тем животворнее текла она к нам, прочь от вас!

Мы же, любезный господин мой собрат, — давайте, чувствуя потребность слабого человеческого рода, спокойно воспоследуем далее к единственному земному счастью и единственному истинному богословию, старательно постигая и одобряя сказанное апостолом по смыслу: стремитесь достичь знания жизни, назидайте ради того себя и братьев ваших, вот виноградник ваш, и всякий вечер вознаградит день. Если же вечный дух ниспошлет избраннику своему луч мудрости, искру любви, тот выходи и лепечи свое чувство.

Да выступит, и почтим его! Откуда б ты ни был, благословен грядый! О, просвещающий язычников²³, о, вдохновляющий народы!

ЗЛАТЫЕ СЛОВА СОЛОМОНА,
царя Израильского и Иудейского,
от кедр до иссопа

1

Прекрасный кедр рос на Ливане, крепкий пред лицом неба. И оттого, что он рос прямо, исполнились злобой терны вокруг него и воскричали: «Горе гордецу, что кичится своим ростом!» И когда ветры поколебали мощь ветвей его и запах бальзама заполнил всю землю окрест, терны обернулись и возопили: «Горе

надменному, гордость его шумит как волны моря! Порази его, святой дух небал!»

2

Кедр рос среди елей, они же делили с ним непогоду и ведро. И он рос, и возрос превыше вершин их, и далеко видел долину окрест. Тогда ели вскричали: «Это ли благодарность? Ты ли кичишься, бывший столь малым, ты ли, вскормленный нами?» Кедр же отвечивал им: «Спорьте с тем, кто повелел мне расти!»

3

Вокруг кедра росли кусты. Когда же пришли мужи с моря и приложили топор к корням его, раздалось ликование: «Так побивает Господь надменных, так унижает мощных!»

4

И кедр сокрушился и раздавил ликующих, и были развеяны среди хвороста.

5

И кедр сокрушился и воскликнул: «Я стоял прямо и буду стоять прямо!» И мужи поставили его мачтой на царском корабле, и паруса реяли на нем, и он привозил сокровища Офира в царскую казну.

6

Молодой кедр рос стройно и споро и готов был превзойти других. Они же преисполнились зависти к нему. И пришел герой, и срубил его, и обтесал его сучья, и сделал себе копье вое-

вать исполинов. Тогда братья его возопили:
«Горе! Горе!»

7

Дуб сказал: «Я подобен тебе, кедр!» — «Глупец! — отвечал ему кедр. — Это все равно, как если бы я сказал: я подобен тебе».

8

Две березы спорили, которая из них больше похожа на кедр. «Вы — березы», — сказал им кедр.

9

«Нам хорошо, — сказал кедр еловый лес, состоявший из деревьев, похожих, как братья. — Нас много, ты же один». — «И у меня есть братья, — отвечал им кедр, — но не на этой горе».

10

Лес рубили, птицы не находили своих обиталищ, летали вокруг и пищали: «Каковы же намерения государя? Такой лес! Такой прекрасный лес! Наши гнезда!» Тогда некто прибывший из столицы, попугай, сказал: «Намерения, братья? Он ничего не ведаёт о том».

11

Дева сорвала розы с куста и украсила ими свое чело. Кедр рассердился и сказал: «Почему не срывает она моих ветвей?» — «Гордец, — сказал ему розовый куст, — оставь мне моих друзей!»

12

Путник, отдыхавший в полдень под дубом, потянулся, встал и собрался в путь. Дуб окликнул его: «Неблагодарный! Не я ли простер над тобою тень, ты же не удостоил меня и единого взгляда! Ты! Меня!» Путник, на миг обернувшись, усмехнулся в ответ.

13

Травинка, когда ветер играл над нею, радовалась и говорила: «И я, я тоже здесь, и я тоже сложена, маленькая, но красивая, и я есмь...» — «Былинка, во имя Господа», — сказал кедр.

14

Лесной поток ломал ели и нес в долину и ели, и кусты, и поросль, и травы, и дубы. Пророк, смотревший на все с вершины скалы, воскликнул: «Все едино пред Господом!»

15

«Смотрите, — сказал кедр. — Кто пожелает сломать мои ветви, должен будет забраться высоко». — «У меня же, — сказала роза, — есть шипы».

ИЗРАИЛЬ В ПУСТЫНЕ

Моисей

Странствование по пустыне

Замечания к первой книге Моисеевой

В целом

*Для особенных, важных
сейчас целей*

Гл. 2, ст. 2

Упоминание седьмого дня указывает на позднейшее время.

Равно как наименования местностей и рек и знакомство с их произведениями.

Гл. 4, ст. 16

Земля Нод на восток от Едема.

Город Еноха. Как удивительно, что уже второй человек строит город, а в шестом поколении

Ст. 21 и 22

уже изобретают искусства и ремесла.

Ст. 26

Уже оказывается необходимым проповедовать имя Господа.

В целом

Гл. 6, ст. 2, 4

Сыны Божии, и их сыновья-тираны: в шестом поколении род человеческий уже столь испорчен, что должно искоренить его поголовно.

Ст. 15

Длина ковчега — 300
локтей
Ширина — 50
локтей
Высота — 30
локтей

Наверху отверстие в локоть. Три яруса.

Гл. 7, ст. 2

Упоминание скота чистого и нечистого указывает на позднейшее время

Для особенных, важных
сейчас целей

Сорок дней и ночей длится потоп, и все это время Ной отделен от мира.

Ст. 10

Через семь дней начинается дождь. Впервые счет времени месяцами.

В целом

*Для особенных, важных
сейчас целей*

Ст. 20

Пятнадцать локтей —
такова высота воды
над горами — равнин-
ская мелочность в
счете.

Ст. 24

Вода стоит 150 дней.

Гл. 8, ст. 4

Ковчег остановился на
горе Арарат на сем-
надцатый день в седь-
мом месяце.

Ст. 5

Вода постепенно убы-
вает до десятого меся-
ца, в первый день его
показались верхи гор.

Ст. 6

По прошествии 40 дней
Ной открывает окно.

При случае про-
смотреть последующие
эпохи до конца главы.

Гл. 9, ст. 4

Более поздний закон —
не есть плоти с душою
ее. Рассуждение отно-

В целом

сительно отвращения к крови.

Ст. 9

Первый раз поставляется завет Бога с людьми, подкрепляемый явлением природы.

Ст. 20

Развитая культура теперь вся полностью уничтожена, Ной теперь земледелец, виноградарь, но уже правнук его Нимрод — сильный господин, строится много городов.

Гл. 11, ст. 3

Они обжигают кирпичи и пользуются глиной и известью.

Для особенных, важных сейчас целей

Найти на карте Сидон, Герар и Газу; где бы могла находиться Казза (?)

Ст. 30

Где находятся Меша и Сефар и что здесь за гора восточная (?)

Гл. 11, ст. 31

Харран, куда выходит Авраам; это еще за пределами Ханаана.

В целом

Для особенных, важных
сейчас целей

Гл. 12, ст. 6

Сихем и дубрава Мо-
ре.

Ст. 9

Жилище между Вефи-
лем и Гаем.

Ст. 8

Идет к югу.

(Гл. 20, ст. 1)

(Живет между Каде-
сом и Суром в Ге-
раре.)

[Гл. 12], ст. 10

Авраам сходит в Еги-
пет — первое отмечен-
ное странствование.

Гл. 13, ст. 1, 4

Он снова поднимается
до Вефиля.

Ст. 7

Большие пространства,
остающиеся еще меж-
ду племенами.

Лот съезжает в рав-
нину Иорданскую, к
Мертвому морю, до
Сигора.

1. Характер писаний, на которые мы смотрим как на источник древнейшей нашей истории.

2. Множество высказанных в них взглядов, которые нельзя соединить.

3. О том, как я читаю историю Моисея.

4. Положение народа Израилева в Египте.

5. Муж, происходящий из рода праотца необузданного, отмщает, совершая убийство как лицо частное, — отдельное, отдельную несправедливость.

6. Вся культура, какой он мог располагать, не способна была укротить его необузданность.

7. Он бежит — недвусмысленным поступком сейчас же рекомендует себя семье некоего эмира Мадиямского, тот делает его пастухом своих стад, и даже при этом образе жизни он, как обнаруживается, все еще озабочен в душе своей положением своего народа.

8. Одновременно мы узнаем о неспособности его изъяснить свои мысли в речи, все у него сконцентрировано на деянии, он сообщает своему брату о своем возвращении, оставляет жену и детей и отправляется в Египет. Оба брата договариваются о том, как вернуть своих соплеменников из Египта к прежнему кочевому образу жизни и освободить их либо убеждением, либо силой. Доводы не помогают, казни египетские, начавшиеся тогда же, не производят впечатления, тогда устраивают Сицилийскую вечерню наоборот — умерщвляют всех первенцев, прежде того прирав к рукам вещи сере-

бряные и золотые *. Бегут, их начинают преследовать. Битва, вероятно, преимущество выбранной позиции при таком способе сражаться, рассуждение о пути в землю Ханаанскую, проложенный караванный путь, известный из традиции, Моисею известный со времени бегства его и пребывания у мадиамитян, Иофор узнает об этом, страх перед новыми пришлецами, Иофор выходит им навстречу; с семьей, нравы просящих, неумение Моисея управляться с гражданскими делами. Он устраивает их по совету Иофора, Иофор удаляется. Вероятно, по его совету он устанавливает верховные священнические должности и организует войско; первый же случай непокорности их первому же установлению он карает руками единоплеменников. Предположение, что те уже опыты в убийствах и как поразили первенцев, так и сражались в битве с египтянами.

В. Они пока еще отнюдь не священники. Как только войско устроено, он пускается в путь, но мы видим, что он отклоняется от верного пути. Предположение, что Иофор имел на то влияние. Тесть Моисеев оставался при нем. Моисей идет прямо через пустыню к горам Ханаанским. Народ, которым он не умеет управлять, доставляет ему множество хлопот, он пользуется явлениями природы в пустынной стране, перелетными птицами, манной, горящим в земле огнем как карами или благодеяниями,

---

* На полях: о намерениях при этом загадочном избиении.

но все напрасно *. Жестокие действия против непокорных приходится повторять. Наконец, он оказывается в одной из частей земли, которую должно впоследствии занять, и лишь отвесные скалы отделяют его от основной земли. Он посылает соглядатаев, приносящих хорошие вести, но распространяющих и страх, народ не хочет выступить на врага, тогда он с неукротимостью, присущей ему, прибегает к проклятиям и угрозам, народ выступает в бой без предводителей, и его разбивают. По всей вероятности, потери были велики. Он просит у едомитян позволения пройти их землю, но они, мудрые, как мадиамитяне, отказывают ему, и он отступает. Арон и Мариамь умирают **. Моисей обходит вокруг гор Едома и, как только вступает на путь, по которому, собственно, и следовало направиться, все ему удается. Он разбивает один народец за другим и овладевает всем левым берегом Иордана. Эта местность, весьма пригодная для разведения овец, отдается двум с половиною коленам на том условии, что они помогут своим братьям завоевать земли по ту сторону Иордана; сам же Моисей возвращается к Иордану, где ведет через него переправа, готовится к переходу и тут умирает. После его смерти Иисус сейчас же осуществляет переход.

* На полях: Он дарует Аарону и сыновьям Аароновым мощный щит в виде целого колена Левиина в качестве священников, но поскольку среди них встречаются строптивые, то он вынужден одну их часть истреблять руками другой.

** На полях: которые незадолго до того бунтовали против него. Характер Аарона. Предположение.

Замечания

Все ишествие и вся история, излагаемые таким способом, приобретают обозримость и последовательность. Во всем изложении встречается лишь угроза сорокалетнего блуждания, но никоим образом не исполнение ее. Где о сорока годах впервые говорится как о факте? Число 40 — круглое число, обозначающее время, в течение которого люди живут обособленно. Несколько слов о других священных и круглых числах. Я считаю 36 лет вставкой, направленным комментарием позднейшего времени. Пространство, которое должно им пройти. Для него и четырех лет — слишком много. Но не только 36 лет, а и известное число остановок вставлены; сопоставление остановок в повествовании и в списке. Один Кадес или их два (?) О пустыне Син и Фаран. О пути к Мертвому морю, в Ецион-Гавер; они лишь часть этого пути прошли в обратном направлении, чтобы обойти кругом страны Едом. Что годы в этом повествовании, если в течение их ничего не подготавливается и ничего не совершается? Согласно общепринятому мнению, народ, спустя 36 лет, после столь многочисленных остановок, о которых ничего не рассказывается, оказывается при некоем Кадесе таким же грубым, неотесанным, не способным к воспитанию, а вождь его — таким же вспыльчивым и своевластным, какими были все они, когда мы оставили их при Кадесе первом. И если даже все первое поколение вымерло за это время, то было ли поколение второе, на которое приходилось насылать огненных змеев, более достойным земли

обетованной? Ибо, во всяком случае, событие это произошло немногими годами прежде завоевания Ханаана. В нашем истолковании — история простая и последовательная. Трудность вычитать ее из Писания. Неловко вставленные в повествование законоуложения, и, если даже отделить их, повествование из накладывающихся друг на друга и оставляющих пустоты различных чтений.

Сведение воедино характера — человек сильный, своевластный, желающий правого и великого, муж дела, а не совета; его можно сбить с пути, но нельзя отвлечь от его идеи. Неумело обходится с людьми, когда пользуется ими для своей цели, оттого непрестанное насилие, хотя порою и своевременное; для исполнения великих намерений ради своего народа все казалось ему дозволенным. Защита его от упреков в жестокости; сравнение с французами новейших времен.

Мы знакомимся с сынами Израилевыми как с кочевым народом, который в пору великого голода оставляет Ханаан и переходит в Египет, где спустя годы оказывается в ужасном положении, поскольку и суровые земледельцы и все жители страны презирают, угнетают их и, по крайней мере на часть их, налагают тяжкое бремя принудительных работ. Унижение и рабство тем более невыносимыми представлялись народу, предания которого сохранили известие о том, что один из предков его мудрой предусмотрительностью своею спас некогда египтян от голодной смерти, а притом каким-то не-

мыслимым расчетом обратил в личное достояние государя имение всей державы; недовольство росло еще по мере усиления гнета, мы видим, что они скорбят и печалуются, но не могут решиться покинуть эту землю, хотя поселяться в тех землях и покидать их не было в ту пору чем-то необычным.

Теперь вспомним о народе, тяжкое состояние которого мы описали. В этом народе, из колена сильного, восстает муж своевластный. Он отмечен живым чувством справедливости, стремительностью действия. Он убивает египтянина, который бил израильянина, это незаконное убийство, совершенное из патриотических побуждений, становится известно, и Моисей должен бежать. Коль скоро совершением подобного поступка человек заявляет о себе как о человеке попросту естественном, то у нас нет причины спрашивать, как он воспитывался, — пусть дочь фараона благоволила к отроку, пусть воспитывался он при дворе, ничто не оказало своего действия на него, он стал сильным, крепким, недурным человеком, но в любых условиях перевозданно грубым. Вот таким предстает он перед нами и в изгнании — могучим, решительным, замкнутым, неречистым. Благодаря смелому поступку он завоевывает благорасположение мадиамского государя-жреца, который сразу же соединяет его с своим родом. Теперь Моисей узнаёт пустыню, в которой предстоит ему исполнять в дальнейшем нелегкую должность предводителя войска.

А теперь бросим взгляд на народ, среди которого живет Моисей. В мадианитянах мы обя-

заны видеть племя многочисленное; кроме того, как и все племена кочевников и торговцев, оно, благодаря подвижности своей и расселению на обширных пространствах, кажется еще более многочисленным. Они живут за маленьким морским заливом, стада их пасутся на широких просторах вплоть до горы Хорив, у них небольшая колония на самой крайней оконечности Мертвого моря, а еще раньше мы видим их следующими целым караваном из Аравии через Ханаан в Египет. Насколько же более культурным должен был быть такой народ, вольно исполняющий свое призвание, нежели тот, что живет под чужеземным игом, в вечном несогласии с самим собою и обстоятельствами, сколь выше должны бы были быть воззрения предводителя такого племени в сравнении с человеком справедливым, но мрачным и погруженным в себя, чувствующим в себе призвание вождя, но не испытывавшим себя в этом опасном ремесле даже и на роли ученика (!)

Нет ничего удивительного, если натура сильная изнемогает в таком состоянии — в наипечальнейшем, в каком только может находиться неплохой человек, рожденный не мыслить и рассуждать, но стремящийся лишь к действию: таким и застаем мы Моисея в пустыне, — он в душе своей вечно озабочен судьбами своего народа, вечно обращен душою к богу предков, он постоянно чувствует себя изгнанником той земли, которая, не будучи землею его отцов, стала все же отечеством для его народа, слишком слаб он, чтобы своею рукой споспешествовать исполнению великого замысла, он не спо-

способен к постепенному действию, не способен связно излагать свои мысли.

Лишь связь его с родичами через караваны, направляющиеся в Египет, а потом возвращающиеся оттуда, доставляет ему некоторое утешение; наконец, он решается возвратиться домой. Аарон, брат его, узнав о предстоящем возвращении, выступает ему навстречу, от него Моисей узнаёт, что брожение в народе достигло высшей точки. Оба брата могут ныне решиться на то, чтобы как представители своего народа явиться пред царя, — которому, быть может, подвластен был и не весь Египет. Но этот последний совсем не расположен отпускать от себя и вновь предоставлять прежней его самостоятельности народ, который, находясь в его стране, из племени пастухов стал народом земледельцев, ремесленников и художников, смешался с его подданными и столь потребен ему при многочисленности своей хотя бы в качестве поденщиков и при возведении колоссальных памятников и при строительстве новых городов и крепостей. Он отклоняет их просьбу, каковая, при начавшихся казнях египетских, повторяется со все большей настойчивостью и отвергается все более упорно. Однако народ, возбужденный обещанием исконной земли своей, о чем возвещало древнее предание, мыслью о независимости и самоуправлении, не желает признавать никаких обязательств. Под предлогом праздника выпрашивают у соседей золото и серебро, и в тот момент, когда египтяне думают, что израильтяне заняты невинным пированием, учиняется Сицилийская вечерня наобо-

рот. Чужеземец умерщвляет туземца, гость — хозяина, и, сообразно с жестокой политикой, убивают лишь первенцев, в стране, где у первенцев так много прав и преимуществ, — убивают, чтобы, возбудив эгоистические интересы младших братьев, избежать незамедлительной мести и успеть бежать. Хитроумный замысел удастся, вместо того чтобы покарать убийц, их изгоняют, и значительное число их спокойно оставляет страну. Лишь с опозданием царь собирает войска, но колесницы и всадники его, наводящие ужас на пеших воинов, вступают на заболоченной почве в неравный бой с летучим, легковооруженным арьергардом, — должно быть, с той самой кучкой мужественных людей, которая к тому времени уже понаторела в смертоубийстве, исполняя рискованный замысел поголовной резни; впоследствии мы узнаем ее же по жестоким делам ее и не забудем упомянуть о том.

Но отчего же колебаться нам и не сказать прямо, тем более, что это не тайна, а признано и учеными, что мы подразумеваем под теми [людьми] — левитов, мы очень скоро обнаруживаем, что Моисей самых верных единоплеменников своих объединяет в своей личной охране, размещая их вокруг святилища и требуя от них всемерной отваги. И вскоре они являют себя подлинными янычарами духовного звания, готовыми убивать все, что противно смыслу святилища, вокруг которого они собираются как вокруг центра. Жестокость колена этого не смягчается и в позднейшие времена,

когда первосвященник Иоав велит священнослужителям храма, столь привычным к резне, убить царицу — пусть узурпировавшую трон, но все же царицу, — чтобы посадить на престол своего подопечного и править от имени его.

Теперь нам должно составить определенное понятие о местности, которую предстояло пересечь сынам Израилевым, прежде чем достигли они земли обетованной, — составить понятие в целом и в частях.

1. Географическое положение.
2. Протяженность. Величина.
3. Площадь.
4. Путь в различных направлениях.
5. Путь из Суэца в Газу — это не караванный путь*.
6. Путь по берегу Чермного моря близ источников, пальм и оазисов.
7. Обход вокруг гор, лежащих слева. Амаликитяне.
8. Синай и Хорив. Описание этих гор.
9. Путь вверх вплоть до переправы через Иордан.
10. Пересечение караванных путей из Хаана в Ецион-Гавере.
11. Селения мадианитян.

Мы сопровождаем сынов Израилевых до самой горы Хорив.

---

* На полях: Боевые колесницы обитателей африканского побережья. Отношение (?) кочевников к ним (?)

Путь их лежит прямо во владения мадианитян — они повсюду вынуждены приходиться с ними в соприкосновение или же пересекать их земли.

Тут мы встречаемся с совершенно особенным феноменом, который, если приглядеться к нему, оказывает куда большее влияние на все течение событий, нежели можно было предполагать прежде, — это тесть Моисея, который упоминается под именем Рагуила, Иофора и Ховава, священник и вождь мадианитян, он встречает Моисея, взяв жену и сынов его, он выступает навстречу Моисею, подобно человеку просящему и озабоченному, тогда как совсем недавно отпустил его от себя как человека частного и незаметного, а теперь тот, стоя во главе целого полчища людей, ищет для себя новых владений и повсюду, куда ни ступает его нога, пробуждает ужас и страх. Путь сынов Израилевых проходил прямой караванной дорогой на Иордан, повсюду соприкасались они с владениями мадианитян, повсюду встречали стада, принадлежащие этому племени. Принцип подобного народа, исходящего из чужой страны, основывается на праве завоевания. Народ продвигается вперед не без сопротивления. Во всяком же сопротивлении себе он видит несправедливость, а всякий, кто защищает свое имение от него, — это враг, которого можно истреблять, не зная пощады. Не требовалось большой прозорливости, чтобы понять, какая судьба ожидала народности, на которые [обрушится] такая саранча

Кто излагает гипотезу, должен смириться с тем, что никого не убедить ему без труда, — даже и тот, кто склоняется к его способу представлять себе вещи, одобрит его лишь отчасти, поскольку иначе думает обо всем целом; противники же отвергнут все, — такая судьба ожидает и мою работу, а потому каждому дозволено иметь свое мнение и судить о том, в чем нельзя достичь полной достоверности.

Книги, в которых собраны древние предания, всегда остаются особого рода поэзией, не говоря уж о том, что бóльшая часть их и по форме была песнопением, а потому и содержание их — поэтично, т. е. именно смысл их *правдив*, факт же, о котором рассказывается, — по большей части вымысел. Кто станет ловить на слове рассказчика, который миры воздвигает словно стены, у которого Солнце и звезды останавливаются, у которого произносят речи то племенной бог его, то животные полей и хлева? Кто не порадуется подобной поэзии, в которой все обретает жизнь? Но, что хуже, встречается в этих сочинениях и особого рода прозаический вымысел — басни, которые не согласуются ни с законами природы, ни с законами здравого человеческого рассудка, — впоследствии такие басни обнаруживали и старались о них забывать. Главное их свойство — то, что они вставлены преднамеренно, чтобы прикрыть наготу, заполнить пустоты, чтобы благоприятствовать известным основаниям; в таких местах думаешь, что можно и даже должно следовать букве текста, и, однако, для более ясного усмотрения ценности этих сочинений самое необходи-

мое — обнаружить и изъять эти заплаты, эти приемы собирателей и редакторов, эти придуманные задним числом обстоятельства... Такова, по моему убеждению, длительность времени, которое сыны Израилевы будто бы провели в пустыне. Никто не будет отрицать, что мой рассказ о странствовании вполне согласуется со священными книгами и обладает известной внутренней вероятностью, однако всякий сразу же заметит, что я не говорю, какое именно время провели они в странствовании, я вызываю каждого — пусть он попробует отвести всему этому походу более четырех лет. А поскольку я отнимаю у этого события по меньшей мере 36 лет, поскольку я [считаю вставкой] целый ряд остановок, известных мне не из рассказа, а из составленного задним числом перечня, то я должен привести доводы, которые склоняют меня к такому мнению, к мнению, какое, если угодно, напрасно опровергать буквой Писания, — что встречается в Библии чаще, нежели эти 40 лет, которые сыны Израилевы будто бы провели в пустыне, но меж тем эту-то букву я и думаю опровергнуть, исходя из целого смысла описываемых событий, а также и из буквы текста, который передает их нам. Прежде всего мне, быть может, простят, что я направляю свои аргументы против бога, который все время движется вместе с шествием, сам является и произносит речи, и, что хуже всего, против бога, который всякий миг разгневан и безжалостно мстит в настоящем и грядущем, — он исчезает перед спокойным взором исследователя, и остаются нам только лю-

ди, лишь скрывающие свою первозданно грубую природу за столь достойной маской... Итак, если огромное множество людей затрачивает 40 лет на такое странствование, которое можно было бы совершить дней в двадцать, не более, то либо в самом повествовании должна быть указана вероятная причина такой задержки, либо же она должна угадываться в тексте, — иначе у нас есть право либо полностью, либо отчасти сомневаться в правдивости рассказа.

Что бог грозит, что он проклинает целое поколение людей, обрекая его на гибель в пустыне, оттого что люди эти находят неудобное странствие неудобным, могучего неприятеля могучим, и вскоре после этого позволяет неотесанным детям неотесанных отцов захватить землю обетованную, — такая картина, пусть кому угодно кажется она вероподобной, здравому рассудку представится измышлением жрецов. Коль скоро путешествие было столь обременительным для народа, что могло заставить его блуждать одними и теми же дорогами, почему сам военачальник, имеющий дело с толпой беспокойной и нетерпеливой, не поведет его напрямик к цели, вместо того чтобы в течение 36 лет переносить все его выходы, происходящие от томительной скуки, — хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь дал удовлетворительный ответ на такой вопрос.

К счастью, само повествование приходит нам на помощь: я извлек рассказ из всей огромной массы вставленных туда законов, всякий может повторить это за мной, — так, если рассматри-

вать само повествование, то нет в нем места, куда бы можно было вставить эти 36 лет, по ходу повествования упомянута только угроза, и лишь в конце вспоминают об этих 40 годах как о действительно проведенных в пустыне, но только если непредвзято взглянуть на все события, нет [для них] нигде места. Это утверждение нужно изложить обстоятельнее.

История, о которой мы говорим, делится, как мы и рассказывали, на три эпохи: первая — от Раамсеса до Синая, вторая — от Синая до Кадеса, третья — от Кадеса до Иордана.

Конец первой отмечен ясно: они снимаются с Синая в четырнадцатом месяце после исшествия из Египта, за 11 дневных переходов достигают Кадеса, от Кадеса до Иордана едва ли потребен им целый год. Ибо Аарон умирает сразу после исхода из Кадеса, итак, если даже допустить, что он провел в Кадесе или в его окрестностях какое-то сообразное время, то едва ли мы получим хотя бы три или четыре года, — откуда же взять остальные 36, чтобы вставить их сюда?! Это достигается странным образом — посредством увеличения количества остановок, которых в перечне значительно больше, чем в самом повествовании. Чтобы ясно было видно это соотношение, указанные остановки напечатаны двумя параллельными столбцами, кроме того в отдельном столбце указаны происходившие события, — чтобы легче было обозреть целое.

Значительное число остановок в перечне вызывает подозрение, — не потому только, что повествование их не называет, но главным обра-

зом потому, что в конце этих остановок, где не происходит никаких событий, снова встречается Кадес, который в начале [перечня] был выпущен после Асирофа.

В повествовании говорится о Кадесе в пустыне Фаран, а вслед за тем — о Кадесе в пустыне Син; из первого посылают соглядатаев, а из второго немедленно уходят, как только едомиты отказываются пропустить их через свои земли.

Но не трудно показать, что оба Кадеса — все один и тот же Кадес; может быть, никому и в голову не пришло бы считать их двумя различными, если бы не та сложность, что надо сынов Израилевых очень долго водить по пустыне. Место Кадеса в пустыне Фаран показать легко, и можно делать это с тем большей уверенностью, что в другом месте южная граница земли обетованной проведена с восточного конца Соленого моря через Кадес к потоку Египетскому. Отсюда ясно видно, что пустыня Син примыкает с юга к пустыне Фаран и что Кадес лежит на границе этих двух пустынь. Поэтому обычно считают, что подразумевается один Кадес, но от этого только хуже, — прежде всего тем, кто изображает странствование на карте, приходится всячески изощряться, наглядно изображая невозможное, ибо верно, что глаз — лучший судья неподобающего, нежели внутреннее чувство.

Сансон вставляет между Синаем и Кадесом 14 остановок и каких только зигзагов не выписывает на своей карте, потому что расстояние между остановками получается не более двух

миль, и сколько же селений и местностей, известных по имени и славных, не находит Моисей в пустыне, неприступной безлюдности которой он так страшился. Но тем хуже для географа, которому от Кадеса до Ецион-Гавера остается всего лишь пять остановок, а на обратном пути в Кадес, куда ведь так или иначе надо доставить всех, — вовсе ни одной, так что он вынужден положить на пути наших странников несколько небывалых и вообще не указанных в перечне городов, — так в прежние времена неведение географов восполняли на картах изображением слонов.

Кальме пытается выпутаться из противоречий с помощью странных крестообразных движений, часть лишних местечек он располагает в сторону Средиземного моря, превращает Асироф и Мосероф в одно место и после странных блужданий дважды приводит свой народ в один и тот же Кадес, но только та у него беда, что воинство нужно вновь вернуть в Ецион-Гавер.

Уэлл, который принимает существование двух разных Кадесов, так искажает географическое положение страны, помещая — без малейшего основания — Кадес поблизости от Ливны и Риссы, что вовсе не заслуживает упоминания, как и карта Сансона, специально посвященная странствованию сынов Израилевых, подобно большей, состоящей из четырех листов карте Ноленя. Если бы уж надо было хоть сколько-нибудь сохранять текст, так я бы уж лучше повел все воинство из Асирофа или Кадеса в самый Ецион-Гавер, а оттуда, со всеми отклонениями, вновь назад, — но разве не видно,

что и дорога туда и дорога обратно ровно ничего не значит и что только заполняешь пустоту пустотой.

Но если приглядеться еще внимательнее, то становится вероятным, что перечень остановок основан на ложном истолковании более древнего текста и составлен с полусознательным расчетом на 40 лет. Ибо в тексте, которому мы следуем в нашем рассказе, написано, что народ, когда он был разбит хананеями и когда едомитяне не пропустили его через свою землю, обходил на пути к Чермному морю, в Ецион-Гавер, землю Едома; отсюда проистекло то заблуждение, что они будто бы действительно пришли к Чермному морю, в Ецион-Гавер, хотя текст прямо говорит лишь о том, что они ходили вокруг горы Сеира по этой дороге, подобно тому как говорят — «извозчик едет по Лейпцигскому тракту», откуда не следует, что он непременно приедет в Лейпциг. Но к такому ловкому истолкованию пришлось прибегнуть потому, что надо было целых 36 лет таскать по пустыне несметное полчище людей.

Что такое годы истории, если, пока длятся они, ничего не приуготовляется, ничего не совершается, что значит безлюдная местность для землеописания и что нам эти 36 лет, о которых мы не узнаем решительно ничего, что нам эти 18 или 20 остановок между Кадесом и Кадесом, о которых нам не ведомо ничего, — причина, почему и значимы лишь первые два и самый последний год странствования, — после стольких переходов, после стольких лет путешествия мы застаем и народ в Кадесе и пред-

водителя его точно в том положении, в каком они были, когда мы их оставили: народ — недовольный, жестоковыйный, беспокойный, вождь — безрассудно горячливый, грозный... Право же, не было нужды в таком странствовании, не было нужды в такой жизни, да еще на глазах у бога, который вынужден насылать огненных змеев — потому что именно такое, по рассказу, творится на сороковом году путешествия — на новое поколение, на избранников, кому суждено вступить в страну обетованную.

Но если отбросить эти сомнительные не в одном только отношении остановки, эти мертвые и бесплодные 36 лет, то мы расскажем всю историю беспримесно и точно в том порядке, в каком представляет ее нам Пятикнижие, все трудности незамедлительно разрешаются, характер Моисея выступает во всей его последовательности, все странствование упорядочивается и можно уже рискнуть изобразить этот поход на точно начерченной географической карте, тогда как все известные мне карты резко искажают положение пустыни между морями. Правда, в былые времена такая операция изгнания 36 лет из истории была бы крайне щекотливой, но теперь сама точная критика благоприятствует ей.

Мы знаем, что вся библейская хронология искусственна, что в самые ранние времена самаритяне сомневались в том, что люди достигали столь высокого возраста, что все можно разделить на циклы в 49 лет каждый, что ради этого меняли немало чисел, а куда было удобнее вставить, скажем, недостававшие до полно-

го цикла 36 лет, как не в ту эпоху, о которой ничего не было известно и которая была прожита на обширной и малопривлекательной для любого странствующего и путешествующего равнине. Об этом я ничего не скажу. Радуюсь тому, что, следуя известной части текста, удастся придать смысл самой истории, что смысл этот позволяет преодолеть трудности, что множество вставленных законов и установлений можно просто опустить, всякий сумеет прочитать в библейском тексте то самое, что прочитал в нем я, и всякий почувствует, насколько трудно провести так много времени, без цели, без деятельности, на таком небольшом пространстве, причем с такой огромной массой людей.

Итак, число 40, — очевидно, круглое число, обозначающее время, которое человек ли, много ли людей проводят в уединении. Дважды по сорок дней остается Моисей на горе Синай, сорок дней соглядатаи проводят в Ханаане, [сорок лет] народ в пустыне, [сорок дней] Христос в одиночестве.

Гробы прихоти.	Противодействие Аарона и Мариами.
Асироф.	Мужья посланы.
Фаран. Кадес.	Возвращаются через сорок дней.
	Мурон.
	Угроза сорока лет.
	Попытка выступить против жителей гор.
	Бунт Корея.
	Подтверждение авторитета священников.

[ЗАПИСИ ПРИ ЧТЕНИИ БИБЛИИ]

Послание к Евреям — цента¹, крайне произвольно составленная из ветхозаветных мест. Начало, как кажется, направлено против школы тех, кто намеревался поставить Христа в ряд посланцев, ангелов, *aggelōn*, которые в Ветхом Завете нередко подают помощь людям.

Послание к Евреям — грубая и плоская капуцинада². Скверная цента из авторов.

Дельные места хороши — тонкие иногда плохи.

Многие применены к особым обстоятельствам.

Послание к Евреям, очевидно, написано до разрушения Храма³, иначе он не мучился бы так противоположностью земного и небесного.

Послание к Евреям.

Почему в главах 3, 4 так напирает он на покой?⁴

Послание к Евреям, гл. 7.

Полнейшее недоразумение.

Авраам дал Мелхиседеку (Кн. Бытия, 14, 18) десятину всей добычи, и автор письма полагает, что Авраам ввел тем десятину сынам Левиным.

Евр. 7, 19.

«Ибо закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу».

Прекрасный, идеальный смысл!

Послание к Евреям.

Гл. 8 след.

Встречается ли уже ранее Христос как первосвященник и жертва одновременно?

Евр. 8, 13.

«Говоря „новый“, показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению».

Пишущий глубоко чувствовал обветшалость иудаизма.

«Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело — Евр. 10, 5 — уготовал мне уши — Пс. 39, 7 — [открыл мне]».

Павел к римлянам

Письмо не согласуется с концом «Деяний апостолов».

Не видно здесь, чтобы Павел когда-либо был в Риме. А только то, что он собирается отправиться туда.

Не должен был он упомянуть свое первое безусловно решающее пребывание там, ни даже в самом малом намекнуть на него?

Противоположность греков
и
негреков.

Вера и дела.

Вера вменяется в праведность.

Терпение ведет к опытности,
опытность ведет к надежде.

Книга Юдифь.

Еврейский народ не худ, коль скоро есть в нем красавицы, разве не стоят красавицы того, чтобы из-за них вели войны? ⁵

«Новая песнь» ⁶.

По такому поводу.

Книга премудрости.

Изобразительное искусство. История.

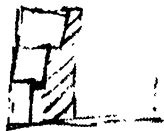
Гл. 13, 14, 15.

Египетская тьма — сказочно. Гл. 17: нечто подобное Данте во всей этой главе.

Повреждения начали заделываться. Неемия, гл. 4 ⁷.

Spiritualis homo omnia judicat et a nemine judicatur *.

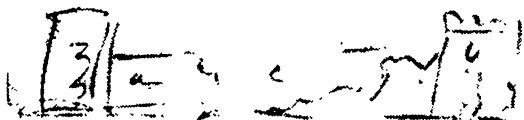
Счастливая мысль о восстановлении храма Соломонова ⁸.

Повреждения начали заделываться.

---

* Но духовный судит обо всем, а о нем никто судить не может (лат.).

Начинают, и строят от башни *a*, и равно строят стену от башни *b*. Тогда остается щель *с*, которую необходимо заделать.

Но если хорошие камни уже потрачены на *a* и *b*, то камни похуже сойдут для *с*.

Первая книга Самуила.

Гл. 5⁹.

Дагон — составленная из разных частей статуя.

Туловище — деревянное.

Голова и руки — из другого материала.

Вера — любовь к незримому.

Полагаться на невозможное, невероятное.

С гл. 17 начинается новая редакция.

В. Повтор рассказов о Давиде¹⁰, играющем на струнах пред Саулом, и о метании копья, очевидно разные листы.

Повтор и «Саул во пророках»¹¹.

АННАЛЫ

1815

Уже в прошедшем году мне были доставлены все стихотворения Хафиза в переводе фон Хаммера, и если прежде печатавшиеся в различных

журналах отдельные переводы из этого великолепного поэта ничем не привлекали меня, то теперь воздействие на меня их, взятых вместе, было тем более сильным, и мне пришлось отнестись к ним творчески, дабы такое могучее явление не подавило меня совершенно. Воздействие было слишком сильным, немецкий перевод лежал передо мною, и я должен был найти в нем побуждение к собственному участию. Вышло наружу все подобное по сюжету или смыслу, что хранилось или таилось во мне, — тем более бурно, что я чувствовал, насколько необходимо бежать в мир идеальный из мира реального, заключавшего и очевидную и скрытую угрозу самому себе; принимать же приятное участие в мире идеальном было предоставлено моим желанием, способностям и воле.

Не будучи совсем незнаком с своеобразными чертами Востока, я обратился к языку, поскольку то было неизбежно, чтобы дышать воздухом Востока, обратился даже и к письму с его особенностями и украшениями. Я вспомнил «Моаллакаты»¹ — некоторые из них я еще прежде переводил сразу же после их появления. Образ жизни бедуинов предстал в моем воображении; «Жизнь Магомета» Эльснера², с которой я давно уже сдружился, вновь помогла мне. Укрепились отношения с фон Дицом; «Книга Кабуса»³ открыла передо мной сцену восточных нравов в самую значительную эпоху, подобную нашей, когда у государя были все основания наставлять сына в пространном сочинении тому, как, занимаясь делом и ремеслом, все же не погибнуть в этом мире и при самой тяжелой

доле. «Меджнун и Лейла», образцы безграничной любви, были вновь усвоены чувству и воображению; чистая религия парсов была извлечена из позднейшего запустения и возведена к ее прекрасной простоте; давно изученные путешественники Пьетро делла Валле, Тавернье, Шарден читались заново с определенной целью, и мне оставалось только, без долгих раздумий, протягивать руку, чтобы тотчас же находить и применять то, что требовалось мне в данную минуту. Диц отвечал на мои странные вопросы и был сама предупредительность; Лорсбах участливо помогал мне, благодаря ему не остался я без контактов и с Сильвестром де Саси, и хотя все эти мужи едва ли могли предположить, а тем более понять, в чем, собственно, состояли мои намерения, каждый все же способствовал тому, чтобы самым спешным образом просвещать меня в такой области, где я хотя и успел поупражняться, но не имел, однако, полного обзора местности. И подобно тому как хаммеровский перевод постоянно находился у меня под рукой, так не преминул я воспользоваться и сокровищами его «Сокровищниц».

Между тем политический горизонт начал постепенно светлеть; желание выйти на волю, особенно же побывать в родных, теперь освобожденных местах, к судьбе которых вновь пробудилось во мне участие, нудили меня совершить путешествие. Свежий воздух и быстрое движение сразу же открыли простор для созданий в новом восточном духе. Целительное пребывание на водах, жизнь в сельской местности, дав-

но знакомой, где бывал я еще в юности, участие умных, любящих друзей способствовали оживлению и нарастанию состояния счастья, какое выступает в «Диване» перед всяким, кто способен испытывать чистое чувство.

К концу моего паломничества собрание мое так выросло, что я уже мог разделить его на книги согласно известному родству содержания, соразмерить пропорции различных ответов и приблизить все в целом если не к совершенству, то к завершению. И так, среди развлечений, я выиграл и обрел больше, чем могло бы дать мне равное количество безмятежно покойных дней.

Перед моим отъездом были отосланы четыре тома нового издания моих сочинений, и я начал редактировать «Путешествие в Сицилию»⁴, однако интерес к Востоку захватил все способности моей души. Большая удача! — потому что, будь это стремление сдержано, отвлечено в сторону, я никогда не сумел бы найти дороги в этот рай.

1816

Если упоминать свои работы, то прежде всего необходимо назвать «Диван». Он дополнялся, упорядочивался; некоторое было предназначено из него в «Календарь для дам»⁵. Я продолжал собирать заготовки для исторического, пояснительного раздела, со вниманием штудирова «Достопримечательности» фон Дица, полемику его с Хаммером, «Сокровищницы Востока» последнего; всюду вдыхал я свежий воздух Востока. В нужную минуту в моих руках

оказался «Цейлон» Нокса⁶, однако особо ценным представился мне Хайд, его «Религия персов»⁷, а поскольку всегда, когда перед мысленным взором вставал значительный материал, я как бы невольно побуждался придавать ему форму, то я стал набрасывать восточную оперу и приступил к ее разработке. Я бы и довел ее до конца, поскольку она какое-то время действительно жила во мне, будь рядом со мной композитор, а передо мной — многочисленная публика, — они принудили бы меня трудиться, идя навстречу способностям и умениям одного, вкусу и требованиям второй.

1817

О своих работах скажу следующее: я продолжил для «Дивана» изучение характерных особенностей Востока, употребив на это немалое время, поскольку же искусство письма столь значимо на Востоке, то едва ли кто сочтет странным, что, не особенно занимаясь языками, я весьма прилежал каллиграфии, в шутку и всерьез, воспроизводя со всем тщанием восточные манускрипты из числа доступных мне⁸ — насколько мог, красиво, даже с различными традиционными украшениями. От внимания читателей не ускользнет воздействие, какое, при ближайшем рассмотрении, эти усилия в области техники духа оказали на стихотворения «Дивана».

1818

В течение всей зимы «Диван» мог пользоваться такой благосклонностью, любовью, страстью, что не было необходимости откладывать его печатание, которое началось в марте-месяце. Изучение Востока продолжалось — в надежде, что примечания, отдельные статьи помогут достичь лучшего разумения, ибо немец, конечно же, не мог не опешить, видя, что ему предлагают нечто из совершенно иного мира. Кроме того, публикация в «Календаре для дам»⁹ не столько подготовила, сколько ввела в заблуждение публику. Не пошла на пользу замыслу целого двусмысленность — переводы то или подражания, согласно образцам или внутреннему освоению; я же предоставил все течению времени, привыкнув к тому, что немецкая публика сначала опешит, потом же примет и порадуется.

Далее, самой насущной представлялась задача прояснить для себя и для других характеры семи главных персидских поэтов и их созданий. Это стало возможным лишь благодаря тому, что я старался всемерно пользоваться значительным трудом фон Хаммера¹⁰. Все было привлечено — «Религиозные обряды древних парсов» Анкетиля¹¹, басни Бидпай¹², «Арабские стихотворения» Фрейтага¹³, «Арабская грамматика» Михаэлиса¹⁴; все должно было послужить тому, чтобы сроднить меня с тамошними местами.

[ПЛАН «СТАТЕЙ И ПРИМЕЧАНИЙ»]

Введение

1. Предисловие.
2. Азиатская поэзия.
3. Еврейская.
4. Ветхозаветная.
5. Руфь.
6. Песнь Песней
7. Арабская поэзия
8. Моаллакат.
9. Пример.
10. Персидская поэзия.
11. Заход вширь.
12. Наидревнейшее время.
13. Огнеучение.
14. Культ.
15. Условия жизни.
16. Мораль.
17. Обработка земли.
18. Деспотизм.
19. Объявление войны.
20. Конскрипция.
21. Налоги вместо добровольных приношений.
22. Блеск персидской монархии.
23. Враждебны грекам.
24. Поход Александра.
25. Разрушительное действие.
26. Краткосрочность.
27. Преемники.
28. Парфяне.
29. Аршакиды.
30. Греческий язык.
31. Искусства.

32. Сасаниды.
33. Древнее богослужение.
34. Византийское искусство.
35. Глубокое падение.
36. Памятники зодчества.
37. Варварское.
38. Величие и роскошь.
39. Возбуждающее фантазию.
40. Басни и предания.
41. Басни Бидпаи.
42. Шахматы.
43. Последнее состояние.
44. Магомет.
45. Коран.
46. Сасаниды побеждены.
47. Халифы.
48. Уничтожение литературы.
49. Введение арабского.
50. Действенность национального.
51. Победители получают культуру от побежденных, культура, какую нашли они здесь.
52. Слабость монархии.
53. Наместники отпадают.
54. Махмуд из Газни.
55. Высокие помыслы.
56. Восстановление народности.
57. Поэты.
58. Царь поэтов.
59. Прежний, обретенный труд.
60. Завершение предрешено.
61. Фирдоуси.
62. Энвери.
63. Низами.
64. Джелалэддин Руми.

65. Саади.
  66. Хафиз.
  67. Джами.
  68. Характер персидской поэзии.
  69. Дальнейшие эпохи.
  70. Наиновейшие.
Письмо персидского посланника.
Хронику при персидском дворе продолжают.
  71. Далекость западных людей от этой поэзии.
  72. Религия не служит препятствием.
  73. Но деспотизм и раболепие.
  74. Толкование Малколма и извинение.
  75. Права царей в Израиле.
  76. Противодействие человеческого естества.
  77. Гиперболическое качество их поэзии.
  78. Метафоры поверх созерцания.
  79. Противные, приятные.
  80. Притянутые за волосы и среди них весьма удачные уподобления. Добродетели, которые развиваются из недостатков.
  81. Параллелизмы и любовь к рифме.
  82. Поэзия в духе кводлибета.
-
83. Язык цветов.
  84. Оракулы из книг.
  85. Книжный шифр.
-
86. Рукопись для друзей.
Общие рассуждения.
  87. Продолжение Дивана.
  88. Обзор его по книгам.
-

89. Признания в том, как я подошел, и пр.
90. Воспитание на Ветхом Завете и через изучение его.
91. Описания путешествий, старые и новые.
    Марко Поло.
    Делла Валле.
    Тавернье.
    Шарден.
    Новейшие, особенно англичане.
92. Индийская поэзия.
93. Восточная поэзия Джонса.
94. Труды фон Хаммера.
95. Лорсбах.
96. Фон Диц.
97. Новейшие английские познавательные работы.
98. Исправления отдельных мест.
-

[ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ В СВЕТ
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»]

В книжном магазине Котты к ярмарке Юбилате выходит в свет:

«Западно-восточный диван» Гете, с разъяснительными замечаниями;
равным образом

Поэтическое толкование торжественного шествия «в высочайшем присутствии Ее Величества императрицы-матери Марии Феодоровны в Веймаре 18 декабря 1818 года».

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН,
или Собрание немецких стихотворений,
постоянно соотносящихся с Востоком

Первое стихотворение, озаглавленное — «Хеджра», дает достаточное знание смысла и намерения целого. Оно начинается так:

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальный
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни.

Поэт смотрит на себя как на путешественника. Вот он уже прибыл на Восток. Его занимают нравы, обычаи, предметы, религиозные мнения и убеждения, и он не отводит от себя подозрение, что и сам он — мусульманин. В такие всеобщие отношения вплетено и его собственное поэтическое творчество, и стихотворения этого рода образуют первую из книг под заглавием «Моганни-наме». «Книга Поэта». За нею следует «Хафиз-наме» — «Книга Хафиза», посвященная характеристике, оцениванию, почитанию этого необыкновенного человека. Помимо этого, здесь выражено то отношение, в каком находится к персу, как он сам то чувствует, немецкий поэт — он утверждает, что страстно увлечен им, и представляет его недостижимым для подражания.

«Книга Любви», что выражает жаркую страсть к предмету неведомому и тайному. Некоторые из стихотворений выдают свое чувственное со-

держание, некоторые же можно толковать и в духовном смысле, согласно восточному обычаю. «Книга Друзей» заключает светлые слова любви и симпатии, какие в подобающих случаях были поднесены любимым и почитаемым лицам, по персидскому обыкновению чаще всего на листах бумаги с золотой цветочной каймою, на что дается намек и в самих стихотворениях. «Книга Размышлений» посвящена практической морали и житейской мудрости, согласно нравам восточных людей и их манере выражения. «Книга Негодования» содержит стихотворения, тон и манера которых не чужды Востоку. Ибо те самые поэты, что осыпают своих благодетелей и покровителей самыми изысканными похвалами, утрачивают всякое чувство меры, как только замечают, что ими пренебрегли, или когда полагают, что их не наградили достаточно. Кроме того, они в постоянной ссоре с монахами, ханжами и тому подобным людям; и с миром, как именуют они путаный ход событий, почти что не зависящий от бога, они тоже непрестанно сражаются. Наш немецкий поэт поступает сходным манером: он резко и настойчиво отвергает все то, что вызывает в нем отвращение. Некоторые из таких стихотворений можно будет напечатать лишь в позднейшие времена. «Тимур-наме. Книга Тимура» улавливает, подобно зеркалу, происходящие в мире колоссальные события, а в них, на горе и в утешение нам, мы видим отражение своих собственных судеб. Менее досадна «Книга Изречений». Она состоит из небольших стихотворений, повод к которым подали аллегорические

речения Востока. «Книга притчей» содержит образные рассказы, применяемые к обстоятельствам человеческой жизни. «Книга Зулейки», содержащая поэзию страсти, от «Книги Любви» отличается тем, что здесь возлюбленная называется по имени, что ей придан определенный характер, что она сама выступает как поэтесса¹ и в своей беззаботной юности словно соперничает в пылкости страсти с поэтом, который не скрывает свой возраст. Местность, где разгрызается эта дуодрама, — совсем персидская. И здесь тоже заметно иной раз духовное значение — покров земной любви таит отношения высшего свойства. «Саки-наме, Книга Кравчего». Поэт ссорится с подавателем за трапезой и вместо него выбирает себе милого мальчика, чтобы тот, угождая ему, услаждал тем вино. Подросток становится учеником его, наперсником, кому поверяет он свои помыслы. Взаимная благородная склонность их вносит жизнь в эту книгу. «Книга Парса». Здесь по возможности представлена религия огнепоклонников, а это тем более необходимо, что без ясного представления о древнейшем состоянии темными останутся все позднейшие перемены, свершившиеся на Востоке. «Книга Рая» содержит как особенные черты магометанского рая, так и высшие приметы духовного благочестия, имеющие касательство к этой обетованной веселой жизни во блаженстве. Тут найдут, согласно восточному преданию, легенду о семи спящих отроках, и другие сказания, повествующие с тем же умонастроением о готовности променять земные радости на радости небес-

ные. В заключение поэт прощается с своим народом, и на том кончается весь «Диван».

Мы сочли необходимым предпослать книге настоящее объявление, а «Календарь для дам на 1817 год»² представит немецкой публике несколько сочленов нашего «Собрания».

фон Гете.

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Мы были бы людьми крайне неблагодарными, если бы не упомянули заслуживающие всяческого восхищения поэтические творения индийцев, которые, теснимые самой туманной философией с одной стороны и самой чудовищной религией с другой, благодаря своей счастливой природе с победой выходят из конфликта с ними, не заимствуя от каждой более того, что может пойти на пользу внутренней глубине и внешнему достоинству.

Прежде всего да будет названа «Сакунтала»¹, в которую, преисполняясь восхищением, мы погружались в различные годы. Женственная чистота, невинная уступчивость, беспамятство мужчины, материнство и жизнь в уединении — все самые естественные обстоятельства, но только они поэтически возвышены здесь до сферы чудес, плывут между небом и землей словно тучи, несущие урожайный дождь, — самый обычный жизненный спектакль, он сыгран богами и детьми богов.

То же и «Гита-Говинда»²; и здесь все самое внешнее может быть представлено лишь при

условии, что действие образуют боги и полубоги.

Нам, жителям Запада, достойный переводчик доставил лишь первую половину, изображающую безграничную ревность полубогини, брошенной возлюбленным, либо мнящей себя покинутой. Подробность такой живописи до самых мельчайших деталей всюду трогает нас; но каковы же будут наши ощущения во второй половине, призванной представить возвращение бога, несдержанную радость возлюбленной, безграничное наслаждение любящих — наверное ведь, все изображено так, чтобы уравновесить чрезмерность лишений в первой части.

Несравненный Джонс слишком хорошо знал своих соплеменников-островитян, чтобы в этом случае, как и всегда, держаться в границах европейской благопристойности, и все же решился на такие намеки, что один из его немецких переводчиков счел необходимым устранить и вычеркнуть их.

В заключение не удержимся от того, чтобы не сказать о поэме, ставшей известной недавно, о «Мегха-Дуте»³. Она, как и предыдущие, содержит чисто человеческие отношения. Царедворец, сосланный с севера Индии на юг, в ту пору года, когда облака, вечно переменчивые, собираются в огромные кучи и непрерывной чередой тянутся с южной оконечности полуострова к северным горам, предваряя сезон дождей, поручает одному из подобных колоссальных воздушных образований приветствовать свою оставшуюся на родине супругу, утешить ее краткосрочностью изгнания, по дороге

же отметить взглядом и благословить города и земли, в каких живут его друзья, вследствие чего получаешь представление о пространстве, отделяющем его от милой, а вместе с тем и картину того, какие богатства приданы каждой из местностей на том континенте.

Все эти творения сообщены нам в переводах, более или менее отходящих от оригинала, так что мы наблюдаем лишь общую картину вне четко очерченной своеобразности подлинника. Разница, верно, велика, что со всей очевидностью явствует из перевода нескольких стихов непосредственно с санскрита, которыми я обязан г-ну профессору Козегартену. Однако мы должны [ ] всех этих первых переводчиков, задача которых — лишь пробудить в нас разумение чуждых условий, а потому быть внимательными не столько к образу мыслей писателя, сколько к нашему. Потому что вслед за тем наступает вторая эпоха⁴, когда остро и пронизательно стремятся связывать чужое с отечественным, пока неотвратно не наступает эпоха третья, заслуга которой в том, что она, словно пугало, загоняет нас в самый оригинал и тем самым внешне исполняет собственную цель всякого сообщения.

С этого далекого Востока не можем возвратиться, не упомянув сообщенной нам в самое последнее время китайской драмы⁵; здесь самым трогательным образом представлено подлинное чувство стареющего человека, который собрался умирать, а наследников мужеского пола по себе не оставляет, — вся трогательность

как раз в том, что, как оказывается, он если и не лишится тех прекрасных церемоний, какими обычай той страны предписывает поминать почивших, то по крайней мере должен предоставить совершение их недоброжелательным, небрежным родственникам. Это — самая настоящая картина семейства⁶, но только не в особенном, но направленная ко всеобщему. Она очень напоминает «Холостяка» Иффланда⁷, только у немца все проистекает из души или из неурядиц семейной и общественной жизни, у китайца же помимо все тех же мотивов [ ] все религиозные и гражданские церемонии, которые идут на пользу счастливому отцу семейства, для нашего же мужественного старика бесконечно мучительны и повергают его в беспредельное отчаяние до тех пор, пока все целое не приходит к радостному завершению благодаря исподволь подготавливавшейся и неожиданной перипетии.

ФОН ХАММЕР

Перевод Хафиза.

Цельное представление об этом муже, которого не легко понять.

Преимущества «Сокровищниц».

Пожелание — иметь особые введения и руководства для любителей.

Последний труд — «История и образцы персидской поэзии».

Эта книга как фундамент будущей разработки целой ветви восточной литературы.

Что пожелать теперь в продолжение этой превосходной работы.

Все более точная проработка перевода.

Приближение к оригиналу.

Ассимиляция к немецкому образу мыслей.

Уже сам замысел замечателен для этой цели.

Две рецензии этого труда —

в галльских «Всеобщих литературных ведомостях» и в венских «Ежегодниках».

Помимо всего любителю, который вынужден опираться на переводы, не было проку от множества отдельных произведений, разбросанных по ежедневным и помесячным изданиям, — из них он никак не мог извлечь необходимое себе. Так, особенно Хафиз и оставался необъяснимым и не доставлял удовольствия. Поэтому наивысшего признания заслуживают работы г-на фон Хаммера, который доставляет нам в руки весь «Диван», потому что здесь дело не в том, весь ли «Диван» годится для чтения, не останется ли он непонятным нам в отдельных разделах, безучастно пролистывается в каких-то других, — главное, что все передано нам, наугад и на счастье, и что все дает внимательному любителю и наблюдателю ключ к пониманию характера поэта, его эпохи и его поэтической манеры. За это мы благодарны переводчику, который облегчает доступ к оригиналу любому читателю — либо по духу, либо по букве.

Сейчас противоречило бы, однако, нашей цели, если бы мы стали приводить более старые труды, в которые время от времени заглядыва-

ли за разъяснениями и которым обязаны немалым, — это Хайд¹, Бриссон², Реланд³ и многие другие труженики в этой дисциплине. Скорее мы подвигнуты рассуждать о том, что настоящее духовное побуждение исходит от современников, ибо всякий человек, трудящийся в то же самое время над своим предметом, работает в духе дня и располагает знаниями и обладает чувством того, в чем испытывают потребность другие, одновременно живущие с ним люди. Так, нельзя описать, до чего возбудили меня «Сокровищницы», оживив и обновив все поблекшее в уме и памяти; не менее того выставила перед нами все ослепительное великолепие восточной поэзии поэма «Ширин», хотя мы и не вполне одобряем то, что характеры различных персонажей в этой поэзии, равно как и свойства, признаваемые за каждым из них, и поэтическая манера слишком смешаны и слиты воедино.

В завершение нам остается превознести самый последний труд — «Историю изящных риторических искусств Персии». Мы самим своим делом признаём, что без этого благоприятствующего нам труда не могла быть ни задумана, ни написана настоящая тетрадь и что именно в том наставлял он нас, в чем оставались у нас либо пробел, либо неопределенность ощущения. Так, не тратя лишних слов, сошлемся лишь на то, что не одна страница нашей статьи высказывает похвалу этому сведущему, неутомимому автору.

ПЕРЕВОДЫ

Три разновидности —

1. Приближать чужие создания отечеству.
2. В дальнейшем попытка подойти к чужому, обретя своего рода средину.

3. Последняя попытка — достичь тождественности перевода и подлинника.

— примеры, даже образцовые примеры которых могут предъявить немцы.

Приближенность к иноземному должно всячески отмечать — и в хаммеровских трудах хвалить, так как они идут в этом направлении, наряду с чем мы с благодарностью принимаем, однако, и гексаметры и пентаметры, принадлежащие первому способу переводить.

Замечательны переложения превосходного Джонса на латинский и греческий лад, каковые, однако, напоминая нам о совсем иной стране, об иных вкусах и нравах, совершенно уничтожают своеобразную оригинальность поэтических созданий, хотя и передают их содержание.

Несчастливая затея г-на [Валя] ¹ перерабатывать Фирдоуси, причем так, что он отрывается от Востока, но не делается ближе Западу.

Прозаический перевод был бы лучше, чем перестроенный в непрактичном, неподходящем размере.

Хаммеровский — держащийся подлинника строка за строкой — единственно допустим. Если г-н [Валь] не может решиться перевести так, то он занят делом невыгодным ни для него, ни для книгопродавца, который возьмется его печатать.

Переводчик не сможет снискать благодарности, а издатель лишится дохода.

БОГОЯВЛЕНИЕ

Святым трем царям — со звездою ходить!
Едят они, пьют, но не любят платить;
И любят поесть, и любят попить,
4 Едят и пьют, но не любят платить.

Святым трем царям пора прибывать,
Их трое — четвертого где им взять;
А если бы четвертый был при них,
8 Так было б их четверо — трех святых.

Я первый, прекрасный, я первый, я бел,
Смотри ты днем — я бел, я поспел;
Но нет, увы! мне не хватит казны
12 Охочую взять до моей белизны.

Второй я, смуглый, я сильно подрос,
Я рос на пирах и близ женских кос,
Не пряности — золото в путь я беру,
16 Так всем придусь я ко двору.

Последний, черный, я ростом мал;
Меня бы кто на пир позвал.
Люблю поесть, люблю попить,
20 Я ем и пью — не люблю платить.

Святые цари, по свету бродя,
Все ищут мать и ищут дитя;
Святой Иосиф сидит при них,
24 И бык лежит, и осел притих.

И смирна и золото не в тяжесть нам,
А женскому сердцу мил фиаммам;
Когда ж за вино нам случится сесть,
28 Так трудно сказать — трое нас или шесть.

Коль скоро мы видим тут дам и господ,
Не видим быка, и осел не орет,
Так, стало быть, мы зашли не туда
32 И пустимся дальше — нам надо куда.

[ЗАПИСЬ О НОВОЗАВЕТНЫХ ЛЕГЕНДАХ]

Чистое евангельское предание — лишь идеально.

Затуманено легендами и доведено до невероятности.

Теперь его надо спасать с помощью сказки, которая в конце концов тоже не преминула произвести свое воздействие.

[О ХАРАКТЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ]

В сочинении Видебурга «Пространное извещение о некоторых старонемецких поэтических рукописях XIII и XIV столетия, хранящихся в Иенской библиотеке» (Иена, 1754), на с. 8 сообщается, в полном соответствии с истиной, что в большом конволюте¹ с самыми разнообразными песнями содержится несколько стихотворений, увековечивающих имена героев и покровителей. Среди них песнь в честь короля Рудольфа представляет собой занимательный феномен. Эта песнь — похвала-осмеяние, каких еще надо поискать. На Востоке нередко слу-

чается так, что поэт, не получая заслуженного вознаграждения, ссорится с покровителями и вместо прежних хвалебных поэм начинает сочинять позорные и насмешливые стихи.

В нашем случае замечательно то, что многообразные похвалы прерываются одним и тем же упреком на манер рефрена; похвалы перечисляют добрые качества государя, а насмешка касается лишь его скупости, — которая, если только тут подразумевается Рудольф Габсбургский, вполне простительна, потому что ему приходилось восстанавливать империю, словно Веспасиану. Могучих и властных врагов необходимо было заполучить на свою сторону, свое обширное семейство — обеспечить, так что, должно быть, певцам и гудочникам доставалось маловато.

ТРИ СВЯТЫХ ЦАРЯ

Рукопись, на латинском языке, XV столетия

Посвящается епископу с капитулом, вероятно, кельнскому. После чего, в качестве введения, говорится следующее:

Святые мощи трех царей хотя и были перенесены на Запад, однако на Востоке о жизни и трудах их еще сохранились известия, которые не дошли до нас. Что сохранили очевидцы, сохранили слышавшие, что донесено до нас устным преданием, все то и записано в разных книгах. А теперь все это сведено воедино, во славу Господа и святой девы Марии, в настоящем сочинении.

История начинается с исхода сынов Израилевых из Египета. Их победы и завоевания изумляют целый свет, и даже индийцы прислушиваются к их славе, а потому на самой высокой горе Ваус выставляют стражей, чтобы, если произойдет враждебная вылазка, подавать знак, — днем дымом, ночью огнем, — который повторяли бы вслед за ними стражники на всех горах поменьше.

Вскоре приходит весть: Валаам¹ (не волхв, но пророк наподобие Иова) предрек: «Взойдет звезда от Иакова и восстанет жезл от Израиля! Родится герой, который победит весь мир и воцарится в нем»². Такой вести возрадовались стар и млад, потому что долго не было у них сколько-нибудь сносного царя. Тогда заведенное на горе Ваус становится астрономическим — и важным — мероприятием, нанимают надежных мужей, чтобы те наблюдали за небом денно и нощно и, как только завидят небывалую звезду, сообщили о том условленным знаком; правда, надо сказать, что к тому были у них все условия, потому что при таком положении на Востоке, при значительной высоте горы и чистоте атмосферы, конечно, можно было увидеть не одну звезду, которую не разглядеть бы западнее, в более низко расположенной местности. Столь солидное заведение сохранилось до позднейших времен, так что благородные мужи с горы Ваус почитались и с почетом принимались во времена крестовых походов. Тут и исток нашего письменного предания.

В 1200 году, во времена наивысшего расцвета великолепного города Акко³, когда сюда

стекались государи, вольные владетели, дворяне, монахи всевозможных орденов, купцы и любопытствующие всех племен и народов, слава этого города достигла Индии. Один благородный муж из рода Ваус едет в Акко и везет с собой самые драгоценные сокровища. Тут и золотая корона, украшенная драгоценными камнями, у которой наверху — крест с халдейскими буквами и звезда точно в том виде и подобии, в каком явилась она трем царям. Эта диадема будто бы принадлежала царю Мельхиору из Нубии, и в ней заключалась чудодейственная сила — ею излечивали падучую и приводили в чувство немощных. Впоследствии она попала в руки храмовников, которые сумели извлечь из нее немалую выгоду, а потом, когда орден был упразднен, то, к величайшей скорби тамошних мест, затерялась.

Но наш царевич с горы Ваус привез с собой из Индии также книги, еврейские и халдейские, о жизни и подвигах святых трех царей и об иных связанных с ними обстоятельствах. Книги эти перевели в Акко на галльский язык и хранили у государей и князей, тоже и в других местах. Из этих и подобных сочинений и составлена настоящая книжечка.

А теперь повествование снова начинает с пророчествований Валаама и прослеживает эту звезду и чаяния ее во всех праотцах и пророках; все это время, надо сказать, астрономы с горы Ваус не оставляют своих наблюдений и с великим терпением продолжают их в течение столетий.

Наконец, бог смилостивился над грешным

миром. Времена исполнились; поступает приказ римского императора; Иосиф и Мария прибывают в Вифлеем; они селятся в жалкой пещере, используемой под хлев, — она описана прелестно; рождается Христос, он возвещается пастухам. Обетованная звезда тоже восходит и останавливается в неподвижности над горою Ваус, споря днем с Солнцем и даже затмевая его своими чудесно-беспокойными лучами, сверкающими то туда, то сюда, в сопровождении всяких иных редкостных феноменов.

Все народы приходят в волнение, прежде же всего три мудрых царя. Сначала Мельхиор, царь первых Индий, т. е. Нубии, если следовать описанию его владений. Балтазар, царь вторых Индий, Годолии и Савы и всех прочих царств, какие там перечисляются. Каспар — царь третьих Индий, владыка Тарса и большого острова Эгрискуллы, где похоронен святой Фома. Все эти цари пускаются в путь с большой свитой и войском, ничего не ведая друг о друге; на людей движущиеся полчища наводят страх, потому что их ведет звезда, и неслыханными путями; горы и долины, пустыни и болота — все сравнивается перед ними; в пути они не пьют и не едят и так, вместе со своими спутниками, прибывают за тринадцать дней в Иудею. Мельхиор и Балтазар, напоследок и Каспар, подходят, каждый с своей стороны, к Голгофе, опускается сильный туман, звезда исчезает, все в великом смятении. Наконец, небо проясняется, они видят, узнают и приветствуют друг друга с восторгом, рассказывают один другому о своих приключениях и, хотя каждый

говорит на своем языке, прекрасно понимают друг друга, провозвещая тем Духов день. Находясь поблизости от Иерусалима, они считают благоразумным нанести визит царю Ироду; того книжники уж оповестили о том, что в Вифлееме родится дитя. Вновь является звезда, сверкая и сияя пуще прежнего, пастухи, что встречаются на пути, рассказывают подробности о младенце и его местопребывании. Значение, важность этой встречи особо подчеркивается. Потому что пастухи означают первых уверовавших из числа иудеев, цари — первых уверовавших язычников, которые впоследствии обратятся к Христу. Итак, сходятся в одном месте — бедняки, живущие рядом, и богачи, прибывшие издалека, причем последним лишь первые открывают действительный путь спасения. Цари облакаются в самые роскошные одеяния, звезда им светит и ведет их через весь Иерусалим, по длинной улице, напоминающей базар, наконец, останавливается над пристанищем — пещерой, каких немало используется в гористом Вифлееме под хлева. Блеск звезды умножается, и мрак пронизывается ее фосфоресцирующим светом; пещера уподобляется пещи огненной.

Прелестное описание дитяти, матери с их окружением. Цари поклоняются и приносят дары. Мельхиор — золото, Балтазар — ладан, Каспар — смирну, дары невеликие, первое попавшееся под руку, когда они спешивались, — потому что на верблюдах и дромадерах они везут несметные сокровища. Не что-нибудь, но сразу же все сокровища Александра, какие

скопил сей властелин Востока, включая и все те, какие царица Савская положила в храм Соломонов и какие покоритель миров похитил оттуда. Среди этих драгоценностей и самое драгоценное — яблоко из червонного золота. Им тоже владел монарх, с удовольствием нося его в руке как знак всемогущества; его-то Мельхиор и протягивает младенцу — достойную того игрушку, но младенец только дунул, и яблоко растаяло в воздухе.

Аудиенция окончена, и благочестивые цари, дотоле соблюдавшие строгий пост, едят и впервые за все это время ложатся спать. Во сне их увещевают не заезжать на обратном пути к Ироду, они другим путем отправляются восвояси. Чтобы прибыть сюда, им потребовалось всего-навсего 13 дней, от Рождества до Богоявления, а на обратный путь уходит два года, срок, необходимый для того, чтобы весь свет узнал о великом чуде. Они достигают горы Ваус, ставят на ней часовню, посвящая ее Христу-младенцу, определяют по этому случаю места своих усыпальниц и разъезжаются по своим трем царствам.

Меж тем после отбытия благородных гостей Святое семейство переселяется в другую пещеру. Сновидение увещевает Иосифа бежать в Египет. Тут опять речь заходит о весьма обременительных на случай бегства сокровищах Индии, но рассказчик весьма благоразумно сжимает их до того, что они спокойно размещаются в мешке среди припасов приемного отца, — об этом мешке, или узле, рассказчик впоследствии не забывает упомянуть, красочно

рисую нам столь высоких беглецов. Пребывание в Египте дает повод к занимательным рассказам о происходящих чудесах и не менее того — к пространным известиям о настоящем бальзаме и прочих веществах природы.

Беглецы возвращаются домой; земной жизни Христа рассказчик касается лишь на ходу, а подробнее повествует о том, как он отправляет святого Фому в Индию. Фома послушен своему высокому призванию, он достигает самого дальнего Востока, проповедует Евангелие, разрушает капища идолов; святые три царя, ныне престарелые, узнают о нем и навещают его; он принимает их с величайшей радостью, рассказывает им о жизни, страданиях и славе Христовых. Он совершает таинство крещения и по всем правилам вводит в лоно церкви трех первенцев язычества. Он странствует с ними к горе Ваус, близ которой выстроен блистательный город Скулла. Наш Фома принимает сан патриарха, а трех королей посвящает в архиепископы. Поскольку же в столь преклонном возрасте от них не приходится ждать потомства, на будущее избирают пресвитера по имени Иоанн⁴ — на том условии, что и все его преемники тоже будут Иоанны.

(Попутно рассказывается, что эти преемники еще в 1380 году направляли своих послов в Рим.) Цари умирают — Мельхиор, за ним — Балтазар, потом — Каспар, и их погребают с соблюдением самых торжественных обрядов.

С течением времени христианское учение лишается, однако, чистоты, к нему примешиваются

всяческие ереси, язычество поднимает голову, наиболее почитаемые места пребывают в небрежении — их поганят идолослужением. Под тяжким бременем стонет Восток, пока, наконец, Елена, мать Константина⁵, совершая паломничество, не вступает на священно-классическую почву, не посещает лично каждое из мест, не очищает все от мерзости, не принимает все во владение вместе с церковными и монастырскими зданиями, не застаёт драгоценнейшие реликвии в нетронутном состоянии и, устанавливая места поклонения для будущих паломников, не обретает наивеличайших заслуг перед христианским миром, не любящим сидеть на месте.

Вспоминает она и о святых мощах трех царей, перевозит их с горы Ваус в Константинополь; позже их переправляют в Милан⁶ и наконец в 1164 году в Кёльн. Почитание их повсеместно распространяется на Западе, но и Восток не уступает в поклонении им, потому что даже и христиане-еретики не могут не признать святость их. Затем следует обстоятельный рассказ о еретиках всяческого пошиба в бывших владениях трех царей — о нубийцах, сольданах, несторианах, латинянах, индийцах, армянах, греках, сирийцах, грузинах, иаковитах, кофтах, маронитах, мандополах, арианах. По сему поводу даются некоторые сведения исторического и географического характера.

Затем — краткое указание: как и когда следует почитать этих святых. Кёльн прославляется, ибо владеет такими останками, а в заключение обстоятельно описывается, для самого наглядного представления, облик этих первен-

цев веры из числа язычников — облик, в каком пределали они свой земной путь.

Вышеупомянутая рукопись написана на 84 листах форматом в малую кварту, каковой формат получается, если сложить вдвое малый лист. Тряпичная бумага с поперечными полосами, водяной знак голубя. На каждой странице очень тонкими линиями прочерчен квадрат, в границах которого остается текст; прочерчены линии и для титула, который не исполнен. Почерк тщательный и ровный, со множеством повторяющихся сокращений, без знаков препинания. Каждая глава начинается с большой красной буквицы, в самом тексте некоторые буквы большего размера прочеркнуты сверху вниз красной чертою для лучшего их отличия. Отсюда следует, что в целом эта рукопись вполне доступна прочтению; заметим, что она хорошо сохранилась, что в позднейшие времена она местами подправлена более черными чернилами; на полях добавлены неразборчивые записи.

Внутренние признаки рукописи отсылают нас к XV веку. Так как говорится тут об упразднении ордена храмовников и других исторических событиях, точно отмеченная дата — 1380 год, когда пресвитер Иоанн будто бы направлял своих посланцев в Рим, — все это, даже если настоящая рукопись и является более поздней копией, указывает на начало XV столетия как на время изготовления подлинника.

Она посвящена епископу, названному — Флорентий Вульканненский, епископ Мюнстера⁷. Подразумевается ли под Мюнстером Кёльнский

собор и назывался ли он в те времена Мюнстером, как собор в Страсбурге и других городах, можно будет установить; но что рукопись изготовлена в Кёльне и для Кёльна, явствует из содержания и из заключительного восклицания: «О счастливый Кёльн!»

Повествовательная манера, до самой последней степени сливающая историю, предание, возможное, невероятное, вымышленное с естественным, вероятным и действительным — так что получается исключительно индивидуальное описание, — напоминает нам Иоанна Монтевиллу⁸, и хотя сочинитель не упоминает особо, что побывал в земле обетованной, точность его описаний намекает на это; разве что он подробнейшим образом расспросил паломников. Его легенды и объяснения старинных традиций не совпадают ни с Монтевиллой, ни с «Actis Sanctogim»⁹; все у него ново и свежо и, как показывает наше извлечение, все излагается с безудержной разговорчивостью; напрашивается, однако, следующее рассуждение.

Когда какой-либо древнейший миф и непосредственно вытекающая из него подлинная поэма предоставляет воображению достаточный простор для разработки всего и невероятного и невозможного, то слушатель доволен, и рапсод может смело продолжать; но в прозаической обработке рассказчик, стремясь подробно развить лаконическую традицию, время от времени оказывается в затруднительном положении, потому что в сюжете, который разрабатывается детально, начинают выступать известные противоречия, которые сбивают с толку и застав-

ляют покачать головой и самого доверчивого слушателя. Если же такую манеру исполнения принять, то можно получать удовольствие и от нее, как от любой сказки.

Кстати говоря, произведение, о котором мы говорим сейчас, показывает нам, подобно многим другим, как сильно тяготело воображение к Индии, направляясь туда из Палестины; блуждая по дальним странам словно по загадочному лабиринту, оно выдумывало новые удивительные имена для обозначения неведомых людей, стран и городов и забавно переиначивало подлинные наименования.

В этом смысле один изобретательный коллега¹⁰ предполагает, что гора Ваус — это гора Каус, что должно означать Кавказ со стороны Индии. Гималаи были уже хорошо известны из традиции. Под островом Эгрискулла, поскольку там погребен святой Фома, нужно будто бы разуместь Индийский полуостров. Тогда город Скулла у подножья горы Ваус представлял бы вторую половину названия всей страны; можно ли тут как-либо подобраться к сути дела, покажет будущее. Ближе расположенные местности названы, однако, вполне верно и описаны хотя бы с намеком на подобие.

О великом хане¹¹, о нашествии татар (*homines rudes et viles* *) в 1268 году ведется подробный разговор; эти татары рассеяли и покорили несториан-еретиков. Восточные народы избрали вождем своим кузнеца, как и древние персы. Сведения из истории халифата и о том,

---

* Люди неотесанные, дикие (лат.).

как несториане в конце концов призывали на помощь против татар пресвитера Иоанна, и многое другое — не история и не сказка.

Из веществ природы упоминается бальзам, да в оправдание того, что пастухи с их стадами еще в декабре находятся на воле, трактуется отличие горных и низинных пастбищ, кроме того упоминается овца наваоф с жирным курдюком, — наверное, имеются в виду овцы арабской породы.

К самым же фантастическим созданиям относится сухое дерево в святилище татар. Оно стоит в окружении прочных стен и укреплений за замками и задвижками, его охраняет несметная рать, — потому что какому государю удастся повесить свой щит на это дерево, тот станет властелином всего Востока; это и удалось великому хану, почему он и сделался непобедим. Поэтому заняться этой книжечкой ближе не будет недостойным тех, кто, сопоставляя различные традиции, усматривают за их согласием взаимосвязи народов и эпох. Кроме того, благодарной задачей было бы сравнение всего того, что говорится здесь о еретиках, с общепризнанной историей церкви.

Будучи переведена на немецкий язык, эта книжечка непосредственно примкнула бы к ряду народных книг: она сочинена и написана для толпы, которая, вовсе не стремясь оттачивать свои критические способности, радуется всему, что предлагается воображению в форме приятной. А потому и подробности, мимо которых мы прошли торопливо, исключительно милы и написаны живою кистью.

Не оставим неупомянутым то, что некоторые места книги соотнесены с картинами — словно с документами. Так, например, звезда не просто сияла, как обычная звезда, — она посылала свои лучи то в одну, то в другую сторону, как изображают это художники. Если подтвердится наше мнение о том, что это сочинение написано в первую половину XV столетия, то тем самым оно относится ко времени создания алтарного образа Кёльнского собора¹², и тогда встает вопрос, не имеется ли иных свидетельств того, чтобы в те времена предпринимались попытки оживить культ священных реликвий посредством словесных и живописных картин.

Но еще прежде того необходимо спросить, — известно ли это произведение, находится ли где-либо другой его список, был ли он как-либо использован или, быть может, даже напечатан?

[ОБ АВТОРЕ ЛЕГЕНДЫ О ТРЕХ ЦАРЯХ]

1

Иоанн, кармелит, родом из Кёльна, учен, вследствие того рекомендован Григорию XI, благодаря его покровительству епископ Хильдесхаймский, второй с этим именем. Устав отражать воинственных соседей, испросил себе более покойное место, получил епископство Аугсбургское, затем Вормское, наконец отказался от епископства и в 1373 году умер в Кобленце. Автор ряда сочинений, в том числе и

«Historia trium regum» *, которую он посвятил Флорентию Вевелькофенскому, с 1364 по 1379 год сидевшему на епископском престоле в Мюнстере. Он написал свою книжечку в 1370 году. В 1477 году она была напечатана в Майнце.

2

Меж тем нашелся и старинный немецкий перевод, который, после сопоставления его с латинским текстом, может послужить основой достоверной и сообразной с вкусами нашего времени редакции, — благодаря хорошо задуманным сказкам, она будет споспешествовать занимательному утешению душ.

И ЕЩЕ РАЗ ТРИ СВЯТЫХ ЦАРЯ

Во втором номере второго тома «Искусства и древности» упоминали мы латинскую рукопись, пространно излагающую легенду о трех святых царях. Поскольку эти благочестивые первенцы языков стали в последнее время еще несравненно дороже нам благодаря превосходным работам прежней нидерландской школы, то мы выражали желание узнать больше подробностей об этой книжечке и ее сочинителе и, быть может, даже увидеть ее перевод в стиле, сообразном тому времени. Всегда бывает так, что одно влечет за собой другое, а потому среди гейдельбергских рукописей и разыскался перевод, воспользовавшись которым наряду с

---

* «История о трех царях» (лат.).

подлинником, г-н Шваб и преподносит нам теперь приятный дар, причем приступал он к своему труду следующим образом.

Чтобы сразу же примирить нас с рассказями нашего автора, он поэтически изложил легенду о трех царях в форме двенадцати романсов, предпослав их в качестве вводного извлечения своему переводу, что и отвечает духу самой книжечки, какую он намерен был обработать, — таковая и следует, будучи излагаема в тоне, весьма сообразном как древности, так и самому предмету. Этот стиль, хотя он и отведен на несколько столетий назад, отличается непринужденностью и чужд ненатуральности; все изложенное читается хорошо и легко, и эту книжечку можно рекомендовать всем как по содержанию, так и по его обработке.

Если же теперь все течение дел изложено и обстоятельно-прозаически и вместе сказочно-невероятно, как то и свойственно авторам легенд, поэтическим слагателям циклов и иным запоздалым побегам, то все же встречается немало такого, что напоминает нам известную историю, и, не менее того, такого, что связано с восточными землями и империями. Говорится о климате, особенностях страны, о людях, животных, растениях; мы сталкиваемся с такими забавными чудесами, подобные которым рассказывали нам и в прежние времена; мы обретаем весьма приятное нам свидетельство того, что в те времена люди знали и о чем гадали, что испытали сами и о чем мечтали, и в результате книжечка отдельными местами напоминает нам Геродота, Мандевиля же повсюду; мы замечаем

в ней обычное влечение путешественника — ему из той точки мира, куда он прибыл, хочется заглянуть еще дальше, осмотреться по сторонам.

Далее, отчет, какой дает наш сочинитель о святых местах, таков, что он, видимо, либо сам побывал там, либо же подробно расспросил весьма многочисленных пилигримов. Все это расчленив, указать на совпадения либо с уже известными нам заблуждениями, либо с общепризнанной правдой, было бы делом не трудным для того, кто чувствует себя как дома в этой области, и, конечно, это не осталась бы без плодов для нашего знания мира и времен занятием.

Автором книжечки при ближайшем рассмотрении оказался Иоанн Хильдесхаймский¹, профессор в Авиньоне и в Париже, в 1358 году настоятель монастыря в Гессен-Касселе, опытный писатель, сочинитель прозы и стихов, замечательный проповедник, посредник между государями и князьями. В 1366 году он отправился в Рим; вернувшись оттуда, он стал приором своего родного монастыря в Мариенау, способствовал установлению мира между епископом Хильдесхаймским и герцогами Брауншвейгскими и скончался в 1375 году в названном монастыре, где покоится рядом с основателем монастыря графом Глейхеном, о чем свидетельствует надпись на его могиле, сообщаемая в «Саксонии» Каспара Мюнстера.

В высшей степени замечательно, однако, что именно в 1366 году, когда Мандевиль вернулся из своего путешествия, он находился в Риме —

это тем более проясняет нам взаимосогласие его с тем выдающимся путешественником.

[РЕЦЕНЗИЯ ПЕРЕВОДА «ПЕСНИ ПЕСНЕЙ»]

Песнь Любви, самая древняя и прекрасная песнь Востока, в новом переводе и с эстетическими пояснениями д-ра Фридриха Вильгельма Карла Умбрейта. Геттинген, у Ванденхека и Рупрехта, 1820.

Попытка внести связь в эти фрагменты названа в «Диване» благим, но неисполнимым намерением. Однако мне думается, что на этот раз попытка увенчалась успехом, и именно потому, что она опирается на ту фрагментарность, на какую было указано в «Диване». В качестве предмета целого автор принимает «исключительно блаженство и восторг в полном обладании чувственно-наличным» (с. 33).

Конкретное содержание таково: братья ставят сторожить виноградник свою сестру — молодую, красивую пастушку; ее похищают и приводят в гарем Соломона. Царь несказанно полюбил прекрасную пастушку и намерен сделать ее своей первой женой. Но девушка уже посвятила свою любовь юному пастуху на своих родных пажитях. Во сне и наяву он с нею, и любимый ее тоже томится по ней. Соломон посвящает ее в первые царицы, окружает роскошью и лаской — ей это все равно. Она холодна, и царь вынужден отпустить ее в родные долины. Любящие вновь обретают друг друга и скрепляют вечный союз сердец под яблоней, где произошло их первое сладостное свидание. За-

мысел и исполнение — в драматической форме, все участники произносят речи непосредственно и в согласии с местом, положением, склонностью и желанием. И таким путем эпическая несвязность разрешается все же в определенную взаимосвязь.

[РЕЦЕНЗИЯ ПЕРЕВОДА «ТУТИ-НАМЕ»]

Тути-наме в переводе профессора Икена, с примечаниями и дополнениями профессора Козегартена.

Это произведение по праву называется «Книгой Попугая», потому что попугай играет в нем роль главного действующего лица, и вот как это получается: в отсутствие супруга юная красавица влюбляется в случайно увиденного незнакомца; прибегнув к помощи посредницы, она выясняет, что навещать его не так опасно, как звать к себе. Тогда она одевается в самые красивые наряды и все же не решается сделать ни шагу на свой собственный страх и риск, а потому при наступлении ночи испрашивает совета у домашнего попугая, наделенного нечеловеческой мудростью, и попугай хитро придумывает, как удержать ее дома до утра, — он рассказывает занемогшей от любви интересные, но немыслимо пространные истории. Это повторяется каждую ночь, и мы узнаём тут излюбленную форму восточных народов, при помощи которой они все же вносят какую-то взаимосвязь в свои сказки без конца и края.

Нам следует с самого начала различать более старый вариант «Тути-наме» поэта Зийайед-

дина Нехшеби, заверченный в 1329 году от Р. Х., — обработку старинных рассказов, индийских по происхождению; об этом профессор Козегартен сообщает нам достаточные сведения в приложении.

Более новая обработка Мухамеда Кадери, переведенная г-ном Икеном, по всей вероятности относится к началу XVII столетия.

Поэтому крайне занимательно сопоставить то, что сообщается нам о более старой книге, с новой: та первая отмечена полнотою, подлинно восточными поэтическими представлениями, повествование подробно и крайне пространно, неизбежные повторы всякий раз варьируются и разнообразятся, мы находим в ней подлинные качества хорошо продуманной оригинальной обработки.

Более новая книга, напротив, показывает, что за двести лет восточные народы стали значительно прозаичнее, что они уже готовы довольствоваться извлечением, голым сюжетом, скелетом сказки, лишенным красот. Впрочем, вполне мыслимо, что такой способ обработки на первых порах больше придется по вкусу читателю Запада, чем более древний со всеми своими большими достоинствами.

Поэтому мы весьма благодарны г-ну Икеному за то, что он ввел пока в немецкую словесность это произведение, пробудив к нему интерес и предоставив более молодым талантливым писателям возможность поупражняться в своей собственной манере над этими, неизвестными доселе рассказами и пересадить самое удачное на немецкую почву — это прежде всего влило

бы свежие силы в наши альманахи и карманные книжки.

Однако не удержимся под конец от мотивированной похвалы более старому варианту «Тути-наме», отметив, что как раз полнота, подробность и пространность весьма необходимы для замысла всего целого: ведь если надо удержать дома распаленную страстью женщину, когда наступает ночь, то тут мало одних продуманных, значительных, содержательных сказок, а надо еще, чтобы изложение их было столь изобильно-пышным, и волнующим, и прелестным, чтобы воображение, дивясь на такую силу, не знало бы куда и деться и как постичь все рассказанное. Ведь красавица в великолепных нарядах кажется нам еще прекраснее, так что мы, колеблясь между телесным обликом и покровом, не ведаем, на чем остановить свой взор.

А потому старинное произведение, хотя оно и написано в прозе, быть может, лучше других дает самое полное представление о восточном изобилии. С каждой строкой обходишь весь свет — благодаря тропам и сравнениям, благодаря богатству и преизобилию родственных предметов. Море зовут праздновать день рождения королевича, и оно прибывает сюда со всеми своими сокровищами, — это ли не переполнит и самую подвижную фантазию.

Как разнообразит сочинитель начала своих рассказов, к каким изысканно-милым сравнениям ни прибегает, чтобы сказать, что наступила ночь; мы все снова и снова обегает небо — тут заходит Солнце, там всходит на небо Луна, и мы приветствуем ее в новом обличье.

Пусть эта книга окажется в руках всех — как предварительное наслаждение, и пусть г-н профессор Козегартен как можно скорее даст нам перевод упомянутой старинной редакции, к чему сообщаемые три сказки и рассказа вызывают в нас огромное желание.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Содержание реально, все — в настоящем, благодаря необозримо богатству подчас веско — не обременительно.

Образная разработка раскрепощает дух, хотя водит его по кругу.

В этих поэтических созданиях — дыхание сентиментальности; оно концентрирует, непреодолимо обращает нас к собственному чувству.

В этом смысле едва ли найдется более значительное произведение.

[РЕЦЕНЗИЯ ПЕРЕВОДА «ТЫСЯЧИ И ОДНОГО ДНЯ»]

Тысяча и один день. Восточные рассказы в переводе фон дер Хагена. Семь томов. Пленцлау, 1828.

Над воображением с его беспрепятственной подвижностью словно не властен закон, — скорее, как сон наяву, воображение не стоит на месте; но если присмотреться повнимательнее, так оно многообразно упорядочивается — чувством, нравственными требованиями, потребностью слушателя, но успешнее всего — вкусом,

когда разум, направляя, пользуется благородными своими привилегиями.

Уже в пятнадцати томах «Тысячи и одной ночи» находим значительное расслоение содержания, движения, изложения — да и тех тайных условий, которым послушествует воображение. Теперь же «Тысяча и один день» побуждает нас продолжить эти наблюдения, переносясь в иные времена и к иным народам. Содержание — как бы неисчерпаемо, обработка — вольная. Между тем известный круг вещей замыкается, и дух исследующий постоянно занят тем, что присматривается к его пространствам и знакам, тогда как перед слушателем праздным чредою проходит, ради времяпрепровождения, все рассказываемое, вызывающее в нем большее или меньшее участие.

Мы и этому собранию пожелали бы переиздания и смеем надеяться на таковое, поскольку в нем чужеземное содержание излагается весьма хорошим немецким слогом; а тогда было бы особенно приятно, если бы издатель из Пренцлау, соревнуя издателю из Бреслау, был столь внимателен, чтобы украсить труд гравюрами на дереве¹ в духе вышеназванных.

«ВОСТОЧНЫЕ РОЗЫ» ФРИДРИХА РЮККЕРТА

В немецкой народности, как можно заметить, время от времени наступают, на определенной нравственной и эстетической почве, поэтические эпохи, которые вызываются к жизни какой-

либо побудительной причиной и сколько-то времени длятся, воспроизводя и множа один и тот же материал. Такое развитие нередко порицают, я же нахожу его необходимым и желательным. Коль скоро речь тут пойдет о песнях, то в поэзии от Гельти¹ и до Эрнста Шульце² вьется нить меланхолически-кроткого тона; высокопатриотический немецкий дух Германа³, начиная с Клопштока, подарил нам немногочисленные, однако великолепные мелодии; а в скольких сотнях звучаний раздавалось в пору войн и побед чувство немцев молодых и старых, как спешили они сопроводить песнями и гимнами свои деяния, настроения души. А поскольку в дни мира, пусть даже и на короткие часы, хочется почувствовать себя беззаботным среди веселящейся компании, так не пришлось нехвата и дыхание чужбины, которое, подобно восточному ветру, освежает, охлаждает горячие головы и дает нам насладиться ярким солнцем и чистым голубым эфиром. Музыкальные сочинения на тексты моего «Дивана» уж не раз доставляли мне радость. Слушать сочинения цельтеровские и эбервейновские⁴ в хорошем исполнении, как и поет их не обиженная голосом и дарованием супруга последнего, — это приведет в наилучшее расположение духа всякого, кто способен наслаждаться искусством.

Повтому я и могу рекомендовать всем музыкантам вышеназванные песни Рюккерта; если раскрыть, в добрый час, эту книжечку, так из нее польются и запахи роз, и запахи нарциссов, и что еще из цветов прибавится к ним; немало желанного сказано в ней и об очах, спящих

своей красотой, о локонах, берущих в полон, об опасных ямочках на щеках, — на таких опасностях рад будет поучиться, да и позабавиться ими, стар и млад.

Хотя «Газели» графа Платена⁵ не предназначены для пения, мы охотно упомянем их как стихотворения продуманные, прочувствованные, всецело сообразные с Востоком.

III

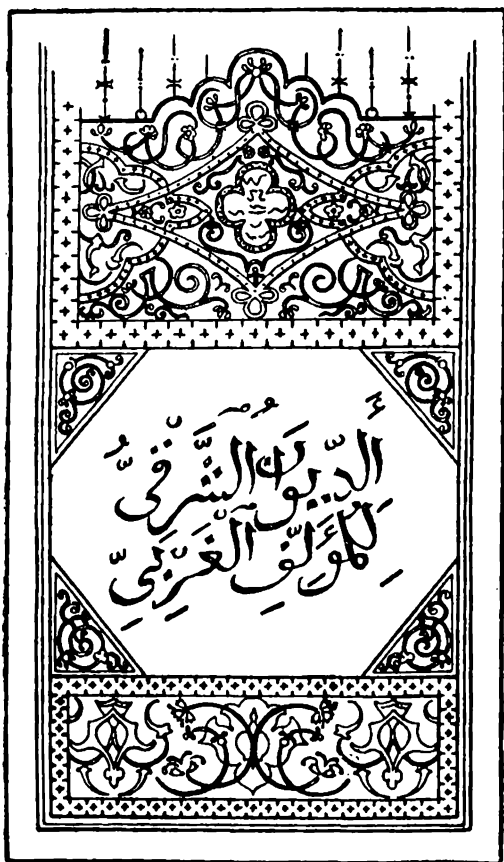
И. Г. Л. Козегартен

[РЕЦЕНЗИЯ «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА» ГЕТЕ]

*Штутгарт, у Котты: Аль-Гарби ад-диван аш-шарки.
Гете. Западно-восточный диван. 1819. 556 с. 8°.*

Западный читатель, обращающийся к рассмотрению ближневосточного искусства, поначалу необходимо почувствует себя, подобно отправившемуся в дальние страны путешественнику, в крайне чуждой для себя области, он натолкнется на мысли, слова и имена, значение и своеобразный смысл которых будут либо неизвестны ему, либо, по крайней мере, весьма непривычны для него, — они поэтому не затронут его внутренне, оставят холодным, и для неопытного взора его всегда будет существовать та опасность, что пестрые, ослепительные предметы лишь уюмят и оставят его неудовлетворенным. Конечно, встречаются умы более крепкие и подвижные, они пролагают себе путь увереннее, терпеливее, а потому в наикратчайшие сроки сживаются с чужеземным материалом, но число таких умов бесспорно менее значительно, нежели первых, тем более, что лишь весьма немногие способны запастись необходимым для поездки в страны Востока ученым багажом, а приобрести его не легко и возить с собой обременительно. Тем приятнее таким читателям, если возьмет их за руку некто более сильный — человек, который приспособится к их манере схватывать и понимать вещи, — и поведет их за собой с Запада на Восток, не оставляя их добрым советом, указывая, на что прежде всего стоит взгля-

нуть в восточных странах, и поясняя, какими глазами следует смотреть на все это. Такую благодарную должность принимает на себя автор «Западно-восточного дивана» — на пользу немецкому читателю, который несомненно сумеет оценить тот факт, что поэзию на сей раз представляет ему поэт, а не просто филолог. Дух поэта открыт всему истинному и прекрасному, поэтому он способен постигнуть и выразить дух и жизнь восточной поэзии, ее корней, ее цветов; напротив, ученый филолог, хотя он и посвятил всю деятельную жизнь изучению восточной словесности, нередко цепляется за буквы и формы, не в силах проникнуть в самый живой дух ее. Поэтому пусть не вводит читателя в заблуждение то обстоятельство, что многие востоковеды, извлекавшие ценнейшие клады исторических и географических сведений из сокровищницы Востока, не слишком распространяются о восточной поэзии; не всякому дано чувство и понимание поэтического, менее всего — филологу, который ко всему подходит с меркой логики и грамматики. Даже многие из подлинно ученых любителей восточных поэтов, принявших близко к сердцу их творчество, не хорошо ведут их дела, — таковы среди филологов прошлого поколения Михаэлис и Рейске; ведь последний, который выставил несчастного Мотанабби, можно сказать, в парике и с косицею в волосах, при всей своей учености дошел до того, что проклял свою арабистику, — до такой степени не способен он был добиться ясности в своих воззрениях. Мы же, со своей стороны, радуемся, что Гете бросил взгляд на восточный мир и подал нам весть обо всем, что обрел там, на Востоке. Кто хоть сколько-нибудь знаком с восточной литературой, не станет долго удивляться тому, что наш поэт приблизился к этой области и, как не трудно заметить, пребывал в ней не без удовольствия. Ведь

Арабский титул первого издания «Дивана».
1819

West = oestlicher
D I V A N

---

von

GEORGE

Stuttgard,
in der Cotta'schen Buchhandlung

1819.

Немецкий титул первого издания «Дивана».
1819

Noten und Abhandlungen
34
besserem Verständniß
des
West-östlichen Divans.

Wer das Dichten will verstehen
Muß in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen
Muß in Dichters Lande gehen.

Goethe's Werke, VI. Bd.

Шмуцитул прозаической части «Дивана».
1827,

Ginggo biloba

Dieses Baum: Blatt, da von Artan
Meinem Garten anvertraut,
Gibt geheimen Sinn zu merken
Wie in den Büffenden erbaud

Ist es ein lebendig Wesen,
Das sich in sich selbst gekrennt,
Sind es garay die sich allezen,
Daf man sie als Eines genant.

Solche Frage zu erwidern
Fand ich wohl den rechten Sinn,
Fühlst du nicht an meinen Lidern
Daf ich Eins und doppelte bins

15 J. 1875

Автограф стихотворения «Ginggo biloba»

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

Bismillāhi ar-rahmāni'r-rahīmi

فَاطِرِ السَّمَوَاتِ وَالْأَرْضِ

Fāṭiri's-samawāti wal-ardi

وَعَالِمِ الْغَيْبِ وَالشَّهَادَةِ

W. 'ālimi'l-ghaybi wa'sh-shahādāti

*In Namen Gottes, des Barmherzigen, des Erbarrenden,
Schöpfers des Himmels und der Erde
und der Welt der Verborgenheit und der Sichtbarkeit*

«Бисмиллахи» рукою Козегартена,
с транскрипцией и переводом

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

«Бисмиллахи» рукою Гете

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

الْحَمْدُ لِلَّهِ الَّذِي أَنزَلَ عَلَىكَ
الْقُرْآنَ الْعَرَبِيَّ الْمَعْلُومَ

الَّذِي هُوَ الْعَلِيمُ الْحَكِيمُ
الَّذِي هُوَ الْغَنِيُّ الْكَرِيمُ

114-я сура Корана рукою Гете

в самых различных отношениях эта страна Востока может быть названа родиной поэтического искусства, там, как прекрасно показывает наш поэт, нередко продуктивен уже сам язык, причем, когда он движется в сторону мысли, в отношении риторическом, когда же уступает воображению, в отношении поэтическом, так что, например, можно сказать, что арабы и рождаются поэтами, и воспитываются, как поэты; там наделенные острым умом народы нередко чудесным образом сочетают чистую наивность с величайшей рассудительностью и обширностью кругозора; там в душе поэтов царит дух гениальности, чуть сходный с западным остроумием, но только далеко превосходящий последнее своим вольным благородством. Поэтому не легко будет назвать такую часть света, где поэзия обрела бы со временем бóльшую славу и бóльшую действительность; по этому поводу уместно нам радоваться вместе с поэтом:

И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово¹.

Одним словом, словом устным на Востоке не раз бывала решена судьба не только отдельных людей, но целых народов и империй. Арабы причисляли поэтическое искусство, по причине могущества слова, к видам чародейства и именовали его волшебством; когда Ислам наложил запрет на волхвование, поэтическое же искусство не подлежало такому запрету, стали именовать его дозволенным волшебством: ас-сихр ал-халал. Из противников своих Мохаммед никого так не боялся, как поэтов; когда знаменитый певец Аша² вознамерился воспеть пророка, враги Мохаммеда из племени курайш предложили ему сто верблюдов, чтобы он отказался от своего намерения. Нередко западный читатель будет поражен — чувства, рассуждения, замечания, которые он

считал порождениями новейшей западной культуры, он порою встретит на Востоке, и окажется, что столетия и тысячелетия тому назад они существовали на Востоке в той самой или чуть измененной форме; хотя, если поразмыслить, тут нет большой причины для удивления, потому что всякий раз, как складываются благоприятные условия для развития, человеческий дух вступает в полосу расцвета. Кто еще не слишком доверяет таким словам о Востоке, к тому мы можем обратиться, к лучшему его уразумению, следующие слова поэта:

Хочешь Слов узнать секреты,
В их краях ищи ответы, —
Хочешь ли понять поэта,
Так иди в его край света⁸.

Восток велик и обширен, и немало сложилось там разнородного, что, невзирая на общие черты, нельзя сваливать в одну кучу. Так, наш автор касается древних условий жизни, круга представлений и евреев, и парсов, но затем по преимуществу остается на мусульманском Востоке, а в нем самом отдает предпочтение новоперсидской культуре, которая, что касается литературы и истории, в некоторых отношениях наиболее хорошо известна на Западе, а по своему более цивилизованному, более утонченному духу и ближе, родственнее Западу. Араб древних времен, сын пустыни, скачущий по песчаным барханам с жаром в груди, в полдневный зной, бесспорно уже дальше от европейца, он менее понятен ему. Однако весь в целом мусульманский Восток с его словесностью оказывается чуть ближе Западу благодаря религии, которая, естественно, имела самое значительное влияние на произведения литературы. Ибо Ислам гораздо ближе христианству, чем любая другая религия Востока, чем религия парсов, чем религия брах-

манов; более того, Ислам, будучи созданием относительно новых времен, именно поэтому в совершенно особой степени сближается с некоторыми из новейших форм христианства, с рационализмом. Ибо Исламу не было нужды бороться против неприемлемых для рационалистов учений о Троице, о божественности пророка, о реальности таинств; против первого Ислам протестует с самого начала, поскольку уже в исповедании веры не говорит о боге иначе, нежели как о том, кто «не рожден и не рождал»; пророка он считает лишь простым человеком, а о пресуществлении шах Фетх Али-шах⁴ высказался в беседе с сэром Гоуром Аусли⁵ совсем как настоящий кальвинист. Помимо этого, мусульманин не называет себя по имени пророка — это мы дали ему прозвище магометанина. Правда, в некоторых вопросах, например о *servo arbitrio**, они мыслят слишком по-августиновски и по-лютеровски. Но наш «Диван» содержит в первой своей части, по преимуществу относящейся к мусульманскому Востоку, западно-восточные поэтические создания, т. е. отчасти излагающие восточный материал в западных формах, отчасти же западный материал в формах восточной поэзии. Прежде всего поэт, естественно, мог и хотел передать мир Востока через содержание и дух своих творений; в некоторых же случаях он указывает на этот мир и внешней формой, как, например, единой рифмой, господствующей в стихотворении от начала и до конца, как в песнях на с. 179 и 185, далее, рифмой, образуемой одним и тем же словом, как в песне о винопитии на с. 192⁶. Этот последний вид рифмовки, с крайне искусными образованиями, по преимуществу встречается в лирике персов; самые древние, наиболее старые из немецких поэтов

* Слуге-рассудке (лат.).

тоже иногда прибегали к ней. Одинаковая же рифма вообще царит в лирике арабов, персов и турок и, ввиду особого строения их языков, причиняет там значительно меньше трудностей и менее насильственна, нежели, как то неизбежно, в нашем языке; однако в длинных повествовательных стихотворениях и им приходится расстаться с такой одинаковой рифмой, и тогда они пользуются рифмой месневи, или же двойной рифмой, где одинаковые созвучия наличествуют лишь в двух последовательных стихах или полустушиях. Иногда наш поэт сохранял специфически присущие восточным народам способы изображения, например образы и намеки, заимствуемые из области сочинительства и филологии, что так часто встречается у более поздних поэтов, — так в песенке «Хрестоматия». Вообще же наш поэт, что и понятно, никак не связывал себя подобными формами, и вообще он не склонен считаться с особыми претензиями метрики.

Найденные ритмы обольщают,
И талант им радуйся, пиши!
Но на завтра всех нас отворачают
Эти полумаски без души.
Радости они не обещают,
Разве только новых форм творец
Мертвым формам сам кладет конец⁷.

Но содержание поэзии «Дивана» — восточное, в той мере, в какой выражает оно либо идеи, представления и образы, вообще господствующие на Востоке, либо же мысли и чувства отдельных замечательных людей или книг Востока. Так, уже в начале, в «Моганни-наме», после того как поэт в общих чертах охарактеризовал свое отношение к Востоку, мы находим несколько речений Корана, например на с. 8 и 9⁸: «Велел он звездам,

чтоб заглясь — Да светят нам в пути»; «Богом создан был Восток, Запад тоже создал Бог»; «Сбил меня с пути лукавый, Ты ж на путь наставил правый», затем, на с. 10, изречение из «Сада Роз» Саади: «В дыханье кроется благо двойное». Стихотворение «Четыре блага», с. 11⁹, основано на арабской пословице — арабы говорят о себе: «Тюрбаны — венцы, шатры — стены, мечи — ограда, песнь — грамота». В стихотворении «Стихии» на с. 14 среди всех предметов воспевания на первое место по праву поставлена любовь, ибо, согласно закону древнего персидского поэтического искусства, всякое значительное по объему хвалебное стихотворение должно начинаться с насиба, приветствования возлюбленной. Мурсуки в комментарии к Хамассе поясняет, что делается это ради того, чтобы слава прекрасных и благородных женщин распространялась по свету, достигая слуха всех правителей и государей. При этом, говорят арабские филологи, не важно, есть ли возлюбленная у поэта, в любом случае он должен приветствовать поначалу возлюбленную. Поэтому нередко стихотворцы упоминали в своих стихах благородных, знатных женщин, которых они никогда не видели, что, кстати, бывало причиной всевозможных препирательств. Так, однажды халиф Муавийа с неудовольствием заметил, что поэт Абдеррахман-бен-Хасан часто воспекает его дочь, поэт же отвечал: «Если бы знал я более благородную дочь, я воспел бы ее». В стихотворениях «Жизнь во всем» и «Блаженное томление» (с. 28 и 30)¹⁰ говорится о двух главных предметах медитации персидских любовных лириков — о персти с порога возлюбленной, что перевешивает все земные сокровища, и о бабочке, падающей в огонь свечи, этом образе истинной любви, без тени упрека приносящей жизнь свою в жертву, В целом же поэт, в соответствии с своей

натурой и целью, воспринял Восток с его светлой и радостной стороны, подчеркнув такие его стороны, и поступил так с полным правом, хотя в восточной жизни найдется повсюду немало суровых и меланхолических материй.

Стихотворения первой половины «Дивана» разделены на книги различного содержания, о характере и значении которых читатель узнаёт в том разделе второй части «Дивана», который озаглавлен — «Будущий Диван», — как и вообще о многом из затронутого в первой части читатель находит разъяснения в части второй. Поскольку, однако, поэт не мог взять на себя обязанности настоящего схолиаста, читателю придется еще наводить особые справки по тому или иному поводу, требуя их либо у людей, лучше знающих Восток, либо отыскивая их в книгах, — вообще это может побудить читателя глубже проникнуть в мир Востока. Так, например, когда он будет читать песенку «Образцы» (на с. 49)¹¹, весьма кстати будет ему знать о называемых здесь шести любовных парах Востока и наименованиях, какие дает им поэт, — примерно следующее. *Первая пара* — Рустам, древний персидский герой в «Шах-наме», и Рудоба, — это пример столь часто встречающейся в восточной поэзии любви, пробужденной одним лишь описанием красавицы, которой герой не видел сам; так и в «Барсу-наме» в душе юноши Барсу пылкая любовь просыпается, когда отшельник описывает ему Дилару, дочь царя йеменского. Поэтому поэт и говорит об этой паре: «Образ зажег, разжигает судьба». *Вторая пара*, Юсуф и Зулейха, о которых говорится — «Хоть не знакомы — шаг до греха», — это знаменитая на Востоке любовная пара, она происходит из еврейского сказания об Иосифе в Египте, историю же Иосифа, перешедшую из Библии в Коран и впослед-

ствии еще разукрашенную, на Востоке выделяют среди всех — это «прекраснейшая из историй». Юсуф — идеал мужественной красоты, целомудрия, Зулейха, дочь мавританского царя Таймуса, предназначена в жены везиру Египта, — это образец женской любви, не знающей предела. Третья пара, Ферхад и Ширин, о которой поэт замечает: «Мука любви без любовных отрад», — это образ любви несчастливой, верной, несущей гибель. Ширин, из царского рода, невеста персидского шаха Хосрова Парвиза, была любима зодчим Ферхадом; изгнанный в горы Бисутуна, он высек на скале образ возлюбленной, услышав ложную весть о ее смерти, он бросился на острие секиры; на крови его поднялось гракатовое дерево. Поэт Джами говорит:

Любви тот сладость испытал, кто ею
 Испепелен, до счастья не дожил,
 Так прелестей желаннейших Ширин
 Парвиз не знал и Ферхад не вкусил.

Четвертая пара — Меджнун и Лейли: «В мир друг для друга пришли»; эта пара арабского происхождения, они символизируют любовный пыл, достигающий степени безумия, не во внешнем блеске, во внутреннем благородстве обретает их любовь достоинство. Оба влюбленных живут среди арабов пустыни, разлучены злою судьбой, печально расстаются они с жизнью. Пятая пара — Джемил и Ботейна, гоже арабы, — это Петрарка и Лаура восточных народностей. Оба происходили из племени Бену Усдра, заслужившего среди арабов, преимущественно перед всеми, имени сынов любви; Ботейна, супруга государя Темы Рибхе-бен-Деджаджа, Джемил, глава поэтов и благотворителей своего времени, был влюблен в нее и, пока оставался жив, в течение двадцати лет, восторженно воспевал ее. Лишь иногда случалось

ему увидеть ее на миг. В свой смертный час он сказал, обращаясь к своему другу Сахалу-бен-Сааду, говорившему с ним о жизни: «Смотри, день этот последний для меня из дней этого мира и первый из дней вечности; но пусть не достигнет меня заступничество господина нашего Мухаммада, — да будет милосерден к нему Аллах, — если когда-либо положил я руку на Ботейну ради дурного дела, если только не прижимал я руку ее к груди своей, дабы хоть на мгновение успокоилось сердце мое. После чего сказал он:

Восстань, Ботейна, слезы восструи,
Ведь умер друг, вернейший средь друзей!»

и умер. *Шестая* пара — «Соломон и царица из Савы» — обозначает полную остроумного блеска любовь между царем Соломоном и царицей Савской Бальхис, письма которых доставляла умная птица Хут-хут, или Удод; о чем и наш поэт пишет в «Привете» (на с. 56¹²). Есть немало других столь же прославленных любовных пар на Востоке; во второй части поэт присоединяет к уже названным еще Вамека и Азру, история любви которых утрачена и которых позволительно поэтому ввести как представителей любви вообще, с тем большим основанием, что сами имена их значат нечто подобное: Вамек — Любящий, Азра — Дева. На Востоке есть не один такой знаменитый человек, о котором мало что можно поведать, и люди Востока знают, что дело не в многоглаголании, а в славе; например, арабы говорят: «К числу трех благороднейших людей принадлежит Каб Эйядит»; однако известно о нем лишь одно то, что он и друг его умирали в пустыне от жажды. Каб нашел кружку воды, протянул ее другу и скончался. Кстати, заметим касательно наименования книги — сначала для читательниц, которые думали до сих пор,

что «диван» — это только красиво обтянутая тканью кушетка, а затем для ученых читателей, вспоминающих при этом слове о заседании кабинета министров в Константинополе, — что «диван» обычно обозначает у арабов, персов и турок «собрание песен».

«Книга Недовольства» черпает свой материал не столько в жизни Востока, сколько в жизни Запада, и, если мы не ошибаемся, весьма нередко самого недавнего прошлого и настоящего. По крайней мере, уместно применить эту книгу к последним событиям, поскольку в книге сказаны о них правдивые слова, что придется не вполне по вкусу людям, приучившимся в недавнем прошлом громогласно витийствовать¹³; хотелось бы, чтобы наши сограждане одобрили содержание этой книги. Тем, однако, кто неугомонно проповедовал, в книгах и с кафедр, о «немецком», да о «французском» духе в стиле Томаса Мюнцера, тем не могу не порекомендовать, не порекомендовать настоятельно, следующие строки поэта:

Разве именем хранимо
То, что зреет молчаливо?
Мной прекрасное любимо,
В божье созданное диво.

Надо ж нам любить кого-то!
Ненавидеть? Правый боже!
Если нужно — что за счеты!
Ненавидеть рад я тоже.

Чтоб узнать им цену лично,
Взвесь — что лживо, что правдиво;
Что в глазах людей отлично,
То обычно дурно, лживо.

Чтобы правдой жить на свете,
Соки брать из почвы надо.
Вертихвостом на паркете
Жизнь прошаркать — вот досада! ¹⁴

С этим можно сравнить сказанное на с. 353 о свободе и деспотизме, о боевом кличе «свободы». Герои нашей новейшей литературы тоже найдут в «Книге Недовольства» много такого, что применимо к ним. В «Книге Зулейки» и в «Книге Кравчего» по преимуществу веет дух персидских лириков, которыми движет благородная любовь к женщинам и мальчикам. Источник и значение любви к мальчикам, которая заключается не просто в том, что Зрелость любит Молодость, но которая взаимна, сочинитель столь деликатно, сколь и истинно отмечает на с. 413, говоря между прочим: «А сколь трогательно соревнующее зрелости чувство отрока, который, возбужден возвышенным духом зрелости, сам себе на удивление слышит внутренний голос, прорицающий ему, что и он может развить в себе подобные же дарования» ¹⁵. В качестве примера того, что язык и образы персидских лириков могут быть сохранены и переданы верно, не ложась тяжким бременем на душу европейца, приведу песню «Хатем» (на с. 149 ¹⁶). «Книга Парса» и «Книга Рая» — эти две книги вводят читателя в религиозные области Востока, подводят его к смертному одру бесхитростно-невинного парса и к смертному одру вдохновенного мусульманина. Религиозной героикой Ислама дышат слова, какие произносит здесь Мохаммад при виде убиенных на поле брани близ Бедра, когда впервые пали правоверные на воинском поприще Господа; под звездным небом Мохаммед говорит:

Пусть враги над мертвыми рыдают:
Прах зарыт — и павшим нет возврата.

Наши братья в небо возлетают,
Нам ли плакать над могилой брата!

Семь планет, усопшего встречая,
Распахнут небесные врата,
И душа восходит в кущи Рая
От земного тления чиста¹⁷.

Напротив, песенка о четырех «удостоенных животных»¹⁸, которым тоже заповедан уголок Рая, выражает наивное дружелюбие, также присущее Исламу; животные эти — осел, на котором Иисус въехал в град господень, волк, которому Мохаммед повелел трогать лишь овцу богача, собачка семью снами спящих и кошечка Абу Хурайры, которую погладил сам пророк.

Во второй половине «Дивана» писатель бросает взгляд на историю восточной поэзии, притом как на историю внешнюю, так и на историю внутреннюю; попутно он сообщает нам свои взгляды на религию, государственное устройство, образ жизни, язык Востока — эти необходимые внешние условия поэзии. Не можем не признать за большинством сообщенных им замечаний точности и правдивости, и остается только удивляться тому, как сумел поэт верно разобраться во всем — ведь пособия, какими располагает наша эпоха, все еще крайне ограничены. Приведем сейчас одно общее замечание писателя: «Собственной, единственной и глубочайшей темой истории мира и всего человечества, которой все прочие подчинены, остается конфликт веры и неверия. Все те эпохи, когда царит *вера*, под каким бы видом она ни представала, — блестящи, они возвышают душу, они плодотворны для своего времени и для последующих эпох. Напротив того, все те эпохи, когда торжествует свои жалкие победы *неверие*, под каким бы ви-

дом то ни было, пусть даже на мгновения сплит оно ложным блеском своим, исчезают в глазах потомков, ибо никому не по нраву заниматься познанием бесплодного»¹⁹. Внешняя история восточной поэзии, излагаемая на с. 243—325, начинается с взгляда на поэтические создания древних евреев и арабов. Творения последних, эти незамутненные порождения естественного чувства, пламенные, суровые, мрачные, писатель характеризует, говоря, что представлены в них «беззаветная преданность соплеменникам, честолюбие, храбрость, непримиримая жажда мести, смягчаемая любовной печалью, добрыми делами, самопожертвованием, и все это с размахом безмерным»²⁰. Однако поэзия эта, а в еще большей мере поэзия позднейшего времени, весьма неполно известна немецкой читающей публике; автор настоящих строк намеревается предложить в будущем более пространную, живую картину этой поэзии. Как пример, наш поэт приводит песнь отмщающего кровь ближних Тааббаты Шаррана, или, согласно иным, Хельфа-эль-Ахмара. Чтобы от древнеарабской поэзии перейти к новоперсидской, поэт включает в текст рассуждения о религии и правлении персов и арабов. Он отмечает благотворное практическое влияние благородной и целомудренной религии парсов. У этой веры два главных слова, они непрестанно звучат в ней и достаточно точно характеризуют ее существо; слова эти — свет и чистота, они имеют то, что должен чтить и к чему должен стремиться человек. Весьма родственна религии парсов религия сабиев, или мандеев, религия, которая говорит не иначе, как от имени высшей жизни и чистейшего света, например: «Он — высокий царь света, государь всех существ, живущих в свете, высший из высоких, бог, что над всеми, царь царей, высший господин всех царей, блеск непременный, свет незаходящий. Красота, сияю-

щая непрестанно, жизнь сверх жизни, блеск сверх блеска, свет сверх света, не ведающий изъяна и порока, свет вне мрака, свет вне смерти, свет вне зла, милость без гнева и ревности, кротость без злобы и преткновения» (Cod. Nasar. tom. 1, pag. 6). В Исламе и в его священной книге автор ценит по достоинству суровость и властность, он называет язык Корана — суровым, величественным, ужасным, местами истинно возвышенным; в замыслах Мохаммеда он видит намерение собрать в единую целостность исповедающих все верования, какие были тогда в Аравии, всех их повести к признанию единого, вечного, незримого Бога. Заметим по этому поводу следующее: по нашему мнению, едва ли можно говорить о наличии у Мохаммеда с самого начала широкого, основанного на глубоких политико-философских прозрениях плана; он выступил, проповедуя, под действием внутреннего влечения, как все учителя веры и религиозные законодатели; он начал проповедовать по убеждению, притом в таких обстоятельствах, которые отнюдь не предвещали земного успеха его начинанию, скорее, наоборот, грозили ему смертью; поэтому нелепо утверждать, будто его дело было делом лжи и плотского высокомерия, что до сих пор надменно предлагают некоторые в качестве своего всемирно-исторического воззрения на Ислам: начинаниям такого рода Промысл Божий нередко дает развиваться так²¹, как нельзя было и предположить на первых порах. Рвению Мохаммеда было воспламенено картинами идолопоклонства, распространившегося незадолго до него среди арабов, видом бесчисленных кумиров в древней священной Каабе, где прежде не почитали божество в образе подобных идолов. Поэтому главная цель Мохаммеда заключалась в изничтожении политеизма, и всех противников Ислама Коран именует одним общим названием

Гете

Рис. мелом Ф. К. К. Ягемана.

1817

Марианна Виллемер
Рис. мелом А. Радля.
1819

Гете
Литография Ж.-Б. Мозесса
по рис. И. И. Шнеллера.
1826

Сульпиц Буассере

*Литография И. Н. Стрикера
по рис. П. фон Корнелиуса.*

1830

«мушрекун», т. е. те, кто дает сотоварищей господу. Поэтому же Коран представляет Ислам не как *основание новой религии*, но, скорее, как *восстановление религии древней*; эту древнюю религию он называет почитанием единого бога в духе, который из всех своих имен прежде всего заслуживает одного — имени Милостивого, Милосердного. «Людей Книги», ахль аль-китаб, т. е. евреев с их торой, Коран не раз призывает должным образом исполнить написанное в их книге. Наш автор не слишком дружелюбно высказывается о религии индийцев²², прежде всего из-за ужасных статуй богов, какие находим мы теперь у этого народа. Однако нельзя останавливаться на этом внешнем, нужно восходить к идее, породившей такие статуи, и к духу, из которого излилась идея. Но о сущности этой религии, о различных формах, какие обрела она с течением столетий, необходимо будет добыть немало знаний, прежде чем можно будет с известной истинностью и достоверностью судить об этой религии в целом. Поэтому нас не убеждает сказанное на эту тему на с. 294²³, как и вообще в сделанных по этому поводу замечаниях подчеркнуты лишь предполагаемые недостатки индийского вероучения, а не его благие стороны. Как нам представляется, не следует слишком строго понимать тезис о том, что об исконной ценности той или иной религии можно судить лишь по прошествии веков, когда последствия ее выйдут на поверхность; ведь люди втаптывают в грязь и самое благородное; если бы приведенный тезис следовало понимать буквально, то к учению Христа пришлось бы огнести самые чудовищные злоупотребления, которые человек непредубежденный никак, однако, не сможет вывести из Евангелия. По меньшей мере, надо было бы точно определить, какие события следует рассматривать как след-

ствия вероучения и какие — как следствия иных причин. После сказанного наш поэт внимательнее прослеживает развитие новоперсидской поэзии от времен султана Махмуда Газневи, который уже собрал при своем дворе четыреста поэтов, поставив над ними царя поэтов, и кончая временами Тимуридов и позднейшими; он дает характеристику семи основным поэтам — Фирдоуси, Энвери, Низами, Руми, Саади, Хафизу, Джами.

Переходя к внутренней истории восточной поэзии, автор представляет общий характер, особенные черты, элементы таковой; он указывает на высокую духовность, царящую в ней, а равным образом на то, что бросается в ней глаза европейцу как наиболее чуждое и неприятное. Обращаем сейчас внимание на сказанное о персидских панегиристах, ибо замечания эти считаем мы весьма правильными, — они снимают с этих поэтов мелкие обвинения. Далее, наш поэт рассматривает в особых разделах язык, тропы, сравнения, поэтические виды восточной поэзии и заявляет себя решительным противником вечною приравнивания восточных поэтов к западным, например, Фирдоуси к Гомеру, Хафиза к Горацию и т. д., а равным образом и противником насильственного выведения од, идиллий, сатир, элегий, эпосей, т. е. вообще конкретных поэтических видов, какие складывались у совершенно иных по природе народов, из поэзии ориентальной. Ведь даже в наши просвещенные времена эта злосчастная манера доводилась до такой несуразницы, что даже Пятикнижие преподносили нам, приукрашая его, под именем эпоса²⁴, в котором распоряжения относительно прокаженных, месячных очищений, относительно язвы на стенах дома и тому подобных поэтических материй составляют отдельные изящные эпизоды²⁵. Не нужно народу чужого платья, оставим ему его привычное. Торжественно протестует наш

поэт против унижительного для поэзии наименования «риторическое искусство», каким награждена она в новейшие времена; наименование это, без сомнения, введено в употребление теми, кто не, очень хорошо чувствовал, что такое поэзия, не очень чувствовал, что поэзию нельзя «делать»²⁶, а поэтический дар — благоприобретать, но что поэзия есть нечто прирожденное, живое; об этом можно прочесть на с. 378²⁷. Слово истинное произносит наш поэт и тогда, когда говорит: «В руки знатока литературы поэтические творения приходят в виде печатных букв, они лежат перед ним в виде книг, которые поручено ему расставить в известном порядке, определенным образом расклассифицировать»²⁸.

В религии, в поэзии и вообще в целом воззрении на мир, присущем восточным народам, широко распространен мистицизм, и это признает и наш поэт, отмечая, например, в следующем месте: «Проницательный человек, не довольствуясь тем, что представляют ему, все являющееся чувствам его рассматривает как маскарад, где прячется от него, шаловливо и своенравно, высшая, духовная жизнь, — чтобы приманить нас к себе, чтобы увлечь в высшие, благороднейшие сферы. Если поэт поступает с сознанием и умеренностью, можно согласиться со всем этим, радоваться всему этому и, готовясь к более решительному воспарению ввысь, пробовать свои крылья»²⁹. Отвращение от чувственного, переходящего явления ради духовного, не столь тленного, основного бытия составляет самое существо мистицизма, а потому мистицизм должен показываться везде, где дух человека возвышается над материальным миром чувств, пробуждаясь для высшего сознания и более ясного созерцания. Вот почему мы и встречаем мистицизм во всяком вероучении. У мусульманских народов

он проявлялся мощно; скрытое от чувственного взора бытие-основу они называют бытием *реальным*, а воспринимаемое чувствами — бытием *образным*, тогда как, например, мы поступаем как раз обратным способом и стремление к вечному именуем лишь любовью в смысле метафорическом. Они же, напротив, называют чувство совершенства бога — ишк хакики, атог *verus*; чувственную же любовь — ишк саджази, атог *metaphysicus**; последнее есть для них лишь встречающееся в чувственном мире отражение первого. Вся совокупность чувственных явлений именуется ими — алям саджаз, *tipidus metaphoricus*** , а потому о *смерти* нередко говорят как о переходе из мира метафорического в мир реальный. К тому же чувственный мир называется у них — алям сурат. *мир форм*, а мир иной — алям мана, *мир значения*. Мистицизм принимает обычно либо умозрительное, либо аскетическое направление. В первом случае он превращается в теософию и пытается разрешить вечные проблемы бога, мира, грядущего; это стезя, на которой ему легче всего соблазнить обыденный здравый смысл. В другом случае ему близки извержения чувства, восхищенного величием и красотой духовного прасущества, и стремления приблизиться к таковому, — деятельность, тем менее заслуживающая мелочных придирок, что каждый волен славить любимое свое существо как только ему заблагорассудится. Пока такой мистицизм порождается духом серьезности и правдивости, он в самой высокой степени свидетельствует о присущих ему чувстве и духовности. Для поэзии такой вид мистицизма наиболее приемлем, и наш автор говорит о нем: «Настоящий поэт призван вбирать в себя великолепие

* Метафизическая любовь (лат.).

** Метафорический мир (лат.).

мира сего, а потому всегда предпочтет хвалить, но не хулить и не порицать. Откуда следует то, что он будет выбирать самое достойное похвалы и, перебрав все что ни есть, в конце концов употребит свой талант к прославлению и возвеличению Господа. Такая потребность восточному человеку понятнее всего, потому что неотступно стремится он к сверхсущему и полагает, что с наибольшей полнотой созерцает таковое, лицезрея божество, отчего и при исполнении его намерений никто не вправе упрекнуть его в преувеличенности»³⁰. Заметим, что, разумеется, есть и карикатурные формы мистицизма, заключающиеся отчасти в бессмысленных преувеличениях его тенденций, отчасти в бессмысленных ему подражаниях, — все это можно найти у безвольных пиитов нашего времени; против таких извращений наш автор высказывается весьма резко и не один раз.

Ближе к концу своей книги наш поэт наносит визит в область ветхозаветной экзегезы, стремясь обратить сорокалетнее странствование евреев по пустыне, какое принималось всеми до сих пор, во всего лишь двухлетнее, ибо лишь таковое отвечает, по мнению автора, решительному, мужественному характеру Моисея. Заметим по этому поводу следующее: 1) с дипломатической точностью ничего нельзя здесь утверждать, а потому нет причин упрямо настаивать именно на сорокалетнем, а не каком-либо ином сроке; 2) тем не менее, все авторы Ветхого Завета, не один какой-либо редактор, всегда принимали сорокалетнее странствование, а некоторые из событий, происшедших позднее, прямо основываются на таком сроке; так, к примеру, обрезание взрослых мужчин, выросших в течение сорока лет (Кн. Иисуса Навина, 5); заявление Халева о том, что при Кадес-Варни ему было 40 лет, а теперь, во времена Иисуса, исполнилось 85; 3) немало препятствий могло воздвигаться

на пути евреев, стремившихся проникнуть в Ханаан, — эти препятствия могли удерживать их в течение 40 лет от исполнения своих намерений. А отсутствие точных сведений о 38 годах странствования — это явление нередкое в исторических книгах евреев.

В заключение автор рассуждает о занятиях восточной поэзией и словесностью у нас в наши дни и делает замечания, к которым, по всей видимости, следует отнестись одобрительно. Пусть небо дарует ему здоровье и силы, чтобы позволили они ему одарить нас и обещанным вторым «Диваном»!

Рожденный все и знать и петь,
На свадьбе ли, на тризне,
Веди нас до могилы впредь
По горькой, сладкой жизни ³¹.

IV
СТИХОТВОРЕНИЯ
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»
В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ

М. А. ДМИТРИЕВ
ПЕРСИДСКИЕ ПЕСНИ

1

Эюлейка

Восходит солнце!.. Блеск чудесной!
Луну объемлет свет лучей!..
Кто свел их в высоте небесной?
И где отгадка гайны сей?..

Гатем

Султан, Султан соединяет
Светила высшие миров:
Он ими верных отличает
И храбрых из своих полков!

Еще союз их — знак свиданья
С тобою, милая моя!
Ты солнца мне дашь названье!
Будь месяц: обойми меня!

2

В каких бы видах ты от взоров ни таилась,
О друг души моей! я узнаю тебя;
Хотя б волшебною повязкой ты покрылась,
О лездесущая! я узнаю тебя.

Под пальмою красивой и прямою,
О станом стройная! я узнаю тебя;
В потоке, блещущем живой струею,
Веселонравная! я узнаю тебя.

Стремится ль быстро в верх луч водный,
раздробляясь,
Игролюбивая! я узнаю тебя;
Бежит ли облако, различно изменяясь,
Разнообразная! я узнаю тебя.

Блестит ли луг роскошными цветами,
Звездоподобная! я узнаю тебя;
Объемлешь ли меня сторукой плющ ветвями,
О всеобъемлюща! я узнаю тебя.

На высоте ли гор луч утра загорится,
Всеозарившая! приветствую тебя!
Свод неба надо мной тогда стройней катится
И неба в тишине вдыхаю я тебя!

Душой ли что, иль чувством постигаю,
О всех наставница! постиг через тебя!
Коль имена Аллы я повторяю,
За каждым именем... я назову тебя!

3

Зюлейка

Через Евфрат переплывая,
С пальца перстень золотой
Я сронила; вал, играя,
Поглотил подарок твой.

Так мне снилось. — На востоке
Луч блеснув, прогнал мой сон.
О поэты! о пророки!
Что, скажите, значит он? ..

Гатем

Мне понятно сновиденье!
Ты слыхала ль от меня
Дожа с морем обрученье?
Вот твой сон, душа моя!

Так и ты кольца паденьем
Усмирила ярость волн, —
О, к небесным песнопеньям
Ты склоняешь, дивный сон!

Я тогда от Индостана
Был к Дамаску на пути,
Чтобы с грузом каравана
К морю Чермному идти:

Сновиденье обручило
Счастье с грозной глубиной
И навек соединило,
Милый друг, меня с тобой!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

ИЗ ГЕТЕ

Сонные, спите по вашим шатрам,
Дайте коня, полечу по степям:
Конь подо мною, шапка на мне,
Что же над шапкой? .... звезды одне.

Звезды не даром Творцом зажжены:
В море, на суше вождями даны;
В небе не даром их светит краса:
Взоры и душу манит в небеса.

* *

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

ПЕСНИ

Нет, мой друг, небесных песен
Не сковать нам в узы слов;
Наш язык для вольных тесен:
Рвутся в небо из оков.
Мир неверный быстротечен,
Но оне живут одне:
Каждый звук да будет вечен
Как любовь твоя ко мне.

(Из Гете)

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

ЗЮЛЕЙКА

Нет, ты мой и мой навечно!
От любви любовь крепка,
Прелесть страсти, друг сердечной,
Краше перстня и венка.
Гордо я подъямлю брови
От твоих высоких дум;
Бытие мое в любви,
А душа любви — ум.

ИЗ ГАФИЗА

Прильнув к твоим рубиновым устам,
Не ведаю ни срока ни завета,
Тоска любви — единственная мета,
Лобзания — целительный бальзам.

С ПЕРСИДСКОГО

Будь, любезная, далеко,
Так как запад от востока;
Но любви чего нельзя?
Степь и море — ей стезя,
Сердце всюду страж и плата,
К милой шаг и — до Багдада.

ИЗ ГЕТЕ

(С персидского)

Пейте; самых лет весна
— Упоенье без вина.
Старец — пей вино до млада:
В нем чудесная отрада;
На печаль грустит любовь,
Враг печали гроздий кровь.

Не пытай, зачем оно
Было встарь запрещено!
Что заветно, то и слаще,
Пей же лучшее да чаще;
Будешь гяуром вдвойне
Проклят на плохом вине.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

(Из Геттева «Западо-восточного дивана»)

Запад, норд и юг в крушенье
Троны, царства в разрушенье —
На восток укройся дальней
Воздух пить патриархальной!
В играх, песнях, пиროванье
Обнови существованье! . .

Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших! . .

Память праотцев святивших,
Иноземию претивших,
Где во всем хранилась мера,
Мысль — тесна, пространна — вера,
Слово, — в силе и почтенье,
Как живое откровенье! . .

То у пастырей под кущей,
То в оазисе цветущей,
С караваном отдохну я,
Ароматами торгую:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.

Песни Гафица святыя
Усладят стези крутыя
Их, вожатой голосистой,

Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги всрблюдов нудит.

То упьюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью: —
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает —
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!

И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся Рая
Дар бессмертья вымоляя! . .

Запад, юг и nord в крушенье,
Троны, царства в разрушенье, —
На восток укройся дальный,
Воздух пигь патриархальный!
В песнях, играх, пированье
Обнови существованье! . .

Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений —
Гласу божинх велений
Непосредственно внимавших,
Редко голову ломавших,

Память праогцев святивших,
Иноземию претивших —
Где во всем хранилась мера,

Мысль тесна, просторна вера,
Слово в силе и почтенье,
Как живое откровенье.

То у пастырей под кущей,
То в оазисе цветущей,
С караваном отдохну я,
Перлом, мускусом торгуя;
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья —

Песни Гафица святые
Усладят стези крутые —
Их вожатый голосистой,
Распевая в тверди чистой —
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.

То упыюся в банях ленью,
Верный Гафица ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, —
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!

И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье —
Знайте: все слова поэта
Легким сонмом, жадным света,
У дверей стучатся рая,
О бессмертье умоляя.

Е. Л. МИЛЬКЕЕВ

СВИДАНИЕ
Из Гете

Возможно ль? вновь немые руки
Тебя, светил светило, жмут!
О, что за бездна — ночь разлуки!
Какая цепь скорбей и смут!
Так, это ты, струя живая
Моих возвышенных отрад!
Я трепещу пред встречей рая,
Мучений прошлых помня ад.

Когда мир темный в сне глубоком
На лоне Бога жизнь таил,
И в люботворчестве высоком
Бог первый час установил
И рек да будет! зазвучало
Тогда болезненное — ах!
И мощной быгности начало
Заговорило в пустотах.

Явился свет! Полна испуга,
В пучины ринулася ночь,
И побежали друг от друга,
Разделены стихии прочь.
Еще не ведая призванья,
Как в грезах диких и слепых,
Мертво, без звука, без желанья,
Стремилась каждая из них.

Все было пусто, непробудно...

. . . . .
Тогда зарю Бог создал чудно —

И ужас весь пред нею лег.
Она игрою красок нежной
Мир безоградный обняла,
И в широте его безбрежной
Любовь и сила ожила.

И жаждет все неодолимо
С частицей встретиться родной,
И чувство, взор ненасытимо
Стремятся к жизни золотой...
И вот, под вихрем сочетанья,
Слилось все одно с другим!

. . . . .
. . . . .

Так, запылав, заря спешила
К твоим устам меня прижать
И ночь к союзу приложила
Тысячезвездную печать.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Ф. Б. МИЛЛЕР

ЗЮЛЕЙКА И ГАТЕМ
(Из Гете)

Зюлейка

По Евфрату раз плыла я,
И с руки подарок твой
Уронила я, играя,
В воду — перстень золотой:

Так мне снилось; свод небесный
Был уж утром озарен.
Мой пророк, поэт любезный,
Разгадай мне этот сон.

Гатем

Милый друг, его значенье
Объяснить не трудно мне.
С морем дожа обрученье
Я рассказывал тебе:

Так теперь Евфрата волны
Поглотили перстень мой.
Я пою, восторга полный:
«Дева! сон прекрасен гвой!»

Я пришел из Индостана,
И к Дамаску на пути
Ожидая каравана —
К морю Красному идти;

Но уж связанный венчаньем
С этой рощей и рекой,
До последнего лобзанья
Навсегда останусь твой.

А. Н. СТРУГОВЩИКОВ

ИЗ «ЗАПАДО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА» ГЕТЕ

*Ночью мне снилось,
Что всходит луна,
Когда я проснулся,
Денница возшла.*

«Зулейка-Наме»
(Книга Зулейки)

«УШК-НАМЕ»
(Книга любви)

Книга любви,
Самая чудная
Изо всех нашей лавочки;
Я прочел ее со вниманием:
Страниц немного радости,
Целые томы страдания.
Встреча последняя —
Глава наименьшая,
Примечаньями испещренная:
Разлука — статья бесконечная;
Ей нет времени, меры, названия;
Я читаю ее с утра до-ночи,
Гонимый грозой прошедшего,
На волнах скорбной памяти...

НИЗАМИ

В заулке грязном, у забора
Валялся старый, дохлый пес.
К нему, откуда ни возьмись,
Толпа народу собралась.
Толпа на брань красноречива,
И был заруган бедный пес.
Случился тут мудрец; сужденье
Свое он также подает:
«У пса как жемчуг белы зубы» —
Служитель истины сказал;
При слове том у предстоящих
Зарделись уши от стыда.
«Не порицай! И в самой скверне
Умей прекрасное найти!»

«САКИ-НАМЕ»
(Книга Саки-виночерпия)

Бессовестный тот надувало,
Что светом зовут;
Он оболгал меня,
Как и прочих:
Веру во мне он убил,
Отнял надежду
И на любовь посягнул.
Тут я не вынес!
Мою святыню
Чтоб сохранить по гроб,
Сокровище я разделил
Меж Зулейкой и Саки,
И я богат, как никто!
Снова верой я взыскан,
Верой в ее любовь;
Он, виночерпий,
Мне пенит мгновенья
Златую струю,
Живого сознанья
Чудесный родник!
А надежда? .. к чему тут Надежда!?

«ЧУЛЬД-НАМЕ»
(Книга Эдема)

Зулейка

Держкий, у преддверья рая,
Я сегодня на часах;
Пропустить ли? я не знаю,
Подозрителен ты страх!

Мусульманин ли ты верный.
Можешь ли любить, как он,
Воин ли, слуга примерный,
Что Эдемом награжден?

Коль Пророка ты служитель,
О заслугах расскажи,
Если воин-победитель,
На трофеи укажи!

Поэт

В слове, в песнях, жил я с веком,
Значит, правды был бойцом;
Я с людьми был человеком,
Значит, был любви щитом.

Пристальней в меня взглядися!
На, вот грудь моя, смотри:
Язвам жизни подивися,
Раны сердца перечти!

Но и тут, и в доле трудной,
Пел я верность, и любил;
Пел, что свет (неправосудный!)
Для меня и добр и мил.

Дай же руку, чтоб пристойно
Место мог свое занять,
Чтоб, любви твоей достойный,
Мог своей тебя назвать!

Чтоб в юдоли безмятежной
Мог Зулейку целовать,
На твоих бы пальцах нежных
Мог века мои считать!

А. А. ФЕТ

Девой — слово назовем,
Новобрачным — дух:
С этим браком тот знаком,
Кто Гафизу друг.

Б. Н. АЛМАЗОВ

ВОСТОК

Запад, Юг в крови дымятся,
Троны зыблются, валятся;
Я стремлюсь душой к Востоку:
Там в степях раздолье оку,
Там дышать вольнее груди,
Там любить умеют люди.

Там постиг бы я то время —
Век, когда людское племя
Первой жизнию дышало
И из уст творца вселенной
Чистым сердцем принимало
Тайны жизни сокровенной —
Веры чистое ученье,
Не томясь тоской сомненья.
Там бы ум мой освежился
Духом жизни первобытной
И тревожно не томился
Жаждой знанья ненасытной.
И жилось бы мне, как жили
Древле пастыри-народы:
Им шатром роскошным были
Лишь небес лазурных своды.

И холодного рассудка
Я смирил бы скучный ропот,
И внимал бы сердцем чутко
Я природы тайный шепот. . .

Н. А. ХОЛОДКОВСКИЙ

ТАЙНА

Взор моей подруги милой
Всех приводит в восхищенье;
Мне ж, и только мне, понятны
Смысл его, его значенье.

Он гласит: его люблю я,
Не других, в том нет сомненья.
Позабудьте ж, все другие,
Свой восторг, свои стремленья.

Всем очей ея понятны
Сила, блеск и совершенства,
Но лишь милому те очи
Возвещают час блаженства.

* * *

«Ты говоришь, что так утратил много
С годами: чувств волненье и тревога,
Мечтательные странствия, скитанья
И милых мелочей воспоминанья, —
Все надоело; даже почесть, слава
И дружба высших — сердце не забава;
Не так мила любимая работа,
И мысль чужда отважного полета.
Но что ж тебе осталось?» «О, себе я
Найду исход! Мне есть любовь, идея!»

СЛОВА ТИМУРА:

Как, вы браните взрыв могучих сил,
Жрецы, всем лгушие безмерно?
Когда б Аллах желал, чтоб червь я был,
Червем меня и создал бы он, верно!

* * *

Чтоб все относились к тебе осторожно,
С почтением, являясь щетиной грозя.
На все с соколами охотиться можно,
На вепря ж — нельзя.

* * *

Похвал герою не жалеет,
Кто сам боролся и страдал.
Лишь тот людей ценить умеет,
Кто сам и жар, и холод испытал.

* * *

Отчего везде, повсюду посреди людей,
Столько умных, столько глупых слышим мы
речей?
Молодые повторяют стариков слова
И воображают, что их мысль нова.

К ЗЮЛЕЙКЕ

Чтоб извлечь благоуханья,
Чтобы твой восторг возрос,
Жар терзал до иссыхания
Почки многих тысяч роз;

Чтоб сберечь тебе гостинец —
Драгоценный тот эфир —
Во флаконе с твой мизинец —
Радость! сгублен целый мир,

Целый мир надежды дивной,
Сладкой неги бытия
Под раскаты переливной
Страстной песни соловья...

Розы гибли для отрады —
Сожалеть ли нам о том?
Разве душ не мириады
Погубил Тимур мечом?

К ЗЮЛЕЙКЕ

Случай — не союзник вора,
Сам он всех воров хитрей!
Всю любовь украл он скоро,
Что жила в душе моей.

И весь дар мой заповедный
Он вручил тебе — владей!
И с тех пор живу я, бедный,
Только милостью твоей.

Но в очах твоих прекрасных
Блещет жалость уж к рабу,
Я ж в твоих объятьях страстных
Вновь хвалю свою судьбу.

* * *

Приди, мой друг, и роскошью тюрбана
Чело мое, красавица, обвей!
Аббас на троне гордого Ирана
Имел чалму, не лучшую моей.

Тюрбан сиял красою несравненной
Над Александра царственным лицом,
И всех вождей, властителей вселенной,
Он украшал сияющим венцом.

Пусть ту чалму, что царь наш носит властно,
Зовут короной... что́ нам имена!
Пусть блещет перл! Ничто так не прекрасно,
Как кисея, прозрачна и нежна.

Красу ее сребристого убора
Обвей, мой друг, вокруг головы моей!
Зачем мне власть? Приветливого взора
Довольно мне — и царь я всех царей!

* * *

На грозд плодов зеленый,
Краса моя, взгляни:
На ветке отягченной
Качаются они.

И спеет молчаливо
На солнце каждый плод,
И ветка терпеливо
Тяжелый сносит гнет.

Но в нем зерно таится,
Ростет и зреет там,
И к воздуху стремится,
И к солнечным лучам.

И в землю семя это,
Созрв, уронит плод:
Так песня с уст поэта
В грудь милой упадет.

ПОЭТ И ВИНОЧЕРПИЙ

Поэт

Мальчик! дай еще мне кубок!

Виночерпий

Господин, ты пил довольно!
Прослывешь, смотри, кутилой.

Поэт

Разве падал я невольной?

Виночерпий

Пить пророк нам запрещает!

Поэт

Кто ж то слышал? Так ли, полно?

Виночерпий

Говори, не стану спорить;
Слушать буду я безмолвно.

Поэт

Слушай! Трезвыми велел он
Быть всем прочим мусульманам,
Сам же, в ревности священной,
Он хотел один быть пьяным.

К ГАФИЗУ

О, Гафиз! С тобой сравниться
Можно ль слабым нам?
Вот корабль, шумя, стремится
По морским волнам,

Напрягает парус белый,
Горд и смел на вид —
Но нагрянет вихрь — и смелый
В щепки весь разбит.

Песнь твоя то нежно льется
И прохладу льет,
То, как пламя, вдруг взовьется
И, как пламя, жжет.

Но тщеславье — род недуга;
Буду ж в песнях смел!
Ведь и я под солнцем юга
Жил и страстью млею.

Д. П. ШЕСТАКОВ

ЗАЛОГИ СЧАСТЬЯ

В карнсоле талисман —
Счастье верных мусульман,
А с ониковым окладом
Почитай священным кладом:
Далеко прогонит зло,
С ним в дому твоём светло.
А пометь его чело
Чистым именем Аллаха —
Труд ли, страсть ли, — будь без страха;
Но особенно жена
Талисманом тем сильна.
Амулегов одинаки
С верой списанные знаки,
Но не в круге несвободном,
Как на камне благородном,
Сердце набожно для них
Избирает длинный стих.
С упованьем на груди
Слово Божье соблюди!

Но в надписи ни тайны нет, ни кова,
Она — сама она; сказалось в ней,
На что душа откликнуться готова
С правдивостью: «Ей, Господи, ей-ей!»

Абраккас оставь, желанье!

Человек недаром счел

Духа темного блужданья

За божественный глагол,

И безумца дикий спор

В абраккасе с давних пор.

Вот перстень мой — его пометить трудно,
Превысший смысл вместить в малейший круг,
Но истину сумей усвоить, друг,
И в камне слово врезалось чудно.

ПЛОТЬ И ДУХ

Адам был перстиею земной,

И, сотворенный Богом,

От лона матери родной

Не ведал он о многом.

Но вот вдыхает Элогим

Счастливицу обонянье,

И завладело разом им

Великое чиханье.

Но плоть, и кость, и мысль пока

Земля отягощала,

Доколе Ной для бедняка

Не выдумал бокала.

В нем сила смелая кипит,

Едва напьется сока, —

Так тесто быстро забродит

И вырвется высоко.

Тут, Гафиз, твой небесный глас

И твой пример священный,

При звоне чаш, возносит нас
Во храм Творца вселенной.

В НАСТОЯЩЕМ — МИНУВШЕЕ

Роз и лилий утром чистым
Полон весь соседский сад,
А за ним шатром тенистым
Горы темные висят;
И, хранимы мрачным лесом,
Цепи царственных вершин,
Как излучистым навесом,
Обнимают мир долин.
И отсюда веет юный
Аромат весенних дней —
Дней, когда тягались струны
С блеском утренних лучей,
И звучала молодая
Песня полною волной,
Освежая, согревая
Задушевною игрой.
Той же жизнью рощи полны —
Насладись же сердцем в них,
Умиленный и безмолвный,
Наслаждением других.
Гафиз, Гафиз, в чем утрата?
Вечно юношей не быть.
Но не счастье ль в час заката
С упивающимся пить?

ЖИЗНЬ ВО ВСЕМ

Пыль — не целая ль стихия?
И певцу она послушна:
Вот звучит во славу милой

Голос Гафиза воздушный.
Пыль и прах ее порога
Золотых ковров бесценней,
Где любимцы Магомета
Клонят с робостью колени.
Мчит ли вихрь от милой двери
Облака седые праха —
Это мускус благовонный,
Это розы падишаха!
Пыль — давно ты мной забыта
Там, на севере холодном;
Только здесь, на знойном юге,
Веешь облаком свободным.
Но давно-давно безмолвны
Предо мною двери рая...
Помоги же, бурный ливень,
Исцели, погода злая!
Чу! грохочут грозно громы,
Небо молниями блещет,
Пыльный столб над вихрем диким
Легкой влагою трепещет.
Жизнь и тайну возрожденья
Тучи сносят грозовые,
И смеются-зеленеют
Наши области земные!

МОЯ ХРЕСТОМАТИЯ

Книга книг, из дивных диво,
Книга вечная любви, —
Я читаю терпеливо
Строки нежные твои.
Капли счастья, волны муки,
Море плача и тревог;

Вот отдел — тоска разлуки,
Вот свиданье — пара строк.
Объяснений, уверений
Без числа и без конца...
Ты, Низами, светлый гений,
Понял робкие сердца!
Ты борьбе неразрешимой
Разрешение нашел —
Ты любимого к любимой
Через страдания привел.

ИЗ КНИГИ ЗЮЛЕЙКИ

Зюлейка

Кайся, много вдохновений,
И крылатых посвящений,
И любовью полных строк,
В свитках пышно-позлащенных,
В свитках стройно-завершенных
Ты слагал у милых ног,
И наградой строф влюбленных
Всюду был любви венок?

Хатем

Так, и взоров благодатных,
И улыбок ароматных
Молодая чистота;
Змеи кос, ресницы-стрелы,
Гордой груди мрамор белый, —
Роковая красота!
Подивись, задолго смело
Мной Зюлейка понята!

* * *

Будь от милой так далек,
Как от Запада Восток, —
Сердце страсть и без дорог,
Сквозь пустыни, как ездок,
Мчится к милой на порог.

* * *

Други, вечен ли коран? —
Спрашивать не след,
Други, создан ли коран? —
Я не знаю, нет!
Пусть, по долгу мусульман,
Книгой книг зову коран,
Но вино живет вовек...
Знай и веруй человек —
Это ангелов творенье,
Исповедуй без сомненья.
Смело веруй, смело пей, —
Близок Бог душе твоей!

* * *

Всем нам чаша суждена:
Юность — пьянство без вина!
Чуть до юности допьется
Старость — чудо как живется.
Чаша скорби — сердце наше,
И разгонит скорби чаша.

К ГАФИЗУ

Гафиз, нам с тобой тягаться —
Дерзкая мечта!
Твой корабль манит умчаться
Дальняя мета.

Разовьются сквозь тумана
Паруса над ним,
И в бореньях океана,
Гордый, невредим,
Эти песни легким, смелым,
Свежим бьют ключом,
Разольются морем целым,
Опалят огнем!
Но, волна во тьме ненастной,
Я исполнен сил —
Ведь и я в стране прекрасной
И любил, и жил!

В. В. ВЕРЕСАЕВ

ВПУСК

Гурия

У ворот блестящих рая
Нынче мой черед стоять.
Ты внушаешь мне сомненье:
Можно ль в рай тебя принять?

Ты из рода ль мослеминов?
Наш ли дух в твоей крови?
Ты заслугами ль, боями ль
Добыл право в рай войти?

Из числа ли ты героев?
Раны славные открой, —
И ворота распахну я,
Если вправду ты герой.

Поэт

Отпирай ворота смело,
Не дрожи перед Отцом,
В жизни был я человеком,
Это значит, — был борцом.

Изощри свой взгляд могучий,
Вот, — вся грудь моя в крови,
Вся в коварных ранах жизни,
В ранах сладостных любви.

Все же пел я правоверно,
Что мне милая верна,
Что душа людей любовью,
Благодарностью полна.

Вместе с лучшими из лучших
В жизни действовал и я;
И горит в сердцах чистейших
Слава чистая моя.

Плох не будет твой избранник.
Руку дай, — и день за днем
По твоим прелестным пальцам
Мы века считать начнем.

* * *

Откуда я пришел? Могу ли это знать я?
Мой тайный путь сюда, — его чуть помню я.
Но в этом мире, здесь, встречаются, как братья,
Страданье с радостью средь блеска бытия.
В соединенье их как счастье наше цельно!
Кто смог бы каждое из них нести отдельно?

* * *

Каков кто сам, таков и бог его.
Вот почему смешным бывает божество.

* * *

Мой друг, молись огню хотя бы сотню лет,
А упадешь в него, — сгоришь, пропал и след.

В. Я. БРЮСОВ

[ТАЛИСМАНЫ]

Весь Восток до края — божий!
Запад весь до края — тоже!
Север и пространный Юг —
Все во власти божьих рук.

Он, царя над мирозданьем,
Всем воздаст по их деяньям.
Слава! В тысячи имен
Будь всегда прославлен он!

Заблужденья в круг сомненья
Вводят нас, но ты — спасенье;
Занят я иль я пою, —
Ты ведешь стезю мою.

Я земное ль буду числить, —
Ты подымешь выше мысли.
Дух да не поникнет в прах, —
Чует дух отчизну в небесах.

Дыша творим мы двойное чудо,
В груди нашей воздух и вышел оттуда,
Он нас освежает и к делу влечет, —

Так дивен жизни всей оборот.
Так будь благодарен богу во всем:
В своем несчастье и в счастье своем.

М. А. КУЗМИН

* * *

Святой Коран от века ли был?
Вопроса мне нет.
Святой Коран создан ли был?
Не знаю, нет.
Что он из книг всегда книгой был,
Учит мусульманский завет.
Но что сок вина от века был —
Сомнений мне нет.
Да и то, что он ангелом создан был.
Быть может, не бредни, нет.
И пьяница, как бы он пьян ни был,
Свежее шлет богу привет.

* * *

Все мы пьяными быть должны!
В юности все — без вина пьяны;
Старость в вине вновь юность находит, —
Свойство вина к тому приводит,
Заботят нашу жизнь заботы, —
Лоза же с ними рвет все счеты.

* * *

Тут расспросам места нет!
Строгий на вино запрет.
Если все же придется пить, —
Надо лучшего спросить:

Еретик вдвойне стыдится
За кислятину платиться.

* * *

Слуге

Под нос не суй ты, грубиян!
Подавать мне так не годится!
Ласков будь тот, кем мне был кубок дан,
А то и лучший сорт мутится.

Кравчему

Ты, миленький мальчик, поди сюда!
Зачем ты стоишь там так грустно?
Ты должен впредь подавать всегда,
И вино любое — уж вкусно.

* * *

Поэт

Дай еще мне чашу, милый!

Кравчий

Без того ты, друг, напился.
Диким ты слывешь кутилой.

Поэт

Видел кто, чтоб я валился?

Кравчий

Магомет — запрет нам.

Поэт

Друг мой!
Кто там слышал! Вот скажу я.

Кравчий

Если говорить угодно,
Все расспросы прекращу я.

Поэт

Слушай: всем нам, мусульманам,
В трезвом виде быть согбенным;
Жаждет он лишь в высшем рвенье
Быть безумным и блаженным!

ВПУСК

Гурия

Охраняю я на страже
Двери райской высоты.
Как мне быть, не знаю даже!
Подозрителен мне ты.

Нашим верным мусульманам
Ты, действительно, сродни?
Предан битвам, предан ранам,
Доблестно окончил дни?

Ты в ряду каких героев?
Ран своих ты не скрывай, —
И, сомненья успокоив,
Проведу тебя я в рай.

Поэт

Ну к чему придирки эти?
Не томи перед концом.
Человек я был на свете,
Это ж значит быть бойцом!

Заостри свое ты зренье,
В этой груди улови
Лжи житейской пораненья,
Сладость раны от любви.

Пел, как верным подобает,
Верность милой, как-никак,
И что мир, хоть и блуждает,
И признателен и благ.

Находился в лучшей стае,
Наконец достигнуть смог,
Что в сердцах, огнем пылая,
Свое имя я прожог.

Нет, я не был неизвестным.
Пусть ведет твоя рука,
Чтобы по перстам прелестным
Мог отсчитывать века.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ

ТАЛИСМАНЫ

Весь господень и восход,
Весь господень и заход.
Страны полночи и полдня, —
Держит все ладонь господня.

Он, единый справедливый,
К правде каждого радивый.
Между стами именами
Это — да святится! Амен.

Вьются пути темной смуты;
Но один ты снимешь пути.
И в деяньи и в твореньи
Ты мне даруй направленья!

О земном ли размышляю,
В высшую то прибыль зачисляю.
Вместе с пылью дух не распылится;
Сжатый сам в себе, он ввысь стремится.

В одном дыханьи двойная отрада:
Вдохнем мы воздух и выдохнуть надо.
Тесно сперва, вольно потом:
Так дивная жизнь двойка во всем.
Хвали творца, коль он гнетет,
Хвали, коли сызнова снимет гнет.

ЖИЗНЬ ВО ВСЕМ

Пыль достойна слыть стихией, —
О Гафиз, ее смирил ты
Милой в честь, когда стихи ей
Изощренные дарил ты.

Ибо пыль ее порога —
Что ковер, земное чудо,
Златом тканый, где колена
Гнут поклонники Махмуда.

Если ветер пыли тучу
От ее погонит прясла,
Запах — мускуса приятней
Или розового масла.

Обжожусь давно без пыли
Я на севере туманном;

А на знойном юге с нею
Был в общенье постоянном.

Но давно у милой двери
Петли смолкнувшие ржавы!
Исцели меня, о ливень,
Дай вдохнуть, как пахнут травы!

Вот гремят все вместе громы,
Небо все огнем взрывает,
Пыли ветренное буйство
Влажно к почве прибывает.

Миг, — и жизнь уже возникла,
Бухнет свято тайным делом,
Вот и зелено и влажно
Вдоль по всем земным пределам.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Книга книг, земное чудо —
Книга любви.
Я читал ее прилежно:
Радостей — страницы,
Горестей — тетради;
А разделы в ней — разлуки.
Встреча вновь — главы отрывок
Фрагментарный! Томы горя
И длинноты примечаний, —
Им же счета нет.
О Низами! в заключение
Все же путь нашел ты правый:
Кто решит, что нерешимо? —
Любящие, вновь встречаясь.

ПЯТЬ ДРУГИХ

Отчего дни бегут?
Мчит их труд.
Что нудно тянет день?
Тянет — лень.
Когда должнаешь?
Когда ждешь ты и чаешь.
Как жить без долга?
Думать не долго.
Как в честь подняться?
Не сдаться.

* * *

Зулейка

Проплывала я Евфратом,
Вдруг мой перстень золотой
С пальца пал и канул, Хатэм,
Подаренный мне тобой.

Так мне снилось. На востоке
Сквозь деревья свет зажжен.
Вы — поэты, вы — пророки!
Разгадай же этот сон!

Хатэм

Мне ль его не разгадать бы?
Ты, наверно, узнаешь
Мой рассказ, как с морем свадьбу
Венецейский правит дож?

Так с руки, всех рук прелестней,
Твой был перстень обронен.
Ах, на тысячи ты песней
Вдохновляешь, сладкий сон!

Я, знакомый с Индостаном,
Знавший и в Дамаск пути,
Вновь готовый с караваном
К морю Чермному идти,

Я с рекой твоей брачуюсь,
И с террасой, и с леском,
Весь тебе — доколь целуюсь —
Посвящен я целиком.

ГОРНИЙ ОБРАЗ

Так Солнце, Гелиос Элады,
Бег пышно правит в небеси,
Кругом себя он мечет взгляды —
Мир покорить, внизу, выси.

Он зрит, как та богиня плачет,
Дочь облаков, небес дитя,
Бежит мест ясных, лик свой прячет,
Одной, как будто, ей блестя;

Вникает в скорбь и дрожь богиня,
И чаще токи слезных струй:
Веселье шлет в ее унынье,
Всем перлам шлет он поцелуй.

Пред силой взора в восхищенье
Она упорно смотрит ввысь;
И жаждут перлы воплощенья,
Все образом его зажглись.

Повеселев, дугой и цветом
Ее лик светлый окружен.
Навстречу бог грядет с приветом,
Но — ах! — ее не имеет он.

Так жесткому подвластен року
Тебя я, милая, лишен;
И будь я Гелнос, что проку
Мне встать на колесничный трон?

* * *

В тысячи формах можешь притаиться, —
Я, вселюбимая прозрю тебя,
Иль под волшебным покрывалом скрыться,
Всеведесущая, прозрю тебя.

В чистейшем, юном росте кипариса,
Вседивновзросшая, прозрю тебя;
Живой волной канала заструится, —
Вселасковая, в ней прозрю тебя,

Фонтан ли ввысь возносится, красуясь, —
Всерезвая, и в нем я зрю тебя;
Меняет образ облак, образуясь, —
Всеразнолика, я зрю тебя.

Ковер лугов, и он тебе порукой,
Всеpestрозвездная, в нем зрю тебя,
И если вьется плющ тысячерукий, —
О всесвязующая, зрю тебя.

Лишь над горами утро загорится, —
Всебодрая, приветствуя тебя;
Коль небо чисто надо мной круглится, —
Всесердцеширящая, пью тебя.

Весь опыт чувств, и внутренних и внешн
О всеучительная — чрез тебя.
Аллаху дам ли сто имен нездешних,
Звучит за каждым имя — для тебя.

* * *

Не медли здесь, будь сам себе как сон.
Ты всем местам в пути отвесь поклон.
Умей мириться с холодом и с жаром.
Ты миру, мир тебе не будет старым.

Н. Н. ВИЛЬМОНТ

ФЕНОМЕН

Чуть с дождевой стеной
Феб обручится, —
Радуги круг цветной
Вдруг разгорится.

В тумане круг встает
С прежним несходен;
Бел этот смутный свод,
Но небу сроден!

Так не страшись тщеты,
О старец смелый!
Знаю: полюбишь ты
Хоть кудри белы.

ПЕСНЬ И ИЗВАЯНЬЕ

Пусть из грубой глины грек
Дивный образ лепит
И вдохнет в него навек
Плоти жаркой трепет;

Нам милей, лицо склонив
Над Евфрат-рекою,
Водной зыби перелив
Колесить рукою.

Чуть остудим мы сердца
Чуем: песня зреет;
Коль чиста рука певца,
Влага в ней твердеет.

ШАХУ СЭТШАНУ И ЕМУ ПОДОВНЫМ

Сквозь треск и гром рожков
Наш голос смелый
Опять взнестись готов
В твои пределы!
В твоих мирах живя,
Душа беспечна:
Будь жизнь долга твоя,
Держава — вечна.

Н. ВОЛЬПИН

ЖЕНЫ-ИЗБРАННИЦЫ

И для женщин суд господний
К пребыванью в вечном мире
Доступ дал. Но по сегодня
В рай вошли всего четыре.

Первой ты, звезда земная,
Ты, Зулейка, вся влечение,
Жар любви. Но в небе рая
Ты — блаженство отреченья.

Дале, та, чей сын прекрасный
Нес язычникам спасенье
И пред матерью несчастной
На кресте терпел мученье.

Стала третьей — Магомету
Давшая покой супруга.

Верен рай ее завету:
«Бог один, одна подруга».

И Фатима: дочь-отрада,
Мужу — счастье и опора,
Плоть медовая, в которой
Свет души. сердце услада.

Ради избранных и лучших
Женский род восславь по чести
И заслужишь с теми вместе
Прохлаждаться в райских кущах.

И. В. МИРИМСКИЙ

* * *

Хатем

Создает не случай вора,
Случай сам великий вор.
Взял из сердца без зазора
Страсть мою, сломав запор.

И тебе, моей богине,
Отдал он покражу ту,
И рабом твоим отныне
Стал я, впавши в нищету.

Чую, теплится участие
В черной мгле твоих очей,
И уже предвижу счастье
Новой участи моей.

Зулейка

Осчастливлена тобою,
Случай дерзкий не браню.

От суда я вора скрою,
А покражу схороню.

Но к чему нам помощь вора?
Сам отдайся мне, любя!
Не пугаюсь я укора,
Что ограбила тебя.

Все, что дашь без принужденья,
Возвращу тебе с лихвой.
Получай мои владенья,
Мой нарушенный покой!

Я твоим не внемлю пеням!
Кто полюбит, тот богат.
Ты припал к моим коленям,
И счастлива я стократ!

Б. ЛЕЙТИН

ГОРНИЙ ОБРАЗ

Феб-Гелиос на колеснице
Небесным следует путем.
Весь мир он покорить стремится:
Вверх, вниз глядит, глядит кругом.

Вдруг видит он — богиня плачет,
Дочь облаков, небес дитя;
Свет ей одной он предназначит,
Вселенной — деву предпочтя.

Боль, горе, скорбь его объяли,
Он слышит горький лепет струй.
И дарит страсть ее печали,
И каждой капле — поцелуй.

Как пристально глядит на небо
Она, почуяв властный взгляд:
Там в каждом перле — образ Феба,
И перл преображенью рад.

О, как сияет и лучится
В венце дуги омытый лик,
А он навстречу ей стремится,
Но — ах! — ее он не настиг.

Так и ко мне нещаден жребий:
От ласк ты ускользаешь прочь.
Пари я Гелиосом в небе,
Чем трон сумел бы мне помочь?

С. С. АВЕРИНЦЕВ
ПЛОХОЕ УТЕШЕНИЕ

В полночь я плакал горько,
С тобою в разлуке,
Но пришли призраки ночные,
И мне стало стыдно.
«О призраки ночные, — сказал я,
— В слезах вы меня застаете,
А прежде заставляли сонным,
Когда проходили мимо.
Какую радость я утратил!
Не думайте, прошу вас, худо
О том, кого считали мудрым.
Какую невзгодой он постигнут!»
И тогда призраки ночные
Сделали длинные лица
И прошли мимо.
Умен я иль глуп, им было
Совершенно безразлично.

ПРИВЕТ

Как же мне было славно!
По стране блуждал я,
Где носится Хут-хут над дорогой.
Раковины древнего моря,
Окаменевшие, искал я в камне.
Подбежал Хут-хут,
Красовался, распуская гребень,
Смеялся мертвому хламу,
Полный жизни.
«Да это Хут-хут! — сказал я.
— Ничего не скажешь, красавец.
В путь я пошлю тебя,
В путь, удоде!
Возвести моей милой,
Что ей навеки
Отдано мое сердце.
Кто, в самом деле,
От Соломона
К Царице Савской
Услужливо бегал встарь?»

* * *

Кто рожден в суровое время,
Сумеет снести и тяжкое бремя.

* * *

Трудами день наполни, человек!
Ночь близится, и ты уснешь навек.

* * *

Имей доверие, и будь спокоен:
Давно наш мир как надобно, устроен.
Твой начат путь; дойти его сумей.
Твой жребий пал: противиться не смей.

Одна отграда — в дружбе неизменной
С самим собою и со всей вселенной.

* * *

Чтоб ловкий вор не отнял благостыню,
Скрывай свой клад, свой путь, свою святыню.

* * *

Общему пиру мешать не могли!
Все у бога вместе — друзья и враги.

* * *

Кто молчит, не знает забот.
Нет лучше укрытья, чем свой же рот.

* * *

Ты их увидела —
Тонко исписанные,
Дивно раскрашенные,
Дерзкие страницы!
И ты усмехнулась им:
Простила похвальбу любовью
Твоей и моим блаженством,
Простила ловкое самохвальство.
Самохвальство! Для завистника — мерзость,
Но услада для друга
И для собственного носа!

Велика радость — быть,
И стократно множится радость,
Когда ты, Зулейка,
Меня одаряешь по-царски,
Твою страсть мне кидаешь.
Словно легкий мяч, —
А я ловлю ее и кидаю
В отплату, в жертву, в подарок

Свое Я, без остатка:
Вот это мгновение!

А после меня отрывает
То франк, то армянин докучный.
И все-таки дни и годы
Я заново, без усталы создаю
Запасы для твоих роскошеств,
И без усталы играю блаженством
Своим многоцветным, сотканным
Тобой, Зулейка.

Так прими же в отплату
Жемчужины песен,
Гулким прибором
Твоей страсти
Для меня брошенные
На житейский унылый брег
Ловкими пальцами
Искусно нанизанные,
Роскошно украшенные
Золотом!
Возьми их к себе на шею,
К себе на грудь!
Это дождевики Аллаха,
Созревшие в затворе раковины.

О. ЧУХОНЦЕВ

* * *

От века ли существовал Коран?
Не очень-то я в этом понимаю.
Иль человеком сотворен Коран?
Я и об этом ничего не знаю.
Что книгой книг является Коран,

Я, мусульманин, истиной считаю.
Но что вино от века — не обман:
Когда я пью, я это понимаю.
И что напиток ангелами дан —
Не выдумка: я это нёбом знаю.
Я пью и буду пить, а тот, кто пьян,
Смелее бога зрит — я так считаю.

* * *

Поэт

Чашник, что же ты обносишь?

Чашник

Ты и без того напился,
Вот-вот свалишься, а просишь.

Поэт

Я когда-нибудь свалился?

Чашник

Запретил пророк нам. . .

Поэт

Знаешь,
Что на ум приходит спьяну?

Чашник

Раз уж всякое болтаешь,
Я и спрашивать не стану.

Поэт

Слушай: всем нам, мусульманам,
Надо трезво пресмыкаться,
Чтоб до святости быть пьяным
И святым — ему казаться.

А. В. ПАРИН

ОБРАЗЦЫ

Знай и млад и стар
Шесть любовных пар.
В слове предстала судьба:
Рустам и Рудаба.
Любовь без исхода горька,
Юсуф и Зулейха.
Ужас любовных кручин:
Ферхад и Ширин.
Разно жить не могли
Меджнун и Лейли.
В старости верность прочна:
Джемилъ и Ботейна.
Прихоть жизни великой:
Соломон с Темнолицой.
Тот, кто усвоил урок,
Знает любовь назубок.

ЕЩЕ ОДНА ПАРА

Любовь — солидный куш, ей-ей!
Да есть ли выигрыш крупней?
Любовь — не деньги и не власть,
Но даст в герои нам попасть.
И кстати не кого-нибудь,
А Вамика и Аэру помянуть.
Но их достаточно назвать —
Кто смеет их имен не знать?
Подробностей прискорбной были
Не знает мир. Они любили —
Вот смысл сей повести каков.
И помолчим без лишних слов.

ХРЕСТОМАТИЯ

Хрестоматия любви —
Вот всем книгам книга.
Я читал ее прилежно:
На мильон страниц страданий
Пять страниц блаженства.
Рубежом — глава разлуки.
Крошечный раздел свиданий
Дан в отрывках. Том печали
С приложением объяснений,
Не имеющих конца.
О Низами! Ты, блаженный,
Верную нашел дорогу.
Кто развяжет этот узел?
Только любящие сами.

* * *

В этот тесный переплет
Втиснут рой свободных песен,
Для которых небосвод,
Да и тот немного тесен.
Время — гробовщик вселенной,
Но сильнее песен рать.
Каждой строчке — быть нетленной,
Как любви — не умирать.

САМОЕ СОКРОВЕННОЕ

«В диком раже, сплетнесловы,
Мы смакуем пересуды,
Кто любовь твоя и сколько
У тебя родни повсюду.
Ты влюблен, и, прямо скажем,
Это видно и слепому.
Но в ответный жар подруги
Не поверим ни за что мы».

Милая открыто входит
В дом ко мне. Трубите в трубы!
Говорить — так уж в глаза:
За глаза молва беззуба.

Снял с себя Шехаб-эддин
Груз одежд на Арафате —
И никто, ему подобный,
Не слышал от вас проклятий.

Пусть пред вознесенным тронем
Или перед Вселюбимой
Это имя произносят
Как награду посвященным!

Горя горше мир не ведал:
Голосил Меджнун в печали,
Повелев, чтобы его
При Лейли не называли.

Абракас. Рис. Гете

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЗВД* — «Западно-восточный диван»
WöD — West-östlicher Divan
P — Паралипомены по изданию Э. Грумаха (=АА, 3)
C — Goethe. Werke. Ausgabe letzter Hand. Stuttgart; Tübingen, 1827—1842.
АА — Akademie-Ausgabe / Hrsg. von E. Grumach. West-östlicher Divan. Berlin, 1952. Bd. 1—3.
DuW — Goethe. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. Hist.-krit. Ausgabe / Bearb. von S. Scheibe. Berlin, 1970—1974.
SL — Goethe. Schriften zur Literatur. Hist.-krit. Ausgabe. Berlin, 1970—1982.
BA — Goethe. Berliner Ausgabe. Berlin, 1960—1978.
HA — Goethe. Werke. Hamburger Ausgabe / Hrsg. von Erich Trunz. dtv-Ausgabe. München. 1982.
Beÿту — Goethe. *WöD*. Gesamtausgabe / Hrsg. von H.-J. Weitz. 4. Aufl. Leipzig, 1972.
Maÿер — Goethe. *WöD*. Kritische Ausgabe der Gedichte mit text-geschichtlichem Kommentar von H. A. Maier. Tübingen, 1965. Kommentarband.
WA — Goethe. Werke. Weimar, 1887—1914 (Weimarer Ausgabe) / Hrsg. von K. Burdach. 1888. Bd. 5: *WöD*.
JA — Goethe. Sämtliche Werke. Jubiläums-Ausgabe. Berlin, o. J. 1902—1907.
GA — Goethe. Gedenkausgabe der Werke / Hrsg. von E. Beutler. Zürich; Stuttgart, 1948—1971 / Hrsg. von H. von Maltzahn. 2. Aufl. 1959. Bd. 3. Epen. *WöD*.

- DjG* — Der junge Goethe / Hrsg. von M. Morris. Leipzig, 1909—1912.
- Расс.* — Goethes Gespräche / Hrsg. von F. von Biedermann. Leipzig, 1909—1911.
- B* — Sulpiz Boisseree. Stuttgart, 1862.
- GJb* — Goethe-Jahrbuch. Weimar, 1880.
- Jb* — Jahrbuch
- JbFDH* — Jahrbuch des Freien Deutschen Hochstifts.
- Хенкель-Шене* — *Emblemata*. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts / Hrsg. von Arthur Henkel und Albrecht Schöne. Sonderausgabe. Stuttgart, 1979.

Для облегчения аппарата письма и другие датированные тексты цитируются без указания источника. См., в частности:

Der Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe / Hrsg. von S. Seidel. Leipzig, 1984.

Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens / Hrsg. von R. Otto. 2. Aufl. Berlin, Weimar, 1984.

Kanzler von Müller. Unterhaltungen mit Goethe / Krit. Ausgabe von E. Grumach. Weimar, 1956.

И. С. Брагинский

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ СИНТЕЗ В «ДИВАНЕ» ГЕТЕ

Публикация в 1819 г. «Западно-восточного дивана» В. Гете свидетельствовала о формировании в новое время интереснейшего в мировой культуре явления — западно-восточного литературного синтеза.

Каковы его историко-культурные предпосылки?

Первоначальное капиталистическое накопление в Западной Европе, совпавшее с экономическим застоем в странах Востока, обусловили в XV и XVI вв. начало колониальной экспансии европейских держав в страны Востока и Нового Света. Колониализм вызвал к жизни апологетическую литературу, публицистическую и художественную, в частности (уже в более позднее время) колониальный роман. Но жестокость конкистадоров и грабительская политика колонизаторов, прикрывавшихся ханжеской проповедью миссионеров, не могли не вызывать в лучшей, передовой части европейского общества чувство жгучего стыда перед Востоком за преступления Запада и решительный протест против них. Именно в противовес апологетам колониализма выдвинул выдающийся представитель французского Ренессанса Монтень свою идею «благодетельного дикаря». Коварству и злодеяниям белых завоевателей были противопоставлены несколько идеализированные благородство и свободолюбие краснокожих аборигенов Америки.

В конце XVI—начале XVII в. в европейской литературе сформировалось *филоориенталистическое* течение. Писатели рисуют благородных индейцев, снамцев, благоумных турок, арабов, абиссинцев, используя их этический облик для гуманистической проповеди. Особенно богата филоориенталистическими романами и описаниями путешествий французская литература. Французский коммерсант и путешественник XVII в. Тавернье выразил настроения подобных доброжелателей Востока, когда писал, что «Персии нечего завидовать Европе». Но изобразимые в романах того времени восточные

персонажи обычно были восточными лишь по внешнему облику и одежде. Автор вкладывал в уста героев свои мысли, чаще всего мысли передового западного человека, критикующего феодальный режим.

Вершиной филоориентализма могут быть признаны восточная драматургия Вольтера и «Персидские письма» Монтескье. В этих знаменитых произведениях Восток служит лишь декорацией, иногда маской для выражения освободительных идей западного Просвещения.

Философски обобщить то передовое, что действительно имеется в культуре Востока, что представляет непреходящую идейно-эстетическую ценность и должно быть органически соединено с передовой культурой Запада, сумел Гердер. Его философские статьи, его сборник «Голоса народов» не только подготовили почву для идеи западно-восточного синтеза, но и посеяли первые семена его. Однако честь первооткрывателя как самого западно-восточного литературного синтеза, так и формулировки понятия «мировая литература» принадлежит ученику Гердера — великому Гете.

Европейская литература и до Гете и после него знала и игру восточными масками и инкрустирование поэзии «восточными могивами» — сюжетами, образами, персонажами, особенно часто орнаментом, т. е. внешними восточными атрибутами. «Ориентализм», восточная экзотика были, как известно, излюбленным художественным приемом романтиков. Гете тоже не пренебрегал этнм, но он сумел творчески, во всем блеске своей поэтической индивидуальности, органически соединить достижения двух культур — восточной и западной.

Как и для Гердера, культура Востока означала для Гете и поэтические образы Библии и Корана, освобожденные от их узкорелигиозного восприятия, и классическую поэзию, прежде всего персов, но также и арабов и турок, а позже, в известной мере, и китайцев. Блестящим памятником западно-восточного синтеза является «West-östlicher Divan» («Западно-восточный диван»), снабженный бесценным приложением: «Статьи и примечания к лучшему разуменью „Западно-восточного дивана“».

В своих «Примечаниях» Гете выступает как исследователь, в «Диване» — как поэт. Как исследователь, Гете сумел сказать много нового и глубокого о харак-

терных чертах восточной поэзии, прежде всего классической поэзии на фарси, хафизовских стихов, но еще больше, чем раскрывает нам в «Примечаниях» Гетте-исследователь, угадывает в «Диване» Гете-поэт.

В «Примечаниях» Гете, по его собственному выражению, выступает как наблюдательный путешественник, как зритель, стороной проходящий мимо поэтических жемчужин Востока. Он в большей мере рассказывает о внешней стороне, о формальных особенностях поэзии и ее калейдоскопической пестроте, когда говорит, например, о восточных поэтах: «Ничтоже сумняшеса, они сплетают тончайшие и самые обыденные образы, к чему нам нелегко привыкнуть».

Там же характеризуется и пристрастие восточных поэтов к невероятной гиперболизации, к «чрезмерности», «изысканной искусственности», вся орнаментика необычайных сравнений, метафор, загадочный шифр цветов, знаков и т. п.

Гете-поэт выступает в «Диване» уже не сторонним наблюдателем, а творческим продолжателем высших достижений восточной, и прежде всего фарсиязычной, поэтики. Здесь он силой своей поэтической проицательности раскрывает саму суть этой поэтики, воспроизводит в своем стихе такие ее особенности, о которых он как исследователь почти не говорит в «Примечаниях».

В этом смысле наиболее глубокая разгадка характера восточной поэзии в сопоставлении ее с пластикой классической античной скульптуры дана в стихотворении «Песнь и изваянье»:

Пусть из глины грек творит,
Движим озарением,
И восторгами горит
Пред своим творением, —
Нам глядеть милей в Евфрат,
В водобег могучий,
И рукою поводить
В глубине текучей¹.

---

¹ Здесь и далее отрывки из «Дивана» приводятся в переводе В. Левика по настоящему изданию.

Стройной, ясной античной пластичности Гете противопоставляет зыбкую, текучую стихию переменчивого восточного стиха. В дальнейшем его характеристика восточной поэзии становится еще более разносторонней.

Он подмечает, что в основе восточной поэтики лежит особое, почтительное отношение к слову, к его использованию, своеобразный культ слова. Традиция такого отношения восходит к глубокой древности, к вере в магическое могущество слова, например «мантра спента» («воздействующее, священное слово») в Авесте. Отсюда — и греческое учение о Логосе, и его отражение в Евангелии от Иоанна: «В начале было слово». В «Фаусте» этому противопоставляется другое высказывание: «В начале было дело». Но в «Диване» такое противопоставление попросту невозможно, ибо оно чуждо самому духу восточной поэзии. Для восточного поэта слово, подлинное поэтическое слово, и было делом, сливалось с деянием, с воздействием на людей.

У поэтического слова два качества — значительность и многозначность. Благодаря своей значительности слово поэта служит оружием, разящим мечом, которым поэт способен победить всемогущего султана, подобно тому как Фирдоуси одолел своей сатирой султана Махмуда.

Благодаря своей многозначности слово поэта может служить ему щитом, ширмой, прикрывающей подлинный смысл его стихов. Иранская классическая поэзия работала богатейший иносказательный язык, в котором самые утонченные мистические понятия были выражены в образах плотского любовного вожделения. Так что же мешало поэту, назвавшись мистиком, под покровом святости срывать всяческие покровы и обнажать человеческие страсти и пороки?

И здесь вновь приходили на помощь значительность слова, его весомость, которые придавали особую силу даже отдельному словосочетанию, отдельному бейту или строке, а благодаря своей значительности даже одно слово, повернутое острой гранью смысла к читателям, обжигало своей неожиданностью. Эти особенности и были отличительными чертами хафизовского стиха в «гетевском восприятии». Это и придавало газелям Хафиза обаятельную туманность и переливчатость, окружало их дымкой загадочности и усиливало их притягательность. В поэзии Востока воцарялись *пафос намека*, игра ино-

сказаниями и аллегориями, двусмысленность полутонов и светотени, сбивающие с толку комментаторов и порождающие множество споров вокруг каждого бейта и стихотворения. Это сложнее ребуса, который в конечном счете имеет какое-либо одно-единственное решение. Это хитрее шифра, который в конечном счете может быть однозначно расшифрован. Это «лисан ул-гайб», «сокровенный язык», который каждая эпоха, а внутри нее разные читательские группы истолковывают по-своему.

В стихотворении «Хеджра», которым открывается «Диван», Гете говорит о роли изреченного слова на Востоке:

Wie das Wort so wichtig dort war,
Weil es ein gesprochen Wort war.

И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово.

Обращаясь к Хафизу, Гете пишет в стихотворении «Вторение»:

Пуškai я весь — твое лишь отраженье,
В твой ритм и строй хочу всецело влиться,
Постигнуть суть и дать ей выраженье,
А звуки — ни один не повторится,
Иль суть иную даст их сопряженье,
Как у тебя, кем сам Аллах гордится.

Пафос иносказания прекрасно передан в стихотворении «Намек» в образе веера, прячущего лицо, но неспособного скрыть блеск глаз красавицы, красноречивый ее взгляд:

Да, я их браню, и все ж они правы:
Ведь слово не просто, и это всегда вы
Обязаны помнить, вы с этим знакомы.
Слово — как веер! В его проемы
На вас красивые глазки глядят.
А веер — как флер, прикрывающий взгляд.
Я, правда, не вижу лица самого,
Но девушка не скрыла его.
В ней лучшее, — знает, поди, егоза, —
Глаза, — а они-то мне смотрят в глаза.

Так и сквозь слово стиха блеснет нам подлинная, затаенная мысль поэта.

Поверхностный читатель «Дивана» может вообразить, что в «Диване» западное — это содержание, а восточное — его форма, игра намеками и иносказаниями. На самом деле это не так. Что касается формы «Дивана», то в ней не меньше западного, чем восточного: система стихосложения, элементы народной немецкой песни, западные образы, в том числе из античной мифологии. Насколько же много в «Диване» идей, образов и сюжетов восточного происхождения, можно убедиться, если разобрать его содержание.

В «Диване» из 12 книг первая — «Моганни-наме» («Книга Певца») — составляет как бы сжатое изложение поэтического символа веры Гете.

Уже название первого стихотворения говорит об образе, заимствованном на Востоке из Корана, — «Хеджра». Подобно тому как Мухаммад бежал из Мекки в Медину, поэт хочет убежать от окружающего, вырваться из душной атмосферы реакции, наступившей в Европе после наполеоновских войн. Он хочет уйти от увлекавшего его прежде «веймарского классицизма» в мир новых образов и идей. В этом стихотворении более наглядно и демонстративно, чем во многих других, воспроизводится внешне восточная художественная форма: рифмовка-маснави (aa bb cc и т. д.), редиф, лексика (караван, гурия и т. п.). Все это, равно как заявление: «На Восток ты скройся дальний / Воздух пить патриархальный», должно создать впечатление невинной стилизации, изящной поэтической безделушки. Между тем только заключительная строфа раскрывает подлинный смысл стихотворения — раздумья о миссии поэта в его тяжелый век:

Прочь, завистник, прочь хулитель,
Ибо здесь певца обитель.
Ибо эта песнь живая
Возлетит к преддверьям рая,
Там тихонько постучится
И к бессмертью приобщится.

Полную разгадку этой строфы мы найдем в последней книге «Дивана» — «Книге Рая», в стихотворении «Впуск». Прекрасная гурия, подобная той, что упо-

минается в предпоследней строфе «Хеджры», стоит на страже райских врат, допуская к вечной жизни лишь героев, отдавших свою жизнь в борьбе за веру, за Идеал. Она спрашивает поэта, стучащегося в двери рая, чем он может доказать свою верность Высшей Правде, свое право быть в раю.

Поэт отвечает:

Распахни врата мне пошире,
Не глумись над пришлецом,
Человеком был я в мире,
Это значит — был борцом.

Не правда ли, это напоминает нам строки «Фауста»:

Лишь тот достоин счастья и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

И это не случайно, ибо по своему основному содержанию «Диван» связан с кругом идей «Фауста», с философией активного гуманизма, борьбы за Человека.

Анализ первого стихотворения подсказывает вывод о том, что основу самой формы восточной поэзии составляют три специфических образа, которые вместе с тем выражают и идейный смысл «Дивана»: образ Поэта, носителя Высшей Правды; образ вечно живого поэтического Слова; образ непрестанного служения Идеалу.

Вся первая книга («Моганни-наме»), подобно своему первому стихотворению, насыщена восточной орнаментикой экзотикой амулетов и талисманов, ковров и шатров, «пылью у порога любимой», яркими тюльпанами и розами Ширази. Однако не в этом суть книги, это только ее «веер». Постепенно все глубже раскрывается образ поэта, который вопреки всему несет свое слово людям, выполняет свою миссию. Еще выразительнее это высказано во второй книге, «Хафиз-наме» — «Книге Хафиза», в которой Хафиз рисует бунтарем, изобличающим ханжей и святош. Преданность Корану, Аллаху, мистике трактуется здесь иносказательно, не в религиозном, а в философско-этическом смысле. Гете в стихотворении «Открытая тайна» обращается к Хафизу,

непонятому и ложно изображаемому мракобесами в рясах и во фраках, говоря:

Они, Хафиз, называли
Мистическим твой язык.
Но где тот блюститель слова,
Что Слова ценность постиг!
Мистическим был ты для них,
Тебя по-дурацки читавших,
В великом имени свой
Нечистый хмель увидавших.

В отдельном стихотворении, в котором использованы образы мотылька и свечи из «Бустана» Саади, Гете объясняет, в чем состоит нерелигиозная благость поэта. Это стихотворение — «Блаженное томление» — одно из лучших в «Диване». В нем раскрывается второй из его основных образов — образ вечно живого Поэтического Слова-дела.

Скрыть от всех! Подымут травлю!
Только мудрым тайну вверьте:
Все живос я прославлю,
Что стремится в пламень смерти.

И после изображения гибели мотылька, безнадежно влюбленного в свечу, поэт изрекает знаменитый призыв — «Stirb und Werde» («Умри и возродись!»):

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой.

Здесь и проясняется смысл «Хеджры»: это не аскетический уход из жизни, это уход от старого образа жизни, где поэту душно, в мир новых, благородных идей и активной деятельности. Жизнь воспринимается не как полоса чувственных наслаждений, преходящих утех, а как борьбы. Это самоотверженность ради вечной жизни в Поэтическом Слове, которое переживет века и будет вести людей вперед. Смерть в борьбе за Идеал, который с физической смертью человека не гибнет, а побеждает, — такова истинная победа над смертью, таково высшее торжество жизни. Не случайно Ромен Роллан выразил свое восхищение этим стихотворением.

И наконец, третий, центральный образ «Дивана»: чтобы добиться бессмертия, поэт должен ежечасно, неустанно служить своим словом народу. Наиболее убедительно это выражено в «Завете древнеперсидской веры» книги «Парси-наме»:

И теперь завет мой — без изъятия
Всем, кто хочет, всем, кто помнит, братья:
Каждодневно — трудное служенье!
В этом — веры высшей откровенье.

Выделенная строка — это единственная во всем «Диване» строка, набранная курсивом. Этим поэт хотел подчеркнуть значение непрестанности, непрерывности борьбы за Идеал. Любопытно, что здесь Гете словно использует прием Хафиза — включить свою самую затаенную мысль, выраженную в одном бейте, в газель, состоящую из бейтов, никак будто не связанных по смыслу с крамольным двустишием.

В «Моганни-наме» указываются четыре стихии, которые питают поэтическое вдохновение.

Чем должна питаться песня,
В чем стихов должна быть сила,
Чтоб внимали им поэты
И толпа их затвердила?

Этими четырьмя стихиями являются Любовь, Ненависть, Вино и Меч. Каждая из стихий представлена соответствующими книгами:

Любовь — «Эшк-наме» («Книга Любви») и «Зулейка-наме» («Книга Зулейки»);

Ненависть — «Рендж-наме» («Книга Недовольства»);

Вино — «Саки-наме» («Книга Кравчего»);

Меч — «Тимур-наме» («Книга Тимура»).

Не только эти книги, но и все остальные: «Моганни-наме», «Хафиз-наме», «Тэфкир-наме» («Книга Размышления»), «Масаль-наме» («Книга Притчей»), «Хикмет-наме» («Книга Изречений»), «Парси-наме» («Книга Парса») и «Хулд-наме» («Книга Рая») — проникнуты поэзией, порожденной четырьмя стихиями, и являются внушением непрестанного, повседневного служения поэта Идеалу средствами художественного слова.

Так сумел Гете органически слить воедино передовые идеи Запада своего времени и «седого Востока»,

сплавить формальные художественные особенности и восточной и западной поэтики, создать глубоко гуманистический западно-восточный синтез, равно противостоящий колонизаторским концепциям «европоцентризма» и националистическим догмам о «восточном ветре, одолевшем западный ветер».

Анализ «Дивана» оказался бы односторонним, если не рассмотреть отдельно два его раздела — «Книгу Зулейки» и «Книгу Рая».

Если по отношению к «Дивану» в целом можно, несколько расширив формулировку немецкого исследователя-гетеведа К. Бурдаха, сказать, что это произведение скрытой политической лирики, то о «Книге Зулейки» следует говорить как о произведении интимнейшей лирики. Любовь, страсть во всех ее нежнейших и тончайших оттенках — это чувство общечеловеческое, одинаковое на Востоке и Западе. Если в других книгах «Дивана» литературный синтез все же в некоторой степени выявляет специфику как восточной, так и западной образности, то в «Книге Зулейки» эта специфика как бы полностью взаиморастворяется. Название «Западно-восточный диван» здесь следует понимать лишь как обычный синоним понятия «общечеловеческая книга», т. е., попросту, и западная и восточная. Тут и обретает смысл заимствованное из Корана выражение: «Богу принадлежит и Восток, богу принадлежит и Запад», выражение, столь излюбленное Гете и передающее общечеловеческое содержание культуры, будь то культура Запада или Востока.

И все же «Книга Зулейки» — это также часть «Дивана», произведение, которое в качестве основы своей художественной формы (здесь-то именно только формы) избрало восточную поэтику. Отсюда — и центральные персонажи (Хатем и Зулейка — довольно свободное толкование традиционных восточных героев), и расцвеченная всеми цветами радуги восточная ткань книги.

В любовной поэзии Востока, в ее основном жанре — газели, были две традиции — традиция газели «омаритской» (по имени арабского поэта Омара) с лейтмотивом «любовь — наслаждение» и газели «азраитской» (по имени племени азра, сыны которого, по выражению Гейне, «полюбив, умирали») с лейтмотивом «любовь — страдание». Хафиз объединил эти две традиции: он

преодолеет их в своей газели, в которой любовь — высшее блаженство, всепоглощающее, самозабвенное чувство, переходящее в философское восприятие мира. Именно эту хафизовскую традицию и развил по-своему Гете в «Книге Зулейки», и это делает ее также одной из форм выражения западно-восточного синтеза.

«Книга Рая» интересна тем, что в ее форме переплетены глубокие и серьезное с веселым и смешным. С одной стороны, самые сокровенные мысли о борьбе за человеческие идеалы и о миссии поэта, о бессмертии стихов, с другой — беспощадная издевка над филистерством, пошлостью, соединенная с некой юношеской бравадой против достопочтенных мещан.

В своем смехе Гете всегда молод. Если в других книгах «Дивана» его смех звучит обычно как жалающая, едкая сатира против властвующих, против болтунов, филистеров, как сатира, в которой слышен голос молодого штюрмера, то в «Книге Рая» гетевский смех часто звучит как добродушный юмор, балагурство, напоминающее нам песенки вагантов, шутки студенческих буршей и... будущие нотки гейневских стихов. Все в этой книге искрится веселой шуткой-прибауткой, нарочитым снижением стиля в самых серьезных местах. Величественное стихотворение «Спокойной ночи», которым заканчивается книга, с его патетической концовкой, завершается неожиданно комичным напоминанием об удостоившейся рая собачки из легенды о семи спящих отроках:

Пусть же и собачка, лая,
Поспешает за уловом.

Именно такое неожиданное соединение высокого стиля с низким, поэтического с прозаическим, патетического с комическим свойственно многим газелям Хафиза, а в известной мере и другим восточным поэтам, на что обратил внимание Гете в своих «Примечаниях».

Значит, и эта особенность «Книги Рая», опирающаяся на восточную образность, лишней раз показывает специфику западно-восточного литературного синтеза в творчестве Гете.

Выражение этого синтеза в совершенной художественной форме оказалось под силу великому Гете в пору высочайшего подъема его творчества, в годы,

когда он вынашивал идеи второй части «Фауста». Гениальная интуиция в сочетании с истинно немецкой основательностью в изучении мировой литературы дала ему возможность проникнуть в самую суть высших духовных ценностей, созданных литературами Запада и Востока, раскрыть их единство в многокрасочном разнообразии. Если Данте, бродя по неземному миру «Божественной комедии», избрал своим путеводителем мудрого Вергилия, то Гете, раскрывая тайны человеческой трагедии своего времени, взял себе в поводыри в «Диване» страстного Хафиза, обращая к нему следующие строки:

Таинственно кипит, не остывая,
В тебе струя поэзии живая.
Для поцелуев создан рот,
Из чистой груди песня льется,
Вина всечасно горло ждет,
Для блага ближних сердце бьется.

И что мне целый мир? Судьбою
Тебе да уподоблюсь я!
Хафиз, мы будем как друзья!
Сквозь боль и радость бытия,
Любовь и хмель пройду с тобою,
И в этом счастье — жизнь моя.

Но будь неповторимо, Слово,
Ты старше нас, ты вечно ново!

Обращение к Хафизу многое проясняет в том, как понимал Гете западно-восточный синтез. Когда в «Хеджере», первом стихотворении, открывающем «Диван», поэт мотивирует свое «бегство» на Восток стремлением «воздух пить патриархальный», то под «патриархальностью» он вовсе не имеет в виду консервативность традиционализма, отставание Востока и его застойность, присущие ему лишь в новое время. Гете подразумевает нечто совершенно иное, поясняемое им во всех стихотворениях.

На Востоке поэт ищет истоки гуманистической идеи, доведившей почитание человека до его обожествления и универсализировавшей человеческую любовь в философски-хафизовском смысле слова, определяя ее как основу мира и жизни. В понятие «патриархальность

Востока» Гете включал также первозданную нравственную чистоту человека, не затронутую еще филистерским расчетом и мещанским духом стяжательства — типичными порождениями буржуазного царства чистогана.

Но синтез, естественно, включал в себя не только «Восток», но и «Запад». Высшей духовной ценностью последнего была для Гете концепция свободной личности, борца против социального зла и бесчеловечности.

Именно такое понимание свойственно и многим другим выдающимся представителям западного Просвещения. Ведь и в руссоизме содержался не консервативный призыв вернуться к «доброму старому времени», т. е. к действительной патриархальщине, но выражена прогрессивная мысль, которую К. Маркс оценил положительно, резюмировав известную идею Руссо в «Общественном договоре» следующим образом: «Всякая эмансипация состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку»².

Именно такой «патриархальный воздух» и призывал вкушать на Востоке поэт, «соперничающий» с Хафизом.

В синтезе Гете гуманистические, художественные и нравственные категории, связанные с реальной историей и соответственно обозначаемые как «Восток» и «Запад», не просто сосуществуют, а органически слиты в единый культурный, литературно-художественный сплав:

Orient und Occident
Sind nicht mehr zu trennen

(«Восток и Запад уже более нерасторжимы»). Это знаменует становление подлинно единой мировой литературы.

Вместе с тем формирование в творчестве Гете западно-восточного литературного синтеза дает основание литературоведам искать его истоки и разнообразные формы проявления на разных этапах развития мирового литературного процесса. Выражение этого синтеза характерно и для творчества других великих писателей, например Байрона, Пушкина, Рабиндраната Тагора. Более того, этот синтез присущ и целым литературам:

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 406.

в древности — эллинистической, в средние века — древнегрузинской и древнеармянской, в новое время — англоязычной литературе Индии, советской литературе народов Средней Азии и Казахстана и др. Анализ западно-восточного литературного синтеза и форм его выражения в мировой литературе — тема плодотворная и перспективная.

*

Осветим здесь этот вопрос на примере западно-восточного синтеза в поэзии Пушкина. Причем дальнейшее изложение — это лишь некоторые заметки, которые носят сугубо предварительный характер. Отсутствие исследований, где был бы специально прослежен непреходящий интерес поэта к Востоку его народам и культуре, может объяснить, например, то, что такой знаток творчества Пушкина, как незабвенный Б. В. Томашевский, высказал мысль, будто «Подражания Корану» (1824) — «это последняя дань восточным темам», т. е. будто они знаменуют конец увлечений поэта Востоком³. На самом деле (как отмечается ниже) «Подражания Корану» знаменуют именно начало западно-восточного синтеза в пушкинской лирике.

Сложность этой проблемы состоит прежде всего в недостаточной изученности, даже систематизации самого материала.

Начнем с библиографии вопроса. Необходимо тщательно собрать и критически оценить все высказывания о восточных мотивах в творчестве Пушкина, содержащиеся в общих работах о поэте и в комментариях к его произведениям. Путеводителем в таком изучении истории вопроса может (по отношению к литературе, вышедшей до 1956 г.) служить доклад Б. В. Томашевского, опубликованный под названием «Основные этапы изучения Пушкина»⁴. За последующие годы

---

³ Томашевский Б. В. Пушкин. М., 1960. Т. 2. С. 383.

⁴ Там же. С. 444—476. См. также библиографию в статьях: Белкин Д. Тема зарубежного Востока в творчестве А. С. Пушкина // Пробл. востоковедения. 1965. № 4; Орбели И. А. Пушкин и грузинская

пушкиниана пополнилась многими другими работами⁵.

Необходима первоначальная систематизация материала по хронологическому принципу — распределить по этапам творческой биографии А. С. Пушкина как стихи, заметки и письма поэта, так и биографические данные, сообщения современников, отрывки из мемуарной литературы. Подобное расположение материала поможет осмыслению творческой эволюции поэта, развития «восточной темы» в его поэзии.

В качестве примера ниже приводятся некоторые строки, почерпнутые при просмотре одного лишь первого тома Полного собрания сочинений А. С. Пушкина⁶.

Из стихотворений лицейского периода (1813—1817).
«К Наталье»:

Не владетель я Сераля,
Не араг, не турок я,
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя... (1, 7);

«Монах»:

Вольтер! Султан французского Парнасса... (1, 9)
... Лети, спеши в священный град востока... (1, 20);

«Пирующие студенты»:

... Двоится штоф с араком. (1, 61).

литература // Сто лет со дня смерти Пушкина. М.; Л., 1937. С. 207 и сл.; Азадовский М. Руставели в стихотворениях Пушкина // Звезда. 1938. № 5. С. 223—231.

⁵ См., например, работы: Курбанов Ш. Пушкин и Азербайджан. Баку, 1959; Османова Э. О «Тазите» А. С. Пушкина // Учен. зап. Кавказ. науч.-исслед. ин-та, 1957. Т. 11. С. 425—427; Нольман М. Пушкин и Саади // Рус. лит. 1965. № 1. С. 123—124. См. также: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.

⁶ Произведения Пушкина цит. по изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949.

Из стихотворений петербургского периода (1817—1826).

«Тургеневу»:

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов. . .
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа. —
На свадьбах и в Библейской зале. . . (2/1, 40):

«Орлову»:

. . . И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты! (2/1, 85):

«На Стурдзу»:

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического (2/1, 94).

К этим немногим строкам из первого тома, включающим некие «ориентальные моменты», можно добавить из поэмы «Руслан и Людмила», написанной в 1817—1820 гг., образ «младого хазарского хана Ратмира», ставшего счастливым отшельником-рыбаком, и упоминание о царе Соломоне (4, 30), «арапах» (4, 34) и Шехерезаде из «1001 ночи».

Довольно. . . благо мне не надо
Описывать волшебный дом:
Уже давно Шехерезада
Меня предупредила в том. . . (4, 28)

Конечно, это очень мало, однако при изучении темы «Пушкин и Восток» нам важна и дорога буквально каждая строка. Кроме того, выписки из первого тома служат лишь введением к более обширному материалу, который содержится в последующих томах. Данные, относящиеся к царскосельскому и петербургскому периодам (1813—1820), дают уже основание для определенных выводов: они свидетельствуют о небольшом еще интересе поэта в те годы к Востоку и о некоторой специфичности этого интереса.

В лицейских стихах, как известно, сильно чувствуются отзвуки анакреонтических и эпикурейских мотивов Батюшкова, романтической музыки Жуковского. Стихи,

написанные в духе Парни, — «Эвлега», «Осгар», «Леда», «Фави и пастушка», стихи петербургского периода — «Торжество Вакха», «Дорида», «Оставь, о Лезбия, лампаду» и др. — говорят об увлечении языческой греко-римской античной образностью. Позже все это преодолевается. Складывается пушкинский русский стих. В «Вольности» (1817) и «Деревне» (1819) отдается дань славянизмам. Но в лирике рассматриваемого периода нет у Пушкина ни «ориентализма», ни связанных с ним библейских образов. Встречающиеся же в стихотворении «К Наталье» «восточные строки», затерявшиеся среди античных и западных образов — Зефира, Амура, Катона, Опекуна и Розины (из «Севильского цирюльника» Бомарше), служат лишь виньеточным украшением. Ссылки на «библейское» всегда приводятся в иронически-пародийном смысле.

Поразительно сходжение с восточным (хайямовским) мотивом, которое содержится в строках «Истины» (1816):

... Подумал первый о вине
И, осушив до капли чашу,
Увидел Истину на дне (1, 202)

и является скорее всего случайным совпадением.

Об оригинальности поэмы «Руслан и Людмила», о поэтической зрелости молодого Пушкина, об освобождении его языка от влияния карамзинского стиля и о многом другом идут споры. Но одно бесспорно: подлинного «ориентализма» в поэме, по существу, нет.

Только со следующего периода жизни Пушкина, с начала его ссылки на юг (1820), под воздействием встречи с живым Востоком возникают восточные мотивы в стихах поэта. Книжное представление о Востоке меняется в результате посещения Кавказа и Крыма, знакомства с бытом и жизнью их народов. В письме 24 сентября 1820 г. поэт пишет Л. С. Пушкину из Кн-шинцева о впечатлении, которое оказали на него горные хребты Кавказа: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми... Кавказский край, знойная граница Азии — любопытен во всех отношениях...» (13, 17—18). Далее поэт выра-

жает надежду, что этот край сблизит Россию «с персиянами», с Индией; о Крыме Пушкин пишет: «...счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение — горы, сады, море...» (13, 19). Позже, в своем, как он пишет, «азиатском заключении», в Бессарабии, в 1820—1823 гг. Пушкин расширяет знакомство с Востоком.

В творчестве Пушкина в период ссылки находят отражение поэтические впечатления от природы и живых картин Востока. При переезде из Феодосии в Гурзуф написано знаменитое стихотворение «Погасло дневное светило...» (1820). Там же начат и «Кавказский пленник» (1820—1821), о котором В. Г. Белинский писал: «Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведен русской поэзией, — и только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом...»⁷.

Сам Пушкин в письме Н. И. Гнедичу 24 марта 1821 г. подчеркивал, что почвой для этой поэмы служили глубины Кавказа: «С вершин заоблачных бесснежного Бешту видел я только в отдалении ледяные главы Казбека и Эльбруса. Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущелиях Кавказа — я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца — где возвышаются в дальнем расстоянии друг от друга 4 горы. отрасль последняя Кавказа» (13, 28).

Но — и это очень важно — Пушкин раскрывает, что истинная героиня его поэмы — черкшенка, дочь Востока — становится символом свободы. «Конечно, — критикуя свою поэму, пишет поэт А. М. Горчакову осенью 1822 г., — поэму приличнее было бы назвать „Черкшенкой“ — я об этом не подумал» (13, 52). В образах черкшенки и пленника выражается противопоставление положительного, героического идеала Востока отрицательному, индивидуалистическому началу Запада. Здесь проявляется подход к восточным образам, свойственный «восточной драматургии» любимого писателя молодого Пушкина — Вольтера: посредством восточных персонажей, противостоящих западным, в символической форме выражаются освободительные идеи.

⁷ Белинский В. Г. Избр. соч. СПб., 1907. Т. II. С. 743.

Однако в произведениях этих лет пока нет признаков овладения А. С. Пушкиным тайнами восточной поэтики. Даже стихотворение «Я видел Азии бесплодные пределы...» (1820) с названием, столь заманчивым для того чтобы объявить произведение «восточным», «восточноподобным», написано целиком в нормах западной, античной образности. Поэт говорит, что видел Увявших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных... (2/1, 141)

Отзвуки ориентализма, в большей мере еще внешнего, характерны для поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821—1823).

Это начинается уже с эпиграфа, заимствованного (через французский перевод) у Саади: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече» (4, 153); повторено в знаменитых строках «Евгения Онегина»: «Иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал» (6, 190). Эпиграф этот так полюбился Пушкину, что он писал П. А. Вяземскому 14 октября 1823 г. по поводу: «Бахчисарайского фонтана»: «...эпиграф его прелесть» (13, 70). Востоком веет и от самого сюжета поэмы, и от его «татарской песни», и от других «ориентальных строф». Однако в поэме еще не ощущается глубокого проникновения в дух восточной поэзии, философского осмысления ее.

В письмах того периода из Кишинева Пушкин не прочь воспользоваться восточными словечками: Санкт-Петербург он называет «северным Стамбулом», А. И. Тургенева именует «милым муфти» (13, 31). Но пока это мало чем отличается от прежней восточной орнаментики вроде «Серая» или именованья Вольтера «Султаном» и т. п.

Иное осмысление Востока начинается с зимы 1823 г., и, подобно тому как это произошло прежде у Гердера и Гете, начинается оно с «библейского конца».

Для читателя, который стал бы читать лирические стихи Пушкина в хронологическом порядке одно за другим, поворот к Востоку прорвался бы неожиданно, ошеломляюще, едва он открыл бы стихотворение, написанное в ноябре 1823 г., — «Свободы сеятель пустынный» с его новозаветным эпиграфом: «Изыде сея-

тель сеяти семена своя» (2, 145). Откуда этот библейский стиль в таком гражданском стихотворении? Ведь во всем предыдущем творчестве Пушкина библейские образы и стиль воспринимались с внутренней иронией. В этом духе написаны и «Гавриилиада» (1821), и стихи «Христос воскрес» и «Десятая заповедь» (1821), в этом духе высказывается поэт в нескольких письмах. О «Гавриилиаде» он с явной издевкой пишет А. И. Тургеневу 7 мая 1821 г.: «Я привезу Вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса» (13, 29). Говоря о языке «Бахчисарайского фонтана», о натуралистических выражениях в нем, он весьма своеобразно трактует «библейский слог» в письме П. А. Вяземскому (1—8 декабря 1823 г.): «... я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность» (13, 80). В своем письме Л. С. Пушкину (4 сентября 1822 г.) он прямо осуждает Кюхельбекера за библейский стиль, примененный в гражданской лирике в стихотворении «Глагол господен был ко мне»: «Только в его голову могла войти... мысль воспевать Грецию, где все дышит мифологией и героизмом — славяно-русскими стихами, целиком взятым из Иеремия» (13, 45).

И вдруг вскоре, в 1823 г., в одном из наиболее глубоких стихотворений, выразивших, по характеристике Б. В. Томашевского, философские раздумья о судьбах народных накануне восстания декабристов, поэт обращается именно к этому, высмеянному им библейскому стилю, к евангелическому эпиграфу, к такой подлинной «иеремиаде», как заключительные строки:

К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич (2/1, 293).

По своему характеру стихотворение вырывается из контекста пушкинской лирики. В его рифму проникают новые элементы, некие отзвуки восточной монорифмы (народы, свободы, роды; клич, стричь, бич).

Несмотря на серьезность своего обращения к библейскому стилю, Пушкин не мог удержаться от иронии и здесь, когда в письме А. И. Тургеневу 1 декабря 1823 г. сообщал по поводу этого стихотворения, что закаялся писать о Наполеоне «и написал на днях подра-

жание басни умеренного демократа И^{исуса} Х^{риста}» (13, 79). О том, что «обращение к Востоку» с «библейского конца» было не случайным эпизодом для творчества Пушкина, свидетельствует появившееся вслед за стихами «Свободы сеятель пустынный...» стихотворение, написанное в том же ключе, — «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» (1824). И в нем концовка выдержана в том же духе:

Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью —
Все было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах (2/1, 314).

Б. В. Томашевский вскрывает существенное различие в содержании обоих стихотворений. Осмысливая спад революционной волны на Западе после разгрома Наполеона и торжество Священного союза, поэт в первом стихотворении ищет виновников в толпе, в массах, продолжавших оставаться послушным стадом и не поддерживавших освободительную борьбу; во втором — поэт видит виновников в главарях, в «безумцах», предавших освободительную борьбу и обманувших массы. Проблема роли народа и рождей, волновавшая поэта в течение всей его жизни, выражена в приведенных стихах в библейских образах «пастыря» и «паствы» и разрешена в них по-разному. Тем знаменательнее, что именно единая восточная образность в равной мере присуща обоим столь разным стихотворениям.

Ими и начинается новый этап в отношении Пушкина к культурному наследию Востока — восприятие не столько внешних, сколько глубинных элементов его культуры. Полностью проявлялось это в годы, предшествовавшие восстанию декабристов, начиная с михайловской ссылки (1824 г.) и в ближайшие годы после подавления восстания вплоть до Болдинской осени 1830 г.

Истоками нового восприятия культуры Востока послужили наблюдения в годы южной ссылки, повышенный интерес к фольклору и литературам Востока, философское осмысление народных судеб, судеб человечества. Сказалось, видимо, и развитие востоковедения в России: в 1818 г. был основан Азиатский музей Ака-

демии наук и началась научная деятельность академика Х. Френа и преподавательская — А. Болдырева в Москве и О. Сенковского в Петербурге. Рост интереса к восточной культуре отразился в многочисленных переводах и вольных переложениях восточных художественных произведений в периодической печати первой четверти XIX в., особенно в ежемесячном журнале «Азиатский вестник» (1825—1826). Журнал этот был «загроможден арабскими пословицами и нравоучительными изречениями восточных писателей»⁸. Пушкин читает «Коран» в переводе Веревкина. Он требует у Л. С. Пушкина (ноябрь 1824 г.): «Библию, библию! и французскую непременно» (13, 123). Этот интерес не имел ничего общего с религиозностью. Когда Пушкин обращался к библейским и кораническим образам и сюжетам, он угадывал в них своеобразную восточную поэзию и поэтику, именно они привлекали его. Этой поэзией, ее переосмыслением воодушевлялся он, выделив из полноватшей его проблемы — народ и вожди — тему пророческой миссии поэта и его отношения с массой (по-разному трактовавшейся Пушкиным — как народ, как толпа, как чернь). О нерелигиозном характере интереса Пушкина к Востоку и к библейско-кораническим образам свидетельствует все его творчество. Об этом говорят и его высказывания 1823—1824 гг.: известное выражение в письме В. Кюхельбекеру (май 1824 г.): «Беру уроки чистого афеизма», стоявшее ему ссылкой в Михайловское; замечания в том же письме: «Читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира» (13, 92).

Таким образом, даже беглый обзор «восточных элементов» в поэзии Пушкина, сделанный в хронологической последовательности, приводит нас к выяснению эволюции в интересе и подходе к Востоку, к выявлению весьма важного аспекта темы, связанной со знаменитым «протезом» Пушкина.

Протей, как известно, мифическое морское божество, способное каждый раз принимать новый вид. В. Г. Белинский именно в связи с «Подражаниями Корану» относил «Пророка» Пушкина «к величайшим произве-

⁸ Эберман А. Арабы и персы в русской литературе // Восток. М., 1928. Кн. III. С. 113.

дням пушкинского гения-протей». Он же отмечал, что «этой поэтической натуре ничего не стоило быть гражданином мира и в каждой сфере жизни быть как у себя дома»⁹. Пушкинский «протеизм» служил предметом различных оценок. В частности, Г. А. Гуковский писал о нем: «... перед нами вновь возникает вопрос о „протеизме“ Пушкина, о его всемирной отзывчивости, поразившей потомков»¹⁰.

Подобно тому как по филогенетическому закону индивид повторяет развитие вида, так и Пушкин пришел к осмыслению и выражению в стихах синтеза западной и восточной культур, пройдя ускоренно, сокращенно через некоторые этапы, свойственные мировому литературному процессу, в частности минуя филоориентализм.

У Пушкина, как известно, нет своего «Западно-восточного дивана», однако, если глубже проанализировать его лирику, можно отметить в ней, по существу, целые циклы стихов, носящих на себе отпечаток западно-восточного литературного синтеза. Пришел к нему Пушкин своим, самобытным путем, и, что особенно важно, не столько от литературных реминисценций, сколько от самой жизни. Если до 1823—1824 гг. Пушкин пользовался восточной орнаментикой, вводил «восточные мотивы», то в период ссылки в Михайловское, где гений поэта достиг небывалой высоты своего взлета, в его лирике формируется западно-восточный синтез.

Поэт обращается к Корану, воспринимая его, так же как и Гете, философско-поэтически. Показательно, что, подобно Гете, переживает и Пушкин свою «хеджру» — уход от кошмаров реакции, последовавшей после разгрома Наполеона, к «восточному духу»: «... принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам» (13, 125), — пишет он в письме П. А. Вяземскому 29 ноября 1824 г. Но в отличие от добровольной «хеджры» Гете пушкинская была вынужденной, совпала со ссылкой. В восточных образах нашел Пушкин искомую художественную форму для выражения накануне восстания декабристов идеи героической, самоотверженной борьбы и непреклонного мужества. Таков

⁹ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 726, 890.

¹⁰ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 109.

характер девяти стихотворений, объединенных общим названием «Подражания Корану».

В этом цикле содержится зерно многих стихотворений, несущих на себе отпечаток западно-восточного синтеза, в том числе идея пророческой миссии поэта, образ возрождения жизни через смерть, мотивы непреклонной борьбы с малодушными, обличения изменников Идеалу.

В первом подражании Корану идея поэта-пророка уже четко определена в божественных словах, обращенных к посланнику-пророку:

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман.
Стезю правды верно следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй (2/1, 352).

От сурь 43 Корана здесь остались только внешняя схема да отдельные слова. Перед нами героическое стихотворение о назначении поэта — тема, которая воспевается в следующих трех подражаниях и которая вырастет впоследствии в целый цикл.

Заключительное подражание Корану посвящено древней восточной идее возрождения через смерть, идее, которую мы находим у Хафиза и Саади и в гетевском «Умри и возродись!», но которую трактует Пушкин совершенно по-другому. На многие годы уснул под пальмой путник; истлела пальма, иссяк колодец, пала ослица путника, но вот свершилось чудо, символизирующее конечную победу высокого Идеала:

Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь;
И с богом он дале пускается в путь (2/1, 357).

Подлинным гимном смелости, выдержанным в духе коранической архаики и образности, звучит шестое подражание:

Не даром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башнях, на стене...

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам...

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отвляемом ничем (2/1, 355—356).

Говоря о синтезе, мы имеем в виду не воспроизведение одних только восточных мотивов, но их органическое соединение с западными. Этим отмечены три цикла стихов (1824—1830).

Первый цикл, прямо рождающийся из «Подражаний», посвящен образу поэта-пророка именно пророка, а не просто наставника и передатчика пророческого слова (как у Гете). К нему относятся стихотворения «Пророк» (в духе библейской традиции, по Исае), «Друзьям» («Нет, я не льстец...»), «Поэт и толпа», «Поэту». В них со всей резкостью противопоставляется поэт, носитель правды, готовый глаголом жечь сердца людей — «черни», приспособленцев с рабскими душами.

Второй цикл составляют несколько стихотворений с намеренно подчеркнутой восточной поэтикой типа «подражания восточному», иногда библейской («Вертоград моей сестры...»), «Во мне горит огонь желания» — из «Песни песней» и др.), но чаще хафизовской («О дева-роза, я в оковах...»), «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Соловей и роза», «Из Гафиза»). Особенно интересно «начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-оглу» (8/1, 478), — «Стамбул гяуры нынче славят...» (1830), в которой пафос инсказанья вновь выражен в коранической форме, и поэт прославляет смелость борцов, клеймит трусость отступ-

ников. Здесь реакция выступает под синонимом «лукавого Запада», отступника (напомним, после поражения и казни декабристов!) «сынов Стамбула», а непокорившиеся борцы — «джигитов вольного Арзума», сам же поэт выступает в облике пророка:

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.

Но не таков Арзум нагорный,
Многодорожный наш Арзум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струю трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят...

(8/1, 478—479; ср. 3/1, 247—248).

И тут вновь выдержан восточный колорит, появляются отзвуки восточной рифмы и создан блестящий образец по-хафизовски скрытой лирики с определенной политической целеустремленностью.

Наконец, третий, наиболее замечательный цикл — стихи о Кавказе: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке». Здесь все необычно и ново. Восточный колорит состоит уже не в следовании определенной восточнопоэтической манере, а в ее непосредственности, в воспроизведении естественной восточной природы на основе не литературных образцов, но самой жизни. Стихи эти в прямом смысле слова — восточная живопись и — что более знаменательно — искуснейшее проникновение в суть восточной поэтической тайнописи, пафоса иносказания. Это раскрывает нам последняя строфа стихотворения «Кавказ», не вошедшая по цензурным соображениям

в опубликованный текст, но известная по не дошедшей до нас черновой рукописи:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят... (3/2, 792).

Данное четверостишие с его аллегорическим подтекстом придает всему циклу совершенно иное звучание: западно-восточный синтез у Пушкина включает изобличение царского самодержавия, выражение сочувствия борющемуся против него угнетенному, но свободолюбивому народу.

Особо нужно остановиться в заключение на том, что западно-восточный синтез Пушкина имеет черты, сближающие его с синтезом Гете, но в целом он неповторимо индивидуален: это пушкинский синтез. Как изумительно, проникновенно почувствовал Пушкин многие тончайшие музыкальные оттенки восточного стиха и сумел сохранить их, придать им новое, свое звучание. Пушкин сам пишет по этому поводу (1825 г.): «Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в *Гяуре*, в *Абидосской Невесте* и проч.» (13, 160).

Знал ли Пушкин гетевский «Диван»? На этот вопрос трудно ответить со всей определенностью. При том огромном уважении, которое Пушкин питал к Гете, порой ставя его выше столь любимого им Байрона, при том, что, написав свою оригинальную сцену, которую лишь имя Фауста связывает с произведением Гете, он все же уважительно называет свое творение «сценами из Фауста», — трудно предположить, чтобы Пушкин, если он читал «Диван», как-то не упомянул бы об этом, не отозвался бы на него. Так или иначе, в западно-восточных стихах Пушкина невозможно уловить какой-либо прямой переключки с «Диваном» Гете. Каждому свое, и у каждого великого поэта западно-восточный синтез выступает в неповторимо индивидуальном облике.

Тем интереснее, что Пушкин начал именно тогда, когда кончил Гете. Написание «Дивана» относится

к 1814 г., первое издание — к 1819 г., последние стихи, связанные с ним, хотя и не вошедшие в него, — к 1823 г. Пушкинский синтез, как мы видим, начинается в 1823—1824 гг. и продолжается до 1830 г. По всей вероятности, закономерное развитие мирового литературного процесса привело в XIX в. к необходимости западно-восточного синтеза в литературе. Эта необходимость, подготовленная предшественниками, в том числе фило-ориенталистами, Вольтером, Гердером, Байроном, была своеобразно осуществлена в первой половине XIX в. Гете и Пушкиным¹¹.

---

¹¹ Об эпиграфе Пушкина из Саади см. также: *Ветловская В. Е.* «Иных уж нет, а те далече...» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 104—123; *Брагинский И. С.* Западно-восточный литературный синтез и творчество С. Айни. Душанбе, 1986. С. 66—67, 189—190.

А. В. Михайлов

«ЗАПАДНО-
ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН» ГЕТЕ:
СМЫСЛ И ФОРМА

«Здесь все реальное очищено от тяжести»
Гете в письме К. Ф. Цельтеру
11 мая 1820 г.

I

«Западно-восточный диван» Гете¹ — трудная книга. Однако книги, которые нуждаются в особых введениях, руководствах, наставлениях по их чтению, тяжелы, и можно относиться к ним с неодобрением. Книга должна говорить за себя. Так и гетевская книга: однако все то, что Гете вложил в нее, ввел в ее относительно небольшой объем, слишком велико, чтобы не было опасности скользить лишь по поверхности текста, не заметив более скрытых слоев, богатства, всей многомерности созданного. Все, что очищено здесь от тяжести, легкое, игровое, — все таково, что вызывает любопытство к механизмам, произведшим его на свет.

Особая сложность в том что в одном отношении весь *ЗВД* находится на виду; можно думать, что это обнаженная конструкция: лирические стихи, объединяемые в книги-циклы, и прилагаемый к ним прозаический текст, нарочито поделенный на краткие, порою чрезмерно краткие главки. Все обозримо. Но конструкция обманчива, и это, пожалуй, единственное, что было ясно всегда и всякому читателю книги. Объем охватенного в книге материала несоизмерим с очевидностью членений, и проработанность материала, дающая редкостный эффект полноты, содержательной универсальности и неисчерпаемости смысла, в толковании которого не удастся дойти до самого дна, несопоставима с ка-

---

¹ В дальнейшем — *ЗВД*. См. список сокращений.

жущейся незамысловатостью гетевских сообщений. «Простота — иногда головокружительная — гетевского „Дивана“² — это качество не в стороне от его же сложности и трудности, не вне их, не в противоречии с ними, но в полнейшем единстве и загадочном союзе.

«Слово — как всер», — писал Гете; слова открывают вид на все то, что за ними, в своей красоте они не самоценности, и этой самоценности Гете мало, но они ценны, если можно так сказать, своей правильной расставленностью, тем, что они в огромном пространстве смысла посажены редко, но метко — на свои места, предвиденные и определенные безошибочной интуицией художника. «Слово — как всер»; слова словно зеркала: действует система со-отражений, на всякое слово (высказывание, образ, символ, мотив — на каждое «место» в системе) ложится неуловимый отпечаток остальных, вид целого — это волшебный поэтический мир, в котором всякое слово, всякая мысль включаются в игру невесомых бликов, а между тем держат на себе целое мироздание, осмысленное и воссозданное художественно-поэтически и научно-философски³.

За словом стоит полнота картины мира, мира природы и мира культурной истории; слово, стоя на своем месте, дает самому смыслу выйти наружу, сказаться в ощущении и мысли, само же, особенно в прозе, может оставаться простым на вид, даже как бы скудным; прочерчивая линию пунктира на месте материально-чувственной полноты, может странно изгибаться и худеть; каждое как растение, редко пышно цветущее, скорее чудно, странно сформованное и сложенное писателем; у самых простых слов позднего Гете удивительно тонкое своеобразие, свой вкус; а в чудном — чудное, и весь целый смысл — за словесным каркасом из арматуры и пустот. Целое полно пустот: так в му-

² Иванов Вяч. Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы: Стихотворения и поэмы. М., 1985. С. 465.

³ См. статью Гете «Повторяющиеся отражения» (1823); см. также: *Nieraad J. Standpunktbewußtsein und Weltzusammenhang. Das Bild vom lebendigen Spiegel bei Leibniz und seine Bedeutung für das Alterswerk Goethes.* Wiesbaden, 1970.

зыке нередко красноречивы паузы и зияния в звуковой ткани — материальное сжимается, решительно сокращается, а остаются линии, движущиеся в осязаемом и осмысляемом целом, вбирающие в себя недоговоренное; «слов» мало — мысли много.

Если читать *ЗВД*, минуя эти со-отражения, это — довольно скучная книга. Исключение составляют стихотворения, несущие в себе непосредственную полноту чувства. Но и стихотворения, если читать их по отдельности, читаются иначе, чем в композиции целого. Безотносительно к виду и конструкции целого они невольно упрощаются и приближаются к самой «обычной», хотя и высокой лирике, ставшей давно и всем привычной, — такой, в которой выражает себя яркая личность и которая вся выражает этот внутренний мир человеческого «я». Гете же этого мало.

Вот стихотворение, которым заканчивается самая популярная среди книг *ЗВД*, «Книга Зулейки»:

В тысяче форм ты можешь пританяться, —
Я, Вселюбимая, прозрю тебя,
Иль под волшебным покрывалом скрыться, —
Всеездесущая, прозрю тебя.

В чистейшем юном росте кипариса,
Вседивновзросшая, прозрю тебя,
Живой волной канала заструися, —
Вселасковая, в ней прозрю тебя.

Фонтан ли ввысь возносится, красуясь, —
Всерезвая, и в нем я зрю тебя;
Меняет образ облак, образуясь, —
Всеразноликая, я зрю тебя.

Ковер лугов, и он тебе порукой,
Всеестрозвездная, в нем зрю тебя,
И если вьется плющ тысячерукий, —
О Всесвязующая, зрю тебя.

Лишь над горами утро загорится, —
Вседобрая, приветствую тебя.
Коль небо чисто надо мной круглится, —
Всердцещирящая, пью тебя.

Весь опыт чувств, и внутренних и внешних,
О Всеучительная, — чрез тебя.
Аллаху дам ли сто имен нездешних.
Звучит за каждым имя — для тебя.

(Пер. С. В. Шервинского)

О ком тут идет речь? О любимой? И да и нет. Если это стихотворение обращено к возлюбленной, то тут чувство любви вышло на космические просторы бытия. И это не просто разгорание лирического чувства любви, не просто метафорическое его превышение, чтобы ему было тесно в земных пределах. Тут бытие, космос и природа обладают своим смыслом — это о них стихотворение, и о той, что в них; к ней приложимы сто имен Аллаха — она в зыби воды, в прорытом людьми канале, в облаках, ежемгновенно меняющих свои очертания, это она вся вывездилась, мерцая на небе. Это «она» — связь духа и природы; «она» — то «вечно женственное, что увлекает нас ввысь» («мистический хор», заключающий «Фауста»), четвертая ипостась божества, рождающего реальный мир (ср. примеч. к стихотворению «Богоявление» в разделе «Из восточных бумаг Гете»). И самый лучший перевод воссоздает лишь в готовом виде ту конкретную странность этой поэтической мысли, которая небывалое содержание высказывает небывалыми словами; тут же сразу и все научно-философские темы Гете, природа, ботаника, метеорология, этика, — их именует поэт, на них указывает: когда в горах загорается утро, это не случайное впечатление и не поэтическое сравнение — это поэтическая тема, мотив, за которым цепочкой потянутся физические и оптические феномены; прикрываясь «волшебными покрывалами» Всевездусущая — вновь круг физических феноменов, и, пожалуй, главная гетевская философская проблема — как является бытие в его сущности, как, каким образом доступно оно нам, несмотря на то что всякое явление не передает сущность целиком, вполне; скрывает ее, открывая, открывает, скрывая⁴; вода ка-

⁴ Подобно оракулу во фрагменте Гераклита (В 93). Близость Гете досократовской греческой философии, которая в те времена была изучена довольно плохо,

нала — опять же центральная для Гете тема человеческой деятельности, упорной, безостановочной, преодолевающей не только любые трудности, но — своей преданностью делу — бессмысленную суетность своих же действий, — весь *ЗВД*, как и другие поздние создания Гете, — это (стоит только за этим последить) сплошная проповедь и изложение гетевской философии дела⁵, а человеческое дело у Гете должно совершенствовать природу, не вступая с ней в спор, в конфликт (Гете предчувствовал, предвидел конфликт человека с природой; как и обо всем ином, у позднего Гете есть крайне резкие высказывания о «человеческом» и о «человеке» как носителе зла, вовсе не сводимого к идеальности).

не могла быть ясна и самому Гете. Вернее говорить, однако, об основополагающих принципах раннегреческого видения мира, которые возрождаются у Гете, не встречая понимания ни у его современников, ни в науке XIX в., которая в своей специализации отмежевывалась от Гете и по логике своего развития не могла поступать иначе. Только впоследствии, когда наука, размышляя о Гете, стала учиться думать вместе с ним, близость Гете раннегреческому видению мира становилась более очевидной по мере того, как само это видение становилось более доступным и воспроизводимым.

⁵ Самое последовательное и дидактически-ясное воплощение она в *ЗВД* получает в «Завете староперсидской веры»; вообще говоря, идеальный «вид» природы и человеческого мира постоянно накладывается у Гете на реальность, и без такого наложения (и некоторого смещения) иеумыслим был бы ни его «Фауст», ни «спасение» Фауста. В «оправдании зла», этой теме просветительской философии, Гете был смелее любого мыслителя — был безудержно смел: «зло» оправдывается самой же деятельностью («Действующего», «Максимы и рефлексии», № 241, по М. Хекеру). Но конечно же «зло» от этого не исчезает, и Гете увлечен иной по сути дела задачей — как высвободить, как извлечь «идеальность» (благо, добро) из самого хаоса, зла и вредности человеческой деятельности.

Стихотворение «В тысяче форм...» — открытый шифр гетевской картины мира; шифр, потому что если все сказанное принять буквально, как лирический образ, это будет недоразумением — «зашифрованное» останется непрочитанным. Между тем у Гете ясно, открыто сказано, что всякий поэтический «образ» — это действительно, в самом напряженном смысле, образ, т. е. вид, аспект бытия. Лирический образ? Да! Но только такой, который не может, так сказать, и шагу ступить без того, чтобы не оказаться в области обязательных, обязывающих, точных в своем роде смыслов. Нельзя просто сравнивать, нельзя попросту употребить метафору. О чем ни скажешь, везде своя особая жизнь, своя проблема, свое волнение. Нельзя назвать возлюбленную своим божеством так, чтобы не получилось высказывания о боге; нельзя сравнить ее с чем бы то ни было в природе так, чтобы не получилось высказывания о бытии природы, о «физике» бытия. Удивительно устроен этот поэтический мир: в нем практически все «отмечено», совсем нет места для лирической, вольной необязательности выражения, для свободы порыва, который позволил бы звенеть струнам и струиться стихам. Нет, если уж поэтический порыв, то он как наводнение, он не тает в воздухе и не застывает потом в красоте, и только, а весомо проносится по вершинам бытия, каждая из которых бездонна и неисчерпаема: как ни назови «возлюбленную», какой совсем особенный эпитет для нее ни придумай, всякий раз получается сокращенное выражение, аббревиатура бытия в известном его аспекте и, стало быть, философско-научная тема. «Всеиграющая» — это мир в его вечной метаморфозе, игра живых обликов, какую мы видим и наблюдаем; «Всеуголикая» — та же природа; «Всепроектная» — это «метеорология» и, на грани ночи и дня, символическая смена бытийных состояний природы; «Всеобъемлющая» — это опять же «метеорология» и, через нее, светлый лик мира; в бесконечных превращениях бытия — знак утверждения всего позитивного в мире, физика и этика сразу.

Нельзя не переноситься во всеохватную связанность всего бытия, нельзя, восхваляя любимую, не заниматься природой — не заниматься «физикой» в древнем значении слова — философией природы как конкретно созер-

цаемого в его живом росте бытия, философией природы, от которой к гетевской натурфилософии и натурфилософии его времени тянется через долгие века традиции мост, особо их соединяющий. Кто знает язык гетевского мира, читает такое стихотворение, осознавая весомость каждого слова — громадность не высказанного прямо, лежащего под словом или за словом, стало быть, до известной степени и высказанного — как указание направления для взгляда.

Разумеется, далеко не каждое стихотворение достигает такой принципиальности высказывания — не каждое доходит до самых основ. Есть много более простых, более частных и однострунных: по смыслу гетевский *ЗВД* — это конфигурация разнородных и «разноуровневых» текстов, создающая пространство, охватывающее практически все гетевские темы и предметы — весь его «мир»; тут и все частное легко находит себе место, переходя в пространство смыслового резонанса, тут (именно вследствие тематической полноты) все легко находит себе место. «Границы» пространства задаются вершинными произведениями, а форма (внешняя) целого не может не быть столь же необычной, как сами шедевры гетевской лирики, которым мало быть лирическим шедевром. Ищущий в поэзии безыскусной простоты, в которой тонули бы смысловые глубины, и той «глуповатости», какая бывает порою умнее умника, вправе быть недовольным такой поэзией. Она, впрочем, не исключает никакой иной, но, будучи сама собою и набирая лирическую высоту, не может не приводить в волнение самые глубокие темы и «смыслы». Она же и сама бывает простой, но такая простота — опрощение; и эти «простые» стихотворения, изречения Гете читаются и смотрятся не плохо — как жемчужины, по малости своей, в океане, о которых Гете несколько раз пишет в *ЗВД*.

Гетевское стихотворение о «тысяче форм», в которых скрывается его возлюбленная, совершенно исключительно еще и потому, что Гете, создавая его, преодолел свою нелюбовь к сложным, искусственным чужеземным формам и создал в свободной форме газель — стало быть, все же следуя известному канону — нечто такое, что вовсе не кажется условным, но представляется совершенно вольным излиянием восторженного чув-

ства (немедленно складывающегося с мыслью!) — ничуть не типизированным по выражению, а всецело уникальным.

Что же «возлюбленная» в этом стихотворении? Ее судьба — возноситься, превращаться в бытие-природу. Любить — это тоже образ бытия, его особый аспект, выражение все той же всепревращаемости бытия-природы. Судьба «возлюбленной» — быть четвертой ипостасью гетевского божества; она — воплощенное в человеческом облике, в его прелести, благородстве божество, персонификация-символ того, что разольется по просторам и глубинам бытия. Она — «самое сокровенное» (см. одноименное стихотворение), самое сокровенное не потому только, что приходится скрывать свое чувство от посторонних, но и потому, что любовь — эта самая глубокая, самая внутренняя сторона видимого (переживаемого, изучаемого, осмысляемого) бытия — всебытия. Быть любимой — значит встать в ряд с Междунуном и Лейли и всеми иными выдвинутыми на вечное место в человеческом бытии любовными парами (см. стихотворение «Образцы»); быть любимой — значит отождествиться с божеством, которому поклоняется древний Шехабэддин на горе Арафат («Самое сокровенное»). Здесь — как со стихами: как не удовлетворится гетевским «Диваном» читатель, склонный к *простой поэзии* (высоте стиля которой не поставлен предел), — хотя в *ЗВД* есть своя песенная стихия, и это отнюдь не «книжная», литературная поэзия, — так не удовольствуется такой любовью *просто любящий*, и ему захочется быть рядом с любимой, а не только переноситься в эти бескрайние бытийные и культурно-исторические горизонты, где он будет помещен в соседстве с Юсуфом и Зулейкой, Ферхадом и Ширин, Соломоном и царицей Савской.

Любовь — это одна из важнейших тем *ЗВД*, и ее порыв велик и всесилен. Но любовь эта сначала безлична, как стихия, потом лична. Любить тут можно, лишь восторженно погружаясь в бытие — и во *все* его проблемы! — и только расходясь во всей колоссальной широте человеческой культурной истории. Рядом с такой любовью, разве что не совсем сливаясь с нею, иная главная тема Гете — тема мистического пресуществления-перерождения:

Im Grenzenlosen sich zu finden
Wird gern der Einzelne verschwinden

— «Дабы обрести себя в безбрежном, будет рад исчезнуть всяк». Что, кто это «безбрежное»? Бытие, природа, бог?

Для многих читателей и исследователей *ЗВД* центральное его содержание — это стихотворения и книги о любви, связанные с взаимоотношениями Гете и Марианны Виллемер, их «роман», к которому еще необходимо будет вернуться. Такой «роман» был, и ему нашлось место в *ЗВД*, — могло ли быть иначе, если бытие-природа сводятся у Гете не к абстракциям, не к категориям, но к «четвертой ипостаси» божества, вездесущего, с человеческим обликом, с не восточной, но греческой идеальностью за любыми стилизациями ее. Гете и его творчество немислимы без чувственности как своей опоры, без страстности, но — хорошо это или плохо — чувственность и страстность только и могут пребывать у него на просторах физического и исторического бытия. Стихотворение о «тысяче форм», кульминация «Книги Зулейки», было создано до этого так называемого «романа» Гете с Марианной Виллемер.

Есть в *ЗВД* и еще один удивительный отрывок, на который исследователи мало обращают внимание: в статье «Обмен цветами и знаками» Гете рассказывает об изощренном восточном способе сообщаться между собой: «Когда любящее существо посылает любимому какой-то предмет, так получатель обязан произнести соответствующее слово» и т. д. Этот пример свидетельствует в пользу совсем буквальных переводов, доносящих, насколько это вообще возможно, фактуру мысли: у Гете сказано «ein Liebendes dem Geliebten», т. е. «любящее любимому», и надо догадаться, что конечно же «любимому» — это дательный падеж слова тоже в среднем роде. Любовь, когда в роли любовников выступают «некто» или «нечто любящее» и «некто» или «нечто любимое», — это довольно необычная любовь и неподходящая почва для любовных романов. В 1829 г., уже по завершении всяких работ над «Диваном», Гете писал К. Ф. Цельтеру (16 декабря): «(. . .) очень поучительно удостовериться в том, что в преклонном возрасте разумный рассудок или, если угодно, рассудитель-

ный разум может пслучать права заместителя всех чувств». Между тем чувство и разум (который начинает замещать чувство) сообщаются прекрасно как никогда, и тем лучше благодаря этому — действительность и поэзия: когда летом 1823 г. Гете, находясь на курорте в Мариенбаде, среди занятий геологией и анализом метеорологических данных, страстно и церемонно домогается руки 19-летней Ульрики фон Леветцов (в роли свата выступает великий герцог Карл Август), чувство и разум, жизнь и поэзия вспыхивают коротким разрядом замыкания — самое что ни на есть серьезно-настоящее становится живым импульсом поэтического творчества, но притом и порождается творчеством, потребностью в нем; таким же импульсом, лишь более длительным, и разнообразным, и игровым, и серьезным был «роман» с Марианной Виллемер, рожденный кругом мотивов *ЗВД* и сам придавший им энергию жизни. Поворот ко всеобщности, какой испытывает чувство, когда его начинает замещать разум (поэтически творящий!), какой претерпевает сам «субъект» любви, превосходно отвечает любви как вечному аспекту бытия, как внутренней стороне бессмертной органической жизни мира. «Нечто любимое» — из того пантеона, что и «нечто безбрежное».

Гете не был философом, вернее, не был философом в «узком» и специальном значении слова (как «досократик», да и сам Сократ был бы плохим коллегой немецких профессоров философии конца XVIII в.). Гете недолюбливал цеховую философию — в Гегеле, с которым у него была широкая платформа общих взглядов, он везде видел «туманности». Гете не создавал философской системы, но его философская мысль не бессистемна: у него были твердые философские принципы, которые развертывались в живых противоречиях его мысли, — мысль же лишена завершенности, замкнутости и открыта в бесконечность реальных, конкретных проблем бытия. При очевидной бесконечности проблем и бескрайности труда замысел состоял в том, чтобы создать всеохватную морфологию живых форм бытия. Гетевская мысль — мысль о бытии — была мыслью поэтической, научной и философской. «Нечто любящее» — это такое место в гетевском *ЗВД*, где философская подоплека всего целого на беглое мгновенно выглядывает наружу. Гете-поэт писал о любви, о любящем, любимой,

о возлюбленных, но в той широте бытия, к какой он стремился, для всех этих переживающих страсть, испытывающих любовь персонажей существовала всеобщая категория и был свой бог — это «любящее», или «любимое», чуть отдающее абстракцией начало Любви. Что такое человеческая личность для Гете? Это прежде всего неповторимый склад качеств, черт, свойств, это конкретный человек в его целостном облике, человек как своя идея. Но этот же человек глубоко уходит в недра бытия, в космос, — как Макария («Годы странствия Вильгельма Мейстера»), психическая жизнь которой связана с движением планет, которая чувствует его в себе. Всякий человек — это место в бытии, за ним — и биология, и геология, и само творение мира, и он входит во всеобщую, извечную и не знающую конца и края метаморфозу. Поэтому же человек в его красоте — это образец творения и даже сам воплощенный творец; можно сказать, что человек — это всякий раз особый «вид» бытия или даже «выгляд» творца, потому что в совершенном облике человека «выглядывает» наружу сам закон бытия. В ЭВД Гете лишь несколько стилизует под «восточное» типы человеческого совершенства, давая понять, что любой язык культуры лишь указывает на то общее, что есть всегда. — на духовность красоты, на ее символический смысл, на ее глубочайшую укорененность в самом физически-духовном, божественно-природном бытии.

Когда Гете писал: «Ни мифологии, ни легенд не должно терпеть в науке. Оставьте их поэтам, призванным разрабатывать их на пользу и радость миру» («Максимы и рефлексии», № 560), — это была безусловно верная для него мысль, которой Гете и следовал. «Я, — писал Гете Ф. Г. Якоби в 1813 г., — при многообразии направлений моего существа не могу довольствоваться одним каким-то способом мысли; как поэт и художник, я политеист; напротив, как естествоиспытатель, я пантеист, причем со всей решительностью и то и другое». В «Максимах и рефлексиях» (№ 807) та же мысль появилась в афористически-краткой форме: «Мы в естествознании пантеисты, в поэзии политеисты, в этике монотеисты»⁶.

⁶ Ср. в «Первой программе немецкого идеализма» (1796), опубликованной лишь в 1917 г.: «Монотеизм

Не смешивать науку с мифологией и поэзией! Но Гете как мыслитель-поэт и шире такого тезиса: для него поэтическое — это и часть всего мира, и его творческая основа; мифология и поэзия — все в том же мире, который изучает наука. Когда Гете занимается даже частными научными проблемами, поразительна его способность видеть частности во всеобщей взаимосвязи. Гете может писать об оптике и, ставя эксперименты, рассказывать о своих наблюдениях; между тем всегда ясно, что любая частность существует для него в одних, общих для всего, горизонтах мирового бытия и пространства культурной истории. Именно поэтому гетевское «Учение о цвете» (1810) повлекло за собой и вобрало в свой состав «Историю учений о цвете», а эта последняя отнюдь не ограничивается изложением точек зрения и тезисов по существу вопроса, но рассматривает культурно-исторический облик эпох, культурных сфер. Гете, достигая своих вершин как поэт (или «политеист»), не только не забывает о волнующих его научно-философских проблемах (проблемах «пантеиста»), но только здесь он и способен передать свою картину мира в особой интенсивной сжатости. Ничто отдельное не могло оторвать его от созерцания (греческой «теории») мира как целого. Стихотворение о «тысяче форм» — одна из таких вершин гетевской поэтически-научной мысли, теории. В цитированном письме к Якоби Гете писал так: «Если я как личность испытываю нужду в боге, так уж это не моя забота. Земное и небесное — царство столь обширное, что лишь органы всех существ совместно могут постигнуть его». Стихотворение о «тысяче форм» — это, пожалуй, максимальность постижения, доступного человеку. Оно обрисовывает горизонты ЗВД.

«Слово — как веер»: целое как таковое невыразимо, «непостижимо» для отдельного человека — оно постижимо в символе, в отражении и в «со-отражениях» отражений, в целой системе выражения, в качестве какой строятся и ЗВД, и подобные ему по композиционному складу гетевские создания, оно зримо сквозь нее в кон-

---

разума и сердца, политеизм воображения и искусства — вот что нам нужно» (Гегель. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 212).

турах своих очертаний. Все это попытки преодолеть неизбежную ограниченность отдельного человека, недостаточность его опыта и его, всего лишь частичного, знания.

II

Все всем взаимодополняется в *ЗВД*. Все по отдельности — неполно, все, взятое совокупно, рассыпается — целое создается во встрече отдельного, внутри которого видится общее, с непостижимым «все», которое в человеческих руках и в человеческой мысли начинает дробиться. Обычно читатель склонен ценить в *ЗВД* лирику, собственно «поэзию», между тем как лирический элемент обогащен всем тем, что почти никогда не входит в «обычную» лирику. А переводы и гетевской лирики, и гетевской прозы невольно обедняют их — невозможно воссоздать в стихии другого языка тот же самый организм, точно такое же срастание поэзии и жизненной, мыслительной заботы, воспроизвести историческое состояние языка, которым мыслит поэт. Все обычные трудности усиливаются, когда уникальное содержание запечатлено в уникальной форме. Тут даже все выраженное резко индивидуально, с подчеркнутой своеобычностью, на деле зависит от индивида лишь в той мере, в какой он способен смотреть на вещи глубоко и, например, схватывать исторические масштабы в самых широких планах. У Гете это реальное столкновение культурных пластов: нужно было быть одаренным, как он, чтобы в творчестве могли сталкиваться, и объединяться, и осмысливаться целые культурные пласты. Таковы и гетевские «Восток» и «Запад» — не абстракции, но живые творческие начала, действующие в поэте, предлагающие и навязывающие ему свой язык и свои принципы. Тысячелетняя культура Европы еще прежде того — живое творческое начало в Гете, и перелом в этой культуре, ее известная кризисность в начале XIX в. ложатся именно на него всей тяжестью своих проблем. В эту переломную эпоху культурной истории обнажались ее начала и концы, стало более доступным древнее, эпохи прошлого стали впервые представлять во всем своем культурном своеобразии, и европейская культура, «самоисчерпываясь» в этом обнажении своих принципов, стала как бы отлетать сама от

себя — проникать в иные, прежде чуждые ей культуры, внимательнее всматриваться в них, прислушиваться к их различным языкам. Гетевский «Восток» — это «эксперимент», произведенный на самой грани эпох, когда все «свое», язык своей собственной культуры ощущается еще очень хорошо, как именно «свой», но когда уже возрастает потребность в ознакомлении с «иным», в ознакомлении изнутри, не с любопытством пялящего глаза на диковинки чужестранца. Гетевский эксперимент мягкий и осторожный; для Гете немислимо отрываться от своего, бросаясь в «чужое», как в океан, с уверенностью хорошего пловца, — «свое» и «иное» терпеливо привыкают друг к другу, ищут общее в себе самих. Эта мягкость чуть скрывает жесткость столкновения — не между Западом и Востоком, но внутри самой испытывающей перелом западной культуры. Чуть скрывает, однако она же, эта жесткость и перенапряженность — то самое редкостное обстоятельство, что в произведении ведут между собой диалог большие культуры, — повсеместно выходят наружу и делаются явными.

Лирика способна прятать свои проблемы в безусловной красоте, которой нельзя не восхищаться. Настоящую многомерность поэзия *ЗВД* приобретает тогда, когда читается вместе с прозой, когда читается все произведение. Эта проза в форме краткого и вместе с тем неторопливого комментария раскрывает многие составные части гетевского мировоззрения. Прозаическая часть состоит из небольших по объему статей — о персидской истории, о персидских поэтах, о языке восточной лирики, о разных восточных культурах, об изучении Востока в Европе. Факты — их скорее немного — не информируют, но направляют взгляд; самое важное в каждой культуре — как люди видят мир. *ЗВД* — это не весь Гете, но зато полный образ гетевского научно-поэтически-философского мирозерцания в его единстве. Это аналитическими приемами достигнутый творческий синтез. А поскольку рефлексия оказывается внутренним законом гетевского творчества («со-отражения»!), то сама же поэзия в значительной своей части становится поэзией о поэзии, поэзией на темы поэзии. Творчество и то, о чем это творчество, до крайности сближено. По этой самой причине поэзия требует своего

толкования — не в качестве некоей роскоши и не для того, чтобы продолжить наслаждение поэзией иными средствами, продлить его. Поэзия, которая сама начинает истолковывать себя, вовлекается в бесконечность толкования: мир, который никак не может быть постигнут во всей своей полноте, но который на эту полноту притязает. отражается в таком поэтическом мире, который тоже стремится к полноте и универсальности, а потому никогда не может достичь своего конца. Поэзия, приближаясь к наивозможной полноте своего образа мира, в то же время начинает нуждаться в аналитическом раскрытии своего мыслительного содержания. Поэтому поэтические книги ЭВД логически повлекли за собой его прозу. На каждом этапе работы над ЭВД заключался очередной компромисс между неполнотой и завершенностью — между завершенностью («оконченностью») и неполнотой. Издавая (дважды) ЭВД, Гете всякий раз вынужден был мириться с неполнотой его состава и всякий раз ощущал потребность продолжать, т. е. расширять, ЭВД (см. общую часть комментария). Прозаическая часть ЭВД, таким образом, не просто дополнение поэтической части, это ее прямое следствие.

В те же годы Гегель, читая курс лекций по эстетике, объяснял своим слушателям, что искусство в эту эпоху уже не довольствуется своим содержанием — оно выходит за свои пределы, захватывая в свой круг любое содержание, переходит в рефлексию. Состояние искусства, которое раскрывал Гегель, не было его «концом» — Гете, как Бетховен в музыке, не миновал стадии критического состояния искусства, поскольку смотрел на него как на нечто абсолютно принципиальное (не относительное и не игровое), поскольку брал его на всю его глубину и брал от него все, что оно вообще могло дать в его руках. Поэтому Гете оказывался как бы перед концом искусства: чтобы продолжить художественное творчество, писателям, поэтам, художникам XIX в. пришлось перестроиться — сама поэзия стала другой, ей необходимо было отказаться от очень многого, в первую очередь именно от универсальности, от всеохватности. А такую универсальность хранил Гете, и такая поэзия на самой своей грани — точно так, как музыка позднего Бетховена, — перенасыщена

смыслами. Искусство XIX в., обойдя трудности — трудности переломной эпохи, вышло на прямую, где (при желании) опять стало легко писать; такие создания, как *ЗВД*, оно оставило позади себя словно необитаемые скалы, само же стало куда более «жилым». Когда на рубеже XIX—XX вв. стал пробуждаться живой интерес к *ЗВД*, австрийский поэт Гуго фон Гофмансталь записал: «В некоторых могучих стихотворениях „Западно-восточного дивана“ несомненен импульс, заданный Микеланджело. Много ли, мало ли занимался Гете Микеланджело, не имеет при этом значения»⁷. Такие стихотворения, как стихотворение о «тысяче форм», наверное, в своей восторженности гимна затрагивают сферу возвышенно-страшного, несоизмеримого с человеческим — величественная гармония в какой-то последний момент своего существования. Восприятие Гете как «горного массива» у Гофмансталя⁸ вряд ли имело что-либо общее с «культом» Гете, — вернее, так Гете виделся тогда, когда весь XIX век был уже прожит и остался позади; в этом образе горы есть своя точность — в эпоху Гете, Гегеля и Бетховена в искусстве нагромождаются, словно горы, проблемы, и точно так же громоздятся собирающие в себе неразрешенные проблемы целых веков уникальные создания, художественные и не только художественные («Феноменология духа» Гегеля).

В *ЗВД* и в других родственных созданиях Гете все дробное, размельчающееся на малые разделы (в прозе), распадающееся на стихи и прозу отражает перенасыщенность смыслом, перенапряженность формы целого. Слово в своей полноте не вмещает такой переполненности — оно уступает натиску смысла, оно как бы сжимается, тает, способно приобретать причудливо-необычную выразительность, но то, как все это происходит, говорит о величайшем мастерстве поэта: это слово, которое тает, сжимается и т. д., — оно становится мыслящим словом. В глубине целого — широта, а на поверхности дыхание неглубокое, хотя спокойное. Возникает уникальный механизм поэтического целого, си-

⁷ Запись 1906 г. См.: *Hofmannsthal H. von. Gesammelte Werke.* Frankfurt a. M., 1980 [Bd. X]. S. 481.

⁸ *Ibid.* S. 292.

стема смысловых «зеркал». Тут универсальна роль слова — именно потому, что слово как таковое не самоценно, слово пропускает сквозь тебя смыслы и «обставляет» их так искусно, чтобы создавалось впечатление полноты и завершенности. Такое слово предельно правдиво, стремится к самой истине, и оно же максимально искусно и складывается в конструкцию целого.

III

ЭВД вышел в свет в конце 1819 г.

Годы работы над *ЭВД* в жизни Гете знаменательны прежде всего двумя переживаниями. Одно — это изучение восточной, прежде всего арабской и персидской, культуры и литературы⁹. Другое — путешествия на Рейн

⁹ См.: Михайлов А. В. Гете и поэзия Востока // Восток—Запад. М., 1985. Сб. II. С. 83—128. Литература о Гете и культуре Востока к настоящему времени довольно обширна; назовем, помимо некоторых общих трудов, в первую очередь те работы, в которых рассматривается изучение Гете мусульманской культуры и его источники: Кессель Л. М. Гете и «Западно-восточный диван» М., 1973; Balke D. Orient und orientalische Literaturen // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. 2. Aufl. B., 1965. Bd. 2. S. 816—869; Maher M. Das Motiv der orientalischen Landschaft in der deutschen Dichtung von Klopstocks Messias bis zu Goethes «Divan». Köln, 1962; Stuttgart, 1979; Schaefer H. H. Goethes Erlebnis des Ostens. Leipzig, 1938; Idem. Der Osten in *WöD*. // Goethe. *WöD* / Hrsg. von E. Beutler. Leipzig, 1943. S. 787—835; Mommsen K. Goethe und die Moallakat. B., 1960; Eadem. Goethe und 1001 Nacht. B., 1960; Frankfurt a. M., 1981; Eadem. Goethe und Diez. B., 1961; Mommsen M. Studien zum *WöD*. B., 1962; Bürgel J. Chr. Drei Hafis-Studien. Bern, 1975; Solbrig I. Hammer-Purgstall und Goethe; Bern; Frankfurt a. M., 1973; Idem. Entstehung und Drucklegung der Hafis-Übersetzung Joseph von Hammers, Goethes Hauptquelle zum *WöD* // Studi germanici. 1972. Vol. 10. P. 393—403; Wertheim U. Von Tasso zu Hafis: Probleme von Lyrik und Prosa des *WöDs*. B., 1965; Reuter H. H. Dichters Lande im Reich der Geschichte. Goethes historische

и Майн в 1814 и 1815 гг.¹⁰ Каждая такая поездка заняла по несколько месяцев — с июля по октябрь в 1814 г., с мая по октябрь в 1815 г. Гете побывал во Франкфурте, Висбадене, Гейдельберге, в 1815 г. совершил путешествие по Нижнему Рейну, во время которого побывал и в Кёльне, а в Бингене (1814), на левом, недавно освобожденном берегу Рейна, стал свидетелем празднества св. Рока, которому посвятил яркую статью. Поездка Гете принесла неожиданные плоды — перед ним впервые раскрылось богатство старонемецкой живописи. преимущественно рейнско-бургундского круга, богатство, о котором он прежде не подозревал, а поскольку он мог наблюдать живую народную культуру, еще сохранявшуюся в католических областях, в протестантских же усердно и самоуверенно изничтожавшуюся, то он мог обогатить и подкрепить свое целостное впечатление от немецкой народной культуры. Гете был глубоко поражен увиденным, он даже основал особый журнал с очень поэтичным названием — «Об искусстве и древности на Рейне и Майне» (выходивший отдельными тетрадями, нерегулярно); позднее, с расширением содержания, он именовался просто «Об искусстве и древности»; всячески сторонясь католицизма как вероучения, сильно разочаровав этим своих друзей-католиков, он в культуре католических областей Германии и даже в сопровождающей всю жизнь человека католической обрядности увидел именно проявление народной культуры. Гете познакомился с Сульпицом Буасере, энтузиастом старонемецкого искусства, спасавшего его от гибели во время того ужасного разгрома, какому подвергались памятники культуры в начале XIX в.;

Studien zum *WöD* // *Idem*. Dichters Lande im Reich der Geschichte: Aufsätze zur deutschen Literatur des 18. und 19. Jahrhunderts. B.; Weimar, 1983. S. 161—200.

¹⁰ См.: *Bach A.* Aus Goethes rheinischem Lebensraum. Menschen und Begebenheiten. Gesammelte Untersuchungen und Berichte. Neuss, 1968. S. 389—574; *Wahl D.* Goethe und Zelter «damals zu Wiesbaden» // *Jb der Sammlung Kippenberg*. Frankfurt a. M., 1963. N. F. Bd. 1. S. 101—138; *Schaefer A.* Goethe in Wiesbaden 1814 und 1815 // *GJb* 27. 1965. S. 80—118.

в Гейдельберге находилось значительное собрание братьев Буассере (в Кельне Гете видел подобное же собрание Ф. Ф. Валльрафа). Вот это собрание братьев Буассере и было главным художественным переживанием тех лет; благодаря ему художественное мировоззрение Гете реально обогатилось новым пластом и — в параллель к изучению и усвоению восточных культур — повело к тем обобщениям, каких достиг Гете в 1820-е годы, — к представлению о единстве мировой культуры, к понятию о «мировой литературе». Сохранилось довольно много свидетельств о посещении Гете гейдельбергского собрания. Сульпиц Буассере: «„Черт побери! — говорил он мне неоднократно, — мир еще не знает, чем вы владеете и чего хотите, давайте скажем им, поднесем уж им золотые яблоки в серебряных чашах“. <...> Чтобы по-настоящему понять, какое могучее впечатление произвели наши картины на нашего старого друга, представь себе, что он никогда в жизни не видел Яна ван Эйка и, кроме Кранаха и нескольких работ Дюрера, никогда не видел старонемецких картин. „Ах, дети, дети! — восклицал он почти всякий раз. — Как же мы глупы, как глупы, мы воображаем себе, что наша-то бабушка не была красавицей; ну, это были люди — не то, что мы! Мы отдадим им должное, мы их восхвалим, да, восхвалим! Они заслуживают того, чтобы государи и императрицы, чтобы все народы пришли и поклонились им!“ — Каждый день, за исключением нескольких, когда мы занимались архитектурой, он приходил по утрам к восьми часам и не сходил с места до полудня <...>» (Буассере в письме от 24 сентября — 9 октября 1814 г.; Разг. 2, 274—275). Один современник записал (6 октября 1814 г.): «Гете уж четырнадцать дней как находится у Буассере и весь день пролеживает перед картинами; он говорит, что хочет искупить несправедливость — иной раз он забывал о подобных заслугах немцев или даже сомневался в них»¹¹. Подобные свидетельства остались и от октября следующего года: «Гете был настолько поражен и восхищен гейдельбергскими картинами, что сказал: „Это — совсем

¹¹ *Nippold F. Christian Carl Josias Freiherr von Bunsen. Leipzig, 1868. Bd. 1. S. 65.*

иное, это не какая-нибудь живописная поэма; я буду писать об этом“. и вся его система живописи испытала потрясение» (Фридрих Карл фон Савиньи; Разг. 2, 355).

Наиболее восторженные любители немецкой старины ждали, что Гете отвернется от идеалов античности, которые разделял всю жизнь, и перейдет в новую художественную веру, а восторженные энтузиасты-католики ждали даже, что Гете перейдет в католицизм!¹² Естественно, что ничего подобного не могло произойти, — напротив, чуть позже у Гете началась вполне естественная реакция на эти художественные переживания; когда летом 1816 г., после смерти жены Кристианы, Гете вновь собрался отправиться на запад Германии, он был полон нерешительности и смутных ожиданий — первая же случайность, подстерегавшая его в самом начале пути: ось кареты сломалась, и карета упала набок, впрочем, без особо печальных последствий, — остановила Гете, он вернулся в Веймар и никогда уже не бывал в тех местах, которые наградили его редким счастьем переживания искусства. Мало этого: друг Гете, теоретик-классицист Генрих Мейер, с которым он так неудачно пустился в третье путешествие на запад, написал тогда известную статью с громким названием «Новонемецкое религиозно-патриотическое искусство» (ВА 20, 58—62), опубликованную во второй тетради «Искусства и древности» (1817), — эта проницательная, и притом полная неточностей и несправедливостей статья против романтизма с его католическими тенденциями, против «ханжей и поэтишек» (Гете в письме Сульпицу Буассере от 7 августа 1816 г.) покончила с иллюзиями относительно возможного обращения «царя-язычника» (Буассере). Искусство, выражавшее дух народа, и «католизирующие» тенденции в современном искусстве были, однако, разъединены в сознании Гете: он работал над «Празднеством святого Рока в Бингене» в те самые недели, когда Мейер с благословения Гете приступал к своей антиромантической статье. Зато старонемецкие и восточные штудии Гете не раз плодо-

---

¹² См. примеч. к стихотворению «Благословение» в разделе «Из восточных бумаг Гете».

творно пересекались (см. раздел «Из восточных бумаг Гете»).

В жизни Гете нередко сочетались разные увлечения, которые, казалось, требовали всего человека, занимали всю его душу. Уже в первую поездку на Рейн Гете отправился, погруженный в мир Востока. Издатель И. Ф. Котта подарил Гете ивовое, двухтомное издание Хафиза — перевод, выполненный Й. Хаммером. В середине мая 1814 г., 13 числа, Гете поехал на воды в Берку, маленький городок веймарского герцогства, где незадолго до этого был открыт сернистый минеральный источник, — Гете поехал в Берку на самый первый курортный сезон¹³. Видимо, в самые первые дни пребывания здесь он и получил Хафиза (18 мая?), имя которого впервые упомянуто в дневнике 6 июня 1814 г. Но, как предположил Г.-И. Вейтц, Гете приступил к чтению Хафиза немедленно: возможно, что уже 19 мая 1814 г. возникло стихотворение «Локоны», вошедшее в «Диван» под названием «Погружаясь»¹⁴. Вот начало работы над «Диваном». Как рассказывал сам Гете, полный перевод Хафиза, хотя и поэтически слабый, позволил ему впервые почувствовать дух поэта, прежде известного ему по мало что говорящим отрывкам.

Внешняя история создания *ЭВД* несложна^{14а}. Гете рассказывал Эккерману 11 марта 1828 г.: «Когда лет 10—12 тому назад, в счастливую эпоху после окончания Освободительных войн, моей душой овладели стихотворения „Дивана“, я был достаточно плодovit, чтобы в один день написать два, даже три стихотворения, и мне было все равно, где их писать — в поле, в карете, в гостинице». 21 июня 1814 г. Гете пишет «Сотворение и одухотворение», считавшееся первым стихотворением, написанным для *ЭВД*; 25 июля Гете выехал на запад: на пути в Эйзенах в тот же день он пишет два стихотворения — «Любезное сердцу» и «Феномен»; второй же день поездки принес сразу девять стихотворе-

¹³ Gräf H. G. Goethe in Berka an der Ilm. Weimar, 1911.

¹⁴ Weitz H.-J. Das früheste Gedicht im *WöD* // Jahrbuch der Sammlung Kippenberg. Frankfurt a. M., 1974. N. F. Bd. 3. S. 166.

^{14а} См. преамбулу примечаний.

ний, среди них — «В настоящем — прошлое», «Власть, вы чувствуете сами...». Уже 29 августа Гете писал Римеру: «Стихотворения к Хафизу выросли до тридцати и составляют небольшое целое, которое можно расширить, как только придет соответствующее настроение». ЗВД почти с самого же начала воспринимался Гете как целое, которое подлежит расширению; 14 декабря 1814 г. Гете озаглавливает целое — «Немецкий диван»; вскоре пишет для него вступительное и заключительное стихотворения; 10 декабря 1814 г. он написал «Открытую тайну», на следующий день — стихотворение «Мороз и Тимур» («Зима и Тимур»).

С 1815 г. приходит решительное расширение восточных занятий: Гете читает фундаментальное издание Хаммера «Сокровищницы Востока» — нечто подобное архиву переводов восточных поэтов на разные европейские языки, знакомится с двумя томами «Достопамятностей Азии» Ф. фон Дица, со множеством других книг, один перечень которых занимает несколько страниц. Все эти штудии получили известное завершение в 1818 г., когда Гете мог прочитать новую книгу И. Хаммера — «История изящных риторических искусств Персии». Эта книга, восходившая к средневековой персидской поэтической антологии, дала Гете ту нить, с помощью которой он смог окончательно организовать весь накопившийся у него историко-литературный материал.

Эти годы совсем не начало восточных штудий Гете; начало относилось к давнему времени детства (см. фрагменты «Поэзии и правды» в разделе «Из восточных бумаг Гете»), а в течение всей жизни Гете крайне внимательно следил за важнейшими новинками на доступных ему языках¹⁵, не пропуская, кажется, ничего

---

¹⁵ Это касалось всех основных восточных литератур. В 1811 г. Гете писал: «<...> хотя я лишь набегами мог вторгаться в область индийской литературы, однако моя прежняя любовь к Ведам все время получала новое питание благодаря исследованию Соньера, усердным трудам Джонса, переводам „Саконталы“ и „Гита-Говинды“, и некоторые легенды соблазняли меня их обработать. <...> Меня бы, напри-

ценного. Сейчас же, в 10-е годы, новый материал был интенсивно освоен в со-творчестве с персидскими поэтами¹⁶. С 1814 г. кончается специально «хафизовский» этап в создании ЭВД. Восточная, прежде всего персидская, поэзия, приобретая для Гете все большую конкретность, где можно было отделять типическое от случайного, превращалась для Гете в целый мир форм, способов поведения, образов жизнеустройства.

28 июля 1814 г. Гете прибыл во Франкфурт и, переночевав, переехал в Висбаден. В эту свою поездку Гете в основном там и оставался. Из Висбадена он выезжал на Рейн (16 августа — день св. Рока); с 1 по 8 сентября Гете был гостем семьи Brentano в Винкеле на Рейне, а с 24 сентября по 8 октября — как раз те знаменитые 14 дней, проведенные в Гейдельберге, когда Гете потрясли картины старых мастеров. После Гейдельберга Гете был в Дармштадте, потом девять дней провел в родном Франкфурте и 20 октября пустился в обратный путь в Веймар.

В Висбадене 4 августа Гете встретился со своим старым знакомым Иоганном Якобом Виллемером (1760—1838), богатейшим купцом, банкиром, заимодавцем целых государств с титулом прусского консула. Этот Виллемер был из крепких натур, которые нравились Гете, — но, видимо, не без червоточины, которая по временам придавала его существованию какую-то безрадостность. По воспоминаниям дочери Виллемера Розетты Штедель, Гете говорил ей о себе: «Если выбросить этот балласт [Гете имел в виду естественнонаучные занятия], который удерживает тебя на земле, то можешь залететь слишком высоко, а это опасно, — пожалуй, дойдет до того, что придется проделывать дыру в баллоне. Поэтому я и занимаюсь такими серьезными научными ве-

---

мер, осчастливило, если бы я дожил до полного перевода „Гита-Говинды“» (письмо С. Уварову от 27 февраля 1811 г.; цитирую, с мелкими поправками, в переводе С. Дурылина по кн.: Литературное наследство. М., 1932. № 4—6. С. 196).

¹⁶ Для статьи «Арабы» в ЭВД Гете сделал исключительно удачный перевод одного арабского стихотворения,

щами наряду с поэзией. Если бы ваш отец занимался бы чем-либо подобным наряду с его достохвальными сочинениями, он был бы спасен, и все вы были бы спасены»¹⁷. Этот простенький пересказ гетевских слов правдив и верен; правильно и то, что сказано в самом конце, — Виллемер и все его семейство ведут какую-то горькую жизнь, «все ему дается лишь наполовину», как пишет Г. Пириц¹⁸; он спустя десятилетия продолжает оплакивать свою первую жену, умершую в 1792 г. и «унесшую в могилу все его счастье», и вместе с тем его жизнь, казалось, до краев заполнена делом.

Примерно 1802 г. датируется письмо Антонию Brentано поэту Клеменсу Brentано: «Виллемер с головой ушел в театр и театральные связи; он представляется мне человеком, который никогда не правил лошадьми, но выдает себя за кучера, думая, что, как только очутится на облучке, так можно будет управлять публикой словно парой смирных лошадок, которые ропщут только тогда, когда им досаждают шершни». Виллемер пишет даже пьесы для театра; за свою жизнь он выпустил несколько десятков брошюр о делах финансовых, политических, педагогических, театральных, он был сотрудником литературных газет и журналов, писал статьи даже для «Рейнского Меркурия» (1814—1816) Йозефа Герреса, одного из самых ярких изданий во всей немецкой публицистике, а в 1818 г. принял участие в журнале «Весы» левого радикала Людвиг Берне — в журнале, от которого прямая линия ведет к изданиям «Молодой Германии» 1830-х годов. Виллемер получает наследственное дворянство от австрийского императора, от русского — орден Св. Анны и в то же самое время проявляет некие левые симпатии, так что в 1816 г. его подозревают в сочинении политического памфлета. Не хватало разве что естествознания, о чем сокрушается Виллемер в письме Гете (от 16 июня 1822 г.): «Ах, дорогой друг, что бы из меня стало, если бы я учился, а не сосал лапу, как медведь, я дорого плачу за свое смирение, теперь уже слишком поздно, в 63 года не

¹⁷ См.: Pyritz H. Goethe und Marianne von Willemer. 3. Aufl. Stuttgart, 1948. S. 9—10.

¹⁸ Ibid. S. 11.

нагонись упущенного и не развяжешься с своим невежеством!»¹⁹

Благополучие и скрытые драмы дома Виллемеров никак не касались бы Гете и ЭВД, если бы не Марианна Виллемер — одна из героинь и даже соавтор книги! 4 августа, когда Гете виделся с Виллемером, он мельком видел и его воспитанницу Марианну; 15 сентября он побывал в загородном доме Виллемеров — Гербермюле, недалеко от Висбадена; 18 числа он едет туда вновь; на следующий год, в августе-сентябре, Гете провел в этом доме не меньше месяца. Когда в 1814 г. Гете уезжал из Висбадена, старик Виллемер и Марианна, которой тогда исполнилось 30 лет, были уже соединены узами брака — бракосочетание состоялось 27 сентября, причем неожиданно и с невозможной стремительностью, так, как если бы супругам было куда спешить. Спешить же было некуда: Марианна жила у Виллемера еще с 1800 г., и когда, по-видимому в 1801 г., молодой поэт Клеменс Brentano, переживавший свой бурный период, захаживая в дом Виллемера, стал учить Марианну игре на гитаре, это вызвало приступ ревности со стороны хозяина дома; по рассказу очевидцев, «оживленные высказывания Клеменса о Марианне насторожили Виллемера. Однажды поздно вечером он зашел в комнату Brentano и стал заклинять его признаться, что он любит Марианну. Brentano, который по своему обыкновению валялся на постели в желтых сапогах, с трубкой в зубах и писал стихи, успокаивал его, уверяя, что привязан к Марианне лишь как друг. < .> Однако в отношениях между ним и Виллемером сохранилась некоторая напряженность»²⁰. В 1814—1815 гг. отношения Гете и Марианны не вызвали у Виллемера ни малейшей ревности. Напротив, Марианна, эта, судя по всему, необыкновенная, умная, благородная, одаренная женщина, лишь связала их, превратив знакомство в род дружбы (настоящая, тесная дружба у Гете после смерти Шиллера и до самого конца жизни была, пожалуй, лишь с К. Ф. Цельте-

¹⁹ *Willemer M., Willemer J. J. Briefwechsel mit Goethe / Hrsg. von H.-J. Weitz. Frankfurt a. M., 1965. S. 503, 495, 125.*

²⁰ *Ibid. S. 743.*

ром). Что сближало? Очевидно, общее чувство и ощущение, что Марианна — совсем особенное существо, умное и замечательное, но еще и бесплотный «гений», явившийся в жизнь со страниц «театрального романа». Гете, самому Виллемеру она напомнила гетевскую Миньон: само происхождение Марианны было покрыто мраком неизвестности, как до поры до времени происхождение Миньон, — когда Виллемер увидел ее впервые, она играла Арлекина на Франкфуртской сцене, Виллемер выкупил ее у матери (1) за две тысячи гульденов и пожизненную пенсию²¹.

Что Марианне было 16 лет, что фамилия ее была Юнг, а родилась она в Линце, — все это было принято на веру; нет и не было никакого документального подтверждения этому²². В 1877 г. Вильгельм Шерер, известный историк литературы, опубликовал статью о Марианне Виллемер — «Австрийская поэтесса»²³. С тех пор о Марианне Виллемер написано несколько книг. Тонкий и умный литературовед, Ганс Пириц посвятил

²¹ Ibid. S. 544.

²² Последние разыскания внесли ясность в казавшееся безнадежным дело; как сообщает Й. Мюллер (*Müller J. Stammtreue Goethes Marianne aus Linz? // Vierteljahrsschrift des Adalbert Stifter-Instituts des Landes Oberösterreich*, 1982. Bd. 31. F. 1/2, S. 73—76) со ссылкой на работы М. Невекловского и Г. Вахи в «Historisches Jahrbuch der Stadt Linz. 1980», Марианна была внебрачным ребенком Элизабет Пирнгрубер и танцмейстера И. Б. фон Гангельта; родилась она в Урфаре близ Линца; по австрийским законам Марианна имела право носить фамилию отца, однако мать уехала с дочерью из Урфара и Линца, потом вышла замуж за Йозефа Георга Юнга, театрального импрессарио, стала актрисой. В 1798 г. Элизабет Юнг появляется во Франкфурте, где значится по бумагам как «незамужняя». Когда Марианна была принята в дом Виллемеров, ее мать вернулась в Линц и дожила там до 82 лет. Предполагается, что сам Виллемер был хорошо осведомлен о происхождении Марианны.

²³ Scherer W. Eine österreichische Dichterin // *Idem. Aufsätze über Goethe*. 2. Aufl. B., 1900. S. 233—244.

отношениям Марианны и Гете целое исследование в духе биографического метода 1920—1930-х годов, — это по-своему замечательное, вдохновенно написанное исследование все построено на фактах и их комбинировании; оно окончательно оформило легенду о «романе» Гете и Марианны и, доведя тему до крайности, почти исчерпало ее. Начало же легенде положил Герман Гримм, который в 1869 г. опубликовал то, что рассказала ему в старости, в 1858 г., Марианна Виллемер (она умерла в 1860 г.), а именно то, что она была «Зулейкой» Гете. Это и была чистая правда, как и то, что несколько стихотворений в *ЗВД* написаны ею и лишь поправлены Гете, — среди них такие прекрасные, как песня о восточном и песня о западном ветре.

Отсюда прямо и следует, что роль Марианны Виллемер в *ЗВД* была весьма значительной. Гете привязывала к Марианне поэтичность ее натуры. Во-первых, та поэтичность, какая присуща гетевской Миньон, — невесомость, бесплотность, почти бесполость существа, лишь касающегося жизни, но нежизнеспособного, — в Марианне был отблеск всего этого. Виллемер в письмах Гете называет Марианну — «моя Миньон»; Гете в ответных письмах именует Марианну «малышкой» — на это обратил внимание Г. Пириц: «Гете придерживается этого ласкового, бесцеремонно-интимного прозвища», «хотя стиль его писем уже годами отличался строгой официальнойностью и торжественным достоинством»²⁴. Гете видит, чувствует в Марианне то легкокрылое, и страдающее, и наделенное полнотой чувств существо, которому не суждено созреть и которое было созданием его поэтической фантазии, — как гениально проявленный архетип, оно надолго запечатлелось в памяти европейской культуры²⁵. Гетевский «мальчик-девочка» («Годы учения Вильгельма Мей-

²⁴ Pyritz H. Op. cit. S. 26.

²⁵ См.: Сильман Т. А. Диккенс. М., 1958. С. 162—168, 183; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. IX. С. 350 (коммент.); Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1937; Л., 1982; Он же. Стихотворения Гете и Байрона «Ты знаешь край?..» // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 408—

стера», кн. 2, гл. 7) плохо согласуется со страстной любовью. Во-вторых, была поэтичность — способность к творчеству, способность вступить в поэтическую серьезную игру, вести в ней если не множество линий, то хотя бы одну. А это, наверное, было для Гете неожиданной находкой, которая могла и поразить, и вдохновить. Если вспомнить рассказ Томаса Манна о том, каким преподносили образ Гете немецким гимназистам в конце XIX в. — наподобие Юпитера, находящего все новый и новый предмет любви, то среди всех женщин, которых любил Гете, не было, кажется, ни одной, которая, настроившись на тон гетевской лирики, была бы способна написать строфы, ни для кого не отличимые от гетевских! Однако Гете не был Юпитером... Поэтические способности Марианны Виллемер были причиной того, что серьезная игра, породившая в «Книге Зуллейки» диалог поэта и поэтессы, перешла границы литературы и была продолжена в жизни: отсюда — «шифрованные письма» Гете и Марианны, получавшиеся из строк хаммеровского перевода Хафиза, отсюда — стихотворения Гете, написанные для Марианны в продолжение ряда лет.

Итак, Марианне Виллемер принадлежит в ЗВД выдающаяся роль — роль вдохновляющего поэтического человеческого образа и роль сотрудницы Гете. Современники ничего не знали об этом, и было достаточно причин скрывать от них участие Марианны Виллемер

426; Пигарев К. Русская поэзия ее соотношении с живописью // Европейский романтизм. М., 1973. С. 441—442; Подгаецкая И. Ю. «Свое» и «чужое» в поэтическом стиле // Смена литературных стилей. М., 1974. С. 201—250; Lienhard J. Mignon und ihre Lieder. Zürich, 1978. В немецкой литературе у этого образа особенно богатая судьба; см. о «второй» Миньон у Гете в 1790-е годы: Rasch W. Die Gauklerin Bettine: Zu Goethes «Venetianischen Epigrammen» // Aspekte der Goethezeit. Göttingen, 1977. S. 115—136. Не воспринимал ли Гете Беттину Брентано (потом — фон Арним), вступившую в его круг в 1800-е годы, как чуть огрубленный вариант Миньон-Беттины — сначала как взбалмошно-привлекательное существо, потом как взбалмошно-надоедливую особу?

в *ЗВД*. Главная — поэтический «игровой» характер книги, в котором все биографическое тонет: оно может быть стимулом и поводом, первичным материалом, но даже не содержанием. В *ЗВД* есть немало мест, где незаметно для читателя Гете вводит биографический материал, конкретности своей непосредственной жизни, делает признания — и все это тоже моменты удивительной игры, в которой есть и космические дали и в которой нередко отмечены неповторимые мгновения жизни — яркие точки переднего плана в перспективе вечности.

«Книга Зулейки» сохраняет значение одного из центральных разделов *ЗВД*. Велик был соблазн — даже независимо от Пирица — собрать вместе все относящиеся к Зулейке-Марианне стихотворения *ЗВД* и читать их как единый психологический роман. Такое чтение могло быть весьма проникновенным: Г. А. Корф, составив из таких стихотворений «роман в трех частях», писал: «Только такое членение дает ясное представление об этом поэтическом произведении, которое не составлено из определенного числа не связанных друг с другом „элегий“, как „Римские элегии“, но представляет собою действительный роман в стихотворениях. После Гете нечто подобное пытались создавать лирики XIX в., например Вильгельм Мюллер или Гейне, но столь глубокое и прекрасное произведение могло быть создано лишь величайшим немецким поэтом любви на 66 году жизни»²⁶. Корфа нисколько не остановило то, что такого произведения у Гете нет! На деле «роман» и его психологическая цельность разрушаются уже тем, что даже стихотворения «Книги Зулейки» Гете писал не для одной Марианны Виллемер: Л. Л. Хаммерих предполагает, что адресатом «Приглашения» была жена Гете — Кристиана²⁷, а К. Бурдах еще в 1930 г. писал, что служащие экспозицией «Книги Зулейки» стихотворения: «Что Зулейка в Юсуфа влюбилась...», «Если ты Зулейкой зовешься...» никак не связаны с Марианной Виллемер: «Оба стихотворения написаны во время

²⁶ Korff H. A. Goethe im Bildwandel seiner Lyrik. Leipzig, 1958. Bd. II. S. 145—237.

²⁷ Hammerich L. L. Zwei kleine Goethe-Studien. København, 1962.

второй поездки к Рейну, на родину, в Эйзенахе, в один и тот же день — 24 мая 1815 г. Едва ли в мыслях о Марианне фон Виллемер, с которой Гете едва познакомился прошлым летом — сначала как с обрученной, потом как с молодой супругой своего старинного приятеля Виллемера»²⁸. Г.-И. Вейтц в число тех, к кому обращены стихотворения *ЗВД*, вводит Каролину Ульрих²⁹, прелестную девушку-сироту, которая жила в семье Гете и в 1814 г. вышла замуж за скучного гимназического профессора Ф. В. Римера³⁰, — «вселюбие» Гете, естественно, распространялось и на нее.

Старый литературовед Густав фон Лепер писал (1872) о наиболее «страстных» стихотворениях *ЗВД*: «Они полусознательно колеблются между сердечным излиянием и поэтической фикцией»³¹. Эта формула довольно точно схватывает суть поэтической «игры» *ЗВД* (которая, конечно, была вполне «сознательной»). Тем не менее потребовался целый век работы над гетевским *ЗВД*, чтобы наука вновь приблизилась к пониманию этого произведения как особой формы, а вместе с тем и к лучшему постижению всего психологического в нем. Для этого потребовалось увлечение гетевским «романом», потребовалось перенести предполагаемую его суть в жизнь: «Прощание с Гете означало для Марианны начало трагедии»³²; Гете жесток, он не захотел больше видеть Марианну и «на протяжении половины человеческой жизни медлил, молчал, уходил в сторону, прикидываясь глухим, извинялся...»³³.

²⁸ *Burdach K. Zur Entstehung des WöDs / Hrsg. E. Grumach. B., 1955. S. 92.*

²⁹ См.: *Pollmer A. Caroline Ulrich und Goethe // Jb der Sammlung Kippenberg. Leipzig, 1926. Bd. 6. S. 14—64.*

³⁰ Для Каролины Ульрих Гете, возможно, написал «Локоны» («Погружаясь»), а затем — «Неизбежное», «Сокровенное». См.: *Weitz H.-J. Op. cit. S. 172—189.* См. также: *Debon C. Die Frauen im «Buch der Liebe» // GJb 100, 1984. S. 234—243.*

³¹ Цит. по кн.: *Pyritz H. Op. cit. S. 58.*

³² *Pyritz H. Goethe-Studien / Hrsg. von I. Pyritz. Köln, Graz, 1962. S. 66.*

³³ *Fritz W. H. Liebesgedichte aus Goethes WöD. Wiesbaden, 1980. S. 4.*

Причины всего этого биографизма, в свою очередь, глубоки. Они коренятся в том, как в XIX в. стали воспринимать, осознавать, толковать — сначала в самой жизни, потом, с опозданием, и в науке — человеческую личность и ее внутреннюю жизнь. Об этом можно сказать сейчас лишь в нескольких словах: личность концентрируется в «я»; это «я» особенно и неповторимо; главное в «я» — жизнь чувства; чувство — это беспрепятственный изменчивый сплошной поток. Такие представления и до сих пор часто кажутся «аксиомами», не требующими, стало быть, доказательств, иное — исключением. Усвоенные наукой о литературе, такие представления привели к столь же стойкому представлению о том, каким должно быть лирическое стихотворение: оно передает жизнь чувства; передавая жизнь чувства, оно искренне; даже в том случае, если стихотворение не передает прямо «я» поэта, оно должно передавать столь же искренне и непосредственно психологию определенного «я». Скроенные по мерке человека, представшие как своего рода «антропологическая» норма, такие «аксиомы» глубоко укрепились в сознании — читательском и научном. Аксиомы чувства, искренности и непосредственности, приложенные к лирическим стихотворениям, повлекли за собой идею лирического цикла: коль скоро чувство — главная цель лирики, а чувство непрестанно льется, пребывает в безостановочном переходе, то естественно желание представить внутреннюю жизнь чувства в большей широте, как можно полнее, — это ведь и есть цель искусства! Действительно, столь основополагающие представления не могли не захватить все искусство: раньше и ярче, чем в поэзии, они проявились в музыке: «Тристан и Изольда» Рихарда Вагнера (1865) не что иное как небывалое и оставшееся единственным в искусстве симфоническое раскрытие чувства в его непрестанном, непрерывном, сплошном движении, гигантская дуга, охватывающая целое внутренней жизни; и этому непрерывному движению подчинено здесь все: вагнеровская «бесконечная мелодия», вагнеровская скользящая гармония, вагнеровская техника перехода³⁴, постепенно усвоенная всей музыкой и

³⁴ См.: Курт Э. Романтическая гармония и ее кризис в «Тристане» Вагнера. М., 1975, Эта работа, впервые

в поколении Альбана Берга доведенная уже до самых «микроуровней».

Вот это действие аксиом, — действующих в самой непосредственной жизненной практике, вполне автоматически, — и приводит в науке к нелепым ситуациям, когда здравый и глубокий литературовед, как бы и не замечая этого, *придумывает* несуществующее произведение Гете («роман в трех частях») и предпочитает иметь дело с ним, а не с оригинальными текстами поэта. Можно представить себе, как был бы возмущен Г. А. Корф, если бы ему предложили издать Гете, изменив слова и строки его стихотворений! Но образование цикла стихотворений не считается здесь чем-то зазорным, нарушением воли поэта — просто потому, что и всякое *отдельное* стихотворение читается, воспринимается, понимается и истолковывается совсем не так, как это задумал автор, — вернее даже сказать, переводится в совсем иной план, ставится на почву иных основополагающих аксиом. Это совсем иное, *радикально* иное восприятие, понимание и истолкование всякого *отдельного* стихотворения прямо влечет за собой их *циклизацию* — воспринятые как непосредственные, прямые и искренние выражения авторского «человеческого» «я», они столь же естественно воспринимаются как фрагментарные, чересчур отрывочные, и отсюда — не возможность, но даже необходимость выстраивания их в *непрерывный* ряд, где движение, переход чувства станет более наглядным: «Только такое членение дает ясное представление об этом поэтическом произведении...» (см. выше). Насколько сильно действуют подобные жизненно-практические аксиомы восприятия и истолкования, как глубоко коренятся они, и можно судить по чтению ЭВД у Г. А. Корфа: получается, что сам поэт, и даже признанно великий, как Гете, и даже особо возвышаемый как таковой, не понимал, как ему надо расположить стихотворения в своем произведении. Все это совсем еще недавнее и свежее (три десятилетия!) читательское донкихотство никак не поставишь в вину

изданная в 1920 г., замечательна тем, что ее «психологические аксиомы» в очень большой степени тождественны вагнеровским: вагнеровская практика искусства — и эхо теории.

крупному ученому — тут за него в буквальном смысле слова думала история, всеобщая логика.

История же, которую по прошествии времени можно более ясно обозреть, и показывает нам, что между гетевским восприятием и пониманием личности («я»), внутренней ее жизни, гетевским восприятием и пониманием лирики и ее задач и тем пониманием, какое стало устанавливаться в XIX в., проходит резкая грань — такая же резкая, как между Гете-ученым и наукой XIX в., такая же резкая, как между Гете-романистом и романами XIX в., созданиями реализма середины XIX в. Во всем, тут резкая грань — одного порядка, и положение усложняется лишь тем, что ни один немецкий поэт на рубеже XVIII—XIX вв. не сделал столько, сколько Гете, для того, чтобы новое понимание лирики — именно лирики как непосредственного переживания, чувства, выражения — утвердило себя в жизни, утвердило, словно вырываясь из «пут» риторического постижения поэзии, ее языка и ее задач. Однако у Гете это новое понимание существует в целой системе, не вычленяется из нее, а потому оно и существенно иное, чем впоследствии, — Гете утверждает эту непосредственность лирического выражения, но на иных аксиоматических основаниях. Чтобы более наглядно показать это, достаточно двух примеров. Гете говорит о своей лирике: все написанное им — это «фрагменты великой исповеди» («Поэзия и правда», кн. 7; *ВА* 13, 307). Если просто «поверить» этому, то путь к роману «Хатем и Зулэйка» (так это названо у Корфа) открыт: если есть возможность соединить фрагменты в целое, почему бы не сделать это? Но есть другая сторона: все стихотворения, как объяснял Гете Эккерману (18 сентября 1823 г.), написаны им «на случай», т. е. по внешнему поводу, — тем самым они принадлежат к той поэтической категории, которая наименее ценилась новой эстетикой, утверждавшей искренность и непосредственность чувства, — к *Gelegenheitsdichtung*, от которой совсем недалеко до заказной поэзии риторических веков. Разумеется, эти крайности («исповедь» и «случай») у Гете опосредуются: «<...> так и началось, — рассказывает Гете о своей ранней лирике, — то направление, от которого я не мог отклониться в течение всей моей жизни, а именно все, что меня либо радовало, либо мучило,

либо вообще как-то занимало, я превращал в образ, в стихотворение, чтобы самому себе прийти к какому-либо итогу и либо исправить свои представления о вещах внешнего мира, либо внутренне успокоиться на предмет их» («Поэзия и правда», *ВА* 13, 307). Гете пишет весьма выразительно: поэзия создается по внешнему поводу, но ради внутреннего мира, лирика — это «моя» поэзия, но повод к ней — вне «меня»; всякий раз создание стихотворения — это сведение внешнего и внутреннего, их сопоставление и новый союз, заключаемый между внешним и внутренним миром, своеобразное «подбитие итогов» («darüber mit sich selbst abzuschließen»). Различие с эстетикой XIX в., которую сам Гете так усиленно подготавливал, разительно: поэзия, лирика — это отнюдь не выражение «я», его внутренней жизни, его чувства и т. д., это встреча действительности с внутренним миром человека, встреча, в которой инициатива принадлежит даже, скорее, внешнему миру, это вовсе не «излияние» «я» как таковое, а всякий раз восстановление нарушенной гармонии между внешним и внутренним миром — процесс, в котором личность проявит себя, насколько это окажется нужным, отнюдь, однако, не задаваясь целью выражать себя, свое «внутреннее», свое чувство.

Хотя сами по себе высказывания поэтов о своем творчестве еще ничего не значат, в этом случае они очень точны. Надо оценить по заслугам Гете-теоретика: по стечению исторических обстоятельств Гете-поэту задана рефлексия, и он умеет ею воспользоваться. Можно сформулировать ситуацию парадоксально: Гете — первый литературовед, который пишет о Гете. Ведь был же Гете первым, кто написал настоящую историю немецкой литературы XVIII в. — историю в современном понимании — в составе своей «Поэзии и правды»³⁵. Эрих Трунц считает: «До сих пор нет лучшего введения в поэтическую часть „Дивана“, чем собственные „Статьи и примечания“ Гете» (*НА* 2, 567). Когда Гете пишет о «фрагментах великой исповеди» — своей лирике, он

³⁵ Schanze H. Goethe, «Dichtung und Wahrheit», 7. Buch: Prinzipien und Probleme einer Literaturgeschichte des 18. Jahrhunderts // Germanisch-Romanische Monatsschrift. 1974. Bd. 24 (55). S. 44—56.

тоже (как и позднейший литературовед) задумывается, как спаять между собой эти фрагменты. Однако средство связывания — не перекомпоновка текстов, а рефлексия: автобиографическая книга — средство «восполнения» фрагментов (ВА 13, 307). Значит, биография связывает лирические стихотворения? Да, но биография особенная, такая, которая «колеблется» между правдой и символом (не вымыслом!) т. е. «самой» реальностью и ее «со-отражениями» в общем, универсальном. Поэтому и в *ЭВД*, восполняя «фрагментарность» лирических книг, Гете обратился не к жизни, а к культурной истории: то, что, по словам Лепера, «колеблется между сердечным излишнем и поэтической фикцией», надо было укрепить в реальности того пространства, где происходят эти колебания, — в культурно-историческом и естественнонаучно-философском пространстве *ЭВД*. Чтобы существовали прочные опоры для мира поэтических символов — всю широту которых можно ощутить в стихотворении о «тысяче форм», — Гете тщательно, и продуманно, и основательно, и трезво достраивает этот широкий мир, предлагая факты и размышления, протягивая линии традиции.

В *ЭВД* есть «сердечные излишания» — в каком-то смысле вся книга идет из глубин души, отражает в себе внутренний мир великой личности. Но вместе с тем каждому читателю *ЭВД* следует смириться с тем, что главное в этой книге не внутренний мир человека, и тем более не внутренний мир думающего о самом выражении «я», что в ее центре не чувства, не движения чувств, не психологический процесс в его непрерывности, последовательности и детальности, что все произведение в целом отнюдь не связывается искренностью и непосредственностью выражения «я», что поэт вообще говорит не о себе, а, говоря о себе, переводит свой рассказ в очень широкие масштабы бытия. Весь этот мир создан силой поэтической личности, но вот эта личность как субъект, как носитель чувств, как эмпирическое «я», как предмет внимания занимает в ней самое скромное место. То самое лирическое «я», которое так интересовало читателей XIX в., то «я», которое может поведать о себе, о своей жизни, о движении своих чувств, то «я», которое может рассказать о себе интересно и увлечь рассказом читателя, которое может

стать интимным и фамильярным собеседником читателя и чувствовать вместе с ним, так, как и он, — вот этого «я» здесь и совсем нет. Отсюда — «протезизм» Гете, удивлявший его современников³⁶. Итак, если будет только такая прямая связь «я» и смысла — на эмоции сопереживания, то книга, как задумал ее Гете, именно как задумал ее он, безусловно, пропадет, притом что сопереживать здесь можно во всю силу, — можно сказать, что это широчайшее пространство лирического восторга. Но только в это пространство вовлекаются самые разнообразные содержания, которые совсем не сходятся к «я» как своему центру, ради которого тут существовало бы решительно все. Напротив, это личность существует тут ради всего — раствориться в «безбрежном» ей важнее, нежели заявить о себе.

Гете не беднее поэта-лирика с его бесконечным миром чувств — но его «я» множественно, не сводится в «точку» «я», за которой открывалась бы вся эта внутренняя безбрежность. Иными словами, для Гете не

³⁶ О «протезизме» Гете, о Гете-Протее писали решительно все. В России Белинский и Гоголь говорили о «протезизме» Пушкина, разумея под этим «всеотзывчивость» художника, и Н. И. Гнедич писал, обращаясь к Пушкину: «Пушкин, Протей / Гибким твоим языком и волшебством твоих песнопений <...>» («А. С. Пушкину по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.»). Однако для «всеотзывчивости» как культурной установки должны же существовать некоторые чисто психологические предпосылки, и они, по-видимому, заключались в отсутствии фиксации на своей эмпирической личности, в соответствующей этому внутренней нескованности и в умении и потребности вбирать в себя мир во всевозможных его проявлениях, в то же время не присваивая его себе исключительно; в итоге возникает равновесие не столько между «я» и миром, сколько между «своим» и «не-своим» во всем освоенном: личность широко распространяется в мир, а мир глубоко заходит в глубь «я». Многие современники приписывали Гете «эгоизм», и таковой до какой-то степени мог быть чертой сильно расширившейся, расставшейся со своей непосредственностью личности.

столько важен внутренний мир чувства и прослеживание движений и переходов чувства — что и дало бы лирический «поток» и цикл последовательных состояний личности, — сколько связь личности с миром (с «внешним» миром) и многообразие отношений, которые тут возможны. Важно не то, какое именно «я», какими качествами, чертами, каким характером наделенное, вступает в связь с миром, а то, что вообще есть такое личностное начало, — оно и раскроется в мире, в его реальностях и смыслах, и не надо заботиться и размышлять над тем, каково оно, «собственно» говоря, каково оно само по себе, — ведь о нем можно судить по тому, как оно проявит себя в жизни. Ведь и Гете-романист понимает и изображает характер персонажей совсем не так, как писатель-реалист XIX в., — ему важно не то, чтобы перед нами возникал человек «как живой», весь интерес сдвигается на отношения личности с миром, на действия человека, на его проявления; даже большинство романых персонажей Гете трудно себе представить, трудно охарактеризовать словами, трудно было бы их нарисовать; вместо этого такие характеры «прозрачны» — сквозь них просвечивают «образцы» (см. главы «Бегство в Египет», «Святой Иосиф Второй» в «Годах странствия Вильгельма Мейстера»). Тем более разрастается такой символический план в *ЗВД* — произведении, которое и создавалось ради таких широких культурно-исторических планов, которое задумывалось в их пределах.

Из сказанного следует, в частности, то, что стихотворения *ЗВД* не так сильно связаны между собой, как с целым, к которому принадлежат. Нет скрепляющей нити «я» с его движением чувства, на чем фиксировалось бы внимание, нет присущего психологической лирике внутреннего движения, а есть целое, причем целое, раскрывающееся в огромный мир по содержанию и открытое по форме, и вот с этим целым (его «открытость» все еще осложняет) сопрягается в первую очередь всякое стихотворение *ЗВД*. Между соседними стихотворениями связь лишь относительная и окказиональная. Внутреннее течение между ними не настолько сильно, чтобы между двумя стихотворениями нельзя было вставить третье. Так именно и создавался *ЗВД*. В этом, по сравнению с лирическими циклами, держа-

щимися на смене внутренних состояний «я», есть известная механистичность, но и весь *ЗВД* воплощает механику смысловых «со-отражений». А благодаря этому *ЗВД* представляет собой как раз строго продуманный автором порядок. Коль скоро это так, то и последовательность стихотворений получает обоснование — уже не от конкретности сплошного развития, движения, становления формы, но от целого, от которого каждое получает свое место и которое каждым стихотворением со-зидается. Это можно считать выводом современной науки, и это вполне согласуется с тем, как понимал *ЗВД* сам Гете.

Гете писал К. Ф. Цельтеру 17 мая 1815 г.: «...» вновь просматривая „Диван“, нахожу вторую причину, почему не могу послать тебе ни одного стихотворения, она — в похвалу этому собранию. А именно, каждый отдельный его сочен столь проникнут смыслом целого, столь проникновенно восточен, соотносится с нравами, обычаями, религией и должен вводиться предшествующим стихотворением, чтобы воздействовать на воображение или чувство. Я и сам не знал, какое замысловатое целое приготовил».

Новые исследования, по сути дела, раскрывают это гетевское высказывание. «Взаимосвязь „Дивана“ состоит, собственно говоря, не в непрерывности циклической последовательности как таковой, но во всякий раз имеющей в виду целой, интендирующей это целое сопряженности отдельных членов со всеобъемлющим, все пронизывающим собою единством мира западно-восточной духовности и жизни»³⁷. «Если мы говорим о „Диване“ как целом, как о единстве, о циклическом произведении искусства, замкнутом в себе, даже если в него и можно было бы вставить отдельные стихотворения или целую книгу³⁸, то мы видим это единство в динамической сопряженности малых и мельчайших структурных элементов между собой и с тем целым, которое они складывают как бы в постоянном жизненном про-

³⁷ Hass H.-E. *WöD: Im Gegenwärtigen Vergangnes // Die deutsche Lyrik / Hrsg. von B. von Wiese. Düsseldorf, 1956. Bd. I, S. 290—317.*

³⁸ Речь идет о «Книге Друзей», которую так и не составил Гете.

цессе»³⁹. «(. . .) в цикле единство дано с самого начала, а не выступает лишь как следствие композиции (. . .). Стихотворения „Дивана“ не просто составляют цепочку, как в сборнике, где важна лишь связь предыдущего с последующим, но они заполняют целое пространство и выстраивают вокруг себя, как средоточия, целый мир. Не только соседние стихотворения воздействуют друг на друга, но сопряженность существует и между самыми удаленными»⁴⁰

³⁹ Hillmann I. Dichtung als Gegenstand der Dichtung: Untersuchungen zum Problem der Einheit des *WöD*. Bonn, 1965. S. 123—124.

⁴⁰ Becker C. Das Buch Suleika als Zyklus // *Varia variorum*. Festgabe für Karl Reinhardt. Münster; Köln, 1952. S. 244. См. также: Hass H. E. Über die strukturelle Einheit des *WöDs* // *Stil- und Formprobleme in der Literatur*. Heidelberg, 1959. S. 309—318; Studien zum *WöD* / Hrsg. von E. Lohner. Darmstadt, 1971. S. 431—443; Ihekweazu E. Goethes *WöD*. Untersuchungen zur Struktur des lyrischen Zyklus. Hamburg, 1971; Preisendanz W. Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe. Heidelberg, 1952; Konrad G. Form und Geist des *WöDs* // *Germanisch-Romanische Monatsschrift*. 1950. Bd. 30. S. 178—192. Д. Валко (*Walkó Gy.* Offenbar Geheimnis: Zur Frage der Emblematis in Goethes Dichtung // *Acta Litteraria Acad. Sc. Hungaricae*, 1982. S. 339—351) считает, что «циклический метод» ЭВД достигает иного и большего, чем обычный «порядок цепочки» в стихотворных циклах; ЭВД — это «благодаря прозаическому комментарию автора удваивающийся цикл», который Д. Валко считает «самым богатым и оригинальным собранием образцов поэтического маньеризма нового времени» (*Ibid.* S. 349, 346).

Эзин Илери собрала большой материал, стремясь доказать, что Гете всегда понимал «Статьи и примечания. . .» как дополнение к «Дивану» (который, таким образом, тождествен лишь поэтическим «двенадцати книгам»): в текстах Гете «Статьи и примечания. . .» называются «дополнением» (22 раза), «разъяснением» (3 раза), «примечаниями» (2 раза), «замечаниями» (4 раза), «прозаической частью»

Помимо многообразия таких внутренних связей, какие устанавливаются между огромным количеством текстов, составляющих весь свод *ЭВД*, и которые никогда не могут быть прослежены и исчерпаны до конца, потому что это многообразие устроено как открытое множество и связи должны устанавливаться заново в каждом акте чтения, — помимо этого многообразия Гете позаботился и об ином — о том, чтобы была выделена *общая идея* всего произведения. Как бы вполне в школьном духе! Дело в том, что во всем обширном *ЭВД*, — если не считать выделения разрядкой имен собственных, что вполне соответствовало обыкновениям эпохи (и даже не зависело от автора), — выделены только два места, причем одно — в поэтической и одно — в прозаической части «Дивана». В поэтической части, в стихотворении «Завет староперсидской веры», выделена строка «Каждодневно — трудное служенье»; в прозаической части выделены слова «человек дела» (деяния). Совершенно очевидно, что эти выделения не могли быть случайными! Они сделаны продуманно и, так сказать, молчаливо, потому что Гете предлагает самим читателям отыскать этот параллелизм — и этот высший уровень смысла всего произведения, — в котором на иных уровнях бесчисленно, безгранично и «бесконтрольно» со-отражаются самые разнообразные смыслы, идеи, образы, понятия и т. д. Выделенные места — это указание на полнейшую интегрированность целого — целого, составленного, сложенного и устроенного с исключительным своеобразием.

(2 раза), «приложениями» (1 раз) (*Ileri E. Goethes WöD als imaginäre Orient-Reise: Sinn und Funktion. Frankfurt a. M.; Bern, 1982. S. 132*). Все это так, и тем не менее это не снимает проблему формы того (уникального), что реально получилось у Гете — и что *вполне реально* воспринимается им и различными средствами связывается им в целое (*ЭВД* как единая книга, даже снабженная указателем): дополнение к поэтическому собранию интегрировано в книгу; в целое; безусловно, «пояснения образуют со стихотворным текстом» «единое целое» (*Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 464*).

Необходимо, однако, чтобы такие «понятия», как «цикл», «структурные элементы», не выступали как абстракции и внеисторические константы. Стихотворения, образующие в *ЗВД* конфигурацию смысла, «оказывают» смысл и «пропускают» его, — это не отвлеченные единицы, а осуществления живой поэтической мысли. «Цикл», в свою очередь, не извечная категория, а такое понятие, которое в дни позднего Гете только начало входить в употребление, замещая кажущиеся менее определенными и метафорическими, но по-своему точные понятия. Когда А. В. Шлегель говорит в лекциях 1801—1803 гг. о Петрарке: «Собрание стихотворений Петрарки — это настоящий и полный лирический роман»⁴¹, то, как показала М. Ли, это типичное для рубежа веков словоупотребление⁴². Свои стихотворения о «мельничихе» (1798) Гете называет «трилогией» (в разговоре с Соре 27 ноября 1831 г.) и «маленьким романом»⁴³. Написан этот маленький цикл был под впечатлением той самой оперы Дж. Паизиелло «Мельничиха», которую Гете видел во Франкфурте 8 августа 1797 г. и которая послужила поводом к созданию «Прекрасной мельничихи» В. Мюллера⁴⁴. Название «цикл» к гетевским произведениям было впервые применено, возможно, лишь в 1846 г. — Г. Фихоф о «Римских элегиях»; циклы Бетховена «К далекой возлюбленной» (1816, на слова А. Яйттелеса), Шуберта — «Прекрасная мельничиха» (1823), «Зимний путь» (1828, на слова В. Мюллера) с самого начала получают жанровое обозначение — «цикл песен»⁴⁵.

⁴¹ Schlegel A. W. Geschichte der romantischen Literatur / Hrsg. von E. Lohner. Stuttgart, 1965. S. 183.

⁴² Lee M. Studies in Goethe's Lyric Cycles. Chapel Hill, 1978.

⁴³ См.: Ibid. P. 84—85.

⁴⁴ Ibid. P. 162. См.: Peck L. S. A Preliminary Inquiry into the Beginnings of the Romantic Song Cycle and the Nature of an Art Form. Columbia, 1968; Just K. G. Wilhelm Müllers Liederzyklen «Die schöne Müllerin» und «Die Winterreise» // Zeitschrift für Deutsche Philologie. 1964. Bd. 83. S. 452—471.

⁴⁵ Ср. синонимическое обозначение «круг песен» (Liederkreis) у Р. Шумана. О Г. Фихофе упоминает М. Ли

Из сказанного следует, что понятие (понимание) цикла складывалось в критический момент — на самом водоразделе между гетевской эстетикой и эстетикой позднейшей, психологической, психологизированной, вошедшей в себя все романтические импульсы начала XIX в. Постольку поскольку понятие «цикл» вбирает в себя поток движения чувства и цельность лирического «я», это понятие в приложении к *ЭВД*, безусловно, упрощает суть дела. Скорее уж тогда *ЭВД* — «удвоившийся» цикл, по выражению Д. Валко. Достаточно представить себе, что *ЭВД* по состоянию на конец 1814 г., сложенный из довольно ограниченного числа стихотворений, далее, по состоянию на конец мая 1815 г., когда, сильно расширившись, он еще не приобрел внутреннего членения, и *ЭВД* в первом издании — это довольно разные произведения. Понятие «цикл» гораздо ближе к первоначальному «Дивану», не получившему внешне выявленной, особой структуры, чем к окончательному виду *ЭВД*, соединившему в себе лирические книги (каждая со своим внутренним устройством) и прозу. У этого позднейшего «Дивана», по выражению Гете, «более серьезное лицо».

По истории изучения *ЭВД* в литературоведении можно видеть, однако, что понятие «цикл» помогло очистить представление о *ЭВД* от романтически-психологических ассоциаций. Тем не менее как целое *ЭВД* несравненно сложнее песенного или поэтического цикла, превышает предполагаемую в таком «круге» однонаправленность внутреннего движения и отвечающий ей способ чтения, восприятия, исчерпания⁴⁶. Иначе говоря,

(Lee M. Op. cit. P. 6). Там же приводится заглавие сборника К. А. Тидге «Эхо, или Алексис и Ида. Цикл песен (Ein Ciclus (!) von Liedern)» (Галле, 1812), где непривычность словоупотребления для самого автора очевидна.

⁴⁶ Вместе с тем В. Сольмс справедливо заметил, что изучение *ЭВД* «все более отходило от готового произведения с его единством поэзии и прозы» (Solms W. Goethes Vorarbeiten zum Divan. München, 1977. S. 372).

Советское литературоведение в последние годы интенсивно занимается проблемой цикла, в которой

«цикл», как понимался он и строился в XIX в., предполагает создание некоторой пространственности и — в своей динамике (как главным завоевании эпохи) — делает самые первые шаги для этого, между тем как «Диван» — это сама воплощенная пространственность (в которую произведение помещено как в свой «дом»), где последовательность движения почти повсюду прервана и где вместо этого утверждена динамика бесконечных со-отражений.

IV

В одной далеко не новой работе о Гете отмечено обстоятельство, которому исследователи ЭВД не уделяют достаточного внимания, — речь идет о первом издании ЭВД: «Если Гете придает такое большое значение тому, чтобы не только последовательность стихотворений была соблюдена, но чтобы они, например эпиграммы, как располагались на развороте, как в самой рукописи, то это, естественно, говорит о том, что для него важно взаимодействие отдельных „номеров“, их воздействие друг на друга, что он хотел бы прояснить для сознания их взаимосвязь — их сходство или контраст»⁴⁷. Такая забота о симметрии разворота, о благоупорядоченности полосы выходила за рамки обыкновенных типографских забот; в подготовленном для типографии манускрипте Гете мог пропустить описки и неверно

сходятся и сливаются теоретические и историко-литературные вопросы, — причем проблемой цикла как в лирике, так и в прозе. Отметим из имеющих касательство к нашей теме работ лишь следующие: Фомичев С. А. «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник Пушкинской комиссии 1978. Л., 1981. С. 22—45; Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики. Кеморо, 1983.

Из новых работ о циклах Гете см.: Kaiser G. *Literatur und Leben: Goethes Sonettenzyklus von 1807/08* // JbFDH 1982. С. 57—81.

⁴⁷ Reitmeyer E. *Studien zum Problem der Gedichtsammlung mit eingehender Untersuchung der Gedichtsammlungen Goethes und Tiecks*. Bern; Leipzig, 1935. S. 3.

расставленные знаки препинания⁴⁸, но внимательно продумывал расположение текстов.

Конструкция, какую представляет собою *ЗВД*, не означает жесткой необходимости. Как раз *ЗВД* демонстрирует значительную свободу как целого, так и всякой детали. Это же свойственно и другим поздним созданиям Гете. Произведений, из которых «слова не выкинешь», не бывает, а *ЗВД* — произведение, в котором можно представить себе много перемен. Конструктивность *ЗВД* заключается в создании таких опор формы, которые могут заполняться свободно и как бы произвольным материалом. «Произвольность», конечно, относительна и нисколько не противоречит той продуманности, с которой расставлены слова-«зеркала» гетевского произведения. Однако и степень свободы велика. В поэтических книгах *ЗВД* стихотворения образуют некоторый «органический» порядок, но, во-первых, этот порядок устанавливается всякий раз особо, во-вторых, достаточно свободно, поэтому его, собственно говоря, трудно нарушить. Так, к примеру, Гете может заканчивать книгу на высокой ноте, помещая в конец наиболее яркое и напряженное стихотворение, а может завершать ее более спокойным и нейтральным текстом⁴⁹. Хотя Гете всякий раз предусматривает в книге известный рост и спад, повышение напряжения и ослабление,

⁴⁸ См. подробный комментарий Г. А. Майера в его издании *ЗВД*.

⁴⁹ Вопросу о внутреннем построении книг уделил внимание Ф. В. Буркхардт: *Burkhardt F. W. Über die Anordnung in Goethes WöD*. Mainz, 1965: «Циклическое расположение не означает произвольной заменимости отдельных частей — стихотворений или книг» (S. 190); «Дуги напряжений с их полярностью и кульминациями определяют место каждого стихотворения и каждой книги» (*Ibid.*). О «Книге Недовольства» Буркхардт пишет: можно было бы думать, что расположение стихотворений между пятым и тринадцатым безразлично, «но это было бы неверно. Если и нет развития мотивов (<...>), то книга все же движется вперед в смысле расширения и пополнения. Каждым стихотворением подготавливается следующая» (S. 113).

изменение эмоционального состояния, «кривая» прочерчивается весьма неопределенно, а потому расширение книг, которое даже и предусматривалось и еще должно было продолжаться, не меняет ничего по существу.

Тем более очевидна такая свобода в прозаической части. Между нею в целом и отдельными статьями нет промежуточных членений: в восприятии читателя статьи, конечно, как-то группируются, но как именно, это достаточно безразлично. Безразлично, например, будем ли мы воспринимать статью «Будущий диван» как центральную часть этого здания или как один из переходов в изложении материала, будем ли мы на статью «Израиль в пустыне» смотреть как на неперемную и важную часть *ЗВД* или как на вставку, которая произведена лишь потому, что у Гете давно лежал готовый материал (все такие точки зрения высказывались в литературе). Важно понять, что в этом целом, которое реально наличествует, нет противоположности между «необходимым» и «случайным»: все «случайное» входит в необходимость этой формы, и всякая отдельная статья могла бы либо отсутствовать, либо быть замененной какой-то иной. Можно сказать, что, работая над этой книгой, Гете мыслил исключительно *содержательно*, не думая о формах, но что именно такое содержательное мышление породило особую форму, все строение которой, вся конструкция выступила наружу, стала ясно зримой.

«Кирпичики» конструкции образуют некоторое движение, переход: так статьи — в прозаической, стихотворения — в поэтической части *ЗВД*. Более того, они в своей совокупности складываются в своего рода энциклопедию восточной культуры. Однако сама «энциклопедичность» создается не полнотой охвата материала, а именно формой целого — той самой конструкцией, в пределах которой действует закон зеркальности, вовлекающий всякую строительную единицу, как и всякий образ, мотив, факт, в систему со-отражений, в их игру. И эта конструкция в высшей степени *содержательна* — не может заполняться «чем попало», но из огромного круга относящихся к делу вещей, сведений и т. д. она может заполняться по выбору, с широким простором для такого выбора. Гете удалось слить необходимость и случайность в материале, твердость и свободу в кон-

струкции, отсюда — и «энциклопедичность» целого, когда, по сути дела, небольшой фактический материал (он несопоставим с востоковедческими знаниями уже середины и конца XIX в., а потому в это время вызывал к себе высокомерное отношение специалистов), организованный для того, чтобы видеть целую культуру, созерцать ее «лицо», создает впечатление достаточно всеобъемлющего обзора. Гете удалось в своем произведении совместить органическую и механическую форму. Полнота — на основе относительно немногого; к тому же на основе такого материала, который состоял из ячеек-домиков и в процессе создания целого мог заменяться. Едва ли кого-либо удивит и то, что, воскликнув «Наконец, заключение всего!» (заглавие одной из статей ЭВД), Гете на самом деле не заканчивает книгу, — это характерно для такого «наборного», сюитного типа построения, где не бывает ни «абсолютного» конца, ни абсолютной исчерпанности материала, ни абсолютной полноты: кончить, можно еще что-то сыграть на бис, можно прибавить что-либо. Точно так же одно и то же стихотворение можно повторить дважды (в стихотворной и прозаической части), и поскольку это стихотворение не является органически незаменимой частью движущегося, растущего целого, не является аналогом душевной жизни, то возвращение к пройденному, всякое повторение лишь уместно.

Оно, собственно говоря, знаменует собой закон чтения таких книг — они требуют неперемennого перечитывания; необходимость последовательного чтения лишь относительна, и, во всяком случае, такое чтение не исключает возвращения к прочитанному, требует такого возвращения именно для лучшего постижения как всеприсутствующего смысла книги, так и статической конструкции целого.

В таком произведении, которое представляет собою, во-первых, замкнутость («цикл» или, лучше сказать, «сверхцикл»), а во-вторых, свободно заполняет целое, большее значение по сравнению с обычным положением вещей приобретают границы. Упрощенно и условно можно представить себе произведение как коробку, как короб, который надо заполнить по известному плану, — нечто подобное шкатулке Чичикова, так что заполнение короба может быть до крайности замысловатым.

Однако остов произведения словно существует еще до его содержания, и границы произведения осознаются как независимые от его внутреннего заполнения. На деле же вся архитектурная конструкция предназначается для вполне определенного содержания и тонко согласуется с ним в процессе творчества — всякий раз это уникальный литературно-архитектонический объект. Восприятие формы произведения как «коробки» или «домика» — такой способ мыслить произведение в его целостности стал появляться (или возрождаться) именно в ту эпоху, когда Гете создавал *ЭВД*. Весьма противоположный Гете по своим эстетическим принципам Жан-Поль (И. П. Ф. Рихтер), настойчиво экспериментировавший с формой романа, отмечал: «Роман бесконечно много теряет в чистоте склада из-за широты формы, внутри которой лежат и болтаются почти все формы»⁵⁰. Но сам Жан-Поль был лишь последователем в пользовании такой формой, в которой «структурность» осознается как особый содержательный момент. Границы разделов воспринимаются как комнаты или ячейки, которые, словно кубики, складываются в самом прихотливом порядке⁵¹. Ясно, что крайности, какими были в свое время Гете и Жан-Поль, сходятся в одном — они, каждый своим путем, подходили к проблеме формы (композиции, структуры) в плане тех духовно-исторических, кризисных проблем тогдашнего искусства, которые так глубоко анализировал Гегель.

⁵⁰ Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 254.

⁵¹ См. описание состава романа Жан-Поля «Жизнь Квинтуса Фикслеина» (1796) в кн.: Теория литературных стилей: Современные аспекты изучения. М., 1982. С. 192. Особенностью композиционного строения этого романа является еще и то, что соподчинение частей логически не выдержано, и это тоже входит в игру с романной формой. Ср. конец прозаической части *ЭВД*, где Гете далек от «игры» как шалости. См. также композицию «Приготовительной школы эстетики» в двух ее изданиях: текст первого издания сохраняется внутри второго как некий художественный объект, он как бы «болтается» внутри его.

Для Гете в процессе создания произведения чрезвычайно характерен прием схематизации: Гете постоянно набрасывает «схемы» целого, хотя бы самые краткие. Ему чрезвычайно важно иметь обзор целого — и тем более важно, если этого целого как текста, как исполнения еще вовсе нет. В создании ЭВД такие «схемы» также играют выдающуюся роль. Они не просто дают эскиз задуманного целого, не менее важная их задача — дать материально-осязаемое представление о целом (даже если оно еще и вовсе не реализовано!). Так, Гете переплетает рукопись второй части «Фауста» с пустыми страницами на месте IV действия, которое еще не было написано, — тоже материально осязаемое представление произведения как целого, не столько как «текста», сколько как вещи. Что касается «схем», то бросается в глаза, что речь идет по преимуществу о записях позднего Гете⁵², где господствует принцип творчества «при полной ясности сознания»⁵³. Целое, по словам Гете, заранее «ясно» для него: это — «внутренний, живой скелет» целого (в письме К. Ф. Цельтеру, май 1831 г.)⁵⁴.

Коль скоро произведение как текст так или иначе осознается как нечто объемное, а не линейное (и все содержание — не как или не только как развивающееся, разворачивающееся, но и как расставленное, расположенное), границы текста должны быть особым образом маркированы. Должно было отмечаться, что текст во всяком своем месте находится «внутри» объема. Для

⁵² «Позднее» начинается у него относительно «рано» — с конца XVIII в.; как и Бетховена, Гете старило время разрывающихся формально-содержательных проблем, не желающих сохранять свое простое единство.

⁵³ См.: Schanze N. Szenen, Schema, Schwammfamilie: Goethes Arbeitsweise und die Frage der Struktureinheit von Faust I und II // Euphorion, 1984. Bd. 78. S. 383—400. Материал анализируется здесь с теоретической убедительностью, причем в связи с традиционным «искусством запоминания», мнемоникой, ars memoriae.

⁵⁴ См. также: Hahn K. H. Aus der Werkstatt deutscher Dichter. Halle, 1963; Schmitt P. Goethes schematische Kreise // JbFDH 1965. S. 168—185.

этого использовались самые разные средства, в том числе самые элементарные и естественные, — например, титулы и шмуцтитулы соподчиняющие разделы текста, подчеркнута обращаящие их в «помещения» внутри «здания», в «ящички» комода. И если сюжетную сторону романа никак нельзя было подавить до конца, — как бы ни давила на нее структурность «недвижущейся» формы, как бы ни оттеснил Жан-Поль на задний план фабулу, — то все же не случайно роман Жана-Поля тяготеет к энциклопедичности в духе барочных «полигисторических» романов.

Гете, как сказано, к подобной же ситуации подошел с противоположной стороны. Какая-либо нарочитая игра с формой, как и что-либо барочное, заведомо неприемлема для него («барокко» во второй части «Фауста» с усилием проступает — сквозь культурную преломленность и остраненность — в серьезной игре форм на очень широких просторах, а не существует просто как живая, неотрывная линия традиции, мироощущения, образного строя, как то было у Жан-Поля). Зато в *ЗВД* задачи Гете как строителя своей формы тесно сплетены с бессюжетностью произведения и «облегчены» бессюжетностью (при всех моментах развития, даже психологического разворачивания внутри его). Однако и здесь «структурность» оказывается содержательным моментом целого, форма как статический объем превышает органическую осуществленность целого. В таких условиях маркировать границы текста — значит передать эту функцию внетекстовому элементу. Двенадцать поэтических книг и прозаическая часть *ЗВД* в самом буквальном смысле слова объединены под одним переплетом, и этот «переплет», книжный объем — зримая репрезентация текста целого как «объема». Другими словами, целое *ЗВД* существует как книга, но только как книга не на феноменологическом (фенотипическом) уровне, а на уровне сущности (генотипическом); этот текст — как снятая книга.

Иначе говоря, та реальная книга с ее особенностями, типографским решением, шрифтами, в виде которой был издан *ЗВД* в 1819 г., — это внешнее выявление того обстоятельства, что само это произведение, весь этот текст в целом, есть свой особый «микромир», символизирующий тотальность, целостность бытия — в полном

соответствии, в гармонии и во взаимозависимости с энциклопедичностью такого произведения. Оно, другими словами, не было бы энциклопедичным и не воспринималось бы как такое, если бы не была найдена символическая форма его осуществления как целого, — а этой форме нечего было бы символизировать, если бы содержание не поддерживало ее своей тенденцией к всеохватности. Реальная книга издания 1819 г. заключает в себе много случайных моментов, но она заключает в себе и необходимый образ книги, в качестве которого выступает ЗВД. Отчасти это было подсказано Гете уроками восточной культуры, к которым он столь внимательно прислушивался. Гете писал Кр. Ф. Шлоссеру 23 января 1815 г. об арабской культуре: «Наверное, ни в одном языке дух, слово и письмо не складываются столь изначально в единое тело». Правда, это единство лишь в одном отношении определяет понимание ЗВД как текста, как целого в качестве снятой книги, книжного тела.

Что книга в истории культуры могла постигаться как символ целого мира⁵⁵, а мир — как книга⁵⁶, хорошо

⁵⁵ Замечательный материал о русском средневековом восприятии книги (до XV в.) дает А. М. Панченко: средние рукописи — «это прямая проекция неба на брэнную землю, это обитаемый, упорядоченный мир, „ойкумена“, населенная православными людьми обоего пола. Средник — стерильно чистое идеологическое пространство, где вечные истины и запечатлевшие их слова и буквы сияют неизреченным светом» (Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 92), тогда как «на переходе от средника к полям заявляет о своих правах скудельная плоть», причем граница между средником и полями в этом их осмыслении расплывается (Там же. С. 96). Это понимание книги сменяется иным, но тоже духовно опосредованным: «Книга — не вещь, это своего рода неотчуждаемое имущество (. . .). Не столько человек владеет книгой, сколько книга владеет человеком, „врачает“ его»; «чтение книги — не акт, но процесс. Лекарство надлежит употреблять многократно, иначе не выздороветь телесно» (Там же. С. 168—169).

известно из истории культуры. В эпоху Гете это совершается в «обмирщенной», более прозаической форме. У Гете связь книги с миром осуществляется через энци-

Почерк (шрифт), задача и предназначение текста, способ мыслить книгу — в единстве: а) как смысл, б) как вещь — все это в известные времена сливается до неразличимости, до видения одного исключительно через другое (например, смысла через неотрывный от него графический облик текста, что легко актуализуется в культурах с иероглифической письменностью и в редких случаях возникает даже в новой Европе. — как, например, даже в XX в. у Стефана Георге). В русском барокко, у Симеона Полоцкого, такое слияние дает небывало своеобразную картину — как удивительный синтез западных, русских и глубинно-восточных тенденций / традиций: произведение осмысливается как «мир», как «сад» и как «здание» («... каждая „книжица“ — целое словесно-архитектурное сооружение»; *Еремин И. П.* Симеон Полоцкий — поэт и драматург // *Симеон Полоцкий. Избр. соч.* М.; Л., 1953. С. 244), текст же — как книга, как книга-вещь, благодаря которой и сам вкладываемый в текст смысл предстает и как мир, и как сад, и как здание; см.: *Сазонова Л. И.* «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого: (Эволюция художественного замысла) // *Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность.* М., 1982. С. 203—258.

В культурах Дальнего Востока наблюдается недоступный европейским культурам переход каллиграфии в живопись (см.: *Соколов-Ремизов С. Н.* Литература — каллиграфия — живопись: К проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока М., 1985. Особенно с. 36, 58, 60—67, 81).

В арабо-персидской культуре по-своему проявляется «обожение» буквы, каллиграфии, рукописи, текста, книги см *Роузентал Ф.* Функциональное значение арабской графики // *Арабская средневековая культура и литература.* М., 1978. С. 150—162; *Акимущкин О. Ф.* Заметки о персидской рукописной книге и ее создателях // *Очерки истории культуры средневекового Ирана.* М., 1984. С. 8—56.

клопедическую вссохватность содержания, — а эта всеохватность берет начало не с намерения написать обо всем по отдельности, но с невозможности создавать произведение не обо Всем (как мировом единстве, расходящемся на множество проблем, аспектов и т. д.).

Естественно, что средневековые представления о книге существенно расходятся с теми процессами осмысления книги и текста, какие могли происходить в начале XIX в. Отметим одно общее: текст и здесь все же часто не воспринимается как «чистый смысл», текст — это рукопись/книга, где, например, поля могут служить реальным ограничением текста как пространства смысла, как «мира идеальности»⁵⁷. В самом конечном счете связь эта существует и не разрывается окончательно до тех пор, пока авторам и издателям не совсем все равно, в какую типографскую форму «упаковывать» ав-

Хотя в самой Западной Европе прослеживается связь культуры и каллиграфии (см., например: Малов В. Н. Каллиграфия и ренессансное сознание // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978. С. 169—174), она здесь с веками совсем блекнет, и Гете в его усилиях восстановить связь смысла и шрифта, смысла и книги с ее символическими уподоблениями необходимо было обратиться к арабской и персидской культуре, для того чтобы в конечном счете дать графически-вещественное воплощение неповторимой и напряженной духовной проблематики своего времени!

⁵⁶ См.: Ohly F. Das Buch der Natur bei Jean Paul // Studien zur Goethezeit. Erich Trunz zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1981. S. 177—232 (с предысторией и литературой); Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 183—209; Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 9. Aufl. Bern, München, 1978 (по указателю).

⁵⁷ В начале XIX в. с его массовым производством книг и их массовым погребением-чтением, когда все «внешнее» автоматически элиминируется и только тогда становится «внешним», требовались уже особые усилия, чтобы как-то воспринимать отношение текста и полосы, текста и полей.

торский текст — а в первой трети XIX в. в Германии, как и в России, все еще удерживается — за исключением бросовых рыночных изданий — высокий уровень полиграфической культуры, когда тексту — и символически его мысли — дают простор, дают ему «дышать» на полосе. А Гете чрезвычайно восприимчив к тексту и полю: свои подарочные автографы — как, например, подаренный фон Дицу (см «паралипоменон» к ЭВД — ρ 14а) — он обрамляет золотой каймой, вставляет в рамку; напротив, своевольная пунктуация Гете, которую он не решался и даже не думал никогда навязывать типографиям (настолько расходилась она с обычаями), — вернее, почти полное отсутствие знаков препинания — позволяет думать, что для Гете важнее всего было ощущение бескрайности полей, окружающих текст, лежащий на странице уверенно и вольно (без всяких посредников-препятствий между текстом-смыслом и полями)⁵⁸.

Книговед пишет: «...» как бы мы ни обобщали и ни замыкали в себе автономный текст, как бы ни оберегали от посторонних влияний его внутренний строй, «книга-текст» может обрести свое полноценное существование только в форме «книги-вещи» Текст нуждается в этом вместилище, как или иначе соотношенном с его особенностями и потребностями, а значит — и на него накладывающем некоторый свой отпечаток»⁵⁹. Отличие ЭВД от обычной книги-текста состоит как раз в том, что для него существенна форма книги как *мира* его смыслов, для него существенно *бытие в виде книги*, книги-вещи. Будучи задуманным как такая книга, ЭВД (и притом зримо-материально, осязаемо) вступает в ге-

⁵⁸ Очень полезны и ценны факсимильные воспроизведения гетевских автографов, а также публикации его стихотворений с соблюдением авторского правописания: они создают новый, свежий образ гетевских произведений, где интерпункции (или ее отсутствия) принадлежит значительная семантическая функция. См., например: *Gedichte Goethes veranschaulicht nach Form- und Strukturwandel* / Bearb. von W. Meschke. В., 1957.

⁵⁹ Герчук Ю. *Художественная структура книги*. М., 1984. С. 121.

тевский — и традиционный — мир символов, в такой, где книга есть образ универсума, где книга есть здание, дом, где графическая реализация, графический образ текста реально соединяет текст-смысл и текст-образ — как мост между текстом и текстом же, между духовным смыслом и бытием. Сюда приходят и другие подкрепляющие ситуацию мотивы — роль письменного и устного слова, роль письма. Для Гете дело выше слова, устное слово выше письменного, жизнь выше, существование, значительнее книги: «Писать — значит злоупотреблять языком, чтение про себя — это печальный суррогат речи» (ВА 13, 481). Гете привык мыслить слово как «оболочку» самой сути! Слово содержит в себе тайну и, как оболочка-покрывало, в сущности враждебно познанию вещей и явлений, препона и препятствие для него. Но именно в силу этой логики, обесценивающей слово с одной стороны, слово, речь, письмо становятся крайне важными символическими актами; Гете мог бы сказать так: писать — значит эримо, осязательно, вещественно удостоверяться в тайне, приобщаться к ней через пользование ее вместительным. Писать, даже писать, в сущности непонятны и недоступны тебе буквы, начертания, слова (как поступал Гете в пору создания *ЗВД* под руководством знакомых ему востоковедов) — это радостно-таинственное прикосновение к слову в самой его непосредственности. А непосредственное слово — это такое устное слово, которое доносит до нас тень изначальной полноты смысла. Вот что в самом конечном счете подразумевало высказывание Гете: «Писать — значит злоупотреблять языком»... Как раз именно потому, что это для него так, письмо (сам акт писания), слово, затем слова, которые весьма материально-освязательно, в самом «деловом» стиле складываются в поэтические и прозаические тексты, отличающиеся внешне первоизданной простотой и краткостью, обзорностью, затем и сами эти тексты, сложенные вместе, и все получающееся в итоге — книга-текст, книга-здание, аккуратно, неторопливо возведенная из своих ячеек-домиков, — все это становится непосредственным подобием самого глубокого и сокровенного смысла, становится «домом» такого смысла. И на его построение стоит положить всю свою поэтически-творческую силу...

Прибавим сюда еще и ориентацию на «диван», как на «собрание», «заседание», что Гете неоднократно подчеркивает: отсюда — пространственность духовного содержания книги, отсюда — общение и общительность во всех возможных тонах и родах⁶⁰, какие стали возможны в этом идеальном пространстве. «Диван» Гете — это не *Sammlung* (собрание стихотворений), а *Versammlung*, т. е. «диван» во всех его значениях.

Поскольку лишь через форму внешней «упаковки» текста можно было выразить так понятую «книжность» произведения, т. е. его форму существования в виде снятой книги, сводящей в целое и все органическое, и все механическое *внутри* ее и представляющей все это как реальное целое, — то легко понять заботу Гете о тщательном оформлении первого издания *ЗВД*. Гете нужно было не богатое, роскошное оформление, но тщательность, чистота, четкость издания — все то, что позволяет проявиться символическому плану книги как формы духовного единства через книгу как предмет.

И первое издание *ЗВД* весьма продуманно. Вот некоторые его особенности:

титульный лист с арабским текстом и арабским орнаментом⁶¹;

продуманная композиция немецких и арабско-персидских текстов в конце книги — здесь *начало* восточной книги (которая открывается слева направо), и об этом особо идет речь;

текст печатается просторно, с большими пробелами между строк и набирается четкой и стройной антиквой, а не немецкой фрактурой;

тексты расположены симметрично, развороты представляют собой уравновешенное целое. В то же время, если начатое на нечетной полосе стихотворение не заканчивается на ней же, симметрия нарушается, чтобы

⁶⁰ См.: *Henckmann G. Gespräch und Geselligkeit in Goethes WöD. Stuttgart, 1975.*

⁶¹ Г. Г. Шедер весьма негативно отзываясь об этом титуле — он «беспомощен и сделан не по-арабски, написания неарабские, неопытная европейская рука, жалкая рамка — издевательство над восточным книжным искусством» (*Schaeder H. H. Goethes Erlebnis des Ostens. Leipzig, 1938. S. 170.*)

создать ясное представление о том, что на четной полосе стихотворение лишь продолжается;

каждая поэтическая книга начинается со шмуца;

прозаическая часть начинается со шмуцтитула, на котором не крупно (тем же шрифтом и кеглем, что заглавия стихотворений) набраны два слова: «Лучшему уразумению»⁶² и эпитафия;

Гете пользуется лаконичным средством — двумя видами линейки, короткой и более длинной, — для того чтобы разграничивать тексты; длинная линейка ставится после каждого стихотворения или после группы мелких стихотворений (которые объединяются в группы в пределах одной полосы), а короткая ставится после заглавия или вместо заглавия каждого стихотворения⁶³; благодаря этому заглавия особо отмечаются, а каждое стихотворение вычленяется как особая ячейка с заглавием-фасадом. Точно так же пользуется Гете линейками и в прозаической части (в ней все цитируемые стихотворения тоже вычленяются с помощью линеек, но вместо отсутствующего заглавия линейка тут не ставится, так как это противоречило бы вхождению стихотворения как цитаты в сплошной прозаический текст).

Итак, в первом издании *ЗВД* Гете проявляет заботу прежде всего о четкости членения «книжного тела». Всякое издание *ЗВД* должно было бы считаться с этими элементарными свойствами *ЗВД* как текстакниги. Уже готовя *ЗВД* для двухтомного издания в Собрании сочинений, Гете вынужден был заняться проблемой перевода его «книжной» структуры в иную форму — иначе говоря, на «язык» Собрания сочинений, издававшегося определенным форматом, набравшегося немецкой фрактурой, где прозаическая часть должна была по условиям издания занять отдельный том, что очевидно противоречило замыслу Гете. Гете удалось сохранить, однако, четкость, просторность расположения текстов, их симметричность; была сохранена и роль ли-

⁶² Общепринятый «заголовок» прозаической части появился во втором издании *ЗВД* в Собрании сочинений (1827) и был вынужденным.

⁶³ Благодаря этому легко отличить заглавия и имена лиц в диалоге, что тем не менее доставило много хлопот прежним издателям *ЗВД*.

неек. Таким образом, это был не «полный», но старательный перевод оригинальной структуры в новую форму. Легко убедиться, что соблюсти некоторые основные особенности гетевского замысла можно при любых условиях, даже в самом дешевом и экономном издании, — и совершенно необходимо это делать, сохраняя то, что отличает этот текст Гете от вообще «всякого» текста, терпящего любую форму его преподнесения. Каждое издание должно стремиться аккуратно перевести структуру этой книги на свой «язык».

Второе издание — не «оригинал», а «перевод» книги, — пожалуй, подало повод к недоразумениям, так укрепившимся в чтении и изучении *ЗВД*. Стихотворная часть стала восприниматься как главное, а отделенная от нее прозаическая часть — как не столь важное приложение.

Надо сказать что именно в те годы, когда Гете издавал *ЗВД*, в немецкой культуре имело известное распространение подобное же понимание книги: книга как единство разнородных текстов или, наоборот, разнородные (и разножанровые) тексты, представленные как единство высшего порядка. Наряду с романами Жан-Поля, которые можно считать родоначальниками такого жанра книги-текста, появляются и некоторые другие образцы. У Жан-Поля роман перерастал в книгу вообще: когда после первого и второго тома своего романа «Путешествие доктора Катценбергера» (1809) Жан-Поль помещает свои не имеющие отношения к романному действию статьи, которые должны послужить своеобразными интермедиями в романном чтении⁶⁴, то можно думать, что он руководствовался такими же представлениями о «тексте-книге» как высшем единстве, способном преодолеть противоположность механической и органической, развивающейся и складывающейся формы, как это было в *ЗВД*. А когда Гете, готовя к изданию вторую редакцию своего романа «Годы странствия Вильгельма Мейстера» (1828), убедился что три тома ро-

---

⁶⁴ Neumann H. P. Die Werckchen als Werk: Zur Form- und Wirkungsgeschichte des Katzenberger-Korpus von Jean Paul // Jean Paul-Jb. München. 1975. Bd. 10. S. 151—186.

мана слишком неравны по объему, он дал своим секретарям указание дополнить текст «максимами» из имевшегося их запаса. Отсюда неверно делать вывод о том, что Гете бросил свой роман на произвол судьбы. Отнюдь нет! Сама структура этого романа как текста-книги, включавшего в себя книги рассуждений, максим-афоризмов, как раз и предусматривала такой «алеаторный» момент заполнения книжного объема. Книга, т. е. текст романа, мыслится именно как книга, т. е. как объем, в который текст вкладывается и который текстом заполняется. Стоит упомянуть и ту особенную роль, которую стихотворные тексты играют как в этом романе, так и, главным образом, в его *обрамлении*, помещая его в «рамку», и в то же время подчеркивая открытость его формы-объема.

От таких текстов-книг следует отличать столь распространенные в первую половину XIX в. альманахи — собрания текстов, поэтических и прозаических, разных авторов (если иметь в виду стандартную форму альманаха): тут можно было достигать продуманности композиции, но едва ли — духовного единства. Тем не менее альманахи как собрания текстов, выделяющих форму книги как непрременную форму своего существования, все же родственны текстам-книгам в собственном смысле слова.

Промежуточное положение между книгой-текстом и альманахом, очевидно, занимают такие произведения, как «Фантазус» Л. Тика (1815), вбирающий в свой состав произведения самых разных жанров и все же стремящийся свести их к единству. Если Тик пользуется рамкой (беседы друзей), как и Гофман в «Серапионовых братьях» (1819—1821), то, очевидно, здесь уже совершается обратное движение — от внешне неопосредованного включения частей в целое в направлении большей коммуникативности, к смягчению каркасов формы: благодаря рамочному повествованию функция границ вновь начинает усваиваться тексту, вбираться внутрь его. Это обратное движение отводит искусство от его «конца», делает его более «человечным», т. е. более соизмеримым с психологизмом XIX в., с «чувствующим» человеком. Точно такой же поворот производят после Бетховена композиторы-романтики; все это романтизм, окрашенный в цвета бидермейера,

эпохи Реставрации, которая склонна к компромиссу и виушает мысль о компромиссе художникам самых разных направлений⁶⁶.

V

Читатель вправе сам определить свое отношение к произведениям позднего Гете, но в истории европейской культуры эти тексты-книги — огромные события,

⁶⁵ Вопрос о том, имеет ли позднее творчество Гете касательство к бидермейеру, не праздный; см.: *Haller R. Goethe und die Welt des Biedermeiers // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1936. Bd. 14. S. 442—461; Link J. Biedermeier und Ästhetizismus. Fünf Gedichte des WöDs. München, 1979.* В той мере, в какой Гете тяготеет к полнейшей объективности, к тому, чтобы решительно всему воздавать должное, будь то формы правления, религии или художественные направления (за немногими исключениями вроде изобразительного искусства индийцев или современных художников-назарейцев), к примиренности, и он причастен к бидермейеру, в котором многообразное объединяется под знаком определенной динамики. Интересно выслушать мнение такого виднейшего знатока эпохи, как Фридрих Зенгле, который пишет: «Уступки дидактической скуке допускали даже великие рассказчики; не исключением был и Гете: „Они («Годы странствия») заставят вас пораскинуть мозгами, а в этом все дело»; подобно этому Гете высказывается о своем последнем романе неоднократно. Современное гетеведение по преимуществу упоминает лишь такие высказывания, которые подкрепляют идею „эпической интегрированности“ „Годов странствия“ (теория соотражений и т. д.). Между тем еще Гундольф распознавал в этом романе „нарушающую иллюзию навязчивость знания и повествования, всеприсутствие явной цели, речи, выпадающие из действия, взгляды поверх голов действующих лиц“ и т. д.» (*Sengle F. Biedermeierzeit. Stuttgart, 1972. Bd. II. S. 980*). Ясно, что все это можно отнести и к *ЗВД*: и это произведение скучное, если не думать вместе с ним, а только констатировать «трудности».

значительные симптомы. Тут логика европейского художественного мышления достигла такой внутренней широты и одновременно уже такого самоотчуждения, чтобы порождать внутри себя некий аналог восточного искусства с его опытом оформления бесформенного, текучего, нескончаемого⁶⁶ — поводить рукой в воде, как сказано у Гете («Образ и изваянье»).

Не знаешь ты конца, и тем велик.
Как вечность, без начала ты возник.
Твой стих, как небо, в круговом движенье.
Конец его — начала отраженье,
И что в начале и в конце дано,
То в середине вновь заключено.

(«Беспредельный»)

«Гимн мастерству Хафиза, владеющего особенной восточной формой поэзии»⁶⁷, но с ощущением собственного приближения к этой форме.

Корни всех изменений находились на Западе. Когда в середине 1770-х годов Гете подхватил понятие «внутренняя форма», наступило время нового постижения художественного произведения — оно впервые постигается как целое, живое, органическое, индивидуальное. Индивидуальное — значит выражающее внутренний замысел художника-творца. Органическое — уподобленное живому существу, в котором все взаимосвязано, закономерно, целесообразно, цельно, неповторимо, единично. Отсюда взяла начало настоящая художественно-эстетическая революция, противопоставившая новые принципы риторическому искусству веков: «Наконец пора прекратить разговоры о форме драматических пьес, об их краткости и длине, об их единствах, о начале, середине и конце — и как все это только ни называется. (. . .) А между тем есть иная форма, отличающаяся от той, как внутреннее чувство от внешнего, ее нельзя

⁶⁶ Lützel H. Die Moschee. Raum in der islamischen Kunst // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1981. Bd. 26. S. 5—74 (hier S. 72).

⁶⁷ Müller J. Goethes Zeiterlebnis im WöD // Gestaltung Umgestaltung. Festschrift H. A. Korff. Leipzig, 1957. S. 147.

схватить руками, надо ее почувствовать. («...») Если бы у многих было это чувство внутренней формы, заключающей в себе все формы, нам не пришлось бы отвращаться при виде уродливых созданий духа» (ВА 17, 298). Все, что провозглашает здесь Гете (1775), это обобщение долгое время накапливавшихся антириторических тенденций искусства; от английского философа-моралиста Шефтсбери, заново формулировавшего понятие «внутренней формы» в самом начале XVIII в.⁶⁸ и с восторгом принятого в Германии пятьюдесятью годами позже — Виландом, Гаманом, Гердером, Гете, линия осмысления этого понятия, через кембриджский неоплатонизм XVII в., уходит глубоко в историю, в III в., к Плотину, которым очень интересовался Гете; Плотин («О прекрасном», I 6, 3, 14) рассуждал о «внутренней форме», форме-образе, какой есть, например, у строителя дома: внешний дом, если отделить, отнять от него его камни («материальное воплощение»), есть «внутренняя форма», внутренний образ, поделенный, почлененный материальным объемом, есть неделимое, проявляющееся, выходящее наружу во множественности. Дом, таким образом, есть проявление, выход наружу внутренней, незримой идеи, которая становится духовной структурой, схемой здания и зрима в нем как его внутренняя, духовная сторона.

В 1775 г. Гете подчеркивал не структурность формы, а ее отвечающую индивидуально чувству целостность, слитность, неделимость: порождаемая внутренним чувством, форма целого наделена той очевидной правдой, какой отличается живое существо; оно существует, живет, и этим уже все сказано: «лучше сделать путаную пьесу, чем холодную», т. е. живое тем самым уже лучше мертвого, органическое лучше составленного по правилам, дышащее чувством лучше механического. Интересно наблюдать, однако, что противостоит у Гете такой

---

⁶⁸ См.: *Шефтсбери*. Эстетические опыты. М., 1975. С. 48; см.: *Schwinger R. Innere Form // Schwinger R., Nicolai H. Innere Form und dichterische Phantasie. München, 1935. S. 3—89; Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980. С. 443—452.*

абсолютной индивидуалистичности, — конечно, природа⁶⁹: внешняя форма несет в себе элемент неистинности, но она необходима как способ проявить природу — форма, пишет Гете, «это стекло, с помощью которого мы собираем к сердцу людей священные лучи природы» (ВА 17, 298—299).

Эти представления остаются у Гете на всю жизнь, сохраняя полнейшее постоянство; в 1806 г. (в рецензии «Волшебного рога мальчика») он писал: «Подлинный поэтический гений, где он ни выступит, всегда завершен в себе; его язык, его внешняя техника могут быть несовершенны, это и иное может мешать ему, однако он обладает высшей внутренней формой, в распоряжении которой в конце концов все, и он даже в темной и мутной стихии нередко бывает более великолепен, чем потом в прозрачной» (ВА 17, 404). В другой рецензии 1805 г. (об одной забытой идиллии): «Автор читал своих предшественников, усвоил что-то от внутренней формы такого произведения, но об окончательной внешней форме он не подумал и не обсуждал ее со знающими людьми» (ВА 17, 386—387).

Органическая эстетика, которую усваивала культура конца XVIII в., включает в себе много такого, что с тех пор едва ли не сделалось самыми азами общераспространенных взглядов на искусство, — произведение искусства должно быть цельным, органическим, выражать замысел своего автора. . . Но у всех таких представлений — исторически конкретное наполнение: в творчестве Гете и во всей немецкой литературе того времени в них очень быстро обнаружились противоречия. Если рассматривать произведения Гете как содержательную форму, то во всех них, больших и малых, запечатлелись в процессе его творческого развития такие противоречия. И при желании, анализируя, можно было бы даже показать их наличие в зародыше в том кратком тексте

⁶⁹ Гете и по словоупотреблению, и по мысли расходится с Платином, которого он тогда еще не читал; эти расхождения невозможно сейчас показать. Но самая суть представлений общая, и можно считать, что приводимый у Платина пример со строителем оказывается важным для Гете в его рассуждениях о форме в искусстве.

1775 г., который цитировался выше. Вот в чем эти противоречия: они — между индивидуальным истоком «формы», которая коренится в личности, в ее внутренней идее и составляет в произведении все, и внешней формой, которая как результат все равно наличествует; между безусловной правдой того, что идет от «чувства», и моментом «неистинности» даже в самой «прочувствованной форме» (как пишет Гете); между притязаниями индивида и «объективностью» содержания, которое «проявляет» отнюдь не индивида, но мир, природу; между бесструктурностью выходящей наружу внутренней формы и «окончательной» структурностью получающегося целого. Можно было бы даже, в виде парадокса, говорить о «бесформенности» внутренней формы и формальности внешней. Та уникальность (живого органического целого), какую предполагает внутреннего форма у Гете, действительно влечет за собой утрату общего критерия «формы» — как выражение внутреннего, прочувствованного, всякая форма, собственно говоря, «правильна», а некоторые общие требования предъявляются к ней во вторую очередь. Об этом даже не приходится говорить много, так как это и есть та самая ситуация, которую можно наблюдать в ЭВД и его отдельных книгах.

Противоречия формы (содержательной формы) у Гете — далеко не тривиальные; можно говорить о том, что проблемы искусства его эпохи всей тяжестью наваливаются на его творчество и его произведения и что Гете с максимальной художественной силой решает эти проблемы и тем не менее оказывается перед некоторой неразрешенностью. Однако таков удел самых больших мастеров! Главное противоречие гетевской органической эстетики (без которой — в практике и в теории — немислимо было бы все искусство XIX в.) в том парадоксе, что она очень скоро переводит искусство Гете в иное состояние, которое можно было бы назвать «поза-органическим». В нем органическое постоянно выделяет из себя каркас, или скелет, формы, оно тянет за собой механистичность, которая тут же вновь соединяется с органикой формы и мышления, но все равно проявляется наружно. Это все и есть форма ЭВД. Органическое, живое предполагает рост, движение, а у Гете оно постоянно перерастает само себя; это — переросшая

форма, сохраняющая и углубляющая свою уникальность.

Такая форма созревала у Гете издавна. Как в собственно художественных произведениях, так и в произведениях научных и особо в комментариях типа перевода-комментария «Опыта о живописи» Дидро (1799), комментария к его же «Племяннику Рамо» (1805). Именно в комментарии складывается у Гете способ создания обозримого «круга» («цикла») целого из дробных частей. «Историческая часть» «Учения о цвете» (1810) широко развертывает такую форму. Это способ рефлексивно-художественного осмысления больших тематических комплексов. В рамках таких произведений-комментариев у Гете вырабатывается такой стиль, который допустимо именовать «стилем бессвязности»⁷⁰, имея в виду сразу и то, что сопряженность отдельных ячеек частей с идеей целого сильнее, чем связь их между собой, и то, что постепенное разворачивание смысла начинает уступать место статическому пребыванию формы, тщательно и продуманно выстраиваемой. Роман «Род-

⁷⁰ См. анализ поздних лирических стихотворений Гете в статье: Михайлов А. В. Гете и поэзия Востока // Восток-Запад. М., 1985. Вып. 2. С. 90—102. См. анализ стихотворения Гете «В полночь» («Um Mitternacht») в статье: Schripf H. J. Ein Lebenslied: Goethes Gedicht «Um Mitternacht» // Castrum peregrini. 1982. Н. 155. S. 52—55. Стихотворение представляет собою незаконченную синтаксическую конструкцию; придаточное, которое начинается во второй строфе, не имеет главного предложения, однако, нарушая обычную грамматику, Гете передает тонкий смысл стихотворения, где «неразрешенность» временных отношений и относится к самой сути дела. Читатель замечает и должен замечать все подобное лишь во вторую очередь. Интересно, что Н. Н. Страхов в 1871 г. обратил внимание на родственную гетевскому ЭВД особенность «Подражаний Корану» Пушкина, сопоставляя ее со «складом Корана»: «полный разрыв течения мыслей и вместе строгая связь душевных движений, явный беспорядок и чудесная гармония» (Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 150, 151).

ственные натуры» (1807) — это пример переноса такого принципа уже в собственно художественное творчество, замечательный пример сочетания или даже слияния органического и неорганического: создается целое, оказавшееся подлинно неисчерпаемым и для читателей, и для исследователей, которые чем дальше, тем больше открывают в нем многообразии связей, сопряженностей — в том целом, о котором следовало бы говорить как об особой пространственной конструкции, где вертикаль и статика доминируют над развитием и последовательностью. А в *ЗВД* соединение поэзии и рефлексии, текста и комментария, развития и «пространственности» достигает предельной сложности. Нельзя только во всех таких художественных решениях видеть негативную кризисность, как и в «стиле бессвязности», — в них не негативность, а исключительность творческой ситуации. В ней, в этой ситуации, возникают произведения, которые в подлинном смысле слова сами содержат в себе ключ к себе же, сами служат себе мерой и представляют собою великолепные художественные постройки. В них творчески-нераздельное членится в материальной массе объема, проявляя — и с какой полнотой! — бытие природы.

Что такая форма не чужда «органике», а заключает ее в себе и только всякий раз ее превышает, покажет сравнение. Европейская культура какие-то элементы органического усвоила издавна и навсегда; отсюда — возможность, не говоря о самом искусстве, схождения, встречи Плотина и Шефтсбери, Плотина и Гете через века. В арабо-персидской культуре это совершенно иначе: если говорить о крупных формах, вместо европейского тщательного прорабатывания и соразмерения всех частей, ярусов формы — соположение мелких и мельчайших, тщательнейшим образом отделанных, совершенных и самостоятельных единиц, будь то узор орнамента (отрицающий симметрию) или отдельный стих, который уже может и должен быть совершенным как таковой. Соответственно составляются «диваны», сопоставимые не с произведениями, но с собраниями сочинений европейских писателей: «диван» — это и не «целое», и даже не свод стихотворений поэта, а их склад, где стихотворения расположены по жанрам, а внутри жанров — в алфавитном порядке их начал. Сам священный Ко-

ран — такая (если смотреть со стороны европейского искусства) механически нанизываемая композиция, принцип которой внешний: после 1-й суры следуют (с некоторыми исключениями) суры в порядке убывания количества стихов; можно даже сказать, что «в Коране отсутствует какое бы то ни было внутреннее композиционное единство»⁷¹. Естественно, что восточный «диван» требует и совсем иного чтения, иного общения с книгой, и вполне вероятно, что более углубленного, более интимного и проникновенного. Тут форма как «организм» не достигается, и к ней не стремятся⁷², между тем как Гете, и в его лице европейское искусство, до конца освоив органику формы, обретается уже «по ту сторону» органического. В связи с этим все творчество позднего Гете оказывается необычайно трудным — лишь в наше время, в послевоенные десятилетия началось успешное его освоение⁷³.

⁷¹ Фильштинский И. М. История арабской литературы, V—начало X века. М., 1985. С. 126, 125.

⁷² «Диван» Хафиза, вызвавший восторг и творческий порыв Гете, по своему построению является некоторым исключением: друг Хафиза, Гулендам, составляя этот диван, нарушил канон; так внутри дивана появились «книги» — «Моганни-наме», «Саки-наме», и именно этому исключительному примеру последовал Гете («Диван» Хафиза, правда, не делится на книги весь, как поэтическая часть гетевского *ЗВД*, а только включает в свой состав две отдельные книги). См.: Kristinus K. Das «Buch des Sängers» als Zyklus: Eine Studie zum Nachweis der Einheit des *WöDs*. Ankara, 1960. S. 19. Об арабо-персидских и других диванах см. цикл статей разных авторов: Kindlers Literatur Lexikon. München, 1974. Bd. 7. Sp. 2737—2764.

⁷³ Оно могло идти лишь в связи с эстетическим освоением позднего творчества Гете, с его более адекватным чтением, и, действительно, в последнее время был найден «ключ» ко многим произведениям Гете, традиционно остававшимся в тени, как, например, его «маскарадные шествия» (см.: Hecht W. Goethes «Maskenzüge» // Studien zur Goethezeit. Festschrift L. Blumenthal. Weimar, 1968. S. 127—142). См. о

Надо только видеть, что все сложное и отвлеченное в произведении Гете сопрягается, даже сливается с простотой непосредственности, порой с легкостью. Лирика ЭВД — это песни («песенки», как называет их первый рецензент ЭВД); она поется на чем особенно настаивал в свое время Конрад Бурдах, в ней нет ничего натушно-глубокомысленного⁷⁴. Книга строится с усилием, как небывалая конструкция, — в ней же осколки-фрагменты парящей легкости. И еще одно: Гете с полным основанием настаивал на том, что слово — всегда устное, оно произносится и поется. Это абсолютно верно для гетевского «Дивана», притом одинаково и для поэзии, и для прозы, — читаемый медленно и замедленно, текст «Дивана» непременно должен произноситься, вслух или про себя, его интонация должна артикуляционно выявляться. На это рассчитывал автор. Книга как конструкция — это одна чаша весов, а другая — ее существование как интенсивный процесс, подкрепляемый, поддерживаемый даже мышечно, с чувственным ощущением звука и фактуры текста.

Однако именно «трудное» состояние гетевского искусства, его противоречия — в них нельзя видеть какой-то порок, это непереносимое свойство всего живого — позволили немецкому поэту установить творческую связь с восточным искусством. Связь внутреннюю! Существеннейшее отличие Гете от младших современников, от

позднем Гете, в изучении которого особая роль принадлежит работам и комментариям Э. Трунца: *Trunz E. Alterslyrik // Goethe-Handbuch / Hrsg. von A. Zastra. Stuttgart, 1961. Sp. 178—188; Hankamer P. Spiel der Mächte. Tübingen, 1943; Flitner W. Goethe im Spätwerk [1957] // Flitner W. Ges. Schriften. Paderborn, 1983. Bd. 6; Stöcklein P. Wege zum späten Goethe. 2. Aufl. Hamburg, 1960; Schimpf H. J. Das Weltbild des späten Goethe. Stuttgart, 1956; Studien zu Goethes Alterswerken / Hrsg. von E. Trunz. Frankfurt a. M., 1971; Schadewaldt W. Goethe-Studien: Natur und Altertum. Zürich; Stuttgart, 1963.*

⁷⁴ Естественное определение жанра лирических стихотворений ЭВД для своего времени — это *Lied*, песня, так как *Gedicht* — это по преимуществу «поэма», «эпическая поэма».

Рюккерта или Плотена, как раз и состояло в том, что для них Восток стал чем-то «готовым», к чему было легко обращаться, — внешняя форма, известная виртуозность стали преобладать над внутренним интересом и над сотворчеством.

А гетевское, ставшее столь интенсивным во втором десятилетии XIX в. изучение Востока — творческое проникновение в его поэтическую форму и язык — необычайно расширило гетевский кругозор. В 1820-е годы Гете с тем же вниманием, что прежде к персидской поэзии, отнесся к поэзии и искусству Китая: его небольшой цикл «Китайско-немецкие времена дня и года» (1827) внутренне весьма значителен.

В 1820-е годы Гете обобщает свой историко-культурный опыт в понятии «всемирная литература». Едва ли оно было бы возможно без творческих усилий «Дивана»⁷⁵. Гете пришел к убеждению, что история и культура всего человечества едины, что культура по существу интернациональна. «Как курьерской почтой и пароходами, так нации все теснее сближаются между со-

⁷⁵ Гетевским *ЗВД* и понятием «всемирной литературы» занимается В. А. Аветисян (г. Ижевск). См.: *Аветисян В. А. Индийские мотивы в творчестве Гете // Народы Азии и Африки. 1979. № 5; Он же. И. В. Гете и культура Древнего Востока: (В свете концепции «мировой литературы») // Там же. 1982. № 3; Он же. Проблема искусства и религии в эстетике позднего Гете // Филол. науки. 1982. № 3; Он же. О роли искусства Китая в формировании концепции «мировой литературы» И. В. Гете // Взаимодействие методов, жанров и литератур. Ижевск, 1981. С. 26—37; Он же. К творческой истории «Западно-восточного дивана» И. В. Гете // Там же. С. 117—124; Он же. Гете и его концепция мировой литературы // *Вопр. лит.* 1984. № 10. С. 104—144; Он же. «Фауст» и концепция мировой литературы Гете // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 1984, № 5. С. 415—427; Он же. Своеобразие гетевской концепции творчества Шекспира // *Филол. науки.* 1986. № 2. С. 35—41; Он же. Гете и Байрон: (В связи с концепцией мировой литературы) // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. № 5. С. 378—389.*

бой ежедневными, еженедельными, ежемесячными изданиями, и, насколько то будет позволено мне, я всегда буду обращать внимание на этот взаимообмен» (письмо Т. Карлайлю от 8 августа 1828 г.). «Очевидно, что устремления лучших поэтов и писателей всех наций уже довольно длительное время направлены ко всеобщечеловеческому. Во всем особенном, историческом, мифологическом, сказочном, более или менее произвольно измышленном, все больше будет просвечивать это всеобщее» (1828; *ВА* 18, 395). «... То, что я именую всемирной литературой, возникнет по преимуществу тогда, когда отличительные признаки одной нации будут выравнены через посредство ознакомления их с другими народами и суждения о них» (в письме С. Буассере от 12 октября 1827 г.).

Античное искусство, которое никогда не утрачивало для Гете своего значения образца и которому он уделял не меньшее внимание, чем прежде, тоже рассматривалось им теперь в весьма широком контексте художественных форм; благодаря этому Гете видел в античности не неизменность вечного правила, но особо значимое творческое решение; по словам исследователя, «античность классична не потому, что дает правила всякой литературе, но потому, что по своей образцовости может быть взята в пример того, как следует выставлять свои, конкретные правила»⁷⁶. «Эпоха всемирной лите-

⁷⁶ *Bremer P. J.* «Weltliteratur»: Voraussetzungen eines Begriffs in Goethes Literaturkritik // *GJb* 98. 1981. S. 39. О Гете и идее всемирной литературы см.: *Верховский Д.* Тема «мировой литературы» в эстетических взглядах позднего Гете // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1939. Вып. 3. С. 122—150; *Leyen F. von der.* Goethe und die Weltliteratur // *GJb* 5. 1918. S. 135—157; *Gillies A.* Herder and the Preparation of Goethe's Idea of «Weltliteratur» / Publ. of English Goethe Society. 1933. Vol. 9. P. 46—67; *Strich F.* Goethe und die Weltliteratur. 2. Aufl. Bern, 1957; *Rüdiger H.* Weltliteratur in Goethes «Helena» // *Jb der Deutschen Schiller-Gesellschaft.* Stuttgart, 1964. Bd. 8. S. 172—198; *Brenner P. J.* «Weltliteratur». Voraussetzungen eines Begriffs in Goethes Literaturkritik // *GJb* 98. 1982. S. 25—42; *Mühlmann W. E.* Pfade in

ратуры близится, — говорил Гете Эккерману (31 января 1827 г.), — и все мы должны трудиться, чтобы ускорить ее наступление. Но так высоко ценя чужеземное, мы не должны останавливаться на чем-то особенном, как на образцовом. Мы не должны думать, будто образцовое — это китайское, или сербское, или Кальдерон, или „Нибелунги“, — нет, в поисках образцового мы все снова и снова должны возвращаться к древним грекам, в созданиях которых нашел воплощение прекрасный человек. Остальное же мы должны рассматривать лишь исторически и, насколько возможно, усваивать себе оттуда все хорошее».

Цель, которая в представлении Гете объединила всю мировую культуру, — подлинное единство культуры в будущем — эта цель придала особую принципиальность всякому обращению Гете к прошлому. В перспективе единства и гетевская статья «Израиль в пустыне», которую нередко рассматривают как случайную, выглядит не как приложение некоторых приемов рационалистической критики к Пятикнижию, но, напротив, как утверждение культурной традиции в ее субстанциальности — как традиции, в известном отношении отнюдь не подлежащей критике⁷⁷. Пользуясь критическими методами,

---

die Weltliteratur. Königstein/Ts., 1984. S. 103—123; Hoffmeister G. Goethe und die europäische Romantik. München, 1984.

⁷⁷ Шиллер в 1797 г. с удивлением заметил, что критики в гетевской статье мало. Конечно, она не была бы возможна без критических приемов протестантского богословия, которые так распространились во второй половине XVIII в. Однако последовательный рационализм, представленный, например, изданными Лессингом (1774—1778) сочинениями Г. С. Реймаруса, не оставлял камня на камне от Пятикнижия, и Гете после этого нечего было бы делать. Но замысел Гете с самого начала был глубже — он хотел удостовериться в том, что древнее повествование доносит до нас реальность человеческого дела, а если так, то в нем есть своя правда: «Нужно либо держаться веры в традицию без всякой критики, либо уж предаваться критике, отставив в сторону веру»

Гете сводит библейское повествование к непреложности и «буквальности» человеческой истории, в которой выразился — не «здравый смысл», но практический ум, в которой, несмотря на все заблуждения и недоразумения, торжествует гетевская философия дела.

VI

Выпуская в свет *ЗВД*, Гете не мог рассчитывать на успех у своих современников. Вышедшая в свет в ноябре 1819 г. умная рецензия И. Г. Л. Козегартена (она публикуется в Дополнениях в настоящем издании) была написана специалистом и опубликована в ученом издании. В призывательных отзывах друзей и специалистов не было недостатка. «Вашим „Диваном“ наслаждаюсь каждый день, — писал из Штуттгарта Сульпиц Буассере, давно научившийся понимать Гете. — Книга эта словно шкатулка, полная жемчуга и драгоценностей; нужно открывать ее снова и снова, смотреть на одно, смотреть на другое, не можешь насытиться тихим светом одного, блеском другого, сияющими красками третьего, — так много в этой книге мудрости, духа, любви» (письмо от 23 марта 1820 г.). В конце концов Буассере уже слышал от Гете многие и многие стихотворения *ЗВД*! В венских «Ежегодниках литературы» (лишь осенью 1822 г.) высказался и специалист — Маттеус фон Коллин: «... сфера поэзии подлинно расширена благодаря стихотворениям, которые „Диван“ содержит. Специфические отечественные представления здесь нередко одеты в персидские одежды, если только не повторяют, наслаждаясь ими, персидские выражения и образы Хафиза (...). Однако повсюду утверждена самостоятельность немецкого поэта (...). Из всех народов немца украшает стремление выйти из национальных ограничений — не для того чтобы собственную индиви-

---

(в разговоре с канцлером Мюллером, 8 июня 1830 г.); «... традицию либо с самого начала признаешь, и тогда добавляешь немножко веры, либо не признаешь, и тогда ты — настоящий критический филистер» (в разговоре с С. Буассере, 14 августа 1815 г.; В I, 257).

дуальность предать чужому, но для того, чтобы расширить ее и совлечь с нее любую односторонность. Особенно же поэзия Гете отличается этим от своего первого появления до поздних цветов богато одаренного духа. Единство его многообразных произведений и заключается в стремлении не только представлять ближайшее, родное окружение, но и постигать духом целый мир и представлять ясный и чистый образ человечества» (НА, 2, 545)⁷⁸.

Обычные, «средние» отзывы даже самых тонких ценителей искусства все же сдержаннее. Вот какими письмами обменивались Якоб Гримм (1 ноября 1820 г.) и Фридрих Карл фон Савиньи (18 ноября 1820 г.). Первый: «„Дивану“ Гете я очень радовался, он был и остается нашим самым великим, и что исходит из его уст, наделено особенной красотой и силой. Более всего мне нравятся стихотворения, в которых нет ни персидских слов, ни оборотов»⁷⁹. Второй: «О „Диване“ Гете мы с вами одного мнения; что касается его поэтической ценности, особенно некоторых стихотворений, многое среди них написано со всей присущей ему силой. Напротив, в приложении много такого, чего бы я предпочел не читать из любви к нему, так, например, применение исторической критики к ветхозаветной исто-

⁷⁸ Ср., что писал еще в 1805 г. А. В. Шлегель в «Письме к Гете о некоторых работах живущих в Риме художников»: «(…) мы, немцы, более других призваны к тому, чтобы вступать в общение с древностью, будь то классическая древность, или более далекий Восток, или христианское средневековье» (цит. в ст.: *Hay G. August Wilhelm Schlegels Beitrag zur Jenaischen Allgemeinen Litteratur-Zeitung // Teilnahme und Spiegelung. Festschrift Horst Rüdiger. В.; N. Y., 1975. S. 320*). О рецензии М. фон Коллина, посвященной сравнению немецких переложений персидской поэзии (Хаммер, Рюккерт, Платен, Гете), см.: *Seidler H. Österreichischer Vormärz und Goethezeit. Wien, 1982. S. 231--232*.

⁷⁹ *Briefe der Brüder Grimm an Savigny / Hrsg. W Schoof. В., Bielefeld. 1953. S. 291*.

рии — не веришь своим глазам — в духе самого современного просветительства»⁸⁰.

Одновременно с такими продуманными суждениями нарастала волна неприязни и вражды к Гете. Второстепенный драматург и критик Адольф Мюллернер в 1820 г. отчетливо (а в целом — заносчиво-грубо) выразил неблагоприятное для Гете общественное мнение, подчеркнув что именно желала видеть эпоха в поэтической книге. «Короче говоря, — писал Мюллернер, — сколько бы ученые ведомости ни проповедовали нам опосредование восточной и западной поэзии, книга эта одна из самых замысловатых, какие когда-либо писал Гете, это, так сказать, загадка без ключа к ней, а поскольку мы читатели и хотим, чтобы нас наставляли и развлекали⁸¹ с удобством, то суждение нашего вкуса таково: „Западно-восточный диван“ — совсем нам не по вкусу» (ВА 3, 710). Тут есть понимание («синтез» культур!), но совсем нет сочувствия!

При жизни Гете такие уколы, надо полагать, уравновешивались той высокой оценкой, которую давал ЭВД, например, Гегель, в очень многих отношениях близкий Гете. По мнению Г. Альтхауса, ни одно произведение Гете не тронуло Гегеля так, как ЭВД⁸² — книга, к которой он постоянно возвращался в своих лекциях: в средние века, говорил Гегель в лекциях по философии истории, «Восток зажег благородную поэзию и свободную фантазию германцев» — в наши дни «Гете обратился к Востоку и подарил своим „Диваном“ нить жемчуга, которая блаженной проникновенностью фантазии превосходит все»⁸³. Особенно часто упоминает Гегель ЭВД в лекциях по эстетике: «В противоположность более мрачным юношеским стихам с их концентрированностью чувства Гете в более зрелом возрасте был охвачен широким и беззаботным светлым чувством, даже

⁸⁰ Stoll A. Friedrich Carl von Savigny. В., 1929. Bd. 2. S. 270.

⁸¹ Двухтысячелетняя формула риторической поэзии — *prodesse et delectare!* С самым характерным для бирдермайера добавлением — «с удобством»!

⁸² Althaus H. Ästhetik. Ökonomie und Gesellschaft. Bern; München, 1971.

⁸³ Hegel G. W. F. Werke. Berlin, 1837. Bd. IX. S. 365.

в старости, пронизанный дыханием Востока, он с поэтическим жаром в крови, полный неизмеримого блаженства, обратился к этой свободе чувства, которая даже и в полемическом задоре не утрачивает самой прекрасной беззаботности»⁸⁴.

По-настоящему высказывания Гегеля о Гете могут быть прочитаны лишь в контексте его лекций. В одном месте Гегель даже характеризовал некоторые стихотворения ЭВД; о «Воссоединении» из «Книги Зулейки» Гегель характерным образом говорил следующее: «Здесь любовь всецело перенесена в фантазию, в ее движение, счастье, блаженство. Вообще в подобных созданиях не бывает субъективного томления, не бывает влюбленности и вожделения — наличествует лишь простое удовольствие от предметов, фантазия блуждает, невинно шалит, забавляется рифмами и искусными размерами, при этом душа, движущаяся в себе самой, полна проникновенной радости и благодаря этому светлomu созиданию формы высоко возносится над горестной влеченностью в ограниченность реального мира»⁸⁵.

Между тем в Германии стала складываться мелкобуржуазная оппозиция, придававшая вражде к Гете программный смысл. Радикал, каким был Людвиг Берне, чувствовал себе обязанным Жан-Полю и, подхватывая некоторые встречающиеся у него мотивы (гетевский эгоизм и бессердечие), начинал говорить о Гете языком убежденного нигилиста середины века: «Замечателен комментарий к „Дивану“. В нем Гете яснее выразился, чем в своем жизнеописании. Тут все правда, а не поэзия. <...> Моисей уверял — он пророк, а не поэт. Гете же намерен указать различие между пророком и поэтом и говорит так: „Поэт дарования, какими наделен, растрчивает на наслаждения и на то, чтобы доставлять наслаждение, добиваться своими произведе-

⁸⁴ Hegel G. W. F. *Ästhetik* / Hrsg. von F. Bassenge. B., 1965, Bd. 1. S. 360. См.: Jöns D. W. *Dichtungen Goethes im Urteil von Hegels Ästhetik // Studien zur Goethezeit. Erich Trunz zum 75. Geburtstag*. Heidelberg, 1981. S. 121—152.

⁸⁵ Hegel. *Ästhetik*. S. 584.

ниями почестей и в любом случае жить в свое удовольствие" <...> С самым проникновенным благодушием Гете славит в прозаической части „Дивана“ деспотизм. Возлюбленная в жизни и в стихах не так дорогá ему, как гордячка Деспотия, которая волочит за собою на цепях железных — своих ненавистников, на цепях золотых — поклонников и продажное человеческое достоинство оплачивает цветам глупости. Кто помимо „единственного“ немца Гете столь бесстыж, чтобы возвеличивать и являть в наготу рабское в человеческой природе — то, что благородный человек прикрыл бы траурным флером? Не один поэт льстил тиранам, тирании же еще никто не льстил»⁸⁶.

К чести Гейне надо сказать, что он в те же годы говорил о «Диване» другим языком, прекрасно сознавая поэтическое качество созданного Гете. Правда, в тексте «Романтической школы», написанной для французов, своих читателей, слишком ошутим тон человека, рассказывающего чужестранцам об экзотическом растении, которое они все же никогда не увидят собственными глазами: «Диван» «содержит восточный образ мыслей и чувств в цветущих песнях и сочных изречениях; все это пышет и благоухает, как гарем, полный влюбленных одалисок с черными покрашенными глазами газелей и страстными белыми руками. <...> Гете все время тихо улыбается, он невинен, как дитя, и мудр, как старик. <...> Западу приелся зябкий, худосочный спиритуализм, и ему захотелось освежиться на Востоке с его

---

⁸⁶ Holzmann M. Aus dem Lager der Goethe-Gegner. B., 1904. S. 200. См.: Dietze W. Junges Deutschland und deutsche Klassik. B., 1957. Слова Берне относятся к 1835 г. Ср. его письмо от 27 мая 1830 г.: «Я окончил „Западно-восточный диван“ Гете. Мне пришлось читать его с рассуждением: читать с чувством я уже пробоval, но у меня ничего из этого не вышло <...>. Смирненное служение властным господам — вот что жадно присвоил себе Гете среди всех драгоценностей восточного базара. Все прочее он находил, это же — искал. Гете — раб в стихах, а Гегель — в прозе» (Holzmann M. Op. cit. S. 152—153).

здоровым миром тел. <...> Когда Гете писал „Западно-восточный диван“, сам дух его бросился в объятия сенсуализма»⁸⁷. Тщетно искать в таких словах глубины проникновения в суть произведения; образная мысль скользит по его поверхности, она чаще всего приближительна и неверна.

К середине XIX в. немецкая публика, как известно, остыла к Гете; в 1856 г. помпезно справляли шиллеровский юбилей, и Гете остался в его мрачной тени. В Шиллере увлекала чистая патетика страсти, выражавшаяся в афористически-отточенных стихотворных фразах, воздействия которых невозможно было избежать; они позволяли испытать душевный подъем и — так казалось — не требовали более ответственного и последовательного отклика. Такое положение дел готовилось в немецкой культуре долго, и поэтому продуманные суждения о гетевском «Диване» встретить в это время трудно. Хорошим знатоком *ЗВД* оказался драматург и критик Г. Лаубе в своей поспешно написанной «Истории немецкой литературы»: «Когда Гете отвернулся от своей эпохи и обратил свой взгляд на отдаленный Восток, то его связь с эпохой была отнюдь не столь абстрактна. Он поступал так не ради туманных занятий. Он изучает такие состояния, которые приносили людям счастье, он хочет, чтобы и он сам, и его нация были причастны к такому счастью, нация же в своем бурном порыве нуждалась в этом более, чем когда-либо»⁸⁸. И далее Лаубе реферировал «Статьи и примечания...» *ЗВД*, отмечая, что недруги гетевского искусства предпочитают читать их небрежно или вовсе проходить мимо них⁸⁹. Так это и было; консервативный историк литературы А. Ф. К. Фильмар говорит: он «совсем миновал бы восточно-аллегорический период творчества Гете», если бы не... эпигоны этого периода: можно «извинить» престарелого Гете, можно его «оправдать», даже вполне «признавая» его и «восхищаясь» им,

---

⁸⁷ Heine H. Werke und Briefe. B., 1961. Bd. V. S. 57—59.

⁸⁸ Laube H. Geschichte der deutschen Literatur. Stuttgart, 1840. Bd. III. S. 413.

⁸⁹ Ibid. S. 413—415.

но нельзя понять то, что «эпигоны (<...> спешат к камельку старика»⁹⁰.

Русский писатель в середине века высказал такой взгляд на Гете, который в то время не был доступен немецкой культуре; А. И. Герцен писал: «Поэт и художник в истинных своих произведениях всегда народен. Что бы он ни делал, какую бы он ни имел цель и мысль в своем творчестве, он выражает, волею или неволею, какие-нибудь стихии народного характера и выражает их глубже и яснее, чем сама история народа. Даже отрешаясь от всего народного, художник не утрачивает главных черт, по которым можно узнать, чьих он. Гете — немец и в греческой „Ифигенин“ и в восточном „Диване“ Поэты в самом деле, по римскому выражению, — „пророки“; только они высказывают не то, чего нет и что будет случайно, а то, что неизвестно, что есть в тусклом сознании масс, что еще дремлет в нем»⁹¹.

⁹⁰ *Vilmar A. F. C. Vorlesungen über die Geschichte der deutschen National-Literatur. 2. Aufl. Marburg; Leipzig, 1847. S. 574—575.*

Показательно для этой эпохи, что взгляд на Гете консерватора-реакционера Фильмара сближен с взглядом леворадикального публициста, каким был Роберт Пруц. В том же 1847 г. Пруц бичует «квиелизм» своей эпохи, в квиелизме же повинны литература Индии и Восток вообще! Переход «величайшего гения немецкой литературы» Гете, «отца романтизма», в школу индийцев и персов — это «Немезида истории»; Гете был уже «дрякл», и его «Диван» встал в один ряд с другими старческими созданиями его, вроде второй части «Фауста», «самое примечательное которых в том, с какой точностью и логической последовательностью фиксируют они естественный процесс умирания, угасание некогда столь богатой силы»; приняв такие «продукты дряхлости», сама немецкая нация одряхла, и это ее вина, это «болезнь времени», болезнь, которая «лишь разгорелась пуще прежнего» оттого, что явился на свет «Диван» и вообще вся поздняя поэзия Гете (*Prutz R. E. Vorlesungen über die deutsche Literatur der Gegenwart. Leipzig, 1847. S. 212—218.*)

⁹¹ *Герцен А. И. Соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 34.*

Представление о поэте как пророке соответствует не только римскому взгляду, но и выраженному Гете воззрению, а мысль о том, что поэт высказывает то, «что неизвестно, что есть» в сознании народа, удивительно глубока и вполне свежо звучит и сейчас. Во всяком случае до такого образа Гете — выразителя идей народа, которые сам народ еще не сознает, — немецкой культуре предстояло еще идти долго. И вот лишь по прошествии двух-трех поколений гетевский «Диван» начал вызывать самые разнообразные, как бы вовсе и не предусмотренные им творческие отклики и реакции.

Пока же немецкая публика все более отходила от Гете, а за пределами Германии читатели лишь очень постепенно и с трудом знакомились со столь необыкновенной книгой, началась филологическая работа над текстом и источниками *ЗВД*. В 1834 г. К. Вурм опубликовал первый, весьма ценный, комментарий к *ЗВД*; за ним последовали Г. Дюнтцер и другие специалисты-гетеведы. Все же общее отчуждение от такого произведения долго еще сказывалось на его оценках. Герман Гримм, искусствовед, литературовед, пользовавшийся не вполне заслуженной известностью, автор целой книги о Гете, — тот самый, который открыл прототип гетевской Зулейки, — писал о *ЗВД* в 1869 г. так: «Кажется, Гете под влиянием хаммеровского Хафиза пропитал сильными духами персидских взглядов множество стихотворений, которые, должно быть, скопились у него от разных эпох, и вследствие этого несколько насильно свел их в единое целое. Возьми столько-то вещей, помажь их розовым маслом, и тебе покажется, что все они в родстве между собой, хотя ничего общего между ними нет (. . .)»⁹².

В 1888 г. увидело свет первое историко-критическое издание *ЗВД*; поэтическая часть *ЗВД* в этом издании была подготовлена Конрадом Бурдахом, работы которого о *ЗВД*, создававшиеся на протяжении почти полувека, составили эпоху в изучении этого произведения⁹³.

⁹² Цит. в кн.: *Burdach K. Zur Entstehungsgeschichte des WöDs. B.*, 1955. S. 74.

⁹³ См.: *Burdach K. Vorspiel. Halle, 1926. Bd. 2. S. 263—445.*

С этого времени началось и постепенное возвращение к *ЗВД* как науки, так и читателей. В 1913 г. Гуго фон Гофмансталь, австрийский поэт, впитавший в себя всю эстетическую утонченность культуры, говорил о «Диване»: «Эта книга — полна духа. <...> Но как целое она, можно сказать, малоизвестна, и все великолепие ее сочленения понято лишь относительно немногими. И однако книга эта — Библия, одна из неисповедимых книг: они подлинно живые существа, в них одно указывает на другое, и нет конца их внутренней жизни»⁹⁴.

Так и есть! Примеры показывают, энергия сколь длительного и замедленного действия заключена в гетевском «Диване» — книге, несомненно более нужной теперь, чем век или полтора века назад, — не без основания можно думать, что многое в этом произведении еще не раскрыто и что вместе с тем некоторым идеям предстоит еще раскрыться во встрече с этим произведением; пока же неизвестно, что они есть. Такое произведение не принадлежит лишь прошлому поэзии и культуры⁹⁵.

Писатель и философ Мухаммад Икбал из Пенджаба (1877—1938), писавший на персидском и урду, был в своем творчестве вдохновлен Гете, творчество которого понимал как синтез западного и восточного и которого усваивал как родственного себе поэта-единомышленника⁹⁶: «Откуда было рядовому немцу знать все те

⁹⁴ Hofmannsthal H. von. Ges. Werke. Frankfurt a. M., 1979. [Bd. VIII]. S. 438.

⁹⁵ Существенно новые взгляды на *ЗВД* сейчас опробуются в своих начатках; см., например: Zagari L. «Zu entschiedenem Auffluge die Fittiche versuchen»: Hermetismus und Pastiche in Goethes *WöD* // Goethe im Kontext. Kunst und Humanität, Naturwissenschaft und Politik von der Aufklärung bis zur Restauration. Ein Symposium / Hrsg. von W. Wittkowski. Tübingen, 1984. S. 359—375.

⁹⁶ См.: Пригарина Н. И. Поэзия Мухаммада Икбала. М., 1972; Она же. Поэтика творчества Мухаммада Икбала. М., 1978; Она же. Некоторые особенности образа «совершенного человека» у Икбала в свете мусульманско³ традиции // Художественные традиции литератур Востока и современность: Ранние

понятия и аллюзии, которые связаны у Гете с его проникновением в область восточной литературы? Для нас же эти термины — обиходные слова. У меня не было никаких затруднений в восприятии этих мест в „Фаусте“. Немцы просто дивились той четкости, с которой я объяснял их»⁹⁷. Сблизившись с кругом идей Гете на почве общих традиционных представлений, которые для Икбала оставались более жизненными, чем для европейца середины XX в., Икбал удивлялся тому, что Гете не оценил по достоинству Джелалэддина Руми, хотя восхищался Спинозой и писал в защиту Дж. Бруно⁹⁸.

А в наши дни В. Г. Фриц приводит слова физика Карла Фридриха фон Вейцзекера, который, интерпретируя одно из стихотворений «Дивана» — «Воссоединение», писал: «Наверно, мне хотелось показать, что естественнознание и лирика любви одно и то же, если только правильно понимать их» — и который вспоминал: «Когда в 1930 г. я был на Гельголанде вместе с Гейзенбергом, он рассказывал мне, что за пять лет до этого тоже был здесь, спал мало, а свое время делил примерно поровну между следующими занятиями: разработкой квантовой механики, лазаньем по скалам и выучиванием наизусть стихотворений из „Западно-восточного дивана“»⁹⁹.

формы традиционализма. М., 1985. С. 172—199; Творчество Мухаммада Икбала: Сб. статей. М., 1982; Литман А. Д. «Философия худи» Мухаммада Икбала // Литман А. Д. Современная индийская философия. М., 1985. С. 101—117; Гафуров Б. Г. Великий поэт Востока Мухаммад Икбал // Избр. труды. М., 1985. С. 515—516; Slopp J. The Triangle Hafiz, Goethe, and Iqbal // Main Currents of Contemporary Thought in Pakistan. Karachi, 1973. Vol. 2. P. 388—414; Solbrig J. H. Die Rezeption des Gedichts «Mahomets-Gesang» bei Goethes Zeitgenossen und in der modernen persischen Adaption Muhammad Iqbals (1923) // GJb 100. 1983. S. 111—126.

⁹⁷ Шиммель А. Икбал и Гете // Творчество Мухаммада Икбала. С. 225.

⁹⁸ Там же. С. 227.

⁹⁹ Fritz H. W. Liebesgedichte aus Goethes *WöD*. Wiesbaden, 1980.

Сколь неожиданны воздействия этой книги, — первоначально задуманной как собрание шутивно-серьезных песен!

Академик В. И. Вернадский писал: «Гете является <...> в мировой литературе редким случаем одновременно великого поэта и крупного натуралиста. Ученые натуралисты в том числе часто бывали и художниками в широком понимании этого слова, но исключительно редко мировые художественные деятели нераздельно со своим художественным творчеством охвачены были и научным творчеством, изучением природы. Только три имени выступают <...> в этом аспекте как явления одного порядка в мировой литературе: Платон <...>; Леонардо да Винчи и Гете»¹⁰⁰.

---

¹⁰⁰ Вернадский В. И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Он же. Избр. труды по истории науки. М., 1981. С. 243.

А. В. Михайлов

ПОЭЗИЯ
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Тип, формы, характер усвоения и переработки немецкой культуры (во всем ее богатстве и разнообразии) русской культурой первой половины XIX в. до сих пор не исследованы с такой обстоятельностью и в то же время с таким выдвиганием главного во всем этом сложнейшем процессе, чтобы можно было сказать: существует ясная и четкая целостная, притом детально проработанная картина процесса; известно, что и как воспринималось, как, в своей существенности, происходило общение русской культуры с немецкой, чем она при этом обогащалась и в чем менялась. До всего этого — до ясности картины, несмотря на солидные работы, еще очень далеко. Все еще частные работы плавают в общем тумане, когда так естественно ошибаться и преувеличивать значение отдельных моментов русско-немецких связей, как это по-прежнему происходит, например, с изучением влияния Гофмана на русских писателей. Изучение невероятно сложной и запутанной фактической стороны вопроса — но всегда с неизменным взглядом в корень вещей и со вниманием к напряженному диалогу национальных культур, осуществляющемуся затрудненно и плодотворно (где легковесное порхание позитивистски понятых мотивов, сюжетов и приемов — всего лишь рябь на поверхности), — именно поэтому вырисовывается теперь как одна из самых настоятельных задач истории литературы.

Вероятно, вполне прав исследователь, писавший о первой половине XIX в.: «...» немецкая мысль и литература того времени *нигде* не имела столь глубокого и мощного отклика, как в России»¹, а русская

¹ Кожин В. В. Немецкая классическая эстетика и русская литература // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 194.

литература всего XIX в. выступает как диалектическое продолжение-отрицание немецкой философской культуры рубежа XVIII—XIX вв.²

Это, видимо, так, и тем не менее, когда наблюдаешь русских писателей и мыслителей начала XIX в., его первой трети, его первой половины в их обращении к немецкой культуре и немецким книгам, невольно складывается впечатление, что усвоение всего немецкого совершается всякий раз поспешно, как-то клочковато и заведомо неполно, в каком-то импульсивном порыве, быстро насыщающем любопытство. О том, что в 20-е годы XIX в. немецкая словесность приходит в Россию лавинообразным потоком сразу за несколько десятилетий, без внутреннего разбору и с невозможностью размежевать существенно разное, очень выразительно писал еще Ю. Н. Тынянов³. Типичные наборы немецких имен об этом недвусмысленно свидетельствуют: для Ореста Сомова в 1823 г. «имена, которые украсили знамена Музы романтической» — это «Клопшток, Гетте [так!], Шиллер, Маттисон, Бюргер»⁴. Разумеется, среди русских писателей были замечательные исключения, в числе которых первым следует называть Д. В. Веневитинова: этот прекрасный поэт твердо знал немецкое и усвоил образный и мыслительный строй немецкой романтической поэзии и немецкой романтической философии — усвоил как самостоятельный, как сомыслящий художник. Однако деятельность Веневитинова прервалась в ее самом раннем начале. Ни С. П. Шевырев, ни В. Ф. Одоевский, очевидно, не могут сравниться с Веневитиновым в интенсивности освоения немецкой культуры, с направленностью на подлинную философскую глубину.

Истина пробивает себе путь в сугубых противоречиях. Так это и в тогдашнем русском восприятии достижений немецкой культуры, где существенное и необходимое вытекает не прямо из полноты ясного знания и дифференцированного охвата материала, а при-

² Там же. С. 194—195.

³ Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 130.

⁴ Сомов О. О романтической поэзии // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 23. № IX. С. 267.

обретается на окольных, случайных, неторных путях — скорее загадочным образом, извлеченное из сугубой неполноты. А. А. Бестужев-Марлинский писал так: Германия «упала в дремоту», «нарядилась в die alte Tracht⁵, заиграла на гудке сельскую песню, зафилософовала на старый лад с Гегелем, затянула с Уландом про что-то и нечто, превратилась в лепет засыпающего. В эту-то эпоху застал ее Жуковский и, плененный чистою мечтательностью Шиллера и легендами немецкой старины, пересадил романтизм в девственную почву Русской словесности»⁶. Шиллер, Жуковский, Гегель... — речь идет о первых двух десятилетиях века (Шиллер в 1805 г. умер, Гегель свою первую знаменитую книгу опубликовал только в 1807 г.), и эти-то два бурных — внешне и внутренне — десятилетия можно было представлять как сонно-мечтательное «романтическое» состояние!.. Это А. А. Бестужев-Марлинский писал в 1833 г., а спустя 15 лет Ф. И. Тютчев писал уже так:

«Германия бесспорно та страна, на счет которой всего более составляли себе самые странные заблуждения. Ее считали странною порядка, потому что она была спокойна, и не хотели видеть того странного безначалия, которое овладело в ней умами и господствовало над ними.

Шестьдесят лет разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в этом отрицании всякой веры первейшее революционное чувство: „высокомерие ума“, развили его так успешно, что в настоящую минуту эта язва нашего века, быть может, нигде так не глубока и не заражена ядом, как в Германии»⁷.

---

⁵ Старонемецкая одежда (нем.). Это та самая одежда, которая стала распространяться в пору связанного с освободительными войнами национального подъема, но спустя всего несколько лет была строжайшим образом запрещена в связи с начавшимися преследования «демагогов».

⁶ Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1838. Ч. 11. С. 308.

⁷ Тютчев Ф. И. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1886. С. 447.

Сонное романтическое царство и 60 лет господства нигилистически-анархического начала (т. е. «безначалия»!) — такие представления решительно не соединяются между собой, однако — дело не обходится без своего парадокса — они имеют прямое касательство к реальной истории немецкого «духа» в ту эпоху, к такой реальной истории, которая каждый раз здесь процежена, очищена до крайности с противоположным умыслом. Нет только единой, целостной картины, в которой и сонное романтическое настроение (к нему никак не сводится и Уланд), и немецкий нигилизм, родившийся в самом конце XVIII в. и затем процветший, и настоящая немецкая революционность — все нашло бы свое место.

Единство немецкой культуры воплощает для русских писателей Гете. Так это было в 20—30-е годы. Для А. А. Бестужева-Марлинского Гете был «фокусом просвещения и духа Германского»; он «собрал в себя ярким светилом все лучи просвещения Германии (. . .) воплотил, олицетворил в себе Германию, мечтательную, полужемную Германию, вечно колеблющуюся между картофелем и звездами, Германию, которой половина в пыли феодализма, а другая в облаках отвлеченностей, Германию, простодушную до смеха и ученую до слез, Германию всеобъемлющую, вселюбящую, всезнающую, все, начиная с фиглярства Изидина храма до замыслов Розенкрейцеров, от символизма Зенд-Авесты до магнетизма земли. Все, что создали гении Германские для памяти, для умозрения, для воображения, совместились в Гете»⁸.

Е. Баратынский в своем знаменитом стихотворении «На смерть Гете» (1832) представил немецкого поэта «как ясновидца природы»⁹:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;

⁸ Бестужев-Марлинский А. А. Указ. соч. С. 308.

⁹ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе, Л., 1937, С. 144.

Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна¹⁰.

В этой четвертой (из шести) строфе стихотворения натурфилософские, научно-поэтические занятия Гете, которые составляли суть всей его жизни, представлены как деятельность поэта-мага: в Гете — душа природы, в этом его универсализм, и образность самого стихотворения создается на натурфилософской основе («за могильной доскою» нас либо не ждет ничего, либо ждет новая, высшая жизнь, «новое рождение», как этому учил Ш. Бонне, И. Г. Гердер и некоторые из натурфилософов). Все это не устроило В. Г. Белинского, который «вместо безотчетного гимна» требовал характеристики поэта и замечал: «Заключительные куплеты слабы выражением, темны и неопределенны мыслию, а потому разрушают эффект всего стихотворения. Все, что говорится в пятом куплете, так же может быть применено ко всякому великому поэту, как и к Гете; а что говорится в шестом, то ни к кому не может быть применено за темнотой и сбивчивостью мысли»¹¹. Не совсем так! Потому что, очевидно, Е. Баратынский вписывал в свое общее представление о чело-

---

¹⁰ Баратынский Е. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1983. С.106.

¹¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 2. С. 437—438. Четвертая строфа стихотворения Е. Баратынского была применена и к Жан-Полю, хотя он в сущности безусловно был эстетическим антиподом Гете; см. «Антологию из Жан-Поля Рихтера» (СПб., 1844), где эта строфа вынесена как эпиграф на титульный лист. Теперь же совершенно очевидно, как мало подходят все эти образы русского поэта к Жан-Полю: строки поэта говорят о такой пылливо-научной и поэтической мысли, которая стремится прерваться к беспрестанно совершающемуся органическому росту и движению природы, войти внутрь его непрерывного перехода с его бесконечно-малыми, а притом отдать себе во всем ясный отчет. Конечно, ничего подобного не было у Жан-Поля и в мыслях, и этим достаточно точно охарактеризован Гете.

вечески-природной судьбе наделенный конкретными чертами образ Гете-поэта: туг был конкретный образ, и на его основе поэтическая мысль движется в определенном направлении.

Очень интересно, что в написанном примерно тогда же, но опубликованном лишь в 1879 г. стихотворении Ф. И. Тютчев воспроизводит ту же схему мысли, коль скоро слитость с природой становится темой среднего четверостишия:

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою
Созвучней всех, на нем ты трепетал!
Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней
И сам собою пал — как из венка¹².

В стихотворении еще меньше «характеристичности», чем у Баратынского, и, по словам академика В. М. Жирмунского, «оно дает наиболее законченный образ „романтического Гете“ эпохи Любомудров»¹³. Но при этом оно человечески-интимнее и в этом отношении поэтически-конкретнее. Иной стилистический этап: вместо пафоса, рождаемого самим «сюжетом» (здесь образом Гете — поэта-мага), выражение своего чувства — взволнованность, которая только прикасается к своему «сюжету», чтобы уйти в себя, уединиться, отчего все звучит приглушеннее и сосредоточеннее. Едва ли это даже романтизм: натурфилософская образность — в основе,

---

¹² Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. I. С. 49. Пунктуация по автографу, опубликованному в кн.: Литературное наследство. М., 1932. Т. 4—6. С. 737.

¹³ Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 214.

а лаконически-точный язык ее выражения переводит ее в иную поэтическую стихию, подчеркивающую интимную человечность чувства, его конкретность и неброскую аналитичность.

Между тем Белинский, критиковавший стихотворение Баратынского, затронул большое место в тогдашнем русском восприятии Гете. Чрезмерная общность и стилизованность образа Гете (стилизованность, очевидно выражавшая искренне-проникновенное чувство как доминанту всего восприятия-понимания Гете) зависели от того, что творчество Гете не было всесторонне и тщательно изучено: целостный образ поэта-натурфилософа и поэта-творца был — с интуитивной глубиной — извлечен не откуда либо, но прежде всего из его созданий, и тем не менее это ценнейшее достояние (а способность видеть явление в целом — это действительно и редкий, и ценный дар) приобретено наперед, авансом. Этот целостный образ — созвучие родственных струн; в то же время творчество в его богатой полноте оставалось еще малоизвестным. Гете одновременно слишком свой, очень близкий и еще чужой. Такова подлинно критическая ситуация в истории его русского восприятия — в те самые годы, когда Е. А. Баратынский и Ф. И. Тютчев пишут стихотворения в память поэта, когда С. С. Уваров читает в торжественном заседании Академии наук 22 марта 1834 г. речь о Гете¹⁴ и когда все образованное общество испытывает почтение к великому немецкому поэту.

Есть три главных мотива, которые, проникая в это время с Запада, подтачивают изнутри благоговейное отношение к Гете в русском обществе. Они усваиваются тем легче, что между целостным образом Гете (какого, в такой чистоте, не могло быть и в самой Германии) и знанием его произведений существует заметный разрыв. Все эти мотивы сформировались в Германии в

---

¹⁴ Вся деятельность С. С. Уварова, и в частности, его связи с Гете и его работы о Гете, заслуживают в наши дни нового, тщательного освещения, тем более что прежние труды, односторонне негативные в своих оценках, безусловно, устарели. Вот одна из назревших задач советского гетеведения.

совершенно конкретной литературной обстановке, где всегда существовала обширная и разноликая оппозиция Гете. К 1820-м годам сформировался уже и лагерь противников и врагов Гете, тоже без единства в своем составе, однако со все большим преобладанием в нем всякого рода псевдорадикалов, но между ними и подлинно демократически настроенные деятели культуры, уже очень далекие от Гете по своему кругозору и по своему воспитанию. В это время и складываются в сплошные массивы те возражения, какие когда-либо предъявлялись Гете и его творчеству и, конечно, с самого начала должно быть очевидно, что они укореняются и укрепляются в реальных особенностях творчества Гете, только увиденных эстетически-коротким, подозрительным и скорым на придирки взглядом, который все больше распространялся с начала века.

Главные мотивы критики таковы. Это прежде всего претензии к Гете-человеку — эгоисту, не думающему о человеке, забывшему о своем народе; творчество Гете тогда — либо совсем иное, чем его личность, либо в нем можно находить следы того же эгоизма. Далее, это претензии к позднему творчеству Гете, которое, как мы теперь твердо знаем, было трудным и требовало для своего уразумения жизненного и эстетического опыта поколений; у многих почитателей Гете недоставало терпения для того, чтобы разбираться в этих поздних сочинениях, — что же говорить о его врагах?! И наконец, — как это не раз повторялось в истории литературы — уже все творчество Гете объявлялось сугубо книжным, оторванным от жизни, которая властно предъявляет свои права и уже не дает парить в эмпиреях чистого образа. Было бы интересно наблюдать, как эти мотивы прихотливо смешиваются, переходят друг в друга и захватывают в свой круг прямо противоположные себе, — это неприкрашенная, причудливая реальность непосредственной литературной жизни того времени. Немецкий критик Вольфганг Менцель, продемонстрировавший всем, что в немецкой действительности националистический радикализм и ретроградную просветительскую эстетику отделяет один шаг, издал в 1828 г. книгу «Немецкая литература», резко направленную против Гете, построенную на основательном и захватывающем обывателя демагогическом фунда-

менте¹⁵. В России с этой книгой боролся В. Г. Белинский как автор статьи «Менцель, критик Гете» (1840): однако борьба протекала очень непросто, потому что оппоненты Менцеля начинали повторять его же мысли и открывали в самих себя нечто родственное его взглядам. Так, Гейне защищал Гете от Менцеля и в то же время полагал, что на смену «периода искусства» (т. е. искусства, оторванного от жизни)¹⁶, на смену «аристократической эпохе словесности» приходит эпоха «демократическая»¹⁷ и что «существующее искусство должно погибнуть, поскольку сам принцип его коренится в отжившем старом режиме, в прошлом Священной Римской империи»¹⁸. А Белинский писал: «(. . .) сам Гете велик как художник, но отвратителен как личность» (в письме Н. А. Бакунину от 6—8 апреля 1841 г.)¹⁹; «(. . .) Гете любил все, от ангела в небе до младенца на земле и червя в море, и потому не любил ничего» (в письме Бакуниным 8 мая 1843 г.)²⁰; «(. . .) я благоговею перед его гением, но тем не менее я терпеть его не могу»; «Герман и Доротея» — «отвратительная пошлость» (в том же письме)²¹, и таких высказываний, идущих в русле по крайней мере одного из трех мотивов, можно найти немало.

В сибирскую глушь к В. К. Кюхельбекеру дошли те же мотивы как модусы чтения разных текстов Гете, и это красноречиво свидетельствует об их общераспро-

¹⁵ В России Н. Греч и Ф. Булгарин поспешили ознакомить читателей со взглядами Менцеля на Шиллера и Гете, опубликовав в журнале «Сын отечества» (1831) монтаж цитат из его книги (см.: *Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 286*). По всей видимости, влияние этой публикации на умы было большим и длительным. В 1838 г. вышел в свет сокращенный русский перевод всей книги, но к этому времени главное было уже сделано.

¹⁶ *Heine H. Werke und Briefe. B., 1961. Bd. IV. S. 237.*

¹⁷ *Ibid. Bd. V. S. 13.*

¹⁸ *Ibid. Bd. IV. S. 343.*

¹⁹ *Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 458.*

²⁰ Там же. С. 541.

²¹ Там же. С. 542.

странности: «Читаю „Вертера“ Несмотря на многое, искренно признаюсь, что это творение Гете предпочитаю иным из его позднейших: в „Вертере“ теплота непритворная, есть кое-что, называемое немцами *excentrisch*; но по крайней мере нет холодной чопорности, притворной простоты и бесстыдного эгоизма, встречающихся в его записках, „*Wilhelm Meisters Wanderjahre*“, — записывает Кюхельбекер в дневник 9 сентября 1834 г.²² И на следующий день: «<...> Поэтической жизни в „Вертере“ пропасть; но от Гете — автора „Вертера“ до Гете, сочинителя, напр., „Эпименида“, расстояние не меньше, чем от Вертера до его благоразумных друзей: не стану спрашивать, кто лучше; но, без сомнения, „Вертер“ и автор его привлекательнее чинного автора „Эпименида“ и людей, которые в жизни то, что автор „Эпименида“ в поэзии»²³. И наконец, в 1840 г. Кюхельбекер записывает в дневнике фразу под стать гейневскому лозунгу о конце «периода искусства»: «Царствование Гете кончилось над моею душою <...>»²⁴.

А ведь Кюхельбекер был не просто почитателем Гете и пропагандистом его творчества²⁵ — он был в России из числа первых внимательных читателей «Западно-восточного дивана».

*

При чтении «Дивана» Кюхельбекером руководила не только любовь к Гете, но и любовь к Востоку. В 1932 г. академик В. М. Жирмунский опубликовал выписки Кюхельбекера из прозаической части *ЗВД*, относящиеся,

²² Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 332.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 377.

²⁵ Запись от 27 марта 1840 г. продолжается так: «<...> мне невозможно опять пасть ниц перед своим бывшим идеалом, как то падал я в 1824 году и как то заставил пасть со мною всю Россию. Я дал им золотого тельца, они по сю пору поклоняются ему и поют ему гимны, из которых один глупее другого; только я уже в тельце не вижу бога» (Там же. С. 377).

видимо, в 1825 г.²⁶, — Кюхельбекер называет этот раздел «Дивана» «исторической частью». Таким образом, ЗВД был для русского поэта предметом самого пристального изучения — фокусом его важнейших интересов. Интерес к Востоку был глубок и последователен: упоминание Фирдоуси в дневниковых записях 1832 г.²⁷ позволяет основательно предполагать, что Кюхельбекер знал «Шах-наме», и, по всей видимости, в изданном в 1820 г. — сделанном с подлинника — подробном немецком прозаическом переводе-пересказе Йозефа Герреса, если судить по тому, что эту книгу среди наиболее важных для себя ссыльный поэт настоятельно просит сначала Б. Г. Глинку²⁸, затем А. С. Пушкина прислать ему: «Книг пришли мне: Эсхила с комментариями, хороший словарь латинский; Тацит, Куран на английском, Саконталу на английском же, Ша-Наме на немецком (Гёрреса)»²⁹. Сам контекст показывает, что речь идет о произведениях известных и подлежащих углубленному, тщательному изучению.

В статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», опубликованной в 1824 г., Кюхельбекер писал: «При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джамии ждут русских читателей»³⁰. И в том же году Ф. Булгарин в одном из фельетонов так изложил взгляд А. С. Грибоедова: «Не говорю о восточных языках, которых

²⁶ Литературное наследство. М., 1932. № 4—6. С. 663, 666 и факсимиле части текста — с. 664—665.

²⁷ См.: Кюхельбекер В. К. Указ. соч. С. 76; Кюхельбекер в русской сказке об Еруслане Лазаревиче находит «отголоски из „Ша-наме“ [так!]; ослепление царя Картауса [у Фирдоуси царь называется Кавусом] и его богатырей и бой отца с сыном, очевидно, перешли в русскую сказку из персидской поэмы»; ср.: Там же. Примеч. С. 664.

²⁸ В письме от 21 декабря 1833 г.: Там же. С. 713.

²⁹ В письме от 3 августа 1836 г.: Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 2. С. 249.

³⁰ Кюхельбекер В. К. Указ. соч. С. 458.

изучение чрезвычайно трудно и средств весьма немного. Но все не худо ознакомиться несколько с Восточными рудниками Гаммера (Fundgruben des Orients) или перевернуть несколько листов в Гербелоте, в хрестоматии Сильвестра де Саси, в Азиатических изысканиях Калькуттского ученого общества (Asiatic Researches) и в Назидательных письмах о Китае (Lettres édifiantes etc.). Восток, неисчерпаемый источник для освежения пинтического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями онога»³¹. Ясно, что в двух этих высказываниях заключается в кратком виде тождественная по сути программа научных и поэтических занятий Востоком, и вот что любопытно для нас сейчас: в то время как в тексте Булгарина названы в основном востоковедческие источники гетевского «Дивана», текст Кюхельбекера написан после чтения этой книги, и на нем, как кажется, лежит отсвет возбуждающего, «поощряющего» (как говорил Гете), вдохновляющего гетевского образа Востока.

Кюхельбекер был признанным и желанным читателем ЗВД, о каком только мог бы мечтать сам Гете: события декабря 1825 г., к сожалению, положили конец его поэтическому и научному росту, как положили они конец многим российским надеждам и начинаниям, и приходится думать о том, что замыслы научного и литературного освоения Востока, какие возникали перед декабром у таких людей, как Кюхельбекер и Грибоедов, стали впоследствии осуществляться в России в более урезанном, частном, академическом виде, где долго не доставало вдохновенности и широты, и что прошло не одно поколение, пока самозабвенность уединенных студий не принесла общезначимые научно и поэтически, отмеченные широтой историко-культурного кругозора плоды. На Западе поколения, пришедшие вслед за Гете, сначала забывали все оставленное им в наследие великим поэтом — все, что касалось западно-восточных поэтически-глубоких преломлен³²; в России же за увлеченностью первых читателей гетевского «Дивана» еще долго не наступало ничего равнозначного и равно-

³¹ Цит. в статье: Королева Н. В., Рак В. Д. Личность и литературная позиция Кюхельбекера // Кюхельбекер В. К. Указ. соч. С. 614.

ценного. Это отразилось и в русских поэтических переводах из *ЗВД*: за первыми несомненными удачами долго не следовало достойного продолжения, пока из массы культурных и поэтически-нейтральных, только приличных переводов не стала вырисовываться подлинная поэтическая высота и отвечающая гетевскому стилю мыслительная дерзость.

В. М. Жирмунский писал о том, что «в середине 20-х гг. большой интерес вызывают восточные стихи Гете, собранные в „Западно-восточном диване“, и об «успехе» «Дивана» у русских переводчиков, понятном «на фоне увлечения романтическим ориентализмом Байрона, Томаса Мура, многочисленных переводов „с арабского“ (из Корана), „с персидского“ и др. появлявшихся в альманахах этих годов»³². Здесь содержатся некоторые неточности и есть преувеличение: конечно, стихотворения Гете не просто «восточные стихи», которые остается рассматривать лишь в плане привычного ориентализма и тем более «восточной экзотики»³³; преувеличение же — в «большом интересе» и «успехе». Никким образом нельзя понимать это количественно — ведь 1820-е годы дали всего лишь считанное число стихотворений, переведенных из *ЗВД*. Дело, конечно, не в количестве, а в глубоком интересе, и не просто в нем, не просто в интересе к новому повороту восточных тем, а в той пораженности новооткрывшимся миром, которая заставила все того же Кюхельбекера передать по-русски, как бы в виде пробы, удивительные строфы арабского стихотворения, которое Гете привел в главе «Предания» прозаической части своего «Дивана»³⁴. Что могло поразить тут поэта? Наверное, соединение исключительно смелой образности с полнейшей естественностью и вещностью выражения.

И лирические стихотворения поэтической части «Дивана» немедленно нашли в России конгениального переводчика. Можно сказать — нашли неожиданно. Этим поэтом был М. А. Дмитриев. Уже в 1820 г. он опубликовал в журнале «Вестник Европы» два стихотворения «Книги Зулейки», оформив их в духе эпохи

³² Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 125—126.

³³ Там же. С. 126.

³⁴ См. комментарий к 2-ой главе.

как маленький цикл «Персидских песен»³⁵; в 1821 г. к ним прибавилось еще одно, и весь цикл из трех стихотворений был переиздан в 1830 г. Переводчик с интуитивным бесстрашием остановил свой выбор на самом трудном, что только содержится в ЗВД, — среди трех стихотворений здесь и заключительное из «Книги Зюлейки», которые мы читаем теперь во внутренне вызревшем и многоопытном переводе С. В. Шервинского, впервые напечатанном в 1932 г. и впоследствии еще усовершенствованном. И вот что удивительно: ранний русский переводчик — первый переводчик ЗВД! — великолепно справился с своей задачей, перед которой робели поэты последующих поколений. Справился в пределах стилистических возможностей своего времени — если не считать мелких огрехов, исправленных поэтом при переиздании. Можно сказать, что удача переводчика была победой наивной силы, не успевшей осознать всю непомерность своей задачи. М. А. Дмитриеву удалось сочетать полнейшую естественность выражения с неуловимой характерностью гетевского тона, с той чуть приподнятой интонацией, которая порой не требует для себя каких либо изысканных поэтических средств, а иной раз требует как раз редкостных и своевольных. В. М. Жирмунский был неправ, когда говорил об «условном, несколько тяжеловесном ориентализме стиля» гетевского гимна возлюбленной, скрывающейся «в тысяче форм», но был прав, говоря, что М. А. Дмитриев удачно сохранил его стиль³⁶. А как безукоризненно точно отвечает у Дмитриева, в другой песне, Гатем Зюлейке:

Султан, Султан соединяет
Светила высшие миров:

³⁵ Обо всех русских переводах из Гете см. незаменимое издание: *Житомирская Э. В. Иоганн Вольфганг Гете: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1780—1971. М., 1972.* См. также 4-й раздел Дополнений в нашей книге — «Стихотворения „Западно-восточного дивана“ в переводах русских поэтов» — и примечания к нему.

³⁶ *Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 127.*

Он ими верных отличает
И храбрых из своих полков!

Без всяких изысков эта строфа стилистически совершенна и звучит по-гетевски. М. А. Дмитриев в своих переводах из Гете выступает как большой и ищущий мастер: имя этого поэта, практически совершенно забытого, так как на протяжении около 120 лет он ни разу не издавался отдельной книгой, восстановлено теперь усилиями Вл. Муравьева, издание которого открывает перед читателями творчество основательного, несомненно выдающегося русского поэта³⁷.

После М. А. Дмитриева на несколько лет наступает молчание, и новые переводы из *ЗВД* появляются лишь к концу 20-х годов. Жаль, что поэтическая жизнь России была тогда недостаточно экстенсивна для того, чтобы можно было приняться за полный перевод *ЗВД*, и для того, чтобы такой поэт, как Дмитриев, мог ощутить всю свою силу. Этого не было, а обстоятельства времени, как уже можно было видеть, совсем не способствовали энтузиазму подобных научно-поэтических начинаний. Переводы конца 1820-х годов сделаны на хорошем уровне, но уже более отвечают описанному В. М. Жирмунским общепринятому ориентализму тогдашней поэзии. Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский выбирает из *ЗВД* то, что, как отдельно взятое, можно обратить в поэтическую условность: «Переводы Марлинского перекликаются с восточной экзотикой его романтических повестей»³⁸. При этом они очень хороши, и в их естественности ощутима временная близость к трудному и в целом еще не достигаемому подлиннику. Ф. И. Тютчев в конце 1820-х годов работает над переводом самого первого стихотворения *ЗВД* — «Хеджры». Его перевод, оставшийся в двух вариантах, очевидно, не был доработан, и, при всем достоинстве тютчевского поэтического почерка, в нем, как ни странно, царит несколько иной, чем у Гете, этос: вместе с мягкой элегичностью появляется даже большая насыщенность и в

³⁷ См.: Дмитриев М. А. Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985 (Сер. «Московский Парнас»).

³⁸ Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 127,

связи с нею некоторая замедленность движения мысли, и это почти не оставляет места другой стороне гетевского текста — несколько размашистой беззаботности, которая сменяется тонкими интонационными отклонениями в разные концы, с юмором и с откровениями поэтической мысли — как это прекрасно получилось у Тютчева в последней строфе о «словах поэта», которые

Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся Рая,
Дар бессмертья вымоляя, —

у Гете они витают у ворот рая, стучась негромко и *испрашивая* себе вечную жизнь, — ни шуметь, ни молить кого-либо им не надо просто потому, что они ждут положенного себе и его непременно удостоятся.

После 1830 г. (перездание цикла М. А. Дмитриева) в переводах из *ЗВД* наступает генеральная пауза, которая продолжается долго. За это время представление о переводе, о его призвании и роли коренным образом меняется, тепею к *ЗВД* обращаются не поэты, переводящее с чужих языков близкое и родственное себе, но переводчики-профессионалы, которые перевод рассматривают как свое главное дело. Сам противоречивый процесс профессионализации затронул такого поэта, как А. Н. Струговщиков, который, по всей вероятности, все же больше чувствовал себя поэтом, чем переводчиком, и который, как оригинальный поэт, едва ли мог сыграть сколько-нибудь заметную роль в русской поэзии. Только переводы, в которых он, как поэт, чувствует себя необоснованно вольно, позволяют ему подняться на поверхность русской поэтической жизни, и к его ранним переводам из Гете с большой симпатией присматривался Белинский³⁹. Вместе с переводчиками-профессионалами в русский *ЗВД* приходят косноязычие и мучительная борьба с языком, опреснение образа и

³⁹ См., например, его отзыв в письме И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г.: «У него есть талант, он хорошо переводит Гете» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 147). О Струговщикове как переводчике см.: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 72—96.

погружение всего целого в сферу незамысловатого эмпирически-бытового «я», чему способствуют факторы исторического движения: близость к Гете по времени и духу, какая могла возникать в начале 1820-х годов, уже совершенно немыслима, вся поэзия стремительно отходит от гетевских поэтических принципов — в России, как и в Германии, и поэзия ЭВД вырастает перед поэтом как культурная, культурно-историческая задача, с которой обязан так или иначе справляться этот малоопытный, не набравший форму профессионал. Резкое сужение кругозора — не личная черта и не личная вина таких поэтов; все это производное от заземленности, для которой мир ЭВД — это комбинация головокружных акробатических трюков, которых новый поэт-профессионал не только не может повторить, но в которые не может даже поверить. Если в переводе появляется «романсовость» тона, как у Струговщикова в одной из песен гетевской Миньон, —

Не спрашивай, не вызывай признанья!
Молчания лежит на мне печать...

— то это еще достоинство, потому что говорит о теплом и «кровном» переживании оригинала. Однако у такой интимной теплоты чувства самая узкая сфера действия — поэт не видит дальше своего носа. Поэтому переводы А. Н. Струговщикова очень старательны, ремесленны, хороши, и это лучшая им похвала. Ф. Б. Миллер, переведивший в одно время с ним, как поэт сильнее, но он перевел лишь одно стихотворение ЭВД. Н. А. Холодковский, живший позднее и уже накопивший культурный опыт перевода, безусловно, глаже своих предшественников, но не изысканнее и не находчивее их. Его представления о гетевском тексте, а этот переводчик «Фауста» был поистине влюблен в Гете, еще гораздо отвлеченнее, чем у поколения Струговщикова: можно сказать, что в духе эпохи 1880-х годов с их посвоему развитым чувством поэзии Холодковский переводил и передавал не конкретный мир Гете, а поэтические шедевры «вообще», как если бы они существовали в абстрактной форме. Академик В. М. Жирмунский в своем обширном исследовании предпочел не тратить на него времени: «...» он, — пишет В. М. Жирмунский об этом признанном мэтре своей эпохи, — с легкостью опе-

рирует шаблонами и банальностями поэтического стиля того времени и сочетает их с прозаизмами и неловкими оборотами речи, подсказанными трудностями оригинала, в то же время дополняя подлинник собственными добавлениями («...») ⁴⁰. «Романса» в чистом виде у Холодковского уже никак не могло быть, потому что мешало усвоенное историческое чувство, — однако «романс» везде присутствует в зачатках как неотъемлемая составная поэтического ощущения:

Ты говоришь, что так утратил много

— начинает переводчик одно из поэтических «размышлений» Гете, чтобы в следующей строке перебить этот тон обескураживающей цезурой:

С годами: чувств волненье и тревога,
за которой вновь следует, словно единица поэтической непосредственности, обрывок романса.

Переводчики-профессионалы конца XIX в., а именно таким был Н. А. Холодковский, хотя по своему общественному статусу он был как раз поэтом-любителем, не заслуживают сейчас жестокой критики просто потому, что они выполняли дело, возложенное на них

⁴⁰ Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 466. См. теперь: Смирнов О. В. Николай Александрович Холодковский. М., 1981; Цветаева А. Двойное пламя // Наука и жизнь. 1985. № 2. С. 74—76 (отклик на книгу О. В. Смирнова). О проблематике переводов второй половины XIX в. и о том, что в суждениях о них не может быть никакой окончательности, см., например: Левин Ю. Д. П. И. Вейнберг—переводчик // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 220—257. Нужно принять во внимание, что на протяжении всего XIX в. в поэзии происходит внутренняя перестройка, вследствие которой во второй половине века поэты примерно с тем же (не слишком высоким) уровнем поэтической техники, что и поэты-переводчики, могли в ряде случаев создавать высокую поэзию, тогда как специалисты-переводчики получали обманчивый простор для своей деятельности и страдали от отсутствия внутренних, личных идейных стимулов, сколько-нибудь созвучных, адекватных мировой поэзии в ее широком объеме.

эпохой, и выполняли его преданно и с страстью. Позднейшим переводческим поколениям было на что опереться и от чего оттолкнуться: если своим разумением поэзии они и обязаны позднейшим изменениям взгляда на поэзию, вызвавшим к жизни новый образный строй, новую поэтическую технику, расширившим кругозор и развившим настоящую виртуозность, то генеалогически они все же восходили к тем самым деятелям поскучневшей и оскудевшей поэзии. Поэтому они вполне заслужили доброе внимание к себе, которое позволит читателям проникнуться на время искренностью их глуховато звучащих строк.

Поэт Д. П. Шестаков, который собрал свои стихотворения в 1900 г.⁴¹, включил в сборник несколько своих переводов из *ЗВД* Последователь А. А. Фета Д. П. Шестаков отразил в своем творчестве примерно ту же стадию поэтического мышления, что и Н. А. Холодковский. Однако он переводит Гете чуть свежее и разнообразнее, и, что самое главное, он, очевидно, почувствовал необходимость перевода *ЗВД*, расширить стилистические рамки русского текста — отсюда в его переводах вводимые еще довольно робко архаизмы и редкие формы, которые, правда, при таком спорадическом появлении не могли существенно изменить стилистический облик этой поэзии.

С Шестаковым подошли к концу переводы из *ЗВД*, сделанные в XIX в., поскольку целая группа малоизвестных переводчиков на рубеже XIX—XX вв., вроде А. П. Тамбовского⁴², представляет салонно-альбомное ответвление поэзии и мимо них нетрудно пройти.

Теперь снова наступает большая пауза, и она позволяет подвести некоторые итоги усилий двух-трех поколений переводчиков. Здесь XIX век кончается едва ли не на минорной ноте скуки, поскольку обещания нового в книжке Д. П. Шестакова еще слишком слабы и неопределенны. Оглядываясь на XIX век, видишь,

⁴¹ Шестаков Д. П. Стихотворения. СПб., 1900. Не учтено в кн.: Тарасенко Ан. Русские поэты XX века, 1900—1955: Библиография. М., 1966.

⁴² Тамбовский А. П. Проклятие любви: Оригинальный сборник переводных стихотворений. СПб., 1893.

как много замечательных русских поэтов прошли мимо гетевского *ЗВД* и как, с другой стороны, они по внутренней, незримой линии связи все же не прошли мимо него. Через весь русский XIX век проходит линия западно-восточного синтеза, которая, быть может, еще более явно и последовательно звучит в русской музыке, начиная с М. И. Глинки. Восточное в музыке М. А. Балакирева — это не «экзотика», не «колорит» и не один из ее «элементов»; совершенно ясно, что восточное здесь — глубинный, основополагающий момент мыслительного стиля композитора, его художественного мировоззрения, и что здесь достигнут — не только для музыки, но и для всей русской культуры — показательный, блестящий синтез разнонациональных начал. А синтез — совсем не то что условный романтический ориентализм. Линия подлинного синтезирования ведет от пушкинских «Подражаний Корану», написанных в 1824 и изданных в 1826 г.; за ними следуют «Подражания Корану» А. Рогчева (М., 1828), циклы Аполлона Майкова («Еврейские песни», 1839—1841), А. А. Фета («Из Гафиза», 1856—1859), М. М. Михайлова («Переводы и подражания. Восточные поэты», 1860-е годы), Л. А. Мея («На библейские мотивы», в их составе «Еврейские песни») и др. Сюда же относятся и великолепные переложения псалмов Ф. Н. Глинки, которые в течение долгого времени и еще в наши дни не воспринимались как серьезная, настоящая поэзия (какой они без всякого сомнения являются) и, видимо, содержат в себе нечто исключительно своеобразное. Различные мелкие факты постоянно напоминают о том, что гетевский *ЗВД* все это время не остается вне поля внимания поэтов: так сборник стихотворений Н. М. Языкова (1833) открывается эпиграфом из Гете, а именно тем четверостишием, которое служит эпиграфом и у Гете, — к прозаической части «Дивана»⁴³. Так, А. А. Фет, переводя с немецкого переложения из Гафиза, принадлежащие Г. Ф. Даумеру⁴⁴, высокоценимому в середине века немецко-

⁴³ См.: *Жирмунский В. М.* Указ. соч. С. 145. Языков оставляет эпиграф без перевода.

⁴⁴ Даумер не переводил Хафиза, а сочинял в его духе.

му поэту⁴⁵, берет эпиграф вновь из Гете — эпиграф «Книги Хафиза»⁴⁶. Таким образом, ЭВД продолжают читать, и, видимо, он незаметно влияет на характер восточных преломлений в русской поэзии. Однако реальные заботы века заслоняют на время существование культурно-исторического диалога народов: «Фет прислал мне несколько стихотворений из Гафиза. Напрасно он их писал», — слова из письма Льва Толстого А. В. Дружинину от 20 декабря 1859 г. Таким образом, в том, чтобы переводить гетевский «Диван» как целое, русский XIX век не испытывал потребности, но, главное, для этого не было настоящего стимула; в сущности же такая задача была непосильной: если читающий на языке оригинала имеет дело с неизменным текстом, от которого может уставать или скучать, но не обязан что-либо в нем менять, то переводчик, воспроизводя целое, должен так или иначе постичь его форму, композицию, архитектонику — особенно столь архитектурно-замысловатой вещи, как ЭВД. Однако ЭВД в этом отношении оставался, собственно, загадкой вплоть до послевоенного времени, и немецких комментаторов ЭВД в прежние времена просто-напросто выручала та самая самотождественность текста, на которую можно было опираться как на позитивную базу исследования и издания.

Задача полного перевода ЭВД на русский язык была решена лишь в XX в. — да и то поначалу лишь в отношении поэтической его части. Однако до 1932 г. (год юбилея Гете и год начала русского «юбилейного» издания его Сочинений) все большие русские поэты вновь прошли мимо «Дивана», если не считать единичного перевода В. Я. Брюсова, перевода, очевидно, не доработанного. Брюсов всей своей деятельностью, особенно в последние годы жизни, благословил русских

⁴⁵ Об этом свидетельствуют постоянные обращения к Даумеру И. Брамса: «Песни Любви», «Новые песни Любви», весь опус 47 и множество отдельных песен написано на слова Даумера.

⁴⁶ См. его в нашей подборке русских переводов из ЭВД. См. также: Иванов Вяч. Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы. М., 1985. С. 465—466.

поэтов-переводчиков на воссоздание ЗВД — тем, что утвердил научный, изыскательный дух переводческой деятельности. Это было крайне важно, так как к ЗВД, как и вообще к позднему Гете, бессмысленно обращаться, не имея жилки научного интереса, и бессмысленно переводить его лирику как «чистую» лирику чувства. Брюсов же был представителем и теоретиком так называемого «буквального», или «буквалистического», перевода в русской поэзии — перевода, об оправданности, даже необходимости которого в структуре переводной литературы глубоко писал М. А. Гаспаров⁴⁷. С. В. Шервинский и М. А. Кузмин, несколько механически поделив между собой «Диван» Гете, предложили его русскому читателю в 1932 г. Этот перевод был несомненным достижением, при известных несовершенствах. В наши дни В. В. Левик, как представитель совершенно нового переводческого поколения, с неизбежной для всякого творческого деятеля, по существу же несколько односторонней убежденностью в правильности своих позиций так характеризовал эти переводческие принципы 30-х годов, относясь к ним вполне отрицательно: «Школа эта была очень сильна, но она держала переводчика в цепях и часто убивала в нем поэта, хотя о многих частностях оригинала давала почти исчерпывающую информацию. Шервинский был одним из лидеров этого направления. Переводчиками 40-х и 50-х годов оно было отвергнуто именно потому, что требовало точного следования за каждой деталью оригинала. Это приводило к воспроизведению всех мелочей нередко в ущерб видению в целом, а значит, в ущерб самой поэзии. Втиснуть в строчку все слова подлинника было важнее, чем воссоздать звучание строки, производимое ею впечатление»⁴⁸. В. В. Левик был во многом прав, и тем не менее он недооценивал переводческую установку прошлого. Действительно, «буквалистское» направление порой наследовало и усугубляло идущее из прошлого пе-

⁴⁷ Гаспаров М. А. Брюсов и буквализм: (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. М., 1971. Сб. 7. С. 88—113.

⁴⁸ Левик В. В. О поэте-переводчике Сергее Васильевиче Шервинском // Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М., 1983. С. 506.

реводческое косноязычие: что́ можно сказать, читая один из «паралипоменов» ЗВД (Р 16) в таком переводе:

Лет пятьдесят анализом подробным
Я казан и показан год за годом,
И то, за что я оценен наро́дом,
Пожалуй что понятным стать могло б нам.
Жил в юности, в кругу себе подобном,
С тем демоничным, гениальным сбродом,
Но проникал тихонько, год за годом,
Я к мудрецам, божественно-незлобным⁴⁹.

Происходит ли смутность смысла — особенно в первых строках — от стремления «втиснуть в строку все слова подлинника» и от скрупулезной, доведенной до абсурда точности? Отнюдь нет! Стихотворение смутно потому, что оригинал остался непонятым, а перевод, отчасти в связи с этим, — недоработанным. Перевод страдает не от буквализма, а от недоделанности, от непроясненности смысла.

Поэтому противоположностью «поэтического» перевода не является перевод «буквалистский», и точность — не враг поэзии. О ЗВД можно прямо сказать: неточность здесь — враг поэзии. И перевод ЗВД 1932 г. страдал не столько от «буквальства» и «точности», сколько от недоработок, а самая общая причина этих недоработок все та же — это недоосвоенность ЗВД как формы, как особой подачи смысла во всем тогдашнем (научном и читательском) эстетическом сознании. С этим же переводом связаны и огромные удачи Шервинского-переводчика — удачи ожидали его тогда, когда отдельные переводы 1932 г. были доведены до совершенства. Знаменитое стихотворение «В тысяче форм ты можешь пританься...» из «Книги Зулейки» — это непревзойденное пока достижение, и оно в переводе С. В. Шервинского вошло и в новый, «левиковский» корпус ЗВД: как и в случае с «Блаженным томлением», В. В. Левик признал здесь превосходство старого переводчика. И вот что характерно: совершенный облик стихотворение из «Книги Зулейки» обрело не вследствие

⁴⁹ Гете И. В. Собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 160.

радикальных переделок и того, что С. В. Шервинский в зрелости, как пишет В. В. Левик «сумел перестроиться, сбросить цепи, стесняющие поэтический полет»⁵⁰, а благодаря некоторым незначительным переменам, которые оказались весьма эффективны эстетически. Достаточно сравнить вариант перевода 1932 г. с современным состоянием этого текста, чтобы убедиться в этом.

Смысловая значительность перевода 1932 г. заключалась еще и в том, что в этом своем эксперименте переводчики-«буквалисты» не просто «надевали на себя цепи», но, стремясь (по замыслу!) к классической строгости, прежде того поэтически расковыряли себя. Это так: переводчики ощутили потребность применить к гетевскому тексту все лексическое, стилистическое богатство русского языка. Тут Гете должен был быть не робким, домашним, камерным, салонным, недальновидным, скучновато-приличным и в меру игривым на казанский или петербургский лад, а дерзким и откровенным, тонким и грубым, могучим, мощным — властным творцом своей поэзии и самодержавным правителем всей истории поэзии! Что тут не получилось, все это перешло, как наследие и задача, к переводчикам того поколения, к какому принадлежал В. В. Левик. Достижения этого поколения были бы немыслимы, не будь в предыдущем поколении такого увлечения экспериментом, не будь в нем представлены как идея сразу же поэтические «цепи» и поэтическая раскованность. В 1932 г. переводчик чувствует себя служителем своего поэта, он всецело предан ему и хочет следовать ему во всем, и если ему удастся далеко не все, то главным образом потому, что его поэт не до конца освоен поэтически-эстетическим сознанием⁵¹, — «недоосвоенность» и откликается в «недо-

⁵⁰ Левик В. В. Указ. соч. С. 506.

⁵¹ «Язык Гете достигает предельной (часто просторечной) легкости, — пишет Вяч. Вс. Иванов, — передать ее в переводе — даже такому подлинному поэту, как М. Кузмин, трудно» (Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 464). Но, разумеется, трудность не в самой по себе легкости (с которой переводчики великолепно справляются в Гейне)! Сама легкость как один поэтический «тон» существовала у Гете лишь в связанности, сопряженности — парадоксальной, чрезмерной

деланности». В. В. Левик же, начавший работать над гетевским «Диваном» вскоре после войны, чувствовал себя уже не на службе у поэта, сколь бы велик тот ни был, но ощущал себя прежде всего поэтом сам.

И это был новый, чрезвычайно многозначительный поворот всей переводческой проблематики! Гете здесь опять запел, и стали достижимы потрясающие лирические взлеты, которыми Гете непрестанно волнует читателя немецкого оригинала. Эти взлеты как бы предполагают у Гете известную поэтическую неровность, т. е. он не всякую минуту одинаково совершенен, но он, как поэт, царит на огромном пространстве всевозможных воплощений поэтического, где, конечно, нет места банальному и скучно-сухому, но где можно и нужно быть и более простым (так сказать, быть более «нормальным» и «средним» поэтом!) и где, главное, надо все время играть разными поэтическими тонами, владея ими всеми, властвуя над ними. Переводчик, ощущая себя прежде всего поэтом, заражается гетевскими образами и — еще более того — гетевской интонацией и воплощает в своем поэтическом создании гетевскую, отраженную в себе поэтическую широту. Такой подход к гетевской лирике воввышен и великолепен, и, лишь поскольку все существующее в жизни внутренне противоречиво,

и «тяжелой» — с другими тонами, при пронизанности всего *ЗВД* смыслом целого, в свою очередь уникальным и парадоксально-чрезмерным (см. об этом нашу первую статью). Когда же этот один, «легкий» тон *ЗВД*, вполне сформировавшийся в замысловатой ткани этого произведения, был извлечен из нее, он тотчас же стал не просто легким, но облегченным — «блестящим» в духе эстетики броской и эффектной виртуозности, столь близкой 30—40-м годам XIX в. Тогда возникает лирический стиль, способный выражать все и позволяющий себе все, о роли которого в истории немецкой поэзии с трагической горечью писал Карл Краус в 1910 г. в большой статье «Гейне и последствия». Итак, идеальный переводчик должен был бы «уметь воссоздать в *ЗВД* ту сопряженность многообразных тонов, которая на своем месте в истории сложилась как естественное, хотя и вполне уникальное явление.

в нем наличествуют свои потенциальные слабости. Их главным образом две: это опасность самовыражения на месте верности своему поэту с его неповторимо-своеобразным стилистическим обликом, а другая — нарушение меры свободы, когда раскованность может стать развинченностью и неряшливостью. Быть может, допустимо свести эти потенциальные слабости к одной главной причине-помехе — к возможной утрате познавательной, как бы отвлеченной установки в подходе к гетевскому «Дивану», что повлекло бы за собой разрушение неизбежного для настоящего перевода такой книги научно-художественного единства. Если не бояться предсказаний, то можно предположить, что с подобными трудностями будут в дальнейшем встречаться новые переводчики ЭВД, для которых, вероятно, естественным будет несколько преувеличивать допустимую здесь степень свободы и слыхком чувствовать себя хозяевами в этом замысловатом устроенном чужом доме.

Коль скоро для перевода даже лирических стихотворений ЭВД необходимо единство научно-поэтического интереса в обращении к этой вещи и хорошее знание самого Гете как личности и творца во всем его противоречивом универсализме, то в нашем недавнем прошлом наиболее высоких достижений можно было ожидать от такого переводчика, который воплотит в себе гармонию точности и поэтической свободы, который не будет с недоверием и скепсисом относиться к точности и не будет испытывать недостатка в поэтических средствах для выражения самой сложной поэтической мысли. Такой переводчик должен был как бы схватить и зафиксировать внутренний момент перехода от «буквализма» к «поэзии», если выразить крайности в таких словах. К такой переводческой гармонии причастны немногочисленные переводы из Гете Н. Н. Вильмонта — каждый из них это безусловная классика жанра, причем слово «классика», даже классицизм, тем более уместно, что Н. Н. Вильмонт превосходно передает *величавость*, нередко присущую Гете, особенно позднему. И переводы Н. Н. Вильмонта из «Дивана» именно таковы⁵². Читая в переводе Н. Н. Вильмонта гетевское «Одно и Все»:

---

⁵² Они все приведены в нашем дополнении.

Пусть длятся древние боренья!
Возникновенья, измененья —
Лишь нам порой не уследить.
Повсюду вечность шевелится,
И все к небытию стремится,
Чтоб бытию причастным быть,⁵³ —

невольно ощущаешь мыслимую адекватность этого текста гетевскому — на самом пределе возможного. Разумеется, это всего лишь один, возвышенный, гетевский тон, наряду с которым в ЭВД множество иных. Но вот в переводе Н. Н. Вильмонта ранее (1776) четверостишие Гете (которое любил приводить Томас Манн) — в нем есть удивительные намеки на ориентальную поэтическую форму в самом западном ощущении целого как дуги, как симметрии:

Все даруют боги бесконечные
Тем, кто мил им, сполна!
Все блаженства бесконечные,
Все страданья бесконечные, — всё!⁵⁴

Первым полным изданием гетевского «Дивана» в русском переводе не заканчивается его судьба на русской земле. Большие вещи и шедевры нуждаются, для того чтобы по-настоящему жить, в своем возобновлении, а для иноязычного произведения на чужой почве это означает, что оно должно время от времени переводиться заново — капитально, основательно. Для каждой эпохи. понятной, однако, без хронологической формальности, — свой Гомер, свои Данте, Шекспир, Гете, и всякие упущения оставляют в культуре свои — обманчиво незаметные — пустоты. Нет тут очевидности, а упущенное лишь сказывается само собою в моментах культурной слепоты. Стало быть, и работа над гетевским «Диваном» не может быть прекращена.

Есть, однако, еще один момент, который усложняет всю ситуацию: он заключается в том, что и для одной эпохи не может существовать только один (сколь бы

---

⁵³ Гете И. В. Лирика. М., 1979. С. 340.

⁵⁴ Там же С. 110.

велика ни была удача переводчика) эталонный, образцовый во всем перевод классического произведения. Произведение представляется тождественным самому себе, на деле же его тождественность себе заведомо погружена в поток понимания, истолкования, которое всегда как бы уводит произведение от его бытия самим собою — поэтому самождественность произведения, скорее, неуловима, и в произведении, если только оно живет, выявляется известная полярность смысла. Перевод же всегда уже есть истолкование, а потому он передает лишь один момент из жизни переводимого произведения — не то самое соединение полюсов и единство противоречий, которые сосуществуют в подлиннике. Поэтому любой даже самый удачный перевод требует своего дополнения или восполнения, как требуют его буквалистически-точный и лирически-вольный переводы, которые, как правильно писал М. Л. Гаспаров несовместимы в «золотой середине»⁵⁴. Буквалистский перевод, как правило, выдает свою собственно поэтическую неточность (несоответствие настроению оригинала, или его лирическому подъему, или его естественной свободе выражения мысли и чувства и т. д.), тогда как изъяны более вольного перевода скорее скрыты от читателя, расположенного просто наслаждаться красотой поэзии. Подлинник, единый в себе (при всех совмещающихся в нем парадоксах), при своем иноязычном воспроизведении нуждается как бы в целой системе переводов-зеркал, которые улавливали бы его смысл, — в системе, подобной той какую, по особому своему замыслу, устанавливал в «Диване» сам же Гете.

---

⁵⁴ Гаспаров М. Л. Указ соч. С. 108.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

Как свидетельствует библиография (см.: *Житомирская Э. В.* Иоганн Вольфганг Гете: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1780—1971. М., 1972), первый полный русский перевод поэтической части *ЗВД* вышел в свет в составе 13-томного «юбилейного издания» Гете (*Гете И. В.* Собр. соч. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 338—472) в переводе М. Кузмина и С. Шервинского. Издания прозаической части доныне не было; фрагменты и целиком статью «Хафиз» из нее опубликовал А. Габричевский в примечаниях к указ. тому «юбилейного издания»; извлечения опубликовал в своем переводе Л. М. Кессель (Примечания и заметки для лучшего понимания Западно-восточного дивана // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 185—197). Отдельные стихотворения и книги поэтической части *ЗВД* издавались по-русски с давних времен; некоторые стихотворения *ЗВД* переведены по многу раз. См. также: *Гете И. В.* Собр. соч. М., 1975. Т. 1. С. 321—422, а также: *Гете И. В.* Стихотворения. М., 1979. С. 267—322 (в обоих случаях — поэтическая часть *ЗВД*, не полностью).

Настоящее издание от предыдущих отличается не только своею полнотой, но и тем, что впервые русский перевод поэтической части *ЗВД* выполнен одним переводчиком — ныне покойным Вильгельмом Вениаминовичем Левиком (1907—1982), работавшим над *ЗВД* в 1970—1980-е гг. Опытный и высокоодаренный переводчик, каким был В. В. Левик, посмертно удостоившийся премии Международного союза переводчиков (1984), работал над переводами из Гете с любовью и с ощущением творческой и душевной близости к поэту-классику. Немногие строки *ЗВД*, которых не успел перевести В. В. Левик, дополнены В. В. Вебером (включая последнее четверостишие стихотворения «Где рифмач, не возмнивший...»). Кроме того, два известных стихотворения из *ЗВД* В. В. Левик не переводил, предполагая дать их в переводах Н. Н. Вильмонта («Блаженное

томление») и С. В. Шервинского. («В тысяче форм ты можешь притаиться...»), так это и сделано в настоящем издании.

II

При подготовке к изданию русского перевода особую трудность представляла транскрипция восточных имен. Представлялось заманчивым унифицировать их русские написания. Если же принять во внимание, что и в настоящее время нет и не может быть единой системы транскрипции, например в строго научных востоковедческих текстах и в популярных изданиях, и что принятые в первых правила слишком обременительны для поэзии (так как дают сложные, непривычные и вычурные на глаз написания), а написания популярных изданий часто необязательны и непостоянны, если принять во внимание, что транскрипция восточных имен сильно изменилась даже за последние два-три десятилетия, если, далее, вспомнить, что у Гете встречаются арабские, персидские, турецкие, индийские имена и названия, почерпнутые им из немецких, латинских, французских, английских и итальянских источников, то самым естественным решением будет отказаться от их унификации. Прибавим к этому еще и ту дополнительную трудность, что потребности поэта-переводчика требуют известной свободы и отличаются от пожеланий и возможностей переводчика прозы. Поэт прежде, всего должен считаться с принятым в его родном языке произношением имени и может смело писать: «О Хафиз!» — даже и зная о том, что ставит ударение неверно. Поэт может смело писать — «хеджра», — даже и зная, что Гете предпочитал совсем иную, фонетически далекую форму этого слова. Здесь поэт-переводчик всецело зависит от языкового и литературного сознания своей эпохи, в котором постепенно назревают перемены, отчего время от времени происходят сдвиги в восприятии имен и те или иные традиционные формы имен становятся совершенно невозможными для употребления и начинают осознаваться как архаические или неправильные.

Прибавим и то, что исторические написания имен сами характеризуют текст, являются его составной частью, так что, например, написания имени мусульманского пророка «Махмуд», «Магомет», «Мохаммед»,

«Мухаммед» уже многое говорят о тексте и передают его дух и фактуру.

Издатели настоящей книги отказались от унификации имен, отказались тем более от того, чтобы приводить их в современной научной форме. Между принятым у Гете и в тогдашней науке написанием имени арабского поэта «Амралкайс» и современным написанием «Имруулкайс» — слишком большая разница (это, видимо, крайний случай расхождений). Указатель в конце книги сводит все равно разнообразные формы написания имен собственных с помощью отсылок, вследствие чего для каждого имени может быть установлена его «нормальная» форма и каждое имя может быть отождествлено с его реальным носителем.

Правда, сохранение оригинальных написаний в тексте не означает совершенно буквального и слепого воспроизведения формы написания там, где отличия случайны, ничтожны и основаны на недоразумениях, на заведомо искаженных чтениях или на чтениях чужеродных по отношению к немецкому языку и с самого начала требовавших исправления. Текст Гете не только не был в отношении написания имен собственных унифицированным (хотя востоковед Козегартен на последнем этапе работы поэта над *ЗВД* внес в текст некоторые поправки), но в известной мере и противился всякой унификации, так как Гете было чуждо всякое внешнее единообразие, а всякое слово решительно воспринималось им лишь как знак, как указание на смысл и вещь, как отсылка к ним, так что при самом пристальном внимании к звучанию, музыкальности, фактуре слов как раз имя (имя собственное) заключает в себе для Гете известную свободу, не значит «себя» и может по потребности и по случайности варьироваться. Можно сказать, что для Гете в имени определяющей была не его номенклатурная стандартность, но вхождение имени в некоторое множество отождествляемых форм (типа «Магомет», «Мохаммед» и т. д., «Фердуси», «Фирдуси», «Фирдоуси»).

Все это связано у Гете с характерным для самой культуры в начале XIX в. уразумением имени и, в частности, с зависящей от этого поэтикой заглавия. Когда современники Гете называют его драму «Побочная дочь» «Евгенией», то поступают так не потому, что забыли ее

оригинальное название, а потому, что таковое не воспринимается как обязывающий номенклатурный стандарт, но лишь как отсылка к «самой» вещи, как одно из возможных названий-отсылок, с помощью которых можно отождествить вещь произведение. (Можно даже, напротив, думать что Гете, давая название своей драме, нарушил поэтику заглавия тем, что не дал ей самое простое и очевидное, не назвал ее по имени героя/героини — наподобие бесчисленных «Медей», «Федр», «Сидов» и «Ипполитов».)

Об этой проблеме имени следовало сказать особо потому, что собственные имена вообще, а в такой книге, как *ЗВД*, совершенно особенно, в значительной мере определяют «лицо» книги, ее облик, ее фактуру. В прозаической части *ЗВД* особенно собственные имена суть вводимые в текст — тексты особого свойства: в XVIII—начале XIX в. их особость чувствовали лучше, чем в более позднее время, — отсюда в большинстве изданий выделение разрядкой вообще всех имен собственных как заведомо отмеченных слов. Имена собственные на тесном и легко обозримом пространстве гетевских статей в *ЗВД* — это словно живые существа среди неживой природы, они населяют структурные ячейки целого, поэтически-прозаические «дома», встречаются друг с другом, находятся между собой в общении и сносятся друг с другом еще и за пределами своих ячеек — на всем просторе этого гетевского структурно воссоздаваемого разворачивающегося, как книга, и читаемого, как книга Востока.

И в самых, казалось бы, частных моментах проявляется вся необычность этого гетевского произведения — оно сводит, соединяет, примиряет и сдружижает культурные эпохи регионы («хронотопы»).

III

ЗВД был сдан в типографию (Фроманна в Иене) в феврале 1818 г. и после многих задержек был отпечатан к августу 1819 г.

Этому фиксированному состоянию *ЗВД* как текста и как книги предшествовали предварительные этапы, на которых *ЗВД* рассматривался поэтом как сложившийся, хотя и не заверченный состав.

Такие этапы зафиксированы в некоторых текстах, — обозначающих произведение как целое, дающих ему имя.

В дневнике за 14 декабря 1814 г. Гете записал:
[1] Немецкий диван.

Этому тексту соответствовала пронумерованная черными чернилами рукопись из листов с чистовыми автографами стихотворений, расположенных в хронологическом порядке их создания. Для этого собрания стихотворений на Рождество 1814 г. была написана, в качестве пролога, «Хеджра»; предполагается, что стихотворение «Доброй ночи!» («Прощайте!») написано спустя несколько дней после «Хеджры» как заключение целого. Таким образом, уже на этом раннем этапе форма будущего ЭВД существует как рамка, в основном еще только подлежащая заполнению; внутренняя организация пока резко отличается от ЭВД или, как таковая, отсутствует.

См.: *Solms W. Goethes «Deutscher Divan» von 1814 // Literaturwissenschaftliches Jb der Görres-Gesellschaft, 1974. N. F. Bd. 15. S. 39—80.*

Работа над «Диваном», однако, продолжалась, и к маю 1815 г. составила новая рукопись в 153 листа, пронумерованных красными чернилами, включающая в себя 100 стихотворений (в основном сохранились их автографы). Новые стихотворения вставлялись между листами прежнего состава, от которого сохранилось 36 листов (из 53). Стихотворения располагались уже не хронологически; однако их композиции не отвечало какое-либо внешнее членение (подобное книгам ЭВД).

Гете писал 16 мая издателю И. Ф. Котте:

«Я давно уже занимался в тиши восточной литературой и, чтобы глубже познакомиться с нею, сочинил многое в духе Востока. Мое намерение заключается в том, чтобы непринужденным образом соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее, персидское и немецкое, так, чтобы нравы и способы мыслить проникли друг друга. Прошлогодний подарок вашего благородия — перевод Хафиза — вновь возбудил меня, и у меня собрался уже довольно основательный томик, который, еще умноженный, мог бы в дальнейшем появиться под следующим заглавием:

[2] *Собрание* немецких стихотворений с постоянным соотношением с „Диваном“ персидского певца Магомеда Шемсэддина Хафиза.

Как невеста, Слово ждет,
Дух — его жених;
Брак их знает, кто поет,
О Хафиз, твой стих.

Кроме поименованного Хафиза я вообще уделил внимание восточной поэзии и литературе, начиная с Моаллаката и Корана и кончая Джами, даже и турецкие поэты не оставлены без внимания. Кроме того, я думаю о том, чтобы поставить каждому в своем роде, памятник самым выдающимся мужам из числа тех, кому столь многим обязана восточная литература в Европе, как покойным, так и ныне здравствующим, причем не забыты и путешествующие, благодаря чему возникает значительное многообразие. Я желал бы, чтобы этот немецкий диван оказался в руках многих, изданный карманным форматом, для чего есть, однако, время, потому что он еще должен вырасти, обогатившись многими сочленами < .>. Мой Диван в настоящее время состоит приблизительно из ста больших стихотворений по несколько строф и строк каждое и примерно из того же числа меньших — от восьми строк и короче. Все дело в удаче — как будет он расти».

Этому «Немецкому Дивану» на втором этапе отвечает написанный Гете следующий титульный лист, открывающий названную выше рукопись:

[3] (Р 1)

Собрание
немецких стихотворений
с постоянным соотношением
с Диваном
персидского певца
Магомеда Шемсэддина
Хафиза

Как невеста, Слово ждет,
Дух — его жених;
Брак их знает, кто поет,
О Хафиз, твой стих.

Примечания

Июнь Июль Август Сентябрь
Берка Веймар Висбаден Иена
1814

Январь Февраль Март Апрель Май Июнь
Веймар Франкфурт Висбаден Гейдельберг
1815

Предполагавшийся эпиграф к «Дивану» стал позднее
эпиграфом «Книги Хафиза» в ЭВД.

За титульным листом следовало посвящение:
[4] (Р 2)

Да будут почтены	
Глубокомысленное	Высоконравственная
Месневи	Пенд-наме
Мохамеда	Ферадэддина
Джелалэддина	
Руми	
Героическая	Благородное
Шах-наме	Техфат-ахра
Фирдуси	Джами

в большей же дали
древнейшие
Моаллакаты
пустынь
и их правоверные
предшественники
загем же
достойный изумления
Коран
Рая

Твердо направляя взор
на высококонравственные созвездия
Кабус и Огуз

С 28 по 30 мая 1815 г. Гете составил так называемый «Висбаденский перечень» стихотворений ЭВД (сохранился в автографе) согласно нумерации стихотворений в рукописи (см. Майер, 12); четыре стихотворения из этого перечня тогда еще не были написаны (лист за № 18 так и остался пустым).

- [5] (Р 3)   Немецкого дивана
                          равнообразные сочлены
1. Титул, эпитафия. [См. выше].
  2. Посвящение. [См. выше].
  3. Хеджра.
  4. Благогодатели. [=Талисманы]
  5. Талисманы, чмулеты, абраксасы и печати. [=Благоподатели]
  6. Четыре блага. [Все из «Книги Певца»]
  7. Талисманы и пр. [«Книга Изречений»]
  8. Жалоба.
  9. Фетва.
  10. Признание. [=«Немец благодарит»]
  11. Фетва. [Все из «Книги Хафиза»]
  12. Покровители, пособники, толковники. [«Книга Друзей»]
  13. Поэтический характер Хафиза. [=Беспредельный]
  14. Прозвище.
  15. Искусные рифмы. [=Вторение]
  16. Стихи. [Все из «Книги Певца»]
  17. Праотец. [=Сотворение и одухотворение; «Книга Певца»].
  18. [Р 67]
  19. Любовь и война. [=Разлад].
  20. Редкостный метеор. [=Феномен]
  21. Многоцветье. [=Любезное сердцу]
  22. Воспоминание. [=В настоящем — прошлое; все из «Книги Певца»]
  23. Кравчий. [=«Как все кругом, и я, бывало... (?)»]; «Книга Кравчего»].
  24. Изящно молящая. [=«Сердцу мил зовущий взгляд подруги...»; «Книга Размышлений»]
  25. Язык цветов. [=«Все стражники склонились» в «Статьях и примечаниях» (?)]
  26. Локоны и косы. [=Предостерегая; «Книга Любви»]
  27. Локоны [=Погружаясь]
  28. Любящие. [=Образцы; все из «Книги Любви»]
  29. Караваны. [=«Где ты набрал все это?»; «Книга Недовольства»]
  30. Адам и Ева. [=«К женщине снисходителен будь!...»; «Книга Размышлений»]
  31. Тюрбан. [=«Любимая! Венчай меня тюрбаном!...»; «Книга Зулейки»]

32. Твердая в вере жемчужина. [= «В пучину капля с вышины упала...»; «Книга Притчей»]
33. Строптивая жемчужина. [= «Покинув раковины мрак...»; «Книга Притчей»]
34. Коран и кубок. [= «О том, что Коран вечно был и есть...»; «Книга Кравчего»]
35. Павлинье перо. [= «Я был изумлен...»; «Книга Притчей»]
36. Неясное. [= «Скача мимо кузни на стыке дорог...»; «Книга Размышлений»]
37. Несокрытое. [= Признание; «Книга Певца»]
38. Кассиры. [= «У шаха было два кассира...»; «Книга Притчей»]
39. Самодовольство. [= «Велик иль мелок человек...»; «Книга Притчей»]
40. Совет. [= «Советов лиры не упусти...»; «Книга Размышлений»]
41. Власть и противники. [= «Власть, вы чувствуете сами...»]
42. Ход дел в мире. [= «Тем, кто нас к добру зовет...»; оба из «Книги Недовольства»]
43. Опьяненность. [= «Больше пейте, друзья, вина...»]
44. Обостренное чувство. [= «Непьющим по душе...»; оба из «Книги кравчего»]
45. Поэзия. [= Грубо, но дельно; «Книга Певца»]
46. Самомнение. [= «Где рифмач, не возомнивший...»]
47. Земляки. [= «Разве именем хранимо...»; оба из «Книги Недовольства»]
48. Руми. [= Джелалэддин Руми говорит]
49. Фирдоуси. [= Фирдоуси говорит; оба из «Книги Размышлений»]
50. Меджнун. [= «Если брать значенье слова...»]
51. Ремесло. [= «Разве старого рубаку...»; оба из «Книги Недовольства»]
52. Самопожертвование. [= Блаженное томление; «Книга Певца»]
53. Именованье любимой. [= «Что Зулейка в Юсуфа влюбилась...»]
54. Именованье поэта. [= «Если ты Зулейкой зовешься...»; оба из «Книги Зулейки»]
55. Хут-хут [= Привет; из «Книги Любви»]
56. Царские дары. [= «Немногого прошу я, вспомни...»]

57. Большой дар. [=«Мне и в мысли не входило...»;
оба из «Книги Зулейки»]
58. Розовое масло. [=Зулейке; «Книга Тимура»]
59. Евангелие. [=«Чтоб дать Евангелье векам...»;
«Книга Притчей»]
60. Божьи мысли. [=Добро вам; «Книга Притчей»]
61. Ночные привидения. [=Плохое утешение; «Книга
Любви»]
62. Абраксас. [Р 38]
63. Элюка. [=«Чего ты подчас начинаешь злиться...»;
«Книга Кравчего»]
64. Бюльбюль. [=«Бюльбюль пела, сев на ветку...»;
«Книга Притчей»]
65. Завет. [=Завет староперсидской веры; «Книга
Парса»]
66. Лоза. [=«Если люди, Солнцу рады...»; «Книга
Парса»]
67. Пыль. [=Жизнь во всем; «Книга Певца»]
68. Невозбранное. [=Неизбежное]
69. Любимица. [=Сокровенное]
70. Открытая тайна. [=Самое сокровенное; все из
«Книги Любви»]
71. Упрямство пророка. [=Пророк говорит; «Книга
Недовольства»]
72. Право господина и долг служения. [=«Хвалит нас
или ругает...»; «Книга Размышлений»]
73. Господин и госпожа. [=Величайшее благоволение;
«Книга Недовольства»]
74. Половой и кравчий. [=«Ты что мне тычешь вино,
грубиян...»; «Книга Кравчего»]
75. Ревниость кравчего. [=«Ну, проваливай, чернуш-
ка...»]
76. Кравчий любит. [=«Вот он, вот поэт великий!...»]
77. Похмелье. [=«Господин, ты в диком виде...»]
78. Гостинец и лебедь. [=«Нынче славно ел и пил
ты...»]
79. Запрещение винопития. [=«Кравчий! Пить еще я
буду...»; все из «Книги Кравчего»]
80. Покорность. [=«Не проси о том, что в мире...»]
81. Душевный покой странника [Оба из «Книги Недо-
вольства»]
82. Мистический язык. [=Откровенная тайна]
83. Опровержение. [=Намек: оба из «Книги Хафиза»]

84. Мороз и Тимур. [«Книга Тимура»]
85. Поэтические виды. [=Песнь и изваянье; «Книга Певца»]
86. Пять бесплодных вещей. [=Пять свойств]
87. Пять плодоносных вещей. [=И еще пять]
88. Игра в гусек. [=«Жизнь — это та же игра в гусек...»; все из «Книги Размышлений»]
89. Летняя ночь. [«Книга Кравчего»]
90. Счастье поэта. [=Дерзость; «Книга Певца»]
91. Приглашение. [«Книга Зулейки»]
92. Невеликое утешение. [=«Кто весел и добр и чей виден полет...»; «Книга Недовольства»]
93. Хороший день. [=«Прекрасен мир во всех его обмерах...»]
94. Всеприсутствующая. [=«В тысяче форм ты можешь притаиться...»; оба из «Книги Зулейки»]
95. Все в золоте. [=Тайному советнику фон Виллемеру; не вошло в ЗВД]
96. [=Праведные мужи; «Книга Рая»]
97. Четыре женщины [=Избранные жены]
98. Четверо животных. [=Удостоенные животные]
99. Семеро спящих.
100. Прощайте! [Все из «Книги Рая»]

См. исследования К. Бурдаха, изданные Э. Грумахом: *Burdach K. Zur Entstehungsgeschichte des WöDs. Drei Akademievorträge.* В., 1955, и введение Г. А. Майера: *Майер 2, 10—25.* В дополнение к названной книге Грумах поместил так называемый «Висбаденский диван» — в виде своеобразного эксперимента, так как можно реконструировать порядок текстов этой редакции, но не сам текст по его состоянию на конец мая 1815 г.

В октябре 1815 г., 6 числа, Гете отметил в дневнике: «Диван разделен на книги».

Это разделение приняло следующий вид:

- [6] I. Моганни-наме Книга Поэта.
- II. Хафиз-наме. Книга Хафиза.
- III. Книга Любви.
- IV. Книга Друзей.
- V. Книга Размышлений.
- VI. Книга Недовольства.
- VII. Тимур-наме. Книга Тимура.

- VIII. Книга Изречений.
IX. Книга Притчей.
X. Книга Зулейки.
XI. Саки-наме. Книга Кравчего.
XII. Книга Парса.
XIII. Книга Рая.

«Книга Любви» и «Книга Зулейки» первоначально были названы — «Книга Зулейки I» и «Книга Зулейки II».

В относящемся к февралю 1816 г. объявлении о выходе в свет *ЗВД* (см. в настоящей книге раздел «Из восточных бумаг» Гете) целому дается следующее заглавие:

- [7] Западно-восточный диван,
или Собрание немецких стихотворений,
постоянно соотносящихся с Востоком

Готовя некоторые стихотворения *ЗВД* для предварительной публикации, Гете дал им (июнь 1816 г.) такое заглавие:

- [8] Западно-восточный диван. Созван Гете. В 1814 и 1815 годах.

Слово «созван» (*versammelt*) соотнесено с «диваном», т. е. «собранием» (*Versammlung*; см. выше — [2], [3]).

Начиная с октября 1815 г. книги Дивана отдавались в переписку; составленный для типографии наборный экземпляр, за исключением четырех листов, не сохранился (он был использован также для венского издания 1819 г. и был уничтожен в Вене). В это время Гете работал над прозаической частью *ЗВД*, расширившей и видоизменившей, усложнившей форму целого. Поэтому в объявлении 1818 г. *ЗВД* именуется уже так (*ВА* 17, 518):

- [9] «Западно-восточный диван» Гете, с разъяснительными замечаниями.

Первое фиксированное состояние *ЗВД*, изданного в 1819 г. не означало завершенности целого и завершения работы над ним.

19 июля 1826 г. в приложении к «Morgenblatt...» было напечатано «Объявление о выходе Собрания сочинений Гете». Здесь в перечне содержания томов значится (ВА 17, 674):

[10] «Западно-восточный диван», в двенадцати книгах: Книга Певца, Хафиза, Размышлений, Недовольства, Изречений, Тимура, Зулейки, Кравчего, Парса, Притчей, Рая. (Сильно умножено, если не числом, то значением.) Примечания к лучшему разумению (остались без перемен).

Для второго издания ЗВД в С (1827) Гете продолжал расширять его состав. Лишь с этим, вторым изданием работа над ЗВД была прекращена. Однако как целое, как форма ЗВД был уже осмыслен и зафиксирован.

IV

Еще до выхода в свет ЗВД Гете опубликовал некоторые стихотворения отсюда, причем такие предварительные публикации диктовались желанием узнать реакцию публики; другие же публикации осуществились как бы «сами собою».

Предварительные публикации — следующие (см.: Hagen W. Die Drucke von Goethes Werken. 2. Aufl. В., 1983):

I. В «Morgenblatt für gebildete Stände». Tübingen, 1816. № 71 (22 марта): 1) Четыре блага (I/5); 2) Дума о воле (I/3) — стихотворение напечатано здесь без заглавия, в качестве шестой и седьмой строфы предыдущего («Книга Певца»); 3) в качестве эпиграфа к этому номеру газеты — «Как буря, страсть в безумстве яром...» (VI/53 — четвертое от конца стихотворение «Книги Изречений»).

II. В «Taschenbuch für Damen auf das Jahr 1817». Tübingen (альманах вышел в свет в 1816 г.). Здесь (с. I—XVI): «Западно-восточный диван. Созван Гете. В 1814 и 1815 годах». Состав: 1) Хеджра (I/1); 2) Четыре блага (I/5); 3) Три вопроса = Признание (I/6); 4) Феномен (I/9 — из «Книги Певца»); 5) Хафиз = Беспредельный (II/6); 6) Прозвище (II/1 — из «Книги Хафиза»); 7) Изречения на память = «Утештесь, люди...» (VI/50); «Иным спасибо не сказав...» (VI/51); «Веленью чести будь покорен...» (VI/52);

«Как буря, страсть в безумстве яром...» (VI/53— из «Книги Изречений»; 8) Образцы любви = Образцы (III/1); 9) Участие = Неизбежное (III/13 — первые семь стихов); 10) Счастливая тайна = Сокровенное (III/14; «Книга Любви»); 11) Завершение = Блаженное томление (I/17; «Книга Певца»).

III. В «Gaben der Milde. Zweites Bändchen». В., 1817. Альманах («Дары милосердия») изданий Ф. В. Губицем для лотереи в пользу воинов-инвалидов. Здесь напечатано «Блаженство дарения» = «Сердцу мил зовущий взгляд подруги» (IV/4) + «То, что Пенд-наме гласит...» (IV/5 — в ином варианте; «Книга Размышлений»).

IV Die Liedertafel. В., 1818. Сборник текстов песен, издававшийся директором Певческой академии в Берлине К. Ф. Цельтера для концертов руководимого им мужского хора. Включал (с первого издания 1811 г.) и другие тексты Гете. Здесь: 1) Первый человек = Сотворение и одухотворение (I/8); 2) Материал для песен = Стихии (I/7; «Книга Певца»); 3) Рассудок и справедливость = «Неспьющим по душе...» (IX/7; «Книга Кравчего»); 4) Решение = Дерзость (I/14); 5) Песнь и изваянье (I/13); 6) Блаженное томление (I/17; «Книга Певца»).

Все эти произведения исполнялись с музыкой К. Ф. Цельтера, которую Гете высоко ценил. Еще в 1814 г. Цельтер получил от Гете несколько стихотворений ЗВД (в беловом автографе).

Представления Гете о типографском виде ЗВД в эту пору первых, предварительных публикаций поэтических текстов «Дивана» еще существенно различались с тем, как решен был внешний облик ЗВД в целом позднее; впрочем, уже в «Карманной книге для дам на 1817 год» (см. выше, № II) тексты ЗВД были знаменательным образом представлены издателем как нечто целое, поскольку они оказались на необычном для конструкции альманахов и тем более почетном месте: обыкновенно альманахи начинались (после титула) с гравюр (на определенную тему, сюжет) и пояснений к ним, после чего следовал основной корпус альманаха с обычной арабской пагинацией, — подборка же из ЗВД в изданном Коттсёй альманахе оказалась как раз между гравюрами и основным корпусом, будучи напечатанной

на особых 16 страницах с римской пагинацией. Тем самым тексты Гете были выделены по отношению к другим авторам альманаха и отчасти предстали как книжка в книжке. Различие же в представлениях Гете относительно того, как следует подавать тексты ЭВД, состояло в том, что пока Гете считал нужным иллюстрировать их. Два тюрбана, гравированные художником Л. Хессом по заказу Гете (см. письмо Гете И. Ф. Котте от 26 февраля 1816 г., запись в дневнике от 8 марта 1816 г.), нашли место — один в заглавии публикации, другой в самом конце, причем Гете поневоле удовлетворился тем, что сумел исполнить гравер в короткий срок, и хотел бы большего числа таких клише, или штемпелей, как называет он их (см. письмо Котте от 26 июля 1816 г.). В более позднем письме Ф. В. Губицу (от 10 декабря 1816 г.) мы едва ли не застаем Гете в тот самый момент, когда он, размышляя о множестве виньеток-иллюстраций к ЭВД, начинает сомневаться в оправданности такого решения книги. Гете писал Губицу: «В настоящее время меня занимает мысль об издании моего „Западно-восточного дивана“. Для этой цели в высшей степени желательны маленькие типографские клише. Западный обычай украшать стихотворения картинками — для дополнения и для наглядности их содержания — можно было бы приятно соединить с восточным обычаем, вполне безобразным. Так, например, вместо звездочки произвела бы значительное и приятное впечатление винетка — вроде прилагаемой. Быть может, Вы сразу же воспользуетесь этим милым рисунком и придадите подлинное значение стихотворению своею искусной рукой». В постскриптуме к этому письму (связанному с публикацией в «Дарах милосердия» — см. выше № III) Гете, однако, сообщает: «Рисунок не поспел вовремя, и вообще мне пришла иная мысль касательно украшений». Сохранившийся черновик этого самого письма, напротив, изобилует всякими изобразительными мотивами; тут и эмблемы — рука богача, вся в кольцах, виден кончик богато расшитого рукава; из нее в руку полуголого бедняка падает монета; тут и самые разные предметы: «В календаре для дам я сделал пробу — два тюрбана. А теперь можно было бы поместить: оружие, имперские оегалли, товары, хрустальные сосуды, розы, соловьев,

драгоценные цепочки, кольца, нити жемчуга, зеркала и т. д. Потом самые знаменитые их плоды — дыни, виноград, из цветов нельзя забыть лилии; все это тем проще, что в описаниях путешествий мы находим как точные описания таких предметов, так даже и гравированные их изображения». Увлечение иллюстративным материалом именно тогда, в декабре 1816 г., видимо, и пошло у Гете на спад, это и привело к совершенно иному, оригинальному решению.

V. Для поэтического характера *ЗВД* показательна способность текстов сливаться и делиться — это высокопоэтическое, но сугубо специфическое создание стихов, при котором строфа составляет отдельную ячейку, строительную единицу текста, может выступать в различных сочетаниях и более или менее изолируется от соседних стрóf. В первой редакции романа «Годы странствия Вильгельма Мейстера» (1821), на страницах без пагинации перед титульным листом и между титульным листом и прозаическим текстом романа Гете помещает несколько стихотворных текстов (всего 11; они выполняют своеобразную функцию поэтической обложки — оправы целого, как Гете делал это и в журнале «Об искусстве и древности»), из которых тексты 5—10 взяты из *ЗВД* («Книга Изречений»): 1) «Мой каждый час отравила тревога...» (VI/6); 2) «Рок, испытаю, знает почему...» (VI/7); 3) «Энверн говорит, из мудрецов мудрец...» (VI/14); 4) «Необозримое наследье мне дано...» (VI/12); 5) «Покуда день, спеши, дерзай, твори...» (VI/8). Гете, включая эти свои поэтические изречения в совершенно новую связь, расположил их симметрично (как поступал и в *ЗВД*): первое стихотворение в 12 строк занимает отдельную страницу, уравновешивая остальные четыре (16 строк). Впервые эту структурную особенность романа Гете (введение в особую функции стихотворений и их характерное расположение) воспроизвел в своем сводном издании двух редакций романа Э. Бар; см.: *Goethe. Wilhelm Meisters Wanderjahre* / Hrsg. von E. Bahr. Stuttgart, 1982.

V

Существует немало хороших немецких комментированных изданий *ЗВД*. Комментатор настоящего издания имел возможность воспользоваться большинством их,

прежде всего комментариями Э. Труица (НА 2), комментарием в ВА 3 и текстологическим комментарием Майера. Задачи комментария к русскому переводу произведения отличаются от задач немецкого комментария, который имеет дело с оригинальным авторским и, следовательно, буквально точным текстом поэта. Часть задач немецких комментаторов принимает на себя поэт-переводчик. Автор настоящего комментария, пользуясь основной частью немецких комментариев, постепенно и постоянно уточняющейся, и воспроизводя ее, старался при всей краткости текста внести в него некоторые особые акценты и мотивы.

Ниже, в примечаниях, дата первого издания какого-либо стихотворения оговаривается лишь в том случае, если стихотворение не входило в первое издание ЗВД в 1819 г.

ДВЕНАДЦАТЬ КНИГ

«МОГАННИ-НАМЕ». «КНИГА ПЕВЦА» (с. 5)

«Двадцать лет, как вдох и выдох...» (с. 5) — Эпиграф к книге. По Майеру, написан до 6 октября 1815 г., по К. Моммзен — в декабре 1816 г.

Двадцать лет... — Комментаторов затрудняет число этих лет: какой период своей жизни имел в виду Гете? Согласно весьма вероятному предположению К. Моммзен Гете говорит не о себе (о себе лишь в символическом плане) и имеет в виду сказку 91-й ночи из сборника «Тысяча и одна ночь», где говорится о 20 счастливых годах; из «Магомеда» И. Г. Эльснера (1810) Гете весной 1815 г. выписал арабскую поговорку: «Прекрасно, как время Бармскидов» (Mommssen K. Goethe und 1001 Nacht. Frankfurt a. M., 1981. S. 113, 111).

³ *Бармекиды* — Бармекиды, или Бармакиды, — персидский род, блиставший в VIII в. и истребленный Гарун аль-Рашидом. См. ниже статью «Более древние персы». Из рода Бармекидов «произошли первые персидские министры халифата»; «в исторической традиции они

всегда изображаются как благочестивые и набожные мусульмане, их восхваляют также за их паломничества и постройки; с другой стороны, их противники упрекали их в равнодушии к исламу и его доктринам»; «падение Бармекидов должно было связываться с возвращением к традициям истинного ислама» (Бартольд В. В. Соч. М., 1966. Т. 6. С. 669, 673—674). «При халифе аль-Мансуре (754—775) почти половина наместников состояла из лиц тюркского и иранского происхождения, а члены иранской аристократической семьи Бармекидов, крупных землевладельцев из Балха, предки которых были главными жрецами буддийского храма, несколько десятилетий удерживали пост везиров в Багдаде» (Фильштинский И. М. История арабской литературы: V—начало X века. М., 1985. С. 263). Род Бармекидов стал известен в Европе в первую очередь благодаря сказкам «Тысячи и одной ночи» (см.: *Motzsen K.* Op. cit. S. 100). См. о Бармекидах в этих сказках: Герхардт М. Искусство повествования: Литературное исследование «1001 ночи». М., 1984. С. 404—407.

Хеджра (с. 5). — Датировано: «24 декабря 1814 г.» Пролог *ЗВД*, намечающий темы и даже общий план *ЗВД*.

¹ *Хеджра*, или *хиджра*, — переселение Мухаммада с его ближайшими сподвижниками в Иатреб (Медину) в 622 г. или даже бегство их от преследователей. День переселения — 16 июля 622 г. — считается первым днем мусульманского летосчисления.

Благоподатели (с. 6). — Стихотворение (его заглавие можно передать также как «Залоги благодати» или, проще, как «Залоги успеха») написано 1 января 1815 г. В статье Й. Хаммера о «Талисманах мусульман» (1814) Гете читал: «Сегодня различие между талисманами и амулетами состоит в том, что у первых надпись выполняется на камне, у вторых начертана на бумаге, что первые по преимуществу носят женщины (...), вторые — мужчины (...).» (*Майер* 81—82).

²⁴ *Абракс* — абраксас; в гностицизме абраксас или абрасакс — магическое слово с числовым значением 365; магические талисманы с этим словом и изображением фигур с змеиными и петушиными частями тел. *Абраксас*, нарисованный Гете между 1809 и 1815 гг.

(см. с. 569); его описание см.: *Femmel G.* Die Gemmen aus Goethes Sammlung. Leipzig, 1977. S. 50—51. См.: *Leisegang H.* Die Gnosis. Leipzig, 1938; *Dieterich A.* Abraxas: Studien zur Religionsgeschichte des späteren Hellenismus. Leipzig; В., 1891 (Aalen, 1972).

Дума о воле (с. 8). — Два изречения. В предварительной публикации (1816; см. раздел V комментария) — продолжение стихотворения «Талисманы».

Талисманы (с. 8). — Это стихотворение, как и предыдущее, по одной формальной особенности стоит особняком во всем ЗВД, будучи образовано из нескольких отдельных изречений-талисманов. Первое четверостишие — на основе 2-й суры Корана; эпиграф «Сокровищница» Й. Хаммера гласил: «Богов — Восток, и Богов — Запад; кого хочет, он ведет правую стезю». Последние шесть стихов — по предисловию Саади к его «Саду Роз» в переводе Адама Олеария: «...» в дыхании два блага, и за каждое должно благодарить от души «...». В 1782 г. это самое место из Саади переложил стихами И. Г. Гердер. Ср. Пс. 88, 12—13.

Четыре блага (с. 9). — Датировано: «6 февраля 1815 г.» По «Путешествию в Персию» Жана Шардена.

Признание (с. 10). — Датировано: «Франкфурт, 27 мая 1815 г.»

Стихи (с. 10). — Датировано: «Веймар 22 1814 г.»

Сотворение и одухотворение (с. 11). — Датировано: «Берка-на-Ильме, 21 июня 1814 г.» Согласно Майеру, текст стихотворения — вторая редакция, созданная после 10 ноября 1814 г., а вероятнее всего — в конце мая 1815 г., когда Гете стал употреблять форму «Хафиз». Считалось самым первым стихотворением Гете на темы Хафиза; см., однако, ниже прим. к стихотворению «Погружаясь» (III/6). Написано по переводу Хафиза («бука Дал, 18 газель»).

⁵ *Элохим* — одно из обозначений бога в Ветхом Завете; так называемое «множественное величия».

¹³ *Хлебнул облом.* — В прим. Й. Хаммера говорится: «Пить означает не что иное, как выбравивать тесто из праха, из какого был вылеплен Адам; без этого брожения человек остался бы невыкисшим куском».

Феномен (с. 12). — Датировано: «25 июля 1814 г.»; написано в первый день поездки на Рейн.

Любезное сердцу (с. 12). — Датировано: «25 июля 1814 г.» В тот же день написано стихотворение «Через Эрфурт проезжая...» (см. «Стихотворения круга ЭВД»; Р 9).

¹² *Шираз* — родина Хафиза, столица Персии.

Разлад (с. 13). — Датировано: «26 июля 1814 г.» Написано между Эйзенахом и Фульдой. Источник: Хафиз, «буква Шин, 13-я газель».

В настоящем — прошлое (с. 14). — Датировано: «Фульда, 26 июля 1814 г. В 6 часов вечера».

Песнь и изваянье (с. 14). — После 30 мая 1815 г. Перед Гете встают две возможности творчества — пластическая лепка формы в классическом духе искусства и то формование бесформенного, к сфере которого он прикоснулся, отправляясь в поэтическое путешествие на Восток.

Дерзость (с. 15). — Датировано: «Веймар, 23 декабря 1814 г.» «Дерзость» означает у Гете уверенность, твердость в постановке цели, стойкость, надежду.

Грубо, но дельно (с. 16). — Датировано: «26 июля 1814 г.»

¹⁸ *Скромно слушай мудреца...* — Уже первый комментатор ЭВД К. Вурм (1834) распознал, что Гете подразумевает Кейкаууса (Кайкаууса), автора «Книги Кабуса» (см. прим. к статье «Фон Диц»).

²¹ ... монах без клобука! — В других случаях Гете говорит о «поповской вкусовщине» и т. п., метя в романтически настроенных современников.

Жизнь во всем (с. 17). — Датировано: «29 июля 1814 г. В дороге, ночью». В дневнике Гете записано: «Громоздятся грозовые тучи. В 6 часов из Франкфурта, дождит. В 11 в Висбадене».

Блаженное томление (с. 18). — Датировано: «Висбаден, 31 июля 1814 г.» В беловом автографе надписано: «Книга Сад, газель 1». № 25 «Висбадеиского перечня». Одно из самых величественных стихотворений в составе ЭВД.

Сложность и многообразие содержания этого «самого трудного из лирических стихотворений Гете» (К. Бурдах) вызвали множество интерпретаций; см., напр.: *Schaeder H. H.* 1) *Die persische Vorlage von Goethes «Seliger Schnsucht» // Festschrift für E. Spranger. Leipzig, 1942. S. 93—102;* 2) *Goethes Erlebnis des Ostens. Leip-*

zig, 1938. S. 84—89; Korff H. A. Goethes im Blickwandel seiner Lyrik. Leipzig, 1958. Bd. II. S. 129—134; Rang F. C. Goethes «Selige Sehnsucht» (1922/23) // Interpretationen zum WöD Goethes. Darmstadt, 1973. S. 1—38; Schneider W. Goethe: «Selige Sehnsucht» (1952/54) // Ibid. S. 72—83; Rösch E. Goethes «Selige Sehnsucht» — eine tragische Bewegung (1970) // Ibid. S. 228—249.

Образ сгорающего в пламени мотылька принадлежит к языку традиционной культуры; см. Хенкель-Шене 910, как и образ свечи (Хенкель-Шене 1362—1369, 1372—1378); оба заключают в себе многогранную полноту жизненного опыта. Несмотря на сложность стихотворения, вместившего в себя целое мировоззрение Гете, его общий смысл ясен: «Самопожертвование» [точнее — «Завершение», т. е. «завершение» личности в жертвенной смерти-превращении; первоначальное название «Блаженного томления»] означает для него земное превращение, через которое должен пройти всякий человек, чтобы не погибнуть вместе с устаревшим, а обновиться в жизни для будущего. Это — любовь самоисчезновения в любимом деле, идее. В этой метаморфозе превращения, в этой «химии любви» и состоят, по мнению Гете, тайна и смысл жизни. «„Блаженное томление“ „живого“ по огненной смерти и есть „томление“ по новому становлению, возрождению личности из жертвенного огня, совершенствованию его формы посредством постоянного превращения» (Кессель Л. М. Гете и «Западно-восточный диван». М., 1973. С. 65; см. также с. 66—67). Коль скоро стихотворение не излагает, однако, гетевское мировоззрение как нечто готовое, замершее, тезисное, в нем есть своя конкретная логика, которая, конечно, яснее прочитывается в оригинальном тексте: «ты» в первых строфах — это и бабочка, мотылек, это и всякий человек, уподобляемый летящему на свет мотыльку в своем стремлении к познанию и к истинности бытия. Но познание — духовно, а это духовное как ограниченный смертью-превращением мир есть сама бескрайность мира, обретаемая повсюду и именно как диалектическое превращение-обновление. Для постижения этого духовного необходим выход изнутри себя, экстаз, исступление, и этот экстаз выводит человека из границ его физического бытия. Это послед-

нее, бытие в границах тела, уже перестает удовлетворять человека; телесная жизнь тоже знает свой экстаз в плотском общении полов, в единении тел, — но жар этого общения оборачивается «прохладой любовных ночей» (ст. 5) поскольку, удовлетворяя свое плотское желание, человек лишь больше чувствует свою неудовлетворенность телесным, плотским вообще, он начинает ощущать чудесное «веяние чужины» (ст. 7) при свете свечи — тоже символа личного существования человека. Не удовлетворенный плотским бытием, человек — как все-человек, не мужчина и не женщина в своей обособленности, но человек — оказывается в сфере бескрайней открывающейся духу действительности, он касается самого края доступного ему бытия, сгорает и вновь возрождается, он чувствует в себе порыв «исчезнуть в безграничном» («Завет», 1829); этот последний мотив мысли наличен и в «Блаженном томлении»; не случайно этому стихотворению предшествует «Жизнь во всем» (All-Leben), т. е. во всем бытии как единой жизни, как едином смысле. В целом «Блаженное томление» — это стихотворение не о существовании человека, каково оно всегда и везде, — это стихотворение о величайшем порыве, в котором человек отрицает свое тело и утверждает дух и в котором человек на мгновение оказывается у самых оснований бытия. Гете достигает здесь смысловой и поэтической кульминации всей «Книги Певца». И языковое мастерство Гете достигает здесь вершины и полной свободы.

Ф. Штрих писал о «Блаженном томлении»: «Стихотворение Хафиза исполнено духа той восточной мистики, которая, принося в жертву свое „я“, стремится к его абсолютному растворению и исчезновению в едином и бесконечном Гете же в своем стихотворении возвращает назад на землю этот дух Востока, жаждущий потеряться по ту сторону пространства и времени, и „самопожертвование“ (так именовалось поначалу это стихотворение) означает для Гете земное превращение, неизбежное для любого живого существа, если оно хочет жить, если оно стремится обновить свое бытие. Такова гетевская идея метаморфозы, в которой состоит для него тайна жизни. Правда в „Западно восточном диване“ Гете противопоставил сохранению личности не берегущую

себя щедрость любви. Однако блаженное томление всего живого по смерти в пламени и есть ведь не что иное, как томление по вечно новому становлению, когда личность обновленной выходит из огня и, благодаря вечности изменения, форма бытия длится непрерывно, вечно» (*Strich F. Goethe und die Weltliteratur*. 2. Aufl. Bern, 1957. S. 168).

Последнюю строфу стихогворения на протяжении долгого времени воспринимали как дописанную позднее (так еще Г. А. Корф в 1949 г.). Хотя, по-видимому, фактически это не верно, такое предположение объяснимо, поскольку, как уже говорилось, в поздней лирике Гете каждая строфа стремится замкнуться в себе в смысловом и интонационном отношении, как отдельная ячейка, как западно-восточный стих-«домик» (ср. в разделе «Из восточных бумаг Гете» комм. к тексту «Запись о новозаветных легендах»). Зато после «Блаженного томления» у Гете следует, в завершение всей «Книги Певца», спокойное, более нейтральное по тону четверостишие, заставляющее вспомнить о «Дон Жуане» Моцарта, где после драматической, трагикомической гибели героя следует излучающий спокойную красоту секстет. Сходство не случайно; оно коренится в общих чертах эстетики Гете и Моцарта. Нечто подобное можно наблюдать в завершениях некоторых других книг *ЗВД*. «И тростник творит добро...» (с. 19). — Точное время создания неизвестно.

«ХАФИЗ-НАМЕ». «КНИГА ХАФИЗА» (с. 20)

Хафиз — самый близкий Гете поэт Востока. Замысел *ЗВД* немислим без него; по мере расширения замысла *ЗВД* Хафиз как тема источник и мотив уступает свое центральное положение общей совокупности развившихся тем, мировоззренческой тотальности *ЗВД*.

«Хафиз» в Персии — человек, выучивший Коран наизусть, чтобы публично читать его. См.: Брагинский И. С. Очерк о Хафизе. его эпохе и творчестве // Он же. Из истории персидской и таджикской литератур: Избр. работы. М., 1972 С. 327—412. См. также: Solbrig I. H. Entstehung und Drucklegung der Hafis-Übersetzung Joseph von Hammer: Goethes Hauptquelle zum *WöD* // *Studi germanici*, 1972. V. 10. P. 393—403;

Kommerell M. Gedanken über Gedichte. 3. Aufl. Frankfurt a. M., 1956. S. 252—258.

«Как невеста. Слово ждет. . .» (с. 20). — Эти стихи были задуманы как эпиграф ко всему *ЗВД*. Написано до мая 1815 г.

Прозвище (с. 20). — Датировано: «26 июня 1814 г.»

²³ . . . на плате *Вероники*. . . — На нем отпечателся лик Христа. В статье «Искусство и древность на Рейне и Майне» (1816) Гете описал картину кельнского художника XV в., ивображающую плат св. Вероники, и воспроизвел его в гравюре (*ВА* 15, 605—606). В «Поэзии и правде» (кн. 15) Гете передает рассказ о св. Веронике: «Когда Иисуса вели на смерть мимо мастерской сапожника, тут именно и разыгралась известная сцена, когда страждущий под тяжестью креста изнемог и Симона Киринейнина заставляют нести крест дальше [Марк., 15, 21]. Тут выходит Агасфер — как все черствые люди, которые, видя, что кто-либо несчастен по своей вине, не чувствуют сострадания и, более того, следуя неуместному чувству справедливости, множат беду попреками. — этот Агасфер выходит и повторяет прежние свои предостережения, но только теперь в форме резких обвинений, в чем его будто бы оправдывает симпатия к страдальцу. Тот ничего не отвечает, но в этот самый миг св. Вероника покрывает лицо Спасителя платом, а когда снимает его и держит обеими руками, поднимая вверх, то Агасфер видит на нем лик Господень, но не страдальческий, как сейчас, а просветленный в славе и излучающий небесную жизнь. Слепленный видением, он отводит глаза < . . . » (*ВА* 13, 684—685).

Жалоба (с. 21). — Датировано: «10 марта 1815 г.»

²² *Мирза* — здесь как имя поэта вообще.

Фетва (с. 22). — Датировано: «Берка. Июль — Иена. Декабрь, 1814 г.» Первоначально называлось «Персидская фетва».

Фетва — решение церковных авторитетов в делах веры и права.

¹² *Эбусул* — знаменитый муфти в Стамбуле (XVI в.), который вынес следующую фетву относительно стихотворений Хафиза: «Стихи Хафиза содержат немало очевидных и неопровержимых истин, но иногда встречаются мелочи, лежащие за пределами Закона.

Самое верное — строго отличать одни от других, не принимать змеиный яд вместо териака, предаваться лишь сладострастию добрых дел и хранить себя от тех, которые влекут за собою вечные муки. Это написал бедный Эбусууд, да простит ему грехи Господы!» (по тексту у Хаммера).

Немец благодарит (с. 22). — Написано 18 декабря 1814 г. в Иене (дневник). Ответ на фетву Эбусууда. *Фетва* (с. 23). — Написано между 25 января и 8 февраля 1815 г. Источник — выписанный Кнебелем для Гете отрывок из книги Тодерини «Литература турок» в немецком переводе 1790 г. Отрывок заключал в себе следующую фетву: кто будет думать и говорить, как поэт Мизри, будет сожжен, но для него самого делается исключение, так как над человеком, одержимым энтузиазмом, не может быть произнесена фетва.

Беспредельный (с. 23). — Может быть, написано 10 ноября 1814 г., в любом случае до 30 мая 1815 г. Самое вдохновенное стихотворение Гете о Хафизе.

Вторение (с. 24). — Написано 7 декабря 1814 г. Иене (дневник). В форме газели.

Открытая тайна (с. 25). — Датировано: «Иена, 10 декабря 1814 г.» Заглавие стихотворения — повторяющаяся у Гете формула, выражающая основной принцип его мировоззрения: сущность вещей, природы, бытия очевидна, является нам полностью, а при этом остается тайной. См.: *Trunz E. Goethes Gedicht an Hafis «Offenbar Geheimnis» // Festschrift für Herbert von Einem. B., 1965. S. 252—265. Auch in: Studien zu Goethes Alterswerken. Frankfurt a. M., 1971. S. 229—250; Mehra M. Goethes Altersformel «Offenbares Geheimnis» // Zeitschrift für Deutsche Philologie. 1979. Bd. 98. S. 177—201; Eadem. Die Bedeutung der Formel «Offenbares Geheimnis» in Goethes Spätwerk. Stuttgart, 1982; Михайлов А. В. Гете и отражения античности в немецкой культуре на рубеже XVIII—XIX веков // Контекст 1983. М., 1984. С. 113—148, особенно с. 128—139.*

В стихотворении Гете противопоставляет два вида мистицизма — надуманный, ложный, и чистый, отвечающий идеям «Блаженного томления» (см. выше). Мистика для Гете — это вечная явленность тайны бытия, гармонического соответствия человека и творения, видения и бытия, глаза и Солнца.

Мистическая традиция была с юности усвоена Гете, причем в связи с его занятиями алхимией; впоследствии (как это ни может показаться странным) мистическое, если Гете оценивает его положительно, всегда сопряжено для него с практикой, с делом, является крайней степенью погруженности в свою задачу, свое дело — по самой сути превышающее личность с ее границами, дело «надличное». Именно поэтому восточную мистику (которую Гете воспринимает как практическую, жизненную) он противопоставляет «бесплодной» западной. Именно поэтому Гете никак не мог (как предполагают некоторые исследователи) отрицать «мистическое» у Хафиза (что многими принимается за совершенно неотъемлемый и непреходящий момент его мысли и поэзии). В 1826 г. Гете писал: «Любая мистика трансцендирует, освобождается от какого-либо предмета, который, как полагают, превзошла. Чем выше и значительнее такой предмет, тем многообразнее производимое мистикой» («Максимы и рефлексии», № 336); «Восточная мистическая поэзия обладает значительным преимуществом благодаря тому, что все богатства мира, какие посвященный отвергает, по-прежнему остаются в его распоряжении. Итак, он продолжает пребывать в той полноте, какую отринул, и наслаждается всем тем, от чего мечтает отрешиться» (№ 337); «Христианских мистиков вообще не должно было бы быть, потому что сама религия являет мистерии. Кроме того, христианские мистики тотчас же погружаются в туманное, в бездну субъекта» (№ 338); «Человек острого ума сказал: мистика новейших времен — это диалектика сердца и порою оттого столь поразительна и полна соблазнов, что говорит о вещах, до каких человек на обычных путях рассудка, разума, религии никогда не дошел бы. Кто считает себя достаточно крепким и сильным, чтобы изучать подобное без потери сознания, тот пусть сойдет в эту пещеру Трофония, впрочем на свой собственный страх и риск» (№ 339); «Мистицизм есть схоластика сердца, диалектика души» (№ 369).

Намек (с. 26). — Написано до 30 мая 1815 г. Стихотворение о гетевском понимании слова, лишенного самоценности, лишь указывающего на бытие в его «очевидной тайне», отсылающего к самим вещам, предметам, реальности любого рода и именно этим ценного «Сло-

во — как веер», оно просвечивает — сквозь него светит сам смысл в своей полноте. См.: *Bergenthal F.* «Das Wort ist ein Fächer» und Goethes Sprachauffassung im *WöD // Literaturwissenschaftliches Jb der Görres-Gesellschaft*, 1964. N. F. Bd. 5. S. 335—344.

Хафизу (с. 26). — Датировано: «Карлсбад, 11 сентября 1818 г.» Повторено в статье «Будущий диван».

«ЭШК-НАМЕ». «КНИГА ЛЮБВИ» (с. 29)

«Открой. . .» (с. 29). — Эпиграф, впервые в С. *Образцы* (с. 29). — Написано до 30 мая 1815 г. Перечисляет знаменитые любовные пары Востока:

1) Рустам и Рудоба — из «Шах-наме» Фирдоуси, только Гете заместил героя по имени Сал его сыном Рустамом;

2) Юсуф и Зулейха (Зулейка) — библейский Иосиф Прекрасный и не называемая там по имени жена царедворца Потифара (Быт. 39, 7—19) в легендарной переработке Востока;

3) Ширин и Ферхад — история о любви скульптора Ферхада и армянской христианки Ширин при дворе Хосрова II;

4) Меджнун и Лейла — см. эпическую поэму Низами и поэму Джами. Меджнун, или Маджнун (в арабской культуре), — полулегендарный, и, возможно, все же реально существовавший поэт Кайс ибн ал-Мулаувах (Маджнун значит «обезумевший от любви»), творчество которого растворено в клишированной бедуинской любовной поэзии VII—VIII вв., где воспевалась целомудренная любовь отторгнутых друг от друга влюбленных (см.: *Фильштинский И. М.* История арабской литературы: V—начало X века. М., 1985. С. 220—225);

5) Джемилль и Ботейна, или Джамилль и Бусайна в арабской поэзии; Джамилль ибн Абдаллах ибн Мамар (ок. 660—ок. 701) — наиболее реальная фигура среди бедуинских лириков (см.: *Фильштинский И. М.* Указ. соч. С. 226—230);

6) Соломон и царица Савская, о любви которых на Востоке создан был целый роман; Хут-хут, удод, служит им посланцем.

И еще чего (с. 29). — Стихотворение написано в 1818 г. В первом издании — только в статье «Будущий диван»;

в С — в «Книге Любви». Любовная пара домусульманской персидской поэзии. О персидском или турецком произведении «Вамек и Азра» Гете тщетно спрашивал востоковедов Дица и Козегартена.

Книга для чтения (с. 30). — Датировано: «12 января 1816 г.» Источник — «Достопамятности Азии» Дица, т. 2 (1815); перевод религиозного аллегорического стихотворения, которое Гете сильно переосмыслил. В тексте Гете ошибочно — Низами вместо турецкого поэта Низжани. В переводе Дица говорится: «Начав изучение искусства любви, я со вниманием читал во многих главах наполненную текстами страдания и разделами расставаний книгу. В ней сжаты главы встреч, а объяснения печалей растянуты без меры и предела. О Низжани! В конце тебя на правый путь наставил Мастер любви. На неразрешимые вопросы лишь Любимый отвечает» (Майер).

«Были зубы, взор — она влекла...» (с. 30). — Датировано: «21 июля» (вероятно — 1818 г.). Включено в С. Предостерегая (с. 31). — До 30 мая 1815 г.

Погружаясь (с. 31). — До 30 мая 1815 г. Это № 27 «Висбаденского перечня»: «Локоны». Г.-Й. Вейтц высказал предположение, что это стихотворение — первое из написанных для ЭВД и что оно было создано 19 мая 1814 г. в Берке (запись в дневнике: «Локоны»; имя Хафиза в дневнике впервые 7 июня тоже в Берке) — на следующий день после того, как экземпляр Хафиза был подарен Гете издателем И. Ф. Коттой перед отъездом Гете на воды в Берку (вероятно, 18 мая 1814 г.). См.: Weitz H.-J. Das früheste Gedicht im *WöD // Jb der Sammlung Kippenberg*. Frankfurt a. M., 1974. N. F. Bd. 3. S. 158—189, bes. S. 166.

Рискуя (с. 32). — Написано 30 сентября 1815 г. в Мангейме и посвящено пятнадцатилетней Бетти Стрик ван Линдсхотен, кольцо которой послужило поводом к созданию стихотворения. В дневнике Гете: «К фон Стрикам, у них обедал <...> «Смарагды».

«Ах, голубка, в книге тесной. (с. 32). — Включено в С. Датировка сомнительна: по ВА — после 1819 г.; по Трунцу — 1819 г. (стихотворение, вероятно, послано Марианне фон Виллемер вместе с изданием ЭВД); в рукописи две даты — 1815 и 1819.

Плохое утешение (с. 33). — Датировано: «24 мая 1815 г.»

Довольствуясь малым (с. 33). — Набросок на листе с карандашными записями 1815 г. (во время поездки на Рейн). 27 мая 1815 г.? (*Майер*).

Привет (с. 34). — Датировано: «Франкфурт, 27 мая 1815 г.» Накануне Гете прибыл во Франкфурт.

³ *Хут-хут* — удод, легендарный письмоноша царя Соломона и царицы Савской.

Смирение (с. 34). — Датировано: «Франкфурт, 27 мая 1815 г.» Вновь свеча как символ личного бытия человека.

Искала любовная боль забытье... (с. 35). — Впервые в С.

Неизбежное (с. 35). — Датировано: «Висбаден, 31 августа 1814 г.»

Сокровенное (с. 35). — Датировано тем же днем.

Самое сокровенное (с. 36). — Вероятно, вскоре после 16 января 1815 г. (Трунц). Одно из наиболее зашифрованных стихотворений Гете в *ЗВД*, — оно играет с читателями, задавая им неразрешимую загадку в совершенной поэтической форме. Особенность такой поэзии — та шутивная и серьезная игра, с которой жизненные переживания сплетаются с поэтическими символами, настоящее — с историей и глубокой древностью. Игра — и в том, что в столь сложном (и столь кратком) тексте появляется элемент, который можно и нужно понять совершенно конкретно и буквально, между тем как оснований для того, чтобы решать, что именно конкретно, у читателя нет или не должно быть. Все же в биографических дознаниях есть смысл — в том случае, если удастся показать многогранность стихотворения — механизм его шифра.

Для «Самого сокровенного» это удалось сделать Г. Дюнтцеру в 1885 г. Оказалось, что загадка кроется в предпоследней строфе, где (между Шехабэдином и Меджнуном с Лейли!) «царский трон» нужно разуместь не только как поэтический образ, но совершенно конкретно. Гете писал 13 августа 1812 г. К. Ф. Рейнхарду: «Понятие, какое сумел я составить об этой столь необыкновенной даме за четыре недели, — великое обретение на всю жизнь. Не начну говорить о ней, потому что тогда не кончу; кроме того, в подобных случаях не

удается сказать ровным счетом ничего, если не сказать все, и нет ничего более трудного, как говорить об индивиде, заключающем в себе достоинства, которые относятся к сфере всеобщего. Увидеть такое явление под конец дней своих — это дает приятное ощущение, будто умираешь на рассвете, убеждаясь всеми внешними и внутренними чувствами своими в том, что Природа вечно творит, что она до самой глубины божественна и жива, верна своим типам и не подвержена старению». Дама, образ которой захватил воображение Гете, была Мария Лудовика из дома д'Эсте (1787—1816), третья жена австрийского императора Франца I. Она прожила короткую и несчастливую жизнь. Гете впервые встретил ее в Карлсбаде в июне 1810 г. Пребывание в Теплице в августе 1812 г. раскрыло ему богатство этой личности; письмо К. Ф. Рейнхарду рисует классическую идеальность в винкельмановском духе: красота души, превышающая всякую характерность. Граф Рейнхард не скрыл содержания письма Гете — благодаря И. Хаммеру оно стало известно, Мария Лудовика была сильно раздосадована и через графиню О'Донелл взяла с Гете слово, что он никогда не будет писать стихотворений в ее честь. Гете писал Рейнхарду: «Об императрице австрийской я закалялся говорить. Можно передать лишь абстрактное представление о таких совершенствах, а поскольку в глубине души меня интересует лишь индивидуальное в наистрожайшем его проявлении. <...> то я чувствую себя счастливым, что могу вновь и вновь создавать в душе и представлять себе столь необычную личность» (см.: Sauer A. Einleitung // Goethe und Oesterreich. Weimar, 1902. Bd. I. S. XXIV—LXVII; Schriften der Goethe-Gesellschaft. Bd. 17). Гете был счастлив получить привет от Марии Лудовики через герцога Карла Августа (письмо от 16 января 1815 г.) Гете отвечал герцогу (29 января) так: «На Востоке, где я сейчас по обыкновению нахожусь, за величайшее счастье почитается, если имя смиренного раба хотя бы упомянут перед лицом госпожи и она это терпит. Сколько бы раз пал на колени тот, кого упомянула бы она сама!» Стихотворение Гете написано после этого. В нем две темы — восторг признания и наказанная бесцеремонность.

Этому соответствует символический план с восточ-

ными мотивами (из «Сокровищниц» Хаммера): Шехаб-эддин поднимается к храму на горе Арафат близ Мекки. Стоя перед храмом, он думает: я люблю бога и каждый день думаю о нем. А спрашивает ли он обо мне? Тут из храма выходит священник, говоря ему: я несу тебе добрую весть. Тот, кого ты так любишь, спрашивал о тебе, несмотря на все твои несовершенства. Скинь плащ и с молитвою войди в храм (НА 2, 598; Майер). К этому прибавились мотивы из «Достопамятностей» Дица и «Сада Роз» Саади (6-я строфа).

См. также: Siebenschein H. Goethe und Maria Ludovica // Wiss. Zeitschrift der Friedrich Schiller-Universität Jena. Ges. und sprachwiss. Reihe, 1957—1958. S. 363—375; Tümmler H. «Und der Gelegenheit schaff' ein Gedicht». Goethes Gedichte an und über Persönlichkeiten seiner Zeit und seines politischen Lebenskreises. Bad Neustadt, 1984. Bes. S. 69—90 (о других стихотворениях, обращенных к Марии Лудовике, помимо ЗВД). Гете упоминает императрицу в «Анналах» на 1810 («Присутствие ее величества императрицы Австрийской в Карлсбаде послужило немедленным побуждением к исполнению приятных обязанностей, и не одно стихотворение из меньших по объему слагалось в тишине непринужденно», ВА 16, 228) и 1816 г. «(. . .) смерть императрицы Австрийской привела меня в такое состояние, от которого я впоследствии не мог никогда вполне отрешиться» (ВА 16, 265).

«ТЕФКИР-НАМЕ». «КНИГА РАЗМЫШЛЕНИЙ»
(с. 37)

«Советов лиры не упусти. . .» (с. 37). — Датировано: «Июль 1814 г.»

Пять свойств (с. 37). — Датировано: «Иена, 15 декабря 1814 г.»

И еще пять (с. 37). — Датировано: «Иена, 16 декабря 1814 г.»

«Сердцу мил зовущий взгляд подруги. . .» (с. 38). — Датировано: «26 июля 1814 г.»

«То, что „Пенд-наме“ гласит. . .» (с. 38). — Как и предыдущее. По французскому переводу (Сильвестр де Саси) «Пенд-наме» Феридэддина Аттара (в «Сокровищницах»).

«Скача мимо кузни на стыке дорог...» (с. 38). — Датируется: «Эрфурт, 27 мая 1815 г.»

«Чти незнакомца дружеский привет...» (с. 39) — Датируется: «Иена, 12 июля 1819 г.» Впервые в С. Источник — «Книга Кабуса». Стихотворение было написано для генерала графа Нейдхарта фон Гнейзенау (1760—1831).

«Велики твои изъяны...» (с. 39). — Впервые в С. Точная дата создания неизвестна — после августа 1819 г., до 1825 г. Против несправедливой критики; при этом Гете говорит о себе то во втором, то в первом лице, а в подлиннике — в первом, втором, третьем! Стихотворение написано в не любимой Гете форме газели (точнее, «газелоидной», по выражению востоковедов), которой Гете пользовался свободно и которая тем не менее привела здесь к неопределенности, неуловимости содержания. О газели в немецкой литературе того времени см.: *Sengle F. Biedermeierzeit. Stuttgart, 1971—1980. Bd. II. S. 552—554; Bd. III. S. 443—446; Tschersig H. Das Gasel [!] in der deutschen Dichtung und das Gasel bei Platen. Leipzig, 1907; Dove R. The «Individualität» of August von Platen. Frankfurt a. M.; Bern, 1983. P. 105—111, 192—193 Ф. Рюккерт, наряду с А. фон Платеном, был мастером восточных форм, в том числе и газели, и, отдавая дань чуждой Гете чистой метрической виртуозности, создавал произведения, принадлежащие (в сравнении с ЗВД) иной стилистической фазе; см.: *Magon L. Goethes WöD und Rückerts «Östliche Rosen»: Zur Vorgeschichte der «Östlichen Rosen» // Gestaltung Umgestaltung. Festschrift H. A. Korff. Leipzig, 1957. S. 160—177.**

«Покупай! — совет майдан. » (с. 40). — Впервые в С. Написано, возможно, в сентябре 1819 г.

«Когда я честным был...» (с. 40). — Впервые в С. «Не шуми ты, как, откуда...» (с. 41). — Датируется: «К 30 мая. Висбаден, 10 июня 1815 г.» К 30 мая, дню 50-летнего юбилея службы двух веймарских тайных советников — К. Кирмса и К. фон Шардта. При помещении в ЗВД Гете сократил стихотворение на две строфы.

² ... в божьем граде. — Божий град здесь — мир (Пс. 45, 5).

«Откуда я пришел сюда? Не знаю...» (с. 41). — Впер-

вые в С. Написано для графини Йозефины О'Донелл (1779—1833), придворной дамы покойной Марии Лудовики.

«Одно приходит за другим...» (с. 42). — Впервые в С. «К женщинам снисходителен будь!..» (с. 42). — Написано до 30 мая 1815 г. По «Сокровищницам»; из устных наставлений Мухаммеда: «К женщине снисходителен будь, потому что она сотворена из кривого ребра. Желая выпрямить, сломаешь ее, а если оставишь в покое, она пребудет кривой» (НА 2, 604).

«Жизнь — шутка, скверная притом...» (с. 42). — Впервые в С. К 1819 г. уже было написано (Майер).

«Жизнь — это та ж игра в гусек!..» (с. 42). — Датировано: «Иена, 15 декабря 1814 г.»

¹ *Игра в гусек* — нечто вроде современных детских игр: по разграфленному полю ходят, бросая кости, фигурами, изображающими гусей. Это сравнение жизни с игрой в гусек встречается в письмах Гете не один раз.

«Все, ты сказал мне, погасили годы...» (с. 43). — Датировано: «Цинне, 19 февраля 1818 г. — Заново 28 августа 1823 г.» Впервые в С.

«Встреча с тем всегда полезна...» (с. 43). — Впервые в С. Датировано: «Веймар, 16 ноября 1819 г.» Было послано вместе с печатным экземпляром ЭВД востоковеду Эйхгорну.

«Кто щедр, тот будет обманут...» (с. 44). — Вероятно, написано летом 1815 г.

«Хвалит нас или ругает...» (с. 44). — До 30 мая 1815 г.

Шаху Седжану и ему подобным (с. 44). — В рукописи датировано чужой рукой: «Франкфурт, 27 мая 1815 г.» Шах Седжан (у Хаммера — Седжаа) — это Шах Шуджа, в царствование которого жил Хафиз.

Величайшее благоволение (с. 45). — Датировано: «Франкфурт, 27 мая 1815 г.» Продолжает предыдущее. «Господин» — герцог Карл Август. Кто же «госпожа», которую поэт нашел «с годами», — не вполне ясно. Э. Трунц видит в «госпоже» Марию Лудовику, другие — герцогиню Луизу, с которой Карл Август сочтлся браком в 1775 г. Г.-И. Вейтц предложил наиболее убедительное решение: «госпожа» — это жена Гете Кристиана (так полагал В. Шерер еще в 1883 г.)

Фирдоуси говорит (с. 45). — До 30 мая 1815 г. Первые два стиха — из «Шах-наме» Фирдоуси в переводе графа К. Лудольфа (в «Сокровищницах» Хаммера). *Джелалэддин Руми говорит* (с. 46). — Написано, вероятно, в начале 1815 г. Перевод четверостишия из «Метневи» («Маснави») Руми с французского («Восточная библиотека» Эрбело, 1697). *Зулейка говорит* (с. 46). — Дата создания неизвестна.

«РЕНДЖ-НАМЕ». «КНИГА НЕДОВОЛЬСТВА»
(с. 47)

Гете говорил Эккерману (4 января 1824 г.) о «Книге Недовольства»: в ней «излито многое, что накопилось на сердце против врагов. „Я был весьма сдержан, — прибавил он, — если бы я высказал все, что меня мучило и беспокоило, эти страницы выросли бы в целый том. (. . .) В делах религии, в научных и политических делах, всюду доставляло мне массу хлопот то, что я не кривил душою и имел в себе мужество говорить, что чувствовал“».

«Где ты набрал все это?» (с. 47). — До 30 мая 1815 г.

«Где рифмач, не возомнивший. . .» (с. 48). — Датировано: «26 июля, 23 декабря 1814 г.» Написано на пути из Эйзенаха в Фульду, позднее переработано.

«Кто весел и добр и чей виден полет. . .» (с. 49). — Датировано: «Веймар, 7 февраля 1815 г.»

«Власть, вы чувствуете сами. . .» (с. 49). — Датировано: «26 июля 1814 г.» Написано в Фульде.

«Тем, кто нас к добру зовет. . .» (с. 50). — Датировано: «26 июля 1814 г.»

«Разве именем хранимо. . .» (с. 51). — Датировано: «27 июля, 22 декабря 1814 г.» Интонация сдержанного негодования находит у Гете выражение в крайне резко звучащих неологизмах — поэт дает имена своим критикам.

¹⁷ *Критикан ли, злопыхатель. . .* — В черновике Гете прямо называл печатные органы, которые в разное время и в разной степени выступали против него, — это «Утренний листок для образованных сословий» (издавался с 1807 г.), берлинский «Откровенный», основанный Коцебу и Г. Меркелем в 1801 г. и отли-

чавшийся особой демагогией, «Газета для эlegantного света» (Лейпциг, с 1801 г.). В черновике говорилось примерно так: «А „Утренний листок“ может объединиться с „Откровенным“, и тогда „Эlegantная“ покажется лучшей из всех». Позднее Гете писал свосму издателю И. Ф. Котте (15 сентября 1826 г.), который был владельцем «Утреннего листка»: «(…) „Утренний листок“ долгое время наносил мне ущерб и доставлял огорчения, будучи единственным примером того, что издатель сам дискредитирует свое издательство». Канцлер Мюллер записал слова Гете, сказанные 14 декабря 1808 г.: «Народ, у которого есть „Утренний листок“, „Эlegantная газета“, „Откровенный“ и т. п. и есть для них читатели, — этот народ погиб». Ср. также стихотворение «Мудрецы и простые люди» (1814; опубл. 1821), повод к которому подало стихотворение в «Утреннем листке» и низкопробная журналистика; см.: Weitz H.-J. Goethes Gedicht «Die Weisen und die Leute», Freiburg; В., 1969.

²⁵ Пусть он «дойч», пусть «тойч» зовется... — «Дойч», «тойч» — «немецкое», «немец»; немецкие националисты в эпоху Гете придавали значение написанию этого слова, решительно настаивая на втором, которое неверно производили от имени древнего бога Теута.

«Если брать значенье слова...» (с. 52). — Написано до 30 мая 1815 г.

² Меджнун на Востоке — одержимый бесом. «Разве старого рубаку...» (с. 52). — До 30 мая 1815 г. Ср. в разговоре с Ф. В. Римером 12 декабря 1812 г.: «Немцы всегда все знают лучше того, кто занят своим делом, и все понимают лучше того, кто посвятил ему всю жизнь».

Душевный покой странника (с. 53). — Датировано: Веймар, 19 ноября 1814 г.

«Не проси о том, что в мире...» (с. 54). — Написано в 1814 г.

«Хоть самохвальство — грех немалый...» (с. 54). — В издании 1836 г. датировано 5 января 1816 г.

«Мнишь ты, в цхо изо рта...» (с. 54). — До 30 мая 1815 г. Повод подали «Достопамятности» Дица и, в частности, проникнутые узкорелигиозными взглядами примечания его к своим переводам.

«Тот французит, тот британит...» (с. 54). — Дата создания не известна.

«Когда-то, цитируя слово Корана...» (с. 55). — Впервые в С. По Майеру, написано в августе 1819 г. Гете, с детства «твердый в Библии» (см. тексты «Из восточных бумаг Гете»), опечален неосновательностью современных знаний.

Пророк говорит... (с. 55). — Датировано: «Веймар, 23 февраля 1815 г.» В «Магомеде» К. Э. Эльснера (1810) Гете прочитал отрывок из 22-й суры Корана: «Если кого злит, что бои хранит Мохаммеда и помогает ему, пусть тот пойдет и прикрепит веревку к перекладине в своем доме и повесится, — он почувствует, что гнев его стихает».

Отметим, что речи (Пророка, Тимура) в «Книге Недовольства» корреспондируют с завершением предыдущей книги.

Тимур говорит (с. 56). — Впервые в С.

«ХИКМЕТ-НАМЕ». «КНИГА ИЗРЕЧЕНИЙ»

(с. 57)

«Хикмет-наме» — буквально «Книга Мудрости».

Поскольку книга состоит из кратких стихотворений, Гете группирует их по несколько на одной странице так, чтобы зрительно соуравновесить их на развороте. Такие группы, своего рода «микроциклы», сохранены в нашем издании по крайней мере формально.

«Если талисманы в книгу вплел толково...» (с. 57). — См. статью «Оракулы из книг» в прозаической части ЗВД.

«От будущих дней, от грядущих ночей...» (с. 57). — По «Путешествию в Персию» Шардена — надпись в караван-сараях.

«Кто в худшие дни умудрился родиться...» (с. 57). — Это и два следующие двустишия — по «Достопамятностям» Дица.

«Мой каждый час отравила тоска...» (с. 57). — Датировано: «22 июля 1818 г.» Впервые в С.

«Рок, испытую, янает почему...» (с. 58). — Впервые в С. Другой вариант перевода В. В. Левика:

Судьба теснит и этим говорит:

Терпи! Молчи! И будь доступным сыт.

«Покуда день, спешу, дерзай, твори...» (с. 58). — Один из важнейших принципов геттвской жизненной философии; как и следующее, впервые опубликовано в 1821 г. в «Годах странствия Вильгельма Мейстера» (см. раздел IV комментария); в ЗВД — впервые в С. Ср. подобную мысль в Еванг. от Иоанна 9, 4: «...» должно делать дела (...), доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать».

«Что в мире творишь ты? Ведь он сотворен...» (с. 58). — Первые две строки совпадают с цитатой из Фирдоуси в «Истории изящных риторических искусств Персии» Й. Хаммера. Датировано: «18 июля» (1818 г.). Напечатано впервые в С. Строки Фирдоуси оказались глубоко близкими Гете, который говорил С. Буассере (5 сентября 1815 г.; В 1, 275): «Природа такова, что и самой Тронце лучше не сделать. Природа — орган; господь бог играет на нем, а дьявол раздувает меха».

«Если страждущий скорбит...» (с. 58). — Написано 22 июля 1818 г. Впервые в С.

«Вы были, судорь, невежливый малость...» (с. 58). — Впервые в С.

«Необозримое наследье мне дано...» (с. 59). — Написано до августа 1819 г. Напечатано в «Годах странствия Вильгельма Мейстера» в 1821 г.; в ЗВД впервые в С. «Любовь к добру как добрых дел основа...» (с. 59). — Впервые в С.

«Энвери говорит, из мудрецов мудрец...» (с. 59). — Написано перед 12 августа 1818 г. Основа — стихи Анвари в «Истории изящных риторических искусств Персии» Й. Хаммера.

«Будь наш господь плохим соседом...» (с. 59). — По «Саду Роз» Саади.

«Спаси нас и помилуй боже...» (с. 60). — М. Моммзен относит это двустишие к числу написанных по случаю Венского конгресса (1815) стихотворений; см.: *Mommsen M. «Verschon uns Gott mit deinem Grimme» // Id. Studien zum WöD. В., 1962. S. 97—101.*

«Вот-вот Зависть разорвется...» (с. 60). — По персидской пословице о нищем: «Он ест свой голод» — у Шардена.

«Зачем же попы упрямо...» (с. 60). — Написано около 27 января 1816 г.

«Герою хвалу без зависти сложит...» (с. 60). — Это и два последующих стихотворения — по «Достопамятностям» Дица; последнее из них — цитата из Корана.

«Зачем как в глубь земных пород...» (с. 61). — Цитируется в письме Сульпицу Буассере от 1 мая 1818 г. «Ты смотришь в глубь — куда теченье?» (с. 61). — По «Книге Кабуса» в переводе Дица: «Делай добро, бросай хлеб в реку, — тебе воздастся».

«Убив паука, я стал сомневаться...» (с. 61). — Набросок озаглавлен: «Индийское».

«Ночь беспросветна, а свет лишь от бога...» (с. 62). — Цитата, источник которой не установлен.

«Какие разные люди вокруг!...» (с. 62). — По «Путешествию в Персию» Шардена.

«Я скуп, вы кричите, но дайте сначала...» (с. 62). — Это и следующее двустишие — по «Саду Роз» Саади. «Молчащий горя не знает...» (с. 62). — По «Книге Кабуса»: «Человек — у себя под языком».

«При двух лакеях господин...» (с. 62). — По «Книге Кабуса».

«Кричи „Autos epha“ и при на рожон...» (с. 62). — «Autos epha» (греч.). — «Он сам сказал!» — так пифагорейцы ссылались на своего учителя; выражение сохранилось в схолиях к Аристофану и в латинской форме у Цицерона. Гете, который в своем учении о цвете был непримиримым противником теории Ньютона, подозревал большинство ученых в слепом следовании его авторитету; у четверостишия, конечно, и более широкий смысл.

«Глупо, что хочет каждый иметь...» (с. 63). — Из «Жизни Мохаммеда» К. Э. Эльснера Гете выписал: «Эслам, Ислам — покорность Богу» (Р 171). Гете писал К. Ф. Цельтеру 11 мая 1820 г.: «У меня собираются новые стихотворения для „Дивана“ Эта магометанская религия, мифология, эти нравы предоставляют простор поэзии, какая подобаеет моим годам. Безоговорочная преданность неисповедимой воле божией, светлый взгляд на земные дела, беспокойные и вечно возвращающиеся по кругу и по спирали, любовь и склонность, парящие между двумя мирами, все реальное очищено от тяжести, все получит символическое разрешение. Чего еще надо деду?»

«Придя на свет, мы строим дом...» (с. 63). — По «Путешествию в Персию» Шардена.

«Этим маленьким домом...» (с. 63). — Четверостишие цитируется в письме Козегартену от 16 июля 1819 г. Для окончания ЭВД Гете желал себе подобных стихов. «Дом» означает здесь (в соответствии с арабским и персидским пониманием поэзии) и «Книгу Изречений» и весь ЭВД — то же и в предыдущем четверостишии. «Итак, ты скрылся, и никто...» (с. 63). — Есть другой вариант перевода В. В. Левика:

В Хафизе скрыт я буду,
Как бы кругом ни кричали.
Вино и песня повсюду
Два друга, чуждых печали.

«Локман по прозвищу Урод...» (с. 63). — У Саади Гете прочитал: «Локман, к несчастью, был черен, жирен и толст». Локман — Лукман, легендарный североаравийский мудрец и сочинитель басен, почитался арабами и персами.

«В Средиземный мир проник...» (с. 64). — Гете писал персводчику Кальдерона И. Д. Грису (29 мая 1816 г.): «Мое пребывание на Востоке лишь дороже для меня делает превосходного Кальдерона, который не забывает о своем восточном воспитании». Ср.: «Среднелатинский и восточный орнаментальный стили могли встретиться и слиться лишь в Испании» (*Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. 9. Aufl. Bern; München, 1978. S. 348—349; см. также всю главу «Западно-восточное», S. 346—352). Кальдерон был как эстетическая ценность открыт в эпоху романтизма и относительно много переводился на немецкий в это время. Об отношении Гете к Кальдерону см.: *Аветисян В. А. Гете и Кальдерон // Гетевские чтения*. М., 1986. С. 96—110. «Зачем украшаешь ты руку пышней...» (с. 64). — Из «Сада Роз» Саади.

«Если б хоть до самой Мекки...» (с. 64). — У Гете цитата из «Сада Роз» Саади в переводе Адама Олсария.

«Раздавленный творог...» (с. 64). — Смягченная Гете пословица из «Достопамятностей» Дица. Пизэ (франц.) — застывший строительный раствор или высохшие на солнце кирпичи.

«Утешьтесь, люди: тот, кто без порока...» (с. 64). — Это и последующие три изречения были написаны в конце мая 1816 г. и напечатаны впервые в «Карманной книге для дам на 1817 г.» (см. комм., раздел V).
 «Веленью чести будь покорен...» (с. 65). — Это и следующее изречения — из «Пенд-наме» Феридэддина Аттара во французском переводе Сильвестра де Саси.
Наперсник: «Ты столько просьб исполнил за свой век...» (с. 65). — Впервые в С, как и дальнейшие, завершающие книгу изречения.
 «Подчас — увы! — так создан белый свет...» (с. 65). — Датировано: «Танне, 6 апреля 1818 г.»

«ТИМУР-НАМЕ». «КНИГА ТИМУРА» (с. 66)

Мороз и Тимур (с. 66). — Написано 11—12 декабря 1814 г. в Иене. Перевод отрывка из арабской хроники ибн-Арабшаха (по «Шести книгам комментариев об азиатской поэзии» В. Джонса), где рассказывается о походе Тимура-Тамерлана в северный Китай в 1404—1405 гг. Гете прежде всего важна соотносительность стихотворения с современной историей. Она очевидна. Гете читал стихотворение Сульпицу Буассере 8 августа 1815 г.; Буассере записал в дневнике: «Зимний поход Тимура, параллель к походу Наполеона на Москву. Военный совет. Зима является собственной персоной и держит речь против Марса. Проклятие или обетование; величественно, мощно». См.: Müller J. Zu Goethes Timurgedicht // *Id* Der Augenblick ist Ewigkeit. Leipzig, 1960. S. 165—186; Lämmert E. Die vaterländische Lyrik und Goethes *WöD* // *Literaturwissenschaft und Geschichtsphilosophie*. Festschrift W. Emrich. B.; N. Y., 1975. S. 341—356.

¹⁸ *Марс, Сатурн* — приносящие беды планеты.
Зулейке (с. 67). — Датировано: «Висбаден, 27 мая 1815 г.»

«ЗУЛЕЙКА-НАМЕ». «КНИГА ЗУЛЕЙКИ»
 (с. 68)

Об этой книге см. статью. Для многих гетеведов эта книга любви была и остается центральной в *ЗВД*. «Роман» отношений Гете с даровитой Марианной Виллсмер

был детально изучен и ярко воссоздан в научном исследовании Ганса Пирица (см.: *Pyritz H. Goethe und Marianne von Willemer. 3. Aufl. Stuttgart, 1948*). Г. Пириц, умно и увлеченно занимавшийся этой темой, воспринимал отношения Гете и Марианны Виллемер чрезмерно непосредственно, натурально, как бы слишком «просто», между тем как Гете, более всего ценивший в женщинах, подобных Марианне Виллемер (или Марии Лудовике — см. выше), удивительное, неразложимое сочетание душевных качеств, не сводимых к чему-либо отдельному, поклонявшийся такому образу, смотрел на него более литературно-символично. Он узнавал в таких образах свои же, живущие в его душе и извлекаемые оттуда творческой фантазией, образы-типы — вроде вечного образа неуловимой Миньон («Годы учения Вильгельма Мейстера»). Фантазия Гете, особенно Гете зрелого и позднего, творит мир как целое здание символических форм — и так в самой жизни, не только в творчестве в собственном смысле слова. Символ здесь — не поэтический прием и не творческий метод, но мировоззрение — мировоззрение и как принцип, и как самый непосредственный взгляд на вещи, видение вещей и явлений. Все конкретное, жизненное, непосредственное для гетевского взгляда сейчас же содержит в себе общее, типическое вневременное, вечное; в скользящем, безостановочном движении действительности, в мгновении именно поэтому для него — ключ к вечности. Однако благодаря всему этому такое мировоззрение насквозь пронизано «иронией» — вновь не как формой выражения и не иронией как негативным и разрушительным началом, но иронией как относительностью всего, опосредованностью всего, и прежде всего опосредованностью частного и общего, конкретного и вечного и т. д. Это ирония, которая, по выражению Гете, «парит между мирами», — ирония бесконечного «со-отражения» вещей. См., например: *Bahr E. Die Ironie im Spätwerk Goethes: «... diese sehr ersten Scherze...» Studien zum WöD, zu den Wanderjahren und zu Faust II. B., 1972*. Именно поэтому в отношениях Гете с Марианной Виллемер было ровно столько же от «романа», сколько от литературно-поэтической «серьезной игры». Нет сомнения также и в том, что сама Марианна Виллемер видела все гораздо проще, непосредственно-личнее, чем Гете.

«Мне приснилось этой ночью...» (с. 68). — Стихотворение турецкого султана Селима I в переводе Дица. У Дица записано как двустишие. Иных изменений Гете не внес.

Приглашение (с. 68). — Дата: «Новогодний вечер 1814 г.» «Что Зулейка в Юсуфа влюбилась...» (с. 68). — Датировано: «Эйзенах, 24 мая 1815 г.» Юсуф — это Иосиф из Книги Бытия, Зулейка — совершенно переосмысленная на Востоке «жена Потифара» из того же рассказа об Иосифе. От Библии, однако, осталось то, что Зулейка — это любящая, которая должна учиться отрекаться от своей любви. Трудно сомневаться в том, что Гете не случайно поставил это стихотворение в число первых в «Книге Зулейки» — в книге о любви прекрасной и поэтичной, но основанной на отречении и если не «безнадежной», то по причине своей высокой поэтичности — жизненности и условности одновременно.

«Если ты Зулейкой зовешься...» (с. 69). — Датировано: «Эйзенах, 24 мая 1815 г.» Поэт дает себе имя Хатем — по-арабски Хатем Таи (т. е. Хатем из племени таи), который упоминается у Саади, — «самый щедрый из арабов».

¹¹ Хатем Зограи — с этим именем произошла какая-то путаница: комментаторы нашли в словаре Эрбело Хасана Тограи, что означает человека «либо зажиточного, либо одаренного добродетелями и прекрасными свойствами» (Эрбело); предполагают, что его-то и имел в виду Гете

Хатем: «Создает воров не случай...» (с. 69). — Датировано: «12 сентября 1815 г.»; на белой рукописи: «15 сентября 1815 г.» Первое из стихотворений Гете, посланных Марианне Виллемер.

¹³ «Все мне ты дал нежным взором...» — Стихотворение Марианны Виллемер от 16 сентября 1815 г.; оригинал его не сохранился.

«Пускай кругом непроглядная мгла...» (с. 70). — Это и следующее четверостишие первоначально предназначались для «Книги Изречений»; написаны в 1814—1815 гг. Первое — по «Саду Роз» Саади.

Зулейка: «Плыл мой челн...» (с. 71). — Датировано: «17 октября 1815 г.»

«Знаю, как мужчины смотрят...» (с. 72). — Датировано: «12 декабря 1814 г.»

Gingo biloba (с. 72). — Датировано: «15 сентября 1815 г.» *Gingo biloba*, или *gingko biloba*, — название японского дерева; его зазубренный по краям лист имеет форму веера, с сердцеобразной конфигурацией посредине. Этот лист служит для Гете универсальным мировоззренческим символом единства и двойственности, неслияющихся и нерасторжимых, символ одновременно жизненный, художественный, естественнонаучный, натурфилософский.

Об этом стихотворении существует обширная и разнообразная по задачам литература. См.: *Beutler E. Die Boisseree-Gespräche von 1815 und die Entstehung des Gingo-biloba-Gedichtes // Id. Essays um Goethe. Wiesbaden, 1948. Bd. 1. 4. Aufl. S. 311—349; Albrecht H. Über den Fächerblattbaum (Gingko biloba) // Jb der Sammlung Kippenberg. Frankfurt a. M., 1974. N. F. Bd. 3. S. 32—40; Debon G. Das Blatt vom Osten. Gedanken zum Gingo-biloba-Gedicht // Euphorion, 1979. Bd. 73. S. 227—236.*

С 1754 г. дерево стали выращивать в ботанических садах Европы; до 1879 г. его относили к папоротникам; это дерево входит в особый класс, промежуточный между лиственными и хвойными деревьями (Альбрехт).

Посланное Гете Марианне Виллемер прозаическое толкование не сохранилось. Отзвук его в дневнике Сульпица Буассере: «Гете прислал фразу Виллемер из города листок гингко-билоба как эмблему дружбы. Не знают, один ли это лист, — раздваивающийся, или два листа — соединяющиеся» (В 1 279).

Известный романтик-мифолог Фридрих Крейцер (1771—1858), профессор в Гейдельберге, писал в своих мемуарах: «Когда Гете вторично приехал в Гейдельберг в 1815 году, мы познакомились с ним благодаря Буассере и Бертраму. Однажды у меня был с ним разговор, начавшийся с моей статьи „Идея и образец древней символики“ (. . .). Это может послужить к пониманию стихотворения, позднее включенного в состав *ЗВД*, — его он поздней осенью того же года прислал мне на листе бумаги с красивой рамкой, собственноручно переписанное, без заглавия, но с приложением самого листа этого дерева. „[Следует текст стихотворения] В воспоминание о счастливых сентябрьских днях. 1815. Гете“» (*Creuzer F. Aus dem Leben eines alten Pro-*

fessors. Leipzig; Darmstadt, 1848. S. 110—111). Смысл древних мифов сравнивался в разговоре с символическим листом дерева: «За простой реальностью — высший смысл» (Разг. 2, 355).

Зулейка: «Но скажи, писал ты много...» (с. 73). — Датиrowано: «22 сентября 1815 г.»

Зулейка: «Восходит солнце, — что за диво!..» (с. 73). — Датиrowано: «22 сентября 1815 г.»

«Любимая! Венчай меня тюрбаном!» (с. 74). — Датиrowано: «17 февраля 1815 г.»

³ Аббас — см. статью «Пьетро дела Валла» в прозаической части ЗВД.

«Немногого прошу я, вспомни...» (с. 75). — Датиrowано: «17 марта, 17 мая 1815 г.»

«Мне и в мысли не входило...» (с. 76). — Датиrowано: «17 февраля 1815 г.» С. Буассере записал в дневник (4 августа 1815 г.) после чтения этого стихотворения: «Любящий гордится своей бедностью».

«Красиво исписанным...» (с. 76). — Датиrowано: «21 сентября 1815 г.»

«Час желанный, час свиданья...» (с. 78). — Датиrowано: «25 сентября 1815 г.»

Зулейка: «Раб, народ и угнетатель...» (с. 78). — Датиrowано: «26 сентября 1815 г.» См.: Harder R. Goethe: Höchstes Glück der Persönlichkeit // *Idem*. Kleine Schriften. München, 1960. S. 438—461. Спор немецких комментаторов о том, согласен ли сам Гете с «рабом, народом и угнетателем», считает ли сам он «личность» «высшим счастьем людей», достаточно умозрительна: «эгоистическая» личность столь же чужда Гете, сколь нелепа «безличность».

Хатем: «Как лампадки вокруг лавчонок...» (с. 78). — Датиrowано: «10 октября 1815 г.»

Хатем: «Вами, кудри-чародеи...» (с. 81). — Датиrowано: «30 сентября 1815 г.»

«Рубиновых уст коснуться позволю...» (с. 82). — Это и следующее стихотворение — по «Достопамятностям» Дица. Второе датировано: «Веймар, 31 января 1816 г.» «Мир непрочен, но всюду найдется...» (с. 83). — Впервые в С.

«Как наши чувства нас же тяготят...» (с. 83). — Вместе со следующим на одном листке без даты.

«Где радость взять, откуда?..» (с. 83). — Вероятно,

написано 1 октября 1815 г., в день возвращения из Мангейма в Гейдельберг (Майер). Переписанный для Марианны Виллемер экземпляр с изменениями датирован: «16 декабря 1815 г. Полночь». См.: Göres J. Zur Entstehung des Gedichts «Wie sollt ich heiter bleiben?» aus *WöD* // Studien zur Goethezeit. Erich Trunz zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1981. S. 55—62.

«Если я с тобою...» (с. 84). — Точная дата создания неизвестна. Конец сентября или начало октября 1815 г.?

⁵ Саки — кравчий, чашник.

Книга Зулейки (с. 84) — Впервые в С.

«На ветви отягченной...» (с. 84). — Датировано: «24 сентября 1815 г.»

Зулейка: «Я была у родника...» (с. 85). — Датировано: «22 сентября 1815 г.» Стихотворение связано с определенными местами в Гейдельберге, «зашифрованными» на восточный лад; см.: Debon G. Das Brunnengedicht des «Divan» // Euphorion. 1980. Bd. 74. S. 198—212.

Зулейка: «Вот мы здесь, мы вместе снова...» (с. 86). — Датировано: «7 октября 1815 г.»

«Шах Бехрамгур открыл нам рифмы сладость...» (с. 86). — Написано после чтения «Истории изящных риторических искусств Персии» Й. Хаммера. В дневнике Гете за 3 мая 1818 г. записано: «Персидская литература Хаммера. Бехрамгур и Диларам».

¹ Бехрамгур — Бахрамгур (умер в 440 г.); по легенде, он обращался в стихах к своей рабыне-возлюбленной Диларам. Так возникает рифма и в любовном диалоге Фауста и Елены.

«Голос, губы, пламень взгляда...» (с. 87). — Впервые в С. По Пирицу и Бейтлеру написано 26 сентября 1815 г.

Зулейка: «Что там? Что за ветер странный?..» (с. 88). — Измененное Гете стихотворение Марианны Виллемер; датировано: «23 сентября 1815 г.»

Высокий образ (с. 89). — Датировано: «Веймар, 7 ноября 1815 г.» Стихотворение создает величественный образ природы, обогащенный специальными интересами Гете, — получается художественно-метеорологическая картина космоса.

Эхо (с. 90). — Датировано: «Веймар, 7 ноября 1815 г.»

¹¹ Фосфор — букв. «Несущий свет» (греч.); название Утренней и Вечерней звезды.

Зулейка: «Ветер влажный, легкокрылый...» (с. 90). — Замечательное стихотворение Марианны Виллемер, с некоторыми переделками Гете (которые, по мнению Корфа, его скорее ухудшают). О том, как в этом стихотворении соединяются западные и восточные традиции — западный ветер как посланец любви в испанско-арабской традиции, ветер как посланец на Востоке вообще, диалогическое строение всей «Книги Зулейки», — написана целая книга: *Frensch E. Westwind als lyrisches Motiv. Heidelberg, 1978.* Не приходится и говорить о том, что Марианна фон Виллемер писала всецело в духе Гете, в созданных им стилистических и тематических рамках (обычный взгляд на нее как на «австрийскую» поэтессу крайне условен).

Воссоединение (с. 91). — Датировано: «24 сентября 1815 г.»

Ночь в полнолуние (с. 93). — Датировано: «24 октября 1815 г.» Источник — Хафиз (буква Дал, газель 156).

Тайнопись (с. 93). — Датировано: «21 сентября 1815 г.»

Отражение (с. 94). — Написано до 9 октября 1815 г. (Майер).

Зулейка: «Что за ласковая сила...» (с. 95). — Датировано: «23 декабря 1815 г.» Предполагают, что 1-я, 2-я и 4-я строфы сочинены Марианной.

«Александру — зеркало Вселенной!...» (с. 96). — Впервые в С. Мотив волшебного зеркала происходит из легенд об Александре; его не раз упоминает Хафиз.

«Прекрасен мир во всех его обмерах...» (с. 96). — Датировано: «7 февраля 1815 г.»

«В тысяче форм ты можешь притаиться...» (с. 96). — Написано 16 марта 1815 г. (запись в дневнике: «Эпитеты возлюбленной»). Стихотворение «неописуемо величественно» (Макс Коммерель).

«САКИ-НАМЕ». «КНИГА КРАВЧЕГО» (с. 98)

Исследователь пишет: «(...) отроки-красавцы при дворах или отдельных вельможах (эмирах, везирах и даже поэтах) исполняли должность виночерпия — „саки“ Хорошо известно о существовании в доисламской дворцовой жизни Ирана института саки. Геродот,

говоря о великой чести, которая была оказана при дворе Камбиса, сына Кира, некоему Прексапсу, отмечает: «...сын его был виночерпием у Камбиса, а это тоже — великая честь» (III, 34). В дальнейшем в соприкосновении с персами и тюркская знать стала широко пользоваться этим обычаем. В послеисламский период кравчий был возведен в высокий и почетный ранг. (...) В таджикском эпосе, кроме Аваза, имеется фольклорный образ — это Саки, который является одновременно певцом-сказителем и кравчим»; возникает жанр саки-наме, однако совсем иного содержания, чем книга в ЭВД Гете, поскольку «основное содержание саки-наме — воспевание былого величия древности, в особенности Ирана, олицетворенного в образах его легендарных царей Дjamшида, Дария, Искандера и других (...)» — тем не менее антология, составленная из таких саки-наме именовалась «Мейхане» («Питейный дом») (Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983. С. 20—22).

«Как все кругом, и я, бывало...» (с. 98). — Написано перед 27 сентября 1815 г. По Майеру, до 28 мая 1815 г.

«Сижу один...» (с. 98). — Дата написания неизвестна. «О том, что Коран вечно был и есть...» (с. 98). — Датировано: «20 мая 1815 г.» Уже первая строка затрагивает проблему, которая остро стояла в мусульманской культуре, — извечен ли Коран или он создан во времени. Мутазилиты (VIII—IX вв.) — мусульманские рационалисты — утверждали, что Коран «сотворен», заявляли о свободе воли, о преимуществе разума перед откровением. «Официальное правоверие считало, что Коран не сотворен во времени, а существовал до создания мира Но у мутазилитов, строгих монистов, это положение, конечно, должно было встретить возражения. Ведь признать Коран предвечным означает как бы поставить рядом с богом еще одно божество и нарушить тем самым основные принципы ислама — таухид [единство бога] Отсюда следует неумолимый логический вывод: Коран сотворен во времени, как и все прочее в мире» (Бертельс Е. Э. Избр. тр.: Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 23). В противоположность мутазилитам (букв. «отделившимся») богослов-

ская мысль следовала такой логике: «Творение не может распространяться на самого творца; поэтому творец вечен вместе со своим словом и всеми своими качествами» (Бартольд В. В. Соч. М., 1966. Т. VI. С. 125). См. также: Фильтинский И. М. История арабской литературы: V — начало X века. М., 1985. С. 284; Fück J. Neue Materialien zur Geschichte der Mu'tazila // *Idem*. Arabische Kultur und Islam im Mittelalter. Weimar, 1981. S. 235—251, 183—186. Та же проблема скрыто звучит в «Подражаниях Корану» Пушкина: «С небесной книги список дан Тебе, пророк...»

«Больше пейте, друзья, вина...» (с. 99). — Это и следующее стихотворение написаны до 5 августа 1815 г. В «Книге Кабуса» сказано: «В юности люди без вина пьяны». О «питье вина» в мусульманстве, в «Книге Кабуса» и о «вакхической поэзии» персов см.: Ворожейкина Э. М. Литературная служба при средневековых иранских дворах // Очерки по истории культуры средневекового Ирана. М., 1984. С. 158—161; Она же. Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время: XII—начало XIII века. М., 1984. Особ. с. 73—76.

«Нельющим по душе...» (с. 99). — Датировано: «26 июля 1814 г.»

Зулейка: «Чего ты подчас начинаешь злиться...» (с. 100). — Датировано: «Эйзенах, 24 мая 1815 г.»

² наше тело — темница... — Гете заводит своеобразную полемику и спор с этим древним представлением. См. в «Книге Притчей» стихотворение «Бюльбюль пела, сев на ветку...» (X/1).

«Ежели тело — тюрьма, так чего ж...» (с. 100). — Датировано: «Франкфурт, 27 мая 1815 г.»

Трактирщику: «Ты что мне тычешь вино, грубиян...» (с. 100). — Датировано: «1 июля 1815 г.»

«Кравчий говорит...» (с. 101). — Датировано: «Октябрь 1814 г.»

«Меня за то, что бываю пьян...» (с. 101). — Датировано: «29 сентября 1815 г.» В форме газели. Источник — глава о «винопитии» в «Книге Кабуса» (ср. статью «Фон Диц» в прозаической части ЭВД).

«Ты, маленький плут!...» (с. 102). — Впервые в С. «В трактире нынче спозаранку...» (с. 102). — Впервые в С. Датировано: «8 сентября 1818 г.» По Хафизу

(буква Дал, газель 244). Было опубликовано также в журнале Гете «Об искусстве и древности» первый номер 6-го тома (1827), под заглавием «Хафиз».

Кравчий: «Господин, ты в диком виде...» (с. 103). — Датируется: «Октябрь 1814 г.» Персидские слова «би-дамаг будеи» («похмелье») были вставлены в текст позднее; об этом выражении востоковед Лорсбах писал Гете 20 мая 1815 г. (Р 258) — оно буквально значит «быть в безмозгом состоянии».

«Эта девка распутная...» (с. 104). — Датируется: «25 октября 1815 г.»

Кравчий: «Нынче славис ел и пил ты...» (с. 104). — Датируется: «Октябрь 1814 г.» В одной из рукописей написано — «с латинского» (для стихов 9 и 10 установлен оригинал — эпиграмма Марциала).

Кравчий: «Вот он, вот поэт великий!...» (с. 105). — Датируется: «Октябрь 1814 г.»

Поэт: «Кравчий! Пить еще я буду!...» (с. 105). — Датируется: «Веймар, 23 февраля 1815 г.» Гете в этот день взял в библиотеке «Магомед» К. Э. Эльсиера, где прочитал: «с. .) кажется, пророк для того запретил правоверным пить вино, чтобы оставить за собой преимущество опьяненности».

Саки: «Опьяненный, ты недаром...» (с. 106). — Впервые в С. Написано, вероятно, в 1818—1819 гг.

Летняя ночь (с. 107). — Датируется: «Иена, 16 декабря 1814 г.» Затем переработано. Кульминация «Книги Кравчего».

⁴³ ... по-вдови ждет Аврора Жгучей Гесперовой ласки... — По-вдови, так как супруг Авроры (Эос) Тифон от старости сморщился и то ли был превращен в цикаду, то ли заперт в комнате.

⁴⁴ *Геспер* — Вечерняя звезда, ее бог. *Кравчий, засыпая.* (с. 109). — Впервые в С. Первоначально два отдельных стихотворения; в 1825 г. Гете соединил их. Строфа Кравчего, видимо, написана 21 или 22 июля 1818 г.; строфа Хатема датируется 1819 г. (Майер).

«МАСАЛЬ-НАМЕ». «КНИГА ПРИТЧЕЙ»
(с. 111)

«В пучину капля с высоты упала...» (с. 111). — Написано между началом января и концом мая 1815 г. (Майер). Притча о капле рассказывается в трех вариантах В. Джонсом («Шесть книг...»). Ее же Гете знал из Саади и из «Восточной антологии» (1782) Гердера. Об этих мифологических представлениях см. две работы В. Оли: *Ohly F Tau und Perle // Id. Schriften zur mittelalterlichen Bedeutungsforschung*. Darmstadt, 1977. S. 274—292; *Die Geburt der Perle aus dem Blitz // Ibid.* S. 293—311. Ср. Хенкель-Шене, 732—733.

«Бюльбюль пела, сев на ветку...» (с. 111). — Написано между началом января и концом мая 1815 г. Источник: «Сокровищницы», латинский перевод книги «Нигаристан».

¹ Бюльбюль — соловей.

Вера в чудо (с. 111). — Впервые в С. Написано не раньше 1823 г. (Майер).

«Покинув раковины мрак...» (с. 112). — Между началом января и концом мая 1815 г.

«Я был изумлен, дровья-мусульмане...» (с. 112). — Датируется: «1 марта 1815 г.» Источник — «Сад Роз» Саади в переводе Адама Олеария: «У прекрасного больше прав, чем у безобразного, направлять стопы, куда пожелает, и ничьей руке не вытащить его назад».

«У шаха было два кассира...» (с. 113). — Датируется: «25 февраля 1815 г.»

«Котлу сказал, кичась, горшок...» (с. 113). — Впервые в С. В издании 1836 г. датировано 5 сентября 1818 г.

«Велик иль мелок человек...» (с. 113). — Датируется: «17 марта 1815 г.»

«Чтоб дать Евангелие векам...» (с. 113). — В издании 1836 г. датировано 24 мая 1815 г. По «Путешествию в Персию» Шардена, где рассказывается что думают персы об Иисусе: «Первое <...>, что Иисус Христос принес с небес книгу, которую читал своим ученикам; второе, что апостолы <...> приняли его за истинного бога и собирались почитать его, он же, возмущенный, отправился на небеса, взяв с собой Евангелие. В-третьих <...>, четыре его ученика вознамерились записать все,

что помили и видели (...), и это не настоящее Евангелие, а человеческое создание» (*Майер*). Это мусульманское мнение удивительным образом коррелирует с взглядами, распространенными в протестантском богословии XVIII—начала XIX в., нашедшими тогда широкий отклик (показательны ранние труды Гегеля, изданные посмертно). Эту близость, разумеется, отметил для себя Гете.

Добро вам (с 114). — Датировано: «Эйзенах, 24 мая 1836 г.»

«ПАРСИ-НАМЕ». «КНИГА ПАРСА» (с. 116)

Завет староперсидской веры (с. 116). — Датировано: «24 мая 1815 г.» В дневнике за 13 марта 1815 г. записано: «Исповедание веры парса», за 14 марта: «Староперсидские обстоятельства». Главный источник — «Путешествие в Персию» Шардена. 13 марта Гете читал также А. Олеария в издании 1696 г., где напечатано также «Нынешнее состояние персидского царства». Н. Сансона.

¹¹ *Дарнавенд* — Демавенд. гора, к которой устремляются души почивших.

⁴³ *Зендеруд* («живая вода») — река, которая течет в сторону Исфахана, разбирается по каналам и исчезает в песках.

«Если люди, Солнцу рады...» (с. 119). — Датировано: «Эйзенах, 24 мая 1815 г.»

«ХУЛД-НАМЕ». «КНИГА РАЯ» (с. 120)

Учение Корана в его духовности довольствуется тем, чтобы вытеснять все чувственное из непосредственной практической жизни (подчиненной аскетическому идеалу) в мечту. Отсюда парадокс мусульманского Рая, в котором безусловно разрешено все то, что безусловно запрещено на земле. Таким образом, смерть есть возвращение к тому, что завсдомо принимается за настоящее человеческое существо, — к чувственности. Как пишет исследователь, «с большой обстоятельностью и темпераментом в Коране рисуются картины рая и ада, в

значительной степени навеянные жизнью и бытом древних арабов в знойной аравийской пустыне. „Тем, которые уверовали и творили благое“, Коран обещает поселение в раю „на вечные времена“ Там их ждут „сады благодати с виноградниками“, „в нижней части которых будут течь прохладные реки“. Праведники войдут в „райские сады, украсившись браслетами из золота и жемчугом“, а одеяния их будут „из шелка, атласа и парчи“. Они будут возлежать „в тени деревьев“ „на расшитых ложах“, „на разложенных подушках и разостланных коврах“, а пищей им будут служить „чудесные плоды и питье“. У ног их будут течь реки „из чистой, не портящейся воды“, реки „из молока, вкус которого не меняется“, реки „из вина, приятного для пьющих“ и реки из „меда очищенного“. Их будут „обходить вечно юные мальчики с чашами, сосудами и кубками“, наполненными влагой <...> и обносить их „плодами из тех, что они выберут, и мясом птиц из тех, что они пожелают“ <...> их будут услаждать „супруги чистые“, „подобные жемчугу хранимому“, „полногрудые сверстницы“ „с потупленными взорами“, „черноглазые и большеокие“, „не услышат они в райских садах ни болтовни, ни обвинений во лжи“» (Фильштинский И. М. История арабской литературы: V—начало X века. М., 1985. С. 133). Всеми этими представлениями серьезно и иронично воспользовался Гете.

Предвкушение (с. 120). — Впервые в С. Упоминается в дневнике 23 апреля 1820 г.

Праведные мужи (с. 121). — Написано между 23 февраля и 10 марта 1815 г. (Майер). После битвы при Бедре — 13 января 624 г.; в этой битве решилась судьба Ислама.

Избранные жены (с. 123). — Первый набросок относится к 26 или 27 июля 1814 г. (Майер); см. «Иисус учить возьмется...» (Р 54а; раздел «Стихотворения круга ЗВД»). Предварительный вариант датирован: «10 марта 1815 г.» В вариантах стихотворения Гете называет разные имена удостоенных Рая женщин.

⁵ *Зулейка* — см. «Образцы» в «Книге Любви».

¹⁴ *Магометова супруга* — Хадиджа.

¹⁷ *Фатима* — дочь Мухаммеда, жена четвертого халифа.

Впуск (с. 124). — Датировано: «24 апреля 1820 г.» Впервые в С. Прежде этого опубликовано в приложении к объявлению о новом собрании сочинений Гете 1 марта 1826 г.

Отклик (с. 125). — Написано в Карлсбаде, не позднее 7 июня 1820 г. В С.

Поэт: «Целуй же, люби меня, — о восторг...» (с. 126). — Датировано: «Карлсбад, 10 мая 1820 г.» В С.

Гурия: «Ты снова палец мне загнул, поэт!..» (с. 129). — Перед 7 июня 1820 г. В С.

Удостоенные животные (с. 130). — Датировано: «22 февраля 1815 г.» Список четырех животных Гете составил по своему усмотрению, пользуясь разными источниками. Среди не выбранных остались голубь Ноя, овен, которого Авраам принес в жертву вместо Исаака, Хут-хут, конь св. Георгия, верблюды Мухаммеда.

¹³ ... Семь снов с хозяином проспав... — См. ниже «Семеро спящих».

¹⁸ ... Мурлычет кот... — Кот Абу-Херирры, друга Мухаммеда. У Адама Олеария Гете читал: «Абухерирра значит „отец кошек“, прозвание это получил он за то, что очень любил и всегда носил с собою, даже на общественных собрания, кошечку» (Майер).

Высшее и наивысшее (с. 131). — Написано, согласно дневнику, 23 сентября 1818 г.

Семеро спящих (с. 132). — Датировано: «Иена, конец декабря 1814 г. — Май. 1815 год. Висбаден». Источником послужил английский перевод Дж. К. Рича «Истории семи спящих» Каб аль-Ахбара в «Сокровищницах» Хаммера (т. III, 1815). По легенде, распространенной на Востоке и пришедшей в Европу, семь христиан, отказавшихся приносить жертвы римским богам, были замурованы в Эфесе. Через двести лет пещера была открыта, замурованные проснулись, будучи уверены, что проспали всего одну ночь. Они почитаются как святые католической церковью.

См.: Алексеев М. П. Поэма В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков» и ее источники // Он же. Сравнительное литературоведение. М., 1983. С. 351—362 (о Гете: с. 358—362); Аттая М. О. Легенда о семи спящих отроках и ее арабские версии // Древности восточные: Тр. восточ комис Импер. Москов. археол. об-ва. М., 1913. Т. 4. С. 1—71.

Скромное отражение того же сюжета — в «Подражаниях Корану» (1826) А. Г. Ротчева (№ 6; см.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 435).

Гете знал также другую легенду — греческую легенду об Эпимениде: «Однажды отец послал его в поле за пропавшей овцой. Когда наступил полдень, он свернул с дороги, прилег в роще и проспал там пятьдесят семь лет. Проснувшись он опять пустился за овцой в уверенности, что спал совсем недолго, но, не обнаружив ее, пришел в усадьбу и тут увидел, что все переменялось и хозяин тут новый. Ничего не понимая, он пошел обратно в город; но когда он хотел войти в свой собственный дом, к нему вышли люди и стали спрашивать, кто он такой. И голько отыскав своего младшего брата, уже дряхлого, он узнал от него, в чем дело» (Диоген Лаэртский. I 109; пер. М. Л. Гаспарова).

Гете работал в 1814—1815 гг. над торжественной пьесой «Пробуждение Эпименида», в которой использовал эту легенду; см. ее пересказ в статье Гете об этой пьесе: *ВА* 17, 462. Несомненно, легенды об Эпимениде и об эфесских отроках связались в сознании Гете и повлияли друг на друга.

⁴⁹ *Ямблика* — от греч. имени Ямблих, Ямвлих. *Прощайте* (с. 135). -- Написано в 1814 г., вероятно в конце декабря.

СТАТЬИ И ПРИМЕЧАНИЯ... (с. 137)

Гетевский комментарий к *ЗВД* сам образует структурную часть целого, выполняет не просто служебную функцию, но является полновесным произведением особого жанра и рода. См. об этом подробнее в статье. Как такое произведение, созданное согласно внутреннему закону, постепенно, не очень заметно для современников Гете вызревавшему в его творчестве с конца 1790-х годов, оно и содержательно, и формально стало загадкой для первых читателей *ЗВД*, но, к сожалению, оставалось такой загадкой и для последующих поколений.

В первом издании *ЗВД* прозаическая часть была, как известно, обозначена так: «Лучшему разумению». Это и есть собственное заглавие прозаической части.

тогда как общепринятое и пространное заглавие возникло в результате перевода структуры этой книги в иную форму при втором ее издании в 1827 г., в составе С. Задуманные в помощь читателям, растерявшимся после публикации первых стихотворений *ЗВД* в 1816 г., «Статьи и примечания» сами нуждались в некоторой подмоге, — чтобы их богатство не пропадало втуне. Иного не могло быть, коль скоро сама форма поэтической части *ЗВД* — подчеркнем, его содержательная форма — вплоть до самых последних десятилетий оставляла в недоумении исследователей или просто не занимала их; ведь структурные проблемы поэтической части повторяются в прозаической части в еще более усиленном, усугубленном виде. Можно сказать и так: прозаическая часть *ЗВД* оставалась довольно скучной книгой до тех пор, пока к ней не стали искать ключа. А искать ключ — это, в данном случае, значит прежде всего доверять большому поэту и мыслителю, полагая, что он не стал давать в своей книге разрозненные и случайные сведения о Востоке и не просто снабжал читателя стихотворений фактами из истории культуры Востока, делая это в недостаточно компактной, разбросанной форме. Искать ключ — значит здесь уже получить его в свои руки, приложив то усилие, которое необходимо для того, чтобы целое начало раскрываться: так, к примеру, и слушатель бетховенского квартета не получит никакого удовольствия от музыки и не составит представления о целом, если будет оставаться пассивным, если музыка будет проходить мимо него, а не войдет внутрь, не станет выражением его мысли и он не будет следить за движением каждой линии как становлением и разворачиванием внутреннего смысла произведения. Если же он будет способен вобрать движение музыки в себя и превратит ее как бы в свое собственное движение, в свою мысль, то и все сухое, отрывочное, чрезмерно лаконичное приобретет предельную напряженность и экспрессивность. Надо помнить о том, что большой художник мыслит очень широкими планами, что он поэтому не торопится, а, создавая нечто в каком-либо отношении фрагментарное, продолжает мыслить огромными взаимосвязями, которые просматриваются сквозь все отдельное. «Слово — как всер!» (Гете). Вся трудность — в этом соотношении «слишком»

отдельного и общего — трудность и для слушателя музыки позднего Бетховена и для читателя гетевского текста. Гетевские тексты в прозаической части *ЗВД*, подобно вееру, указывают на полноту смысла, т. е. здесь на целый культурный круг, размышляя о котором, наглядно представляя себе который художник постоянно сопоставляет его с своей, немецкой и европейской культурой начала XIX в. в ее генезисе. Художник, поэт мыслит мировыми эпохами; его рамки — рамки всемирной истории культуры.

Что прозаическая часть *ЗВД* «запущена» в науке — очевидно. Единственное отдельное исследование о прозе *ЗВД*, написанное востоковедом В. Лентцем, как чтение текста малоудовлетворительно: *Lentz W. Goethes Noten und Abhandlungen zum WöD. Hamburg, 1958*. В. Лентц довольно удачно формулирует цель гетевских прозаических статей: «взаимное освещение структуры западной и восточной, особенно персидской культуры через вычленение отличительных их признаков в эпохи их высшего расцвета» (*Ibid.* S. 149; «взаимное освещение» — выражение Гете, одно из ключевых слов в его позднем мировоззрении); однако представляет он себе эту цель несколько наукообразно (в духе непреодоленного научного позитивизма), отсюда упреки, которые диктуются затрудненностью чтения — трудностями схватывания формы: «Несистематическая разработка материала в „Статьях и примечаниях“ приводит к потерям в исчерпывающем изложении предметов, в равновесии между различными охарактеризованными признаками и предметами определенной области знания, наконец, в логическом упорядочивании частных согласно ясно отграниченным родовым понятиям. Далеко заходящая дифференциация в каждой сфере — от формы примеров до степени и глубины их разработки — тем более усиливает впечатление необозримости» (*Ibid.* S. 67). Как простая констатация трудностей, все это верно! Но все это — такой взгляд, который идет вразрез с замыслом самого Гете, который, например, не стремился и даже не мог бы стремиться к «исчерпывающему изложению». Между тем исключительное значение созданного Гете — в том, что ему удается перейти от очевидной неполноты своего знания к известной полноте художественно-научного образа культурной эпохи. По

словам Э. Трунца, «современный читатель обычно не замечает, сколь насыщены сжаты и уравновешены „Статьи и примечания“, так как он не знает бедности тогдашней литературы о Востоке» (НА 2, 565). Правда, «бедность» лишь относительна — и вернее было бы сказать о блестящей синтезирующей способности Гете. Подобно тому как это было в естествознании, в XIX в. произошел резкий конфликт между гетевским синтезирующим видением Востока и позитивным востоковедением, которое легко указывало на конкретное «незнание» Гете, само же упускало из виду целостность своего предмета. И действительно: неполнота гетевских знаний такова, что в отношении ко всему известному науке в XIX в. и теперь она, можно сказать, стремится к нулю. Зато полнота такова, что она, следуя особой (естественно, не выраженной явно), сокращенной логике поэтически-ученой мысли, очень часто позволяет составить верное представление и приходиться к правильным выводам относительно предметов в собственном, строгом смысле слова неизвестных. Это многократно подтверждалось и подтверждается в истории востоковедения.

Тонко понимал гетевский замысел немецкий востоковед Г. Г. Шедер, скончавшийся, к сожалению, раньше, чем гетеведение сделало решающие шаги к пониманию позднего творчества Гете, внутреннего строения, внутреннего закона его поздних созданий. Вернее, Шедер стоял у самых истоков этого нового этапа в гетеведении; см.: *Schaeder H. H. Goethes Erlebnis des Ostens*. Leipzig, 1983, и особ.: *Id. Der Osten im WöD//WöD/Hrsg. von E. Beutler*. Leipzig, 1943. S. 787—835. Шедер отмечал «чистоту, незамутненность» взгляда Гете на Восток в сравнении с позднейшими книгами о Востоке (см. *Schaeder H. H. Goethes Erlebnis... S. 90*) и стремился диалектически понять единство ЭВД: «Если попытаться описать закон, лежащий в основе таинственного единства „Дивана“, то мы обращаемся к одной господствующей в нем идее — идее превращения, метаморфозы. Превращение — т. е. нечто стало не просто иным, но наличествует высшее единство бытия и инобытия, чудо непрестанности пребывания в самой изменчивости, единства в двойственности» (*Ibid. S. 63*). Э. Трунц, глава современного гетеведения, пишет о

ЗВД: «В составе гетевских сочинений „Статьи и примечания“ — самый большой исторический труд Гете после его „Истории учения о цвете“» (*НА* 2, 565).

По Э. Трунцу, прозаическая часть как целое хорошо и отчетливо упорядочена. Основные части таковы:

1) история восточной поэзии и ее характеристика; «По мыслям наиболее значительный раздел»;

2) интерпретация *ЗВД* и планы его продолжения; «Неоценимо как характеристика отдельных книг, превосходит все сказанное об этом позднейшими исследователями»;

3) экскурс: «Израиль в пустыне»; «Пример историко-критического рассмотрения материала»;

4) источники восточных штудий Гете и эскиз восприятия Востока на Западе со времен средневековья (*НА* 2, 566—567).

Разумеется, можно членить прозу *ЗВД* и на более мелкие разделы. Нужно лишь подчеркнуть, что форма этой прозы — не собственно органическая, но что такая «неорганичность» лишь свидетельствует об ином законе строения формы, устройства целого, мышления содержательной формы. Здесь уникальным образом объединяются форма книги-альманаха со случайным набором статей и всеохватность энциклопедии в самом сжатом и насыщенной виде.

Об источниках восточных штудий Гете. Несмотря на бедность доступной Гете востоковедческой литературы, Гете использовал огромное количество разнородных источников. Как известно, стимулом к созданию всей прозаической части *ЗВД* послужила вышедшая в 1818 г. книга венского дипломата и ориенталиста Йозефа фон Хаммера (позднее, с 1835 г., — Хаммер-Пургшталя) «История изящной риторической поэзии Персии». В свою очередь, книга Хаммера восходила к выдающемуся произведению средневекового Ирана, «Истории поэтов» Даулатшаха Самарканди (умер в 1494—1495 гг.), послужившей руководством для европейских иранистов всего XIX в., — с характеристикой этого сочинения и двумя избранными отрывками из него в русском переводе можно познакомиться по статье: Чалисова Н. Ю. «Тазкират аш-шу'ара» Даулатшаха — источник и памятник литературы // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 221—236.

Остальные источники, к каким обращался Гете, в подавляющем большинстве известны, собраны, описаны, изучены (часть их указал сам Гете). С их перечнем можно познакомиться в ВА 3, 704—707, а также в изданиях Г.-И. Вейтца, Э. Трунца и других, дополняющих друг друга; там можно получить точные библиографические сведения о каждой книге. У нашего издания своя специфика, и повторять библиографические описания немецких изданий не представлялось целесообразным; поэтому даются лишь отсылки на те книги, которые Гете упоминает или подразумевает в своем тексте, заглавия же книг даются в русском переводе и в краткой форме.

См. также: *Schlaffer H Gedichtete Theorie: Die «Noten und Abhandlungen» zum WöD // GJb 101. 1984. S. 218—233.*

ВВЕДЕНИЕ (с. 139)

¹ *Речение...* — Еккл. 3, 1.

² *.. веря в нацию...* — Гете в «нации» (или «народе») видит «издревле ведомый феномен» (см. ниже статью «Переход»). «Нация» здесь — не в каком-либо специфическом значении, но тождественна «народу», «народности».

³ *... по особой интонации...* — У Гете здесь «акцент» (франц. *accent*), который означает не «выговор», а именно «интонацию».

⁴ *... басням и нравам* — Басня — *Fabel*, слово, за которым стоит лат. *fabula* и греч. *mythos*. «Басни» означают для Гете все создаваемое поэтической фантазией народа, сумму их «сюжетов», «баснословие» народа. Словом «миф» Гете пользуется редко и неохотно: будучи весьма начитан в сочинениях романтических мифологов (Крейцер, Геррес, Ф. Шлегель, даже И. А. Канне), Гете отгораживается от слишком специфичных, обязывающих значений «мифа», от его романтических толкований.

⁵ *... прибавленный к книге Указатель...* — Этот Указатель играет существенную роль в конструкции «Дивана» (по мере возможности подрывая представление о «Диване» как книге, подлежащей последовательному прочтению от начала к концу), а его систематичность Гете все же несколько преувеличивает.

ЕВРЕИ (с. 141)

¹ ... о Библии. — Библия — настольная книга и Гете, и его современников; это непременно следует иметь в виду для того, чтобы понять, сколь большое место занимает она в мировоззрении Гете, — это самая первая и самая близкая из книг, какие приходилось и приходится читать, осмыслять, непрестанно обдумывать. Кроме того, это самая универсальная книга, которая для Гете и его современников хронологически предшествует всему тому распадению единого знания (или единой пра-поэзии) на поэзию и не-поэзию, на поэзию и философию, на поэзию и науку, какое наблюдается во всей культурной истории. А в то же время эпоха Гете (начиная с Гамана и Гердера) впервые способна оценить все те поэтические начала, какие содержатся в Библии. В результате Библия для Гете служит универсальной мерой для оценки всего того, что существует в культурной истории, и если все явления искусства, изобразительного и поэтического, Гете в конечном счете сопоставляет с греческим искусством как их идеальной мерой, то Библия оказывается еще более общей, глубокой и предполагающей сама собою мерой всего совершающегося в жизни, истории, культуре. Отсюда обобщающие суждения Гете о Библии, относящиеся к 1825—1826 гг. в «Максимах и рефлексиях»: «Библия — это вечно действенная книга, потому что, доколе мир стоит, никто не выступит вперед и не скажет: я постиг ее в целом и понимаю в частностях. Мы говорим скромно: в целом она почтенна, в частностях применима» (№ 335); «Много спорят о пользе и вреде распространения Библии, и еще долго будут спорить. Для меня ясно одно: вред останется, коль скоро ею будут пользоваться догматически и фантастически; польза останется, коль скоро ее будут воспринимать дидактически и с чувством»; «Великие изначальные силы, действующие от века или разившиеся со временем, не знают удержу во всем полезном и во всем вредном — все дело случая» (№ 374 и № 375); «Я убежден, что Библия становится все прекраснее по мере того, как ее все лучше понимают, т. е. все больше уразумевают и видят, что любое слово, какое мы постигаем в общем смысле, а прилагаем к себе в особенном, в прошлом обладало

своим особым, конкретным, непосредственно индивидуальным значением, зависевшим от обстоятельств, от условий времени и места» (№ 672).

² ... когда... Гердер, когда... Эйхгорн... — Гердер с его необычайно широким кругозором мог бы считаться востоковедом (о Библии, о восточной культуре, о Персии им количественно написано несравненно больше, чем Гете), не будучи специалистом ни в какой отдельной области. Беседы с Гердером о Ветхом Завете начались у Гете еще в Страсбурге (1770). Иоганн Готтфрид Эйхгорн (1752—1817), востоковед, историк литературы с обширными познаниями и интересами, был профессором в Иене до 1788 г.

³ ... Книгу Руфь — ... — «Книга Руфь» — высокопоэтический и проникнутый духом человечности рассказ, вошедший в Ветхий Завет (создан в V—IV вв. до н. э.; см. перевод И. С. Брагинского в кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 557—563). Та цель книги, о которой упоминает Гете, касается приложенной к «Книге Руфь» (4, 18—22) генеалогии царя Давида — очевидно внешней по отношению к самому повествованию и вторичной.

⁴ ... «Песни Песней»... — Гете сам переводил эту ветхозаветную книгу еще в 1775 г. Переводил ее, конечно, и Гердер. См. русский перевод И. М. Дьяконова: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 625—638; Лирическая поэзия древнего Востока. М., 1984. С. 81—121. См. ниже («Из восточных бумаг Гете») рецензию «Песни Любви».

⁵ ... состояние фрагментарных ... стихов... — «...» „Песнь Песней“ — это сборник песен, исполнявшихся на свадьбах. «...» Древний составитель этого сборника, живший, вероятно, в III в. до н. э. и сам обладавший незаурядным поэтическим талантом, несомненно, расположил отдельные песни в определенном порядке. «...» Но нет сомнения что „Песнь Песней“ — не единое произведение, не поэма и не драматическое действо, как нередко ее пытались и теперь еще пытаются толковать, а сборник отдельных песен «...» (И. М. Дьяконов в кн.: Лирическая поэзия древнего Востока. С. 17—18). См. также: История всемирной литературы. М., 1983. Т. I. С. 289—290. Гете придерживался близкого взгляда; см. в черновике письма

К. Ф. Цельтеру от 11 мая 1816 г.: «Одного восточного поэта, а все они любят доживать до самых старых лет, спросили, отчего он пишет все только любовные песни; тот отвечал — ему хочется, чтобы его пели молодые. И вот очень занятно, что восточные стихотворения, начиная с самых ранних, с домагометовых времен, немножко напоминают кводлибет [особый музыкально-поэтический жанр; здесь — «смесь на все вкусы»]. Нечто подобное есть в Песни Песней Соломоновой, но даже кажется, что она состоит из кусков и клочков — в них столь остроумно, сколь неразумно пытаются отыскать взаимосвязь и мистическое толкование» (ср. замечание в письме Цельтеру от 29 января 1830 г.).

⁶ ... Книга Книг явит нам... — Главное в гетевском отношении к Библии (см. также выше) — следующее: 1) он видит за ее текстами полнейшую историческую конкретность, реальность конкретного дела, к какому были причастны жившие в глубокую древность люди (только эта конкретность со временем стала неясна, непроглядна); 2) он вполне сохраняет универсальность Библии, а потому не разделяет гиперкритицизма в отношении ее. Последнее если не сблизжает, то делает сопоставимой его позицию с взглядом романтических мыслителей, причем и здесь и там — и у Гете и у романтиков — универсальность Библии обосновывается и проясняется через уподобление мира — книге и книги — миру (вполне сохраняющее свою значимость мировоззренческой модели-прообраза); так и для Гете Библия «словно второй мир». Для романтиков, с иного конца, мир в своем развитии, в своей истории словно проецируется в книгу (как если бы такая проекция была совершенно неперемenna), а потому наряду с исторически сложившейся Библией необходимо мыслить еще более абсолютную и универсальную книгу: «... Библия — центральная литературная форма и, следовательно, идеал всякой книги» (Ф. Шлегель в письме Новалису от 2 декабря 1798 г.); ср. фрагмент 95 «Идей» Ф. Шлегеля (1800): «В виде Библии явится новое вечное Евангелие, о котором пророчествовал Лессинг, — но не как отдельная книга в обычном смысле. <...> Или разве есть другое слово, чтобы отличить идею бесконечной книги от книги обыкновенной, кроме Библии, т. е. Книги вообще, абсолютной книги? Ведь есть существенное и даже практически важное различие

между книгой, служащей средством для достижения цели, и самостоятельным созданием, индивидом, олицетворенной идеей. «...» Все классические поэтические произведения древних находятся в зависимости друг от друга, они неразъединимы, образуют органическое целое и составляют, если верно на них посмотреть, лишь одно-единственное поэтическое произведение, единственное, в котором сама поэзия является в полноте и совершенстве. Точно так же и в совершенной литературе все книги должны составлять только одну Книгу, и в такой вечно становящейся Книге будет содержаться Евангелие человечества и культуры». Новалис высказывается подобным же образом: «Не находится ли Библия все еще в процессе роста?» (*Novalis. Schriften/ Hrsg. von P. Kluckhohn, Leipzig, o. J. [1928]. Bd. 3. S. 321*); «Библия — наивысшая задача писательской деятельности» (*Ibid. S. 128*). Как мир есть «откровенное в Природе Слово» (Г. Г. Шуберт) и книга, написанная творцом («Библия Природы» у Яна Сваммердама в XVII в. или, еще раньше, «книги бога» — те, что «он начертил собственным перстом»: *Николай Кузанский. Соч. М., 1979. Т. 1. С. 362*), так Книга должна заключить в себе весь смысл мира. Весьма последовательно для Й. Герреса в его «Мифологии азиатского мира» (1810) весь обнимаемый понятием «миф» рост-метаморфоза единого культурного сознания человечества (или, по меньшей мере, его значительной части) есть запечатляющая такую метаморфозу книга, текст, в свою очередь находящийся в беспрестанном изменении-росте: ««...» единое божество творит во всей вселенной, единая религия царит, единое служение и единое в корне своем воззрение на мир, и для всех один закон и одна Библия, но только живая книга, растущая, как растут племена людские, и вечно юная, как юн род человеческий» (*Görres J. Gesammelte Schriften. Köln, 1935. Bd. 5. S. 298*). Вот отчасти исторический контекст гетевского восприятия и истолкования Библии: сам Гете, значительно более традиционный и чуждый радикальных романтических переосмыслений, стремится раскрыть, прочесть Библию изнутри — как исключительный, притом вполне непосредственный документ человеческого творчества, совершившегося в истории.

АРАБЫ (с. 143)

¹ ... сокровища ... обрезаются в Моаллакате. — Моаллакат — ал-муаллакат, Муаллаки, произведения доисламской арабской поэзии, о подлинности которых до сих пор ведутся споры; см.: Куделин А. Б. Ранняя арабская поэзия: опыт историко-функционального анализа // Классические памятники литератур Востока (в историко-функциональном освещении). М., 1985. С. 10—30. По Эрбело, «моаллакат» значит «подвешенные, так как стихи, чтобы почтить их, вывешивали у врат Каабы в Мекке» (Вейгц). Таково традиционное толкование слова, которое знал Гете. См.: Mommsen K. Goethe und die Moallakat. В., 1960. Гете писал К. Л. фон Кнебелю 14 ноября 1783 г.: «Джонс, известный своими трудами по арабской поэзии, издал Моаллакат, или семь вывешенных в мечети в Мекке стихотворений семи великих арабских поэтов, с английским переводом (Лондон, 1783)». См.: Монроу Дж. Т. Устный характер доисламской поэзии // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 93—142; История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 211—216 (И. М. Фильштинский); Фильштинский И. М. История арабской литературы: V—начало X века. М., 1985. С. 70—97. Традиционная этимология слова «муаллака» ныне отвергнута: его «объясняют другим значением глагола „аллака“: „связывать“. „нанизывать“, ибо древние арабы сравнивали процесс сочинения стихов с нанизыванием бусинок на нить при изготовлении ожерелья «...»» (Фильштинский И. М. Указ. соч. С. 70).

Имена арабских поэтов, называемых ниже, читаются и транслитерируются теперь иначе: вместо Амралкайс — Имруулкайс; вместо Зохейр — Зухайр (Зухайр ибн Аби Сулма); вместо Лебид — Лабид; вместо Харес — ал-Харис (ал-Харис ибн Хиллиза).

² ... пронцательный Джонс. — Сэр Вильям Джонс (1746—1794), один из пионеров научной ориенталистики — индологии, арабистики, сравнительного языкознания, переводчик. Гете цитирует его «Шесть книг комментариев к азиатской поэзии» (1774; Лейпциг, 1787).

³ ... приведем другое... — стихотворение Сабита ибн Джабара по прозвищу Тааббата Шарран (см. рус. пер. Н. Стефановича в кн.: Из классической арабской

поэзии. М., 1983. С. 20—22). Гете перевел это стихотворение по латинской диссертации Г. В. Фрейтага об «арабской песне» (1814), пользуясь, как указано в литературе, исключительно латинским переводом и игнорируя немецкий перевод ямбами там же (см.: *Schaeder H. H. Goethes Erlebnis des Ostens. S. 170*). Шедер справедливо оценивает это стихотворение Гете как «не имеющее равных по энергии и пылу» среди переводов Гете. Известен рассказ востоковеда И. Г. Штихеля (1805—1896), которому Гете читал это стихотворение в 1831 г.: «Глаза Гете увеличились и были широко открыты, из них словно вылетали молнии» (Разг. 4, 351—352). В. К. Кюхельбекер, делая в 1820-е годы выписки из прозаической части *ЗВД*, набросал перевод нескольких строф стихотворения:

«(Из Поэта после Магомета, но писавшего в духе их).

В полдень поднялись мы, юноши, в враждебный поход, тянулись всю ночь, будто парящие без отдыха тучи.

Всяк из нас был меч, опоясан мечом, вырван из ножен, блестящий перун. — Они впивали духи сна, но, когда в дремоте склонялись главами, мы поразили их, и их не стало. —

*

Горе меня не смягчит, само смягчится.

*

Утолилась жажда копыя первым поением, не возбранилось ему вторичное!

*

Чашу смерти подали мы Гудзелитам; тут засмеялись гяэны и ты видел волков: их лица сверкали.

Налетали коршуны; переходили от трупа к трупу и с богатого пира не могли вознестись под облака. —» (Литературное наследство, № 4—6. М., 1932. С. 663).

⁴ ... *Хузаилит*... — Хузаилиты — арабское племя.

БОЛЕЕ ДРЕВНИЕ ПЕРСЫ (с. 152)

Гете вычленяет идеальную сторону религии персов как религии полезного дела, практики, продолжая стихотворный «Завет староперсидской веры».

¹ *Зороастр* — Заратуштра. «Зенд-Авеста», памятник зороастризма, был издан и прокомментирован А. Г. Анкетилем Дюперроном в 1771 г., по-немецки был издан И. В. Клейкером (1776, приложение в 1781). См.: *Брагинский И. С.* Двенадцать миниатюр. 2-е изд. М., 1976. С. 8—18; *Он же* Из истории таджикской и персидской литературы. М., 1972. С. 44—129; *Он же.* Древнеиранская литература // *История всемирной литературы.* М., 1983. Т. 1. С. 252—271; *Он же.* Иранское литературное наследие. М., 1984. С. 42—93.

² ... безумствования зебров... — Гебры — «неверующие», пренебрежительное обозначение приверженцев зороастризма после принятия персами мусульманства.

³ Странный способ хоронить умерших... — Тела умерших помещались на ветвях деревьев, предоставленные солнцу и птицам.

⁴ *Лже-Смердис* — маг по имени Гаумата, выдававший себя за брата персидского царя Камбиза (529—522 гг. до н. э.); был убит после недолгого правления Дарием I (549—486 гг.), воцарившимся в 521 г. (Геродот III, 61—69). См.: *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

⁵ ... при Сасанидах... — Династия, правившая в 205—636 гг.

⁶ ... воспрепятствовали ... браку Хосрова с красавицей Ширин... — Хосров (Хосроу) II Парвиз (590—628). История любви Хосрова и христианки Ширин рассказывается в «Шах-наме» Фирдоуси.

⁷ в «Завете старого парса». — См. «Завет староперсидской веры» в «Книге Парса».

⁸ Балх — город у истоков Амударьи.

⁹ Бамиан — город к югу от Балха (провинция Хорассан в Северном Афганистане).

¹⁰ ... люди поклоняются нелепейшим идолам... — Гете не мог преодолеть неприязни к пластическим формам индийского искусства; см. ниже в статье «Махмуд из Газни», кроме того, в статье «Индийская поэзия» (в разделе «Из восточных бумаг Гете») и в примечаниях.

ниях к рецензии Козегартена. По словам С. Буассере, Гете говорил ему 19 сентября 1815 г.: «В индийских сказаниях — бесконечный дух и мудрость, он их высоко чтит, только нельзя одновременно смотреть на их изображения, они сразу же губят фантазию, до полнейшей невыносимости». Как предположила Л. Блументаль, Гете пересмотрел свое представление об Индии после чтения книги Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» (1808), которая вместе с тем была выражением католически-романтических тенденций: «Долгое время Гете не был в состоянии воспринимать Индию отдельно от Ф. Шлегеля и романтиков и обрести новое отношение к индийской культуре. Он смотрел на нее критично и полагал, что в индийской философии и изобразительном искусстве заложено все то, что отталкивало его в романтической литературе и живописи» (*Blumenthal L. Goethes «Paria» // Jb des Wiener Goethe-Vereins. Wien, o. J. Bd. 81/82/83—1977/1978/1979. S. 191*). После выхода в свет ЗВД Ф. Шлегель писал брату А. В. Шлегелю: «Что ты скажешь о „Диване“ Гете? Спустишь ли ты это ему — коль скоро он, сидя в кустах, бранит все индийское как заведенный? Собственно, как первый немецкий брамин, ты теперь обязан взяться за это дело». А. В. Шлегель действительно откликнулся в своей «Индийской библиотеке» (1820): «Недавно муж, пользующийся величайшим авторитетом, наложил ужасное проклятие на индийскую мифологию, — впрочем, больше от лица принявшего ислам язычника, чем от лица проповедника-методиста. Индийские брамины и прочие пусть защищаются сами в своем подлинном обличье. Но обо всем том, что с резким осуждением этот новый ревнитель Аллаха и пророка его говорит об изобразительном искусстве, о всемирно известном сборнике басен „Хитопадеша“ [восходящем отчасти к «Панчатантре» — то, что считалось «баснями Бидпай»], о шахматах, этом изобретении индийцев, — об этом мы впоследствии будем иметь случай поговорить, подвергнув это поверке». См. также: *Mommsen K. Indisches // GJb 22, 1960. S. 294—297; Kratzsch S. Goethe und Indien // Indien in der deutschen literarischen Tradition. Halle, 1979. S. 18—31*.

Вполне положительная реплика на эту статью ЗВД находится в «Философии мифологии» Шеллинга (первая

лекция «Историко-критического введения в философию мифологии»): «Высказывания Гете о безобразной форме индийских богов известны и весьма крепки, однако их не назовешь несправедливыми, хотя привкус гнева, быть может, и заметен в его словах, виною чему всецело материальный, догматический характер индийских богов и слишком ощутимая невозможность применить к ним те исключительно идеальные толкования, которыми можно довольствоваться у греков. Ибо ведь без истолкования все равно их нельзя оставить, а простым суждением вкуса — их не устранишь; отвратительные они или нет, они существуют, а следовательно их надо объяснять» и т. д. Шеллинг соглашается с Гете в том, что нельзя выводить греческие представления о богах из индийских, — исгок их более высокий, о чем сам Шеллинг писал еще в работе «О самофракийских божествах» (1815) (см.: *Schelling F. W. J. Sämliche Werke*. Stuttgart; Tübingen, 1857. Bd. XI. S. 23—24).

¹¹ ... толпы мобедов. — Мобеды — жрецы в культе парсов.

¹² ... семейство Бармекидов... — Ср. эпиграф к ЭВД и прим. к нему. Бармекиды — Бармакиды, персидский род, пользовавшийся большим влиянием при дворе халифов в Багдаде в VIII в. Представители этого рода были казнены или сосланы при Гарун аль-Рашиде в 803 г. У К. М. Клингера был роман «История Джафара Бармекида» (СПб., 1792—1794), у И. Хаммера драма — «Джафер, или Падение Бармекидов», к которой проявил любопытство Гете (письмо К. Ф. Рейнхарду от 14 ноября 1812 г.).

¹³ ... один похожий на них род... — До сих пор не разгадано, какой именно род имел в виду Гете; делались многочисленные предположения — от рода князей Долгоруких при Бироне до итальянского рода д'Эсте. См.: *Mommsen K. Die Barmekiden in WöD // GJb* 14/15, 1953. S. 279—301; *Wertheim U. Noch einmal: Die Barmekiden im WöD // GJb* 27, 1965. S. 45—79.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ (с. 157)

¹ Первый из Дариев... — Дарий I (549—486).

² Старик отправляет на войну... — Ср. Геродот IV, 84.

³ Дарий Кодоманн. — Царь в 336—330 гг.

ИСТОРИЯ (с. 159)

¹ Сын его... — Александр Македонский.

² ...пожар Персеполиса. — Персеполис — летняя резиденция Ахеменидов (династия, правившая с 700 по 331 г. до н. э.) в 60 километрах к северо-востоку от Шираза; там справлялись и новогодние празднества 31 марта. Александр Македонский сжег город в знак окончания господства Ахеменидов. Развалины Персеполиса были открыты в XVII в. Пьетро делла Валла.

³ Поэт сам владеет перстнем с печатькой Сапора I... — Сапор — персидский царь (241—272 гг.) Шапур бен Ардашир. Перстень отсутствует в собрании Гете: см. Die Gemmen aus Goethes Sammlung / Bearb. von G. Femmel. Leipzig, 1977. Описание камня дано Козегартеном (Ibid. S. 247—248; P 235) в письме к Гете (29 октября 1817 г.): «Резной камень, отпечаток которого вы переслали мне, изображает царя персидского из династии Сасанидов. Легенда выполнена на древнеперсидском языке сасанидским письмом, впервые расшифрованным Сильвестром де Саси на надписях в Накиш Рустаме и в Кирманшахе в Персии. Подобные камни и монеты воспроизводятся также в „Путешествии“ [1774—1778, Карстена] Нибура, в „Записке о различных персидских древностях“ Саси, в „Сокровищницах Востока“. Несколько имеется в нумизматическом кабинете в Готе. Надпись, читая справа налево, гласит:

„шапох ардшетр миесдесн“.

Т. е.: Сапор, Ардешира, бога слуга, или Сапор, сын Ардешира, слуга божий. Итак, камень этот идет от Сапора I, сына Ардешира, он был из рода Сасанидов, правил в 240—271 [241—272] гг., разбил римлян в нескольких походах, пленил императора Валериана [253—260] и дошел до Антиохии. Слово „миесдесн“, слуга божий, — это обычный эпитет Сасанидов, поскольку они восстановили культ Ормузда, находившийся в небрежении при предшественниках их Аршакидах [248 г. до н. э. — 227 г. н. э.]».

⁴ ... Валентиниана-побежденного? — Валентиниан ошибочно вместо Валериана (Гай Публий Аврелий Валериан).

⁵ ... басням Бидпаи... — Имеется в виду широко

распространенное в восточных и европейских литературах собрание басен «Калила и Димна» (см.: *Kalila wa-Dimna // Kindlers Literatur Lexikon*. München, 1974. S. 5122—5130; см.: *Калила и Димна / Пер. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина*. Изд. 2-е. М., 1957). Первоначально собрание возникло в Древней Индии в жанре «княжеского зеркала», на индийской почве ему наследовал сборник «Панчатантра» (см.: *Панчатантра / Со статьей Вяч. Вс. Иванова*. М., 1958); ок. 727—757 гг. возникла (на основе утраченного персидского варианта) арабская версия (см.: *Калила и Димна / Ст. и примеч. И. Ю. Крачковского*. М.; Л., 1934; *Калила и Димна / Предисл. Е. Э. Бертельса*. М., 1957), составленная Ибн ал-Мукаффой (см.: *Фильштинский И. М. История арабской литературы: V—начало X в. М.*, 1985. С. 345—349); сохранившаяся персидская версия («Калила о Демне») создана ок. 1144 г.; с арабского сборник был переведен на греческий (ок. 1080 г.), а в XIII в. был сделан его славянский перевод (см.: *Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков*. Л., 1969; *Лурье Я. С. «Стефанит и Ихнилат» в русской литературе XV в. // Там же*. С. 155—188). См. также: *Иванов В. В. «Панчатантра» // Панчатантра*. С. 307—308; *Гринцер П. А. Индийская обрамленная повесть как массовая литература средневековья // Классические памятники литератур Востока: В историко-функциональном освещении*. М., 1985. С. 31—48. В 1818—1819 гг. Гете читал изданную в 1745 г. немецкую книгу «Индийская история и басни Бидпай и Локмана» и французское издание Шарля Мутона (1750). Неприязнь Гете к этому сборнику при его постоянном интересе к «Тысяче и одной ночи» объясняется, видимо, его открытой дидактической тенденцией.

МАГОМЕТ (с. 163)

Образ Мухаммеда привлекал Гете с юности. В 1772 г. Гете читал Коран в немецком переводе Д. Ф. Мегерлина, переводил с латинского 6-ю суру Корана, работал над драмой «Магомет» (1772—1773; см. *ВА* 5, 466—470; см. также «Поэзию и правду»: *ВА* 13, 678; ср. стихотворение «Песнь Магомета»,

1773). В эпоху создания ЗВД Гете знал монографии о Мухаммеде Йоганна фон Ребиндера (1799) и К. Э. Эльснера (1810), немецкий перевод Корана Теодора Арнольда (1746), выполненный по английскому переводу Джорджа Сейла. В немецком тексте — цитата из Корана по Арнольду.

¹ ... словами выдающегося ученого ... — Ученый — Якоб Голиус (1596—1667), высказывание которого Гете нашел у Арнольда.

² Мотанабби — ал-Мутанабби, выдающийся поэт (915—965). Он говорил: «Все люди джахилийи не достигают моей поэзии», а его творчество вызвало долгий спор между «старыми» и «новыми» в арабской поэзии. См.: Куделин А. Б. Средневековая арабская поэтика. М., 1983. С. 27; см. также: Онаева Д. И., Гулиева К. А. Четыре касыды Абу-т-Тайнба ал-Мутанабби / (Пер. и коммент.) // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 172—189 (с литературой и указанием русских переводов).

³ ... сказки «Тысячи и одной ночи»... — См. прим. к рецензии Гете в разделе «Из восточных бумаг Гете».

ХАЛИФЫ (с. 168)

Халифы — имамы, главы мусульманской религии. Мухаммеду наследовали по прямой линии халифы Абу-бекр, Омар, Отман, Али; в это время и позже они пользовались неограниченной властью как «наместники Пророка». К X в. их роль упала низко.

¹ Бармекиды — см. выше прим. к статье «Более древние персы».

МАХМУД ИЗ ГАЗНИ (с. 171)

Махмуд из Газни — Махмуд Газневи, султан в 998—1030 гг.

¹ Фридрих — король прусский Фридрих II (1712—1786, правил с 1740 г.).

² Индийское вероучение... — Гете дает ниже характеристику основных мировых религий. См.: Preisker H. Goethes Stellung zu den Religionen im WöD // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. Köln, 1952. Bd. 4. S. 19—32. В одном случае поздний Гете пробует свести все многообразие религий к двум основным ти-

пам, где «индийское» очевидно, служит образцом для первого: «На свете есть только две истинные религии: одна признает и почитает священное в нас и вокруг нас в совершенной бесформенности, другая — в наипрекраснейшей форме. Все, что между ними, — идолопоклонство» («Максимы и рефлексии», № 667).

³ Христианской же вере подобает величайшая хвала... — Уже Козегартен в своей рецензии обратил внимание на дипломатичность этой похвалы. Гете относился к христианству двойственно: не принимая самых основных символов христианства (см. стихотворение «О дитя! Какая сладость...», *Р* 38, в «Стихотворениях круга ЭВД» и комм. к нему), он отдавал себе отчет в культурно-историческом значении христианства и говорил Эккерману 11 марта 1832 г.: «Как бы ни шла вперед духовная культура, как бы ни распространялись и углублялись естественные науки, как бы ни расширялся человеческий дух, он никогда не поднимется над вершинами нравственной культуры христианства, как блещет и сияет оно в евангелиях». Тем не менее в целом отношение Гете к христианству было отрицательным и по временам очень резким. что невозможно опровергнуть; уже в юности Гете серьезно вобрал в себя огромный запас традиционного гностически-герметического и алхимического знания, отношение которого к христианству было в разной степени натянутым и напряженным, — на это наложились еще чтение знаменитой вольномысленной книги пиетиста Г. Арнольда «Беспристрастная история церкви и еретиков» (1696). Уже в юные годы Гете расходится с И. К. Лафатером, заявляя ему: «Я не христианин» (письмо от ноября 1773 г.). В поздние годы Гете говорил канцлеру Мюллеру (от которого ждал несравненно большего понимания, чем от Эккермана) 7 апреля 1830 г.: «Вы ведь знаете, что я думаю о христианстве, — а, может быть, и не знаете, — да кто же в наши дни христианин, какого желал Христос? Наверное, я один — хотя вы все считаете меня язычником». См.: *Wachsmuth A. B. Stationen der religiösen Entwicklung Goethes // JbFDH 1967. S. 271—316; Brinkmann R. Zur Genese und Aporie des modernen Individualitätsbegriffs: Goethes «Werther» und G. Arnolds «Kirchen- und Ketzerhistorie» (1976) // Id. Wirklichkeiten: Essays zur Literatur. Tübingen, 1982. S. 167—189.*

⁴ Сам-то он, родом перс... — Махмуд не был персом (был по отцу тюрком).

⁵ ... пороки микрокосма... — Т. е. человека, каким рассматривается он в гностически-герметической традиции, у Парацельса и т. д. — в противоположность «большому миру», макрокосму. Ср. в эмблематике: Хенкель-Шене, 953. Представление о микрокосме-человеке у раннего Гете — см. его статьи для «Физиогномических фрагментов» Лафатера: «Он [человек], видя, что поставлен в огромный широкий мир, окружает себе в этом мире забором, стеною малый мир и обставляет его по своему образу и подобию» (*DjG* 5, 322); «Вот — череп [Гомера], в котором колоссальным богам и героям столько же места, сколько на небе и на бескрайней земле» (*DjG* 5, 327).

ЦАРИ ПОЭТОВ (с. 175)

¹ ... называют число четырехсот поэтов... — «Цифра эта, по-видимому, преувеличена, но показательны и другие подсчеты: например, Мухаммед Ауфи называет двадцать девять поэтов при дворе Газневидов, составивших себе известное имя» (*Ворожейкина Э. Н. Литературная служба при средневековых иранских дворах // Очерки культуры средневекового Ирана. М., 1984. С. 142*).

² поставил над ними царя поэтов... — «Махмуд Газневи впервые ввел для Унсури — поэта-лауреата своего двора — звание Малик аш-шуара — „Царь поэтов“. Это звание (<...> было не просто почетным, но и должностным. (<...> Позже, при Сельджуках, „Царь поэтов“ становится своего рода директором департамента поэзии» (Там же, С. 143). Добавим к этому: мысль о том, что «царь поэтов» Унсури «был руководителем тех больших работ, которые осуществлялись при газневидском дворе по собиранию преданий старины, их классификации и отделке» (Там же, С. 143), совершенно очевидно, не принадлежит В. А. Жуковскому, автору книги об «Энвери» (1883), поскольку она была известна Гете, видимо, через Хаммера и, наверно, восходит к традициям. В XII в. вырабатывается уже целая иерархия придворных званий для стихотворцев (см.: Там же).

ПРЕДАНИЯ (с. 176)

Йездедширд — Йездегерд (632—651). В эпоху Сасанидов существовала книга о царях («Хватай-намак»), которая не сохранилась. О ней говорится в старинных редакторских предисловиях к «Шах-наме» Фирдоуси; см. подробнее: Брагинский И. С. Из истории таджикской и персидской литератур. М., 1973. С. 243—244.

¹ ... царю Агасферу из Книги Есфирь. — См. Кн. Есфирь, 6, 1. Агасфер — иначе Артаксеркс.

² ... ту историю империи... — Т. н. «Мансурова Шах-наме», законченная в 957 г. (см.: Брагинский И. С. Указ. соч. С. 246).

³ Ансари — Унсурн Абу-л-Касим Хасан (ум. в 1039).

ФИРДОУСИ (с. 178)

Даты его жизни по современным сведениям: ок. 940—ок. 1020 г.

¹ «Шах-наме». — См.: Брагинский И. С. К изучению «Шах-наме» // Указ. соч. С. 243—302; Шукуров Ш. М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М., 1983. Ср. запись Гете о Фирдоуси (Р 112; Вейтц, 300): «Поэтическая обработка чудесного материала исключительно серьезна и достойна, если и не всегда равноценна. А именно, некоторые места развиты, другие же ситуации лишь намечены. Чрезмерно цветастой пышности новейших персов у него не найти, равно как и вплетаемые моральные рассуждения не слишком часты и отличаются возвышенным характером».

ЭНВЕРИ (с. 180)

Энвери, или Анвари: умер ок. 1190 г.

¹ ... всех украшает он своими славословиями... — К этому месту (см. также в тексте Гете ниже) см. статью: Ворожейкина Э. Н. Указ. соч. С. 140—191; здесь, в частности, сказано: «Отказав придворной литературе в чести принадлежать к истинно художественным ценностям, специалисты обошли ее в серьезных исследованиях. Между тем литература, создаваемая почти на протяжении тысячелетия при меценатствующих дворах, составляет едва ли не большую часть по-

этической классики» (с. 140; ср. также с. 191). Отсюда следует, что гетевское осторожно-взвешивающее отношение к поэтическим созданиям придворной поэзии не было в должной мере усвоено наукой.

² *Словно лоза вокруг ствола ильма...* — Об этом традиционном (эмблематическом) представлении есть исследование: *Froebe H. E.* «Ulmbaum und Rebe». *Naturwissenschaft, Alchymie und Emblematik in Goethes Aufsatz «Über die Spiraltendenz» (1830/1831) // JbFDH 1969.* С. 164—193; auch in: *Emblem und Emblematikrezeption / Hrsg. von S. Penkert.* Darmstadt, 1978. S. 386—413. См. *Хенкель-Шене* 259—260.

³ *Не сбылось важнейшее прорицание...* — См. в «Стихотворениях из круга ЭВД» фрагментарную разработку этого рассказа: «Предрекает бурю...»

⁴ ...походы Чингиз-хана... — Нашествие Чингиз-хана на Персию — 1219 г.

НИЗАМИ (с. 182)

Низами — Низами Ильяс ибн Юсуф Гянджави (ок. 1140—1209).

ДЖЕЛАЛАЭДДИН РУМИ (с. 183)

Даты жизни: 1207—1273.

См. в бумагах Гете (*Р* 116а; *Вейтц*, 300): «Его произведение „Месневи“ [„Матнавн-йе манави“] высоко оценивается и заслуживает того. Судя по тому, что я знаю о нем, с ним дело обстоит следующим образом. Лица, которым положено управлять религией и распространять нравственность, не всегда единодушны с поэтами и рассказчиками басен и сказок. Тогда, не имея возможности подавить или устранить книги рассказов, песни и т. д., они стремятся обезвредить их посредством морального, спиритуалистического толкования, и не только это, но и извлечь из них пользу, а этого можно достичь тем непринужденнее, что слова многозначны, а небесное нередко воплощается в земном. В восточной литературе такой случай част, и так, насколько кажется, „Месневи“ играючи переводит странные и сомнительные сказки в мир идей, прибегая к высшим понятиям, а все

непостижимое и неразрешимое в жизни связывает с высшим миропорядком».

¹ ... встречает *Аттара*. — Феридэддин Аттар, поэт мистиков-суфиев, автор «Пенд-наме» («Книги совета»). См.: *Mommsen M. Goethe und Ferid-eddin Attar // Id. Studien zum WöD. B., 1962. S. 9—24.*

СААДИ (с. 185)

Даты жизни по современным сведениям: ок. 1213—1219—1292.

См. (в «Стихотворениях из круга *ЗВД*») четверостишие: «Вот Саади — обок меня», где Гете определяет возраст Саади в 116 лет.

ХАФИЗ (с. 185)

Даты жизни: между 1317—1326—1389—1390. См.: *Брагинский И. С. Из истории таджикской и персидской литератур. М., 1973. С. 327—412; Он же. Иранское литературное наследие. М., 1984. С. 240—269.*

¹ «Истекает из Корана. » — Цитата из перевода Й. Хаммера.

² *Дервиш* — бедняк, аскет; *суфий* (от араб. суф — шерстяная одежда аскета) — мистик; *шейх* — ученый, духовное лицо, «старейший».

ДЖАМИ (с. 188)

Даты жизни: 1414—1492. См.: *Бертельс Е. Э. Избр. тр.: Навои и Джами. М., 1965; Курбанмамадов А. Эстетика Абдурахмана Джами. Душанбе, 1984; Брагинский И. С. Иранское литературное наследие. М., 1984. С. 270—280; Абдурахмони Чоми: Материалы, посвященные 550-летию. Душанбе, 1973.*

ОБОЗРЕНИЕ (с. 189)

¹ ... иной раз пытались заключить... — Б. Нибур в «Римской истории» (Т. 1. 1811).

² ... к этому Семизвездью... — Г. Г. Шедер отмечал, что канонизация семи поэтов была скорее делом Й. Хаммера, чем фактом персидской культуры (в своей

«Истории изящных риторических искусств Персии» Й. Хаммер обрабатывал собрание биографий поэтов — «Тазкират аш-шуара» Даулатшаха Самарканди; ум. ок. 1494—1495 гг.); см.: *Schaeder H. H. Goethes Erlebnis...*, S. 96—98.

³ ... он первым стал плодотворен... — «Гулистан» («Сад Роз») Муслихэддина Саади был переведен на немецкий язык Адамом Олеарием в 1654 г. (переиздания — 1660, 1696), когда никакой другой персидский поэт и отдаленно не был представлен в переводе с той же полнотой.

⁴ ... вместе с Квинтилианом... — Согласно Трунцу, имеется в виду следующее место — «Ораторские установления» X, 1, 44—45.

ВСЕОБЩЕЕ (с. 193)

¹ «Исус в своем земном скитанье...» — Переделка перевода Й. Хаммера из Низами, причем Гете изменил смысл двух последних строк и ошибся в их толковании.

САМОЕ ОБЩЕЕ (с. 197)

¹ Нуширван — Хосров I Аношарван, персидский царь (531—579).

БОЛЕЕ НОВЫЕ, НОВЕЙШИЕ (с. 198)

В составе прозаической части ЭВД есть несколько статей (см. особенно «Наконец, завершение всего!»), содержание которых теснейшим образом переплетается с историей России начала XIX в., с русско-иранскими отношениями. Так, посол, записи которого Гете предлагает в этой главе, был одним из самых активных и влиятельных иранских дипломатов первых десятилетий XIX в. Это был мирза Абд-оль-Хасан-хан (р. в 1776 г.), или, в ином написании, Мирза-Абуль-Хасан-хан, посол, бывавший в Петербурге, Вене, Париже и Лондоне, участвовавший в русско-персидских мирных переговорах при заключении Гюлистанского (1813) и Туркманчайского (1828) мирных договоров, в то же время заключивший тайный договор с Англией (1814), действовавший в проанглийском духе и позднее (1829)

организовавший «возмущение», во время которого в Тегеране был убит А. С. Грибоедов; см.: Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983. Особ. гл. I—II; Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра. 1832—1838 гг. / Пер. с франц. М., 1967; Пашуто В. Т. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 111—159; Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960; Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX в. Самарканд. 1961; Попова О. И. Грибоедов-дипломат. М., 1964; Балаян Б. П. Международные отношения Ирана (1813—1828). Ереван, 1967; Ениколопишвили И. К. Грибоедов и Восток. Ереван, 1974; Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1873—1875. Т. V—VI/1—2. Абул-Хасан-хан неоднократно характеризуется в дипломатической переписке, и всегда положительно (генерал Ртищев пишет гр. Румянцову из Тифлиса 21 июля 1814 г.: «Мирза-Абуль-Хасан-хана, которого я предварительно почитаю долгом моим рекомендовать в милостивое благорасположение в. с., как человека весьма достойного, благоразумного и по расположению своему к миру наиболее участвовавшего в окончании сего полезного дела» (Акты... Т. V. С. 737)), причем всегда это язык условно-дипломатических сношений, который Гете здесь и далее принимает если не за чистую монету, то за нечто истинное — за должный элемент культуры общения. Язык церемонии, отражающий строго-иерархическое устройство мира и соответственно общества и стремительно разрушавшийся в XIX в., был непосредственно доступен и близок Гете как неотъемлемая часть усвоенной им традиционной культуры. Этот язык во многом определяет его эстетику, его понимание литературных и театральных жанров (в их единстве), в строении которых выдающуюся роль играет процессуальность, церемониальность, когда аллегорические явления, олицетворения, персонажи, сцены-картины представляются (т. е. называют и рекомендуют себя) зрителям; такой эстетикой определяется во многом строение столь сложной вещи, как «Фауст», в который излюбленные Гете «шестивия», «маскарады» вошли в прямом или более размытом виде. Персидское посольство в Петербург было (с обеих сторон) обстав-

лено с наивозможно мыслимой церемонностью (подробно зафиксированной в «Актах...»), которая несомненно увлекла бы Гете. Все то малое, что мог он узнать об этом посольстве, он довел до сведения читателей ЭВД.

¹ ...персидский посол... — Мирза-Абул-Хасан-хан с посольством уже 21 июля 1814 г. прибыл в Тифлис и только в 1815 г. в Петербург, где очень долго дождался возвращения Александра I из-за границы; только 20 декабря 1815 г. (1 января 1816 г.) состоялся церемониальный въезд посольства в столицу (см. Акты... Т. V. С. 771—773), описанный для веймарцев Констанцей фон Фрич в письме из Петербурга (Р 225).

² ...начертать несколько строк... — Как позднее указывал Й. Хаммер, все написанное послом было составлено из текстов Саади. Написанное было доставлено в Веймар; здесь текст перевел на немецкий язык Коэгартен.

³ Я изъездил весь свет... — Этот абзац Гете изложил также стихами; см. Р 102а—в «Весь мир, объездив, не стеснен...» (Дополнение I «Стихотворения круга „Западно-восточного дивана“»).

⁴ Демавсул Сани... — В персидской датировке некорректность.

⁵ Фетх-Али-шах Катжар — Фатх-Али-шах Катжар (1771—1832), с 1797 г. персидский шах. Новая династия воцарилась в обстановке внутренних войн, жестокостей, родственных неурядиц и держалась непрочной; генерал А. П. Ермолов писал гр. Нессельроде 12 апреля 1818 г.: «Племя Каджаров, беззаконно похитившее престол Персидский и даже не имеющее со стороны своей выгоды долговременного обладания, нередко законные права заменяющего, не истребило еще в Персии того унижительного мнения, которое всегда имели они о сем племени, коего имя служило поношением» (Акты... Т. VI, ч. 2. С. 188); см. также: Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983. С. 8—23.

⁶ ...все еще есть поэты... — Предполагают (ВА 3, 758), что Гете имеет в виду «Шехин-Шах-наме» («Книгу Царя Царей») Фетх-Али-хана (1797—1834).

⁷ ...со времен Агасфера... — Агасфер, или Артаксеркс: см. Кн. Есфирь 6, 1.

СОМНЕНИЯ (с. 202)

¹ ... с мистикой нашей... — Направлено против романтических увлечений эпохи.

² Мне пристала неизбежно... — Стихотворные строки Йозефа фон Эйхендорфа (роман «Предчувствие и действительность», 1815. Кн. 2, гл. 12). И для Эйхендорфа цитируемые строки — тоже не последнее слово мудрости. Всего несколькими страницами раньше (с. 182) сам Гете, словно в унисон с романтическим поэтом, писал об «идеальности томления», которому «никогда не бывает удовлетворения».

ДЕСПОТИЗМ (с. 203)

¹ Доколе будешь ты... — Стихи Джами по «Истории изящных риторических искусств Персии» Й. Хаммера.

² Может только то лицо... — Эти и последующие строки — Хафиз в переводе Й. Хаммера.

³ Шедшааи — Шах Седжан (Шах Шуджа), персидский шах (1358—1384) и поэт.

⁴ Для разумных людей... — Из «Истории...» Хаммера.

РЕПЛИКИ (с. 206)

¹ Один англичанин... — Сэр Джон Малколм (1769—1833), посол в Персии. Цитируется его «История Персии» (1815).

² ... немецкий рецензент... — Рецензент (1818) «Истории изящных риторических искусств Персии» Й. Хаммера — Маттеус фон Коллин в Вене.

ДОПОЛНЕНИЕ (с. 209)

¹ «И пересказал...» — 1 Кн. Самуила (1 Кн. Царств), 8, 10—17, 19—20.

² Советом и мечом... — Цитируются стихи из «Истории...» Й. Хаммера.

ПРОТИВЛЕНИЕ (с. 211)

¹ Клит, молочный брат Александра... — Рассказ из «Истории» Курция Руфа (8, 3—7).

ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОНАЧАЛА

(с. 216)

¹ *Рейске* — Иоганн Якоб Рейске (1716—1774), выдающийся филолог, издатель «Образцов арабской поэзии» (1765).

² *Михаэлис* — Иоганн Давид Михаэлис (1717—1791), профессор в Геттингене, выдающийся библист; издатель «Арабской грамматики и хрестоматии» (3-е изд., 1815).

ПЕРЕХОД ОТ ТРОПОВ К СРАВНЕНИЯМ

(с. 218)

¹ *Вновь охвачен бодрим чувством дела...* — Согласно К. Моммзен (*Mommsen K. Goethe und Diez. B., 1961. S. 56*), первые два четверостишия в этой статье сочинены Гете по «Книге Кабуса» в переводе Ф. фон Дица (см. ниже, в разделе «Фон Диц»). По другим указаниям, первое четверостишие — Хафиз в переводе И. Хаммера.

² *Крючков не меньше полусотни...* — Это и следующее двустишие, а также образ подвешенного за волосы поэта — из хаммеровского перевода Хафиза. Ср. пример касыды Камада Исмаила (ок. 1172—1237), разрабатывающей тему «волос», в кн.: Очерки по истории культуры средневекового Ирана. М., 1984. С. 151—152. См. также: Бертельс Е. Э. Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев. 1. Локон и лицо // Избр. тр.: Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 109—125.

³ *Пусть их расщепят в щепу...* — Анвари по «Истории изящных риторических искусств Персии» И. Хаммера.

⁴ ... *кводлибет* — шуточная художественная форма XVI—XVIII вв., заключающаяся в одновременном соединении нескольких песенных мелодий либо в инструментальном исполнении, либо с пением — в любом случае с ясным ощущением сочетания несходного в музыке и словах. Кводлибет (лат. *quodlibet*) буквально означает «что угодно». В XVII в. выпускали целые сборники кводлибетов. См.: *Riemann-Musiklexikon: Sachteil. Mainz, 1967. S. 777—778.*

ОСТЕРЕЖЕНИЕ (с. 221)

¹ *Знаток говорит...* — М. фон Коллин в упомянутой выше рецензии.

² «*Нибелунги*» весьма замечательны... — «Нибелунги» — немецкий эпос «Песнь о Нибелунгах», эстетическое открытие которой стало заслугой немецких романтиков (интерес к произведению проявили в середине XVIII в. швейцарские теоретики; К. Г. Мюллер впервые издал текст в 1782 г., но он был встречен полным равнодушием). В отличие от романтиков Гете, читавший «Песнь о Нибелунгах» в разных изданиях начиная с 1806 г., а также и Гегель отнюдь не разделяли восторга романтиков; позднее Гете сделал о «Нибелунгах» в связи с переводом И. Зимрока (1827) много тонких замечаний (см.: *ВА* 17, 687—690). Тогда же Гете писал С. Буассере (11 ноября 1827 г.): «У нас на душе — как всегда, когда приходишь к уже известному колоссальному изображению, вновь видишь всю его чрезмерность и колоссальность; мы чувствуем в себе какое-то неудобство, потому что не можем собственными силами ни вполне усвоить его, ни встать на один уровень с ним. Вот особенность греческой поэзии — она предоставляет себя в распоряжение достохвальной человеческой способности постижения и встает на один уровень с нею; возвышенное воплощается в красоту». См. также разговор с Эккерманом (от 2 апреля 1829 г.) и *ВА* 18, 173 (1817): «Немец находилась на добром пути и немедленно обретет его вновь, как только оставит вредоносную тенденцию ставить „Нибелунгов“ вровень с „Илиадой“». Ср., напротив, суждение А. В. Шлегеля в рецензии 1811 г.: «Если бы мы, немцы, умели ценить то, что служит нам к подлинной славе, мы давно обладали бы в „Нибелунгах“ нашим Гомером, в „Титуреле“ [Вольфрама фон Эшенбаха] — нашим Данте. Что касается „Нибелунгов“, то ни один рассудительный человек уже не сомневается в том (...).» (*Fambach O. Der romantische Rückfall. B., 1968. S. 613*). См.: *Körner J. Nibelungenforschungen der deutschen Romantik. Leipzig, 1911; Ehrismann O. Das Nibelungenlied in Deutschland: Studien zur Rezeption des Nibelungenliedes von der Mitte des 18. Jahrhunderts bis zum ersten Weltkrieg. München, 1975.*

СОПОСТАВЛЕНИЕ (с. 223)

Эта статья была подсказана Гете «Историей изящных риторических искусств Персин» И. Хаммера, который писал: «Бесконечна область природы и величие фантазии, не занимающей отсюда свои сравнения. Кто поставит гению поэтического искусства пределы в природе и в фантазии! <...> Не относятся ли сюда исключительные примеры великих оригинальных умов, которые поднимаются над существовавшими до них ограничениями и эксцентричностью крыл гиппогрифа свидетельствуют о свободе воображения и как бы возрождаются время от времени. Так, у нас, немцев, есть Жан-Поль, Муза которого заблудилась и вместо Востока оказалась на Западе — а чтобы остаться тут чужестранкой, нацепила на себя личину остроумия и каприза; его фантазия — драгоценность в короне немецкой поэзии, но она не принадлежит немецкой культуре и образованности в качестве общего достояния» (Цит. по кн.: *Solbrig I. H. Hammer-Purgstall und Goethe. Bern; Frankfurt a. M., 1973. S. 189*).

Это указание на Жан-Поля (псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера, 1763—1825) и развил Гете. Это отчасти удивительно, так как Гете никогда не испытывал интереса к Жан-Полю, который по своим эстетическим и жизненным принципам был едва ли не его прямой противоположностью (см.: *Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 14*), а в пору сближения с Шиллером и создания колючих эпиграмм — «Ксениев» Гете осмеливал Жан-Поля, причем именно в связи с его романом «Геспер» (1795). Гете почти не читал Жан-Поля и позднее лишь однажды благоприятно отозвался о его педагогической книге «Левана» (1807) в письме к К. Л. фон Кнебелю (16 марта 1814 г.). Все примеры в своей статье Гете заимствует из главы 10 романа «Геспер», и нет ни малейшего основания думать (как Г. Г. Шедер), что все это Гете сделал в шутку. Благоприятное суждение Гете о Жан-Поле говорит лишь о том, что он достиг такой ступени принципиальной благорасположенности и терпимости ко всем культурным явлениям, которая была предельно далека от запальчивости конца XVIII в., периода сближения с Шиллером, и которая лишь из-

редка прерывалась энергичными и принципиальными антиромантическими выпадами. Подобное же смягчение у Гете и в отношении к Людвигу Тику.

ВОЗРАЖЕНИЕ (с. 227)

Гете возражал против употребленного Хаммером понятия «изящные риторические искусства», которое, на взгляд Гете, очевидно уводило поэзию назад — к временам риторических правил и ученой, отвлеченной теории поэзии. Следует, однако, полагать, что Хаммер ощущал специфику давней персидской поэзии и выбрал свое понятие не без оснований.

ПРИРОДНЫЕ ФОРМЫ ПОЭЗИИ (с. 229)

Гетевская теория поэтических родов весьма интересна, соответствует идеям его естественнонаучной морфологии и не утратила своего интереса для наших дней. Из литературы см.: *Schwinge E.-R. Anmerkungen zu Goethes Gattungstheorie // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, 1982. Bd. 56. S. 123—134; Idem. Griechische Poesie und die Lehre von der Gattungstrinität in der Moderne // Antike und Abendland, 1981. Bd. 27. S. 130—162; Sengle F. Vorschläge zur Reform der literarischen Formenlehre. 2. Aufl. Stuttgart, 1969.*

¹ ... *послушаем современного импровизатора...* — В эти годы стали входить в моду выступления поэтов с импровизированными стихами, нередко на заданную тему и с прочими усложнениями. Позднее Гете слушал такого виртуоза — д-ра О. Л. Б. Вольфа (1799—1851).

ДОПОЛНЕНИЕ (с. 231)

¹ «*Разговоры птиц*» ... — мистическая поэма «Мантек от-таир», состоящая из 45 «макалат» (бесед), — о путешествии птиц к чудесной птице Симург (Феникс) на гору Каф.

ОРАКУЛЫ ИЗ КНИГ (с. 232)

¹ ... *испрашивали совета ... у «Шкатулки» ...* — В пиетистских кругах Германии была распространена «Златая шкатулка детей божьих, сокровище которых на небе». В Веймаре хранится принадлежавший матери Гете экземпляр 1745 г. издания; он устроен так: на каждом развороте с одной стороны помещено библейское изречение со стихами из духовных песен, вторая сторона оставлена пустой, для записей (НА 9, 675).

² *И поэт Запада равно намекает...* — Ср. первое четверостишие «Книги Изречений».

ОБМЕН ЦВЕТАМИ И ЗНАКАМИ (с. 233)

¹ *Все стражники склонились...* — Дальнейшее — свободное развитие мотивов из «Сокровищниц» Хаммера.

² *Лал...* — Игра в отгадывание весьма неубедительно выглядит и по-немецки и может быть переведена лишь условно; поэтому здесь она дается в сокращении.

³ *Джемилль у Ботейна* — См. прим. к стихотворению «Образцы» в «Книге Любви».

⁴ ... *развлекаются игрой в шарады.* — Такие игры входили тогда в светский обиход, даже составляли его неизменную часть.

⁵ ... *благодаря ... ясновидению.* — Тема, развивавшаяся романтической натурфилософией и поэзией этого времени. Ср. след. прим. Впоследствии Гете говорил канцлеру фон Мюллеру (10 февраля 1830 г.) в связи с «Ясновидящей из Пресфорста», книгой романтического писателя и поэта Ю. Кернера: «Я с юности остерегался подобных вещей и следил, чтобы они шли только рядом со мною. Правда, я не сомневаюсь в том, что подобные чудесные силы заложены в человеческом естестве. — иного и быть не может; однако их вызывают наружу ложными, кощунственными приемами. Где я не могу видеть ясно, где не могу действовать с определенностью, — это круг, к которому я не призван». Таким образом, гетевское «ясно-видение» реалистического свойства (сущность вещей реальна, является как «открытая тайна») приходит в противоречие с романтически-мистическим «ясновидением».

⁶ ... благодаря органическому магнетизму. — Гете на протяжении долгих лет усиленно следил за литературой о «животном магнетизме», которой положил начало Антон Месмер («Трактат об открытии животного магнетизма», 1779). Гете читал все основные работы по этому вопросу, в основном написанные натурфилософами-романтиками. Вследствие этого отношения Гете с романтическим движением приобретают особую многогранность.

См.: *Leibbrand W.* Die spekulative Medizin der Romantik. Hamburg, 1956. S. 177—190; *Schmidt R.* Gesundheit und Krankheit in romantischer Medizin und Erzählkunst // *JbFDH* 1966. S. 197—228. Поскольку весь ЭВД пронизан заметными или чаще почти незаметными ходами натурфилософской мысли, допустимо привести пример того, как восточные представления (возможно, навеянные гетевским ЭВД) вплзаются в мысль натурфилософа: «В опочивальне — черепной коробке — пластическая фантазия справляет вечное бракосочетание с массой мозга и, как гурии в Мохамедовом раю, каждую ночь вновь обретает девственность, а жених ее Фосфор с каждым разом все крепче» (Г. Блумредер; цит. по кн.: *Leibbrand W.* Op. cit. S. 301).

ШИФР (с. 236)

¹ Да и мы, пятьдесят лет тому... — Об этом Гете неоднократно рассказывает в «Поэзии и правде»: «У меня с детства была забавная привычка выучивать на память начала книг и разделов разных произведений, сначала Пятикнижия Моисеева, потом „Энеиды“ и „Метаморфоз“. Так поступил я даже с „Золотой буллой“» (ВА 13, 171).

² ... о способе сообщаться посредством шифра... — Гете описывает способ обмениваться «шифрованными письмами», о каком договорился с Марианной фон Виллемер (Р 93—99). Вновь вкрапленне конкретности в текст Гете, о каком не могли догадываться его современники. Ниже следует стихотворение — «шифрованное письмо», составленное из строк Хафиза в переводе Хаммера; правда, для ЭВД Гете сильно отредактировал его (ср. Р 98).

БУДУЩИЙ «ДИВАН» (с. 239)

Гете намеревался значительно расширить *ЗВД* и подготовить для него «Книгу Друзей». Однако ко второму изданию *ЗВД* (в С) он написал лишь относительно небольшое число стихотворений. Статья «Будущий диван» была во втором издании оставлена в нетронутом виде. У читателей *ЗВД* нередко создавалось неверное впечатление, будто Гете работает над «вторым» Диваном. Однако указание Гете на неполноту, несовершенство *ЗВД* должно было приоткрыть «тайну» его содержательной формы, его строения.

¹ *Книга Поэта*. — В *ЗВД* — «Книга Певца». Это расхождение осталось невыправленным в прижизненных изданиях *ЗВД* не столько по недосмотру, сколько потому, что заглавия, названия рассматривались не как строго-номенклатурные, как неизменяемый текст, а как названия, т. е. указания на текст, которые должны были быть лишь достаточными для отождествления текста. С тех пор поэтика заглавия пережила резкие перемены под унифицирующим воздействием технического мышления.

² ... во время великолепного праздника... — Гете писал текст «Маскарадного шествия» для праздника 18 декабря 1818 г. в честь императрицы-матери Марии Феодоровны, супруги Павла I; ее дочь Мария Павловна была супругой наследного герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха, с 1828 г. — великого герцога.

³ ... лишь за семью поэтами признал он наивысшее достоинство... — См. выше прим. к статье «Джами».

⁴ *Хафизу*. — Перевод В. В. Левика. См. поэтическую часть *ЗВД*.

⁵ *Валик и Азра*. — От эпоса «Вамек и Азра» Унсуря сохранилось лишь около 200 стихов. Сюжет восходит к доисламским временам; предполагают, что он относится к кругу романа об Александре и имеет греческое происхождение (Бертельс Е. Э. Избр. тр. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 314—315).

⁶ «Большая заслуга — любовь, и другой...» — См. «И еще чета» (III/2) в «Книге Любви». Перевод В. В. Левика.

⁷ Однако с притязаниями нашего западного поэта... — «Притязание» — одна из тем *ЗВД*; см. «Дер-

вость» (I/14) в «Книге Певца». См. ниже в тексте.

⁸ ... своих царственных повелителей. — См. «Самое сокровенное» (в «Книге Любви»), «Шаху Седжану...» (II/21), «Величайшее благоволение» (II/22) (в «Книге Размышлений»).

⁹ ... со своими хорегами... — Хорег (греч.) — руководитель хора.

¹⁰ ... созерцание колоссальных событий мира... — Т. е. событий наполеоновской эпохи.

¹¹ ... слишком очевидным кажущееся их истолкование. — Гете был решительно несогласен ни с официальной версией исторических событий современности, ни с немецким ультрапатриотическим их толкованием. Свой взгляд на современную историю он хранил про себя.

¹² ... решиться вывести фигуру Насреддина Ходжи... — Гете очень интересовал этот образ. Ф. фон Динц прислал ему свой перевод пяти рассказов, сделанный специально для Гете (Р 223). См. стихотворение «Дицу» в разделе «Стихотворений из круга ЭВД». Ниже следует один из рассказов в переводе Динца.

¹³ Вот что рассказывает Саади... — Гете почти без изменений воспроизводит рассказ из «Сада Роз» в переводе Адама Олеария по изданию 1696 г. (кн. V, гл. 16 и 17).

¹⁴ ... что есть Ислам... — Из «Жизни Мохаммеда» Эльснера Гете выписал: «Эслам, Ислам — покорность Богу» (Р 171).

ВЕТХОЗАВЕТНОЕ (с. 257)

См. материалы в разделе «Из восточных бумаг Гете».

ИЗРАИЛЬ В ПУСТЫНЕ (с. 258)

См. также комм. к материалам раздела «Из восточных бумаг Гете». По сравнению с приводимыми там записями 1797 г. статья приобрела более стройный вид, был переосмыслен характер Моисея, который обрел большую цельность и многогранность.

¹ «И восстал...» — Исх. 1, 8.

² Исполнилось обетование... — Быт. 12, 1—3; «...» пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую я укажу тебе. И Я

произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные».

³ «Симеон и Левий...» — Быт. 49, 5—7.

⁴ Египтянина ... убивает он тайно. — Исх. 2, 11—12.

⁵ ... он завоевывает благорасположение ... государя-жреца... — Исх. 2, 20.

⁶ ... учиняется Сицилийская вечерня наоборот... — Сицилийская вечерня — восстание сицилийцев против французского владычества 30 марта 1282 г., во время вечерни в понедельник на Страстной неделе.

⁷ Ясное небо ночи... — См. Быт. 15, 5.

⁸ ... лишь языки пламени являются... — Числ. 11, 1.

⁹ ... народ назвал Гробами прихоти... — Числ. 11, 34.

¹⁰ ... вперед до Кадеса. — Числ. 20, 1.

¹¹ ... испрашивали позволения... — Числ. 20, 17—18.

¹² *Меж тем Мариамь скончалась...* — Числ. 20, 1.

¹³ ... *Аарон исчез с глаз...* — Числ. 20, 29.

¹⁴ ... *Моисей исчез из глаз...* — Втор. 34, 5.

¹⁵ ... *отправились от подножья горы Синай...* — Числ. 10, 11—12.

¹⁶ Сансон — французский географ и картограф Никола Сансон (1600—1667), автор «Священной географии, описанной по Ветхому и Новому Завету» (1652), постоянно переиздававшейся.

¹⁷ Кольме Антуан Огюстен (1672—1757) — автор «Словаря Священного Писания» (1729); в библиотеке Гете.

¹⁸ Уэлл (правильно Уэллс) — Уэллс Эдвард (1662 или 1667—1727) — математик, географ и богослов, автор «Исторической географии Ветхого и Нового Завета» (1711—1712; нем. перевод 1765).

¹⁹ Нолен Жан Батист (1686—1762) — французский картограф; «Святая земля, гравированная на четырех листах» (1752).

²⁰ ... *Каков человек, таков и бог.* — На эту тему двустихие в «Стихотворениях из круга ЭВД».

БЛИЖАЙШИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
(с. 282)

¹ Паулус Генрих Эберхард Готтлоб (1761—1851) — хорошо известный из немецкой культурной истории как непримиримый противник Гегеля и Шеллинга, богослов, востоковед, в 1789—1803 гг. профессор в Иене, а с 1811 г. — в Гейдельберге, где в 1815 г. вновь встречался с Гете и даже давал ему объяснения касательно арабского языка. Автор «Арабской грамматики», «Собрания наиболее замечательных путешествий на Восток» и других книг, известных Гете.

² Геерен Арнольд Герман Людвиг (1760—1842) — немецкий историк, профессор в Геттингене. Его «Идси о политике, сношениях и торговле наиболее известных народов древнего мира» (1812) Гете читал в 1812—1813 гг.

МАРКО ПОЛО (с. 284)

Даты жизни: 1254—1323. Гете читал его «Путешествие на Восток» (в 1272—1295 гг.) в немецком переводе 1802 г., а в апреле 1819 г. — в итальянском издании 1674 г.

ИОАНН ИЗ МОНТЕВИЛЛЫ (с. 286)

Гете по-разному пишет имя сэра Джона МанDEVИЛЛА (XIV в.), автора книги (ок. 1357 г.; впервые издана в 1480 г., немецкий перевод — 1484 г.). Считается, что оригинал написан по-французски. Гете читал немецкий текст народной книги в издании 1609 г.: «Книга путешествия в Святую землю. . .»

¹ Геррес Йозеф (1776—1848) — выдающийся романтический писатель, публицист, натурфилософ, автор «Немецких народных книг» (1807), обзора, сыгравшего самую выдающуюся роль в освоении культурного наследия. В этом разборе среди 49 произведений рассматривается и книга МанDEVИЛЛА. См.: Görres J. Gesammelte Schriften. Köln, 1926. Bd. 3. S. 193—200. Гёррес писал: «МанDEVИЛЬ не был первым из путешественников нового времени, кто дошел до самых границ известного мира, но благосклонная судьба выделила его из всех его предшественников, сделав знаменитым, — и

своему времени, и впоследствии он представлялся первым». «Он словно Одиссей нового времени, несущий весть о далекой сказочной стране, доподлинное о ней сообщение. Но поскольку впоследствии по мере падения поэзии и большей абстрактности религии миф утрачивал свое значение, от всего путешествия осталось лишь географически-сциентифистское, а когда рассудок сделал это путешествие предметом своего созерцания, то все фабулы должны были показаться ему чистой ложью, и так Мандевиль в позднейшие времена удостоился славы величайшего лжеца и выдумщика среди всех путешествующих. Это обвинение вполне неосновательно, он описывает точно и достоверно все, что видел, его авторитет несомненен, а свидетельство — подлинно».

См. также: *Pfister F. Von den Wundern des Morgenlandes.* — *Deutsches Jb für Volkskunde.* В., 1955. Bd. 1. S. 127—147.

ПЬЕТРО ДЕЛЛА ВАЛЛЕ (с. 286)

Даты жизни: 1586—1652. Его книга издана по-итальянски в 1650—1653 гг. Гете читал женевское издание 1674 г. на немецком языке.

¹ ... *капиги*... — привратник.

² *Аббас II* — правильно *Аббас I* (1557—1628), правил с 1587 г.

³ *Шерли* — свр. Энтони Шерли (1565—ок. 1635), в Персии с 1599 г.; «Путешествие в Персию» (1613).

⁴ ... *потребовалось целых 90 лет*... — Потомки *Аббаса I*, *Савафиды*, правили до 1737 г.

⁵ ... *на Ара Цели*... — церковь *Санкта Мариа ин Ара Цели* (на радуге небесной) (XIII в.).

ОЛЕАРИЙ (с. 308)

Олеарий Адам (1599—1671) — знаменитый путешественник, филолог и богослов, в 1633 г. — секретарь посольства, направленного в Персию герцогом Фридрихом III Шлезвиг-Гольштинским. Путешествие продолжалось до 1639 г. *Олеарий* подробно описал его (1647, расш. издание — 1656 г.). См.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

¹ Герберт Томас, сэр (1606—1682), путешествовал в Персию в 1627—1629 гг.: «Описание персидской монархии» (1634; расш. издание: 1638).

² ... от человека, больше напоминавшего авантюриста... — Отто Брюгман (Брюггеман) (1600—1640) был казнен. В 1819 г. Ахим фон Арним напечатал, как дополнение к ЭВД Гете, свою статью о Брюгмане; см.: *Arnim L. A. von. Unbekannte Aufsätze und Gedichte / Hrsg. von L. Geiger. B., 1892. S. 43—52.*

ТАВЕРНЬЕ И ШАРДЕН (с. 309)

Тавернье Жан Багист (1605—1689): «Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию» (1679).

Шарден Жан (1643—1713), побывал в Персии в 1665—1670 и 1671—1677 гг.: «Дневник путешествия» (1686).

НОВЫЕ, НОВЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ (с. 310)

¹ Королевство Кабул — Афганистан.

² Гедрозия — Белуджистан (в современном Пакистане).

³ Карамания — южная часть Малой Азии.

УЧИТЕЛЯ... (с. 311)

¹ Джонс Вильям, сэр (1746—1794); см. выше прим. к статье «Арабы». Гете имел в своей библиотеке его «Шесть книг комментариев...», персизданные Эйхгорном (Лейпциг, 1787).

² ... резко ироничной статьи... — В составе названной книги.

³ Эйхгорн — см. выше прим. к статье «Евреи».

⁴ ... нового ... важного труда... — «Еврейские пророки» (3 тт., 1816—1819).

⁵ Лорсбах Вильгельм Георг (1752—1816) — востоковед, с 1812 г. профессор в Иене. Три коротких письма его к Гете касались конкретных вопросов — о значении слов «бидамаг буден», о романе «Вамак и Азра», об ударении в слове «Хафиз» (Р 256—258).

ФОН ДИЦ (с. 314)

Диц Генрих Фридрих фон (1751—1817), барон — из всех востоковедов был, несмотря на его узкоортодоксальные религиозные взгляды, по-человечески наиболее близок Гете (с которым состоял в переписке). Диц с 1784 по 1791 г. — прусский посол в Стамбуле (отозван за самоуправство); тогда же начал заниматься востоковедением. Большую часть своих работ издал в конце жизни в виде двух огромных томов под названием «Достопамятности Востока» (1811—1815), содержащих переводы, а также направленный против Й. Хаммера памфлет объемом в шестьсот страниц. Некоторые переводы из «Достопримечательностей» были отпечатаны отдельно. Это: 1) О разведении тюльпанов и нарциссов в Турции. С турецкого шейха Мухаммеда Лалезари (1815); 2) Книга Кабуса, или Наставления персидского царя Кейкавуса его сыну Гилан-шаху. Труд на все времена (1811); 3) Книга речений, известных как изречения наших отцов, под именем «Книги Огуза» (1811); 4) Новооткрытый огузский циклон в сравнении с гомеровским (1815). Особенно последними изданиями и переводами, сделанными тогда, когда уровень востоковедческих знаний был еще совершенно недостаточен, Диц достойно вписал свое имя в историю ориенталистики:

1) «Кабус-наме», Книга Кабуса, была создана Кейкавусом: ее практическая мудрость «оставалась действительной в Иране вплоть до XIX века» (Э. Н. Ворожейкина). Кабус (ум. в 1012 г.) был царем и поэтом. См.: Кабус-наме / Пер., статья и примеч. Е. Э. Бертельса. М., 1953. Кейкавус (Кайкавус, у Гете — Кекьявус) правил ок. 1038—1058 гг. и «был соединен браком с принцессой [дочерью Махмуда Газневи], которая в тринадцатом колене была потомком самого Нужирвана Праведного» (Диц). В имени Кейкавуса (Кайкавус) выделяется «кай» — «древнеиранский титул, означающий „царственный“, „царь“» (ср. Кай-Кобад, Кай-Хосров); см.: Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983. С. 14. Ср. о Кабус-наме ниже в тексте Гете.

2) «Книга речений» была частичной публикацией сборника послесвиц «Аталар сою» («Слова предков»),

или «Огуз-наме», по единственной сохранившейся рукописи. — Диц опубликовал (и перевел) 400 из нескольких тысяч пословиц, причем наиболее интересных (В. В. Бартольд).

3) «Огузский циклоп» был первой (хотя и неудовлетворительной) публикацией текста из огузского эпоса «Книга моего деда Коркута» («Китаб-и Коркуд», «Китаби дэдэм Коркут», также называется «Огуз-наме», XV в.); Диц напечатал Восьмой из двенадцати рассказов «Книги Коркута», причем по рукописи, до самого последнего времени единственной (см.: Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос. М., 1962, со статьями В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского и В. М. Жирмунского).

См.: *Mommsen K. Goethe und Diez*, Berlin, 1961 (с указанием литературы); *Babinger F. Ein orientalischer Berater Goethes: Heinrich Friedrich von Diez // GJb* 1913. Bd. 34. S. 83—100.

Переписка Гете и Дица впервые опубликована И. Зигфридом: *GJb* 1890. Bd. 11. S. 24—41. Письма Дица теперь см. *P* 219—224.

Работы и личность Дица имеют столь существенное значение для создания *ЗВД*, что уместно привести некоторые материалы, характеризующие взаимоотношения Гете и Дица.

Из черновика письма Гете К. Ф. Цельтеру (11 марта 1816 г.): «Видел ли ты в своей жизни тайного посольского советника фон Дица? Работы которого, переводы, статьи и примечания составляют мое общество. Это для меня — якорь во все еще бурном для меня море Востока. Что в жизни он несколько странно отделяется от мира и чудакват, не удивляет меня, — как много людей поступает так без малейшего на то права». Из письма Гете К. Ф. Рейнхарду (от 24 декабря 1819 г.): «Она [Книга Кабуса] — подлинное сокровище, о котором не могу сказать достаточно добрых слов. Этот странный и замечательный человек [Диц] рассорился с теми, кто заправляет делами, и они хитро и коварно сумели дискредитировать его труды. <...> Он издал труды на собственный счет, они не расходились, вместе с рукописями он завещал их Королевской библиотеке с условием не продавать, а лишь дарить их».

Мысли Дица о культурах Запада и Востока по

содержанию и гону нередко напоминают гетевские; см. в письме Дица (от 12 июня 1815 г.): «Я лично долго придерживался мнения, что восточники и западники, как бы ни различались они между собой, вполне могут прийти к соглашению, потому что познание лишь для того объезжает целый свет и не прекратит своих странствий до скончания века, чтобы напечатлать духу обитателей каждой страны что-то от своего характера и взамен того получать что-то от них < .>. Короче говоря, в мире все дело в различной устроенности духа, так что искать одинаковой фактуры и формы в науках и искусствах при таком разнообразии климатических условий — это все равно что требовать, чтобы у всех народов мира был один и тот же цвет кожи и одинаковое физиогномическое строение. Человеческий рассудок, говорил мне в давние годы один старый осман, много испытанный и еще более того размышлявший на своем веку, стремится к одним и тем же целям, однако пути к ним у всех народов — разные. Итак, все дело в том, чтобы представлять восточных людей такими, каковы они есть, не заботясь о невеждах, которым хочется, чтобы их переводили так, как они думали и писали бы по-немецки; этим так называемым переводчикам и думается, и пишется легко, но это значит — исказить и предавать восточных писателей, которые и не думали, и не писали по-немецки» (Р 219).

Из письма Дица (от 28 ноября 1815 г.): «Вы счастливы тем, что не нуждались в изучении восточных языков для славы. Может быть, многие лишь потому бежали в восточные проблемы, что вы отрезали им слишком много путей по эту сторону, предвосхитив их. Но человеческий рассудок на земле — един, а формы его — различны и многообразны, развиваются в соответствии с климатом и языком; нужно быть проникнутым этой идеей так, как ваше превосходительство, чтобы с легкостью достигать своей мыслью Востока, получив нужные для этого факты. Вот в чем отказано многим цеховым ученым, — они не любят восточные языки, а занимаются ими по профессии и за словами не замечают духа» (Р 220).

¹ «*Morgenblatt*» — газета «Утренний листок для образованных сословий» (с 1807 г.), принадлежавшая издателю И. Ф. Котте.

² «*Gesellschafter*» — «Собеседник», газета Ф. В. Губица (Берлин, 1817—1845).

³ Книгоиздательство... — Никакого отклика на это обращение не поступило.

ФОН ХАММЕР (с. 321)

Йозеф фон Хаммер (1774—1856), востоковед, автор многочисленных трудов по истории, истории литературы восточных стран, переводов; с 1799 г. в Стамбуле, с 1807 г. в Вене, издатель шести монументальных томов «Сокровищниц Востока» (1809—1818), переводчик Хафиза (1813) и других восточных поэтов; в 1835 г. унаследовал имя графов Пургшталь (и поэтому в применении к эпохе Гете должен именоваться Хаммером). «Хаммер не был филологом; он был умен и проницателен, выдвигал идеи, был прилежен и тщеславен, но ему недоставало дисциплины, точности и совестливости, в опасной степени не хватало критического чутья. (<...> Его заслугой остается неутомимая и деятельная пропаганда нового образа Востока» (*Fück J. Die arabischen Studien in Europa bis in den Anfang des XX. Jahrhunderts. Leipzig, 1955. S. 164—165*). См. также: *Solbrig I. H. Hammer-Purgstall und Goethe: «Dem Zaubermeister das Werkzeug»*. Bern; Frankfurt a. M., 1973. В книге приводится обширная литература о Хаммере. Эта апологетическая книга полезна тем, что порывает с обычным в немецкой науке высокомерным отношением к Хаммеру. Поверхностна и совершенно не критична венская диссертация: *Elgohary B. M. Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall (1774—1856): Ein Dichter und Vermittler orientalischer Literatur*. Stuttgart, 1979. Автор этой работы даже открывает в Хаммере крупного поэта, которым тот никогда не был. См. также: *Sudermann W. Hammer-Purgstalls Häfiz-Übersetzung und ihre Bedeutung für Goethes WöD* // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969. С. 75—84. Характерно, что Гете никогда не искал личных контактов с Хаммером (см. прим. к стихотворению «Самое сокровенное». III/16, в «Книге Любви»). Библиографию работ Й. Хаммера с подробной росписью «Сокровищниц» см.: *Goedcke K. Grundriss zur Geschichte der deutschen Literatur*. В., 1900 Bd. VII. S. 747—770.

¹ «Геттингенские известия», «*Göttinger Anzeigen*» — журнал, где 17 сентября 1814 г. было помещено сообщение Ф. Боутервека о готовящейся книге Й. Хаммера. Хаммер и Боутервек состояли в переписке.

² ... этого труда... — Имеется в виду «Ширин» — «персидская романтическая поэма», составленная Хаммером по различным источникам (1809).

³ ... учащего «Трилистника»...; — Имеется в виду «Восточный Трилистник» Хаммера (1819), содержащий «персидские гимны, арабские элегии, турецкие эклоги».

ПЕРЕВОДЫ (с. 324)

Теоретически важный и глубокий раздел имеет внутренний подтекст: он заключается в установлении высшей справедливости в современной немецкой литературе. Отдавая должное переводческим усилиям романтического поколения (Ариосто, Тассо, Сервантес, Кальдерон — поэты, открытые или заново прочитанные, переведенные в начале XIX в.), Гете подчеркивает прежде всего выдающееся значение «классика» И. Г. Фосса (1751—1826), который с начала века состоял в бурной распре с романтиками, достигшей наивысшего накала в 1807—1808 гг. Причем Гете имеет в виду, разумеется, не всю огромную массу переводов Фосса главным образом с греческого и латинского языка, но только его перевод «Илиады» (1793) и «Одиссеи» (1781, 1793), его высшее достижение.

Круг, который в своей совокупности описывают, согласно Гете, переводы (третий вид перевода вновь обращается в первый, диалектически переходит в него), сравним с тем кругом, который, согласно Гете, образуют поэтические роды (см. выше статью «Природные формы поэзии»).

В 1810-е годы Гете несколько раз писал о переводах. В речи 1813 г. «В память Виланда»: «Существует две переводческие максимы: одна требует, чтобы автора чужой народности доставляли к нам и мы могли смотреть на него как на своего, другая же обращается к нам с требованием, чтобы мы сами отправлялись на чужбину и осваивались с его речевой манерой и особенностями. Преимущества каждого из принципов достаточно известны всем образованным людям по образ-

цовым примерам. Наш друг [Кристоф Мартин Виланд, 1733—1813] и здесь искал среднего пути, стремился сочетать оба принципа, но, как человек, наделенный чувством и вкусом, в сомнительных случаях предпочитал первый. Может быть, никто не ощущал так, как он, сколь же запутанное дело — перевод. Как глубоко был он убежден, что не слово живет — но смысл!» (ВА 16, 490). В «Поэзии и правде» (кн. 11): «У нас, немцев, то преимущество, что многие значительные творения других народов были первоначально доставлены нам легко, непринужденно. Шекспир в прозаическом переводе сначала Виланда, а затем [И. И.] Эшенбурга [1743—1820] мог распространяться быстро и производить существенное действие в качестве чтения общедоступного, рассчитанного на всех. Я ценю и рифму, и размер, благодаря которым поэзия становится сама собою, но по-настоящему действует, формирует душу и развивает человека то, что остается от поэта, когда переведешь его на язык прозы. Тогда останется чистое совершенное содержание, которое нередко внешним блеском то создается как мираж, то нередко прикрывается.

Поэтому для молодой культуры, переживающей свое детство, я рекомендовал бы прозаические переводы. <...> Напомню <...> о Лютеровом переводе Библии: этот замечательный человек передал нам создание, выдержанное в самом разнообразном стиле, с его поэтическим, историческим, повелительным, дидактическим тоном, на нашем родном языке так, словно это произведение — из одного куска, и это более способствовало распространению религии, чем если бы он старался воспроизвести в деталях все особенности оригинала. Напрасно впоследствии пытались привить нам вкус к Книге Иова, псалмам и другим песнопениям в присущей им поэтической форме. Для массы, на которую воздействуют, самый лучший перевод — прозаический. Критические переводы, состязающиеся с самим оригиналом, служат лишь занятием ученых» (ВА 13, 531—532).

¹ ... эпохой пародирования. — «Пародия» (греч. *parōidia*, букв. «рядом-песнь») здесь в старом смысле, который не предполагает непременно комического эффекта; это воспроизведение структуры произведения в ином материале или с заменой некоторых параметров (например, в музыкальном произведении замена текста,

например, текста духовного — светским, как это часто в творчестве Баха).

² Делиль Жак (1738—1813) — переводил Вергилия, Мильтона, Попа.

³ ... в сравнении с той переделкой... — Она принадлежит С. Ф. Г. Валю (1760—1834), востоковеду, профессору в Галле.

⁴ ... весьма уместен прозаический перевод «Шах-наме»... — В 1820 г. Й. Геррес опубликовал прозаический перевод-пересказ «Шах-наме» (кстати хорошо известный в России).

⁵ ... перевод «Сакунталы»... — Перевод Георга Фостера (1791) по английскому тексту В. Джонса.

⁶ Английский переводчик «Облака-посланца»... — «Облако-посланец» — поэма Калидасы; переводчик ее — Г. Г. Вильсон (1786—1860); см. примечания к статье «Индийская поэзия» (раздел «Из восточных бумаг Гете»).

⁷ ... парафрастичен и супплеторен... — Т. е. он передает текст описательно и с дополнениями.

⁸ Козегартен Иоганн Готтфрид Людвиг (1792—1860) — востоковед, ученик Сильвестра де Саси в Париже, профессор в Иене с 1817 г., ближайший помощник Гете на заключительной стадии работы над *ЗВД*. См. его письма: *Р* 235—254.

НАКОНЕЦ, ЗАВЕРШЕНИЕ ВСЕГО! (с. 329)

¹ ... перевод которого мы счастливы сообщить ниже. — Перевод послания и двух стихотворений принадлежит Козегартену, с поправками Гете. Французский текст послания — *Р* 128. Стихотворения в переводе Й. Хаммера — *Р* 129. Й. Хаммер был крайне недоволен тем, что не был использован его перевод, однако перевод элегическими дистихами, сомнительного качества, не мог устроить Гете. Г. Г. Шедер о персидских стихах отзывался как о «жалких свидетельствах падения персидской придворной поэзии» (*Schaeder H. H. Goethes Erlebnis des Ostens. Leipzig, 1938. S. 98*). Их автор — Фетх-Али-хан; текст второго стихотворения, как он напечатан у Гете, по Шедеру неисправен (*Ibid. S. 171—172*).

НА ЗНАМЯ (с. 332)

¹ *Джемшид* — Джемшид, мифический царь персов. См. о Джемшиде в индоиранской мифологии и поэзии: Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983. С. 63—75. В эпоху Гете об этом писал Й. Геррес: *Cörres J. Mythengeschichte der asiatischen Welt (1810) // Ges. Schriften. Köln, 1935. Bd. 5. S. 107.* Официальное титулование шаха (как писал генерал Ртищев в донесении гр. Румянцову 14 октября 1813 г.) было таким: «Государь, занимающий место Джемшида, подобно небесам имеющий двери, правосудный, щедрый, украшающий знамя богатства и могущества, достойный престола славы и власти, освещающий наподобие солнца, государь-султан, имеющий Александрово знамя и мудрость Феридуна, украшающий милостью и счастьем землю и корону могущества и государства <...>» (Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1873. Т. V. С. 738). Пояснения к стихотворениям Гете дает ниже.

НА ОРДЕНСКУЮ ЛЕНТУ (с. 334)

¹ ... последнее посольство русских в Персию. — Миссия А. П. Ермолова (1817).

² ... этого же человека отправляют в Англию... — В 1819 г.

³ ... как и вообще персы сравнивают... — Козегартен писал в записке для Гете: «Джемшид. Дара. Персы сравнивают своих могущественных государей с древними царями в отношении к определенным свойствам, так, например, <...> могучий царь именуется Феридуном по достоинству, Джемшидом по блеску, Александром по могуществу, Дарием по заступничеству. „Дара“ значит имя Дарий и означает „властелин“; точно так они говорят — Феридуна своей короной, Джемшид своим троном».

⁴ *Феридун* — из числа мифических царей персов: Джемшид, Зоухак, Феридун.

⁵ *Мани* (215—216—276?) — основоположник религии манихейства и по преданию выдающийся художник

(см.: История всемирной литературы М., 1983. Т. I. С. 524—526).

⁶ ... вечную диастолу и систолу... — Диастола и систола — расширение и стяжение; в числе центральных понятий гетевского мировоззрения, начиная с юности, когда Гете из натурфилософского тайноучения узнал, что вся природа наполнена живыми духами (отсюда и Дух Земли в Гетевском «Фаусте»); Ф. Этингер писал в 1765 г.: «Согласно философии электричества и в не меньшей степени философии Ньютона, повсеместно происходит систола и диастола, или же вдыхание и выдыхание жизни (spirituum) и эфира» (цит. в кн.: *Wachsmuth A. B. Geiente Zwiennatur. Aufsätze zu Goethes naturwissenschaftlichem Denken.* В.; Weimar, 1966. S. 43).

В 1810 г. Гете пишет в «Учении о цвете» (§ 739; *JA* 40, 83): «Раздваивать единое, соединять раздвоенное — вот жизнь природы, вот вечная систола и диастола, вот вечный синкрисис и диакрисис, вдыхание и выдыхание мира, в котором мы живем, творим, пребываем». Ср. стихотворение «Gingo biloba» (VIII/9) в *ЭВД*.

ПЕРЕСМОТР ЦЕЛОГО (с. 338)

¹ *Словарь Эрбело...* — «Восточная библиотека, или Всеобщий словарь <...>» (1697) Бартеlemi д'Эрбело (1625—1695). Гете пользовался также его немецким переводом (1785—1790).

² ... «хегира», а не «хиджра»... — В нашем издании пишется «хеджра».

УКАЗАТЕЛЬ (с. 340)

Указатель выполняет в *ЭВД* не столько прагматическую, сколько структурную функцию. Для первой он весьма неполон, непоследователен и неточен (так, некоторые лица присутствуют в нем дважды, поскольку различные формы имени не отождествлены). Однако Гете безусловно предполагал, что читатель будет активно пользоваться указателем, отыскивая в книге разные места и таким образом читая и перечитывая их в любом порядке. Можно даже сказать так: книга Гете

построена, и построена предельно продуманно — с тем, чтобы в ней можно было чувствовать себя вполне непринужденно.

СИЛЬВЕСТРУ ДЕ САСИ (с. 344)

Сильвестр де Саси Антуан Исаак (1758—1838) — глава востоковедения своего времени; много публиковал в «Сокровищницах» Хаммера. Гете считал себя весьма обязанным книгам Сильвестра де Саси, много знал о нем благодаря рассказам Козегартена, в 1819 г. перечитывал «Пенд-наме» Феридэддина Аттара в его переводе (в «Сокровищницах»). Стихотворение «Сильвестру де Саси» посвящает всю книгу ему, находясь как бы в начале восточной книги (открывающейся слева направо), — «Здесь начало, заключенье». Козегартен послал экземпляр *ЗВД* Сильвестру де Саси, получив от него чрезмерно запоздалый ответ.

Арабский текст — поэтическая арабская проза (по Г. Г. Шедеру).

¹ «Теперь совет свой добрый мы подали...» — Четыре стиха, завершающие «Гулистан» («Сад Роз») Саади (Шедер).

ДОПОЛНЕНИЯ

Дополнения к тексту *ЗВД* в нашем издании состоят из четырех разделов.

Первый раздел — «Стихотворения круга *ЗВД*». Они готовились для *ЗВД* и по разным причинам не вошли в него.

Второй раздел — «Из восточных бумаг Гете» — больше соответствует прозаической части *ЗВД* и включает в себе тексты и наброски, касающиеся различных аспектов культуры Востока. Здесь в отличие от первого раздела лишь малая часть текстов непосредственно связана с работой над *ЗВД*, — напротив, *ЗВД* немислим без этих бумаг, самые ранние из которых восходят к юности Гете и отражают замыслы, которые начинали складываться еще у Гете-подростка. Постоянная направленность взгляда на Восток, рождавшаяся из внутреннего осознанной потребности осмыслить сущность и

истоки европейской культуры. была присуща Гете в течение всей его жизни: в «Фаусте» Гете, как редко какой поэт, заходит в глубины истории, в открывающийся за нею мир архетипов («матери» первого акта второй части «Фауста»), и заходит как наделенный фантазией поэт и одновременно как мыслитель-исследователь, т. е. как рефлектирующий свои содержания поэт, в точности следующий гегелевскому диагнозу, высказанному в лекциях по эстетике: искусство уже не удовлетворяет нас, само оно вынуждено выходить за свои пределы, оно непременно вступает в мир рефлексии.

Как античная Греция. Восток — это для Гете путь к основаниям культуры. И для самой Греции Восток был живым, порождающим лоном — таким началом, которое необходимо было преодолеть и, преодолевая, «укрощать» в себе; это прекрасно чувствовал в начале XIX в. Фридрих Гельдерлин, младший современник Гете; переводя Софокла, он поступает внутренне подсказанным ему нетривиальным, парадоксальным способом — подчеркивает в греческом искусстве «восточное, то, от чего оно отреклось» (письмо к издателю Ф. Вильмансу от 28 сентября 1803 г.), и такое направление в сторону «эксцентрического вдохновения» помогает ему достигнуть «греческой простоты» (Вильмансу от 2 апреля 1804 г.). Суть заключенных тут проблем, приобретенных культурно-историческую остроту (на протяжении XIX в. чаще всего подавлявшуюся официальной культурой и официальной наукой с ее либерально-гуманистическими иллюзиями), была ясна и Гете, который свой интерес к основаниям и истокам культуры облакал в формы, чуждые какого-либо «эксцентризма», внешне более спокойные, уравновешенные, но притом не лишённые своей взрывчатости, рассчитанные на замедленность и фундаментальность воздействия. Восточные штудии Гете, сколь бы отрывочны они ни были, необходимо рассматривать именно в этом плане — это все подходы к самой сущности культуры, иногда через частные аспекты, однако с намерением достигнуть широты и обобщения. В них задаются вопросы о самых фундаментальных основаниях культуры — вопросы, не утратившие значения и для наших дней. Восток для Гете — это и лоно культуры, самое древнее, но это же и сама

современность, окружение европейской культуры, он — в глубине и снаружи, внутри и вовне; это и особая сумма нравов и обычаев, этнографическая конкретность, противоположная культуре западной, это во многих частностях родственная Западу культура и, наконец, культура, сходящаяся с Западом в главном — в своем общечеловеческом характере. Последнее очевидно для Гете: от обычая, привычки, от всякого знака культуры, сколь бы конкретным он ни был, каким бы своеобразием ни отличался, на какую бы исключительность ни претендовал, всегда ведет самый кратчайший путь к общему, общечеловеческому, общемировому; разнообразие знаков не мешает их общему смыслу и в изучении, воспроизведении. переживании любого своеобразия не препятствует переходу к такому общему смыслу. Совокупность знаков культуры выражает все один и тот же смысл, и можно только восхищаться неистощимостью творческих решений, приводящих к многообразию существующих на Земле культурных форм. Широкий и разнообразный мир Востока сам дает множество языков культуры, позволяющих западной культуре — коль скоро просто «органически» пребывать в себе стало для нее невозможным — освободиться от погруженности в «свое», от замкнутости и самоудовлетворенности.

Таким образом, восточные штудии Гете несут в себе весьма общую проблематику, хотя на поверхности в своей эскизности часто сводятся лишь к первоначальному контурам тем. Тексты второго раздела Дополнений — это диахронический разрез этой проблематики, которая в 1810-е годы рождала поэтический и культурно-исторический свод *ЗВД*.

Третий раздел Дополнений включает в себе рецензию *ЗВД*, принадлежащую И. Г. Л. Козегартену, одному из востоковедов-советников Гете. Написанная основательно и объективно, эта рецензия представляет собою первый развернутый отклик на *ЗВД*. С нее по существу начинается научная литература о *ЗВД*, и в ней же можно видеть весьма ценный читательский отзыв. Такой отзыв отличался значительными преимуществами; некоторый недостаток чисто поэтического чутья или, лучше сказать, специфического интереса именно к поэзии и ее анализу искупается тем, что автор рецензии способен воспринять *ЗВД* весьма адекватно —

в его полноте и во всей существенности его культурно-исторических аспектов, тогда как на всем протяжении XIX в. распространенное восприятие *ЗВД* страдало, страдает и до сих пор, от того, что эта книга рассматривалась как «просто» стихотворный сборник, более того — как сборник по образцу и типу лирических сборников XIX в. с преобладающей в них ролью чувства, непосредственной эмоции (обычно эмпирически заземленной по своему действию), с выходящим на первый план поэтическим «я» — образом поэта. Пространная рецензия Козегартена с ее сдержанной и трезвой оценкой достигнутого Гете — это счастливое начало «функциональной истории» *ЗВД*.

Наконец, в четвертом разделе дополнения собраны характерные образцы русских переводов стихотворений *ЗВД*, начиная с 1820 г. и по настоящее время.

I

СТИХОТВОРЕНИЯ КРУГА
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА» (с. 346)

Стихотворения круга *ЗВД* в свою очередь состоят из нескольких (быть может, пересекающихся) групп. Вот они: стихотворения, подготовленные для первого издания *ЗВД*, но не включенные в него; стихотворения, написанные после выхода в свет *ЗВД*, предназначенные для него, но все же в него не вошедшие; стихотворения, введенные в состав *ЗВД* после смерти Гете его редакторами (Эккерманом и Римером); стихотворения, готовившиеся для *ЗВД*, но перешедшие в иные циклы; стихотворения из переписки Гете с Марианной и И. Я. Виллемерами, продолжающие линию *ЗВД*; стихотворения, оставшиеся незавершенными («паралипомены» в узком смысле слова).

Именно последних — незавершенных стихотворений, набросков — количественно здесь больше всего. Это наброски, различные по характеру, — от нескольких законченных строф до двустуший и отдельных строк, иногда дающих относительно законченный смысл, иногда слишком отрывочных.

Состав раздела «Стихотворения из круга *ЗВД*» в нашем издании определяется возможностью и целесооб-

разностью перевода текстов на русский язык. Отпадают тексты, которые затруднительно передать на русском языке сколько-нибудь адекватно ввиду их формальных особенностей или чрезмерной краткости (например, *Р* 34а, б, *Р* 47а, *Р* 65, 69—72), такие варианты (как *Р* 13), расхождения которых с окончательным вариантом слишком незначительны. Не включены и «шифрованные письма» Марианны фон Виллемер и Гете, составленные из стихов хаммеровского перевода Хафиза.

Нужно сказать, что состав «стихотворений из круга *ЗВД*» не может быть определен строго раз и навсегда. В самых полных изданиях *ЗВД* он варьируется. Наиболее полное критическое издание Э. Грумаха тем не менее не включает некоторые стихотворения. Из больших изданий «юбилейное издание», в котором *ЗВД* был подготовлен К. Бурдахом (*JA* 5, 1905), редактором первого критического издания *ЗВД* (*WA* 6, 1888), помещает 31 поэтический дополнительный текст между поэтической и прозаической частями *ЗВД*. Это — практически допустимое, но в сущности совершенно неверное решение; оно в точности повторено Х. фон Мальцаном в послевоенном цюрихском издании к двухсотлетию со дня рождения Гете (*GA* 3, 402—412, 1948). Эрих Трунц в замечательном «гамбургском издании», где акцент сделан на тщательном комментировании избранных текстов, сводит состав паралипоменов до минимума — восьми текстов (*HA* 2, 121—125). Весьма полно «берлинское издание», предлагающее самостоятельное текстологическое решение и отделяющее паралипомены от основного корпуса *ЗВД* (*BA* 3, 336—377): сюда включены и «шифрованные письма», и фрагменты гетевских переложений восточной поэзии, и все поэтические отрывки (в порядке их расположения *BA* следует за *WA* и отделяет «Стихотворения из наследия» и «Относящиеся к кругу *ЗВД*»). Выдающееся значение имеет редакция Г.-И. Вейтца, совершенствующаяся от издания к изданию: в четвертом издании 1972 г. «Стихотворения из наследия» отделены от «Паралипоменов». «Паралипомены» разделены на собственно «Паралипомены», «Приложение к паралипоменам» и «Дополнение к паралипоменам». Основная их часть содержит: 1) ранние варианты стихотворений *ЗВД*; 2) ранние варианты отдельных мест; 3) фрагменты, расположенные в со-

ответствии с книгами *ЗВД*; 4) первоначально предназначенные для *ЗВД* стихотворения. «Приложение» включает в себе стихотворения: 1) созданные в период работы над *ЗВД* и опирающиеся на общие с ним источники; 2) созданные в связи с *ЗВД* (р 75, 84); 3) переложения и переводы (разного времени). «Дополнения» содержат: 1) ранние варианты стихотворений для Марианны фон Виллемер; 2) «шифрованные письма»; 3) стихотворные послания Гете Марианне фон Виллемер (р 87—92). Наконец, большой интерес представляет предложенный В. Сольмсом весьма продуманный проект критического издания *ЗВД* (критическое издание Майера публикует только основной корпус произведения); см.: *Solms W. 1) Interpretation als Textkritik. Zur Edition des WöDs. Heidelberg, 1974; 2) Goethes Vorarbeiten zum Divan. München, 1977.* Сольмс располагает дополнения в следующих разделах: 1) стихотворения, первоначально предназначенные для *ЗВД*; 2) «Отзвуки Зулейки»; 3) «Размышления, Недовольство. Притчи»; 4) поэтические послания Марианне; 5) «заключительные эпитафии» (р 10, 11).

Наше издание, воспроизводящее тексты на русском языке и этим ограничиваемое (см. выше), в то же время стремится к доступной полноте. В расположении паралипоменов оно следует в основном изданию Эрнста Грумаха, в котором обнаруживаются дополнительные достоинства, привлекательные для наших целей. А именно: Грумах, отделяя поэтические тексты Гете от его переложений, от «шифрованных писем», от цитируемых фрагментов чужих текстов, оказавшихся среди бумаг Гете, в то же время не отделяет законченных стихотворений от фрагментов (любой степени законченности) и помещает их в последовательности книг *ЗВД*, к которым они отнесены (что касается этих отнесений, то тут остается много спорного). Получающаяся череполовица поэтических текстов различной степени завершенности (внутренней и внешней) создает известный «беспорядок» (у Грумаха еще усиленный включенными сюда гетевскими планами-схемами отдельных стихотворений и книг *ЗВД*), — однако в этом «беспорядке» просматривается тот самый порядок, который отвечает принципу *varietas*, положенному в основу композиции самого *ЗВД*. Иными словами, порядок паралипоменов

воспроизводит на малом пространстве, но как бы в усиленном виде, мир *ЗВД* с его переплетением лирических и дидактических, суровых и гедонистических, трудных по мысли и нарочито легковесных, личностных и отвлеченных, эмоционально-открытых и философских, гномических, поэтически завершенных и эскизных, поэтически совершенных и «усредненных» (тяготеющих к обычному, «среднему» гетевскому уровню). Этот мир *ЗВД* в паралипоменах несколько «разломан» отрывочными строками, но при этом и предельно сгущен. Все жанры *ЗВД* здесь представлены, включая даже такой редкий, как баллада. Таким образом, расположение стихотворений по Грумаху оказывается, прежде всего, более выигрышным эстетически по сравнению с другими, более четкими членениями дополнений к *ЗВД*.

«Нет, Хафиз, с тобой сравниться...» (с. 346) — *Р* 6. Написано 22 декабря 1815 г. Впервые напечатано в издании 1836 г., где было помещено вслед за «Вторением» («Книга Хафиза»).

«О Хафиз, хваля поэтов...» (с. 346) — *Р* 7. Предположительно датируется 1814 г. Впервые в издании 1836 г. («Книга Изречений»).

«На наречье алеманнском...» (с. 346). — Впервые в *ША* 6. Написано на обороте счета театральных расходов за 3 сентября 1814 г. «Алеманнское» наречие подразумевает здесь, очевидно, немецкий язык вообще.

«Через Эрфурт проезжая...» (с. 347) — *Р* 9. Написано 25 июля 1814 г. по дороге в рейнские области. Вечером того же дня Гете прибыл в Эйзенах. Гете рисует картину ярмарочных будок в Эрфурте, вспоминая веселые дни 1780-х годов, когда он в обществе герцога бывал здесь у коадьютора Карла Теодора фон Дальберга (1744—1817), майнцского наместника в Эрфурте, позднее курфюрста и архиепископа (Эрфурт принадлежал к майнцскому духовному курфюршеству, хотя территориально далеко отстоял от него). К. Бурдах находит в стихотворении даже отголосок из «Гамлета» (IV, 5): «Говорят, у совы отец был хлебник» (Пер. М. Лозинского).

«К душам ведающий нить...» (с. 347) — *Р* 10. Датируется мартом 1826 г. (написано на обороте разорванного письма от 26 марта 1826 г.); по Сольмсу, возможно, — 31 марта 1826 г. Опубликовано в С 47 (1833).

Согласно К. Моммзен, вторая строфа написана в марте 1826 г., когда Гете был занят сценой сватовства Фауста к Елене; в те же дни он написал вторую песнь Линкея с явными восточными аллюзиями (датирована 31 марта 1826 г.) — «западно-восточная поэзия в рамках англикизирующего „действия о Елене“» (Mommesen K. Goethe und 1001 Nacht. Frankfurt a. M., 1981. S. 294).

«Запад ли, Восток — все равно...» (с. 347) — *ρ* 11. Первая публикация — 1888 г. (*ША* 6). У Грумаха отнесено к «Книге Певца — Книге Хафиза». Возможно, задумано как эпитафия одной из книг *ЗВД*; у Сольмса, как и предыдущее, — в числе «заключительных эпитафий». Стихотворение написано на одном листке с последними четырьмя стихами Елены из «Фауста», и это дает основание предположить, что оно сочинено в конце 1826 г. (Mommesen K. Goethe und 1001 Nacht. S. 293—294), т. е. «в конце того периода, когда создавалась вторая часть „действия о Елене“ с его восточными пассажами». «Не известно, к чему конкретно относятся эти стихи. Их содержание таково, что естественно было начать с них „Стихотворения из наследия к Дивану“ Нам это стихотворение представляется крайне важным свидетельством духовной ситуации 1826 г. Оно показывает, что Гете был занят проверкой своего отношения к Востоку. Очевидно, он создал формулу, оправдывавшую обращение к восточным мотивам в таком „западном“ произведении, как „Фауст“, для украшения и уточнения определенной ситуации» (Ibid. S. 293).

Дицу (с. 348) — *ρ* 14а. Написано 15 октября 1816 г. (?). Напечатано в 1888 г. О Дице см. прим. к статье «Фон Диц» в прозаической части *ЗВД*. В «Достопамятностях Азии» Дица были напечатаны его переводы «Кабус-наме» и «Книги Огуза»; Диц посылал Гете свой перевод нескольких рассказов о Ходже Насреддине. Грумах относит стихотворение к «Книге Друзей», которая не была осуществлена. Ср. схему второй книги (*ρ* 12):

Мандевиль

Поль Люка [1664—1737; путешественник]

делла Валле

Олеарий

Тавернье

Шарден

Эрбело

Дегинь [Жозеф Дегинь, де Гинь, 1721—1800, исследователь Китая, и Жозеф Дегинь, 1759—1845, автор словаря китайского языка]

Джонс

[пробел]

Диц

Хаммер

Лудольф

Саси [Сильвестр де Саси]

Лорсбах

«*Выгляну ль в оконце...*» (с. 348) — Р 15. Опубликовано Римером в 1846 г. среди афоризмов 1822 г. Однако написано не позднее июля 1814 г.

«*Лет пятьдесят и мнут, и мнут упорно...*» (с. 348) — Р 16. Опубликовано в издании 1836 г. («Книга Недовольства»). Грумахом отнесено к «Книге Размышлений». Сольмсом датируется 1818—1819 гг. «Пятьдесят лет» можно отсчитывать с выхода в свет драмы «Гец фон Берлихинген» (1773). В последних четырех стихах Гете обрисовал путь своего духовного развития от «гениального» периода «Бури и натиска» («гениальное» означало одержимость духом и подразумевало неукротимую ярость бурного самовыражения по «наитию») до классической сдержанности и уравновешенности. Впрочем, исследования последних лет показали, что даже считавшиеся наиболее импровизационными создания раннего Гете насквозь пронизаны устойчивыми образами риторической поэтики и в известном смысле строго логичны.

«*Нашей жизни след постылый...*» (с. 348) — Р 17. Было обнаружено среди бумаг Римера. Опубликовано в 1905 г. У Грумаха отнесено к «Книге Недовольства». «*Бесов изгонять не рано...*» (с. 349) — Р 18. Посмертно включено редакторами в «Кругкие ксении» (8-я кн.) Стихотворение направлено против немецкой антинаполеоновской полемики периода освободительных войн 1813—1815 гг.; многие патриотически настроенные авторы не замечали за этой полемикой реакционного поворота во внутренней политике немецких государств, о чем Гете пишет здесь с наивозможной резкостью.

«*Мерзавцы, думаете с вами...*» (с. 349) — Р 19. Также

помещено в «Кроткие ксении» (8-я кн.). Стихотворение чуть приоткрывает черту личности Гете, которую тот тщательно скрывал — направленный против всякой официозности кинизм; «Я уже состарился в диогенстве», — писал Гете Гердеру 29 декабря 1786 г. «В дружбе сердечной. .» (с. 349) — P 20. Рукопись датирована: «Цинне [надписано: Иена], 19 марта 1818 г.» Опубликовано в издании 1836 г. В стихотворении Гете использует форму газели и, видимо, не вполне дорабатывает его. В тот же самый день Гете пишет из «Цинне на Заале», «в бурю и дождь», своему другу К. Ф. Цельтеру в Берлин: «О ста гекзаметрах не хочу ничего знать, как не хочу знать о ста днях последнего Бонапартова правления. Боже храни меня от немецкой ритмики и от французского престолонаследия. Твоей „Полуночью“ в 6/8 [«Um Mitternacht» Гете с музыкой Цельтера] исчерпывается все — какие качества и количества тона, какое многообразие движений, пауз, дыхания! Это постоянство эта непрестанная изменчивость! Тут господам с их палочками и крючочками — — придется долго добиваться согласия между собой, — все равно им не произвести ничего подобного. Они все время забывают о том, что прежде надоедливо твердили нам: поэт — не грамматик! Гомер, гомериды, рассоды, весь этот род путаников — они кропали стихи, как бог на душу положит, пока не были настолько счастливы, что все их глупости были записаны, грамматики смилостивились над ними и за две тысячи лет постоянного коверканья и выворачивания наизнанку довели наконец до того, что кроме самих жрецов мистерий никто ничего не понимает и не может понять. Недавно некто уверял меня, что Ксенофонт писал прозой так же плохо, как и я, — это должно было меня утешить». Сатирический выпад против ученой метрики позволяет думать, что упражнение в восточных формах утомило его и в этот день. По замечанию Г. Г. Шедера, Гете в отличие от Платена и Рюккерта (см. ниже отзыв Гете о «Восточных розах» Рюккерта) воспринимал строгую персидскую форму газели как невыносимое принуждение (Schaefer H. H. Goethes Erlebnis des Ostens. Leipzig, 1938. S. 91). «В войну печали не стихают. . .» (с. 350) — P 21; Грумахом отнесено к «Книге Изречений». Написано до

26 января 1815 г. Опубликовано впервые в 1888 г. «Кого любят все на свете...» (с. 350) — P 22. Впервые опубликовано в 1888 г. В ВА печатается без указания пропуска строки.

«Не доверься хитрой пьяни...» (с. 350) — Этот и следующий отрывок — P 23 а, б. В ВА только вариант P 23 б. Впервые издано в 1888 г. По М. Моммзену, Гете использовал макам аль-Харири (1054—1122) во французском переводе из «Сокровищниц» Хаммера (*Mommsen M Studien zum WöD. V., 1962. S. 25—28*). «Брось лжецов, ханжей неверных...» (с. 350) — P 24. Находится на листке с наброском репертуара театра от 23 февраля 1813 г.; на нем же другие стихи для ЭВД. Впервые опубликовано в ША 53 (1914).

«Столь толстый том аристократов...» (с. 350) — P 25. Опубликовано в ША 53.

¹ ... том аристократов... — Очевидно, одно из генеалогических изданий типа «Готского календаря».

«Желаешь перлов...» (с. 350) — P 26. Ср. первое стихотворение из «Книги Притчей». Опубликовано в ША 53.

«Где б мы жемчуг добывали...» (с. 350) — P 27. Опубликовано в ША 5/II (1910).

«Вот багдадский териак...» (с. 350) — P 28. Написано на обороте письма от 24 мая 1821 г. Возможно, выписка из какой-либо книги. Опубликовано в 1888 г.

¹ Териак — противоядие, употреблявшееся против змеиных укусов.

«Коль дерево бесплодно...» (с. 351) — P 29. Написано и опубликовано, как предыдущее.

«Пылает сухостой...» (с. 351) — P 30. Опубликовано в 1888 г.

«С привычкою не совладать...» (с. 351) — P 31. Как и предыдущее.

Гибель династии Эунд (с. 351) — P 32. Грумахом и К. Моммзен (*Mommsen K. Goethe und Diez. V., 1961. S. 241*) отнесено к «Книге Тимура». Фрагмент обработки персидской народной баллады по прозаическому немецкому переводу в книге Эдварда Скотта Уоринга (1747—1819) «Путешествие в Шираз» (1802—1803; нем. перевод: Рудольштадт, 1808—1809), которую Гете взял в Веймарской библиотеке 23 декабря 1814 г. (по 1 апреля 1815 г.). Баллада рассказывает о судьбе пер-

сидского шаха Лютф Али-хана (правил в 1789—1794 г.), преданного своим тестем-министром. После этого началась династия Катжаров, не раз упоминаемая в прозаической части ЭВД.

«Предрекает бурю...» (с. 351) — ρ 33 а, б. Схема и начало поэтической разработки рассказа о поэте Анвари; см. статью «Энвери» в прозаической части ЭВД. Предназначалось для «Книги Тимура».

«Лежит яйцо, — нет, это не яйцо...» (с. 352) — ρ 34 а, б. Начало поэтической разработки сюжета из огузской (тюркской) «Китаб-и Коркут», известного Гете по «Достопримечательностям» Дица. К. Моммзен датирует фрагмент январем-февралем 1816 г., В. Сольмс предлагает более раннюю датировку — 6—7 декабря 1815 г.

В основе сюжета — вариант сказания о циклопе, впервые опубликованный Дицем, а именно рассказ о волшебном рождении огузского одноглазого Депе-Гэза. Этот рассказ в русском переводе читается так: «(...) Пастух, увидя эту кучу, испугался, вернулся назад, положил ее на пращу вместо камня, (...). Пастух бросил кучу, бежал (...). Между тем в то время вышли на прогулку Баюндур-хан с беками, пришли к этому источнику, увидели — лежит что-то чудовищное, ни головы, ни задней части не распознать. Они столпились кругом, сошли с коней; один джигит ударил кучу; как он ударил, она увеличилась. Еще несколько джигитов сошли с коней, ударили; от каждого удара она увеличивалась. Аруз-Коджа также сошел с коня, коснулся головы кучи шпорами; куча лопнула, изнутри ее вышел мальчик, с туловищем как у человека, с одним глазом в голове. (...)» (Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. акад. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962. С. 77). Любопытно, что этот мотив волшебного рождения из «мешка» встречается в казахских легендах о самом мудреце-певце и предсказателе (сопоставимом с Вейнемейнером финского эпоса), кровителе огузских племен Коркуте (см.: Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. С. 166).

Хатем и Зулейка (с. 353) — ρ 35. К «Книге Зулейки».

Хут-хут — удод, который служит посланцем у царя Соломона и царицы Савской (упоминается в 27-й суре

Корана); см. в лирической части ЗВД — «Привет» (III/11).

По предположению М. Хекера, эти строки — неотправленный ответ Гете на письмо Марианны фон Виллемер от 19 июля 1819 г. Ср. «Воссоединение» (VIII/37) в «Книге Зулейки». Впервые напечатано в издании 1836 г., в «Книге Зулейки».

«Он пишет нески...» (с. 353) — P 36. Издано в 1836 г. под заглавием «Любящая». Ср. ниже «Так почему же...» (P 99а).

¹ *Талик, нески* — варианты персидского письма. Согласно Ж. Шардену, «у персов насчитывают восемь разновидностей письма — больше, чем у арабов, у которых их только семь. Первая разновидность называется нески — ею пишут Коран и все арабское; вторая — талик, который можно назвать обычным письмом, так как он наиболее распространен» (*Вейтц*).

«Скажи мне, под какой звездою...» (с. 353) — P 37. Датировано: «8 января 1816 г.» Напечатано в 1836 г. По В. Сольмсу, P 37 и 36 служат «своего рода продолжением» P 40.

«О дитя! Какая сладость...» (с. 354) — P 38. Это стихотворение было написано, вероятно, в начале марта 1815 г. Рукопись подписана: «Отредактирована в Висбадене, в самый длинный день 1815 г.». Значится в «Висбаденском перечне» под номером 62. В стихотворении Гете, очевидно, представляет себя приехавшим в Персию с Запада христианином-вероотступником («рenegатом»), возлюбленная которого надела на себя ставшее «модным» распятие, смысла которого она не понимает. В такой форме стихотворение отражает ситуацию Гете, протестанта-скептика, усвоившего рационалистические мотивы критики религии, и католички Марианны Виллемер, — только Гете переносит все на Восток, воспользовавшись занимавшей его историей любви царя Хосрова II (590—628) к христианке Ширин, не раз упомянутой в тексте ЗВД (источником для Гете послужила «Шах-наме» Фирдоуси по переводу в «Сокровищницах» Хаммера). Однако эта история имеется тут в виду лишь в общем плане — Хосров был огнепоклонником, о чем в стихотворении нет речи, а потому отнесение его к «Книге Парса», как предполагал К. Бурдах, сомнительно; ср. *НА* 2, 673: «У Фирдоуси

Ширин противопоставит парсу, у Гете речь идет о противоположности Исламу; имена Хосров и Ширин опущены»; см. также: Mommsen M. Studien zum WöD. В., 1962. S. 139—152; христианка Ширин не могла бы не понимать смысла распятия. Это безусловно совершенное стихотворение заключает в себе некоторые трудности для понимания; они проистекают (как это нередко бывает у Гете) из почти чрезмерной сжатости изложения, когда внутренние связи стихов и строф почти не выражены внешне и должны восстанавливаться читателем. Иисус в стихотворении выступает, во-первых, как чистый душой пророк (как в Коране), думающий лишь о боге (строфа 6), но, во-вторых, как человек с богатой родословной, ведущейся от Авраама (Матф. 1, 1), он противопоставляется в известном смысле безродному (Исх. 2, 1) Моисею, ставшему великим лишь благодаря богу, т. е. и благодаря своей же энергичной деятельности (строфа 4); в-третьих, как божок, идол, кумир, Иисус — полнейшее ничтожество (строфа 10). Как знак полнейшей пассивности, как знак беспросветного страдания, крест и распятие были для Гете совершенно невыносимыми символами; хотя Гете и считал необходимым скрывать этот свой взгляд, он иногда все же выражал его и печатно (см. «Венецианские эпиграммы», опубликованные и, в дополнение к ним, не опубликованные при жизни); в письме к К. Ф. Цельтеру Гете замечает: «Злосчастное страстное древо, самое отвратительное, что есть под Солнцем...» (9 июня 1831 г.; см. указ. работу М. Моммзена). Этим еще усилена критика «фетишизма», которую Гете разделял с рационалистической теологией своего времени: вообще говоря, в стихотворении Гете в самой сжатой форме выражен весьма широкий круг идей, как бы висевших в воздухе в те годы и подхватывавшихся смелой мыслью; см., например, работы Гегеля 1790-х годов («Жизнь Иисуса», «Позитивность христианской религии» и др.): Иисус — человек, проповедующий высоконравственное учение, обращенное к индивиду и его душе; идея ложного обожествления Иисуса, создание церкви, символов-фетишей, вообще институционализация христианства — измена его мыслям; «религия Христа» (учение исторического Иисуса) противопоставляется «христианской религии» (Иисус

как предмет поклонения, догматизированная вера) — так уже у Лессинга: ср. у Гете в ЗВД стихотворение «Чтоб дать Евангелье векам...» (в «Книге Притчей»). Критическая антирелигиозная и антифетишистская направленность стихотворения не мешает тому, чтобы в нем была выражена гетевская религиозная философия дела: раскаяние, по Гете, есть превышение реального дела над всеми ошибками, грехами и заблуждениями человека; раскаяние не пассивно, а деятельно; так оправдался своими делами Давид, несмотря на свои пороки и преступления (строфа 5), а учение Магомета не менее верно, чем христианское, так как обладает реальной силой и доказывает ее своим успехом.

Гете читал стихотворение Сульпицу Буассере, после чего решил не публиковать его. С. Буассере сделал в дневнике (за 8 августа 1815 г.) запись, в которой впечатления от стихотворения, очевидно, смешались с рассказом о Хосрове и Ширин: «Ненависть к кресту. Ширин купила янтарный крест, не зная, что он означает; ее возлюбленный Коскен видит крест у нее на груди, сердится на моду, идущую с северо-запада. [Стихотворение] слишком горькое, резкое и одностороннее, я посоветовал Гете отложить его. Гете сказал: я отдам его на сохранение сыну, я отдаю ему все, что не публикую, есть множество таких стихотворений, касающихся лиц и нашего времени. Едва ли есть событие, о котором он не высказался бы в стихотворной форме. Так обыкновенно он печаль, огорчение, рассерженность по поводу текущих дел, политики и т. д. изливает в стихотворениях, это стало для него сердечной потребностью, облегчающей душу». Стихотворение было напечатано в издании 1836 г.

¹³ В Авраамов род несметный... — Эта и следующая строка интерпретируются комментаторами диаметрально противоположным образом: по Э. Трунцу, «он» — это Авраам, избравший своим прародителем «владыку звезд», единого бога; другие комментаторы (см. ВА 3, 771) указывают на то, что по домусульманским представлениям арабов Авраам — «отец звезд». Однако Гете именует Авраама «владыкой звезд» метафорически-сокращенно, в поэтическом порыве сводя к такой формуле те обетования, какие давал Аврааму бог, — сделать его потомство многочисленным, как звезд

ды (Быт. 15, 5; 22, 17; ср 26, 4). Расхождения комментаторов показательны при особой «густоте» всего этого текста.

¹⁵ ... во тьме приметный... — В непроглядной тьме веков.

³³ *Коль многоженство...* — Ср. 3 Кн. Царств, 11, 1: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок»; 11, 4: «Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам. »

³⁷ ... *Анубис со Изидой.* — Анубис изображался с головой пса, Изида — с головой коровы.

⁴⁷ *Вицлипуцли* — божество древних ацтеков (Мексика), деревянные изображения которого воспринимались в Европе как гротескно-уродливые. Последние две строки стихотворения допускают различные толкования; одно из возможных — даже Вицлипуцли превращается в настоящий талисман на груди возлюбленной.

«*Дай мне слезы лить...*» (с. 355) — *Р* 39. Стихотворение написано свободным стихом. Дата создания неизвестна; у Сольмса — «после октября 1827 г.». Опубликовано в 1836 г. Разрабатывается мотив, известный из «Муаллаков» (см. у Имруулкайса: Аравийская старина. М., 1983. С. 23), из Хафиза; поэтому К. Моммсен датирует стихотворение сентябрем 1815 г.: *Motmsen K. Goethe und die Moallakat. B. 1960. S. 13.*

¹⁰ *И Ахилл плакал о Бризеиде!* — Илинада, I, 348.

¹¹ *Ксеркс оплакивал непобежденное войско...* — Геродот VII, 45—46: «Увидев, что весь Геллеспонт целиком покрыт кораблями и все побережье и абидосская равнина кишит людьми, Ксеркс возрадовался своему счастью, а затем пролил слезу (...). „Мною овладевает сострадание, когда я думаю, сколь скоротечна жизнь человеческая, так как из всех этих людей никого уже через сто лет не будет в живых“» (Пер. Г. А. Стратановского).

«*Так почему же...*» (с. 356) — *Р* 99а. По хаммеровскому переводу Хафиза. Г.-Й. Вейтц датирует зимой 1815—1816 гг., Сольмс — второй половиной января 1816 г. Опубликовано в 1836 г.

«*Строк симметричных...*» (с. 357) — *Р* 40. Как и *Р* 39 («Дай мне слезы лить...»), написано свободным

стихом. В этом втором стихотворении ощутимее (особенно в речи героев) поэтические интонации XVIII в. — клопштоковские и сентименталистски-оссиановские. Датируется: декабрь 1818—январь 1819 г. (К. Бурдах, Г. Пириц); «начиная с 27 октября 1815 г.» (Сольмс). Опубликовано в 1836 г.

«Скажи же, как носить тюрбан мне верно...» (с. 358) — Р 41. Связано с задуманным продолжением стихотворения о тюрбане в «Книге Зулейки» («Любимая! Венчай меня тюрбаном! ...»). Опубликовано в 1888 г.

«Мне — рубины Бадахшана...» (с. 358) — Р 42. Опубликовано в 1888 г.

Бадахшан — персидская провинция, протянувшаяся вдоль Амударьи (Окса).

«Каким напитком...» (с. 358) — Р 44. Относится к «Книге Кравчего». Опубликовано в 1836 г.

«Как вам знать, кого люблю...» (с. 358) — Р 45. Как и предыдущее.

«Вот вино из Исфазана...» (с. 358) — Р 46. Два четверостишия этого незавершенного стихотворения, впервые опубликованного в 1836 г., обычно печатают отдельно. Грумах опубликовал их как части единого целого; дополнительные основания в пользу такого решения предложила в 1960 г. К. Моммзен: весной 1808 г. Гете читал написанную по-немецки драму датского писателя А. Эленшлегера «Аладдин, или Волшебная лампа» (Амстердам, 1808), о которой по просьбе поэта даже собирался писать рецензию. Однако Гете неприятно поразила в драме размытость характеров, их сентиментальная расплывчатость, резко контрастирующая с решительными характерами персонажей сказки. Позднее (23 октября 1822 г.) Гете говорил канцлеру Мюллеру: «Тик, Арним и им подобные поступают правильно, извлекая из глубин времени великолепные мотивы и разрабатывая их. Однако они страшно разжижают и портят все и часто опускают именно самое лучшее» Как показывает К. Моммзен, четверостишия стихотворения Гете подхватывают мотивы и наиболее характерные, отмеченные выражения некоторых сцен пьесы Эленшлегера; она предполагает, что Гете противопоставил жалкого человека, не умеющего воспользоваться даже и самым лучшим, таким людям, которые умеют находить наслаждение даже и

во всем самом тяжелом (*Mommsen K. Goethe und 1001 Nacht. Frankfurt a. M., 1981. S. 86—101*). Впрочем, это лишь гипотезы.

«*Везде, где есть мне доброхот...*» (с. 359) — *Р* 476. Стихотворение в крайне неблагоприятной для перевода «газеподобной» форме, связанное с пребыванием Гете на Рейне; у Гете в повторяющемся слове называется «вино одиннадцатого года», т. е. 1811 г. с его необычайно удавшимся по всей Европе урожаем винограда; ср.: «*(...) как явится комета с хвостом, так такой урожай, что удивление; да еще первого сорту, самое лучшее вино Самим вам известно кометное шампанское — по сию пору тянется; а комета-то когда была? В одиннадцатом году!*» (*Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского [1846]. М., 1957*).

Из двух вариантов гетевского наброска С. В. Шервинский перевел краткий.

«*Стоит умникам собраться...*» (с. 359) — *Р* 51. Вариации на темы легенд о царе Соломоне и царице Савской по Библии (3 Кн. Царств, 10, 1—13; 2 Пар. 9, 1—12) и Корану (27-я сура). Впервые напечатано в 1878 г. У В. Сольмса предположительно датируется 1819 г.

¹⁰ *Иахин, Воаз — столбы* храме Соломоновом (3 Кн. Царств, 7, 21).

«*Есть условие, и строго...*» (с. 360) — *Р* 52а, б. Отсюда начинаются наброски стихотворений, в которых Гете рисует своеобразный «рай наоборот», основываясь на таких особо вычлняемых представлениях о мусульманском рае, которые в «Книге Рая» ЗВД упоминались лишь во взаимосвязи со всеми прочими. *Р* 52а+53 как единое стихотворение из трех четверостиший впервые напечатано в *ША* 53 (1914), с купюрами — в *ША* 6 (1888).

«*Попадая на пирушку...*» (с. 361) — *Р* 53. По В. Сольмсу, возможно, начало *Р* 54. Сольмс датирует *Р* 52, 53 не «после 1818 г.» (К. Бурдах), а началом марта 1815 г. Он же замечает относительно *Р* 52б, что такие картины рая могли быть спровоцированы религиозной живописью немецких романтиков-назарейцев, которые в своих работах славят Страсти Христовы (особенно неприятная для Гете тема), а не оплакивают их. В таком случае стихотворения не столько соотносят-

ся с раем мусульман, сколь представляют собой острейшую реакцию на развитие современного искусства. «Иисус учить возьмется...» (с. 361) — Р 54а, б. По Майеру, написано 26 или 27 июля 1814 г. «Неземное благовест(ование) Иисуса...» (с. 362) — Р 55. Этот набросок связывает картины рая и тему критики религии — см. «Чтоб дать Евангелю векам...» (в «Книге Притчей») и «О, дитя! Какая сладость!..» (выше): живое учение Иисуса противопоставлено записанному учению, подвергнутому догматизации. Этот же набросок проливает свет на заключительную сцену «Фауста» («Горные ущелья, лес, скалы, пустыня»), в которой с трудом распознается театрално-живописная инсценировка, соединяющая глубокую мысль и «невсамделишность», пользующаяся живописными образцами и барочно-эмблематическими описаниями (см., например: Аникст А. А. Изобразительные источники «Фауста» Гете // Античность. Средние века. Новое время: Проблемы искусства. М., 1977. С. 167—189; Storck W. F. Goethes Faust und die bildende Kunst. Leipzig, 1912; Morris M. Gemälde und Bildwerke im Faust // Id. Goethe-Studien. 2. Aufl., B., 1902. Bd. 1. S. 114—152; Zieglschmid A. J. F. Zur Quelle von Goethes Faust II, Akt 5, Bergschluchten // Journal of English and German Philology. 1941. V 45. P. 229—256) со всеми подразумевающимися тут комически-ироническими нюансами и той особой легкостью, которая определяет близость Гете к Моцарту, к его «Дон Жуану», и отдаляет его от Бетховена (последнему моцартовское исключительное сочетание трагического и комического уже не удавалось). Поскольку тайна подобного слияния противоположностей была утрачена искусством XIX в. — для Гете она оставалась живой и доступной, — заключительная сцена «Фауста» на протяжении десятилетий прочитывалась с односторонней глубиной, проникновенно-патетически, о чем свидетельствуют как «Сцены из „Фауста“ Гете» Шумана (1844—1853), так и Восьмая симфония Густава Малера (1910), — в обоих случаях исползован полный текст заключительной сцены «Фауста». Как высокий лирический подъем, так и экстатическое исступление и космическая всеохватность не противоречат гетевскому «Фаусту», но и не исчерпывают его финала. Необходимо противодвижение,

которое лишало бы художественное целое некоторой беспросветной погруженности в свою тему, перебывало бы основное настроение. Гете говорил Эккерману (12 февраля 1829 г.): «Музыка должна была бы быть в характере „Дон Жуана“. Моцарт должен был бы написать музыку к „Фаусту“».

«Что ж не высказать мне в притче...» (с. 362) — Р 56а, б. Не датировано. Обычно печатается как одно стихотворение. Источник — Коран, сура 2-я, ст. 26, и Хафиз. Опубликовано в 1836 г.

«Где ты, мускус? Где ты был...» (с. 362) — Р 57 а, б. В 576 издано в 1836 г. («Книга Зулейки»).

«Чтоб блеск дома умножался...» (с. 363) — Р 58. Грамматически не законченное четверостишие, согласно Г.-И. Вейтцу связанное не с ЗВД, а с оперным замыслом («Der Löwenstuhl»; ср. ВА 16, 242 — «Анналы», 1813 год) Гете; см.: Weitz H.-J. Mikrologisches zu Goethe // Teilnahme und Spiegelung. Festschrift für Horst Rüdiger. В.; N. Y., 1975. S. 275—294. Издано в 1836 г.

«Узами такими тот гордится...» (с. 363) — Р 59. Написано до июля 1814 г. Опубликовано в 1836 г. «Чудотворить не могу, сказал пророк...» (с. 363) — Р 60. Опубликовано в 1888 г.

«Черная тень над прахом дорог — спутник любимой...» (с. 363) — Р 61. По дистиху турецкого султана Селима I (1512—1520) в «Достопамятностях» Дица: любящий превращается в пыль, чтобы тень возлюбленной, спутница праха, остановилась на нем, но тень проходит дальше. Напечатано в 1836 г.

«Что ни слово — обещанье...» (с. 363) — Р 62. Напечатано в 1888 г.

«Такова и судьба Хафиза...» (с. 363) — Р 64. Написано до июля 1814 г. Напечатано в 1888 г. В рукописи после черты следует стихотворная строка (Р 65):

Человек тут ползет на коленях.

Видение (с. 363) — Р 67. Датировано: «26 июля 1814 г.» На лицевой стороне того же листа стихотворение «Разлад» («Книга Певца»). Под остроумным заглавием «Новый Коперник» Гете включил этот текст в С, в стихотворения в раздел «Лирическое».

«Когда ты в зеркало глядишь...» (с. 364) — Р 68. Написано возможно, в 1815 г. Напечатано в С, в раз-

деле «Лирическое», под заглавием «Взгляд за взгляд» (в оглавлении — «Поцелуй взгляду»). Обычно не включается в паралипомены к ЭВД.

«Куда как страшная беда...» (с. 365) — Р 73. Включено Гете в стихотворения в С (раздел «В форме пословицы»).

«Мне нынче счастья не видать...» (с. 365) — Р 74. Это и два следующих стихотворения (Р 75, 76) включены Гете в С (раздел «В форме пословицы»).

«От стонов мы устали...» (с. 365) — Р 77. Включено в С, в «Кроткие ксении» (1-я кн.) Гете выводит общий итог беседы Иова с друзьями; см. «Книгу Иова», 11, 16—12, 4; ср. особ. 11, 14—17: «И если есть порок в руке твоей, а ты удалишь его <...>, то поднимешь незапятнанное лицо твое, и будешь тверд, и не будешь бояться. Тогда забудешь горе; как о воде протекшей будешь вспоминать о нем. И яснее полдня пойдет жизнь твоя; просветлеешь, как утро».

«Каков ты сам, таков твой бог...» (с. 365) — Р 78. См. ниже в «Поэзии и правде» (кн. 4): «<...> боги <...> склонны <...> выпячивать те самые свойства, какие любит приписывать им человек <...>». В С, в разделе «Кроткие ксении» (4-я кн.), как и следующие — Р 79—82.

«Так близко к сердцу бог прямое принял...» (с. 366) — Р 82. Несмотря на разницу в размере, весьма напоминает тоном и смыслом дистихи поэтов эпохи барокко. Впервые — в С, «Кроткие ксении», 4-я кн.

«Огню ты поклоняйся хоть весь век...» (с. 366) — Р 83. Своего рода скептическое дополнение к «Книге Парса»; выпад против религиозного фетишизма вообще. Опубликовано в С: «Кроткие ксении», 4-я кн.

«Вот Саади — обок меня...» (с. 366) — Р 84. После смерти Гете включено в 8-ю книгу «Кротких ксений». В прозаической части ЭВД возраст Саади определен в 102 года.

«Вот Саади — обок меня...» (с. 366) — Р 84. После 21 июня 1814 г. Напечатано посмертно в 2-й книге «Кротких ксений».

«Вдруг с Александром распрощался...» (с. 366) — Р 86. По Сольмсу, возможно, написано в январе 1826 г. Посмертно напечатано в 9-й книге «Кротких ксений».

² Калан (или Сфин) — знаменитый индийский мудрец, сопровождавший Александра в его походе в Индию. С ним вел беседы ученик Диогена Онесикрат; согласно Плутарху (Александр, 65), Калан давал Александру политические советы. Заболев, Калан предпочел медленному умиранию смерть на костре, обставленную торжественно (Страбон 15, 717; Диодор 17, 107). Стихотворение Гете — явная импровизация, чем объясняется здесь и сквозная рифма, а также неожиданное применение неупотребительного по-немецки латинского слова *gogus* (костер). Отражение того же рассказа о Калане — в эпиграмме «Учителя» (ок. 1785, издана в 1789 г.):

В бочке живя, Диоген наслаждается жизнью без муки,
В пламени огненном взмыл радостно к небу Калан;
Вот прекрасный урок торопливому сыну Филиппа,
Жаль — властитель миров слишком для школы велик.

«Весь мир объездив, не стеснен. . . » (с. 367) — P 102 в. Гете переложил в стихи отрывок из рукописи посла Мирзы-Абул-Хасан-хана (см. статью «Более новые, новейшие» в прозаической части *ЗВД*). Как заметил уже Й. Хаммер, эта рукопись посла целиком состояла из текстов Саади. Впервые издано в 1836 г., в «Книге Размышлений».

«Хут-хут на пальмовой тросточке. . . » (с. 367) — P 87. Отсюда начинаются стихотворные послания Гете Марианне фон Виллемер. Это и три последующих стихотворения написаны на одном листе, датированном «Декабрь 1819 г.», — вероятно, Гете послал его на Рождество или на Новый год (Вейтц); см. также: *Willemer M. und J. J. Briefwechsel mit Goethe* / Hrsg. von H.-J. Weitz. Frankfurt a. M., 1965. S. 94—95, и комм.: S. 392. Возможно, этот лист был приложением к письму Гете от 27 декабря 1819 г.: «Как раз в положенный день и час, как раз когда дети и внуки поспешили к увешанным сладями деревьям, предоставив деда самому себе, ко мне вошла ожидавшаяся с таким нетерпением чета друзей [рисованные мелом портреты Виллемеров работы Антона Райля], глядевшая по сторонам столь довольно, что видно было, как хорошо ее принимали. Так что даже и в густом снегопаде мне не одиноко, и поворачивающее на весну Солнце застает меня в

самом изысканном обществе. Благодаря богатым дарам — сладостям — я становлюсь интересен для детей и зашедших на чай друзей, а поскольку загадки Хутхута доступны разгадыванию, то к Новому году есть решительно все. И на берегах Майна да будет все столь же успешно!» Стихотворение опубликовано в 1836 г. (в «Книге Любви»).

¹ ... на пальмовой тросточке... — Гете благодарит Марианну Виллемер за присланный подарок — трость из падуба (по-немецки *Stechpalme* — букв. «пальма колючая»), найденного ею во время прогулки с Сульпицем Буассере близ Баден-Бадена; на ручке трости была вырезана фигурка удода. См. письмо Марианны Виллемер от 28 (?) августа 1819 г.: «<...> и верно, удод пробежал по тропинке и сел на падуб; я подошла к нему и сказала — нет, я ничего не сказала, ведь он и так все знает! Он пообещал мне исполнить все в точности — собственными силами, потому что грифеля и пергамента со мною не было; кроме того, он готов во всякий день, какой справляем мы в тишине как праздник, брать сердечные пожелания под свое крыло и высыпать их у ваших ног». Подобные трости изготовлял в качестве «баденских сувениров» некто «Матиас Штуффлезер из Тироля» (*Briefwechsel. S. 387—388*).

² ... в уголочке... — Гете поставил трость в угол около своего письменного стола, где она остается и поныне.

Хут-хут объясняет загадочное место (с. 367) — *P* 88. Гете включил это стихотворение в *C* (1827), в раздел «Искусство» под заглавием «Идеалы». Какое «загадочное место» толкует удод, гадают комментаторы. Естественнее всего было бы связать стихотворение с портретом Марианны Виллемер, упомянутым в комментарии к предыдущему тексту.

Хут-хут, посланный с призывом (с. 367) — *P* 89. Впервые издано в 1878 г. в переписке Гете с Виллемерами. *Хут-хут* спрашивает себе подарок (с. 368) — *P* 90. Гете опубликовал стихотворение в *C*, в разделе «Эпиграмматическое» под заглавием «Разгадка». Отгадка — гребешок. Гете писал Виллемерам 8 сентября 1820 г. о поездке в Карлсбад: «Не без компаньона совершил я весь этот путь, ибо меня сопровождал весьма прият-

ный смуглый спутник, которому лишь малого недоставало до совершенства». Этим спутником и был гребешок Марианны.

«Дар прекрасный и бесценный...» (с. 368) — Р 91. Стихотворение приложено к письму Виллемерам от 6 марта 1820 г. Ответ на подарок гребешка. Впервые издано в С 56 (1842). «Благословенье», которое спрашивает Гете, — это локон Марианны, который был позднее прислан ему в медальоне.

«Мне — молчать. Хотя все знают...» (с. 368) — Р 92. По предположению комментаторов — неотправленный ответ на присылку медальона. Впервые — в издании 1836 г. в «Книге Зулейки».

II

ИЗ ВОСТОЧНЫХ БУМАГ ГЕТЕ

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ. ПОЭЗИЯ И ПРАВДА

(с. 369)

Под таким названием Гете издал большую автобиографическую книгу, в которой подробный рассказ об эпохе и о своем развитии был доведен им лишь до 1775 г., до переезда в Веймар, с которым была связана вся его последующая жизнь.

Гете работал над книгой в течение долгого времени: задумана она была в начале XIX в., Гете начал диктовать текст первой части 29 января 1811 г. и завершил ее 21 мая того же года. За день до этого Гете разделил текст на пять книг. Над второй частью Гете работал в основном с сентября по ноябрь 1811 и с марта по октябрь 1812 г. Третья часть была завершена к августу 1813 г. и была отпечатана к марту 1814 г. Четвертая часть вышла в свет уже после смерти Гете.

Наша подборка избранных текстов Гете начинается с двух отрывков из «Поэзии и правды», дополняемых в комментариях.

Приводимые отрывки относятся соответственно к первой (кн. 4) и третьей (кн. 12) части. Таким образом, они созданы в период, непосредственно пред-

шествовавший работе над *ЗВД*, когда Восток широко вошел в творчество Гете, с тех пор оставаясь прочной и все расширяющейся частью его творческого мира. А поскольку в «Поэзии и правде» Гете дает отчет о своем развитии, начиная с детских лет, то здесь можно видеть начала гегевских восточных штудий и отметить определенную неизменность его интересов, начиная с школьных лет и кончая временем создания *ЗВД* с его библейскими разделами. См.: Kaiser G. Goethes Faust und die Bibel // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1984. Bd. 58. S. 391—413.

1 (с. 369)

ВА 13, 136—157; *DuW* 1, 107—123; *НА* 9, 124—145.

¹ ... жидовско-немецкий жаргон... — Уже с весны 1761 г. некий Кристамикус обучал Гете идишу.

² Альбрехт Иоганн Георг (1694—1770).

³ ... воинство, состоявшее из буквочек и значочков... — Работая над автобиографическим сочинением, Гете освежал в памяти выученное в детстве; в дневнике за 31 июля 1811 г. упомянута «книжечка патера Сакки о еврейском языке и о происхождении точек в особенностях». Дневник упоминает «еврейский язык» и в следующие два дня.

⁴ ... над Говаоном ... долиной Аиалонской... — Кн. Иисуса Навина 10, 12.

⁵ Шмил Себастьян (1617—1696) — страсбургский ученый; его буквальным переводом Библии на латинский язык Гете пользовался в страсбургском издании 1708 г. Позднее в Веймаре Гете имел лейпцигское издание 1740 г.

⁶ ... стал отсылать ... к ... английскому комментарию на Библию... — Немецкий перевод этого труда вышел в 19 томах в 1749—1770 гг.; к 1762 г. вышли восемь томов. В 1811 г. Гете взял в Веймарской библиотеке первый том этого труда, подготовленный Романом Теллером (Лейпциг, 1749).

⁷ Элохимы смешали языки... — Кн. Бытия 11, 7. Элохимы — в Библии одно из обозначений бога (во «множественном величии»), очень удобное для Гете (как раньше него для Гердера), поскольку позволяло

отождествить его с творческими силами природы вообще и пользоваться этим названием как их персонафикацией.

⁸ ... естественная, всеобщая религия... особенная, откровенная... — Этим различием много занимались в XVIII в. Гете писал в кн. 7 «Поэзии и правды», характеризуя тогдашнее состояние библеистики в связи с общим движением культуры: «(. . .) богословы склонялись к г. н. естественной религии, и если речь заходила о том, достаточно ли света природы для того, чтобы мы продвигались вперед в познании Бога, в совершенствовании и облагорожении наших способностей, то обычно смело отвечали на такой вопрос утвердительно, без долгих раздумий. Согласно тому же принципу умеренности, признавали равные права за всеми позитивными религиями, вследствие чего все они стали примерно равнозначными и неопределенными. Впрочем, все заведенное так и оставляли, а поскольку Библия полна содержания и более любой другой книги представляла материал для размышлений и удобный повод для рассуждения обо всем человеческом, то ее, как и прежде, можно было класть в основу и проповедей, и всех иных религиозных церемоний.

Однако этому творению, как и всем мирским созданиям, предстояло еще испытать особую судьбу, а с течением времени все это сделалось неотвратимым. А именно, раньше доверчиво принимали, что книга книг проникнута единым духом, что она боговдохновенна и как бы продиктована свыше. Однако с давних времен и верующие и неверующие то порицали, то защищали несходства различных ее частей. Англичане, французы, немцы нападали на Библию резко, остро, нагло, дерзко, и точно так же серьезные и благомыслящие люди каждой нации защищали ее от нападков. Я лично любил и ценил ее, потому что всем нравственным воспитанием был обязан почти исключительно ей, все события, учения, символы, притчи глубоко врезались в мою память и были так или иначе деятельны во мне. Поэтому мне не по душе были несправедливые, насмешливые и софистические нападки; однако люди в те годы продвинулись уже достаточно, чтобы понимать, что бог сообразовывался с образом мысли и разумением людей и что люди, одержимые духом, не могли отказаться от

своего характера, от своей индивидуальности и Амоспастух не мог вести те же речи, что наследник престола.

Следствием таких умонастроений и убеждений было, при растущем знании языков, более обстоятельное изучение восточных местностей, народностей, произведений природы и явлений, — стремились любым способом сделать более наглядными эти древние времена. Михаэлис обратил на это всю мощь своих познаний и талантов. Описания путешествий стали действенным вспомогательным средством для объяснения Священного писания, и новые путешественники, вооруженные множеством вопросов, своими ответами должны были свидетельствовать в пользу пророков и апостолов.

Между тем как со всех сторон стремились обрести естественный взгляд на Священное писание, сделать более общедоступными присущие священным книгам образ мысли и представления, с тем чтобы такой историко-критический взгляд устранил разного рода возражения, места, возбуждавшие недовольство, и тем самым парализовал насмешки, в некоторых людях проявилось как раз противоположное умонастроение, а именно стали выбирать для рассуждений как раз самые темные и таинственные сочинения для того, чтобы если не прояснить их посредством конъектур, расчетов и всевозможных остроумных и диковинных комбинаций, то по крайней мере подкрепить их, подтвердить — если содержали они пророчества — действительно происходившими событиями и тем самым оправдать веру в то, что должно произойти в самое ближайшее время.

Достопочтенный Бенгель [Иоганн Альбрехт Бенгель, 1687—1752. швабский пистист] способствовал широкому усвоению своих занятий «Откровением Иоанна», благодаря тому, что был известен как человек рассудительный, справедливый, богобоязненный, как человек безупречный. Глубокие души принуждены жить и в прошлом, и в будущем. Обыденная суета лишена для них всякого значения, если только в течение времен вплоть до современности не видят они сбывшихся прорицаний, а в будущем ближайшем и более отдаленном, — сокровенные пророчества. Благодаря этому историк обретает взаимосвязь, какой обыкновенно не замечают, — история представляется случайным колебанием в пределах

необходимо ограниченного круга. Д-р Крузиус [Кристиан Август Крузиус, 1712—1775, с 1775 г. профессор в Лейпциге] принадлежал к числу тех, кому наиболее по душе пришлось пророческие книги Священного писания, — они одновременно приводят в действие противоположные свойства человеческого существа — душевность и остроту ума. Его учению посвятили себя многие юноши, они создали внушительную массу, которая тем более бросалась в глаза, что Эрнести [Иоганн Август Эрнести, 1707—1781] вместе со своими последователями грозил не прояснить туман, который так нравился тем первым, сколько совершенно разогнать его. Отсюда вышли распри, ненависть и преследования, множество неприятностей. Я держался стороны ясности, усиливаясь усвоить ее принципы и преимущества, хотя и подозревал, что вследствие весьма похвального, рассудительного способа толкования в конечном счете вместе с пророческим содержанием этих писаний будет утрачено и их поэтическое содержание.

Тем же, кто занимался немецкой литературой и изящными науками, ближе были устремления таких мужей, как Иерузалем [Иоганн Фридрих Вильгельм Иерузалем, 1709—1789], Цолликофер [Георг Иоахим Цолликофер, 1730—1788], Шпальдинг [Иоганн Иоахим Шпальдинг, 1714—1804], которые, пользуясь в своих трактатах хорошим и чистым слогом, стремились снискать одобрение и привлечь на сторону религии и столь близкой ей нравственности людей с известным вкусом и разумением. В приятном слоге начали испытывать потребность, а поскольку такой слог прежде всего должен быть понятным, то с разных сторон восставали писатели, ставившие своей целью писать о предмете своих штудий, своей профессии ясно, отчетливо и проникновенно, причем как для знатоков, так и для толпы» (ВА 13, 298—300).

⁹ приносимых в жертву животных рассекать пополам... — Быт. 15, 10.

¹⁰ Двойную пещеру... — В русском переводе просто «пещера».

¹¹ Клопшток Фридрих Готтлоб (1724—1803) — выдающийся немецкий поэт; здесь как автор эпоса «Мессия» (с 1748 г) и драматических произведений «Смерть Адама» (1757), «Соломон» (1764), «Давид» (1772).

¹² *Бодмер* Иоганн Якоб (1698—1783) — цюрихский теоретик и писатель, переводчик «Потерянного рая» Мильтона, благодаря раннему усвоению итальянских и английских эстетических влияний, сыгравший значительную роль в формировании культуры души, важной для Клопштока и позднейшего сентиментализма. Библейская тематика в творчестве Клопштока была усилена ранним влиянием Бодмера. Самому Бодмеру принадлежат эпические поэмы «Иаков и Иосиф» (1751), «Ной» (1752), «Иаков и Рахиль» (1752), «Иосиф и Зулика» (1753), драма «Узнанный Иосиф и Целомудренный Иосиф» (1754) и др. (все эти произведения читались очень немногими).

¹³ ... «*Даниил во рву*» Мозера... — эпическая поэма в прозе (1763) писателя и государственного деятеля Фридриха Карла фон Мозера (1723—1798).

¹⁴ *Разработать историю Иосифа* представлялось мне желанным делом... — Этих произведений Гете не сохранилось.

¹⁵ *Молодой человек, наделенный немалыми способностями*... — Иоганн Давид Бальтазар Клауэр (1732—1796).

¹⁶ ...я ... упражнялся в подражании «*Страшному суду*» Элиаса Шлегеля. — По предположению Г. Дюнтцера, Гете спутал Элиаса Шлегеля с другим раннепросветительским поэтом, Иоганном Андреасом Крамером (1723—1788).

¹⁷ *Ода, славившая сошествие во ад*... — Это произведение сохранилось: «Поэтические мысли о сошествии во ад Иисуса Христа» (ВА 2, 57—62; НА 1, 9—13).

¹⁸ *Фрезениус Иоганн Филипп* (1705—1761) — крестил Гете и был исповедником семьи матери Гете.

¹⁹ *Плитт Иоганн Якоб* (1727—1773).

2 (с. 396)

ВА 13, 548—551; DuW 1, 421—424; НА 9, 508—512.

²⁰ «*Саул*» — антирелигиозная драма Вольтера (1763); Саул выступает как суеверный сластолюбец, Давид как убийца и распутник, полный презрения к людям, — «образец государя».

²¹ «*И восстал...*» — Исх. 1, 8.

²² ... умножившись, как звезды небесные... — Быт. 26, 4.

²³ ... вовсе не наши известные десять заповедей... — См. ниже «Основательный ответ на ... два вопроса из Библии». Эта проблема независимо от Гете развивалась в библиистике XIX и особенно XX в.

²⁴ ... евангелия могут противоречить друг другу, лишь бы Евангелие не противоречило себе... — Мысль, которую неоднократно высказывал Лессинг.

²⁵ Дар языков... — См. ниже «Основательный ответ...»

²⁶ ... одному из ... учений лютеранства устроенному братской общиной... — Имеются в виду гернгутеры, сектантское движение в рамках пиетизма, направленного против лютеранской ортодоксии и подчеркивающего роль внутреннего душевного, индивидуального религиозного переживания. Была основана в 1722 г. графом Николаусом Людвигом фон Цинцендорфом (1700—1760). Молодой Гете одно время сблизился с пиетизмом и гернгутерством под влиянием Сусанны Катарины фон Клеттенберг (см. «Признания прекрасной души» в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера»), но практика общины в Страсбурге, ее нетерпимость и субъективизм, созерцательность, а главное, суровое учение о первородном грехе оттолкнули его от братской общины.

²⁷ ... под видом ... письма сельского пастора... — «Письмо пастора в*** новому пастору в***» (1773), которое, по выражению Г. И. Шримпфа, «дышит пиетистской набожностью чувства» (НА 12, 694).

²⁸ Писать стилем Сивиллиных пророчеств... — Гете отмечает свою очевидную зависимость от Иоганна Георга Гаманна (1730—1778; см. его яркую характеристику в рецензии Гегеля «О сочинениях Гаманна» — Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 575—642), однако стилистически он весьма далек от предельно сжатой, зашифрованной и по-сократовски язвительной темноты Гаманна. Даже и подражая Гаманну, Гете всегда пишет мягче, умереннее и без присущего Гаманну фейерверка цитат, полуцитат и аллюзий, которые превращают его тексты в непроходимый лес, а в то же время придают ему густоту и экспрессивность.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА ДВА...
ВОПРОСА ИЗ БИБЛИИ (с. 402)

DjG 3, 122—131; BA 17, 286—295.

Брошюра Гете была выпущена издателем Дейнетом во Франкфурте. В заглавии были указаны фиктивные данные о месте издания, которые являются составной частью этого стилизованного заголовка. «Пастору из Швабии» Гете приписал свой текст по примеру Гаманна, который в январе 1773 г. опубликовал «Приложение к воспоминаниям о блаженной памяти Сократе. Пастора из Швабии». Дата — 6 февраля 1773 года — принимается за день окончания работы. В середине марта уже появилась первая рецензия ее. Швейцарский богослов и писатель Иоганн Каспар Лафатер (с которым Гете связывала на протяжении нескольких лет дружба) писал Гете 1 сентября 1773 г.: «Как я предположил, „Два вопроса“ — это ваше сочинение? Не могу выразить, как жаждет моя душа обучаться теологии у доктора права — ну отчего же у нас, богословов, нет никакого разумения? — Я — я могу лишь дрожать, гореть, молчать — но не высказать, как хотел бы я — больше значительных указаний, угаданных *предчувствий* моей души от вас — как томлюсь я особенно по идеалу Христа вашего творения, вашей руки...»

Первый тезис Гете восходит к студенческим семестрам в Страсбурге (1770—1771): «В Страсбурге Гете должен был стать доктором права. Для этого он написал диссертацию, в которой доказывал, что десять заповедей не были настоящими законами израильтян, но что, согласно Второзаконию, десять обрядов занимали место десяти законов. Эта диссертация не прошла цензуру декана, и тогда Гете написал еще более еретическое рассуждение» (из воспоминаний; DjG 2, 104). Взгляды Гете во многом определялись влиянием Спинозы, его «Богословско-политического трактата» (1670), где Спиноза, в частности, писал (гл. 4): закон Моисея не универсален, но предельно приспособлен к духу одного народа. Именно на этом настаивает и Гете, а это открывает возможность конкретного изучения древней истории в новом духе, независимо от авторитета Библии. Там же (гл. 1) Спиноза писал: десятисловие Книги Исхода отличается от десятисловия

Второзакония, откуда следует, что десятисловие — это не слова самого бога.

Что касается тезиса Гете о «языках», то эта тема занимала и Гердера, который спустя двадцать лет после этого написал статью «О даре языков в христианский Духов день» и которому Гете писал в октябре 1793 г.: «Я в целом придерживаюсь твоего мнения о языках, что тебе известно с давних пор, когда я сам излагал нечто подобное в виде шутки».

Маловероятно, чтобы гетевские «Два вопроса» были написаны одновременно; скорее, они в разной степени восходят к бумагам страсбургского времени. Местами ощущается значительное влияние юридического языка, в других местах этого совершенно нет.

Передавая текст Гете, вводим в сам текст, по примеру многих изданий, многочисленные мелкие сноски со ссылками на книги Библии и греческими словами.

¹ ... *Benedicite* (лат.)... — приветствие; здесь в смысле вступительной беседы, начала разговора.

² ... *Gratias* (лат.)... — благодарение; здесь в смысле заключительного разговора.

³ ... я ... не был любителем книг ... экзегетических... — Содержащих толкование Священного писания (от греч. *exegesis* — изъяснение, толкование).

⁴ ... вдвойне зависит ... жизнь... — как жизнь всякого человека и как жизнь человека, которому положено заниматься библейскими книгами по долгу службы.

⁵ ... сводить, сужать... — сводить содержание книг к логическим основаниям, рационально понятию смыслу.

⁶ ... и читает его вслух народу. — Исх. 24, 7.

⁷ Сохрани то, что повелеваю тебе ныне. — Нижеследующий текст заповедей соответствует: Исх. 34, 14—28, причем выделенные курсивом фразы суть дословные цитаты, а следующие за ними — более или менее свободный пересказ. Более точно: Исх. 34, 14 и 15—17; 18; 19 и 20; 21; 22; 23 и 24; 25; 26; 26 и 27—28.

⁸ ... «говорит на языках». — Марк. 16, 17; Деян. 2, 4, 6; 10, 46; 19, 6; 1 Кор. 14, 13—14.

⁹ Диодор — известный историк (80—29), автор «Истории» (цитата — 4, 66). Замечание в сноске («Не знаю толком, кто такой Диодор») — чистая насмешка.

¹⁰ *Фабрициус* Иоганн Альбрехт (1688—1736) — профессор в Гамбурге («Греческая библиотека», 1708).

- ¹¹ Кто имеет уши... — Матф. 11. 15; 13, 9.
¹² Дух дышит... — Ио. 3, 8.
¹³ У вас есть Моисей... — Лук. 16, 29.
¹⁴ Обетованный дух... — Марк. 16, 17.
¹⁵ ... *kathōs to pneuma*... — Как дух давал им про-
 вещавать (Деян. 2, 4).
¹⁶ ... *простой, всеобщий язык*... — Очевидно, Гете
 имеет в виду поиски универсального языка (*lingua
 universalis*), о чем задумывались в XVII в. и раньше
 (А. Кирхер, Лейбниц).
¹⁷ ... *насмехаясь, говорили*... — Деян. 2, 13.
¹⁸ *Большим, нежели пантомима*... — Это напоминает
 представления Гердера о «детстве языка»: язык был
 неправильным, неупорядоченным, люди прибегали к по-
 мощи жестов и телодвижений и как бы исполняли пан-
 томиму («Фрагменты о новой немецкой литературе», I,
 1767).
¹⁹ ... *он тайны говорит духом* — Ср. 1 Кор. 14, 2.
²⁰ ... *ум мой остается без плода*. — Ср. 1 Кор. 14, 14.
²¹ ... *знамение для неверующих*. — Ср. 1 Кор. 14,
 22.
²² ... *домостроительствующим в сокровенном*... —
 Ср. 1 Кор. 4, 1.
²³ *О, просвещающий язычников*... — Ср. Лук. 2, 32.

ЗЛАТЫЕ СЛОВА СОЛОМОНА... (с. 414)

DjG 5, 349—351; BA 12, 450—452.

Считается (М Моррис), что сочинять притчи в библейском духе Гете побудила статья поэта Иоганна Георга Якоби, опубликованная в издававшемся им журнале «Ирида» («Iris», Дюссельдорф, 1774). В первом номере журнала, который Гете получил в декабре 1774 г., он мог читать: «Так поэт верно следует за природой. пока — нет, не оставляет ее в стороне, но обгоняет ее. Растения и животные начинают разговари- вать у него. В растениях, животных — чувство, жизнь, восприимчивость, склонность, между ними складываются отношения, все это поэт развивает и возвышает. Неме- мое движение, простой крик — все превращает он в чело веческое слово. <...> Все они поступают у него в согласи с прису щим им характером, все так говорят. Дуб горделив, ночная фиалка скромна <...>»,

Считают, что статья Якоби напомнила Гете о библейском царе Соломоне как сочинителе притчей, а потому предполагается (что вполне правдоподобно), что Гете сочинил свои притчи между декабрем 1774 и октябрем 1775 г. Впрочем, такому знатоку Библии, каким был Гете, возможно, и не требовались напоминания со стороны. В Библии о царе Соломоне говорится: «И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять; И говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах» (3 Кн. Царств. 4, 32—33). В Библии же рассказываются две притчи о растениях, которые послужили образцом для Гете: «(…) терн, который на Ливане, послал к кедру, который на Ливане же, сказать: „отдай дочь свою в жену сыну моему“ Но прошли дикие звери, что на Ливане, и истоптали этот терн» (4 Кн. Царств, 14, 9); «Пошли некогда деревья помазать над собою царя, и сказали маслине: царствуй над нами. Маслина сказала им: оставлю ли я тук мой, которым чествуют богов и людей, и пойду ли скитаться по деревьям? И сказали деревья смоковнице: иди ты, царствуй над нами. Смоковница сказала им: оставлю ли я сладость мою и хороший плод мой, и пойду ли скитаться по деревьям? И сказали деревья виноградной лозе: иди ты, царствуй над нами. Виноградная лоза сказала им: оставлю ли я сок мой который веселит богов и чело-веков, и пойду ли скитаться по деревьям? Наконец сказали все деревья терновнику: иди ты, царствуй над нами. Терновник сказал деревьям: если вы по истине поставляете меня царем над собою, то идите, покойтесь под тенью мою; если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские» (Кн. Судей, 9, 8—15). Гете взял за основу подобные библейские притчи, однако в своем собственном тексте (несмотря на всю его краткость) не вполне выдержал стиль от начала до конца: библейские элементы стиля постепенно отступают, и начинают проступать характерные особенности стиля молодой литературы 1770-х годов с его экспрессивностью и лаконичностью, с выделением несущих логическое ударение членов предложения в отдельные фразы-восклицания, фразы-вздохи (см. «Ты! Меня!» в притче 12).

Рукопись «Златых слов Соломона» сохранялась в бумагах писательницы Софи фон Ларош, знакомой с молодым Гете; по всей видимости, благодаря Клеменсу Брентано, внуку Софи фон Ларош, Ахим фон Арним, издававший в Гейдельберге в 1808 г. «Газету для отшельников», мог напечатать здесь в качестве эпиграфа к № 4 (15 апреля) следующий текст, монтирующий, с изменениями, некоторые притчи Гете:

«Кедр рос средь кустов, они делили с ним непогоду и ведро, и он рос, и возрос превыше вершин их, и далеко видел долину окрест. Тогда кусты вскричали: „Это ли благодарность? Ты ли кичишься, бывший столь малым, ты ли, вскормленный нами?“ Кедр же отвечивал им: „Спорьте с тем, кто повелел мне расти!“ — И вокруг кедра стояли кусты. Когда же пришли мужи с моря и приложили топор к корням его, раздалось ликование: „Так побивает Господь надменных и унижает мощных“. — И он сокрушился и раздавил ликующих, растоптанных среди хвороста. И он сокрушился и воскликнул: „Я стоял прямо и буду стоять прямо!“ И мужи поставили его мачтой на царском корабле, и паруса реяли на нем, и он привозил сокровища в царскую казну. — Тем временем молодой кедр, выросший от него, вознесся стройно, и пришел герой, и срубил его, и сделал себе копье воевать исполинов, и тогда воскликнули кусты: „Горе! Горе!“

(Пересказ по памяти юношеского сочинения Мастера)».

Полностью и точно рукопись Гете была впервые напечатана отдельным изданием (не для продажи) в 1861 г. В 1863 г. врач и натурфилософ К. Г. Карус, друг и ценитель Гете, переиздал библейские притчи в приложении к своей книге «Гете, его значение для нашего и грядущего времени» (*Carus C. G. Goethe, dessen Bedeutung für unsere und kommende Zeit. Wien*), а затем этот текст перешел в собрания сочинений Гете.

ИЗРАИЛЬ В ПУСТЫНЕ (с. 417)

Р 123 а—h; ВА 3, 381—400; Вейтц 301—318.

«Израиль в пустыне» — материалы, послужившие основанием для одноименной статьи в прозаической части ЗВД.

Гете писал свою статью с 9 апреля по 29 мая 1797 г. Работа над ней отражена в переписке Гете с Шиллером. См. Гете — Шиллеру 12 апреля 1797 г.: «Разведывая остатки патриархальности, я забрел в Ветхий Завет и вновь не перестаю удивляться путанице и противоречиям пяти книг Моисея, которые, как известно, составлены из доброй сотни самых разных письменных и устных линий традиции. О странствиях сынов Израилевых по пустыням я сделал несколько недурных замечаний, и во мне зародилась дерзкая мысль: не придуман ли значительно позднее тот огромный срок, какой они якобы находились в странствии? Я при случае намерен сообщить в небольшой статье, что именно навело меня на такую мысль». Этот замысел упоминается в дальнейших письмах; Шиллер пишет 14 апреля 1797 г.: «Ваши открытия в пяти книгах Моисея очень забавляют меня. Запишите свои мысли, — наверное, вам не придется так уж скоро вновь пройти этим путем. Насколько помню, лет двадцать тому назад вы уже воевали с Новым Заветом. Должен признаться, что относительно всего исторического во мне сидит такое неверие в эти документы что ваши сомнения в одном-единственном факте представляются мне еще крайне умеренными. Для меня Библия правдива лишь там, где она наивна; во всем же прочем, что написано сознательно в собственном смысле слова, я опасаясь наличия определенной цели и более позднего происхождения». Гете — Шиллеру 19 апреля: «Я изучаю сейчас в крайней спешке Ветхий Завет и Гомера, одновременно читаю введение Эйхгорна в первый [«Введение в Ветхий Завет», Лейпциг, 1790—1793] и Прологомены Вольфа ко второму [«Прологомены к Гомеру», Галле, 1795]. При этом у меня удивительным образом открываются глаза на самые разные вещи, что нам в дальнейшем еще придется обстоятельнее обсудить». Гете — Шиллеру 22 апреля: «История человечества Вольтмана [«Введение в древнейшую историю людей» Карла Людвиг Вольтмана, 1770—1817] — действительно страшный труд. Вступление лежит за пределами моего кругозора, о Египте я не могу судить, но для меня непостижимо, как, излагая историю Израиля, он может принимать Ветхий Завет в качестве чистого источника сведений о событиях, без малейшей критики. Вся работа по-

строена на песке, и это поистине чудесно, если вспомнить, что введение Эйхгорна вышло десять лет назад, а работы Гердера производят свое воздействие еще большее время. О несправедливых противниках этих древних писателей и вообще не говорю». Гете — Шиллеру 3 мая: «Вчера я начал диктовать своего Моисея. Гюссельд требует за карту форматом в малый лист четыре лудора и берется гравировать ее примерно за два карolina в Нюрнберге. Если вы верите, что дело стоит таких затрат, то я сразу же распоряжусь, — ведь пройдет несколько месяцев, прежде чем карта будет готова. Моя статья может оказаться весьма любопытной, тем более что в последнее время сами богословы открыто выражают сомнение в правильности библейской хронологии и повсеместно заподозривают позднейшую вставку лет — ради получения равных по длительности циклов». Вопрос к Шиллеру относительно расходов объясняется тем, что статью Гете вместе с картой предполагали включить в издававшийся Шиллером журнал «Оры» — см. письмо Шиллера Гете от 5 мая 1797 г. Гете — Шиллеру 6 мая: «Хочу на мгновение сделать паузу, чтобы убедиться в том, что действительно доведу до конца своего Моисея. До этой поры мне удавалось совершенно расстаться с мыслью об Италии, но теперь, когда во мне вновь загорелась надежда, я вижу, что необходимо приняться за свои материалы, привести их в порядок и набросать к ним схему». Шиллер — Гете 10 мая: «Мне было бы жаль, если бы вы отложили своего Моисея. Правда, он занятно столкнулся с итальянским материалом, однако, судя по тому, что вы уже сказали мне о нем, вам осталось только продиктовать его до конца, и едва ли больше». Гете — Шиллеру 17 мая: «Концом Челлини я займусь в Иене сразу же [Гете переводил «Жизнеописание» Челлини]; может быть, найдется и другая работа, и, возможно, Моисей вновь оживет благодаря беседам». Гете — Шиллеру 27 мая: «Два крепких парня, Моисей и Челлини, заявили сегодня вместе; когда видишь их рядом, они удивительно похожи. Признайте, что такая параллель не пришла бы в голову даже Плутарху». Гете — Шиллеру 21 июня 1797 г.: «В эти дни я многое начал и ничего не кончил. Я набросал лучшую и более полную схему истории собора св. Петра, и как эта

работа, так и Моисей и другие так или иначе вызреют со временем; этой же порой, какая приносит с собой лишь рассредоточенность интересов, — при той неопределенности, в которой я пребываю, — я хочу воспользоваться, пока вновь не составится единство».

Ср. в «Анналах» Гете — 1797 год: «Я продолжал переводить для Шиллера Челлини, а поскольку вновь принялся за библейские предметы в надежде найти поэтические сюжеты, то увлекся критическим рассуждением о странствовании сынов Израилевых по пустыне. Моя статья с приложением к ней карты должна была преобразовать это странное сорокалетнее блуждание в предприятие если не благоразумное, то по крайней мере понятное» (ВА 16, 54); 1813 год: «Продолжалась и была завершена работа над вторым томом биографии, третий том был начат, набросан в целом, выполнен в частностях. Продолжая рассказ о Моисее из первого тома, я вновь извлек из старых бумаг „Блуждание сынов Израилевых по пустыне“, но сама работа была отложена для иных целей» (ВА 16, 239).

Так и не завершив статью, Гете вернулся к ней лишь спустя 15 лет, — с 25 по 28 марта 1812 г. он вновь занимался ею.

Подготовительные материалы к статье состоят из нескольких частей, различных по степени разработанности — от схем и таблиц до продиктованного, стилистически не отделанного текста.

[ЗАПИСИ ПРИ ЧТЕНИИ БИБЛИИ] (с. 443)

SL 1, 85—88; ВА 17, 717—719.

Записи Гете на визитной карточке и четырех отдельных листах. SL и ВА публикуют записи с различной степенью полноты и в разном порядке — в первом случае под заглавием «Записи при чтении Библии», во втором — «Библейские штудии». Воспроизводя эти записи, в основном следуем SL, исключая, однако, несколько строк, не относящихся к теме. В ВА записи не датируются; аппарат в SL 4, 117—123 позволяет принять условную датировку — 1812—1813 гг. или даже точнее датировать отдельные записи — 15—16 августа 1812 г., когда, согласно дневнику, Гете перечитывал Послание к Евреям, 24 июня,

когда он перечитывал Послание к римлянам, 3 сентября 1816 г., когда он перечитывал Книгу Юдифь и Книгу Неемии; рассуждения о храме Соломоновом датируются 1810—1817 гг., последний раздел, возможно, — 7 марта 1816 г., когда Гете читал Книгу Самуила.

¹ ... центаона... — произведение, составленное из строк других поэтических произведений, «мозаика из готовых стихов и полустихий старых поэтов» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 253), жанр, существующий в рамках риторической культуры, на известных ее этапах, особенно распространенный в позднеантичной латинской литературе. См. также: Аверинцев С. С. Византийские эксперименты с жанровой формой классической греческой трагедии // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 255—270. Слово «центаона» употреблено Гете не в строгом смысле слова, так как автор послания не собирает свой текст из чужих текстов, но цитирует ветхозаветные и новозаветные тексты, что необходимо по смыслу — в знак осуществления, утверждения всего содержащегося в них.

² *Послание к Евреям* — грубая и плоская капуци나다. — *SL* 4, 120. Этот абзац — первоначальный набросок к предыдущему, уже смягчающему резкость отзыва.

Капуци나다 — г. е. текст, выдержанный в духе проповедей капуцинов, часто достигавших раблезианской вольности. См., например. стилизованную проповедь капуцина в «Лагере Валленштейна» Шиллера, образцом для которой послужили (по подсказке Гете) сочинения выдающегося писателя венского барокко, проповедника-августинца Авраама а Санта Клара (1644—1709), у которого гениально расцветает смеховая комбинаторика эпохи барокко.

³ *Послание к Евреям*, очевидно, написано до разрушения Храма... — Храм был разрушен в 70 г. н. э. во время иудейской войны. В настоящее время послание датируется приблизительно 80—95 гг. Видимо, Гете хотел сказать, что автора послания не так затрудняло бы объяснение противоположности земного и небесного, если бы храм уже был разрушен; послание (гл. 3, гл. 6) предостерегает против отпадения от веры, и тема «ропщущих» (3, 16) стала тут актуальной. Восстановление всего хода мысли, стоящего за этой записью Гете,

требовало бы крайне обширного комментария. Можно лишь предположить, что Гете в послании, в частности, занимало сопоставление Моисея и Иисуса; см. 3, 3—6: «Ибо Он достоин тем бóльшей славы перед Моисеем, чем большую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его; Ибо всякий дом устроится кем-либо; а устроивший все есть Бог, И Моисей верен во всем доме Его, как служитель, для засвидетельствования того, что надлежало всзвестить. А Христос — как Сын в доме Его; дом же Его — мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца». У Гете сравнение заканчивается в пользу Моисея (см. выше стихотворение «О, дитя! Какая сладость...»). Ср. в послании (гл. 3) и тему исхода из Египта.

⁴ Почему . . . так напирает он на покой? — Для Гете «покой» в любом случае подозрителен, и он отказывается обсуждать его исхода из предпосылок автора послания.

⁵ Еврейский народ не худ. . . — Кн. Юдифь 10, 20. Ср. русский перевод: «Кто пренебрежет таким народом, который имеет таких жен у себя».

⁶ «Новая песнь». — Кн. Юдифь 16, 2: патриотическая песнь, которую поет Юдифь (отсекшая голову Олоферна) после изгнания ассирийцев.

⁷ Повреждения начали заделываться. — Кн. Неемии, 4, 7. Отсюда у Гете следует несколько строк о «Книге Неемии», в которые вклинивается выписка из латинского перевода послания ап. Павла. Эти строки чрезвычайно показательны для Гете с его философией дела. В «Книге Неемии» описывается восстановление городских стен Иерусалима, предпринятое персидским наместником («областена начальником») в Иудее Неемией в V в. до н. э.: книга написана от первого лица, и, как предполагается, в ней в большой мере использован отчет наместника царю. В книге подробно описано, кто и как восстанавливал стены, и Гете был, без сомнения, привлечен образцовой деятельностью и распорядительностью древнего строителя, — благодаря этому все детали описания приобретают для него совершенно актуальный смысл: гетевские выписки — это краткий протокол обсуждения двумя строителями, двумя министрами, технических проблем, которые надо решить в кратчайший срок, с максимальным использованием людских и материальных ресурсов.

⁸ *Счастливая мысль...* — Это замечание имеет касательство к приведению в порядок храма, о чем говорится в «Книге Неемии» в дальнейшем. Ниже Гете опять возвращается к строительству стен.

⁹ *Первая книга Самуила*, Гл. 5. — Здесь описан поверженный филистимлянский идол: «(. . .) Дагон лежит на земле ниц пред ковчегом Господним; голова Дагонова и обе руки его лежали отсеченные, каждая особо, на пороге, осталось только туловище Дагона». Здесь, как и выше, Гете при чтении Библии, очевидно, пользовался каким-либо комментарием.

¹⁰ *Повтор рассказов о Давиде...* — Об игре на гуслях — 1 Царств 16, 23 и 18, 10; о метании копья — 18, 10—11, и 19, 9—10.

¹¹ ... «*Саул во пророках*». — 1 Царств 10, 11 и 19, 24.

АННАЛЫ (с. 446)

ВА 16, 249—251. 260. 273. 279—280.

«Анналы», или «Тетради дней и годов», — годовые сводки, которые Гете делал на основании своих дневников с краткой (обычно в форме назывных предложений) записью о событиях дня, встречах, прочитанных книгах и т. д. «Анналы» — это, по выражению Гете, его «суммарная биография». Основная работа над «Анналами» велась в 1822—1825 гг.

1815

¹ «*Моаллакаты*» — правильное «*Муаллаки*»; см. прим. к статье «Арабы» в прозаической части *ЗВД*.

² «*Жизнь Магомета*» *Эльснера*... — Имеется в виду книга Конрада Энгельберта Эльснера (1764—1829) «Магомед. Изложение влияния его вероучения на народы средневековья...» (Франкфурт-на-Майне, 1810). Эльснер — небезынтересная фигура в немецкой культурной истории, дипломат и писатель, один из революционно настроенных идеологов конца XVIII в., друг Г. Форстера.

³ ... «*Книга Кабуса*»... — «*Кабус-наме*» в переводе Ф. Дица; см. статью «Фон Диц».

⁴ «Путешествие в Сицилию» — т. е. «Итальянское путешествие», первый том которого вышел в конце 1816 г.

1816

⁵ ... «Календарь для дам»... — В «Календаре для дам на 1817 год» было напечатано 12 стихотворений из ЗВД.

⁶ ... «Цейлон» Нокса... — «Историческое сообщение об острове Цейлон» (1681) английского капитана Роберта Нокса (ок. 1638—1700).

⁷ ... Хайд, его «Религия персов»... — «История религии древних парсов и их магов» (1690) оксфордского профессора Томаса Хайда (1636—1703).

1817

⁸ ... манускрипты из числа доступных мне... — Для этих целей Гете выписывал из Веймарской библиотеки множество восточных рукописей. Некоторые из гетевских упражнений в письме воспроизведены Грумахом.

1818

⁹ ... публикация в «Календаре для дам»... — См. выше.

¹⁰ ... старался ... пользоваться значительным трудом фон Хаммера. — Имеется в виду «История изящных риторических искусств Персии» (Вена, 1818) Й. Хаммера, давшая решающий импульс к завершению ЗВД.

¹¹ ... «Религиозные обряды древних парсов» Анкетилля... — «Путешествие в Ост-Индию вкупе с описанием гражданских и религиозных обычаев парсов» (1776) А. И. Анкетилля Дюперрона (1731—1805), известного французского ориенталиста.

¹² ... басни Бидпаи... — т. е. сборник «Калила и Димна»; см. прим. к статье «История» в прозаической части ЗВД.

¹³ ... «Арабские стихотворения» Фрейтага... — латинская диссертация Г. В. Ф. Фрейтага «Арабская песня» (1814), по которой Гете переводил стихотворение для статьи «Арабы» в ЗВД.

¹⁴ ... «Арабская грамматика» Михаэлиса... — «Арабская грамматика и хрестоматия» геттингенского востоковеда И. Д. Михаэлиса, которой Гете пользовался в третьем издании 1815 г.

[ПЛАН «СТАТЕЙ И ПРИМЕЧАНИЙ»] (с. 452)

P 103; *ВА* 3, 378—381; *SL* 3, 339.

Основная схема прозаической части *ЗВД*, упоминаемая в дневниках 1818—1819 гг. Ее 98 пунктов соответствуют первым 57 статьям прозаической части *ЗВД*.

[ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ В СВЕТ
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»] (с. 455)

ВА 17, 518.

Объявление в журнале Гете «Об искусстве и древности», том II, № 1, 1818 (на третьей странице обложки).

Торжественное шествие — см. *ВА* 4, 602—646. См. прим. к статье «Будущий Диван».

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН... (с. 456)

ВА 3, 334—336; 17, 485—487; *SL* 3, 309—310; *Вейц* 407—409; *НА* 2, 268—270.

Это написанное Гете объявление о предстоящем выходе в свет *ЗВД* появилось 24 февраля 1816 г. в «Утреннем листке для образованных сословий» («Morgenblatt für gebildete Stände»), принадлежавшем И. Ф. Котте, издателю Гете. В конце рукописи зачеркнутая дата — 3 января 1816 г. — и запись: «Отправлено 13 февраля 1816 г.»

Гете характеризует состав поэтических книг сборника, последовательность которых в окончательной редакции была несколько изменена; «Книга Друзей» не была составлена.

¹ ... что она сама выступает как поэтесса... — В *ЗВД* вошли стихотворения Марианны фон Виллемер, о чем современники не подозревали (см. «Книгу Зуллейки» и прим. к ней). Лишь в 1858 г. Марианна фон

Виллемер рассказала Герману Гримму о том, что она была Зуллейкой Гете.

² ... «Календарь для дам... — см. выше в прим. к «Анналам».

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ (с. 459)

P 127a, 6; *SL* 1, 89—90, 4, 128; *BA* 3, 404—406, 18, 130—131; *Вейтц* 321—323.

Ср. № 92 в гетевском плане статей для *ЭВД*. Первый из двух разделов продиктован не раньше весны 1817 и не позже 22 октября 1818 г., второй — между 5 июня и 22 октября 1818 г.

¹ ... «Сакунтала»... — драма Калидасы.

² ... «Гита-Говинда»... — поэма Джаядэвы (XII в.) о любви бога Кришны к пастушке Радхе, была переведена с санскрита на английский язык В. Джонсом, а на немецкий с перевода Джонса — Гуго фон Дальбергом (1760—1812) (Эрфурт, 1802) и историком Фридрихом Майером (Веймар, 1802). Оба перевода находились в библиотеке Гете, который знал также и перевод Джонса. Гете писал Шиллеру 22 января 1802 г.: «Скажу немного, посылая приложение, которое несомненно доставит вам радость. Жаль только, что Джонс, а за ним Дальберг устранили т. н. сомнительные места, из-за чего пьеса приобретает сладострастный характер, тогда как в оригинале она выражает полноту наслаждения. Для меня были крайне замечательны многообразные мотивы, благодаря которым простой предмет разворачивается и становится бесконечным». Гете в письме Шиллеру от 19 февраля 1802 г.: «Английский текст „Гиты-Говинды“ я теперь тоже прочитал и, к сожалению, вынужден обвинить нашего доброго Дальберга в недобросовестности. Джонс в своем введении говорит, что сначала перевел поэму дословно, а затем опустил все, что показалось ему слишком сладострастным и смелым для его нации. А немецкий переводчик выпустил не только то, что ему в свою очередь показалось сомнительным, но он не понял самые прекрасные, невинные места и перевел их неверно. Быть может, я сам переведу конец, который более всего испорчен немецкой мучнистой росой, с тем чтобы старинный поэт явился перед вами во всей

своей красе, каким мог представить его английский переводчик».

См.: Серебряный С. Д. «Гитаговинда» Джаядэвы в Индии и на Западе // Классические памятники литературы Востока: (В историко-функциональном освещении). М., 1985. С. 69—107.

³ «Меґха-Дуга» — «Облако-вестник», поэма Калидасы. В 1815 г. в Калькутте вышел английский перевод Г. Г. Вильсона, а в 1818 г. были напечатаны отрывки в немецком переводе И. Г. Л. Козегартена. Гете упоминает поэму в «Анналах» за 1817 и 1821 гг.: «Если говорить о книгах, сюда совершенно естественно примыкает перевод индийской „Меґха-Дуты“. Мы так долго носились с облаками и формами их, что могли с тем большей уверенностью и наглядностью следовать за этим „Облаком-вестником“ во всех его многообразных видоизменениях» (ВА 16, 274); «Через английский, благодаря посредничеству достойного профессора Козегартена, я вновь обратился на время к Индии. Благодаря его точному переводу начала „Камарупы“ [т. е. «Облака-вестника»; Камарупа — бог превращений, которому приписывают и образование облаков] эта бесценная поэма вновь живо предстала предо мною, несказанно выиграв от такого верного приближения. „Наль“ [фрагмент «Махабхараты» в переводе Козегартена] я штудировал с тем же восхищением, сожалел лишь о том, что наши чувства, нравы, наш образ мыслей столь отличен от той восточной нации, так что это значительное произведение найдет у нас лишь немногих читателей, может быть, лишь профессионалов».

См.: Серебряный С. Д. К анализу поэтики санскритской кавы: (На материале поэмы Калидасы «Облако-вестник») // Восточная поэтика. Специфика художественного образа. М., 1983. С. 109—120. На русский язык поэма переведена П. Г. Риттером (1914). См.: Калидаса. Избранное. М., 1956; Избранные статьи русских индологов-филологов. М., 1962 (вступ. статья к переводу); см. также: Эрман В. Г. Калидаса. М., 1976; Литература и культура средневековой Индии. М., 1979.

⁴ ... вслед за тем наступает вторая эпоха... — Ср. статью «Переводы» в прозаической части ЗВД.

⁵ ... китайской драмы... — «Позднее дитя старика» У Ханьшиня — пьеса, изданная в 1817 г. на англий-

ском языке в Лондоне, а в 1818 г. переведенная на немецкий язык.

⁶ ... самая настоящая картина семейства... — «Картина семейства» — во второй половине XVIII в. распространено как жанровое обозначение драм и романов.

⁷ «Холостяк» — пьеса (1793) популярного драматурга и актера Августа Вильгельма Иффланда (1759—1814).

ФОН ХАММЕР (с. 462)

Р 125 а, б; ВА 3, 401—402. Ср. одноименную статью в ЭВД и комм. к ней.

¹ Хайд — см. выше в прим. к «Анналам» (1816).

² Бриссон Барнабе (1531—1591) — французский политик, юрист, автор книги «О царском правлении персов» (1595).

³ Реланд Адриан (1676—1718) — голландский востоковед («Две книги о турецкой, или магометанской, религии», 1705).

ПЕРЕВОДЫ (с. 465)

Р 126; ВА 3, 403. Ср. одноименную статью в ЭВД и комм. к ней.

¹ Несчастливая затея г-на [Валя]... — частичный перевод «Шах-намэ» (1806) С. Ф. Валя (1760—1834), профессора востоковедения в Галле.

БОГОЯВЛЕНИЕ (с. 466)

Это стихотворение хронологически переносит нас резко назад — оно написано в начале 1781 г.; между тем в нем связаны темы, ставшие столь важными для Гете в пору работы над ЭВД и усиленного изучения восточных культур.

Гете написал стихотворение для маскарадного спектакля при веймарском дворе 6 января 1781 г. в день трех святых царей (волхвов в русской традиции) и день Богоявления. Впервые напечатано стихотворение было, под заглавием «Три святых царя», в программе берлинского «лидертафеля», которым руководил К. Ф. Цельтер, в 1811 г. (см.: Hagen W. Die Drucke von Goethes Werken. 2. Aufl., Weimar, 1983. S. 310).

Широкой публике оно стало доступным лишь в 1827 г. в С., где было озаглавлено — «Богоявление» (издание в 12°) и «Праздник Богоявления» (издание в 8°).

Темой стихогворения была не непосредственно сама легенда о поклоне трех волхвов, которым звезда указала путь к яслям младенца Иисуса (Матф. 2, 1—2, 9—12), но отражение ее в народной культуре, которая дожила до дней молодого Гете. Об этих народных обрядах Гете рассказал 20 января 1826 г. в не опубликованной тогда записи, поводом для которой послужило чтение статьи о народных песнях: «Во Франкфурте-на-Майне на масленицу было заведено, чтобы мальчики по двое ходили, взявшись за ручки корзины, и раскачивали ее перед дверями домов. В этот день в честь его стар и млад портили себе желудки, поглощая теплые булочки, обмазанные маслом, и дети бедняков не желали упустить своей доли. Раскачивая корзины в такт, они пели <...>. Во всяком случае они не попрошайничали, а только просили, — на деньги они не рассчитывали, но и дети, и женщины с готовностью отдавали им излишки булок и всякого печенья, если только группы не появлялись слишком уж часто.

Из этой дополицейской эпохи вспоминаю еще подвижную звезду, которую в канун Богоявления носили мальчики, — она тоже служила поводом, чтобы просить; память об этом остается нам лишь на картинах и гравюрах нидерландцев. Совсем не благочестивое начало их песни:

Святым трем царям — со звездой ходить;
Едят они, пьют, но не любят платить, —

весело и вполне понятно, если вообразить себе этих бравых пришлецов с коронами из бумаги на головах, а одного из них — с лицом, вымазанным сажей. Они желают есть и пить и не прочь оставить у себя деньги за угощение. Столь же древний обычай, берущий начало в самых ранних временах немецкой культуры, а именно Иоанновы огни, сохраняется еще и теперь на горах близ Иены <...>» (ВА 17, 670—672).

Выражение «дополицейская эпоха» указывает на запреты народных обычаев, начиная с середины XVIII в., когда просветительский рационализм был взят на вооружение бюрократией: никто не создавал

того, что запреты обрубают линии тысячелетних глубоких традиций. Так, в Веймаре хождение со звездой на день Богоявления было уже запрещено к 1781 г., когда этот обычай был сделан эпизодом литературного спектакля для светского общества. Гете передал в своем тексте народную традицию с саморазумеющейся силой и символической напряженностью. Гетевские волхвы и говорят в соответствии с народной традицией, утверждающей священную легенду через смех, через потешное разыгрывание ее, и каждый из царей-волхвов — в строфах 3-й, 4-й, 5-й — говорит так, как это полагалось Балтазару, Мельхиору, Каспару с их четко определенными образами. У Гете ситуация приобретает еще мягкий юмористический оттенок благодаря тому, что обряд разыгрывается перед знатной публикой, — см. конец стихотворения; к тому же роль первого волхва исполняла известная актриса Корона Шретер (1751—1802), что создавало дополнительный комический эффект.

В стихотворении содержание многократно преломляется — не поверхностно-смешливо, но глубоко. Так, во 2-й строфе комический эффект построен на такой слитости выражения «три царя» — почти по типу «семи спящих» (*Siebenschläfer*), легенду о которых Гете рассказал в «Книге Рая», — что можно даже, как бы не замечая того, говорить и о четырех трех-царях. Между тем в этом комическом эффекте «запрятано» архетипическое представление, постоянно обнаруживающееся в традиционных культурах, — разворачивание тройки в четверицу, троичности в четверичность. Со второй строфой стихотворения вполне сопоставимо начало платоновского «Тимея», где это самое представление не без юмора «укрывается» в обыденной ситуации: «Сократ. Один, два, три — а где же четвертый, любезный Тимей, из наших вчерашних хозяев и сегодняшних гостей?» Эта самая, заданная наперед логика разворачивания отнюдь не случайно залетела в легенду о трех волхвах; наоборот, эта легенда уже несет ее в себе: см. статью В. Френгера о «четвертом царе» на картине «Поклонение трех волхвов» (1568) И. Босха: *Fraenger W. Der vierte König des Madrider Epiphanias-Altars // Id. Hieronymus Bosch. 3. Aufl. Dresden, 1979. S. 307—333.*

Что весьма красноречиво характеризует народную струю традиционных культур, она при всей ее кажущейся нерелективности находится в теснейшем родстве с философскими и теологическими построениями, рассуждающими о самых первопринципах мирового строения, с построениями, как бы заключенными в круг неперенности: отсюда в средневековой и позднейшей культуре потребность в «четвертой ипостаси» Троицы, будь то дева Мария или София. Все это небезынтересно в связи с Гете постольку, поскольку он, приступая к своего рода умственному эксперименту, приходит к точно такому же пониманию структуры мира как особым образом разворачивающейся в четверицу триничности, а этот эксперимент, в свою очередь, проясняет философский смысл таких фундаментальных произведений, как «Фауст», приоткрывает скрытые глубины в гетевском воззрении на мир, все подспудное в нем. Вспоминая годы учения в лейпцигском университете, Гете рассказывал в «Поэзии и правде» (кн. 8): «(. . .) у всякого человека в конце концов своя собственная религия, и мне показалось вполне естественным, что и я могу составить свою собственную, — я так и поступил с большим удовольствием. В основе лежал неоплатонизм; герметизм, мистика, кабаластика тоже внесли сюда свой вклад, и так я построил себе мир, выглядевший престранно. Я представил себе бога, который изначально производит сам себя, а поскольку порождение нельзя мыслить помимо многообразия, то бог необходимо должен был явиться себе как второе начало, какому мы придаем имя Сына; оба они должны были продолжить действие порождения и, в свою очередь, являлись себе в виде третьего начала, которое было столь же живо и вечно, что и целое. Тем самым круг божества замкнут, и теперь уже для них самих было бы немисливо вновь произвести нечто вполне равное себе. Но поскольку процесс порождения продолжался, то они творили четвертое, которое уже заключало в себе противоречие, поскольку оно было безусловным, как они, и в то же время содержалось в них и ими ему полагался предел. Этим четвертым и был Люцифер, которому с этой поры была передана вся энергия творения и из которого должно было исходить все прочее бытие. Он тотчас же доказал свою бесконечную

деятельность, сотворив всех ангелов, вновь по своему образу и подобию, — безусловными, однако заключенными в нем и им ограниченными. Окруженный такой славой, он забыл о своем высшем происхождении и полагал его в себе самом» и т. д. и т. д. (ВА 13, 379—380). Мистико-кабалистические и алхимически-герметические корни этой картины мира, о которой Гете спустя сорок лет рассказал с юмором и с удовольствием, хотя и слишком конспективно, — очевидны, как очевидны они были для самого Гете; однако эти основания гетевского мировоззрения были на долгие десятилетия закрыты для гетеведения, которое начало разрабатывать их лишь в последнее время (см., особ.: *Zimmermann R. Chr. Das Weltbild des jungen Goethe. München, 1970—1979. Bd. 1—2*).

Если принять теперь во внимание, что образы Босха отражают гностически-алхимическую традицию (В. Френгер сомнительно сближает Босха с гностической сектой иуданстского толка, но наряду с этим предлагает ряд замечательных гипотез — например, «четвертый царь» как Мелхиседек, вечный священник по Евр. 7, 1—3), то пребывание Гете в Кельне, открытие им для себя старинной нидерландской и рейнской живописи в собрании братьев Буассере в Гейдельберге, у Валльрафа и т. д. было сведением воедино обширных кругов культурной истории: гетевские три волхва, непосредственно почерпнутые им из народной традиции в самой жизни, эти три волхва, помнящие о четвертом из «трех-царей», которого с ними нет, по крайней мере родственны «четвертому царю» Босха, который, живя в Хертогенбосхе, принадлежал к тому самому кельнскому архиепископству, где сосредоточивался культ «трех святых царей». Гете в Кельне перед «Поклоном трех волхвов» (1540) Стефана Лохнера (1410—1451) — во времена Гете эта картина атрибуировалась мастеру Вильгельму Кельнскому, а имя Лохнера не было известно, — далее, Гете в Гейдельберге перед «Поклоном волхвов» Рогир ван дер Вейдена, которая приписывалась тогда Яну ван Эйку, — все это незаметно совершающиеся события символического значения (см. ВА 15, 539); в «Анналах» на 1815 г. Гете записывает: «(. . .) пребывание в Кельне, сколь бы кратким оно ни было, произвело непреходящее действие» (ВА 16, 252). Ср.:

«...» с Мастером Вильгельмом Кельнским никто не сравнится в воспроизведении лиц. Это свойство самым поразительным образом выступает в кельнском алтарном образе [т. е. в „Поклонении волхвов“ Лохнера], на который вообще можно смотреть как на центр истории искусства Нижнего Рейна. Нужно только пожелать, чтобы подлинники его достоинства были познаны историко-критически. Ибо сейчас ему кадят гимнами, и можно опасаться того, что вскоре он станет столь темным пред глазами духа, как раньше был недоступен телесному зрению из-за сажи» («Из путешествия по Рейну, Майну и Некару», *ВА* 15, 610).

Все это сведение кругов венчается неожиданным и знаменательным ходом культурно-исторической логики! Эберхард фон Грооте (1789—1864), филолог из круга братьев Буассере, пишет Сульпицу Буассере 19 ноября 1814 г.: «[Макс фон] Шенкендорф описал мне с жаром и любовью обращение Гете перед картинами вашего собрания, и я все могу представить себе так, будто сам присутствовал при этом. Какое чудо! Какое зрелище! Словно к тем трем языческим царям близ яслей господних подошел четвертый, принес свои дары новорожденному младенцу (в текущем году он ведь подлинно новорожденный), преклонил колена, и принес жертву, и уверовал, и распространит Евангелие между своими братьями в дали и во все большей дали. <...> Итак, да падут „Пропилеи“ и вместе с ними кумиры [„Римских“] элегий! И кто знает — не возложит ли венец бессмертия на чело Гете не Ифигения, но великая, великолепная героиня христианства! <...>» (*В* 1, 239). Надеждам католиков-романтиков не суждено, правда, было сбыться.

О символических числовых значениях см.: *Топоров В. Н.* О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3—58, особ. с. 28—29 (здесь, в частности, о Гете). Символику «3», переходящей в «4», см. также в «Классической Вальпургисовой ночи» второй части «Фауста», где этим переходом характеризуется духовное тяготение ввысь, к совершенству, как идея органического становления; ср.: *Reinhardt K.* Die klassische Walpurgisnacht. Entstehung und Bedeutung // *Id.* Tradition und Geist: Gesammelte Essays zur Dichtung. Göttingen, 1960. S. 309—356.

О кабирах Гете читал в сочинении Шеллинга «О божествах Самофракии» (1815) и в других источниках (сочинение Шеллинга — это мифологизирование в неоплатоническом духе). Известно также знакомство Гете с работой Франца Баадера «О пифагорейском квадрате в природе, или Четыре страны света» (1798).

[ЗАПИСЬ О НОВОЗАВЕТНЫХ ЛЕГЕНДАХ]

(с. 467)

Написанный рукой Гете отрывок, относящийся ко времени работы над статьей «Три святых царя» (см. ниже). *ВА* 17, 962.

[О ХАРАКТЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ]

(с. 467)

SL 1, 228; *ВА* 17, 519.

Небольшая статья без заглавия была написана Гете для «Общества старонемецкой истории», избравшего его своим почетным членом по случаю семидесятилетия Гете. Отправлена 14 июня 1820 г. и вскоре напечатана в «Архиве Общества...» (Франкфурт-на-Майне). В статье Гете обсуждает иронический шпрух Мейстера Столле о скупости римского короля Рудольфа Габсбургского, который наделен всеми добродетелями, «только он ничего не дает» (датируется 1256—1286 гг.). Гете перевел его на немецкий язык.

Видебург Кристиан Бернхард (1722—1758) — профессор в Иене.

¹ ... в большом конволюте... — Хорошо известная иенская рукопись (сер. XIV в.), содержащая шпрухи миннезингеров с мелодиями, одно из четырех больших собраний их текстов.

ТРИ СВЯТЫХ ЦАРЯ (с. 468)

SL 1, 220—226; *ВА* 17, 546—555.

В 1819 г. Гете приобрел старинную латинскую рукопись, о которой писал Сульпицу Буассере 22 октября: «Я случайно купил старинный манускрипт, форматом в малую квартиру, 84 листа, с аббревиатурами, написанную последовательно и, следовательно, удобо-

читаемо, хотя местами она и трудна для меня. Она содержит легенду о трех святых царях с их звездой, от исхода сынов Израилевых из Египта и до почитания мощей святых царей в Кельне. <...> Может быть, неожиданность находки так расположила меня в ее пользу или то, что она так напоминает путешествие Монтевиллы; история, традиция, возможное, невероятное, баснословное сливается с естественным, вероятным, реальным, рождая предельную конкретность описания, обезоруживает любую критику, словно сказка. Короче говоря, не думаю, чтобы в моих руках когда-либо бывало что-либо более приятное и изящное в этом роде. Не чувствуется в ней ни поповского духа, ни филистерства, ни ограниченности; способ, каким автор заставляет верить себе и затем все же умеренно злоупотребляет доверчивостью слушателей, так что никак не сочтешь его плутом, — самый приятный; короче говоря, ни одной народной книги не сравнишь с этой книжечкой».

Гете закончил статью 2 ноября 1819 г., поместив ее во второй номер тома II своего журнала «Об искусстве и древности». На третьей стороне обложки этого номера он успел напечатать присланные ему С. Буассере сведения об авторе и немецком переводе текста (см. ниже). За обработку легенды взялся Густав Шваб (1792—1850), который смог воспользоваться рукописью Гете в мае-июне 1821 г. Гете прочитал произведение Шваба в рукописи, в октябре того же года оно вышло в свет: «Легенда о трех святых царях Иоганна Хильдесхаймского. По сообщенной Гете рукописи и немецкой рукописи Гейдельбергской библиотеки в сопровождении двенадцати романсов».

¹ Валаам — Числ. 22—24. Евсевий («Исторические древности») сообщает сведения о том, что святые цари были из рода Валаама; см.: E. Bratke // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig, 1899. N. F. Bd. 4. 3. Heft, S. 197.

² ... «Взойдет звезда»... — Ср. Числ. 24, 17.

³ ... Акко — Аккра.

⁴ ... избирают пресвитера по имени Иоанн... — Об историческом содержании этих сведений см.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М., 1970.

⁵ ... Елена, мать Константина... — Св. Елена (ок. 250—326), мать императора Константина I (280—337).

⁶ ... позже их переправляют в Милан... — Мощи были перенесены из Константинополя в Милан, а в 1164 г. Фридрих Барбаросса после разрушения Милана подарил их канцлеру Райнальду Кельнскому.

⁷ Флорентий Вульканненский, епископ Мюнстера. — Флорентий Вефелингхофенский (ум. в 1393 г.), епископ в городе Мюнстере, позднее в Утрехте.

⁸ ... Иоанна Монтевиллу... — Монтевилла — Мандевиль; см. статью «Иоанн из Монтевиллы» в прозаической части ЭВД.

⁹ ... «*Actis Sanctorum*»... — «*Acta Sanctorum*» — начатое в 1643 г. и продолжающееся издание житий святых. Здесь, видимо, в значении «Жития святых» вообще. К названному изданию Гете неоднократно обращался.

¹⁰ ... один изобретательный коллега... — Неизвестно, кого Гете имеет в виду.

¹¹ О великом хане... — О Чингиз-хане.

¹² ... алтарного образа Кельнского собора... — «Поклонение волхвов» Стефана Лохнера, приписывавшееся тогда мастеру Вильгельму Кельнскому.

[ОБ АВТОРЕ ЛЕГЕНДЫ О ТРЕХ ЦАРЯХ]

1 (с. 480)

Текст на обложке журнала «Об искусстве и древности» (1819).

SL 1, 227; BA 17, 555—556.

2 (с. 481)

SL 1, 233; BA 17, 556.

Предыдущий текст был повторен с дополнениями на третьей странице обложки журнала «Об искусстве и древности» (№ 1 III т., 1821).

И ЕЩЕ РАЗ ТРИ СВЯТЫХ ЦАРЯ (с. 481)

SL 1, 234—235; BA 17, 556—558.

Написано в связи с выходом в свет книги Г. Шваба (см. выше) и опубликовано в журнале «Об искусстве и древности» (№ 3 III т., 1822).

Автором... оказался Иоанн Хильдесхеймский. — Даты его жизни: между 1310—1320—1375 гг. Его сочинение «*Historia trium regum*» создано между 1364—1375 гг. Было переведено на немецкий язык уже в 1389 г. Оригинальный текст издавался в новое время трижды — в 1878, 1886, 1925 гг. См.: *Kehrer H.* Die heiligen drei Könige in der Legende und in der bildenden Kunst bis A. Dürer. Straßburg, 1904.

[РЕЦЕНЗИЯ ПЕРЕВОДА «ПЕСНИ ПЕСНЕЙ»]

(с. 484)

SL 1, 91; BA 18, 132.

Рецензия обработки «Песни Песней». Сам Гете перевел «Песнь Песней» в 1775 г. (BA 2, 317—323). Ср. статью «Евреи» в прозаической части ЭВД. Ф. В. К. Умбрейт (1795—1860) был учеником Й. Хаммера. Рецензия при жизни Гете не была издана; напечатана в С 46 (1833).

[РЕЦЕНЗИЯ ПЕРЕВОДА «ТУТИ-НАМЕ»]

(с. 485)

SL 1, 92—93; BA 18, 133—135.

Рецензия Гете напечатана в журнале «Об искусстве и древности» (№ 1 IV т., 1823).

К. Я. Л. Икен (1789—1841), эллинист и ориенталист из Бремена, прислал 27 ноября 1822 г. Гете свой перевод персидского сборника; полное название книги — «„Тути-наме“. Собрание персидских сказок Нехшеби. Немецкий перевод Карла Якоба Людвиг Икена. С приложением, составленным им же и Иоганном Готтфридом Людвигом Козегартеном. Штуттгарт, 1822». Еще раньше, 23 июня, Гете получил от Козегартена гранки шести листов и приложение. Рецензия написана 27 июля 1822 г. (запись в дневнике). Гете писал в «Анналах» (на 1820 г.): «„Тути-наме“ Икена неожиданно вновь увлекло меня на Восток. Мое восхищение этими сказками, особенно в более древней редакции, какую Козегартен дает в приложении, возросло или, вернее, обновилось. Живое присутствие непостижимого и невероятного — вот что сильно притягивает к себе и радует здесь нас. Как легко разрушить мистической символикой такие

бесценные наивные вещи» (ВА 16. 307). См. на русском языке: *Зийа ад-Дин Нахшаби*. Книга попугая (Тутинаме). М., 1970 См.: *Schulz G. Carl Jakob Ludwig Iken, ein bremischer Freund und Verehrer Goethes // Studien zur Goethezeit. Festschrift für Lieselotte Blumenthal. Weimar, 1968.*

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ (с. 488)

SL 1, 94; ВА 18, 139.

Заметки Гете связаны с чтением «Тысячи и одной ночи» в 15-томном бреславльском издании: «Тысяча и одна ночь. Арабские рассказы. Впервые переведены с тунисской рукописи Максом Хабихтом, Ф. Г. фон дер Хагеном и Карлом Шаллем» (1825). Гете получил от издателя первый том в июне 1825 г., тома со второго по девятый — в декабре того же года. Видимо, Гете предполагал написать рецензию для своего журнала «Об. искусстве и древности»; в относящейся к концу декабря 1824 г. схеме содержания 2-го номера V т. значится: «8. Тысяча и одна ночь. Бреслау. Превосходное и видимость. Знающий и невежда наслаждаются ими» (SL 1, 133). В дневнике за 12 декабря 1824 г. Гете записал: «После обеда „Тысяча и одна ночь“. Обдумывание эстетической и иной ценности их». Заметки Гете впервые опубликованы в *WA* 53 (1914).

См.: *Mommsen K. Goethe und 1001 Nacht. Frankfurt a. M., 1981* bes. S. 155—163 (о чтении Гете бреславльского издания, которое Гете знал целиком). Кроме дневников о чтении свидетельствует запись канцлера Мюллера от 17 декабря 1824 г.: «Я застал его за чтением нового перевода (. . .), который он предпочитает французскому, так как переведено с оригинала. „Эти сказки, — сказал он, — должны помочь мне пережить мрачные дни; кажется, сознание, что через несколько дней мы вновь приблизимся к Солнцу, согревает меня уже сейчас“».

См. также: *Герхардт М. Искусство повествования: Литературное исследование «1001 ночи». М., 1984.*

[РЕЦЕНЗИЯ ПЕРЕВОДА
«ТЫСЯЧИ И ОДНОГО ДНЯ»] (с. 489)

SL 1, 98; BA 18, 138—139.

Опубликовано Гете во 2-м номере VI т. журнала «Об искусстве и древности» (1828). Из одиннадцатитомного издания «Тысяча и один день. Восточные рассказы с персидского, турецкого и арабского языков по Пети де ла Круа, Галлану <...> в переводе Фридриха Генриха фон дер Хагена» (Пренцлау, 1827—1832) в библиотеке Гете хранятся тома 1—5 и 7, полученные им в апреле, июне 1827 г. и в марте 1828 г. В письме Хагену от 28 апреля 1827 г. Гете писал: «Уже в последних частях изданной вами „Тысячи и одной ночи“ можно было с удовольствием наблюдать заметное отличие смысла и тона. Эти новейшие сказки вновь несколько иные, чего, видимо, требует вкус эпохи и потребность читателей». В дневнике за 11 июля 1827 г. Гете записал: «В „Тысяче и одном дне“ фон дер Хагена [читал] сказку о Турандот, утешаясь по поводу клейстовских безобразий и тому подобных бед. Сколь утешительно явление здоровой природы после всех призраков этих немочных».

¹ *украсить труд гравюрами на дереве...* — Во втором издании «Тысячи и одной ночи» (Бреслау, 1827) были прибавлены рисованные Морицем фон Швиндом (1804—1871) еще в 1821—1822 гг. и гравированные Джорджем Уоттсом титульные виньетки, собрание которых находится в библиотеке Гете. Рецензируя их в своем журнале (1828; BA 20, 435), Гете неожиданно высоко оценил их: «Сколь пестро-многообразна „1001 ночь“ столь же разнообразны и эти листы — сжатые без спутанности, загадочные, но ясные, замысловатые не без толку, фантастичные без карикатурности, странные со вкусом, вполне оригинальные, так что ни по содержанию, ни по манере нам не известно что-либо подобное».

«ВОСТОЧНЫЕ РОЗЫ» ФРИДРИХА РЮККЕРТА
(с. 489)

SL 2, 114; BA 17, 605; HA 12, 309.

Рецензия сборника стихотворений (1822) поэта-романтика и востоковеда Фридриха Рюккерта (1788—1866). Опубликовано в журнале «Об искусстве и древности» (№ 3 III тома, 1822).

Рюккерт в своем поэтическом творчестве следовал некоторым импульсам, данным ЗВД, но представлял уже совершенно иную эпоху, которой чужда была та напряженность в открытии труднодоступных культурных регионов, какая была свойственна Гете. У Рюккерта виртуозность и информативный подход к восточным текстам берет верх над уникальностью и глубиной творческого проникновения в их сущность. Этого не замечал Гегель в своих лекциях по эстетике, ставя Гете и Рюккерта с их восточными темами в один ряд. По вполне доброжелательному отзыву Гете можно судить о том, что поэзия Рюккерта оставалась в сущности далекой ему. См.: *Magon L. Goethes WöD und Rückerts «Östliche Resen» // Gestaltung Umgestaltung. Festschrift H. A. Korff. Leipzig, 1957. S. 160—177.*

¹ Гельти — выдающийся лирик 1770-х годов Людвиг Кристоф Генрих Гельти (1748—1776).

² Шульце Эрнст (1789—1817) — популярный в свое время автор эпических поэм «Зачарованная роза» и «Цецилия».

³ ... дух Германа... — т. е. Арминия, разгромившего римские легионы в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.).

⁴ ... сочинения цельтеровские и эбервейновские... — К. Ф. Цельтер, ближайший друг Гете, представлял в песне солидную, но несколько отсталую берлинскую школу. Карл Эбервейн (1786—1868), веймарский «музикадиректор», — величина местного значения. См.: *Huschke W. Musik im klassischen und nachklassischen Weimar. Weimar, 1982.*

⁵ ... «Газели» графа Платена... — сборник (1821) Августа Платена (1796—1835); посвящен Гете.

III

И. Г. Л. Козегартен

РЕЦЕНЗИЯ «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА» (с. 492)

Была опубликована во «Всеобщих литературных известиях» (*Allgemeine Litteratur Zeitung*, Галле) в ноябре 1819 г. Есть два переиздания: 1) *Fambach O. Goethe und seine Kritiker*. В., 1955. S. 239—251; 2) *Studien zum WöD/Hrsg. von E. Lohner*. Darmstadt, 1971. S. 173—189.

¹ «И где слово вечно ново...» — Пер. В. В. Левика («Хеджра», открывающая *ЗВД*).

² ... знаменитый певец Аша... — Вероятно, ал-Аша Маймун ибн Кайс (ум. ок. 629 г.). «Аша» означает «подслеповатый», «страдающий куриной слепотой» — распространенная в доисламское и раннеисламское время «кличка» (*Куделин А. Б. Средневековая арабская поэзия*. М., 1983. С. 203).

³ «Хочешь Слов узнать секреты...» — Эпиграф прозаической части *ЗВД*.

⁴ *Фетх Али-шах* — Фатх-Али-шах Каджар (1771—1834), персидский шах с 1797 г.

⁵ *Сэр Гоур Аусли* (или Оузли; Узелей — в старом русском написании) — прибывший в 1811 г. в Иран английский посол, заключивший в 1814 г. тайный англо-иранский договор.

⁶ ... в песне о винопитии на с. 192 — См. наст. изд., с. 98.

⁷ «Найденные ритмы обольщают...» — Пер. В. В. Левика («Вторение» в «Книге Хафиза»).

⁸ ... мы находим несколько речений Корана... — См. наст. изд., с. 8.

⁹ Стихотворение «Четыре блага»... — См. наст. изд. с. 9.

¹⁰ ... «Жизнь во всем» и «Блаженное томление»... — См. с. 17, 18.

¹¹ ... «Образцы»... — См. с. 29.

¹² ... поэт пишет в «Привете»... — См. с. 34.

¹³ ... людям, приучившимся ... громогласно витийствовать... — Козегартен говорит о немецких патрио-

тах эпохи Освободительной войны, соединявших демократические и националистические убеждения, и сравнивает их с Томасом Мюнцером (1490—1525), радикальным идеологом и деятелем Крестьянской войны 1524—1525 гг. Весьма двусмысленный выпад Козегартеиа, по времени совпавший с официальной кампанией против «демагогов» и травлей демократов.

¹⁴ «Разве именем хранимо...» — Пер. В. В. Левика.

¹⁵ он может развить ... дарования. — См. с. 252.

¹⁶ ... «Хатем»... — См. с. 69.

¹⁷ «Пусть враги над мертвыми рыдают...» — Пер. В. В. Левика («Праведные мужи» в «Книге Рая»).

¹⁸ ... песенка о «удостоенных животных»... — См. с. 130.

¹⁹ ... заниматься познанием бесплодного». — См. с. 259.

²⁰ ... все это с размахом безмерным». — См. с. 144.

²¹ ... нередко дает развиваться так... — Эта мысль совпадает с взглядом Гете, которому была чужда какая-либо предубежденность в отношении Ислама.

²² ... не слишком дружелюбно высказывается о религии индийцев... — 22 декабря 1819 г. в письме к Гете Козегартен высказывал пожелание, «чтобы рецензия его не вызвала недовольства. Ваше превосходительство несомненно простят мне по доброте душевной, что я несколько взял под защиту добрых индийцев, — все-таки я нахожусь, так сказать, в повседневном общении с этими людьми и могу быть предрасположенным в их пользу <...>» (*Fambach O. Op. cit., 250*). Гете отвечал 30 декабря: «Мы стольким обязаны добрым индийцам, что, видимо, справедливо было защитить их от моего недовольства. Меру греческого прекрасного внешнего облика, конечно, нельзя прилагать там, где речь идет о внутренних основных свойствах духа. Если бы благая судьба вновь повела меня в эти области! <...>»

²³ ... нас не убеждает сказанное на эту тему... — См. с. 172.

²⁴ даже Пятикнижие преподносили нам .. под именем эпоса. — Прежде всего Гердер (см. особенно «О духе еврейской поэзии», 1783), идеи которого соопределяли взгляд Гете на Библию (так что Козегартен в этом месте рассуждает довольно поверхностно); см., например: «Какая же эпопея оправдания эта не-

замысловатая, негромкая история призвания Моисея, его трудов в Египте, их исполнения, всех чудес и странствий!» (Herders Werke / Hrsg. von E. Naumann. В. [и. а.], о. J. [1910]. Bd. X. S. 215, — в главе «Моисей» названной книги); «У евреев сама история есть, собственно говоря, поэзия, т. е. пресмщенность повествования, которое рисуется как наличное» (Ibid., S. 30).

²⁵ ... отдельные изящные эпизоды. — См. Левит 13; 14, 34—54.

²⁶ ... и что поэзию нельзя «делать». — Такое суждение чрезмерно зависит от взгляда на поэзию, какой установился в XIX в., и мало соответствует ее пониманию в традиции. См. у Рудаки: «Шелковистый бейт я делаю из гранита» — причем «в подлиннике содержится еще и парадоксальная игра слов, поскольку „бейт“ означает по-арабски не только „двустипшие“, но и „дом“. <...> Именно „делаю бейт“ (как выражался В. Маяковский, «делать стихи»); не творить, не создавать, а делать стихи. Точно указан исходный строительный материал для поэзии: гранит <...>. Точно сказано также и во что превращаются в руках поэта эти глыбы <...>» (Брагинский И. С. Из истории персидской и таджикской литератур. М., 1972. С. 178—179). Ср. понятие «мукхамат» — «хорошо сделанные» касыды в арабской поэзии и о «делании стихов»: Куделин А. Б. Средневековая арабская поэтика. М., 1983. С. 49. Значения «дом» и «строфа стихотворения» соединяются в сирийском «байта» и в итальянском «станца» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 286).

²⁷ ... поэзия есть нечто прирожденное... — См. с. 227.

²⁸ ... определенным образом расклассифицировать». — См. с. 228.

²⁹ ... пробовать свои крылья». — См. с. 244.

³⁰ ... упрекнуть... в преувеличенности». — См. с. 183.

³¹ Рожденный все и знать и петь...» — Пер. В. В. Левика («Хафизу»).

IV

СТИХОТВОРЕНИЯ
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»
В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ

В этом разделе переводы русских поэтов представлены в характерных образцах; ранние переводы 20—40-х годов XIX в. приведены почти все. Они даются по первым публикациям, с соблюдением важных особенностей орфографии и пунктуации. Вследствие этого собственные имена можно встретить в различных написаниях (Гафиц, Гафиз, Гафис).

М. А. ДМИТРИЕВ (с. 519)

Михаил Александрович Дмитриев (1796—1866), племянник более известного поэта И. И. Дмитриева, — резко недооцененный современниками и последующими поколениями русский поэт, критик и мемуарист. См. о нем «биографическую справку» В. С. Киселева-Сергенина (Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 31—37) и статью Вл. Муравьева «Беспокойный антикварий» в кн.: *Дмитриев М. А.* Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 3—22.

Три перевода М. А. Дмитриева впервые опубликованы: 1) Вестник Европы. М., 1820. Ч. 113. № 17. С. 262—263; 2) Там же. С. 263—264. Оба стихотворения напечатаны здесь под общим заголовком: Две Персидские песни. (Из западно-восточного Дивана соч. Гете), с подписью и датой: «1820. Авг. Мих. Дмитриев»; 3) Вестник Европы. 1821. Ч. 118, № 11. С. 176, под заглавием: «Персидская песня. (Из Западно-восточного Дивана, соч Гете)», с подписью — «Мих. Дмитриев».

В библиографии третье стихотворение учтено как два (см.: *Житомирская Э. В.* Иоганн Вольфганг Гете. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1780—1971. М., 1972. С. 158. № 1472 и 1475); ранних же пере-

водчиков *ЗВД*, как правило, не затрудняло определение границ между стихотворениями.

В нашем издании печатается текст первых публикаций (1820—1821) без соблюдения некоторых графических особенностей расположения текстов. В издании 1820 г. текст второго стихотворения дается в первой строфе без втяжек, в последующих строфах — нечетные строки со втяжками; в третьем стихотворении в издании 1821 г. строфы разделяются звездочкой.

Варианты издания 1830 г.

I. Ст. 1: Блеск... Ст. 12: Будь месяц: обойми меня!

II. Здесь автор в основном исправляет метрические промахи первой публикации. Ст. 5: Под пальмой стройною, красивой и прямою... Ст. 7: веселою струею, Ст. 13: Блестит ли луг в цветах, как неба свод звездами. Ст. 15: сторукий плющ. Ст. 21: Душой ли что моей, иль чувством постигаю, Ст. 23: Коль стоименного Аллу я нарицаю,

III. Ст. 3: Я сронила;

Ст. 5—8: Так мне снилось. — Луч предатель
Отогнал мой легкий сон!
О поэт! о прорицатель!
Что, скажи мне, значит он?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ (с. 521)

Из Гете. — Перевод опубликован: Московский вестник. М., 1828. Ч. 10, № 15. С. 214. В конце текста — две звездочки.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ (с. 522)

Песни. — Опубликовано: Русский зритель, журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. М., 1828. Ч. III, № 9—10. С. 61. Перевод помещен в подборке стихотворений на с. 57—62; ни одно из этих стихотворений не подписано, за исключением последнего: *Барон [Е. Ф.] Розен*. Сон минутного счастья.

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ (с. 522)

Александр Александрович Бестужев (1797—1837) — известный поэт-декабрист, печатавшийся под псевдонимом «Марлинский». См.: *Бестужев-Марлинский А.* Полное собрание стихотворений / Вступ. статья и примеч. Н. И. Мордовченко. Л., 1961.

Переводы из «Дивана» Гете датируются 1828 г. Первая публикация: *Марлинский А. А.* Полн. собр. соч.: В 12 тт. СПб., 1838. Т. 11. С. 148, 149, 147, 143. Дается по тексту первой публикации.

Ф. И. ТЮТЧЕВ (с. 524)

Единственный перевод из ЗВД Федора Ивановича Тютчева (1818—1873) существует в двух редакциях, автографы которых хранятся в ЦГАЛИ (Ф. 505. Ед. хр. 8. Лл. 4—5 и 3—3 об.). Перевод впервые опубликован в издании *Тютчев Ф. И.* Сочинения: Стихотворения и политические статьи. СПб., 1886. С. 397—399. В кн.: *Тютчев Ф. И.* Лирика / Изд. подг. К. В. Пигарев. М., 1965. Т. II. С. 67—68, публикуется вторая редакция; на с. 285 — варианты первой редакции. Перевод выполнен между 1827 и 1830 гг.

В настоящем издании воспроизводятся обе редакции; первой публикуется вторая редакция. Тексты сверены с автографами.

Е. Л. МИЛЬКЕЕВ (с. 527)

Евгений Лукич Милькеев (1815—1845?), поэт-самоучка, родом из Тобольска, печатался в «Современнике» с 1839 по 1843 г., в 1843 г. выпустил свой единственный поэтический сборник, вызвавший разноречивые отклики, и после этого перестал публиковаться. См.: *Поэты 1840—1850-х годов.* Л., 1972. С. 197—220.

Свидание. — Перевод опубликован: *Современник.* 1841. Т. 21, № 1. 2-я паг. С. 238—240. Перевод обезображен купюрами.

Ф. Б. МИЛЛЕР (с. 528)

Федор Богданович Миллер (1818—1881) — поэт и переводчик, с 1841 г. постоянный сотрудник «Москвитянина». См.: Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972. С. 446—468.

Зулейка и Гатем. — Впервые напечатано: Москвитянин. 1845. Ч. 3, № 5--6, отд. 2. С. 84—85. Неоднократно переиздавалось с сильными изменениями в пунктуации. Ошибочно печаталось как два отдельных (взаимосвязанных) стихотворения и так учтено в библиографии (*Житомирская Э. В.* Указ. соч. С. 158. №№ 1473, 1476). Здесь печатается по тексту первой публикации.

А. Н. СТРУГОВЩИКОВ (с. 529)

Александр Николаевич Струговщиков (1808—1878) — поэт-переводчик. Издал, в частности, книгу: Стихотворения Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера. СПб., 1845 (сюда переводы из *ЭВД* не вошли).

Подборка «Из западно-восточного дивана, Гете» с эпиграфом из «Книги Зулейки» была опубликована: Шехерезада, журнал романов и повестей. 1858. № 4 (19 апреля). С. 89—90 и печатается по этому изданию. Стихотворение, озаглавленное в этой подборке «Низами» (по переводу Гете из Низами), печаталось ранее под заголовком «Предание (Из Гете)»: Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 23. 1-я паг. С. 151 (о нем — резкий отзыв В. Г. Белинского в письме В. П. Панаеву, начало июля 1842 г.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 516). Варианты этой публикации: Ст. 1: В заулке, грязном,
Ст. 10—12: Служитель истины сказал;
При слове том у предстоящих
Зарделись уши от стыда.

А. А. ФЕТ (с. 533)

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) воспользовался четверостишием Гете в качестве эпиграфа к своим переводам из Г. Ф. Даумера («Из Гафиза»): Русское слово. СПб., 1860. № 2. С. 27. Здесь публи-

куется по кн.: *Фег А. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1959. С. 606.

Б. Н. АЛМАЗОВ (с. 533)

Борис Николаевич Алмазов (1827—1876) — поэт-сатирик и пародист, близкий к славянофильским кругам, автор первого русского перевода «Песни о Роланде» (1869), перевел Гете, Шиллера, Мюссе, Шенье, средневековые испанские романсы.

Восток. — Первое издание: Заря. СПб. 1870. № 9. 1-я паг. С. 143—144. Здесь печатается по кн.: *Мастера русского стихотворного перевода.* Л., 1968. Т. 2. С. 16.

Н. А. ХОЛОДКОВСКИЙ (с. 534)

Николай Александрович Холодковский (1858—1921) был профессором зоологии и сравнительной анатомии Петербургской Военно-медицинской академии и переводчиком-энтузиастом Гете, достигшим профессионального уровня; его перевод «Фауста» перепечатывался вплоть до последнего времени, хотя по своему качеству и стилю давно устарел.

Переводы Холодковского из *ЗВД* печатаются по изданию: *Гете И. В.* Собр. соч. в переводах русских писателей. Изд. 2-е. СПб., 1892. Т. 1. С. 245, 250, 250, 249, 249—250, 250, 245—246, 246, 246, 248, 249.

Д. П. ШЕСТАКОВ (с. 539)

Дмитрий Петрович Шестаков (1869—1937) — филолог, поэт-переводчик, сын известного казанского педагогического деятеля, профессор Казанского университета (1911—1922). Переводил также гомеровские гимны, Овидия. Свои оригинальные стихотворения и переводы из Гете Шестаков собрал в кн.: *Шестаков Д. П.* Стихотворения. СПб., 1900.

Переводы из *ЗВД* печатаются по этому изданию: с. 88—89, 81, 80, 82—83, 84, 90, 85, 86, 87, 79.

В. В. ВЕРЕСАЕВ (с. 540)

Викентий Викентьевич Вересаев (наст. фамилия — Смидович, 1867—1945). писатель и переводчик, публиковал в 1920-е годы в своем собрании сочинений довольно много стихотворений *ЗВД*, меняя их состав и текст от издания к изданию. Здесь некоторые стихотворения приводятся по изданию: *Вересаев В. В.* Полн. собр. соч. Изд. 3-е. М., 1930. Т. 12. С. 212, 198, 201, 217.

В. Я. БРЮСОВ (с. 547)

Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) — поэт-символист, основатель переводческой школы. Среди его многочисленных переводов — перевод «Фауста» Гете (ч. I: М.; Л., 1928; ч. II полностью не опубликована). Брюсов перевел единственное стихотворение из *ЗВД*, опубликованное посмертно: *Гете И. В.* Собр. соч. М., Л., 1932 Т. 7 С. 608—609. Печатается по этому изданию.

М. А. КУЗМИН (с. 548)

Михаил Алексеевич Кузмин (1875—1936) — поэт, писатель, драматург, музыкант. Для «юбилейного издания» сочинений Гете (1932) Кузмин перевел пять книг *ЗВД* — «Книгу Тимура», «Книгу Кравчего», «Книгу Притч», «Книгу Парса», «Книгу Рая». Его переводы никогда не переиздавались. Здесь печатаются по единственному изданию: *Гете И. В.* Собр. соч. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 424, 425, 425, 426, 431—432, 446—447.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ (с. 551)

Сергей Васильевич Шервинский (р. 1893) — советский поэт-переводчик, преимущественно с древних языков. Вместе с М. А. Кузминым выполнил первый полный русский перевод поэтической части *ЗВД*, работу, в которой главная роль принадлежала ему. Некоторые переводы его из *ЗВД* впоследствии переиздавались в усовершенствованном виде. Стихотворение «В тысяче форм ты можешь пританяться...», согласно желанию В. В. Левика публикуется в основном корпусе нашего издания. В нашем дополнении, как исторический доку-

мент переводческого искусства, переводы С. В. Шервинского публикуются по первому изданию: *Гете И. В.* Собр. соч. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 341, 349—350, 359—360, 366—367, 397—398 (в указ. издании традиционно ошибочно как два стихотворения), 415—416, 423.

Последнее стихотворение в своей первой и последней редакциях, при всей незначительности произведенных в нем изменений, великолепно демонстрирует семантическую роль орфографии и интерпункции в поэтическом тексте (что очень часто резко недооценивают).

Н. Н. ВИЛЬМОНТ (с. 557)

Николай Николаевич Вильмонт (1901—1986) — поэт-переводчик, критик, литературовед. Три перевода его из *ЗВД* впервые опубликованы в кн.: *Гете И. В.* Избр. произведения / Сост. Н. Н. Вильмонт. М., 1950 (из них последний первоначально, с 1941 г., публиковался как перевод эпиграфа к роману Т. Манна «Лотта в Веймаре»). Здесь эти переводы печатаются по кн.: *Гете И. В.* Стихотворения. М., 1979. С. 274—275, 277—278 (в этом издании, видимо, ошибочно: «Песня и изваянье»); *Гете И. В.* Избр. произведения. М., 1950. С. 102.

Четвертый перевод Н. Н. Вильмонта из *ЗВД* — «Блаженное томление» — печатается, согласно воле В. В. Левика, в основном корпусе книги.

В издании 1950 г. некоторые характерные варианты текста — в стихотворении «Феномен» ст. 6: так сходен; («несходен» в позднейшем тексте в этом случае удивительным образом не меняет общего смысла!); в «Песни и изваянье» ст. 2: Стройный образ...; ст. 10: Чуешь...

Н. Д. ВОЛЬПИН (с. 558)

Некоторые переводы Н. Д. Вольпин из *ЗВД* опубликованы в кн.: *Гете И. В.* Собр. соч. М., 1975. Т. 1. Стихотворение «Жены-избранницы» печатается по тексту этого издания (с. 412).

И. В. МИРИМСКИЙ (с. 559)

Из переводов И. В. Миримского (1908—1972) выбираем текст, напечатанный в кн.: Гете И. В. Избр. произведения. М., 1950. С. 103 (в этом издании — как два отдельных стихотворения!).

Б. Н. ЛЕЙТИН (с. 560)

Перевод Б. Н. Лейтина заимствован из указ издания 1950 г., с. 105.

С. С. АВЕРИНЦЕВ (с. 561)

С. С. Аверинцев (р. 1937) — историк литературы и переводчик. В число опубликованных им переводов входят древние тексты, начиная с библейской «Книги Иова» и платоновского диалога «Тимей», тексты средневековья и нового времени, кончая переводом с немецкого стихотворений Г. Бенна. Из Гете С. С. Аверинцев публиковал перевод позднего стихотворения «Праглаголы. Орфическое». Его переводы из ЭВД до сих пор не публиковались.

О. Г. ЧУХОНЦЕВ (с. 565)

Для собрания сочинений Гете издания 1975 г. О. Г. Чухонцев (р. 1938) перевел «Книгу Кравчего» (названную им — «Книга чашника»).

В выбранных нами образцах его переводов (см.: Гете И. В. Стихотворения. М., 1979. С. 319—320; Гете И. В. Собр. соч. М., 1975. Т. 1. С. 399) имеется ряд неточностей, из которых главная — следующая: ни в арабской традиции, ни у Гете не могло быть спора о том, сотворен ли Коран богом или «человеком», — можно было спорить лишь о том, пребывал ли Коран у бога предвечно или был сотворен им в историческое время.

А. В. ПАРИН (с. 566)

А. В. Парин (р. 1944) опубликовал (1975) «Книгу Любви» из гетевского «Дивана» (в собрании сочинений 1975 г.). Помещаем несколько стихотворений отсюда по изданию: Гете И. В. Стихотворения. М., 1979. С. 291—294.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Арабский титул первого издания «Дивана». 1819	494
Немецкий титул первого издания «Дивана». 1819	495
Шмуцтитул прозаической части «Дивана». 1827	496
Автограф стихотворения «Gingo biloba»	497
«Бисмиллахи» рукою Козегартена, с транскрипцией и переводом	498
«Бисмиллахи» рукою Гете	498
114-я сура рукою Гете	498
Записи Гете	499
Гете. Рис. мелом Ф. К. К. Ягемана. 1817	512
Марианна Виллемер. Рис. мелом А. Радля. 1819	512
Гете. Литография Ж.-Б. Мозесса по рис. И. И. Шнеллера. 1826	513
Сульпиц Буассере. Литография И. Н. Стрикслера по рис. П. фон Корнелиуса. 1830	513
Абракасас. Рис. Гете	568

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аббас I (у Гете — Аббас II) (1557—1628), шах (1587—1628) 74, 290, 293, 294, 296—302, 308
Абдеррахман-бен-Хасан (Абд ар-Рахман ибн Хасан) (VII в.) 504
Абул Хасан-хан (Мирза Абд-оль-Хасан-хан) (р. 1776) 198, 201, 329—334
Александр Македонский (356—323) 74, 159, 160, 170, 171, 211—214, 366
Али ибн Аби Талиб (602—661) 298
Альбрехт Иоганн Георг (1694—1770) 369
Амр ибн Кульсум (VI в) 145
Амралкайс см. Имруулкайс
Анкетиль Дюперрон Абраам-Иасент (1731—1805) 451
Ансари см. Унсури
Антара ибн Шаддад (ок. 525—ок. 615) 145
Ариосто Лодовико (1474—1533) 327
Аттар Феридэддин (ок. 1119—ок. 1230) 38, 183, 232
Ахестеги см. Ахсикати
Ахсикати Атируддин Мухаммед (XII в.) 209
Аусли (Оузли) Гоур (1770—1844) 502
Аша (ал-Аша Маймун ибн Кайс) (ум. ок. 629) 500
- Бармекиды (Бармакиды) 5, 157, 169
Бодмер Иоганн Якоб (1698—1783) 391
Бриссон Барнабе (1531—1591) 464
- Валентиниан см. Валериан
Валериан Гай Публий Аврелий Лициний (у Гете — Валентиниан), имп. (253—260) 161
Валле Пьетро делла (1586—1652) 286—307, 448
Валь Самуэль Фридрих Гюнтер (1760—1834) 465
Вергилий Марон Публий (70—19) 144
Видебург Кристиан Бернхард (1722—1758) 467
Вольтер (наст. имя — Аруэ Франсуа-Мари) (1694—1778) 399

---

* Учитывает имена, упоминаемые в текстах Гете.

- Гаманн Иоганн Георг (1730—1778) 402
 Геерен Арнольд Герман Людвиг (1760—1842) 282
 Гельти Людвиг Кристоф Генрих (1748—1776) 490
 Герберт Томас (1606—1682) 308
 Гердер Иоганн Готтфрид (1744—1803) 142
 Геродот (ок. 484—425) 483
 Геррес Йозеф (1776—1848) 286
 Гилян-шах (ок. 1100) 318
 Голиус Якоб (1596—1667) 165
 Гомер 222, 514
 Гораций Флакк Квинт (65—8) 222, 514
 Гуттен Ульрих фон (1488—1523) 50
- Дарий I (549—486) 158
 Дарий Кодоманн (336—330) 159
 Делиль Жак (1738—1813) 325
 Джамии Маулана Нурэддин Абдуррахман (1414—1492)
 86, 188—189, 192, 514
 Джамиль ибн Абдаллах ибн Мамар (ок. 660—ок. 701)
 506
 Джемиль см. Джамиль
 Джонс Вильям (1746—1794) 144, 221, 311—313, 460,
 465
 Диодор Сицилийский (80—29) 410
 Диц Генрих Фридрих фон, барон (1751—1817) 314—
 321, 348, 447, 449
- Жан-Поль (наст. имя — Рихтер Иоганн Пауль Фридрих,
 1763—1825) 223—226
- Загир Фарьяби см. Фарьяби
 Зохайр (Зухайр ибн Аби Сулма) (ок. 530—ок. 627)
 144
- Ибрагим (XVIII в.) 351
 Икен Карл Якоб Людвиг (1789—1841) 485, 486
 Имруулкайс (ок. 500—сер VI в.) 144
 Иоанн Хильдесхаймский (ок. 1310—1315—1375) 480—
 481
 Иффланд Август Вильгельм (1759—1814) 462
- Йездедширд (Йездегерд III) (632—641) 177

- Кадери (Кадири) Мухамед (XVII в.) 486
 Калан (IV в. до н. э.) 366
 Калидаса (V в.) 328, 459
 Кальдерон де ла Барка Педро (1600—1681) 64, 327
 Кальме Антуан-Огюстен (1672—1757) 277, 439
 Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35—96) 192
 Кейкавус (Кай-Каус) (XI в.) 316—321
 Кекьявус см. Кейкавус
 Клит (Клейт) (ум. 328 до н. э.) 213—214
 Клопшток Фридрих Готтлоб (1724—1803) 391, 490
 Козегартен Иоганн Готтфрид Людвиг (1792—1860)
 328, 339, 461, 485, 492
 Коллин Маттеус фон (1779—1824) 207
 Кублай-хан (1214—1294) 284
- Лабид ибн Раба (ум. 661) 144
 Лебид см. Лабид
 Лже-Смердис 156
 Лорсбах Вильгельм Георг (1752—1816) 313—314
 Лукиан (ок. 120—180) 370, 374
 Лютер Мартин (1483—1546) 325, 373, 397
- Магомет см. Мохаммед
 Малколм Джон (1769—1833) 206, 454
 Мандевиль (Мандевилл) Джон (Жан де Бургонь)
 (XIV в.) 286, 477, 482, 483
 Мани (215-216—276?) 334, 336
 Мансур I (ум. 976) 177
 Марко Поло (1254—1323) 219, 284—285
 ал-Марзуки (ум. 1030) 504
 Махмуд см. Мохаммед
 Махмуд Газневи (998—1030) 171, 173, 175, 177, 179,
 317, 321, 514
 Мессуд (Массуд абу Саид) (998—1041) 317
 Мизри (Шамсэддин Мухаммед) (1617—ок. 1695) 23
 Мильтон Джон (1608—1674) 313
 Михаэлис Иоганн Давид (1717—1791) 217, 282, 451,
 493
- Мозаффер см. Музаффер
 Мозер Фридрих Карл фон (1723—1798) 391
 Монтевила см. Мандевиль
 Мотанабби см. ал-Мутанабби

- Мохаммед (Мухаммад) (570—632) 17, 99, 106, 121,
 163, 166—168, 500, 509, 510, 511
 Муавийа (Муавия) (661—680) 504
 Музаффер, династия 187
 Мурсуки, ал-Марзуки (ум. в 1030 г.) 504
 ал-Мутанабби (915—965) 79, 167, 493
 Мюнцер Томас (1490—1525) 508

 Нехжеби (Нахшаби) Зийайэддин (XIV в.) 485—486
 Низами Ильяс ибн Юсуф Гянджави (ок. 1140—1209)
 30, 86, 182, 190, 194, 327, 514
 Нокс Роберт (ок. 1638—1700) 450
 Нолен Жан Батист (1686—1762) 278, 439
 Нуширван (Хосров I Аноширван) (531—579) 198

 Олеарий Адам (1599—1671) 308
 Омар I (ок. 592—644) 168
 Омар II (ок. 682—720) 199

 Паулус Генрих Эберхард Готтлоб (1761—1851) 282
 Петр I (1672—1725) 290
 Пиндар (522—448) 208
 Платен Август фон, граф (1796—1835) 491
 Платон (427—347) 200
 Плитт Иоганн Якоб (1727—1773) 395
 Поп Александр (1688—1744) 313

 Рейске Иоганн Якоб (1716—1774) 217, 493
 Реланд Адриан (1676—1718) 464
 Рихтер И. П. Ф. см. Жан-Поль
 Рудольф I Габсбургский (1218—1291) 468—469
 Руми Джелалэддин (1207—1273) 46, 183, 184, 191,
 202, 514
 Рюккерт Фридрих (1788—1866) 489—490

 Саади Муслихэддин (ок. 1213-1219—1292) 86, 185,
 191, 252—254, 308, 360, 514
 Санаджи (Абул-Маджд) (ок. 1050—1130/1131) 209
 Сансон Никола (1600—1667) 277, 439
 Сапор I (Шапур бен Ардашир) (241—272) 161
 Седжан см. Шах Шуджа
 Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616) 327

- Сильвестр де Саси Антуан Исаак, барон (1758—1838)
344, 448
- Тааббата Шарран (Сабит ибн Джабар) (VII в.?) 145,
511
- Тавернье Жан Батист (1605—1689) 309, 448
- Тарафа (VI в.) 144
- Тассо Торквато (1544—1595) 327
- Тимур (1336—1405) 56, 66—67, 75, 249—250, 352
- Ули-хан (Лютф Али-хан) (р. ок. 1765) 351
- Умбрейт Фридрих Вильгельм Карл (1795—1860) 484
- Унсури Абул-Касим Хасан (ум. 1039) 178
- Уэллс (у Гете — Уэлл) Эдвард (1662 или 1667—1727)
278, 439
- Фабрициус Иоганн Альбрехт (1688—1736) 410
- Фарьяби Захирэддин (ум. 1201) 208
- Фетх (Фатх) Али-шах Катжар (1771—1834), шах
(1797—1832) 201, 332, 334, 335, 502
- Филипп II Македонский (383—336) 159
- Фирдоуси Абулкасим Мансур (ок. 940—ок. 1020) 45,
79, 178, 179, 190, 222, 246, 317, 327, 465, 514
- Флорентий Вефелингхофенский (ум. 1393) 481
- Фосс Иоганн Генрих (1751—1826) 326
- Фрезениус Иоганн Филипп (1705—1761) 394
- Фрейтаг Георг Вильгельм (1788—1861) 451
- Фридрих II (1712—1786), король (1740—1786) 171,
290
- Хаген Фридрих Генрих фон дер (1780—1856) 488
- Хайд Томас (1636—1703) 450, 464
- Хакани Афзалэддин Бадил ибн Али (ок. 1106—1199)
208
- Халаф ал-Ахмар (VIII в.) 511
- Хаммер Йозеф фон (1774—1856) 321—324, 327, 446,
448, 449, 451, 462—464
- Харес (ал-Харис ибн Хиллиза) (VI в.) 145
- Хафиз Шамсэддин Мухаммад (ок. 1317—1326—
1389—1390) 5, 6, 11—13, 15, 17, 20, 22, 25, 26,
31, 32, 50, 51, 64, 185—188, 191—192, 205, 222,
232, 237, 239—241, 324, 346—347, 359, 363, 446,
456, 514, 563
- Хельф эль-Ахмар см. Халаф ал-Ахмар

- Хосров II Парвиз (590—628) 156, 163
- Цельтер Карл Фридрих (1758—1832) 490
- Чингиз-хан (1155—1227) 181, 185, 284, 478
- Шарден Жан (1643—1713) 309, 448
- Шах Шуджа Музаффарид (Джалалэддин ибн Мухаммед ал-Музаффар; у Гете — Шах Седжан, Шедшааи) (1358—1381) 44, 205
- Шваб Густав (1792—1850) 482
- Шедшааи см. Шах Шуджа
- Шерли Энтони (1565—ок. 1628) 296, 308
- Шехабэддин (1145—1234) 36, 568
- Шлегель Иоганн Элиас (1719—1749) 393
- Шмид Себастьян (1617—1696) 373, 397
- Шульце Эрнст (1789—1817) 490
- Эбервейн Карл (1786—1868) 490
- Эбусууд (Абул-Сууд ибн Мухаммед ал-Амиди) (ок. 1490—1574) 22—23
- Эйхгорн Иоганн Готтфрид (1752—1817) 142, 282, 313
- Эйхендорф Йозеф фон, барон (1788—1857) 203
- Эльснер Конрад Энгельберт (1764—1829) 447
- Энвери (Анвари Аухадэддин Мухаммад) (ум. ок. 1190) 59, 180, 181, 190, 205, 514
- Эрбело Бартелеми д' (1625—1695) 338
- Эсседи (Асади Абу Мансур Али ибн Ахмад Туси) (ум. ок. 1070) 179

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

Двенадцать книг

Перевод В. В. Левика

	Текст	Прим.
[I] МОГАННИ-НАМЕ. КНИГА ПЕВЦА.	5	725
«Двадцать лет, как вдох и выдох...» Перевод В. В. Вебера	5	725
Хеджра	5	726
Благоподатели	6	726
Дума о воле	8	727
Талисманы	8	727
Четыре блага	9	727
Признание	10	727
Стихии	10	727
Сотворение и одухотворение	11	727
Феномен	12	727
Любезное сердцу	12	728
Разлад	13	728
В настоящем — прошлое	14	728
Песнь и изваянье	15	728
Дерзость	15	728
Грубо, но дельно	16	728
Жизнь во всем	17	728
Блаженное томление. Перевод Н. Н. Виль- монта	18	728
«И тростник творит добро...»	19	731
[II] ХАФИЗ-НАМЕ. КНИГА ХАФИЗА.	20	731
«Как невеста, Слово ждет...»	20	732
Прозвище	20	732
Жалоба	21	732
Фетва	22	732
Немец благодарит	22	733
Фетва	23	733
Беспредельный	23	733
Вторение	24	733
Открытая тайна	25	733

	Текст	Прим.
Намек	26	734
Хафизу	26	735

[III] ЭШК-НАМЕ.

КНИГА ЛЮБВИ.

	29	735
«Открой...»	29	735
Образцы	29	735
И еще чета	29	735
Книга для чтения	30	736
«Были губы, взор — она влекла...»	30	736
Предостерегая	31	736
Погружаясь	31	736
Рискуя	32	736
«Ах, голубка, в книге тесной...»	32	736
Плохое утешенье	33	737
Довольствуясь малым	33	737
Привет	34	737
Смирение	34	737
«Искала любовная боль забытье...»	35	737
Неизбежное	35	737
Сокровенное	35	737
Самое сокровенное	36	737

[IV] ТЕФКИР-НАМЕ.

КНИГА РАЗМЫШЛЕНИЙ.

	37	739
«Советов лиры не упусти...»	37	739
Пять свойств	37	739
И еще пять. <i>Перевод А. Михайлова</i>	37	739
«Сердцу мил зовущий взгляд подруги...»	38	739
«То, что Пенд-наме гласит...»	38	739
«Скача мимо кузни на стыке дорог...»	38	740
«Чти незнакомца дружеский привет...»	39	740
«Велики твои изъяны...» <i>Перевод А. Михайлова</i>	39	740
«Покупай!» — зовет майдан...»	40	740
«Когда я честным был...»	40	740
«Не шуми ты, как, откуда...»	41	740
«Откуда я пришел сюда? Не знаю...»	41	740
«Одно приходит за другим...»	42	741
«К женщине снисходителен будь!...»	42	741
«Жизнь — шутка, скверная притом...»	42	741
«Жизнь — это та ж игра в гусек!...»	42	741
«Все, ты сказал мне, погасили годы...»	43	741
«Встреча с тем всегда полезна...»	43	741

	Текст	Прим.
«Кто щедр, тот будет обманут...»	44	741
«Хвалит нас или ругает...»	44	741
Шаху Седжану и ему подобным	44	741
Величайшее благоволение. <i>Перевод В. Вебера</i>	45	741
Фирдоуси говорит: «О мир! Как ты бесстыден и зол!..»	45	742
Джелалэддин Руми говорит: «Остановись — и мир летит как сон...»	46	742
Зулейка говорит: «Я в зеркале — красавица, а ты...»	46	742

[V] РЕНДЖ-НАМЕ.

КНИГА НЕДОВОЛЬСТВА.

	47	742
«Где ты набрал все это?..»	47	742
«Где рифмач, не возомнивший...»	48	742
«Кто весел и добр и чей виден полет...»	49	742
«Власть, вы чувствуете сами...»	49	742
«Тем, кто нас к добру зовет...»	50	742
«Разве именем хранимо...»	51	742
«Если брать значенье слова...»	52	743
«Разве старого рубаку...»	52	743
Душевный покой странника	53	743
«Не проси о том, что в мире...»	54	743
«Хоть самохвальство — грех немалый...» . .	54	743
«Мнишь ты, в ухо изо рта...»	54	743
«Тот французит, тот британит...»	54	744
«Когда-то, цитируя слово Корана...» . . .	55	744
Пророк говорит: «Тот, кто зол, что волею Аллаха...»	55	744
Тимур говорит: «Как? Вы хулите сеюший страх...»	56	744

[VI] ХИКМЕТ-НАМЕ.

КНИГА ИЗРЕЧЕНИЙ

	57	744
«Если талисманы в книгу вплеет толкско...»	57	744
«От будущих дней, от грядущих ночей...»	57	744
«Кто в худшие дни умудрился родиться...»	57	744
«Легко ли было, скажет нам...»	57	
«Море в движенье всегда...»	57	
«Мой каждый час отравила тоска...» . . .	57	744
«Рок, испытывая, знает почему...»	58	744
«Покуда день, спеша, дерзай, твори...»		
<i>Перевод В. Вебера</i>	58	745

«Что в мире творишь ты? Ведь он сотворен...»	58	745
«Если страждущий скорбит...»	58	745
«Вы были, сударь, невежливы малость...»	58	745
«Необозримое наследье мне дано...»	59	745
«Любовь к добру как добрых дел основа...»	59	745
«Энвери говорит, из мудрецов мудрец...»	59	745
«Ты оскорблен врагами?...»	59	
«На глупца не трать терпенья...»	59	
«Будь наш господь плохим соседом...»	59	745
«Увы! Певцы восточных стран...»	59	
«Повсюду каждый хочет первым быть...»	60	
«Спаси нас и помилуй боже...»	60	745
«Вот-вот Зависть разорвется!...»	60	745
«Щетинься — и будешь в почете...»	60	
«Зачем же попы упрямо...»	60	745
«Герою хвалу без зависти сложит...»	60	746
«Делай добро из любви, без расчета...»	60	
«Чтоб те, в ком нет стыда, тебя не обокрали...»	61	
«Как вышел Разум Глупости соседом...»	61	
«Брось ты ввязываться в спор...»	61	
«Зачем как в глубь земных пород...»	61	746
«Ты смотришь в глубь — куда теченье?...»	61	746
«Убив паука, я стал сомневаться...»	61	746
«Ночь беспросветна, а свет лишь от бога...»	62	746
«Какие разные люди вокруг!...»	62	746
«Я скуп, вы кричите, но дайте сначала...»	62	746
«Ты увидишь округ весь...»	62	
«Молчащий горя не знает...» <i>Перевод</i>		
<i>А. Михайлова</i>	62	746
«При двух лакеях господин...»	62	746
«Кричи „Autos epa“ и при на рожон...»	62	746
«Благодари, что хворь и знанье...»	62	
«Глупо, что хочет каждый иметь...»	63	746
«Придя на свет, мы строим дом...»	63	747
«Являясь в мой дом, ты можешь смеяться...»	63	
«Этим маленьким домом...»	63	747
«Итак, ты скрылся, и никто...»	63	747
«Локман по прозвищу Урод...»	63	747
«В Средиземный мир проник...»	64	747
«Зачем украшаешь ты руку пышной...»	64	747
«Если б хоть до самой Мекки...»	64	747

	Текст	Прим.
«Раздавленный творог...»	64	747
«Утешьтесь люди: тот, кто без порока...»	64	748
«Иным спасибо не сказав...»	64	
«Веленью чести будь покорен...» <i>Перевод</i>		
<i>В. Вебера</i>	65	748
«Как буря, страсть в безумстве яром...»	65	
Наперсник: «Ты столько просьб исполнил		
за свой век...»	65	748
«Подчас — увы! — так создан белый свет...»	65	748
«Ты знаешь, очень я тем огорчен...»	65	

[VII] ТИМУР-НАМЕ.

КНИГА ТИМУРА

Мороз и Тимур	66	748
Зулейке	67	748

[VIII] ЗУЛЕЙКА-НАМЕ.

КНИГА ЗУЛЕЙКИ

«Мне приснилось этой ночью...»	68	748
Приглашение	68	750
«Что Зулейка в Юсуфа влюбилась...»	68	750
«Если ты Зулейкой зовешься...»	69	750
Хатем: «Создает воров не случай...»	69	750
«Пускай кругом непроглядная мгла...» . . .	70	750
«Я вместе с любимой — и это не ложно?...»	70	
Зулейка: «Плыл мой челн — и в глубь Евф-		
рата...»	71	750
«Знаю, как мужчины смотрят...»	72	750
<i>Gingo biloba</i>	72	750
Зулейка: «Но скажи, писал ты много...»	73	752
Зулейка: «Восходит солнце, — что за		
диво!...»	73	752
«Любимая! Венчай меня тюрбаном!...»	74	752
«Немногого прошу я, вспомни...»	75	752
«Мне и в мысли не входило...»	76	752
«Красиво исписанным...»	76	752
«Час желанный, час свиданья...» <i>Перевод</i>		
<i>В. Вебера</i>	78	752
Зулейка: «Раб, народ и угнетатель...»	78	752
Хатем: «Как лампадки вокруг лазчонок...»	79	752
Хатем: «Ваши, кудри-чародеи...»	81	752
«Рубиновых уст коснуться позволь...»	82	752
«Если ты от любимой далек...»	82	
«Мир непрочен, но всюду найдется...»	83	752

	Текст	Прим.
«Как наши чувства нас же тяготят...» . . .	83	752
«Ты далеко, но ты со мной!..»	83	
«Где радость взять, откуда?..»	83	752
«Если я с тобою...»	84	753
Книга Зулейки	84	753
«На ветви отягченной...»	84	753
Зулейка: «Я была у родника...»	85	753
Зулейка: «Вот мы здесь, мы вместе снова...»	86	753
«Шах Бехрамгур открыл нам рифмы сла-		
дость...»	87	753
«Голос, губы, пламень взгляда...»	87	753
Зулейка: «Что там? Что за ветер стран-		
ный?..»	88	753
Высокий образ	89	753
Эхо	90	753
Зулейка: «Ветер влажный, легкокрылый...»	90	754
Воссоединение	91	754
Ночь в полнолуние	93	754
Тайнопись	93	754
Отражение	94	754
Зулейка: «Что за ласковая сила...»	95	754
«Александру — зеркало Вселенной...»	96	754
«Прекрасен мир во всех его обмерах...»	96	754
«В тысяче форм ты можешь притаиться...»		
<i>Перевод С. В. Шервинского</i>	96	754
[IX] САКИ-НАМЕ.		
КНИГА КРАВЧЕГО.		
	98	754
«Как все кругом, и я, бывало...»	98	755
«Сижу один...»	98	755
«Мулей — мошенник, а тверда рука...»	98	
«О том, что Коран вечно был и есть...»	98	755
«Больше пейте, друзья, вина!..» <i>Перевод</i>		
<i>А. Михайлова</i>	99	756
«Не приставай — решен вопрос...»	99	
«Непьющим по душе...»	99	756
Зулейка: «Чего ты подчас начинаешь		
злиться?..»	100	756
«Ежели тело — тюрьма, так чего ж...»	100	756
Трактирищику: «Ты что мне тычешь вино,		
грубиян...»	100	756
Кравчий говорит: «Ну, проваливай, чер-		
нушка...»	101	756
«Меня за то, что бываю пьян...»	101	756

	Текст	Прим.
«Ты, маленький плут!..»	102	756
«В трактире нынче спозаранку...»	102	756
Кравчий: «Господин, ты в диком виде...»	103	757
«Эта девка распутная...»	104	757
Кравчий: «Нынче славно ел и пил ты...»	104	757
Кравчий: «Вот он, вот поэт великий!..» . . .	105	757
Поэт: «Кравчий! Пить еще я буду!..» . . .	105	757
Саки: «Опьяненный, ты недаром...»	106	757
Летняя ночь	107	757
Кравчий, засыпая: «Наконец от тебя до- биться я смог...»	109	757

[X] МАСАЛЬ-НАМЕ.

КНИГА ПРИТЧЕЙ

	111	758
«В пучину капля с вышины упала...»	111	758
«Бюльбюль пела, сев на ветку...»	111	758
Вера в чудо	111	758
«Покинув раковины мрак...»	112	758
«Я был изумлен, друзья-мусульмане...» . . .	112	758
«У шаха было два кассира...»	113	758
«Котлу сказал, кичась, горшок...»	113	758
«Велик иль мелок человек...»	114	758
«Чтоб дать Евангелье векам...»	114	758
Добро вам	114	759

[XI] ПАРСИ-НАМЕ.

КНИГА ПАРСА

	116	759
Завет староперсидской веры	116	759
«Если люди, Солнцу рады...»	119	759

[XII] ХУЛД-НАМЕ.

КНИГА РАЯ.

	120	759
Предвкушение	120	760
Праведные мужи	121	760
Избранные жены	123	760
Впуск	124	761
Отклик	125	761
Поэт: «Целуй же, люби меня, — о восторг!..»	126	761
Гурия: «Ты снова палец мне загнул, поэт!..»	129	761
Удостоенные животные	130	761
Высшее и наивысшее	131	761
Семеро спящих	132	761
Прощайте!	135	762

СТАТЬИ И ПРИМЕЧАНИЯ
К ЛУЧШЕМУ УРАЗУМЕНИЮ
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»

<i>Перевод А. Михайлова</i>	137	762
Введение	139	767
Евреи	141	768
Арабы	143	772
Переход	151	
Более древние персы	152	774
Государственное правление	157	776
История	159	777
Магомет	163	778
Халифы	168	779
Замечание, ведущее к дальнейшему	170	
Махмуд из Газни	171	779
Цари поэтов	175	781
Предания	176	782
Фирдоуси	178	782
Энвери	180	782
Низами	182	783
Джелалэддин Руми	183	783
Саади	185	784
Хафиз	185	784
Джами	188	784
Обозрение	189	784
Всеобщее	193	785
Самое общее	197	785
Более новые, новейшие	198	785
Сомнения	202	788
Деспотизм	203	788
Реплики	206	788
Дополнение	209	788
Противление	211	788
Вставное	215	
Восточной поэзии первоначала	216	789
Переход от тропов к сравнениям	218	789
Остережение	221	790
Сопоставление	223	791
Возражение	227	792
Поэтические виды	228	
Природные формы поэзии	229	792
Дополнение	231	792
Оракулы из книг	232	793

	Текст	Прим.
Обмен цветами и знаками	233	793
Шифр	236	794
Будущий «Диван»	239	795
Хафизу. Перевод В. В. Левика	241	
«Большая заслуга — любовь, и дру-		
гой. . .» Перевод В. В. Левика.	243	
Ветхозаветное	257	796
Израиль в пустыне	258	796
Ближайшие вспомогательные средства	282	798
Паломничества и крестовые походы	283	
Марко Поло	284	798
Иоанн из Монтевиллы	286	798
Пьетро Делла Валле	286	799
Извинения	307	
Олеарий	308	799
Тавернье и Шарден	309	800
Новые, новейшие путешественники	310	800
Учителя	311	800
Фон Диц	314	801
Фон Хаммер	321	804
Переводы	324	805
Наконец, завершение всего!	329	807
Послание супруги персидского шаха	330	
На знамя	332	808
На орденскую ленту	334	808
Пересмотр целого	338	809
Указатель	340	809
Сильвестру де Саси	344	810
«Теперь совет свой добрый мы подали. . .»	345	

ДОПОЛНЕНИЯ

I

СТИХОТВОРЕНИЯ КРУГА

«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»	346	810
<i>Переводы В. В. Левика («Нет, Хафиз, с тобой сравниться. . .»), С. В. Шервинского («Везде, где есть мне доброт. . .»), В. Вебера («Дай мне слезы лить. . .», «Так почему же. . .», «Строк симметричных. . .»), А. Михайлова</i>		

II

ИЗ ВОСТОЧНЫХ БУМАГ ГЕТЕ	369	833
<i>Переводы А. Михайлова</i>		

III

И. Г. Л. Козегартен

[РЕЦЕНЗИЯ

«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»] 492 868

Перевод А. Михайлова

IV

СТИХОТВОРЕНИЯ

«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»
В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ 519 871

*М. А. Дмитриев. Неизвестные поэты.
А. А. Бестужев-Марлинский. Ф. И. Тютчев.
Е. Л. Милькеев. Ф. Б. Миллер. А. Н. Струовщиков.
А. А. Фет. Б. Н. Алмазов. Н. А. Холодковский.
Д. П. Шестаков. В. В. Вересаев. В. Я. Брюсов. М. А. Кузмин.
С. В. Шервинский. Н. Н. Вильмонт. Н. Д. Вольпин.
И. В. Миримский. Б. Н. Лейтин. С. С. Аверинцев.
О. Г. Чухонцев. А. В. Парин.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений	570
<i>И. С. Брагинский. Западно-восточный синтез в «Диване» Гете . . . . .</i>	572
<i>А. В. Михайлов. «Западно-восточный диван» Гете: смысл и форма . . . . .</i>	600
<i>А. В. Михайлов. Поэзия «Западно-восточного дивана» в русских переводах . . . . .</i>	681
Примечания (Сост. <i>А. В. Михайлов</i>)	
Список иллюстраций	879
Указатель имен (Сост. <i>А. В. Михайлов</i>)	880

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ
ГЕТЕ
ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ
ДИВАН

*Утверждено к печати
редколлекцией
серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР*

*Редактор издательства
О. К. Логинова
Художник
Б. И. Астафьев
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Технический редактор
Н. П. Кузнецова
Корректоры
Е. Н. Белоусова, В. А. Бобров*

ИБ № 32086

Сдано в набор 22.07.86.

Подписано к печати 22.06.87.

Формат 70×90¹/₃₂.

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура академическая

Печать высокая.

Усл. печ. л. 32,9. Усл. кр. отт. 34,1

Уч. изд. л. 40,3

Тираж 50 000 экз. (2-й завод 30 001

50 000 экз.). Цена 7 руб.

Тип. зак. 659.

Ордена Грудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

Ордена Грудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-24, 9 линия, 12

26

GOETHE

9C

WEST-
ÖSTLICHER
DIVAN